ПАСХАЛЬНАЯ
ПАМЯТЬ

ПАСХАЛЬНАЯ ПАМЯТЬ

Воспоминания об иеромонахе Владимире (Шикине)

Автор-составитель
Ерофеева Елена Владимировна

Издание четвертое, исправленное и дополненное

ООО «Издательская группа «Фавор XXI»

2005

По благословению Преосвященного
ВЕНИАМИНА,
епископа Владивостокского и Приморского

Текст публикуется
в авторской редакции

Автор просит благочестивых читателей помянуть в своих святых молитвах людей, самоотверженным трудом которых увидела свет эта книга:

Ольгу
Елену
Марию
Людмилу
Татьяну

ISBN 5-98705-002-2

КРАТКАЯ БИОГРАФИЯ

Иеромонах Владимир – Шикин Владимир Николаевич родился 25 июня 1947 года в селе Нижняя Ярославка Тамбовской области, в семье учителей. После средней школы поступил в Воронежский монтажный техникум, по окончании его – в Московский государственный университет на факультет журналистики.

В годы учебы увлекался изучением зарубежных и русских философов, дипломную работу писал по творчеству Ф.М. Достоевского.

По окончании университета являлся сотрудником газеты «Труд» и других периодических изданий, но через некоторое время бросил журналистскую деятельность и устроился работать дворником на московской улице Сретенка. Здесь в одном из домов, на первом этаже, в его маленькой комнате собиралась одаренная творческая молодежь Москвы. В это время он много писал, хотя рассказы и роман ложились «в стол». По метафоричности и образности языка его проза была близка стилю Андрея Платонова.

Постепенно он приходит к осознанию Православия как единственно возможного истинного вероисповедания. И уезжает от московской суеты на родину, где два года преподает в школе историю, литературу, русский язык. Затем возвращается в Москву.

Весной 1984 года он познакомился со своей будущей супругой, известной скрипачкой и преподавательницей Московской консерватории, Ириной Васильевой, в сентябре того же года они поженились. В 1985 году родился сын Арсений, в 1989 – дочь Лидия. В эти годы Владимир был внештатным сотрудником редакции «Советская Энциклопедия» и журнала «Природа и человек», писал статьи по экологии и на религиозные темы.

Весной 1992 года семья переезжает в Дивеево, Владимир трудится над восстановлением храма в селе Большое Череватово и готовится ко священству. 2 мая 1993 года в Свято-Троицком соборе Серафимо-Дивеевского монастыря, в неделю святых жен-мироносиц, его рукополагают в диаконы. 31 октября 1993 года, в день святого Евангелиста Луки, – в Арзамасе в кафедральном соборе Воскресения Христова – в священники и назначают иереем в Дивеевскую обитель. С первых дней своего священства и до последних, он полностью отдает себя служению Богу и людям.

Осенью 1999 года у отца Владимира обнаружили онкологическое заболевание. Лечение и операция не принесли результата. 20 января 2000 года, в храме Рождества Пресвятой Богородицы (Серафимо-Дивеевского монастыря), во второй день Богоявления – в праздник Собора святого Пророка и Предтечи Господня Иоанна – отец Владимир принял монашеский постриг.

Утром 23 марта 2000 года в подмосковном военном госпитале иеромонах Владимир мирно отошел ко Господу.

От редакции

ВСТУПЛЕНИЕ

Склоняюсь перед памятью незабвенного батюшки, вспоминаю строки: «*Дар покаяния мне дороже и вожделеннее сокровищ всего мира. Очищенный покаянием да узрю волю Твою непорочную, путь к Тебе непогрешительный и да возвещу о них братии моей! Вы, искренние друзья мои, связанные со мною узами дружбы о Господе, не посетуйте на меня, не поскорбите о моем отшествии. Отхожу телом, чтоб приблизиться духом; по-видимому, теряюсь для вас, по сущности вы приобретаете меня*»*.

Быть может, эти слова пришли на память потому, что вокруг так много безутешных, плачущих на батюшкиной могиле, тоскующих без его сиюминутной отзывчивости, ощутительной поддержки – словом, делом, действенной молитвой. Но не может уйти в небытие тот, кто так любил Христа, и преданно, как можно любить только ради Него, – всякого человека. И служил, помня редко исполняемую заповедь, каждому, как верный слуга: «*...кто из вас больше, будь как меньший, и начальствующий, как служащий...* (ведь) *Я посреди вас, как служащий*», – говорит Господь (Лк., 22, 26-27). Не может быть лишен духовного слышания тот, кто отзывался на чужую боль, вблизи и на расстоянии, без рассказов о ней. Священник, для которого покаяние с молитвой были первым деланием жизни. Из наших твердокаменных сердец он изводил источники «воды живой» – слезы о своих грехах. Для многих – это большее чудо, чем явление вещественных источников из реальных камней. Для Бога нет ничего дороже в нас, чем нелицемерное покаяние. Недаром в современном христианине оно редкость. Во все времена молитва, совершаемая без пока-

---

* Святитель Игнатий Брянчанинов. Аскетические опыты. Т.1. Плач мой. Правило веры. Москва, 1993

янного чувства, подвергалась сомнению. Покаяние обучит всякой добродетели. Одухотворит рассуждение, которое без него может стать рассудочностью.

Отец Владимир относился к числу священников, отдающих главное время и силы основе нашего спасения – покаянию людей. Всенародное покаяние, по сей день не осуществленное, – единая и последняя надежда для продления жизни России. Он касался глубинных струн сердечных, оживлял бесчувственную совесть, реанимировал души. Начинал плакать о попранном образе Божием, прежде чем стоящий перед Крестом и Евангелием становился способным действительно предстать перед ними – увидеть грехи свои. И через минуту или сразу же – начинал плакать сам исповедующийся. Потому что истинная скорбь о грехах чужих, дарованная зрением своих, – чудотворная сила, передающаяся во мгновение, как пламя одной свечи – другой.

Этот человек, возвращавший ежедневно к жизни никем, кроме Бога, не сосчитанные, сотни и сотни людей, нередко способных плыть уже только по течению*, – не только жив, но жив особенным, цельбоносным для нашего времени образом. Ибо о нас сказано: ***«И, по причине умножения беззакония, во многих охладеет любовь»*** (Мф.24,12). *«Где мала любовь, там мала и вера в Бога и в бессмертие души.* ***Где нет любви, там полный мрак неверия, а это значит – ад»*** (Святитель Иустин Попович). Прежде чем завершить сатанинский проект по уничтожению Православия на земле, нужно затянуть душу народа ледяной корой бессердечия, чтобы лишить нас главных черт, присущих России и русским: способности сострадать – болеть чужой болью, радоваться не только своей радостью, любить, забывая себя, разлюбив себя. Батюшка не только сам приобрел эти Небесные черты, он дарил стремление к их обретению другим людям, возвращая тепло-хладным христианам видение их порочного, внешнего благочестия. Он созидал из них воинов Христовых, любящих убиенного Царя и свое Отечество, нетерпимых к ересям явным и тайным, готовых

---

* «Признак живой рыбы то, что она плывет против течения...» Отечник.

биться за свою подлинность: за жизнь души и духа в себе и ближних в беспощадной войне с гордостью, самолюбием, самоутверждением, нечистотой, всяческой ложью, начиная с оправдания себя, духовной атрофией, чувством самодостаточности... – всеми бесчисленными видами грехов, погружаясь в смрадные, тинные воды, в которых, мы теряем все дары Божии, начиная с радости. Забываем свое предназначение: воздавать, пусть немощною любовью, – за всеобъемлющую, бесконечно снисходящую, без числа прощающую Любовь Божию – единую заповедь, на которой созиждется весь Закон и пророки.

Воистину было расширено сердце этого человека, способное вместить и понести неудобоносимое. Так естественно стремление иметь отдых, уединение, отстраненную от шквала чужих бед жизнь. Но у батюшки, кажется, этого не было. Подобно старцу Алексию Мечеву, который, имея семью, держал двери дома незапертыми, считая, что духовный отец днем и ночью должен быть доступен для духовных детей, как для своих собственных.

За полтора года до конца жизни отца Владимира в его доме единовременно замироточило около сорока, или больше – их никто не считал – икон и фотографий. Запомнила дату: день Владимирской иконы Божией Матери. Среди них многочисленные портреты подвижников нашего времени.

Помню, как батюшка двигался в своей молельне, смиренный, бесшумный, под взглядами живых духоносных старцев, столь близких ему, которые вместе с Царицей Небесной, Господом и Преподобным Серафимом были здесь главными хозяевами. С благоговейным страхом смотрела на мокрый след от скатившейся капли на лике архимандрита Сергия (Сребрянского), духовника Марфо-Мариинской Обители Милосердия: на черно-белом снимке глубоко чтимого отцом Владимиром святого, как у живого человека, глаз наполнялся новой слезой. В эти минуты батюшка тихо, с большой духовной силой произнес, не отрывая взора от другого портрета, на котором также было рассеяно несколько крупных капель: *«Мой любимый пастырь – отец Алексий Мечев. Когда я еще не предполагал*

стать иереем, думал: ***«Если быть священником – нужно быть таким священником»***. Незабываемо ощущение Неба, склонившегося над этой кельей, кротко и пристально внимающего всему, что здесь происходит. Душа чувствовала непривычную робость, выбирала слова, боялась произнести что-нибудь неверное, недостойное той невыразимо чуткой тишины, которая наполняла – явную для этих скорбящих старцев и сокровенную для нас – тайную жизнь этой малой обители.

И на смертном одре, по свидетельству матушки Ирины, отец Владимир о всех беспокоился, скорбел, молился, продолжая до конца с глубокой отдачей участвовать в жизни своих духовных детей. Многие справедливо негодовали: почему не прекращают пускать людей к батюшке, ведь он при смерти? Но исполняли требование отца Владимира. Все это почти невероятно, так как несколько последних месяцев он питался считанными глотками сока в день. Физические силы были истощены, недостаточно сказать: до предела. Завершающий период его жизни – явление вышеестественное.

Тогда, в первые месяцы возвращения батюшки на единственную и подлинную нашу Родину, мы приобретали его заново: с новым чувством покаяния за многие наши вины перед ним и новой благодарностью. Постоянно замечаем его ежедневную заботу с тех далеких, недосягаемых Небес, которые он приблизил к нам своей жизнью, смертью… Жизнью по смерти.

Низкий поклон Тебе, Господи, за то, что батюшка был, есть, будет всегда – с нами. Безмерно благодарим, ибо успением Ты сделал его приобретением, достоянием всех.

«ПУСТЬ ОБО МНЕ НИКТО НЕ ПЛАЧЕТ»

Эта книга началась с перехода отца Владимира в Жизнь Вечную.

Девятый день по кончине отца Владимира. После длинной панихиды в храме и литии на могиле часть людей сидят за столами, стоящими в три ряда, непоместившиеся и без конца прибывающие переполняют прихожую и двор. В трапезную входит раба Божия Валентина, семидесяти восьми лет, духовная дочь отца Владимира, и матушка Ирина при ее появлении возвышает голос: «Матушка! Расскажите нам немедленно, как вы видели Государя». В ответ: «Пришла тебе рассказать свой сон про отца Владимира!» – «Нет, нет, матушка, сначала, как вам явились Государь с Государыней!»

«Три года назад я переехала в Майовку и купила себе хибару – так она холодна до невозможности, уж так соломкой затыкала, затыкала, да птицы вытаскивают солому-то. И вот у всех завалинки, как у людей (чаще всего – это земляная насыпь, обитая досками, утепляющая нижнюю часть дома), а у меня-то нету. Прохолодала одну зиму, уж другая катит в глаза, а никого не могу дозваться, чтобы опилок-то привезли. Хожу клянчу: и этот с машиной на краю деревни, и те могли бы, но никто, день за днем, месяц за месяцем – никто... Однажды окончила свою Псалтирь. Книги-то у меня старинные, родовые – вековые, может быть, еще от прабабушки перешли. У нас-то семья: все по церквам и для Церкви. Сама всю жизнь облачения шила и камилавки для священников-то. Книги – одно богатство...» Понимаю из ее рассказа, что она стоит на коленях перед своим святым углом у стола в иконах и книгах и привычно до рассвета молится.

«Окончила свое правило, и душу мне перехватило, взмолилась: «**Государь-Батюшка, Ты здесь – Хозяин!**» Я

смотрела на ее лицо, удивляясь тому, как только что простое, оно вдруг стало значительным, сильным. Со следующими словами, казалось, душа ее сейчас вырвется навстречу святому, к Которому она обращалась. В глазах полыхало что-то большее, чем слезы. «**Очисти нашу землю от всякия скверны!..**» «Вот, как молятся, чтобы быть услышанными», – пораженно думала я, опуская глаза. «Милосердный наш, прости меня, окаянную, ты так помог сербской вдове... (Памятная история, когда Государь на слезы матери, которая все мучалась, погиб ли ее сын, год никаких вестей, явился ей и сказал: «Он – жив»). Это ты вывел ее сына из окружения!.. Снизойди к моей малости, умилосердися над опилками моими», – и в слезы. Плачу, головой уткнулась в коленки, и вдруг меня будто под руку толкнули: вскинулась, а Они передо мной стоят – Царь с Царицей. У Государя белый китель в орденах – красота несказанная. Государыня в белоснежном платье, корона на голове сверкает, и прямо передо мной подол-то расшитый, в глазах эта вышивка по краю платья. Сколько, не помню, на них глядела – и исчезли...

К семи утра я в храм – без храма не могу. Возвращаюсь во второй половине дня: ну!.. у меня полдвора опилками засыпано! Прослезилась: «Государь-Батюшка! Дня не прошло, а ты меня уже вспомнил!» Бегу к соседке: «Нина! Твой Володька привез опилки?» – «Нет. Чего не было, того не было – не он». К другим... Наконец, нашлась одна, указала: «Вот эти привезли, завтра в семь утра у тебя будут».

Приходят. «Соколики мои, да как же вы меня вспомнили?» – «Везли на ферму-то опилки, вдруг в голову мысль, что ты полгода нам пороги обиваешь, решили к тебе заехать, да и ссыпали». Время прошло, так и стоят Государи мои – перед глазами...

Пришла-то рассказать тебе, как отца Владимира видела. Помнишь, матушка, ты мне сотню дала? На твою-то сотню я купила четыре бутылки соевого масла – больно хорошо горит, и отдала своим, чтобы жгли лампадки да читали свою Псалтирь, Серафиму и Владычице, что полагается. И обязательно ко всему приложили акафист

Государю – за здравие отца Владимира. И вот они у меня, голубки, день за днем исполняют.

В ту ночь читаю, уже ближе к утру, о батюшке вообще без слез молиться не могу. К рассвету заснула, уткнулась в книжки-то. (Она рассказывает так живо, что не поняла: во сне или наяву дальнейшее происходит). Вдруг вскидываю голову, а батюшка так добро ко мне наклонился, улыбается. Всплеснула руками: «Батюшка! Я тебя не узнала». А он: «Узнаешь...» И стал удаляться, отходит лицом ко мне и кланяется: благодарит. Отступит и снова кланяется. В монашеском одеянии, так дошел до двери и исчез... Схватилась и этим же утром бегу сюда, к батюшке-то домой. А мне говорят: «Они в Москву уехали».

Этот сон-явь Валентина увидела в первую ночь после смерти отца Владимира. Благодарной душой, батюшка, во-первых, утешил тех, кто подлинно любил его, всем сердцем молился.

Матушка сидела рядом за поминальным столом, и мы вполголоса разговаривали. «Таких на наш век мало пришлось, да вряд ли и будет – больно милостив... не мог терпеть чужой боли. У меня без конца давление, голова-то раскалывается. И никогда мимо не пройдет. Застопорится на бегу, без вопроса обхватит правой рукой голову. Отпустит, улыбнется, кивнет – побежал. Стою, не сразу опомнюсь: а голова – отошла. Теперь некому-то слова сказать... И головушка гудит... Какой батюшка! Любил Пасху, и 40 дней – на Пасху, на второй день. На первый-то не каждый от прихода уедет, много детей – священники и других, при церкви работают. Любил Царя, Сам Царь на день Ангела его посетил. Любил мучеников, особенно новым сугубо молился, – сам стал мучеником...» – светлые глаза матушки увлажнились и сияли благодарной памятью. Изможденное лицо напоминало о России, которой уже нет с нами – и которая все-таки есть... «Пойду к матушке В. Она мне сухари Преподобного да крошки от них дает, водой развести, лучшего не надо. Меня тут без конца грабят, на днях последние полтора мешка картошки унесли. Поплакала, да что уж делать? Что картошка-то: книги святые воруют! Все одно, дома сиднем не сидеть, коли жива, надо в цер-

ковь... Теперь уж стала Библию с собой носить да главные святыни», – она отвернула край белоснежного ситцевого платка и показала тяжелый том своего сокровища. «На, приложись», – и я поцеловала стопочку Почаевской Божией Матери на атласных узорах плата, отделанного золотой тесьмой. Святыня тут же пошла по рядам, сидящих за тремя столами. «Да, батюшка, – помолчала она, возвращая свою святую ношу в черную заношенную котомку, – человека не пропускал: пожалеть. Все отдал для «малых сих». Потому и Господь – все ему даст. Скажет: как ты для Моих-то детей себя не щадил, а Я тебе дам больше... Слово Божие необманное, все Он о нас помнит, не только дело – мысль каждую нашу добрую сохраняет: *«Так как вы сделали это одному из сих братьев Моих меньших, то сделали Мне»*. Глядя в это простое, дышащее детским доверием лицо, думала: сколько их у нас, неведомых подвижников, безыскусной молитвой которых держимся? Помяни, Господи, во Царствии Твоем рабу Твою и подай ей утешение, не только то будущее, всещедрое, но сейчас, здесь – утеши, поддержи. Мы похристосовались с матушкой на прощанье, по обычаю отца Владимира, хотя длилось время Великого поста: ведь у батюшки пасхальное приветствие не сходило с уст круглый год.

Прихожанка московского храма, раба Божия Ольга, все время болезни отца Владимира переживала о нем и едва ли не каждый день с сердечной болью спрашивала: «Как состояние батюшки? Нет ли новых вестей?», – рассказала свой неожиданный сон. «Приоткрываю дверь, за ней ослепительная комната. Столько света! В белоснежном священническом одеянии сидит батюшка, светлый, живой, такие яркие глаза, и что-то говорит, говорит. С изумлением думаю: «Батюшку ведь постригли, почему же он в белых ризах, а не в черных, монашеских». Он улыбается, отвечает мне, и чувствую: это все для моей души, очень мне нужно. Но ничего не запомнила. Прикрываю дверь, ухожу... смотрю, а я вся в черном, до пят. (Так она никогда здесь не ходит). Думаю: удивительно! В каком белоснежном батюшка!» Мы ей говорим: «Отец Владимир умер вчера в восемь утра».

Послушница Дивеевского монастыря Галина: «В ночь перед батюшкиной смертью дежурила в Троицком соборе. Устала после всех дел, прилегла. И снится мне отец Владимир. Как будто идет служба. Батюшка служит, а потом начинает говорить вдохновенную проповедь. С возвышенной солеи, значительно выше обычного – на уровне человеческих плеч. Батюшка высоко над нами, лицо не изможденное болезнью, а – светлое, прекрасное, и дивная проповедь. Проснулась, так жалко, ни слова не помню. Глаза открыла, думаю: «Что бы это значило? Еще минутку подремлю». И во сне вдруг отчетливый голос: «Он уже не ваш!» Очнулась, утро. Неужели батюшка умер?! Отгоняю помысел, вспоминаю, с каким светлым лицом батюшка проповедовал. С утра все же стала спрашивать: нет ли вестей об отце Владимире? Никто ничего не отвечает. Люди не знали, что матушка с батюшкой в Москву уехали. И только днем распространилась весть: батюшка ушел от нас в лучший мир».

После похорон отца сын батюшки Арсений видит во сне: «Выкапывают из земли гроб, поднимают, а он весь чистенький, золотой, никаких следов грязи. Несут его торжественно в Троицкий собор. А я забегаю по крутой лестнице выше и заглядываю, чтобы увидеть папу. Крышки на гробе уже нет. И вижу, он начинает шевелиться. Он – живой! Я всех толкаю, чтобы другие заметили: он совсем не мертвый! Но никто не обращает на это внимания. Никто. И я просыпаюсь».

В другом сне отец Владимир просит сына принести альбом с фотографиями. Рассматривает страницу за страницей, так светло улыбается: «Какая красота!» На свое отпевание смотрит, похороны, как несут его гроб к выкопанной могиле, и радуется: «Какая красота!»

Две насельницы Серафимо-Дивеевского монастыря сразу же после смерти отца Владимира видели сны похожего содержания. Один из них:

«Стою в храме, смотрю на гроб. Как полагается монаху и священнику, лицо отца Владимира закрыто. И больно, что не могу глянуть в этот лик в последний раз. Так хочется увидеть батюшку, проститься. Иду просить на это

благословение. С трепетом подхожу ко гробу. Перекрестилась, поклонилась, осторожно поднимаю покров: отец Владимир с закрытыми глазами... открывает их, яркие, живые, и произносит: *«Передай всем:* ***пусть обо мне никто не плачет – мне очень хорошо****»*.

Вспоминает сторож московского храма: «На третий день батюшкиной смерти было мое первое дежурство. И напал на меня необыкновенный страх. А кто-то сказал, что отпевать отца Владимира будут у нас. Начала разговаривать с ним, хотя первый раз в жизни видела батюшку на молебне перед Царской иконой несколько дней назад: «Отец Владимир, если бы сюда на ночь Вас привезли, было бы не так страшно...» И не заметила, как уже отчаянно молюсь: «Батюшка, защити меня от этого ужаса!» Вдруг все отступило. Тишина, покой, будто и не было ничего.

На девятый день отца Владимира опять выпало мое дежурство. Провожаю последних прихожан. Уже трое осталось, двое... И снова приближается ко мне этот безотчетный, неуправляемый страх. Последняя прихожанка вдруг поворачивается ко мне, улыбается и протягивает просфору: «Это вам из Дивеева, от отца Владимира». Я была поражена. Взяла просфору. Заперла за незнакомой женщиной дверь. А от страха – никакого следа. Исцелил меня батюшка от наваждения, надеюсь, на всю жизнь».

Сон послушницы Дивеевского монастыря М.: «Вижу наш храм Троицкий, но такой прекрасный, уходящий ввысь, наверное, Небесный Троицкий собор. Раскрыты Царские врата. Отец Владимир стоит на солее перед ними – я сбоку, издали на него гляжу – и вдохновенным гласом читает акафист Серафиму Саровскому».

Сороковой день батюшки

Сороковой день по кончине отца Владимира пришелся на второй день Пасхи 2000 года.

Не забуду, как мы приехали на сорок дней к батюшке первого мая. В Москве перед этим было необыкновенно тепло, температура доходила до тридцати градусов, в Дивеево сразу же резко холодно. А мы по-летнему, налегке,

и холод такой, что снег хлопьями, и тяжелая ночная дорога.

Проспали, и только к одиннадцати утра торопимся на могилку. Там никого нет, панихида кончилась. С батюшкой похристосовались, постояли, быстро продрогли и побежали к мощам Преподобного Серафима. Из храма выходим, а навстречу – вьюга, ветер. Бежим мимо могилочки, зуб на зуб не попадает, не в силах у дорогой святыни задержаться, и кричу издали: «Батюшка, родненький, помолись за Л., чтобы он не простудился». Просьба непраздная, потому что в последний приезд в Дивеево он без серьезной причины сразу же заболел гриппом и долго лежал с температурой тридцать девять, а тут реальный повод для простуды. Буквально через три шага после этих слов чувствую, что освобождаюсь от мучительного оцепенения, непроизвольно расслабляюсь и начинаю согреваться. Еще через два шага говорю Л.: «Тебе не кажется, что потеплело?» Он с недоумением: «Да, что-то такое происходит». Еще минута: хлопья перестают падать, ветер утихает, все успокаивается. Нежданная блаженная перемена. Идем, светло недоумевая, нас ведь только что трясло от холода. И так спокойно, утешительно дошли до дома батюшки, присоединились к поминавшим. После трапезы матушка нас вещественно утеплила. Так отец Владимир встретил нас столь свойственным ему вниманием сердечным.

Перед отъездом мы любовались фотографиями батюшки, облаченного то в скуфью, поручи и епитрахиль, то в мантию или пальто Преподобного Серафима. И дерзновенно просила: «Батюшка, помоги, так хочется приложиться к этим святыням!» А они недоступны, лежат на втором этаже Троицкого собора, куда можно пройти только по особому разрешению. На второй день по приезде, после всенощной, к нам неожиданно обращается благочинная: «Приглашаю вас через час в храм Рождества Божией Матери, приложиться к вещам Преподобного». Мы были поражены: «Батюшка, это только твоими молитвами. Никто никогда нас здесь не останавливал и такими милостями не одаривал!»

На могиле отца Владимира лежали стихи, которые нам очень понравились. Тетрадь, на ней камешек и надпись:

«Не уносить!» Прочли и думаем: «Как хочется иметь, а переписывать очень длинно». Еще через день стоим у батюшкиного креста. Уезжала из Москвы, многие просили: «Ты от меня поклонись отцу Владимиру, это передай, попроси, не забудь...» – но понимала, что еду с просьбами еще большего количества людей. И вот стою, кланяюсь, «Христос Воскресе» отцу Владимиру пою и про всех ему рассказываю. Какая-то женщина, стоявшая поодаль, смотрит на нас и неожиданно спрашивает: «А у вас есть стихи, которые лежат на могиле?» – «Да, – говорю, – очень хочется иметь. У нас их нет!» – «А я вам сейчас подарю». И по сей день батюшка все нужные встречи стремительно совершает, связывает нужных друг другу людей.

Об этих стихах мне рассказали необыкновенную историю. Монахиня С. из Боголюбовского монастыря, человек нам давно известный и достопочтенный, приближенный к архимандриту Петру, прислала письмо алтарнику московского храма, где рассказывала, как ездила на девять дней отца Владимира в Дивеево. Батюшку она очень любит, помню ее в толпе вокруг дорогой могилы на этот девятый день. Оказывается, перед тем как уезжать, она подходила сюда в последний раз. Вдруг ее внимание привлек ворон, который, совершая плавные «круги почета», приближался к земле. Он держал что-то белое. К вящему недоумению матушки, птица села на свежий холмик и, выпустив из клюва белый лист, взмыла в небо. Перекрестившись, она осенила машинописный текст крестным знамением, прежде чем взять в руки. Перед ней были строки, посвященные памяти отца Владимира. Единственное понятное объяснение: кто-то унес понравившееся стихотворение домой, невзирая на просьбу – видимо, исполняя Божие послушание, птица его вернула на место. Вспомнила другие примеры подобного служения пернатых: в XX-ом веке – преподобному Кукше Одесскому, в период его заключения в концлагере.

Памяти духовного отца (†23.03.2000)

Как быстро скрылось солнце красное,
Родник живой воды иссяк,
Но сердце доброе, прекрасное

Жизнь обрело на Небесах.
Весной природа оживится
С уходом матушки-зимы,
Все вновь на круги возвратится,
И не вернешься только ты.

С земли последние уходят,
Добро способные творить...
Как в этом мире лжи и злобы
Нам без тебя на свете жить?
В чужих чертах тебя впустую
Мы взглядом жаждем отыскать,
Походку быструю, живую,
И милый голос услыхать.

В печали боли безутешной
Осталось сердцу лишь мечтать:
В нужде и горе ты поспешно,
Как прежде, выйдешь нас встречать.
Кому-то путь укажешь к Богу,
Слезу отчаянья сотрешь,
Развеешь скорбь, беду, тревогу
И на себя болезнь возьмешь...

Теперь другой стоит священник
Там, где часами ты стоял,
Где ты, наш мученик-плачевник,
Себя для ближних распинал.
При жизни должным и привычным
Казался пастырский надлом,
Труд титанический – обычным
Служебным делом, ремеслом.

А ты грехи больных и темных
Чрез сердце пропускал свое,
И этой ношей неподъемной
Здоровье подкосил свое...
Ты ради нас сгорел, истаял,
Для Бога жертвою ты стал,
Пример живой Любви оставил,
Жить по-евангельски позвал:
Переносить клеветы, злобу

И образ Божий не терять,
И в Царство Вышнее дорогу
На суету не променять.
Тебя завистники чернили
Все экстрасенсом, колдуном.
Теперь пусть совесть до могилы
Изобличает бедных в том.

А мы тебя как изводили
Своею ревностью пустой...
Как мало мы тебя любили,
Прости нас, батюшка родной.
За Сербию болел душою –
Тебя снедали боль и грусть.
Всю жизнь Царя с Его Семьею
Молил спасти Святую Русь.

Твоя Любовь не знала меры,
Границ не знала и конца.
Подай твои – Любовь и веру,
чтоб вместе прославлять Творца.
Отца духовного другого
Себе искать не будем мы.
И светлой памяти до гроба,
Навек останемся верны.

Ты на могилку, как к живому,
К себе ходить благослови.
И все вопросы и сомненья
Мольбой небесной разреши.
Нам, чадам, всех грехов прощенье
Ты каждодневно посылай,
Крестом могильным исцеленья
Душе и телу подавай.

Как стаю птиц, Бог неразлучно
С тобою вместе нас связал,
Чтоб к Небу путь в ненастных тучах
Ты нам управить помогал.
Твой Ангел возвестил спасенье:
В пречистый мир восходишь ты,
И отразили восхищенье
Твои смиренные черты.

Смерть, хоть хотела, не коснулась
Чела и теплых рук в гробу.
Душа в родимый дом вернулась,
Послушна Богу одному.
В мороз и сумрак хоронили,
Но день вдруг солнцем просиял.
Прекрасный голубь до могилы
Твой светлый путь сопровождал.

И потому печаль и радость
Всегда соседствуют в сердцах:
Ведь дни разлуки бренной – малость –
Нас встреча ждет на Небесах!
Ты там в лучах Любви и Света,
В теченье радостных минут...
Но есть печальная планета,
Где люди – любят, помнят, ждут.

Рожден ползти – летать не может,
Нам недоступна благодать.
Мы так слепы, грешны и все же
Тобой дерзаем Небо звать.

В покой Твой, Боже Милосердный,
Введи отца, чтоб вечно жил.
Он дар Любви стяжал бесценный,
За ближних душу положил.

От духовных чад
на девятый день – батюшке

Один из примечательных снов: матушка иерея Б., ставшего священником по благословению отца Владимира, увидела во сне недавно ушедшего батюшку. Он был в красном пасхальном облачении, необыкновенной красоты митра или корона сияла рубинами. «Я по-детски, и всегда рядом с ним чувствовала себя, как перед отцом, потянулась рукой, почти коснулась этой митры: «Батюшка, а почему алый цвет? Это мученичество означает, да?» Отец Владимир едва заметно улыбнулся и ответил: «Да, это означает мученичество».

За поминальным столом многие люди не могли сдержать слез, благодарили батюшку за Божьи милостыни,

которыми Господь одарил их его руками. Одна раба Божия обратилась к матушке отца Владимира: «Вы об этом не знаете, я вам не рассказывала при жизни батюшки. Знают об этом только Господь Бог, отец Владимир и мы с дочерью. Сейчас, на сороковой день после его смерти, не могу об этом умолчать.

Батюшка приснился мне в первый раз, когда я еще в Дивееве ни разу не была, отца Владимира не знала и ничего о нем не слышала. У меня случилось страшное несчастье: шестнадцатилетняя дочь перестала ходить. Мы всех врачей, огонь и воду прошли, никто ничего не обещает, посылают от одного врача к другому. Это было настолько страшно, это была трагедия, я слез не осушала. И вдруг снится мне неизвестный священник, еще и распатланный такой (батюшка был очень быстрый, почти все делал на бегу, и волосы нередко развевались во все стороны), который, как мне кажется, буквально нападает на дочь, хватает ее за голову, начинает трясти, кулачком бьет по позвоночнику. Я кричу: «Что вы делаете?! Вы же ее убьете!» Он на меня строго посмотрел: «Отойдите от меня, не мешайте», – и продолжает. Проснулась под неприятным впечатлением, ничего не поняла.

Едва ли не на другой день какие-то знакомые говорят: «Поезжай в Дивеево, место цельбоносное, там Преподобный Серафим, источники». Потом от других почти то же самое. В жизни о Дивееве не думала, и вдруг – просто зазывают. А про отца Владимира, повторяю, никто, ниоткуда. И вот мы решились, приезжаем. Обращаюсь к одному священнику, другому: может быть, можно молебен о здравии отслужить, на источник пойти, как-то помочь моей дочери?.. Отвечают: молитесь Преподобному Серафиму – и все. (Девочка сидит рядом с матерью с кроткими светлыми глазами, какие можно встретить только в православных русских монастырях). Мы и на источники ездили, окунали ее – ничего не помогает. Собираемся домой. И уже в день отъезда поделилась своим горем с одной монастырской служащей. Она: «Сейчас я подведу тебя к батюшке, который, может быть, тебе и поможет».

Подходим к толпе, священника за нею не видно. Мы

держим дочь, чтобы она хотя бы вертикально стояла. И только от батюшки отошел очередной исповедник, сторож храма ему говорит: «Здесь девочка, которая перестала ходить, посмотрите, пожалуйста». Отец Владимир повернулся к нам стремительно. И дальше происходит невероятное. Люди перед ним расступаются, он быстро подходит к моей дочери. И повторяется все, что я видела во сне. Он начинает ее бить кулачком по позвоночнику, сжимает голову, трясет за плечики. Как тогда во сне, кричу: «Вы что делаете? Вы же ее убьете!» Батюшка поворачивается ко мне и так строго: «Не мешайте мне. Отойдите от меня». Потом положил руки дочери на плечи и говорит мне: «Отпусти ее». Отвечаю, что не могу ее выпустить, она сейчас упадет, она не может стоять самостоятельно. «Я сказал – отпусти!» И дочери: «Сейчас мы пойдем с тобой к святым мощам Батюшки Серафима». Он, кажется, даже опирается на нее, руки держит на плечах, но на самом деле он ее ведет. Толпа смотрит, все понимают, что она не может ходить сама. Так они доковыляли до святых мощей. И оказывается, дочь не может приложиться к святыне, отец Владимир борется с неведомой силой – и таки прижимает ее голову к стеклу раки. И они обратно идут!

А кончилось это тем, что батюшка заставлял ее бегать в Троицком соборе с первого этажа на верхний, множество пролетов – здоровый утомится. Он за ручку ее держит, за пальчики, и они бегут вместе. Мне улыбается: «Ну, что это ты, мамочка, говорила, что твоя дочь не ходит? Посмотри, как она у тебя бегает». Так отец Владимир на моих глазах исцелил мою дочь». А эта девочка сидит тут же, безмолвная, с глазами, которые невозможно забыть. Мы все слушали этот рассказ, но повторить его невозможно. Люди плакали. И мать прерывала свои слова слезами, которые сдерживала, как могла. Все ощущали живое присутствие отца Владимира – здесь и сейчас с нами.

Одна и та же черта повторяется в бесчисленных рассказах: все дела, за которые брался батюшка (а наша внутренняя жизнь идет с вечными затруднениями, запинаниями), все, во что он включался, тут же «становилось на колеса».

Один из рассказов, прозвучавших на сороковой день: «У меня родилась внучка с родовой травмой и такая слабенькая, что даже не решались ее крестить: не дай Бог простудится. Уже у моей дочери требуют, чтобы ребенка на первую прививку везли, а девочка наша – чуть жива. И дочь, хотя едва верующая, говорит: «Нет, пока не крестим, врачам в руки не дам». И мы все в неврастении, не знаем, что делать. Приехала в Дивеево, мы от него на значительном расстоянии, рассказываю ситуацию батюшке. А он: «Привози ее ко мне». – «Батюшка, да мне бы и в голову это не пришло, ведь далеко, ребенок столь болезненный, и подумать страшно о такой дороге». – «Ну, я тебе сказал, а ты как хочешь». С огромным сомнением вернулась домой. Рассказываю все своим.

У меня ведь полон дом неверующих. Дочь только-только порог храма переступила. И тут, представить невозможно: зять не возражает, мой муж – также, на работе всех отпускают, машина немедленно появляется. И все это, как одним небесным мановением... В двенадцать часов ночи мы приходим к коллективному семейному решению – и готовы привезти ребенка к отцу Владимиру.

К трем часам ночи дозваниваемся до Дивеево, договариваемся с батюшкой, и утром мы уже здесь. Совершая эти крестины, отец Владимир сказал: «Когда я погрузил в купель твою внучку в первый раз, она посмотрела на меня так, что я чуть не заплакал...»

Слушая эти слова, вспоминаю фотографии, где батюшка за три недели до смерти – крестит младенца. Он не выглядит ни больным, ни умирающим. Редкой силой духа обладал батюшка, и этот пламень не угасал до конца, лишь все больше разрастался. Столько души проливается на крошечное существо, будто это родственник батюшки, родной ему ребенок. Навсегда останется перед глазами, как умирающий священник крестит новорожденное дитя. «Ныне отпущаеши раба Твоего, Владыко...» – произнес святой праведный Симеон, принимая на руки Божественного Младенца, и воздал хвалу Творцу. Внутреннее благоговение, преклонение перед тайной жизни, перед Самим Христом, сокровенно пребывающим и в этом новорожденном,

созерцание света души непорочной, радость неизреченная – все это памятно в облике крещающего батюшки.

Дар глубоко милующего сердца был дан отцу Владимиру при жизни, еще в большей степени он обладает им теперь. Десятилетняя батюшкина дочь перед экзаменом в музыкальную школу по скрипке приступила к маме в самых расстроенных чувствах: «Папа, при всей своей занятости, находил время и всегда помогал мне делать уроки. Ты, мама, совсем со мною не занимаешься, полностью меня забросила». А бедная мама едва на ногах после всех несметных толп сорокового дня, когда за столы, поставленные в большой трапезной в три ряда, садились в несколько этапов. «Вот у меня, мама, завтра экзамен по сольфеджио, и я получу двойку, вот увидишь!» – и в слезы. У бедной матушки, блестящего музыканта, времени на дочь в этот вечер так и не нашлось.

И в первый раз снится безутешному ребенку папа. И видит она его невзрослым: «Папина бородка, лицо, но он маленький». И он говорит: «Лидусик, что же ты так расстраиваешься? Ну, куда денутся от тебя твои «пять с минусом»?» И они вместе за ручку идут в храм, стоят службу и вдвоем выходят. «Понимаю, что он сейчас исчезнет, обняла его: «Папа, не уходи! Я без тебя не могу, никуда тебя не отпущу!» – и плачу. А он утешает: «Ну, Лидусик, не волнуйся, я буду тебя навещать, а если у тебя будут какие-нибудь трудности, приходи ко мне на могилку и все-все расскажи. Я передам святым, и мы тебе вместе поможем». На следующий день она действительно получила вместо ожидаемого – «пять с минусом».

Вспоминаю этот эпизод и еще раз осознаю: множество людей, от малого до старого, одинаково по-детски надеялись на помощь отца Владимира. Так Господь в наше черствое, убийственное время находит души, через которые Он нас утешает, согревает и поддерживает. И каждый, у кого сердце почувствует батюшку, может вот так же на могилу отца Владимира прийти, или из своего далека его попросить о самом важном, безысходном, самом трудном. Тем более, что в одном сне он сказал духовной дочери:

«Всех, кто обращается ко мне, в каком бы уголке ни был, – всех слышу».

В доме батюшки хранятся бесчисленные благодарные письма. Пишет раба Божия Татьяна из Ступино: «Нашего отца Владимира я видела только один раз, но до гроба буду за него молиться. Я приехала в Дивеево с сыном-шизофреником, и батюшка его два часа исповедовал, несколько раз возил на источник, помогал ему окунуться, что для сына было совсем непросто, а без участия отца Владимира – полностью невозможно. Это при бесконечной загруженности батюшки... Никто никогда в жизни не уделял столько внимания моему больному несчастному сыну».

Письмо из Тольятти

(Одно из писем матушке отца Владимира после его кончины)

«Здравствуйте, дорогая матушка Ирина и ваши детки!

Была сердечно рада получить ваше письмо и фотографии батюшки. Теперь его лик рядом с Царем Николаем II в моем святом углу. С самого первого дня знакомства я всегда за батюшку молилась, да вот, без его согласия - как за духовного отца.

Эта, главная в моей жизни, встреча произошла четыре года назад. В это время я вовсе не была близка к Церкви (спасибо свекрови, что детей моих, хотя уже взросленьких, покрестила). И так за свою жизнь грехами обросла, что начался везде разлад, распад всей нашей семьи. У младшей дочери - диабет, муж, хороший человек, пить стал, дальше - больше. К снохе никак не найду подхода. И на работе без конца придираются (вот ведь гордость-то). В общем, скорбь придавила меня к самой земле. И ко всему прочему тяжело заболел внук. Вот тут-то Господь внушил мне молиться на коленях и со слезами. В это время, видя мое состояние, один знакомый сказал, что группа паломников едет в Дивеево, и позвал меня присоединиться. Согласилась. Приехали мы под утро и попали на самую раннюю службу. Это благоухание в храме и хор Дивеевских

сестер до сих пор в моей душе хранятся неизгладимо. Потом нас собрали на улице ехать на святой источник. Тут из Троицкого собора вышел наш паломник и говорит, что в храме появился такой благодатный батюшка, все к нему стремятся попасть под благословение. А меня в поездке опекала руководитель группы, и она быстро повела меня в храм. Если честно, я и руки-то сложить для благословения как следует не умела. Состояние мое было такое тягостное, что только в пол и смотрела. Поэтому, и подойдя к батюшке, я его не видела, а он своей благословляющей рукой оградил меня Крестом и тихонько сжал мои руки. Подняла глаза и увидела Христову улыбку Из глаз моих хлынули слезы, а внутри забилось: «Дух Святый». За слезами я ничего не видела.

Вечером на службе одна паломница сказала, что отец Владимир, теперь я знала его имя, будет вечером исповедовать. К нему собралось много народа. Всех исповедовать он не смог, потому что храм стали закрывать. Вот тут-то я и увидела Лидочку, которая за рясу его дергала и говорила: «Тебе еще Евангелие читать». Но батюшка был весь на службе у людей. К нему подходили за благословением и со своими многочисленными вопросами. Батюшка никому не отказывал, и такую от него любовь и утешение люди получали: нельзя было не видеть. У многих сразу бежали слезы из глаз. Внутри меня все говорило, что я должна исповедаться отцу Владимиру, иначе эта греховная тяжесть меня задавит. Только успела взять благословение, и он вдруг сказал, чтобы завтра я к нему подошла первой.

Рано утром мы были в храме. Народу без числа - воскресенье! Готовились исповедовать три священника. К батюшке Владимиру - просто толпа народа. Сначала была общая исповедь, сам батюшка на коленях так усердно о нас всех молился, что у меня опять слезы бежали и бежали. Потом началась исповедь индивидуальная. Пробиться к отцу Владимиру было невозможно, но

он не забыл меня, сам пригласил первой И началась моя исповедь. Не передать состояния в этот момент. Исповедовалась любящему отцу. Батюшка мне помогал и тут же делал наставления. Поведение его совершенно необычное, он мог и пошутить, и так к месту, что полностью раскрывал душу, укреплял и вселял радость. Батюшка окончательно сразил меня, когда сам назвал мне грех, который только после этого у меня и всплыл в памяти. На мою попытку возразить, с юмором произнес: «Что ты, я ведь не прокурор». Тут я поняла, что отец Владимир обо мне больше меня знает. Исповедь закончилась, я уже сделала два шага от аналоя, вдруг батюшка меня за руку поймал, повернул лицом к стоящим: «Вот, братья и сестры, а сестра Наталия у нас венчается». Так он мне внушил, что это самое первое и главное. У меня опять хлынули слезы, но уже какие-то радостные, облегченные.

После причастия мы уехали, и я вернулась домой другим человеком. Как будто расширились горизонты моей души, и в ней поселилась радость.

После его смерти я все больше осознаю, насколько батюшка не жалел себя для нас. А какие мы к нему приходили? Стопудовые горы несли и с себя на него их взваливали.

Дома я решила, что мой муж обязательно с батюшкой должен встретиться. Уговорила его дочку в Дивеево повести. Ради нее он поехал. Искупали мы ее в источнике матушки Александры. Ей стало очень плохо: она кричала, потом слегла. Два дня в гостинице лежала, плакала. Одна монахиня мне сказала: «У нас здесь есть священник Владимир, он отчитывает от злых духов». Но к батюшке тогда постеснялась обратиться. Мы увезли дочь домой, но я ему все рассказала в письме. И батюшка мне быстро ответил, объяснил, что нужно делать для дочери. Пользуясь батюшкиными наставлениями, привела я Катю в чувство, с тех пор у нее голова перестала болеть, и духовное самочувствие

улучшилось. Это его трудами, хотя и заочными. Много искушений и скорбей пришлось испытать, пока, с Божьей помощью и батюшкиными молитвами, стало все вокруг нас восстанавливаться: мир духовный и даже материальное благополучие. С мужем обвенчались, квартиру освятили, муж стал иконы покупать, старается всем помочь. На все есть воля Божья, теперь это понимаю.

Последняя моя встреча с отцом Владимиром тоже была удивительной. День был будний, народу в храме немного, началась всенощная. Встала у раки Батюшки Серафима. Из боковых дверей алтаря своей стремительной походкой вышел отец Владимир. С какой любовью он каждого приветствовал. Подошла под благословение, сказала, что хочу исповедаться. Он отослал меня к иконам помолиться: «Послушаю, как ты просишь Господа». Пошла, помолилась, как могла, и так мне радостно стало. Вернулась: «Сделала, как Вы сказали». - «И что?» - «Радостно стало!» Он тоже так светло заулыбался, видишь, мол, что молитва может: «Ну, Наталья, Христос Воскресе!» Потом я исповедалась, и батюшка делал мне наставления. В большой радости побежала в гостиницу, мужа разбудила, вернулись в храм, но его уже не было. Только поклон мужу от отца Владимира достался.

Последний раз при жизни батюшки я была в Дивееве 9 марта 2000 года. Не знала, что он так тяжело болен, надеялась увидеть в храме. Но его нигде не было. Было грустно. Удивительно, внутренний голос настойчиво внушал, что нужно подойти к любой монахине и спросить: «А служит ли отец Владимир?» Еще удивлялась готовой фразе. Но не подошла и со своей грустью уехала. На самом деле, это моя душа предчувствовала батюшкино состояние.

Только в августе близкая духовная сестра, вернувшись с паломниками из Дивеева, сказала, что батюшка Владимир умер и похоронен рядом с блаженными.

Подробностей она не знала и на могиле не была. Вот я тут ясно поняла: нельзя ничего отложить на «потом». Все нужно делать, как сердце велит. Так и не попросилась к отцу в духовные чада. Бесконечно плакала, переживала: ведь уже не увижу батюшку никогда. И сколько вопросов, больных проблем накопилось: «Кроме него, кто ответит?» В эту же ночь вижу сон. В Дивеево высокая женщина ведет меня на могилку к отцу Владимиру. На кресте табличка, рассмотрела даже год рождения. И думаю: «Мне казалось, батюшка моложе». Женщина исчезла. Передо мной оградка, за ней на лавочке сидит отец Владимир. Самой могилы я так и не увидела. Мы с ним беседовали, мысленно все ему рассказывала. И батюшка мне отвечал. Сон был совершенно ясный, неразмытый. На один духовный вопрос отец Владимир, прежде чем на него ответить, кому-то помолился, спрашивая обо мне. Ответ во мне ясно запечатлелся. Поразительно: в этом разговоре батюшка решил все мои недоумения и вопросы. Не оставил ни одной неясной проблемы.

При пробуждении было грустно и в то же время радостно. Тем более, что вообще сны редко вижу, а такой особенный - первый раз в жизни. Поехали с сестрой в Дивеево. Кстати, с ней мы тоже, благодаря батюшке, помирились. Очень долго с ней не общалась, хотя как будто зла на нее не держала. А после разговора с батюшкой на эту тему как-то незаметно и быстро стало все налаживаться. Теперь она со мной в храм и в монастыри просится. Слава Богу за все!

По приезде в Дивеево мы сразу пошли на могилку к батюшке. После чего непреодолимая сила повела меня к Вам. Спасибо Вам, на сестру эта встреча очень повлияла. Она стихотворение, посвященное батюшке, воспоминания о нем у меня просила. Для укрепления веры. Размножила и ей дала.

Буду Вам очень благодарна за газету и любое свидетельство о батюшке.

Побывала за это время во многих монастырях, но Дивеево особое место - моя духовная родина, а батюшка Владимир - мой духовный отец. И я буду молиться о нем и - ему! Теперь и Вас, конечно, буду поминать во всех записках. Напишите мне имена Ваших детей. Помоги Вам всем, Господи, - во всем. До свидания. Р.Б. Наталия».

Письмо из Санкт-Петербурга матушка Ирина получила на Пасху. Сон Е. П.: «Отец Владимир лежит на металлической узкой кровати в красном одеянии. Ему кто-то закрывает глаза, так как он умер. И вдруг он живыми веселыми глазами смотрит на меня. Потом встал и пошел к дверям. Одежда стала белой-белой! И за дверью, куда он ушел, был тот же Свет. Дверь закрылась. Посмотрела на кровать, а там, где он лежал, на месте сердца, на белой простыне – огромное пятно крови».

На Пасху, к сороковому дню батюшки, в его дом среди прочих пришла поздравительная открытка, на ней: венец и три розы. «*Дорогой наш, любимый отец Владимир! Благодарим нашего Господа, Премилосердную Богородицу, несравненного Батюшку Серафима за то, что они подарили нам такой луч света, как Вы. Недостойны и не заслуживаем этого света. Мы хотим, чтобы в день Святой Пасхи увенчал Вас Господь - венцом! который Вы заслужили: каждым своим вздохом и взглядом, каждым Вашим словом - в помощь нашему спасению. Просим Вас не забывать нас, сегодня и во веки*».

В эту открытку вложено бумажное яичко, исписанное дошкольным почерком:

«*Дорогой мой батюшка Владимир! Поздравляю тебя со Святой Пасхой и желаю тебе, чтобы Боженька в Раю показал тебе много всего хорошего! Твой Вова*».

Люди эти не желают батюшке выздоровления, то есть они еще не знают о его болезни и кончине. Рукой этого ребенка водил, верно, Ангел Господень, и пятилетний написал усопшему батюшке по земному адресу небесные пожелания.

Уезжая из разных концов Москвы в Дивеево, попече-

нием отца, мы попали в один вагон с его близкой духовной дочерью Татьяной К., которая рассказала: «Когда мы отмечали последний день священнической хиротонии отца Владимира, я спросила: «Батюшка, шесть или семь лет Вашему священству?» Он посмотрел на меня пристально и как-то отстраненно, будто оттуда, где мы не бывали, но это было одно мгновение, и произнес: «Сто!» Далее занимался другими людьми, потом следующими, хотя был уже смертельно болен. Теперь постепенно постигаю его слова.

Разве мы понимали, когда он был жив, чем оплачена ежедневная отдача этим несметным толпам? И на какой глубине она происходила? Мы плакали навзрыд на его исповедях. Но чтобы это произошло, он шел проторить нам путь к нашей душе, к Богу – путь, не доступный нашим собственным силам – забитый бесами. Обнаженным, пронзенным Любовью Христовой сердцем он с невидимым плачем ходатайствовал о нас перед Создателем. Вот человек, который язвы Господа своего Иисуса Христа носил на теле своем. Это слова монашеского параманного креста, ими запечатлены схимнические одежды. Но они соответствовали жизни отца Владимира, всем шести с половиной годам его священства. И теперь – его служение продолжается.

Сейчас нет батюшки рядом, и попробуй вернуть то покаяние, те благодатные чувства, которые, его молитвами, возникали так естественно, будто сами собой. Сколько людей осиротело без него. Истинное содержание сделанного им – ведомо одному Богу. Много благодарных отцу Владимиру, но настоящую стоимость пожертвованного им для нас – постигнем только на Небе. Если удостоимся туда попасть, батюшкиными молитвами.

Ему это, конечно, не нужно, чтобы мы говорили о нем замечательные слова. Для этого человека ничто внешнее не существовало. Нередко после службы услышишь: «Какое красивое было на отце таком-то облачение». Мы никогда не замечали, во что одет отец Владимир, – настолько ему самому это было безразлично. Так точно для него несущественны наши словесные облачения. «Не нам, Господи, не нам, а Имени Твоему, дай славу», – говорил

батюшка. Ему это не важно, но это нужно нам, ибо неблагодарящий – не приобщается благодати Христовой. Недостаточно благодарить Бога, надо благодарить каждого человека за всякое добро, ибо через все, подлинно доброе – действует Тот же Бог.

Большую силу обретает тот, кто проникнут знанием тщеты всех сокровищ мира, включая славу человеческую. Дай, Боже, и нам, молитвами отца Владимира, обрести такое устроение. Одно единственное батюшке было в жизни важно – **спасение душ**».

О победительной силе Божественной Любви, этого Небесного огня, этого Креста Христова нам говорит Библия: ***«Положи Мя яко печать на сердце твоем, яко печать на мышце твоей: зане крепка, яко смерть, Любовь: крила ея – крила огня, углие огненно – пламя ея; вода многа не может угасити Любве, и реки не потопят ея. Аще даст муж все имение свое за Любовь – уничижением уничижат его»*** (Песн. 8, 6-7).

Второе крещение

Познакомила меня с отцом Владимиром и матушкой Ириной Марина Д., художник-монументалист, член Союза художников, расписывающая уже третий храм. Она стала другом этой семьи задолго до батюшкиного священства. Владимир – талантливый московский журналист с университетским образованием, Ирина – известная скрипачка. Бог соединил эти жизни, появились дети: Арсений и Лидия. Основным событием первых лет стала встреча Ирины с архимандритом Петром. (Ныне он возглавляет Боголюбовский монастырь близ г. Владимира).

Рассказывает матушка Ирина: «В 1991 году я поехала в Рижский монастырь с основным, давно мучающим меня желанием – исповедаться глубоко и серьезно с детского возраста. Понимала, что это насущная необходимость, но не могла найти пастыря, к которому почувствовала бы абсолютное доверие и была способна все ему открыть. Ехала, зная, что в Риге служит отец Петр, старец с большими дарованиями, который и отчиткой занимается, мне рассказали о нем друзья, пригласившие меня в монастырь.

Прибыли в Рождественский сочельник, с поезда – сразу на службу в Елгаву. В Преображенском скиту шла всенощная, я впервые увидела старца. Митра была глубоко надвинута ему на глаза, что придавало батюшке еще более внушительный вид. Я с трепетом на него смотрела, чувствуя неподдельный страх: какой строгий! Всем своим существом почувствовала: передо мной тот самый священник, которому я обязательно исповедаюсь. Этот момент – решающий в моей жизни. Я не знала, принимает ли он исповедь, но душа бесповоротно произнесла: мне необходим именно этот духовник. Ситуация моя не могла оставаться дольше нерешенной. Несколько лет я ходила в московские храмы, была в какой-то мере воцерковленным человеком,

не пропускала воскресные, праздничные службы. Необходимость серьезной исповеди была наболевшей.

Подошла после всенощной к инокине: «Матушка, а можно отца Петра увидеть?» В ответ так просто: «Ну, пойдемте в домик его...» Хотя перед этим мой знакомый объявил: «Ты знаешь, к старцу попасть невозможно, он отчитывает, у него запись...» – «Если бы он взял в чада?..» Я уже знала, что нужно иметь духовного отца, это была глубокая сокровенная мечта. Он: «Да ты что? Чего захотела? Старец – неприступный!» И вдруг, позабыв о предостережениях, я бросилась к матушке. И она: «Да, пожалуйста, пойдемте в домик, я вас провожу». Мы идем с Юлией, и с беспокойством спрашиваю: «Матушка, скажите, пожалуйста, а есть грехи, которые батюшка не простит и не разрешит? Есть такие грехи, которые не прощаются?» Она улыбнулась: «Христос не оставил нам такой заповеди: «не прощать». Если человек исповедует грехи, раскаивается в них, Господь – прощает все». Это окончательно меня успокоило: все прощается, значит, нужно дело довести до конца. Приходим в домик, слышу, отец Петр спускается по лестнице со второго этажа в сапогах, громко так. Юлия моя прислонилась к стене, побелела: «Сейчас упаду от страха». Успокаиваю ее, хотя сама волнуюсь: «Не бойся. Буду говорить я». Он спустился. «Батюшка, простите, мы издалека, из Москвы приехали». – «Так, из Москвы? Ну, проходите, сестры, ко мне», – и вводит нас в большой кабинет. Час с лишним он с нами беседовал, расспрашивал. Рассказали, что мы – музыканты, в первый раз в монастыре. Батюшка: «Сестры, вам Господь дал талант, послужите им Господу! Воспевайте Бога! Это так дорого – Богу послужить. А вы – чем занимаетесь?! Как петух с кукушкой: она играет, ей аплодируют. Кукушка публику услаждает, толпа ее хвалит. Она в гордыне, превозношении... Разве угодна Богу такая профессия?» Всю душу он мне этими словами разбередил. Осталась с неразрешенным вопросом: как быть и что делать дальше? Узнал, что у меня двое детей: «Ты – мамочка», – определил мой путь материнский. Юле: «А у тебя лицо монахини». – «Батюшка, что Вы, я и в храме-то никогда не была, Ирина меня в первый раз

привезла, я такая грешница». Говорю: «Батюшка, желание, давно созревшее: мне нужно глубоко исповедаться, я за этим, собственно, и приехала». Очень внимательно на меня посмотрел. «Батюшка, может быть, мне сегодня все написать, подготовиться?» – «Нет. Ничего писать не надо. Придешь завтра к началу службы и сразу проходи вперед, к амвону. Будет много народу, а ты иди вперед, не задерживайся. Я тебя исповедую. Ничего не пиши».

Подарил нам много книг, вышли, как на крыльях. Меня будто уже исповедали, настолько было радостное и светлое ощущение. Не то что завтра предстоит что-то грандиозное, страшное, а такая легкость, как будто тягостная ситуация решена: все долгожданное произошло. Предчувствие радости необыкновенной, никогда не пережитого счастья. Покаянием мы удостоверяем Бога, что ненавидим Его врагов на самом деле, и тогда Он с легкостью их, вместе с грязью наших грехов, отметает – и открывает чистый путь к Себе. Как Свет и наивысшее счастье устремляется нам навстречу. Счастье от корня «часть». Со-участь – участие в жизни Христа, единая с Ним участь. Выше этого ничего не существует. Мы живем для этой встречи, которая во всей своей полноте должна осуществиться в вечности. Так Господь оделяет Своей радостью от одного твердого намерения принести искреннее покаяние. В этот вечер уже знала: все будет хорошо. Вернулись. На нас с удивлением смотрят: «Едва с поезда и побывали у отца Петра».

Наступило утро. В храме народу полным-полно. Стою довольная, батюшка исповедует около алтаря, на амвоне. Никуда не тороплюсь, молюсь, думаю: «Что я буду людей теснить, и моя очередь подойдет». Осмотрелась по сторонам: «А где тут Батюшка Серафим?» – уже очень его почитала, имела иконы. Хочу приложиться, попросить его о помощи, чтобы исповедь моя прошла хорошо. Угадываю его икону на клиросе. Попросила разрешения, положила поклончик, приложилась и пошептала: «Батюшка, ты мне помоги серьезно исповедаться, по-настоящему, как надо, как надо... Чтобы все было, как следует...» И отошла на свое место. Через минуту отец Петр отпускает очередного исповедника и направляется вглубь храма. Необыкновен-

ная тишина и напряжение, люди следят за отцом Петром: «Кого он ищет?» – ходит и заглядывает в каждое лицо. Стою спокойно около притвора. Батюшка в очках, глядит серьезно и продвигается к дверям. Дошел до меня: «Я что вчера сказал? Ты почему тут стоишь?» Взял меня за руку и потащил к аналою. Все оглядываются...

Мои знакомые рассказали: «Минут сорок он тебя одну исповедовал, ни с кем в этот день так подробно не занимался». Потрясающие, незабываемые минуты: я ничего не говорила, батюшка все сам говорил за меня. Наверное, в этот первый раз меня исповедовал сам Преподобный Серафим; подобное в моей жизни не повторилось. Исповедь осталась уникальной. Он начал с семилетнего возраста, с «невинных» грехов: непослушание, детские проказы, непочитание родителей, мелкое воровство, яблоки из чужих садов, резинки и ручки у соседей по парте... грехи, которые действительно были и которые, по своему неофитству, новоначалию, не считала нужным вспоминать и, конечно, в них не каялась. Дальше, больше, как будто батюшка участвовал во всей моей жизни. Не ведомое никому передо мной разворачивал, напоминал. Я была в состоянии рыбы, выброшенной на берег. Хватала ртом воздух и с рыданиями во всем сознавалась. Он очень строго повторял: «Кайся! Кайся!». Видел, как тяжело подтверждать, но называл все своими именами и требовал: «Кайся!». В этот день я поняла, что у Бога – все записано. Известно все – до самых последних, раз Его служителям дается такое знание, прозрение. Если какие-то грехи я и готова была назвать, он обнаруживал их подлинную серьезность, которую я сама не скоро бы еще разглядела. А, может быть, и никогда их такими не увидела. Это была поразительная операция, духовная хирургия – выпущен был гной, копившийся десятилетиями. Произведено очищение. После исповеди вышла на улицу. Шумели сосны, дивные корабельные сосны в скиту, я чувствовала, что просто родилась заново. Позже прочла у святых отцов, что настоящая исповедь – еще одно крещение. Крестили меня в Риге пятилетней в незабываемом храме святого благоверного князя Александра Невского, и второе крещение получила здесь. Так было

угодно Богу. Хотя с детства сюда не возвращалась, родители уехали, когда мне было шесть с половиной лет. На этой земле я обрела духовника.

На следующий день пошла к отцу Петру со всею серьезностью просить взять меня в духовные чада. «Вы знаете, – говорю так хитро-мудро, – я выполняю 150 Богородиц, правило, данное Царицей Небесной». – «Да, да, знаю». – «А там, батюшка, после третьего десятка – молитва за духовного отца, а у меня же его нет. Я вместо имени произношу: «Матерь Божия, пошли мне духовного отца!» Можно, я теперь Ваше имя буду поминать?» Он посмотрел на меня: «Приехала в первый попавшийся монастырь, увидела первого встречного священника, и он уже ей – духовный отец. Поездишь еще, поездишь, увидишь, скажешь: «Вот он, вот он!» – «Батюшка, это невозможно. После того, что Вы для меня сделали, Вы выше моего земного отца. Я Вас умоляю, прошу, возьмите меня в чада, я буду все выполнять». Он почувствовал серьезность моего намерения, несмотря на эмоциональность, оно было из самой глубины. Говорит: «Ну, хорошо». Написал мне последовательность правила. И тут же, очень трогательно это было, учитывая, что мы люди занятые, погребенные мирскими заботами, работами, тут же подсчитал, сколько времени уйдет на выполнение правила по пунктам. Вспомнила его слова: «Сестры, послужите Богу! Чем занимаетесь? Вы должны воспевать Господа, а не играть на инструментах и тешить лукавого». – «Батюшка, ну, как же можно бросить, как? Вы не представляете, какая у меня скрипка! – просто простонала я. – Это же не худшая профессия, все-таки прекрасному служу, а Красота – одно из имен Бога. Я исключительно Бахом занимаюсь, стараюсь исполнять одну духовную музыку, на моих концертах люди плачут. У меня такая скрипка...» – и чувствую, все доводы у меня из рук сыплются, как песок. Я судорожно пытаюсь ускользающее удержать. «Да, Елизавете Феодоровне не то пришлось бросать, что тебе. Не какую-то скрипку – всю Царственную жизнь. И другие немало имели и ради Господа все оставили. Я тебе не то что категорически запрещаю...» Но, конечно, это было благословение старца: оставить все.

Своими словами он внес в мою душу полное смятение. Но в те минуты я не сделала окончательного вывода, не произнесла: «Благословите бросать!» Получила от него правило и напутствие на отъезд. Двое из нас оказались в одном купе, двое – в другом. Ночь. На душе неспокойно, нет ясности. Что-то гложет внутри: неужели все менять? Но решения так и не приняла. Еду: завтра репетиция, моя будничная трудовая жизнь. Ложимся спать и засыпаем. Поезд летит в Москву. Среди ночи вдруг просыпаюсь от жуткого звука: кричит моя спутница. «Катя, что с тобой? Что случилось?» Она благодарит, что я ее разбудила: «Ты знаешь, мне периодически снится один и тот же страшный сон: я падаю в бездну. В бездонную пропасть лечу, лечу безостановочно вниз, в данном случае под стук колес, полусон-полуявь. Под стук, отсчитывающий секунды, меня несут в какую-то смертельную жуть. Страшная тоска расставания с жизнью, и ничего невозможно изменить. Чудовищная тоска расставания с миром, всеми, кого люблю». Она вдруг начинает говорить, как ей трудно с мужем. Как ему тяжело даются посты, все церковное, потому что он очень чувственный, эмоциональный. В любом плотском и материальном ему тяжко себя преодолеть. Оказывается, передо мной удивительный человек, сердобольный, сердечный, ей жалко страдающих детей. Она хотела бы служить сиделкой в каком-нибудь госпитале или детской больнице.

И вдруг начинаю вспоминать, что мне сказал батюшка. Катя мне свою душу приоткрыла, и во мне начинается глубочайшая внутренняя работа. Восстают слова старца: «Ты – мамочка». И осознаю, что полностью забросила собственных маленьких детей: я сплошь в выступлениях, вся – в концертах. Не бываю дома... Впервые вижу свою жизнь противоестественной, ненормальной и понимаю: так жить нельзя! Все надо менять! Немедленно! Как будто обрела зрение: моя профессия никакого отношения ни к чему духовному не имеет. Напротив, она служит соблазном, облекает меня в возвышенный ореол, раскрашивает несуществующими красками, кого-то пленяет отнюдь не духовным пленом. Красота – да не та! Какое право я имею своими концертами отнимать людей у Бога? Почувствовала

весь ужас исполнителя, вообще художника, который встает между человеком и Богом – своим ничтожеством затмевает Творца. И все, что должно принадлежать Господу: время, внимание – душа! – все это похищает себе, в свою славу. Это же страшно! Ведь мне придется за все – отвечать!!! Это внезапно возникло в душе, молитвами старца и моего Ангела-Хранителя. С неотвратимой ясностью понимаю: завтра должна все закончить. Прийти и сказать: «Я осознала, что занимаюсь жуткой ерундой, которая никому не нужна». Господь меня не спросит, прекрасно ли я играла, и обронил ли кто-нибудь слезу на моем концерте – разве это слеза готовности исправить свою жизнь? Все это – полная чушь. Дьявольский обман. И это – я сделала смыслом, центром моей жизни? Все это провалится – в тартарары.

И прежде меня посещали мысли: как эфемерна моя профессия. Она будто бы прекрасна в данный момент, в следующий – растаявший призрак. Пустота! Фикция. Живописец оставляет после себя полотна, писатель – книги (я не о том, что можно оставлять – недостойное своей души). Чем занимаюсь я? Услаждаю отнюдь не духовное – душевное начало людей. На самом деле – питаю, взращиваю человеческие страсти. И эти псевдокрасоты немедленно улетучиваются. В итоге – абсолютный ноль. Я не благодарю Господа. На земле основная задача человека – славить Его. Своего Творца я не прославляю. Воспеваю себя, превозношу – себя и композитора, который эту иллюзию сочинил. Впервые в жизни я вижу себя реально. Вся моя деятельность – мыльный пузырь! И он лопается передо мной – с треском. И этому я была предана?! Оказывается, я была одержимой, в самом жутком смысле слова. Дня не мыслила без скрипки. Превратила себя в белку, вертящуюся в колесе: мне нужно было без конца заниматься, играть. Самовосхваление, как у любого художника, потребность всех внутренних эмоциональных струночек самовыразиться. И у меня получалось, я владела скрипкой виртуозно, меня ценили. И я – высоко ценила себя. Отделаться от профессионального ореола мне помогли исповедь и святые молитвы старца. Благодать

Божия явила ложь того пути, по которому я устремлялась в противоположную от Бога сторону. В эту ночь я больше не сомкнула глаз. К утру было ясное осознание происходящего и уверенность: я никогда не буду играть!

Утром приехали в Москву, говорю своим спутникам: «Вы знаете, я больше никогда не буду играть на скрипке». Они на меня смотрят жуткими глазами. Юлия, позевывая: «Ты что, сдурела? С ума сошла, что ли? На тебя все программы сделаны. У нас рождественские концерты, афиши по всей Москве. Чего себе надумала? Я присутствовала при разговоре: батюшка тебя не благословлял бросать. Он сказал, что ты – мама и все. А этого не было, не сочиняй!» Алексей добавляет: «Я вижу, что ты впала в обольщение. Ты просто в прелести: «Добродетель – не груша, – сказал Преподобный Серафим Саровский, – ее сразу не съешь». Смотрю на них и ни одного слова не воспринимаю. От меня пластами отходит что-то чуждое, идет переосмысление всего, льется источник слез. Разговариваю с ними сквозь поток слез. Это было оплакивание всей своей жизни. «Да что с тобой? Не расстраивайся, мы сейчас возьмем такси, ты приедешь на репетицию...» – «Я никуда не поеду». Они: «Нет, это твой долг. Ты не можешь подвести людей, тебя все ждут. Это твой долг!» На вокзале ищу скорее телефонный автомат, все пошли куда-то пить кофе. Набрала номер и, всхлипывая, вся в слезах и соплях, говорю своему мужу, своему супругу дорогому, будущему отцу Владимиру: «Ты знаешь, я все поняла: никогда больше не буду играть... Я все поняла. Какой ужас! Чем я занималась всю жизнь? Они заставляют меня ехать на репетицию, а я не хочу. Как ты скажешь, так и сделаю. Втроем на меня давят: чувство долга и так далее. Тянут назад...» А он: «Приезжай домой, тебе никуда не нужно ехать. Как ты чувствуешь, так и делай. Приезжай!» Прихожу к ним в ресторанчик: «Все! Он мне сказал, я еду домой, не нужно никаких такси, на репетицию я не еду...»

Пребываю вне времени и пространства... Не ощущаю окружающего меня: чем-то светлым отгорожена от всей чуждой теперь столичной жизни. Владимир понимает: что-

то кардинальное, глубочайшее произошло. Без устали говорю, объясняю, что вижу все по-новому. И его теперь понимаю. И детей своих вижу – глазами мамочки, а не той чужой тети, которая повторяла, что дети ей помеха, и другие неразумные слова: «Я давно сделала выбор, дети только мешают, главное дело моей жизни – исполнительство».

Муж меня полностью поддержал, в тот же день я поехала на репетицию. Предстала перед всем коллективом и, обливаясь слезами, никак не могла их сдержать: «Вы меня простите, наверное, я очень виновата, но я никогда больше не смогу играть. Только не умоляйте, не просите... Так должно быть. У меня начинается совсем другая жизнь». Они заволновались, думают, у меня нервный срыв: «Тебе нужно отдохнуть... Давай мы тебя в Сочи отправим! Покупаешься, сменишь обстановку...» – «Нет! Это очень серьезно. Это – навсегда!» Так я с ними рассталась. Никто ничего не понял, они остались в глубокой подавленности. Создалось много проблем. Ведь я играла в сопровождении многочисленного оркестра.

Позже была уйма телефонных звонков. Но отец Владимир всем за меня отвечал: «Сегодня – неотложный концерт, послезавтра – тем более. И так – до бесконечности. Ирина забудет все, что ей говорил батюшка. Но если Господь открывает ей новый путь, значит, Он в любом случае уведет ее от прежнего, только гораздо более жестким способом. Все равно Он поставит ее на ту дорогу, которую ей избрал. Оставьте ее в покое. Выбор сделан, не нужно ее принуждать».

Моя работа была главным источником дохода в семье, и мы оба понимали, что наступают трудные времена. Он писал статьи, получал нерегулярные гонорары, привык к определенному образу жизни. И все в одночасье меняется. Мужа я тут же, на Крещение, повезла к батюшке в Елгаву. Отец Петр его серьезно исповедал. Но к этому времени отец Владимир уже пережил свой катарсис у отца Иосифа. Помню, как он приехал, потрясенный глубочайшей верой старца, подвигом его жизни. Для него именно отец Иосиф был отправным моментом в прозрении глубины своей греховности, в осознании того, что ты живешь не

так, неправильно – неправедно перед Богом. И надо что-то менять! Событие, подобное моему, у него произошло раньше. Отец Петр был продолжением пути. После его исповедей, глубоко очищающих душу, у будущего батюшки были большие изменения в жизни. Вскоре отец Петр получил новое место и прислал телеграмму: «Переехал в Задонск. Служу в Задонском монастыре. Отец». Была поражена и глубоко тронута: сколько у батюшки чад, и он поспешил сообщить о своих переменах. Перед нашей общей поездкой к старцу отец Владимир разговаривал со своей мамой, долго ее расспрашивал, и выяснилось, что он принял крещение по-интеллигентски – дома, только водяным погружением. Я сказала: «Миропомазывать тебя будет только отец Петр».

Мы сели в поезд, у Владимира вдруг резко заболело горло. Приехали в Задонск, он лишился голоса, потерял возможность говорить. Такое серьезное было нападение. Детей мы оставили дома. Пробыла с ним в монастыре двое или трое суток, он лежал плашмя. Решила: «Я должна ехать к детям, что бы ни случилось, ты – в монастыре, так уж Богу угодно. Почему-то не волнуюсь. Еще раз зайду к отцу Петру, напомню, что он обещал». Прихожу: «Батюшка, я должна вернуться к детям, а муж серьезно заболел. Вы хотели провести чин миропомазания? Может быть, Вам некогда? Тогда мы поедем домой». – «За кого ты меня принимаешь? Раз я сказал, значит, все сделаю». Повторила, что Владимиру очень плохо, он лежит не поднимаясь. Отец Петр: «Так, сейчас я его вылечу». Послал сестру принести настойку девясила. Владимир дважды ее принял, и все прошло. Батюшкиными молитвами, благословением, кроме лекарств. Он быстро поднялся, и отец Петр повез его в Липецк, мира в монастыре не оказалось.

«Приехали поздно, – рассказывал мне отец Владимир, – заходило солнце, и лучи прощально освещали храм. Отец Петр зашел в алтарь, вынес миро. Его было немного, но достаточно, заканчивался пузырек. Посмотрел, говорит: «На тебя – хватит». Провел чин миропомазания: «Ну, что ты теперь чувствуешь?» Отвечаю: «Благодать Святаго Духа». – «Вот-вот, а то от первородного греха омылся, а

благодати не получил». Так произошло это великое для нас событие.

Мы вернулись в Москву и в первое же воскресенье пошли в Николо-Архангельский храм, прихожанами которого являлись. Там настоятель – отец Евгений. После службы он вдруг к нам подходит: «Знаешь, Владимир, сейчас совершал литургию и понял: ты уже достаточно послужил Господу своим словом, пора поработать Ему другим образом. Благословляю тебя на приход в Савино. Будешь алтарничать, там тебя и рукоположим». Сразу после миропомазания Владимир получил конкретное благословение встать на путь священства. Он начинает ездить в Савино, вскоре и я переселилась к нему.

На Пасху поехала к отцу Петру. Уже было принято решение пожертвовать мою скрипку Дивеевскому монастырю. «У меня, батюшка, серьезный к Вам разговор. Прочла Серафимо-Дивеевскую летопись и возникла мечта... Хочу просить у Вас благословения на серьезный шаг. Милостью Божией, Вашими молитвами, я все оставила. И если так нагрешила, и скрипка приняла в этом участие, хотела бы этот дорогостоящий инструмент отдать Господу». – «Ну, хорошо, занимайся его продажей, но пока на пожертвование я тебя не благословляю. Назначат игумению, и будем решать этот вопрос».

Через какое-то время Владимиру звонит друг: «Приглашаю тебя в Дивеево, скоро туда мощи перевезут, давай съездим». – «У меня жена только что прочла летопись, пусть она с тобой поедет». И мне: «Ты под таким впечатлением от летописи, отпускаю тебя в Дивеево». Остался с детками, а я поехала. Месяц до перенесения святых мощей Преподобного Серафима, июль 1991 года. Мне – 33 года.

Незабываемая поездка. Ходила по дивеевской земле и повторяла: «Я должна тут жить. Ничего не понимаю, но я должна *тут* жить». Все меня здесь потрясло. Смотрела на свежезацементированное место: «Господи, тут будут мощи Преподобного Серафима, *они будут здесь*! Могу смотреть на это место *благое*, где станет почивать вселенская святыня». Монастырь готовился к встрече с Преподобным Серафимом. Совершались чудеса. Без провожатых мы

нашли источник в Цыгановке, он был заброшен, еще никому неизвестен. Вернулась под огромным впечатлением.

И начала вызревать мечта сюда перебраться. Несколько месяцев спустя, взяв благословение отца Петра, я уехала в Дивеево вместе с детками. Батюшка последовал за мной через короткое время, хотя его готовили к рукоположению в Подмосковье. Ему пришлось сообщить, что его матушка с детьми уехала в Дивеево. Благочинный сказал: «Ничего себе... там в епархии тебя не знают. Какие вы странные. Кто там тебя будет рукополагать?..» Но, видимо, уже времени не оставалось. Если бы он стал священником под Москвой, перемены были бы невозможны. А Господь готовил иное – известное Ему Одному. Очень быстро мы переехали. Поселились рядом с Дивеево, начали восстанавливать храм в Большом Череватово. Было очень нелегко. Батюшка не приспособлен к подобным трудам. Есть отцы – хозяйственники, он совсем другой. Тем не менее, ему пришлось этот крест взять себе на плечи: поднимать полностью разоренный храм. Здесь мы столкнулись с крупными испытаниями, первой беспощадной клеветой. Действительно, если взялся служить Богу, уготовь душу к искушениям. Все это много нам дало... Начало нашего пути».

Так изменилась их жизнь. «Вы бы видели, – рассказывал близким об Ирине отец Владимир какое-то время спустя, – что за человек от отца Петра приехал... Новорожденная, от которой исходил свет». Они продали скрипку. Ирина была на столь высоком уровне виртуозности и таланта, что Бог даровал ей играть на уникальном инструменте. Уехали в Большое Череватово, семь километров от Дивеево. На деньги от продажи антикварной скрипки стали реставрировать местную церковь. Впервые я увидела нашу легкую матушку, когда она доставала оцинкованное железо для храма, позже им покрыли купола и кровлю. Во все времена можно было сказать одно: матушка была Божьим даром – достойным спутником, другом и сподвижником батюшки.

Отношения батюшки и матушки были удивительными. Думаю, я не встречу подобных. Это была глубокая духов-

ная дружба-любовь: единодушие, понимание с одного взгляда, взаимная сиюминутная поддержка – словом, делом, молитвой. Безусловно, быть таким духовным другом батюшки было подвигом – при его непомерных нагрузках, множестве напряженных ситуаций, окружающих его, без конца меняющихся людях. Памятно батюшкино письмо из отпуска, который он неизменно проводил в деревне у мамы, своему семейству, где он приносит покаяние каждому из детей и своей матушке. Как и все, что делал батюшка, слова обжигают своей искренностью. Стихотворением в прозе звучат последние строки: *«Семейная жизнь должна быть проникнута любовью, как весной пропитывается зелень садов солнцем, и сады – цветут белым целомудренным цветом счастья!»*

Вспоминает Наталья Григорьевна, учительница музыки детей отца Владимира: «Как они бедствовали, приехав из Москвы в Череватово! Жили в трущобах. У нас автобус останавливался на трассе. Это сейчас там мостик, асфальт. А раньше была такая грязь, надо было переплывать. И не одна вещественная грязь им досталась. Живу напротив храма Покрова Царицы Небесной, Господь сподобил. Окна выходят на храм. Очень им дорожу. Батюшка его восстанавливал. Бабушки отца Владимира по-прежнему любят, постоянно вспоминают, несмотря на то, что он тогда только начинал. Считают, что это был первый батюшка. Потому что с него все сдвинулось с мертвой точки. Библиотекарь Т.Д. рассказывает: «Он такой, со всеми здоровался. Ходил в кожаной курточке и сумка на ремне». Отец Владимир «выбил» на Череватовский храм средства, а еще и монастырь не восстанавливался, и деньги ушли в Дивеево. Тогда батюшка и матушка продали скрипку за какие-то баснословные доллары, сами при этом жили в трущобах. Одно время нам с мамой в тех же бараках дали жилье, но у меня тут же выбили двери, и эти постоянные бранные слова... По немощи своей, я не смогла и недели выдержать. Потом нам дали домик отдельный. Как они там все выносили, я удивляюсь, столько лет – смиренно. Батюшка был очень быстрый. Выходил из транспорта, из-

под подрясника только туфли мелькали – всегда бегом, бегом. Обгонял весь народ выходящий из автобуса на много метров вперед. При первой встрече я увидела батюшку бегущим. Спешащим, жаждущим успеть, объять. Он еще не был священником, но очень деятельный, столько энергии, силы и стремления. И все бегом: домой, к людям, на службы. Т.Д. говорит: «Приехал к нам отец Владимир. Череватовский храм сплошь зарос сорняками – ни крыльца, ничего не было. Все в запущенном состоянии. Храм трехпрестольный: Пресвятой Троицы, Покрова Царицы Небесной, Николая-Угодника. Батюшка взял лопату и день за днем стал выкорчевывать сорную траву, эти буйные заросли, сначала с крыльца, потом в храме». Никто его не просил. Все сам. Никто не помогал. Это человек – деятель. Никто никакие блага не сулил. Начал с того, что стал очищать храм от полувековых пластов мусора и засилья осота. И – один. Первые впечатления: его стремительность, направленная на благое, – успеть как можно больше. Потом он стал священником. Все мы батюшку любили. С каждым поздоровается. Глазами с тобой встретится, и знаешь: он помнит, молится, держит в памяти. Самая большая сильная исповедь – у него, его молитвами. Помню, возвращалась с автобуса, а ему на автобус, но он тут же вернулся. Кому это надо, о ком подобное вспомнишь? И вот мы полтора или два часа беседовали. Представляете, два часа жизни. А потом он уже тебя особенно знал. Но его одного, вне толпы, я больше не видела: всегда люди, люди. Только скажет на бегу: «Наталья Григорьевна, почему не заходите?» Думаю: все, Слава Богу, ничего особенного нет, мне достаточно знать, если будет какая-либо проблема, я приду, а так жалко отнимать время».

Когда будущий отец Владимир занимался восстановлением Череватовского храма, на него обрушились изощренные бесовские нападения. Одно из них: несмотря на то, что батюшка с матушкой Ириной пожертвовали на воссоздание храма все, что могли, – стоимость уникальной скрипки, отца Владимира обвинили в расхищении церковных средств. (Приходит на память, как святитель Иоанн

Максимович в конце подвижнической жизни был посажен на скамью подсудимых за подобное «обвинение»). Однажды, изнемогая от искушений, отец Владимир молился у святых мощей Преподобного: «Батюшка! Творю ли Божию Волю? Мой ли это путь? Быть может, зря сюда приехали и нужно было остаться в Москве?..» Неведомы все слова, которыми он изливал перед своим старцем глубину мучительных сомнений. Молясь, батюшка всегда обращался к живому, здесь присутствующему святому. Ответ Преподобного Серафима не замедлил последовать: Владимира скоро рукоположили в диаконы и затем в иереи. Преподобный отыскал и привлек к себе послушника по сердцу.

Батюшка стал диаконом в неделю святых жен-мироносиц. Иерейская хиротония - на евангелиста Луку. (Его рукополагал владыка Иерофей (†14.08.2001), он же потом постригал в монашество и отпевал отца Владимира). Неслучайны эти даты. Жены-мироносицы – воплощенное Милосердие, поклонение Жизни и Страданиям Господа всей собственной жизнью, преданность Христу до самозабвения. И тем более не случайно служение батюшки в Дивеевском монастыре, где все эти качества он взращивал не только в себе, но и в духовных детях. Святой евангелист Лука заметил в поведении Христа какие-то редкие, не всем бросающиеся в глаза черты, таинственные подробности. Только у него мы прочли о молитве Господа в Гефсиманском саду до кровавого пота. Он сохранил для нас отмеченные Христом две лепты вдовицы. Притча о «Мытаре и фарисее» – Богом протянутая всем рука помощи в борьбе за недосягаемое смирение. Лишь в его Евангелии мы знакомимся с милосердным самарянином, которого святые отцы воспринимают прообразом Христа, склонившегося над впавшим в разбойники человечеством. Последняя фраза притчи обращена к каждому из нас: «Иди и ты твори также». Его Закхей бездонно рад все отдать всем – ради Любви Христа, излившейся на него, которая зажгла в его сердце пламень ответной неистощимой Любви. О, если бы мы так отвечали на Любовь Бога, излитую лично на нас! И целый ряд других, сокровенных, особенных подробностей, которые щемяще касаются сердца. Очевидна

связь личности автора святого Евангелия с образом служения отца Владимира.

Немало людей, желающих проследить канву жизни отца Владимира, ждут рассказов о его детстве, юности, зрелости. Но близкие батюшки не посоветовали следовать общепринятому пути.

Матушка Ирина: «Это был человек редкой доброты, широкой души с обыденными человеческими погрешностями. Он и до священства опекал множество людей, особенно находящихся в горестных обстоятельствах. Батюшка перенес в жизни большие испытания и скорби, был непривычно и как-то мудро сострадателен ко многим. Но все это было настолько, насколько это возможно для незаурядной, творчески одаренной личности с яркими человеческими качествами». Известно, что первая Библия, подаренная будущему отцу Владимиру в конце 70-х годов, пять лет благоухала.

Мы недостаточно знаем о жизни отца Владимира до священства. Но, безусловно, что он, как многие лучшие русские люди, пережил ломку своего ветхого человека. Пережил поворот к Господу – сотрясший основы его существа. Он узнал силу покаяния на личном опыте. Ощутил, что оно способно дать человеку новое рождение – рождение во Христе. Именно поэтому отец Владимир помог и помогает стольким людям принести Богу – нелицемерное покаяние – обновиться для настоящей жизни, истинного христианства.

Из раскаянья бездны
воззвах к Тебе, Господи,
Не умея восславить
каждым Тебя дыханием.
И хотя никогда
не вгонял в Твои раны гвозди я, —
Мои мать и отец
Тебя гнали вон с насмеханием.
И народ мой
срывал Твой крест с матершиною,
Сдал врагу в поругание
веру, Царя, Царевича...

За иудин грех
расплачиваясь мертвечиною,
Беспробудно пьет,
свою долю клянет теперича.
Только не отвергай
насовсем от Себя, Господи!
Дай очистить
струпы души страданием.
...Это я, это я
загонял в Твои длани гвоздия...
Жизнь возьми мою
за вину мою – воздаянием.

Протоиерей Андрей Логвинов

В священстве происходит уникальный расцвет души отца Владимира. Из доверенного нам о батюшкином прошлом, памятно слово его друга юности, молитвами батюшки, ставшего священником: «Это был человек – без кожи. Все мы под «защитой» равнодушия, заботы о себе, собственно, под корой себялюбия. Батюшка был лишен этой естественной ограды. Он был беззащитен перед человеческой скорбью, чужое горе воспринимал – живьем. На самом деле это страшная жизнь. Мы бы не выдержали и трех дней такой жизни...»

Брат отца Владимира Петр рассказал: «Помню, ему пятнадцать лет было, по улице мимо нашего дома несли покойника – чужой для нас человек. Как Володя плакал! Я в жизни не видел подобного переживания. Такая невозможная способность отзываться... Ни в ком другом я не встретил похожего качества».

Тайна этого редкого на земле явления – глубока, и это все, что мы можем позволить себе сказать...

Рассказывает иерей Владимир С.: «Наиболее близко я соприкоснулся с отцом Владимиром, когда он стал дьяконом. Он был начинающим, а я – более опытным дьяконом. Всегда он очень волновался, чтобы не сделать что-нибудь неверно. И однажды идет кадить, и, чувствую, переживает. Советую: «Ты, когда кадишь, не думай об этом, молись святым, которым предстоишь». Вернулся. Я глянул на

него: а он весь залит слезами, ручьи слез! Что-то ему сказал, он даже не мог ответить, кивнул головой и отошел в сторону. Многим начинающим давал этот же совет, но никогда не видел подобной реакции. Насколько искренний он был человек, все пропускал через глубину сердца».

«Вам необходимо исповедаться за всю жизнь»

Каждый день мы видим в монастыре священника, который всегда торопится, постоянно окружен народом так, что невозможно приблизиться. Батюшкино смирение проявлялось в его доступности многочисленным и самым разным людям: у него окормлялась художественная и литературная интеллигенция, иногда к дому подъезжали на блестящих машинах, тут же толпились самые простые, в том числе, убогие, грязные и больные. Батюшка не отклонял ни одной искренней попытки принести покаяние.

В это время был окончен ремонт церковного дома. Мы решились попросить отца Владимира его освятить. Накрыли на стол и смотрим на часы. После назначенного времени проходит час, три, четыре... – батюшки нет. На следующий день он деликатно просит прощения, называет обстоятельства... Договариваемся снова. Опять готовим и ждем. Все повторяется. Когда в третий раз, после заслуживающих внимания извинений, назначаем встречу, думаем: нет, так просто – больше ждать не будем! Отойдем от отца Владимира, только убедившись, что он поехал именно к нам.

Обычное батюшкино утро: множество исповедников, после литургии – очередь желающих с ним побеседовать. Затем он исчезает, пообещав быстро вернуться, но, конечно, «скоро» не получается: крестит несколько человек на Казанском источнике.

И, наконец, договаривая с кем-то на ходу и время от времени оборачиваясь к нам и кивая, поднимает руку – машина тут же останавливается. Вот он уже в ней. Едет в нашу деревню. Но еще не к нам, а к рабе Божией Т., у которой в гостях подруга из Москвы, больная раком крови. Ей пытались помочь искупаться в Серафимовском источнике, она отказалась, объяснив, что святая вода «жжет и

колет иголками». После этого она внезапно заболела, температура 41°. Т. делилась с неподдельным страхом: «Ночью думала, она отойдет у меня на руках». К этой тяжело больной едет батюшка.

Но, утешенные тем, что он удаляется в нужном нам направлении, мы поспешили на свой автобус. Опять ждем, подогреваем еду. Проходит час, два, три. Продолжаем надеяться. Наконец, раздается тихий стук в дверь террасы. Бесшумно входит отец Владимир, который лишился голоса и говорит шепотом: «Пришел еще раз попросить прощения. У меня сегодня на исповеди было шесть одержимых, потом крестины. А сейчас – исповедь за всю жизнь и все необходимое, включая соборование». Самым извиняющимся голосом он произносит: «Теперь я уже никуда не годен, пришел поклониться и – уйти». В ту минуту я чувствовала что-то особенное, неспособное вместиться в общепринятые слова. Как перед бессловесной проповедью безропотного мученичества. «Батюшка! Мы вас умоляем, зайдите к нам. Ведь мы третий день вас ждем, третий раз готовим... Мы, конечно, не просим, чтобы Вы освящали дом. Умоляем, чтобы Вы сели за стол. Ведь Вас у Т., верно, не покормили?!» Батюшка смотрит своим необыкновенным взором, отражающим незнакомую нам степень восприятия. И по доле изумления, проявившейся на миг в глубине глаз, я понимаю, что сказала впопад. Человек с пяти утра на ногах и еще не ел! Шестой час вечера. Осознание этого факта прибавляет мне сил и уверенности: «Батюшка, мы Вас не отпустим! Вы должны покушать. Потом вы полежите, мы предоставим комнату. Может быть, Вы даже задремлете и, отдохнувший, – поедете домой». Выпаливая все это, понимаю, что нахожусь перед необыкновенным человеком, который слушает не сами слова, а внутреннее состояние говорящего. В ответ на эту мольбу, происходит нечто неизъяснимое: батюшка делает незримое усилие – отлагает свою волю, немощь. Отказывается воспринимать тот факт, что все силы им уже отданы – соглашается исполнить волю чужую, которой так естественно пренебречь. Не способна передать происходящее. Эта безмолвная минута повеяла на нас чем-то неизвестным, неземным: ангельским послуша-

нием. Отец Владимир, опустив голову, делает один, второй шаг вглубь дома. На третьем – звучит первый священнический возглас, начинается чин освящения.

Через краткое время совершается чудо – Господь возвращает батюшке силы. Вот он уже летает по комнатам: везде забегает и вокруг дома обошел, и сарай покропил. Неоднократно присутствовала при подобных требах. Поразила нестандартная длина службы, присоединение незнакомых, очень сильных по содержанию молитв против темных сил.

Вспоминаю все это с не слабеющим от прошедших лет чувством обновления. Поток победного света был излит в те часы на убогий дом, как будто это был царский чертог, и на нас, недостойных. Все москвичи изменились, сияли лица и глаза, будто из глубины каждого пробился чистый источник. Через батюшку Господь произвел освящение: не одних только стен – человеческих душ.

Вот отец Владимир за столом, мы разговариваем. Батюшка рассказывал о серьезных вещах. В частности, о служении в Дивееве иеромонаха Рафаила (Берестова). О своем присутствии на келейной молитве подвижника, его крестном знамении редкой силы. Говорил, продолжая пристально вникать в то, чему был свидетелем. Крестное знамение отца Рафаила очищало окружающее пространство, изгоняло нечистых духов. (Рассказ напомнил глубокое впечатление от слов покойной, близкой мне старицы-схимницы Илиодоры: «Я видела сон о Страшном Суде. Кроме многого другого, там будут очень строго судить за небрежное крестное знамение». Матушка постоянно учила всех нас совершать его не только тщательно внешне, но главное – сосредоточенно внутренне. «Осеняя себя крестом, мы предстоим Господу на Голгофе. Приобщаемся Его Страданиям. Во всех, посвященных Богу, скорбях таинственно заключена – Пасха. Поэтому наши святые терпели любые лишения, а свет не покидал их. И только нарастал – все больше их освящая. Всей жизнью они причастились страданиям Бога, потому их крестное знамение обладало чудотворной силой»). Не случайно я вспомнила слова схимницы, слушая рассказы отца Владимира. Одним и тем

же духом они были наполнены. Полтора года спустя, вспоминая об умершем духовном отце, старце Иосифе, отец Владимир благоговейно скажет: «Батюшка совершал крестное знамение – и крест оставался в воздухе. Продолжала действовать непобедимая сила, в нем заключенная. Крест сопровождал нас в пути...» (Да, батюшка, благословение старца, изгонявшего бесов, испившего полную чашу гонений и клевет, – сопроводило твою жизнь).

В ответ начинаю говорить что-то из самой души. Давно подобного не помню, как правило, произносишь только то, что готовы, хотят услышать. Рядом с этим человеком оживает твоя забытая подлинность. Чувствуешь себя так, как редкие минуты в жизни: переживаешь и мыслишь из действительной глубины, а не из очередной своей поверхности. Обыкновенно это никому не нужно. И самым близким. Испытываю неподдельное счастье. Люди призваны общаться друг с другом и Богом совсем не на тех внешних уровнях, на которых это обыкновенно происходит. Вслушиваюсь в батюшку: живая, действующая, творящая волю Господню – душа! Велик духовный голод нынешних русских людей. Драгоценные, неспособные кануть в забвение минуты. Батюшка вспоминает святых отцов непривычно естественно: не цитатами проповеди, а применительно к ситуациям, которые в его передаче становятся выдержками из ненаписанного отечника. Этот священник не просто начитан, он органично принадлежит той святыне, которой делится. Старческие советы звучат его собственными мыслями. Известное кажется новым. Он имеет дар прививать дорогое для себя – другим. Запомнилась фраза: *«Чем старательнее человек стремится исполнять заповеди Христовы, тем глубже он постигает свою немощь»* (преподобный Симеон, Новый Богослов). Было непонятно, сколько батюшке лет. Он мог смеяться заразительно, как искренние дети, и в следующую минуту казался старцем, все в нем – очень просто и с редкой силой. Пять-шесть человек участвовали в разговоре, и каждый ощутил, что одарили лично его. Батюшка ел очень немного. Похвалил капустную запеканку и сказал, что будет просить готовить такую – свою матушку. Сидел за столом не больше получаса, сразу предупредив,

к общему огорчению, что у него мало времени. Но, как ни странно, все остались под впечатлением длительного щедрого общения.

Провожаю батюшку через зеленое в цветах поле к остановке автобуса. И предчувствую, что он моментально уедет. Так и происходит. Это мы по сорок минут ловим транспорт. Автобус подошел через полторы минуты. Ощущая краткость дарованного времени, говорю: «Батюшка, вот возьмите...» – и протягиваю целлофановый пакет с нашей скромной благодарностью: какие-то фрукты. Батюшка реагирует так, как будто его одаривают недопустимо роскошно. Резко отстраняет сумку: «Это вам нужно!» Он уже знает, что у меня плохо с кровью. «Это вам необходимо есть фрукты!» Так как батюшка не соблюдает акцию приличия, а делает все с ошеломляющей искренностью, больно и по-детски страшно, что он на самом деле *может не взять*. Все происходящее в другой душе он воспринимает так отчетливо, как другие читают с листа, только необыкновенно стремительно – одним взором. Он жил иначе, чем многие. Мы что-то произносим и считаем, что люди должны на это ориентироваться. Батюшка не придавал никакого значения внешнему. Всегда слушал и отвечал на то внутреннее – единственное, что происходит в нас – *на самом деле*. Он бережно берет сумку с фруктами, благословляет, благодарно сжимает мне руку, в его глазах слезы. И произносит с необыкновенным теплом и человечностью: «Спасибо, друженька!» Говорит так, как будто знает меня давно, будто нас связывают пережитые им вместе со мной скорби, о которых едва обмолвилась. И этот человек видит меня в первый раз в жизни?! В следующую секунду рядом возникает автобус, батюшка в нем исчезает. Приснопамятная первая встреча с отцом Владимиром. Переживая потрясение от глубины восприятия не знающего меня человека, не подозреваю, что это священник, способный без объяснений постигать чужое, горькое и скорбное, почти не ошибаясь. И еще стану свидетелем того, как люди без конца будут переливать в него свою боль всех видов. Не только физическую, но все разновидности духовных скорбей: даже безысходность, саму оставленность Богом. И его

душа будет отзываться на эти беды глубже и сострадательней, чем пребывающие в них.

Шло время. По-прежнему я не решалась приходить к батюшке на исповедь. Всегда он в таких толпах. Здесь все священники перегружены, но он – особенно. И я стеснялась прибавить ему свою ношу. Подходил к концу первый год батюшкиного священства.

Прошло несколько месяцев, и отец Владимир серьезно заболел. Чрезвычайно тяжело. Дифтерит. Батюшка несколько месяцев был между жизнью и смертью. Во взрослом состоянии в подобных случаях нередки летальные исходы. О батюшкином состоянии я долго ничего не знала, и сама в это время болела необыкновенно тяжело.

Никакие обстоятельства не вынудили бы меня рассказывать об этом отрезке моей жизни. Но после ухода батюшки в мир иной начинаю смотреть на себя более отстраненно. И свою ситуацию воспринимаю поводом для великой милости Господней, незаслуженно излитой через Своего верного слугу на меня, непотребную. Быть может, этот рассказ способен принести кому-то пользу. Тем более в наше время – с нарастанием волны безнадежных ситуаций, которая грозит стать девятым валом. Знаю, что батюшка участвовал в сотнях подобных историй. Из мест его трудов изгонялись скорби, уныние и само исчадие ада – отчаяние.

Железодефицитная анемия у меня с детства, обострилась в переходном возрасте. И стала изнурительной хроникой к тридцати трем годам. С этого времени меня систематически забирали в больницу: один, потом два раза в год, с крайне низким гемоглобином. И месяц-полтора кололи в вену по пять кубиков в день черные железистые препараты, не считая горсти всевозможных таблеток. Какое-то время я казалась трудоспособной. Потом опять резко слабела. Головокружения становились все изнурительней. Я не выдерживала никакой физической нагрузки, начинала задыхаться. Переходила на полулежачий образ жизни, и меня снова брали в больницу. Все это длилось годами. Казалось, я даже стала привыкать к полусуществованию.

Тут-то и пришла беда. Стало невозможно поддерживать меня таблетками. Думаю, причиной явилось количество принятых лекарств. Резко ухудшилось зрение. В период очередного курса (было прописано 120 инъекций), когда мне вводили под названием витаминов очередную химию, открылась сильная лекарственная аллергия. Это не так интересно, поэтому скажу только, что последние попытки поднять мой гемоглобин завершились аллергическими шоками. Во второй раз уцелела чудом: температура выше 40°. Меня подхватила соседка по палате в момент, когда я падала в обморок, и положила на кровать. Температура росла. Открылся озноб до физической тряски. Чувствуя, что умираю, теряя сознание, я запретила перепуганным заведующей отделением и старшей медсестре ввести мне очередной «антиаллерген».

То страшное состояние, которое последовало за всем этим, было реакцией на привычку жить лекарственным допингом. Кроме гемоглобина ракового больного на последней стадии, на фоне головных болей и головокружений до предобморочных состояний, при отсутствии всяких сил – я утратила желание есть. С отвращением смотрела на любое содержимое тарелок. Проглатывала несколько ложек первого или второго – насильно, не ощущая вкуса. Отравленный химией организм был полностью разбалансирован. Врачи с раздражением смотрели, как я худею, слабею и начинаю походить на умирающую, и продолжали заставлять меня «попробовать» очередной препарат. Это, в лучшем случае, грозило высыпаниями на коже: вместо сна я расчесывала себя ночи напролет. Начала с ужасом смотреть на каждую предлагаемую таблетку. Но, принуждая меня «лечиться», медики считали, что выполняют свой «святой долг». Поблагодарив врачей, я ушла из своей последней больницы.

На работе с меня сняли все нагрузки. Ни о чем не просили, ничего не ждали. Все смотрели на меня с тяжелым чувством. Замечая резкую худобу, желтизну и шаткую походку, кто-то подозревал рак. Другие, видя, что из живой и общительной я превратилась в молчаливую и заторможенную, считали, что у меня психический сдвиг. Друзья и

близкие советовали что-то полезное. Но никто не понимал элементарной вещи, что у меня нет никаких сил проводить курсы голодания, очищения. Слова участия вызывали во мне внешнюю благодарность, но не могли проникнуть за стену безысходности и нечувствия. Своих родных, одного за другим, начала хоронить с двадцати лет и к этому времени давно похоронила всех. Ни один из моих добрых близких по духу не был способен отреагировать адекватно тому страшному, что на меня надвигалось. Ощутила, что я одна на целом свете, и нет человека, который в силах мне помочь, который хотел бы просто понять меня. Я впала в невероятную безнадежность. Едва ползая, представляла, что завтра буду держаться за стенки и падать в обморок. За лежачей ухаживать некому. И вдруг ощутила: я не хочу жить, и очень желала бы умереть. Мне казалось, что Бог меня оставил. Отчуждение от жизни усугублялось внутренней отстраненностью от Церкви. Я не просто роптала на Бога, я Его обвиняла в своем ужасном состоянии. Прости меня, Господи, еще раз прости, Владыко Святый и Благий. Я исповедовалась, причащалась. И будто бы каялась в своем бунте против Творца, но не называла главный грех: жажду прервать свою жизнь. За святые молитвы обо мне, я перестала обвинять людей и Господа – «смирилась» и стала просить смерти. Я пребывала в тупом отчаянии. И обдумывала способы, как уйти отсюда поскорее. Моя вина перед Богом была велика: понимала, что грешу – смертельно, что окружена толпой бесов, раз меня одолевают такие мысли, но была бессильна противостоять наваждению. Порой говорила: «Боже, я знаю, что грешно выпить упаковку снотворного, к тому же вдруг спасут и будешь идиотом на неизвестный остаток дней, или выпрыгнуть из окна с десятого этажа, – помоги мне умереть безгрешно, даруй смерть из Твоих рук». После этого я снова предавалась бесовским помыслам.

Всю весну и лето я пролежала, редко поднимаясь, в доме, в центре Москвы, глотая шум и гарь близкой трассы, не имея сил заставить себя вырваться в любимое Дивеево. Этот странный сон я увидела летом. Мне явилась покойная мама, одетая необыкновенно. После смерти,

похоронив перед этим 93-летнюю монахиню, за которой ухаживала, она приходила в свете благодати, радости неизреченной. Теперь она была облечена в ветхую, полурваную, длинную черную одежду, дырявый серый платок. И я понимала, что мама выглядит так неслучайно: это ее рубище покаяния, выражение крайнего смирения перед Господом – из-за меня. Ее скорбь обо мне, о моем непотребстве, крайности моего падения. Мы садимся в автобус и куда-то едем. Радуюсь, видя маму. Но на мои попытки заговорить она отвечает молчанием и отворачивается к окну. Понимаю, она удручена и с болью молится обо мне. Я недостойна никаких слов и должна все воспринять из глубины ее молчания. И во сне – я необыкновенно слабая и больная. Меня укладывают на солому в телегу, чтобы продолжать путь на лошадях. Телега стоит посередине пустого двора. Вдруг, откуда ни возьмись, возникает страшная лошадь с горящими сатанинской ненавистью глазами, серой масти. Она неожиданно высоко прыгает, собираясь обрушиться на меня и уничтожить. Но незримая сила образует надо мной прозрачный непробиваемый купол. В полном бессилии смотрю, как лошадь рушится на меня сверху всей массой, и ее копыта выбивают огненные искры из не видимой никому брони. Господня сила, неизвестно за что, защищает меня. Запрягают обыкновенных, нестрашных лошадей и мы продолжаем путь. Без слов, мысленно, мама сообщает, что мы едем в деревню – к знакомому монаху. Он должен меня исцелить. Я проснулась, перебрала всех известных мне священников. Среди них не было монаха в сельской местности. И позабыла странный сон.

Милостью Божией, уехала в Дивеево, отстояв всенощную на праздник святых мучениц Веры, Надежды, Любови, моих покровительниц. (Первая моя духовная мать – монахиня Вера, в схиме Илиодора, после ее смерти в моей жизни появились матушки Надежда и Любовь). Святым участием небесных молитвенниц, я чудом вырвалась из духовного и физического чада Москвы. Незадолго до отъезда с болью узнала, что отец Владимир провел несколько месяцев почти в предсмертном состоянии.

В Дивеево, казалось, ничего не изменилось, чувствовала себя очень плохо, едва передвигала ноги. На третий-четвертый день по приезде нам с Юлией, которая меня сопровождала, пришлось участвовать в жуткой чужой ситуации. На наших глазах к мощам Преподобного Серафима на носилках поднесли молодого человека: высокий, крепкий, красивый и полностью лишенный движения. Четверо плотных мужчин наивозможно приблизили, по разрешению монахинь, тело несчастного к святыне. Две плачущие женщины, мать и жена, обратились к нам: «Вы не могли бы помочь пройти с больным по Канавке?!* Все здесь в первый раз». Мы согласились. Родные прикладывали безжизненные руки С. к каждому святому дереву, все непрестанно читали: «Богородице, Дево, радуйся...» Расставаясь, мать поделилась своим страшным горем. Они приехали из Т., ее сын спрыгнул с десятого этажа, в результате: ни одного перелома, все цело! – и полная неподвижность. Отнялась речь, С. все понимает, его кормят, за ним убирают, как за младенцем. Прошли всех врачей, им занималась столичная профессура. Никто ничего не может сделать, все отказались помочь.

Носилки внесли в маленький автобус, помахали на прощанье. С. проводил нас пронизывающим взглядом светлых светящихся глаз. Было тяжело и больно. Понимала, что Преподобный Серафим пытается достучаться до моей окаменённой совести: вот что случается с мечтателями прыгать с десятого этажа.

Прошло еще несколько дней, ощущала себя по-прежнему едва живой. Никогда не забуду, как я вошла в Троицкий собор. Поднялась по ступенькам и перед дверями притвора резко обернулась на звук хлопнувшей внизу двери. Мало ли кто за тобой входит, разве на это реагируют? Вижу, вошел и взлетает по лестнице легкий батюшка. Оказывается, в первый раз после больницы, после своей смертельной болезни, с голосом, едва звучащим. К нему

* Канавка Дивеевского монастыря, которую повелел рыть Преподобный Серафим Саровский, говоря: «Канавка эта – стопочки Царицы Небесной, здесь Она Сама прошла... Когда придет антихрист, везде пройдет, а этой Канавки не перескочит».

бросается монахиня, одна, другая. Он благословляет, что-то говорит, весь озаренный, улыбка подчеркивает резкую худобу, желтизну, измученность лица. Вся моя душа рванулась к нему, как к родному: «Благословите!» Отец Владимир устремляется ко мне с тем неподдельным участием, которое столь трудно встретить, радостно благословляет. «Батюшка, я узнала, что вы были так тяжело больны? Вам лучше?!» Скороговоркой благодарит: «Ничего, ничего, уже все хорошо... Мне Марина рассказывала, что вам – очень плохо». В следующую минуту выговариваю батюшке, как отцу родному, с подступившим к горлу комом все о себе: про аллергию, о невозможности лечиться и поднять гемоглобин и что в больнице я чуть не умерла. Рассказываю так, как никому на свете не расскажешь, разве что матери, если бы она была жива. Батюшка смотрит на меня, он воспринимает мою боль столь явственно, как ощущает горечь пьющий горькое. Из дверей притвора уже выглядывают и радуются батюшке монашеские и другие лица. «Завтра же приходите на исповедь», – настоятельно, с добротой, вызывающей слезы, произносит отец Владимир, благословляет и исчезает за дверями храма. Но разве это просто – решиться на искреннюю исповедь человеку в моем состоянии? Проходит еще неделя. На Покров Божией Матери я, заметив исповедующего отца Владимира, постаралась обойти окружавшую его толпу, в уверенности, что он не заметит. Каково же было мое изумление, когда он внезапно прервал чью-то исповедь, чтобы меня догнать: «Вам необходимо исповедаться за всю жизнь – не откладывая!» Это прозвучало с силой, с какою властен действовать врач, предписывая единственное средство против неизбежной смерти. Как будто ведомая Преподобным Серафимом, против желания, мне было трудно и стыдно, – я пришла в храм. Добавлю, что в начале церковного пути уже имела счастье происповедать все предыдущее. Но пятнадцать лет спустя, я видела пройденную без Бога часть жизни – на иной глубине. Тем более, благодаря последним изнурительным обстоятельствам. И вот я у аналоя на коленях перед Крестом и Евангелием. У батюшки, по обыкновению, уйма народа, но он выслушивает меня, как

будто нет других, более часа. Его молитва, как живительный Свет, который простерт над прошедшими событиями, ярко освещает и казавшееся мелким, незначительным. Забытое чувство: Бог рядом, и Ему в высшей степени есть до меня дело. Обливаюсь слезами. Боже мой, сколько лет я не плакала на исповеди. Ощущаю рядом необыкновенное сострадание – живую беззвучную мольбу отца Владимира, обращенную к милости Преподобного Батюшки. Он явно во всем этом участвует, принимает каждое мое слово. Так искренно, потрясенно все выговариваю, как будто самому Серафиму во всем сознаюсь.

Батюшка происповедовал меня три раза подряд, не с семилетнего, а с того возраста, как я себя помнила, с перерывами в один-два дня. Своей молитвой он открывал пространства каменистые и заросшие. Одной молитвой, без единого слова обличения, он открыл мне всю бездну непотребной гордости и маловерия, которые были причиной моего состояния. Наконец, я ужаснулась себя.

Никогда не забуду вторую из этих исповедей. Литургия кончилась, пустой храм, лишь толпа вокруг батюшки: он продолжает принимать покаяние людей. Здесь он с пяти утра, ранняя литургия; потом – поздняя. К двум часам остаюсь последней. Наконец, я у аналоя. Батюшка задает вопросы по ходу исповеди, он не только молится о помощи Божией для меня, окаянной, он активно участвует во всем. И когда я называю свой главный, никому еще не высказанный грех, он хватает меня за руку, стремительно подводит к иконе Божией Матери «Взыскание погибших». И начинает в слезах, с беззвучным воплем о чужом прощении, класть земные поклоны вместе со мной: «Кайся!!!» Слезы градом у меня из глаз. В этот момент он задает мне вопрос, как будто не связанный с происходящим, о моем родном отце. Отвечаю правду. «Ох, уж мне эти отцы!» – восклицает батюшка, его лицо заливает новый поток. Он стирает его всей ладонью резким движением, но слезы не перестают литься по его лицу. Я не знала, что можно так сострадать чужой беде. Узнав батюшку глубже и то, что самые неожиданные вопросы его не были случайными, думаю, мое состояние было сокровенно связано с загроб-

ным неблагополучием моего отца. Майора, политработника, которого видела в последний раз в жизни трех лет от роду. После этой исповеди я ощутила, что начинаю оживать, приходить в себя.

На следующий день батюшка пригласил меня в первый раз к себе домой. Он жил тогда на Канавке, в старом деревянном бараке без всяких удобств. Маленькая обшарпанная келья с бесцветными, отстающими от времени обоями, о ремонте мысль здесь никого не посещала. Полупотресканные, частично разбитые стекла окон. Печка. Дрова в дальнем сарае на улице, туалет – там же. Слава Богу, есть холодная вода, хотя канализация отсутствует. Каждый день батюшка, угощая гостей чаем, кипятил воду двумя кипятильниками в литровой кружке и кофейнике. Пришла к назначенному времени, но отец Владимир исповедовал еще сорок минут матушку священника, у которой было семеро детей и уйма неразрешенных проблем – такое несчастное замкнутое лицо.

Наступила очередь женщины, которую привез из Москвы батюшкин друг-иконописец – с какой-то страшной семейной драмой. Затем батюшка пригласил в свою келью с бедными бумажными иконами друга-художника и меня. Далее для нас четверых происходило то, что никогда не изгладится, не померкнет. Зажигая толстые монастырские свечи, глубоко внутренне сосредоточенный, батюшка раздал их нам и начал молиться вслух с земными поклонами. Первые же слова заставили меня вздрогнуть, дохнули в душу забытым умилением. Семью краткими иноческими прошениями начинал любое правило близкий мне почивший 93-лет старец – протоиерей Николай (Сушко): *«Боже, милостив буди мне грешному; Боже, очисти грехи моя и помилуй мя; создавый мя, Господи, помилуй; без числа согреших, Господи, прости мя; Владычице моя, Пресвятая Богородице, спаси мя грешнаго; святии Архангели и Ангели и все святии, молите Бога о мне, грешнем; Ангеле, хранителю мой святый, от всякаго зла сохрани мя; святии…* – далее батюшка назвал имена небесных покровителей всех присутствующих,– *молите Бога о нас»*. Он открывал тексты, не известные мне. Через несколько дней я спроси-

ла о книге, по которой он начал правило. Редкое издание – келейные прошения святых.* Никогда не слышанные мною молитвы, исторгнутые из недр души, глубина покаяния древних и новых подвижников дышала в них Духом Святым. Смогу ли передать хоть что-то об этих минутах? Каждую молитву батюшка произносил из той подлинности, которую мы в себе не открыли: *«Услыши стенание мое, утеши мя и помилуй в горести моей... ко Твоему цельбоносному Образу пение возсылающих со умилением, яко Тебе Самой зде сущей и внемлющей молению нашему. По коемуждо прошению исполнение твориши...»* Было пронизывающее чувство, что горе внимают каждому слову и можно верить в исполнение просимого этим человеком. Каждую молитву он сопровождал земным поклоном, который мы повторяли вслед за ним, не чуя под собой ног, не ощущая себя телесно. Это не ты – привычный, совершенно иная, истинная твоя сущность – жила, и так глубоко, как редко приходится жить. Батюшка раскрывал толстые и тонкие старые книги. Серые страницы с крупным славянским шрифтом были закапаны воском, дышали святыней. Содержание не известных мне текстов посвящено покаянию: *«Слава Тебе, не погубившему мя доселе; слава Тебе, потерпевшему согрешения моя... Благоутробия Источниче, даждь ми ныне умиление и воздыхание, яко да восплачу злых моих безмерныя моря... Бесплодия зря многоболезненныя души моея, еще потерпи, Христе, и не посецы мене, якоже смоковницу оную проклятую, отцев Боже... Камень отвалив ожесточения, Господи, от моего сердца, умерщвленную страстьми воздвигни душу мою, Благий... Даждь ми, Христе, разум и терпение, еже не осуждати согрешающих с кичением фарисейским, но, яко мытарево покаяние, приими, и яко блуднаго сына, Боже, вечери Твоея достойна мя яви, и грехов прощение ми даруй... Помилуй всестрастную мою душу, умилосердися, Мати многомилостиваго Бога, избавити мя Суда и езера огненнаго... Греховным недугом истаяваем, на одре отчаяния низлежу; темже мя, Врачу болящих, посети Твоим*

* Молитвы, которыми молились подвижники келейно. Москва, 1991

человеколюбием и не остави мя уснути лютее в смерть... Мати Божия, Всесвятая, Стено христиан... противостани скверным и возносливым помыслом, да вопию Ти: радуйся, Приснодево!» (Канон покаянный иже во святых отца нашего Тихона Задонского. Канон преподобному Паисию Великому, имеющему благодать избавлять от муки умерших и живущих без покаяния). Жаль, что недостает места привести хотя бы избранные места из сборника «Скитское покаяние», которым нередко пользовался отец Владимир. *«Господи! Спаси мя, погибаю. Се бо кораблец мой бедствует от искушения волн, и близ потопления есть. Ты, яко Бог милосерд и сострадателен немощем нашим, властию Твоею всесильною запрети волнению бедствий, хотящих погрузити мя и низвести во глубину зол, – и будет тишина, яко ветры и море послушают Тебе. Аминь»*. Встречались молитвы против темных сил. В какой-то момент слышу, звучит уже столь особенное, что не выдерживаю, стоя на коленях, приподнимаю голову, робко смотрю на батюшку. Оказывается, он уже давно ни в какую книгу не смотрит. Слегка приподнятое лицо, глаза, устремленные повыше раскрытых страниц – он сам, то есть Бог через него, – творит молитву. Батюшка взывал к внимающему Небу о снисхождении, прощении. О спасении душ – во что бы то ни стало, по великой, неизреченной Милости Господней. Свободно звучала церковно-славянская речь. Эти тексты изливались из него так естественно, как будто он читал написанное в воздухе. Душа ощущала неземное присутствие, понимая свое полное ничтожество, блаженствовала, жадно впитывала слова. Вслед за батюшкой, будто первый раз в жизни, постигали их великую сущность. Мне кажется, и сейчас хранится в ведении какого-нибудь Ангела этот небесный текст.

Не могла бы сказать, сколько все длилось. Не знаю, с чем сравнить пережитое в те часы благоговение. Это моление низвело на нас, непотребных, благодать Господню: страшно было выпрямиться, поднять лицо. Было утрачено ощущение времени. Оно казалось безграничным пространством; я очень удивилась, уяснив, что все длилось часа полтора.

На фоне происходящего что-то изменилось, как будто тьма, окутывающая меня, отпустила – разжала когти. Враг

отступил. Милостию Божиею, батюшка совершил в этот день великое благодеяние для меня, недостойной, – настоящее чудо. Он и сам весь сиял, внутренне радовался, благодарил Бога, это было слышно без слов. Тут же отвел в сторону, ввел меня в содержание драмы женщины, которая здесь молилась. Попросил, чтобы я помогла написать ей первую в жизни исповедь. Хочу заметить, что батюшка не просто благословлял на какое-то дело: осенив тебя крестным знамением, он продолжал участвовать в дальнейшем. Душа воспринимала силу молитвенной помощи. Я не просто воспрянула духом: хотелось что-то делать, благодарить Господа. И в глубине ночи, трудясь над исповедью, мы обе чувствовали, будто батюшка тоже не спит, своим живым состраданием помогает осуществиться покаянию человека, тридцать с лишним лет отметавшегося Церкви. Батюшка был большим духовным педагогом. Недаром он поручил мне это дело: всегда полезно соизмерить свою скорбь с чужой, еще большей бедой.

Сколько их было, людей, к которым батюшка – безоглядно, не помня о еде и отдыхе – бросался на помощь... Он не мог выносить зрения чужой погибели. Батюшка спешил к людям, как бросаются в воду спасать утопающих. Число страждущих постоянно увеличивалось, они окружали батюшкину жизнь. Как будто специально, по какой-то тайной договоренности, к отцу Владимиру шли и ехали люди в особенно тяжелых ситуациях. Не помню, чтобы он кем-то пренебрег.

Моя подруга имела возможность бесплатно отправлять в Киево-Печерскую Лавру близких знакомых в почтовом вагоне. Она устроила такую поездку отцу Владимиру. Тесный вагончик, забитый тюками, бригада почтовиков, маленькое купе на четыре полки без дверей, где попеременно спали проводники. Мы ехали в этом купе. Молились или разговаривали о серьезном. Батюшка все время в несметной толпе, и вдруг такая милость. Отец Владимир общался и с обслуживающими вагон, он всегда старался тут же что-то делать для всех людей, которые оказывались рядом. Незабываемая поездка, освященная светозарной силой, несравненной молитвой. Тогда мною внятно было

осознано: отец Владимир – монах!

Позже узнала от матушки Ирины, что они с батюшкой, после рождения второго ребенка, дали обет целомудрия и многие годы живут под одним кровом как брат с сестрой. К дате своего официального пострига батюшка жил серьезной духовной жизнью около десяти лет. В этом же году отец Владимир с семьей ездил в Лавру преподобного Сергия и в Переделкино на исповедь к архимандриту Кириллу. Мне посчастливилось участвовать в этой поездке. После исповеди у отца Кирилла батюшка и матушка были необыкновенно утешены, мирны и светлы. Отец Владимир просил благословение, вслед за благословением своего почившего старца Иосифа, на серьезную подвижническую жизнь, слов о возможном постриге не было. Отец Кирилл сказал с радостью: «Благословляю: на свете нет ничего выше монашества!» Слова духовника Троице-Сергиевой обители определили путь отца Владимира, хотя сам батюшка не решался, по своему смирению, относить их к себе в прямом смысле.

В киевскую поездку мы посетили Феофановский скит, Киево-Печерскую Лавру, приложились ко множеству святых мощей. Помню, как после молебна в пещерах, служащий иеромонах поднимает Распятие, чтобы осенить множество верующих, и какая-то одержимая завизжала не своим голосом: «Опусти Крест!!!» Матушка Ирина сказала, что ее духовный отец называет одержимых «апостолами нашего времени».

На следующее утро отец Владимир служил литургию в скиту. Затем панихиду, поминая поименно Царскую Семью и наизусть множество непрославленных новомучеников. Почти все присутствующие плакали, ощущая близкое участие непрославленных любимых святых. Нас без конца спрашивали: «Что за батюшка? Откуда?» Услышав: «Из Дивеева», – все как-то утешались, будто от Преподобного Серафима должен быть именно такой священник. Несколько монахинь отдали ему записочки с просьбой поминать родных. Передавали их со светлым детским доверием, как в руки родственника. И батюшка, сияя улыбками, будто сам

получал благодеяния, радостно записки принимал. Происходило что-то особенное, трепетное, благодатное, светились все лица. На другой день батюшка служил литургию в Киевском соборе.

Одним из подарков обратного пути был разговор о покаянии. «Хочу сделать вам замечание, – сказал мне отец Владимир, – вы постоянно перечисляете грехи общими словами. Но исповедь должна быть конкретной. Послушайте, как я буду исповедовать завтра эту поездку священнику». Далее мне был преподан памятный урок. О возможности подобной исповеди я не предполагала. Необыкновенно трезвая констатация никому не ведомых фактов. Батюшка анализировал события двух прошедших дней, углубившись в себя, и полностью бесстрастно. Вспоминая свое общение в Лавре с одним из монахов, он обнаруживал помысел превозношения, за который жестоко себя корил, это выражалось не в эпитетах, в глубине раскаяния. Каждая фраза исповеди – приговор неподкупного прокурора себе, подсудимому. Мельчайшие подробности назывались собственными именами. Канва жизни, внутренних, чаще всего не опознанных нами, движений души, ускользающая почти в небытие, была для этого человека ясно зримой. Он удерживал ее молитвенным вниманием, пристально разглядывал. Любой оттенок осуждения, миг самого тонкого недобра – тут же улавливался и пригвождался. Передо мной был незнакомый человек: хладнокровный, с хирургическим умом, который занимался без всякого жаления выслеживанием и исторжением признаков гибельной болезни или своих личных врагов. При этом мне открывалось, как можно воистину – бояться греха. И формула «страх Божий», отнюдь не возвышенная фразеология – насущная реальность, основа и стержень жизни. Та тщательность, с которой производилась эта душевная уборка, убеждала в том, что батюшка занимается ею ежедневно многие годы.

Со стыдом я сравнивала свое саможаление на исповеди с отсутствием самооправдания у батюшки. И думала: «Он, наверное, так всю жизнь может – по минутам разложить». Четкость ума, пронзительная ясность взгляда на вещи –

поражали. Длинный перечень завершился несколькими горячими покаянными фразами, живой мольбой о прощении – перед Богом, Который здесь и сейчас принимал это покаяние. Узнав батюшку глубже, смею свидетельствовать, что он был человеком, который боролся с грехом не на жизнь, а на смерть. Используя самые жестокие приемы. До полного попрания себя. Думаю, это было основой его редчайшего дара – способности так глубоко помогать чужому покаянию.

Я видела человека, беспощадно себя обвинившего и немедленно – получившего облегчение, тут же прощенного Господом за эту жестокую правду о себе. Пронизывала мысль: как будто мне это знакомо, что-то явственно напоминает... То же самое сочетание – бесстрастная фиксация греха и попрание, уничтожение его гневным отвращением, припадание к милости Творца. Вспомнила: подобное я встречала в тайных покаянных дневниках святого праведного Иоанна Кронштадтского. Ощутила себя расхлябанной, тиной и болотом, в сравнении с батюшкиной собранностью. Монашеские четкость и трезвение. И вдруг поняла, о каком монахе говорила мне во сне покойная мама.

Общаясь с батюшкой в течение шести лет, ощущала себя подобно убогому, который обрел нечаянное богатство. Так он одаривал нищих. Это производило ошеломляющее впечатление. Мы навсегда, здесь и там, останемся в неоплатном долгу перед батюшкой.

Сохранился рассказ о повторявшемся эпизоде раннего детства отца Владимира. Ребенку было три года. Отец покупал в магазине сто грамм конфет. Но никогда мальчик не мог донести их домой: по дороге все раздавалось встречным. Мама огорчалась: «Неужели для мамы нет ни одной конфетки?!» Раз за разом Володенька обескураженно показывал пустые ручки: «Все! Нету! Все – раздал».

Думаю о том, как батюшкина душа, при всей глубине зрелости сохранившая детскую искренность и святую простоту, явилась в час смерти перед своим Христом. Упала ниц: *«Нищ и наг пред Тобою предстою... ничего не имею, Господи. Все, что Ты мне дал, все – раздал».*

«МЫ НЕ ОБЯЗАНЫ ДРУГ ДРУГУ НИЧЕМ, КРОМЕ ЛЮБВИ»

Если бы мне было предложено в двух словах сказать об отце Владимире, вспомнила бы его напутствие приехавшему семинаристу, будущему священнику: *«Во-первых, неотступно проси у Господа – Любви к Нему и ко всем людям».*

Думаю, что отец Владимир сам неустанно припадал к Господу с просьбой об этой милости. Был услышан. И получил небесный дар: Любовь к своему Творцу и глубоко не внешнюю, сострадающую, болезнующую Любовь – к человеку. В том числе ничтожному, незаметному, на которого, так сказать, никто взгляда не кинет, – любому. Живя сегодня в донельзя искаженном, противоестественном мире, мы замечаем, как нам не хватает сил на любовь к самым близким, дорогим, не говоря уже «о всех». Тем дороже увидеть своими глазами человека, который обладал этой не частой во все времена способностью.

Непрерывным потоком к нему шли люди: один, второй, через минуты – следующий. Никому он в участии не отказывал, это была отзывчивость струны, натянутой до предела. У каждого уйма проблем и скорби, скорби… И он полностью поглощен каждым, но в данную минуту именно этим человеком, как одним единственным. И вспомнит всех этих людей в своей ночной молитве, и будет опять умолять Бога о милости и спасении для них. Казалось, все самые скорбные, самые печальные на свете люди съезжались отовсюду, чтобы излить свою боль батюшке. Благодарю Бога за то, что знала, видела этого человека. Присутствовала при том, как он снимал с людей неподъемные вериги болезней, изгонял уныние. Как расцветали рядом с ним забывшие про радость. Благом было присутствие при общении батюшки с народом. Он тратился на людей непомерно.

Сегодня не все подают просящим на улице. Батюшка подавал милостыню со вниманием к людям, которых многие стараются не замечать. Помню сгрудившихся подле него бомжей с непривычно светлыми, детскими выражениями лиц. На девятый день батюшки мы торопились к могиле, раздавая денежки неимущим. Один заросший нищий, услышав поминаемое имя, с тревогой произнес: «Это не тот ли отец Владимир?...» Услышал утвердительный ответ и с искренней скорбью: «Господи, это же был мой благодетель». Для батюшки все, без исключения, были – люди! Дети Божии. За годы общения с ним не помню, чтобы он погнушался хотя бы одним человеком.

Инокиня Серафимо-Дивеевского монастыря Н. вспоминала, как выходила из храма вместе с батюшкой, и к нему бросилась женщина просившая «Христа ради». Он отошел от толпы, что-то ей сказал и передал деньги незаметным движением. Отец Владимир остро воспринимал действительную нужду человека. Нередко оказывал милосердие нуждающимся, своим и чужим духовным детям, без единого намека с их стороны, в момент действительной необходимости. Милостыню он давал бесшумно, за закрытыми дверями, и если при людях, то так, что глаза посторонних были удержаны. Иногда паломники оставались в Дивеево сверх своих материальных возможностей. Собираясь уезжать, готовились к путешествию на «бесплатных электричках». С неизменным тактом, без просьбы, батюшка нередко подсовывал простофилям деньги на дорогу.

Отец Владимир обладал глубокой внутренней скромностью. Помню, многие месяцы, больше года, домашние говорили о необходимости сшить ему новый подрясник. Когда я вблизи увидела тот единственный, в котором он ходил, была поражена, – это, без преувеличения, была одежда нищего. Ни один известный мне священник, ни при каких обстоятельствах, не счел бы возможным надеть столь изношенную одежду. В связи с явным недостатком средств и из-за отсутствия умелых рук, приобретение новой вещи стало проблемой. Кто-то предложил обратиться к светской верующей швее, через секунду задумчивости

батюшка ответил: «Не справится, подрясник – это высший пилотаж». Прошел немалый срок, подрясник все-таки появился. Наверное, он так же быстро испепелился на батюшке, как и предыдущий. Впрочем, во что был одет отец Владимир, никому не приходило в голову замечать. Во вторую зиму своего священства батюшка ходил в текущих сапогах и шутил в ответ на чей-то испуг по этому поводу, представляя дело не стоящей внимания бытовой мелочью.

Когда, после двух с половиной лет служения, отцу Владимиру подарили первое облачение, светло-синее, Богородичное, помню глубину его благодарности. Он отнесся к нему бережно и отстраненно, как к незаслуженному дару. После многих просьб померить, он как-то застенчиво облачился. Когда заметили, что подкладка пришита недостаточно качественно, и с огорчением предложили: «Батюшка, мы заберем с собой и все исправим», – он немедленно ответил: «Нет-нет, и так слишком хорошо». И тут же унес его подальше от взыскательных глаз. Облачение не поражало блестящей парчой. Совсем недорогое: светло-синий фон заткан белыми матовыми крестами, оно оставляло самое скромное впечатление.

Невозможно записать все бесчисленные рассказы об отце Владимире.

Одна раба Божия приняла монашество незадолго до смерти. Глубоко переживая свое недостоинство перед лицом великой милости Божией, ощущала приближение конца и думала, что Господу своему уже не послужит, ей нечем Его отблагодарить, и была этим угнетена. Отец Владимир пришел к ней в первый раз после пострига. И слышит от родственников: «Батюшка, Вы спросите, как ее зовут, она и разговаривать с нами перестала. Мы расстраиваемся: Вам-то она ответит, как полагается». И батюшка торжественным славянским слогом вопросил о ее новом имени. Она испуганно на него посмотрела и робко, почти по складам, произнесла: «Не-до-стой-ная мо-на-хи-ня Елиса-вета». А батюшка: «Я люблю тебя за это!» Матушка после этих слов пришла в себя, осознала, что дорога Богу

и в своей крайней немощи. Через батюшкино сердце восприняла сострадание к себе – Самого Господа. Для Него пребывающее в болезни и скорби дитя – становится еще ближе. Как важно, чтобы именно в последние дни жизни, сугубо боримая дьяволом душа – устояла, не утратила правильного духовного устроения. Матушка раскрепостилась, стряхнула оковы ложных переживаний, хорошо исповедалась, с умилением причастилась.

Ее дочь Валентина, сторож Троицкого собора, добавила: «Батюшка бежит мимо, народ его обуревает. Благословляет на все стороны, но обязательно остановится: «Как вы там? Нужно зайти – маму причастить?» И без слов знает ответ. Прибежит, как бы нибыл обременен. Иногда просто физически ощущаешь его страшную загруженность, но всегда – улыбнется, пошутит. Дух всем поднимет. Причастит. Благословит. И уж нет его. А мы несколько дней в приподнятом состоянии».

Раба Божия Надежда: «Отец Владимир – человек самый близкий всей нашей семье, самый дорогой. И все сокровенное, что было на душе, можно было в любую минуту ему принести. И он принимал все, как свою собственную боль, собственную радость. Подобных людей, мне кажется, я больше в жизни не встречу.

Хочу вспомнить один момент. Их было множество. Он приходил к нам в дом причащать мою бабушку, покойную монахиню Елисавету. Она всегда это предчувствовала. «Сегодня должен прийти отец Владимир, я его жду». – «Батюшки сегодня не будет, он занят, на исповеди». – «Нет, я жду. Он обязательно сегодня придет». Проходит час, полтора, два. И вот уже с порога: «Мать Елисавета, где ты там, моя дорогая? Христос Воскресе!» Это была молния – молния света, радости. Или батюшка обещал быть, но его задержали, и вдруг кто-то другой причащает. Появляется отец Владимир со Святыми Дарами: «Причастили? Хорошо. Будем соборовать». Через пять минут его духовные дети привозят кадило, свечи, все необходимое. Начинается соборование. «Ручки-то сама поворачивает, посмотрите-ка, ладошки: вверх-вниз, а я ей ничего не го-

ворю». Бабушка, уже тяжело больная, лежит с закрытыми глазами. В конце всех молитвословий открывает глаза: «Спасибо, батюшка». – «Радость ты моя, да ты ж поднимись, поднимись, я же не хочу, чтобы ты уходила». – «Батюшка, да воля Божия будет на все». – «Запоминай, – говорит мне растроганно батюшка, – вот так бы и нам, такую детскую простоту». Батюшка, теперь ты в Царствии Небесном. Всех помнишь и молишься за нас, грешных и недостойных».

Матушка Ирина: «Батюшкина внутренняя и внешняя скорость нередко опережала мысль – так он быстро летал по дивеевским тропам. Убежит, вдруг – назад: просфору дать, что-то существенное для человека сказать, сделать. Иногда мне поручит: «Догони его скорее, позови к нам». Или: «То и то передай, это ему важно». Не позволял себе успокоиться: «Ладно, мол, поезд ушел». Нет, он всегда старался исполнить то, что считал своим долгом. Понимал, что опоздать можно – навсегда».

Еще один рассказ Валентины: «Удивительный человек отец Владимир. Для каждого – секунду находил. Нас же тысячи! И на всех его хватало. Это случилось на моих глазах. Одна бабулька поставила на дороге сумку. То ли к нему под благословение торопилась: батюшка не благословлял людей, завешенных сумками, сам освобождал им руки, наверное, чтобы освободить сердце. А ведь торопится, со всеми говорит, смотрит в глаза. Он эту сумку не заметил, запутался в ней, еле удержался на ногах. Все-таки выскочил. Пробежал по инерции несколько шагов, застопорился и – назад. Наклонился и из своей сумки в ее котомку банку консервов, хлеб, третье, пятое... Я не выдержала, на старую напустилась: «Ты что себе думаешь? Он же мог убиться из-за твоей дурацкой сумки!» А он эту старушку обхватил руками за головку, поцеловал в темечко, и уж след его простыл».

Своей жизнью батюшка исполнял святоотеческую заповедь: *«Принимай все, как из рук Божиих»*. В жизни нет случайного, бесцельного. И нет более удачного времени для совершения нашего спасения, чем «сейчас».

Душа, стремящаяся к своему Создателю, не рассматривает – большое дело или малое. Ибо Тот, ради Кого она его совершает – безгранично велик. В ежедневной суете постигаем: *«Для повседневных дел требуется больше небесной благодати, чем для великих»*.

Упомянутый эпизод – лишь несколько обычных батюшкиных минут. Но нельзя не заметить, сколько отец Владимир успевал за самое короткое время: помочь, поднять дух, подарить желание стать лучше несосчитанному количеству людей. И все мгновенно: улыбкой, словом, беззвучной мольбой – посев, неустанный труд на ниве Господней, «во еже добродетели семена сеяти». Словно он ощущал краткость своей и общей жизни и сокровенную скорбь Спасителя: *«Посмотрите на нивы, как они побелели и готовы к жатве. Жатвы много, а делателей мало»*.

Наблюдая за батюшкой, не уставала удивляться: будто каждый человек был для него долгожданным, наконец обретенным родственником. Батюшкина любовь к людям обжигала своей искренностью, безоглядным расточением сил. Многократно в жизни была свидетельницей того, как, соприкоснувшись с Божественным началом самого незначительного человека, которое он один и способен был разглядеть, батюшка чтил его благоговейно и служил ему, как слуга.

Глядя на него, думала: какие сокровища заложены Богом в недра человеческого сердца. Наверное, в каждой душе, и даже моей – уйма нераскрытых богатств, и мы обязаны их обрести, чтобы раздать другим. Со своей привычкой к нерадению не окажешься ли тем, кто закопал свои таланты, дарованные Христом? В батюшкину жизнь смотришь, как в зеркало, выявляющее твои подлинные черты, духовное уродство. Становилось стыдно за себя: ленивую, никчемную, безжизненную на добро. Сколько душевной щедрости, ласки, благожелательности источал батюшка на людей постоянно.

Этот феномен был бы мало понятен, если бы не слова Христа, возводящие личность другого на беспримерную высоту: *«Матерь Моя и братья Мои суть слушающие слово*

Божие и исполняющие его» (Лк.8,21). Как бесконечно близким дорожит человеком Сам Бог, значит, такая любовь возможна и должна через кого-то проявляться на земле. Рядом с отцом Владимиром начинал понимать: служение ближнему – Божественного происхождения. Он никогда не искал получить какую-то помощь, внимание, поддержку от других, всегда сам без конца одаривал всех.

Милостью Божией, батюшка видел прекрасное в каждом человеке, казалось, ему было легко любить людей. Он испытывал постоянную жажду поддержать, ободрить. В наше время, когда люди поголовно охвачены унынием, проблема помощи падающим духом стала особенно актуальной. В период скорбей, искушений и суровые старцы не скупились на слова участия, христианскую ласку, улыбку, мудрую похвалу. Сегодня на это – великое оскудение. Как чудо, мы перечитываем слова старца Алексия Мечева,* получившего от Бога дар Любви благодатной, всепрощающей и всеисцеляющей: *«Со слезами прошу и молю вас, будьте солнышками. Согревайте окружающих вас, если не всех, то хотя бы тех, кого Господь поставил рядом»*. В отце Владимире мы узнавали дух московского праведника: *«Мы должны подражать Любви Божией. Случай сделать кому-нибудь добро – это есть милость Божия к нам, поэтому мы должны бежать, стремиться всей душой послужить другому. А после... захочется еще и еще делать добро... И в сердце такого человека наконец вселяется Сам Господь: «Мы придем и обитель у него сотворим»*.

Велика сила духовной поддержки, которую дарил отец Владимир ежедневно каждому требующему. *«Ободрение нас вдохновляет; если его нет, гаснут многие благородные возможности. Ты думаешь, что не можешь добиться многого в жизни, не можешь сделать ничего хорошего, ничего прекрасного. Тебе кажется, что и твои друзья думают так же, и тебя охватывает безнадежное чувство собственной незначительности. Потом приходит кто-то, кто видит твои способности, чей взгляд ловит драгоценные проблески*

---

* Все высказывания святого праведного Алексия Мечева взяты из книги «Пастырь добрый». Серда-Пресс. Москва, 2000

твоей души, кто видит в твоей жизни возможности, о которых ты никогда не подозревал, и говорит тебе об этом... Для каждого из нас много значит знать, что кто-то нами интересуется.

Любовь Иисуса к Симону, высказанная Им, и Его ободрение, стали для него началом новой жизни. Иисус поверил в него, и это наполнило его упованием. Христос видит в нас возможную красоту характера и возможную силу для служения и сразу стремится показать нам спрятанные в нас сокровища» (Государыня Александра Феодоровна).

Это делание не относится к простым или легким. Но для батюшки, казалось, оно было самым естественным. В народной гуще – это поистине был отец семьи, где все дороги друг другу: лица освещались добротой, искренностью, улыбались самые печальные, глаза светлели, хорошели самые непривлекательные, никто не чувствовал себя лишним, обделенным. Рядом с батюшкой каждому хотелось стать добрее, святее. Нередко можно было услышать: «На отца Владимира достаточно смотреть, и это такое утешение, что даже неважно, уделил ли он внимание именно мне».

Батюшка за все благодарил Бога. Пусть Господь и нам даст силы благодарения. Если нам выпало жить в обстоятельствах апостасийного времени, это не может быть случайностью – это Промысел Божий. Отец Владимир завещал нам не поддаваться унынию и в ситуациях, кажущихся безысходными. Он был великим борцом с унынием.

Раб Божий Виктор: «Накануне меня сильно продуло, и утром я встал с головой, как пивной котел, нос заложен, и никуда не гожусь. Но все-таки пошел на литургию. После нее иду шаткой походкой. Вдруг мимо меня летит отец Владимир. Внезапно притормозил, повернулся ко мне и легонько ударил одним пальцем по моему носу. Улыбнулся – и уж след его простыл. А у меня – голова тут же прояснела, нос отложило, как в сказке. И на следующий день я был здоров. Вот какой был батюшка. Бросался на помощь тем, кто и не думал его на помощь звать».

«Возделанная железными орудиями и удобренная сгнившими веществами земля особенно способна к плодородию; так и сердце, возделанное скорбями, напоенное уничижением, особенно способно к возвышеннейшей добродетели. Время напастей есть время преимущественного памятования о нас Бога; время напастей есть то время, в которое Бог зиждет (строит) души наши. Блажен не только тот, кто безвинно подвергается искушениям (1 Пет. 2:20); блажен и тот, кого Господь наказует за грехи и вытесняет скорбями с широкого пути на путь заповедей Божиих (Пс. 68:12)» (Святитель Игнатий Брянчанинов).

Батюшка необыкновенно ободрял страждущих. Когда он посещал больного, тот всегда оставался после его ухода просветленным и утешенным. Дело было не только в редкой способности батюшки чутко отзываться на чужую боль. Он мог дать другому – большее: стремление к покаянию, внезапно возникающее среди горя – яркое благодарение Богу. Общение с отцом Владимиром поднимало дух у самых отчаявшихся. Однажды он сказал тяжело больному человеку, годы прикованному к постели: «Давай вместе поблагодарим Бога... Если бы знали мы, что Христос заботится о нас в горести еще больше, чем в благополучии. Вспомни, все угодившие Богу – вслед за Ним очень много терпели. Невообразимо много терпели. Он особенно любит тех, кому больно, и дает им то, что никогда не получат живущие в счастье. Я обещаю тебе, что когда-то ты со слезами будешь благодарить Господа именно за годы твоих испытаний...» – с ласковой братской улыбкой батюшка раз за разом осенял крестом страждущую душу, гладил изможденное лицо.

В период наших скорбей нам редко бывают понятны такие слова. Но когда-то они станут ясны всем страдальцам. Если не в этой жизни, то в будущей.

«Не печалься, что Господь попустил тебе болезнь, – цитировал отец Владимир великого сербского святого Николая Велимировича в одном из писем скорбящей душе. – Вспомни, что он попускал более тяжкие болезни тем, кто лучше тебя. Представь себе кусок железа, забытый кузнецом и годами лежавший в углу кузницы. В конце концов,

железо станет просить кузнеца взять его в работу. Тогда кузнец быстро поднимет его, бросит в огонь и, когда оно раскалится, положит на наковальню. Будет ли железо печалиться?.. Так и твоя болезнь к радости, а не к печали. Ибо ты молился, чтобы Господь сделал тебя лучше. И Он, как кузнец железо, взял тебя в работу и начал закаливать и ковать. Брат, Господь взял тебя в работу! Радуйся, ржавое железо, забытое кузнецом!»

Меня поразила необыкновенная теплота, с которой отец Владимир всегда говорил о Сербии. Однажды батюшке принесли в подарок большой красивый календарь с изображениями храмов Сербии, половина их была разрушена до основания американской бомбежкой. Отец Владимир взял в руки календарь и с горячим чувством заговорил о страждущем народе. Это был поток такой Любви... Никогда ни от одного человека я не слышала ничего подобного. Никто не сострадал при мне сербской земле с такой глубиной. После первых фраз слезы покатились из батюшкиных глаз. Чтобы скрыть их, он отвернулся от нас, прижимая к груди календарь, как драгоценность, и пошел прикреплять его на стену, чтобы сделать доступным для всех. В эти минуты я вспомнила, как наш Государь Николай II один встал на защиту этой страны в начале I Мировой войны.

Так я впервые соприкоснулась с любовью батюшки к Сербии, ее святым и святыням. От него первого я услышала имена святителей Николая (Велимировича) и Иустина (Поповича). Становилось понятно, что отец Владимир не просто знал их, он учился у них. Почувствовала, как близки ему эти люди. Он говорил о них с той щемящей нотой, с которой можно делиться о самых родных. Все это незабываемо... Постепенно сербские святые вошли и в мою жизнь.

Одна моя знакомая рассказала: «Не знаю, являемся ли мы духовными детьми отца Владимира, не успели попросить об этом, но мы к нему прикипели душой. Он настолько чувствовал любое неблагополучие твоего внутреннего существа, это что-то невероятное.

Однажды мой собственный ребенок, хотя ему не было четырех лет, довел меня «до ручки». Иду и просто уны-

ваю: полное непослушание, выкаблучивание. В состоянии бессилия и страдания вхожу в церковь. Мимо бежит отец Владимир, вдруг резко останавливается, пристально смотрит на ребенка, подходит к нам: «Ну, запоминай! Маму нужно любить... слушаться... и – помогать! Ты услышал меня? Повтори!» Не узнаю своего младенца: он весь обратился в слух и внимание, у него что-то неописуемое на лице. Все старательно повторяет. Батюшка выслушал и побежал дальше. А сын был под таким впечатлением от его слов, что рассказывал дома: «Это же надо, папа, что мне сказал батюшка! Маму нужно любить! слушаться! и – помогать!» Причем ребенок, только что бывший образцом непослушания, столь проникся этим открытием, что долго к этим словам возвращался и пытался осуществлять их в жизни».

Эта семья из Тюмени переехала в Дивеево. Наталья вспоминает, что одно время находилась в страшном унынии. Ранее дома у них был близкий священник, его помощью они регулярно пользовались. А здесь – будто одни на свете. Уныние валило ее с ног. «Однажды, всеми силами сдерживая слезы, я причащалась. Помню, как отец Владимир внимательно посмотрел на меня в момент Причастия. А после службы сам подошел и спросил, как меня зовут. Давно хотела исповедоваться у него, но все не решалась, столько у него народа. Назвала свое имя, он улыбнулся: «Я теперь запомню и молиться буду».

В следующий раз причастилась, отхожу от Чаши, но рыдания просто душат, настолько тяжело. Выпила запивку, стою и плачу от душераздирающего состояния. Вдруг подходит отец Владимир и с невероятной лаской говорит мне, едва ему знакомой: «Я тебя умоляю, очень тебя прошу: ну, перестань плакать, пожалуйста». Вдруг берет меня за ухо и аккуратненько начинает трепать. Уже улыбаюсь сквозь слезы: «Батюшка, тогда уж и за второе». – «Ну, тебя начни за второе, еще обидишься» (узрев, видимо, ее склонность к обидам). «Нет, – говорю, – нужно и за второе». И он меня, с явным удовольствием, за оба оттрепал. Пришла домой, уши горят, но никакого следа от уныния.

Нередко в суете, на бегу, не расчешешься, завяжешь хвост, косынкой прикроешь. Однажды, с такой «прической» стою на исповедь к батюшке. Он меня не берет и не берет. Потом приближается ко мне: «Это что у тебя на голове?» – «Вавилонская башня», – с раскаянием отвечаю. «А, вавилонская», – с участием кивает батюшка. Но все становится ясно. И как он видит, ведь волосы под платком, внешне незаметно. Краской залилась, и с тех пор никогда такой небрежности себе не позволяю... Как это ему до всего было дело?» Батюшка обладал почти материнской заботой о людях. Был внимателен и к мелочам, внешним и внутренним, и полностью скрытым, когда они могли мешать правильному устроению человека, порой незаметно для него самого.

«Однажды, – продолжает Наташа, – стою в очереди на исповедь. И во мне прогрессирует один грех. Бороться с ним не могу, покаяния за него моя душа приносить не в состоянии. Уже давно к батюшке приблизилась, а он берет людей и слева от меня, и справа, посмотрит-посмотрит и берет других. Наконец, глянул на меня внимательно, взял за руку: «Ну, давай поклончики класть». И начинает делать вместе со мной поклоны. На третьем чувствую: что-то произошло, дошло до меня, в каком я безобразном состоянии. Слезы хлынули градом. Начала исповедоваться и никогда не забуду – это была одна из лучших моих исповедей». Отличительная особенность отца Владимира: многоразличными способами он добивался не формальной исповеди: умолял Бога, чтобы душа человека опомнилась, отвергла окамененное нечувствие – разболелась.

«Каких особенных вещей на батюшкиной исповеди не происходило. Моя подруга приехала в первый раз в Дивеево, и у нее – тяжелое искушение: пропала сумка со всеми деньгами и документами. Избегалась, исплакалась, во всех местах искала, где только могла ее забыть, начиная с храма. Обессиленная, стоит в очереди к батюшке. Он приглашает ее к аналою и неожиданно: «Ваше имя такое-то?» Она, пораженная, подтверждает. «Вы ведь из Тюмени?» – «Да! А откуда Вы знаете?» – «Назовите мне свой адрес». После ответа он протянул ей потерянную сумку со слова-

ми: «Она почему-то оказалась в моей келье».

Однажды невероятно нагрешила и говорю маме: «Сейчас пойду в храм, только бы к отцу Владимиру не попасть...» Но исповедовал он. Ну, думаю, будь что будет: ожидала нагоняй. А батюшка взял мою записку, прочитал, так милосердно посмотрел на меня – и ничего не сказал. Видел все. В другой раз стою на соборовании. Подходит ко мне и, помазывая, произносит с глубоким чувством: «Помоги тебе Господи». Меня это смутило, я стала присматриваться: никому ничего не говорит, молча всех помазывает. Подходит ко мне и опять, с необыкновенным участием: «Помоги тебе Господи». Окончательно остолбенела. Пришла домой, а мы в это время в Тюмень собирались. Уехали. И на меня нагрянуло искушение такого размера, что, если бы не те памятные слова... Поняла, что отец Владимир предупреждал об этом, и лишь его молитвами я все перенесла. Такого искушения у меня не было никогда в жизни».

Незадолго до смерти отец Владимир раскрыл еще раз «Письма Царской Семьи из заточения», вчитывался в строки Царственных узников. *«Иисус сказал, что Его ученики – это «Свет мира». Он хочет, чтобы мы светили там, где темно, чтобы мы могли быть утешением для других и ободрением унылых. Господь наш хочет, чтобы Его друзья в гуще мирового зла могли очистить его, чтобы среди скорби и лишений они могли утешать»* (из дневников Государыни Александры Феодоровны).

Нередко люди искренне восхищались отцом Владимиром и пытались петь ему дифирамбы. Все это он беспощадно отметал. Услышала однажды, как батюшка ответил резкостью одному превозносившему его человеку: «Я тут бегаю и прыгаю милостью молитв Преподобного Серафима, и не больше того!»

Отец Владимир был бесконечно мягок, любовен, простодушен по отношению к людям, которые воспринимали его так же просто и чисто. Он мог становиться жестким, если начинали неправильно понимать его безбрежную доброту. И тогда он, как хирург скальпелем, мгновенно

вскрывал гнойник. Батюшка был неординарной, притягательной личностью. И нередко к нему не просто привязывались сердцем, но, что называется, начинали «обожать» – это искушение обыкновенно для новоначальных. Батюшка применял к таким людям ряд духовных врачеваний, включая беспощадность. Однажды стояла у дверей его кельи в ожидании исповеди. Отец Владимир, кроме того, что задерживался допоздна с исповедниками в храме, брал нескольких домой, после всенощной и утром.

Отслужив литургию, батюшка продолжал исповедовать и в этот раз. Дверь, отделявшая его келью от прихожей, которая была одновременно кухней, приоткрылась и ненарочно услышала фрагмент разговора с не известным мне человеком: «...Будешь любить Христа! Преклоняться перед Ним! – это звучало так жестко, как пощечины по лицу. – Поняла?!» В ответ – молчание. «Что есть человек без помощи Божией? – мерзость и грязь». Это звучало: как можно не видеть, что я – ничто. «И Бог – Небо, превысшее Небес!.. Кайся! Иначе тебе здесь не быть!» Это был один из редких случаев, когда состояние отца Владимира можно было назвать сдерживаемым гневом. Минуты, о которых, быть может, небесполезно кому-то узнать...

Однажды, по приезде нескольких знакомых из Москвы, батюшка поспешил в храм, мы – за ним. До службы оставался целый час, храм пустой. Отец Владимир скрылся в алтаре и тут же вынес котелок, в котором Преподобный Серафим по сей день освящает для всех свои сухарики. Как только батюшка появился из алтаря, как из-под земли, возникла толпа: все, связанное с отцом Владимиром, имело оттенок сверхъестественного. Откуда взялся народ? Только что здесь было трое-четверо. И вот уже батюшка перелетает с места на место, сверкая радостью, на каждого надевает котелок. Люди с озаренными лицами спешат подставить головы по несколько раз... Это память о лучезарном счастье, благодать льется потоком, не существует слов, способных выразить происходящее. Как притягивались к батюшке люди! Словно кусочки железа к магниту. Но еще в большей мере сам батюшка привлекался святыней. Он, держащий этот

котелок, стал проводником Небес. Сам Преподобный Серафим действовал через батюшку, руками святого каждый был осеняем святыней. И нет иных объяснений для этой преизливающейся благодати. Все вещи Преподобного – непростые, к ним нелегко приблизиться одержимым. Но не во всяких руках они проявляют свою особенную силу. Батюшка не просто любил доставлять радость, что случается со всеми. Он дарил р а д о с т ь – преображающую, исцеляющую – н е б е с н у ю.

Как-то отец Владимир поделился: «Мое любимое слово – «отрада». – «Да? – обрадовалась я. – А мое: «утешение», потому что Царь Небесный – Утешитель». Мы поулыбались и заключили: «Значит, наш любимый образ – «Отрада или Утешение». Именно эту икону Богоматери батюшка получил при посвящении в монашество. День за днем после пострига со свечой и иконой в руках инок приходил в храм, прикладывался ко святым мощам, всю службу проводил в алтаре. В монашеских ризах, фантастически худой – батюшкины граммы таяли на глазах, неуклонно приближая цифру, о которой врачи сказали: «После этого мы Вас уже не спасем», – он выглядел почти бесплотным, черный цвет одежд подчеркивал красоту иконы, которая в батюшкиных руках казалась драгоценностью. Божия Матерь сопроводила его до конца. Для нас имя этой иконы – вышнее предопределение батюшкиного служения, вчера и в вечности.

Вспоминаю историю этого образа. На Ватопедский монастырь Афона готовилось нападение. Монахи ни о чем не подозревали. Во время богослужения Царица Небесная, внезапно ожившая на иконе, произнесла: «Закройте ворота монастыря, чтобы вам не погибнуть от разбойников». В этот момент инок, упавший на колени, увидел, как Младенец Христос простер руку, заграждая уста Своей Матери: «Умолкни, из-за своего нерадения они достойны наказания». Пренепорочная Дева, как это может лишь Она Одна, отвела всевластную руку, и предупреждение прозвучало снова. И было повторено трижды. Монахи в самый последний момент успели затвориться. И были помилованы Богом. В наше время, когда человеческое недостоин-

ство обретает все более страшные черты, чтобы возвысить голос в нашу защиту, Божией Матери требуются особые ходатаи, в числе которых Она, несомненно, принимает и отца Владимира.

Служение батюшки отличалось тем, что, подарив «авансом» редкую духовную радость человеческой душе, он тут же звал ее к серьезной духовной жизни.

«Три года назад, – рассказывает раба Божия Виктория, – мы ненадолго приехали в Дивеево с моей знакомой. Отец Владимир не благословил нас идти на послушания, быть может, считая достаточной нашу церковную загруженность в Москве. Но так хотелось потрудиться в монастыре. Не послушавшись батюшку, мы проявили своеволие, напросились красить игуменский корпус. Спешим к отцу Владимиру поделиться радостью и получить благословение, как настоящие послушницы.

Пришла в Троицкий собор, когда служба уже закончилась. Отца Владимира ожидало несколько человек. Встала в очередь. Передо мной опиралась на палочку пожилая женщина. Люди, поговорив с батюшкой, расходились один за другим. Подошла очередь старушки, и произошло неожиданное: батюшка вдруг взял из ее рук палочку, подошел ко мне и, ни слова не говоря, ударил меня ею по спине, не больно, но ощутительно. От неожиданности я не успела ничего сообразить и сказала батюшке, правда уже без особенной радости, что мы будем красить игуменский корпус, и он меня благословил. Но моей знакомой совсем не пришлось потрудиться: ее маленький сын ни за что не хотел отпускать маму на второй этаж на «леса». А я через три дня, занимаясь малярной работой под ливнем, простудилась очень сильно. Вот что означало непослушание отцу Владимиру».

Батюшкино отношение к людям было особенным. При постоянной перегруженности он находил время, чтобы выслушать других не только в момент их отчаянных ситуаций. Отец Владимир всегда был ограничен во времени, потому что делал непомерно много. Но, уделяя другому недлинную минуту, он одаривал *нестандартной глубиной внимания, участия и понимания*. За самые короткие

миги общения человек нередко оставался под неизгладимым впечатлением на целую жизнь, ощущая себя должником батюшки, исходя из заповеди: ***«Мы не обязаны друг другу ничем, кроме любви»***. Рядом с ним люди преображались, расцветали таланты, во-первых, человеческие, но и множественные другие. Знаю ряд людей, судьбы которых батюшка – одним движением, краткой фразой – полностью переменил. Осветил новый путь, вскрыл мощный источник таланта, поддержал слабые способности. Он замечал и выявлял прекрасное в самом незначительном, на внешний взгляд, человеке, который о своем даре нимало не подозревал. Отец Владимир предвидел и знал значительно больше, чем мы могли и можем предполагать.

Пять лет назад привезла к батюшке профессионального светского художника, который находился в тяжелом душевном и духовном нестроении по ряду нелегких причин. Давно стало обыкновенным везти к отцу Владимиру всех, кому трудно. Прибывшие, человек шесть, окружили батюшку. Он раздавал благословения, о профессии Л. не имел никакого понятия, видел его впервые. После нескольких доброжелательных фраз одному, другому, он стремительно повернулся к Л. и произнес: «Будет писать иконы!» Это было столь особенно, что все мы ошеломленно смолкли. Но главное, вся жизнь художника с этой минуты полностью переменилась. Он стал успешно заниматься иконописью. К годовщине успения отца Владимира закончил его портрет. И обязан ему не только этой фразой, поменявшей весь его жизненный уклад. Известно несколько случаев чудесной помощи отца Владимира благодаря этому портрету, мироточение его фотокопий.

Однажды матушка Ирина заметила: «Как ты умудряешься советовать людям изменить род занятий – так удачно?» Батюшка, по обыкновению, уклонился от прямого ответа: «Но необходимо же подсказать человеку, что он совсем не своим делом занимается. Это же радость какая, что он з а й м е т с я с в о и м!»

Когда Л. впервые написал Преподобного Серафима, батюшка немедленно нашел ему заказчика в лице знакомого священника в Ардатове. Новорожденному иконописцу,

хотя и с большим стажем в живописи, предстояло создать первую в жизни иконостасную работу: благословляющего Преподобного на золотом фоне большого размера. У Л. не было доски, отсутствовали деньги на сусальное золото и краски. В свои трудности он никого не посвящал. В этот день к дому отца Владимира подъехал рафик, из которого вышла шумная семья, окружившая батюшку. Женщины благодарили его со слезами на глазах. Отец Владимир отшучивался, как человек, к которому все это не имеет никакого отношения. Его все-таки принудили взять конверт. Через считанные минуты конверт был вручен нищему художнику. Искренняя радость отца Владимира означала: «Вот для кого эти деньги предназначались!» В конверте оказался один миллион рублей (старыми деньгами), для Л. – деньги огромные.

Когда впоследствии при подобной ситуации я попыталась сказать батюшке, что в настоящий момент в деньгах нуждаются его собственная матушка и дети, он повернулся и просто молча глянул на меня. В этом взгляде было что-то столь особенное, что я сразу умолкла. Через несколько лет вспомнила эту минуту, читая старца Паисия Святогорца: *«Любовь видна, когда человек дает, сам находясь в лишениях. Когда ты встречаешь нуждающегося, подумай: если бы на месте нищего был Сам Христос, то что я дал бы Ему? Безусловно,* ***самое лучшее...*** *Если тебе больно за какого-то страдальца, и ты помогаешь ему, то представь, на какую бы ты пошел жертву, если бы Сам Христос был на его месте... Господь говорит, что, делая что-то одному из несчастных, вы тем самым делаете это Мне»*. Отцу Владимиру был близок этот, почти неисполняемый закон Христа: *«Любовь должна быть для всех одна и та же. Министр и нищий, генерал и солдат занимают в сердце человека верующего одинаковое место»*.

Как-то меня пришла навестить Татьяна, духовная дочь московского старца Михаила Труханова. Мы вспомнили об отце Владимире. Она поделилась свидетельством о тайном исцелении отца Владимира от смертельной болезни. Этот факт неизвестен и самым близким. «Впервые я уви-

дела батюшку три года назад и при памятных обстоятельствах, – рассказала она. – Был день упокоения старца Сампсона, мы молились на его могиле. Вечерело, многочисленная толпа схлынула. Мы тоже собрались уходить. В это время появился отец Владимир. Священник, отслуживший последнюю литию, снимал поручи и произнес над духоносной могилой, засыпанной цветами: «Здесь не панихиды – молебны служить надо!» Отец Владимир очень живо повернулся к нему: «Вы так думаете?! Благословите!» (Очень ясно представила батюшку при этих словах. Знаю, что первостепенной важностью во всех случаях для него было наличие благословения). Тут же достал из пакета облачение и оглянулся на нас, мы – уже за оградкой. «Возвращайтесь, матушки, давайте ваши записочки». В следующую минуту уже горели свечи, начался незабываемый молебен. Когда он кончился, батюшка стал разоблачаться и вдруг произнес: «Ведь я здесь в больнице, на обследовании. У меня обнаружили рак... А вот я как к батюшке припаду, и его попрошу...» На наших глазах он упал на колени, обнял крест отца Сампсона, приник к нему всем своим существом и закричал: «Батюшка-а-а!!!» Никогда в жизни из таких глубин сердечных я не слышала зова...

Когда он встал, мы начали умолять его пойти вместе с нами: «Одна из нас живет совсем близко, на «Выхино», поедемте к нам на чай, ненадолго». – «Нет-нет, – отказывался батюшка, – не могу, я должен вернуться в больницу». Мы уговорили его. Так и запечатлелись в душе живые, всепроницающие глаза. Они видели все, все понимали. Своей любовью он немедленно входил в каждую ситуацию. За краткое время чаепития и разговора мы почувствовали себя так, как будто знали батюшку много лет. Не решилась нагромождать на него свои ситуации: слишком они тяжелы, хотя было видно, что человек безотказный. Но, когда мы прощались, он осенил меня большим сильным крестом: «Запомни, все твои сегодняшние скорби – ничто в сравнении с будущими. Крепись». Несмотря на явно нерадостное содержание, слова несли утешение. Напоминали о том, что Бог, предупреждая меня, промышляет о всех будущих обстоятельствах.

У отца Владимира было немного времени, но не осталось впечатления нашей обделенности: ни одну из нас он не прервал, ни малейшим намеком не дал понять, что мы забылись и одолеваем его рассказами более возможного. За краткое время мы сверх получили: внимания сердечного, молитвенной помощи, прояснения души. Такие люди – редкость! Особенно в наше время – сугубая редкость!

Как он нас, только что ему не известных, согрел! Как открывалось ему навстречу сердце. Он проникал в душу самую закопченную, тут же начинал отчищать, поднимать ее выше... И будто родной человек уходил от нас».

По ярким краскам рассказа Татьяны было понятно, что эта встреча, происшедшая три года назад, стоит перед ее глазами со свежестью вчерашней. Когда я поделилась своим впечатлением с духовной сестрой, она произнесла: «Непроходящей свежестью дышит благодать Святого Духа».

«Я за тебя отвечаю»

«Это случилось несколько лет назад, – рассказывает инокиня Елисавета, – и не забуду никогда, как помог мне отец Владимир. В это время у меня было большое искушение: я ушла из своего монастыря в Чебоксарах и не знала, что впереди. Мне было очень тяжело: и раскаяние, и страх вернуться в монастырь. В этом состоянии приехала в Дивеево и подошла к исповедальному аналою отца Владимира, горько плакала и рассказала о своем несчастии. Он меня необыкновенно пожалел и утешил. В этот свой приезд, наверное, каждый день я к нему подходила. Как-то он достал не известную мне толстую книгу и сказал, как о реальности, которая не подлежит сомнению, с внутренней силой и участием: «Только верь! Ты вернешься в свой монастырь и у тебя все будет хорошо». Положил раскрытую книгу мне на голову, прочитал из нее молитву надо мной. И что-то произошло, как будто теснота и скорбь, сжимавшие душу, меня отпустили – я успокоилась. В эти дни неоднократно подходила к батюшке, чтобы взять благословение. Он всегда что-то подбадривающее говорил: «Ничего, ничего, возвращайся!»

Когда сообщила, что уезжаю в свой монастырь, он ска-

зал, чтобы я ему писала. Так началась наша переписка. Его письма были очень короткими, но всегда по существу. Все – очень содержательные, в каждом утешал, всегда подбадривал и наставлял, входя во все мои ситуации. Но так вот утешительно наставлял, как он один умеет. Через год, по милости Божией, мы с сестрами приехали из нашего монастыря в Дивеево, очень поздно вечером. Батюшка еще исповедовал. Успела взять благословение и коротко исповедаться. Он был рад моему приезду. Потом благословил и сказал на прощанье: «А я за тебя отвечаю! Я отвечаю за тебя, ты мне пиши», – и пошел.

До сего времени мы продолжали общаться. К живому я больше ни разу к нему не приехала, а переписка наша не прерывалась до конца. Хотя был период, когда он долго не писал, видимо, был в отъезде. И из-за болезни, конечно, и предстоящего пострига. Последнее письмо от него я получила 12 февраля, то есть незадолго до его смерти. Очень скорблю, ведь он ни словом, ни намеком не дал понять, что тяжело болен. Если бы я хоть что-то знала, предполагала, что у него так плохо со здоровьем, конечно, отпросилась бы у матушки игумении и приехала. Последнее его письмо было очень большое по сравнению с теми, какие получала обыкновенно. В нем было много глубоких наставлений. Теперь до конца понимаю, что это – его пастырское завещание мне на всю оставшуюся жизнь. Все письма я храню, как святыню, очень часто перечитываю. Он меня и после смерти утешает этими письмами, которые мне предстоит понять, воспринять еще серьезнее. Я считаю батюшку своим духовным отцом и ощущаю очень близким человеком, который не забывал меня в моих обстоятельствах и скорбях. Несмотря на то, что мы так редко виделись, всегда «слышала» его молитвы обо мне, грешной. Уверена, что и сейчас он не оставляет меня в своих святых молитвах перед престолом Божиим. Верю и знаю, что он спасся, что он «иже во святых».

Перед Пасхой наша сестра поехала в Дивеевскую обитель, я просила передать от меня поклон батюшке. Возвращается после Пасхи и говорит: «Молись о батюшкином упокоении». Всю Светлую седмицу я проплакала,

постоянно о нем молилась, без конца вспоминала и все время плакала. И, однажды, просыпаюсь, а на душе чувство радости, облегченности, как будто пасхальное приветствие от отца Владимира получила. Слез нет, и на душе одна радость. Это батюшка меня удостоил – посетил, хотя буквального сна не помню. Слезы полностью прекратились, и если осталась скорбь, то о себе самой, своей неготовности войти туда, куда пришел он.

В нашем монастыре сестры неоднократно рассказывали мне, как батюшка помогал им, когда они были проездом в Дивеево. Он участвовал в жизни множества людей. Отец Владимир жалел всех. Его доброта была не простым талантом, все человеческое имеет предел, – она была Небесной отмеченностью. Благодарю Господа, что при жизни отца Владимира стала его духовной дочерью, и после того, как его не стало, все равно он – мой старец. Смотрит на меня с фотографий и будто рядом, живой, сострадающий. По-прежнему явственно участвует в моей жизни. Не оставь меня, святый отче, до конца».

О письмах батюшки ко мне, недостойной. Обычно он писал буквально несколько слов и обязательно присылал что-то в утешение: фотографию раки с мощами моей святой, преподобномученицы Великой Княгини Елисаветы, или кусочек ткани от покрова Преподобного Батюшки Серафима, недлинные молитвы, а в конверте небольшие его записочки. Письмами отца очень дорожу, они меня связывают с живым батюшкой.

Письма отца Владимира инокине Елисавете:

«Дорогая м. Елисавета!

Оставайтесь на том месте, куда благословила Вас Игумения всех монашествующих - Царица Небесная! И слезно прошу: помолитесь за нашу дорогую и несчастную Родину! (в письмо вложена молитва о спасении державы Российския и утолении в ней раздоров и нестроений).

*Ленивый богомолец иер. Владимир».**

---

* P.S. ин. Елисаветы: «Но батюшка был совсем не ленивый, напротив, великий молитвенник. Так писал он по своему смирению».

«Многолюбезная м. Елисавета!

Храни Вас Господь за молитвенную память о Дивеево, о преподобном батюшке. Повторяю для Вас (и для себя!) в утешение - от Государыни Александры Феодоровны, Которая так молилась, «чтобы Господь дал разум, премудрость и страх Божий всем людям, чтобы дух Господень нашел бы на всех »

Матерь Божия - принесет Сыну Своему все слезы и молитвы тех, которые Ее еще не забыли и теперь!

Храни Вас Господь молитвами Богородицы и Преподобного Серафима!

Ленивый богомолец иер. Владимир».

В письмо вложена фотография раки святых мощей преподобномученицы Великой Княгини Елисаветы с подписью:

«Храни Вас Господь, досточтимая инокиня Елисавета, по молитвам Вашей небесной покровительницы».

На обратной стороне фотографии – текст из Апокалипсиса: ***«Это те, которые пришли от великой скорби; они омыли одежды свои и убелили одежды свои кровию Агнца. За это они пребывают ныне пред престолом Бога и служат Ему день и ночь в храме Его, и Сидящий на престоле будет обитать в них. Они не будут уже ни алкать ни жаждать, и не будет палить их солнце и никакой зной. Ибо Агнец, Который среди престола, будет пасти их и водить их на живые источники вод. И отрет Бог всякую слезу с очей их»*** (Откр. 7,14-17)

«Боголюбивая и многолюбезная м. Елисавета!

Ваше письмо получил давно, с ответом задержался: довольно долго пребывал в отсутствии.

Желаю Вам в Вашем молитвенном подвиге всяческого утешения от Господа и Божией Матери.

Жить в России легче не станет, однако, верным Господь помогает и никогда не оставляет вне попечения, и вот такая любовь Его к нам укрепляет в сопротивлении духу времени. Недавно побывавшие на Святой Горе,

рассказывали, что монахи уверены в возрождении Православной веры в России, то есть таким образом православные всего мира получают помощь через и благодаря России! Подспудно пока, а если внимательно вслушаться, в глубине - признаки выздоровления всетаки есть.

Все больше людей начинают осознавать, что причина болезней - грех, и уже многие понимают, к Кому идти прежде людей-врачей!

Еще желаю Вам, дорогая матушка, пребывания в вере и любви. И держаться смирения и чистоты!

Ленивый богомолец иер. Владимир».

Поздравление с Рождеством Христовым 2000 г.:

«Боголюбивая сестра ин. Елисавета!

Счастлив поздравить Вас и рабу Божию Ирину с пришествием в мир Богомладенца, чтобы грешные спасти, от них же первый есмь азъ!

Храни Вас Господь, дорогая матушка, в искушениях, посылаемых ради душеполезного препровождения гостевания на сей земле. В описанной Вами ситуации матушка игумения, с точки зрения Промысла о Вас, была сугубо права, отрезав Есть правило общения в отношениях меж людьми - полагать, что человек, с которым ты общаешься - не глупее тебя. Матушка игумения, может быть, думает о Вас и сестре больше, чем Вы (и сестра) думаете. И таким вот образом укрепляет Вас на пути спасения! Ибо сестрица, с которой у Вас вышло недоразумение немощна. Потому (и отсюда) человекоугодие.

«Внутри любви к нашему ближнему сокрыта наша великая любовь ко Христу» (старец Паисий Святогорец). И он же: « если монах будет гордо сравнивать себя с мирянами, то он падет и станет мирянином». Только Ваше искушение - чисто монашеское и результат, плод - соответствующий.

Поздравляю! И рад обращению духовной сестры.

Ленивый богомолец иер. Владимир».

«Боголюбивая ин. Елисавета!

Рад весьма и весьма, прочитав о великих праздниках в Вашей обители, так как должно проведенных!

Что касается Ваших сетований и скорбей об искушениях средь сестричек и собственной греховности и возможности спастись-не спастись, то все-таки в сознании своего окаянства (бедности духовной) положимся на великую к нам Любовь-жалость Божию и Царицы Небесной и заступничество святых угодников! В своем житье-бытье сколько раз убеждался, как Господь откликается на малейшие и тишайшие наши воздыхания! И это при моей сугубой греховности, которую также терпит Бог! Да и Вы имеете подобный опыт, о чем и писали моему недостоинству. Экскурсии - это нужнейшее дело, особенно когда проводят их сестры. Однако, желаю Вам во время проведения не забывать о молитве, ибо многоглаголание даже по послушанию отнимает много сил и рассеивает внимание.

Задача верующего, где б он ни жил, возрастать в вере, умножаться в освящении, достигая совершенства Любви. И еще наставление старцев: «Цель святой нашей Церкви - не христианизация общества, а спасение верующих». К сожалению, и в этом Вы сами убеждаетесь, общаясь с паломниками: жизнь, даже расположенных к вере, далека от того, чтобы в ней, жизни, воспроизводить сознательно заповеди Христа.

А внешнее знание о христианстве приводит к выхолащиванию веры и к теплохладности и, в конце концов, одичанию. Что и доказывает Запад, особенно Америка. Да, не будет сего в нашей святой Руси!

Храни Вас Господь.

Ленивый богомолец иер. Владимир».

Благодарим инокиню Елисавету за духовную милостыню. Эти письма естественно воспринимать как обращенные лично к нам – любому искренне верующему, хотя худому и «неключимому рабу».

Духовная дочь отца Владимира Нина: «Батюшка благословлял многих своих чад исполнять Богородичное правило и любил, когда мы его не оставляли. Говорил: «Старец Зосима-Захария завещал: *«Христа дает душе Пречистая Матерь Его. Молись Пресвятой усердно и будешь с Сыном Ее»*. Эти слова своей жизнью подтвердил Серафим Саровский. Не станем же их забывать и мы».

Непривычный батюшка

«Вспоминаю, как я в первый раз услышала об отце Владимире, – рассказывает его духовная дочь Надежда. – Это было задолго до моего переселения в Дивеево. Приехала сюда с группой паломников несколько лет назад. В самый день возвращения домой прибегает из храма Юлия, нас разместили в одном номере гостиницы, и говорит: «Здесь есть удивительный батюшка! Его зовут отец Владимир. Вы с ним не общались?» Мы плечами пожимаем, не знаем такого. Она продолжает: «Несколько раз я о нем слышала, говорят, он слегка юродствует, но батюшка – замечательный!» – «Чем же он тебя поразил?» – «Он меня исповедал, благословил на дорогу, руку крепко сжал, и у меня слезы – градом... И сейчас, при одном воспоминании, снова плачу». Мы с удивлением увидели, что у нее действительно заблестели глаза и потекли слезы. «Какую же я милость получила от Бога в этом благословении! И неожиданно для себя самой попросила: «Батюшка, возьмите меня в духовные дети!» Он ответил шуткой, с присущей ему скромностью указывая на свое недостоинство. И, когда всех рассмешил, добавил уже серьезно: «Духовный отец должен быть рядом, Юля». Она была удивлена, среди духовных детей батюшки было много москвичей. И что же? Через несколько месяцев она обрела замечательного духовника отца П., который ей напоминает отца Владимира. «Одного духа батюшки, – позже повторяла она. – Отец Владимир, видимо, узрел, что у меня в Москве, рядом, появится молитвенник». Мы поинтересовались, как выглядит непривычный батюшка. «Небольшого роста, темные волосы, быстрый, легкий».

Через полгода мы приехали в Дивеево вдвоем с доче-

рью. Отца Владимира все еще не видели. Стоим, молимся, конец службы. Вдруг из левого предела появляется стремительный священник. И происходит нечто: в храме начинается необыкновенное оживление. Слева, справа, отовсюду люди стремятся к нему за благословением. Вот бабуля тащит за руку больную внучку, жалобным голосом что-то говорит отцу Владимиру, показывая на маленькую. Он озабоченно спрашивает о чем-то бабушку, потом девочку. Люди обступили его со всех сторон. Шепчу дочери: «Непростой батюшка. Не отец ли это Владимир? Помнишь, нам о нем рассказывали? Да, все сходится: небольшой, темные волосы, быстрый...» Подхожу к неизвестной инокине: «Скажите, пожалуйста, это отец Владимир?» – «Да, это он». Нам тоже хочется взять благословение у батюшки, но мы не осмеливаемся приблизиться. Только молча улыбаемся, наблюдая, как искренне ему радуются люди и как щедро оделяет батюшка всех подходящих своей любовью: улыбчивый, светлый, никто не оставлен им без внимания. Благословляет и тут же что-то тихо скажет, кого-то погладит по голове, другого потреплет за ухо, тому улыбнется, скажет доброе слово всем сразу – весь он, казалось, излучал ясную обновляющую силу. Смотрела и думала: «Редкий небесный дар получил от Бога этот священник!» Достаточно было видеть, с какими просветленными, счастливыми лицами отходят от него люди, чтобы имя неизвестного батюшки навечно появилось в моем еще совсем коротеньком помяннике, где были имена лишь самых близких. Так же легко отца Владимира запоминали многие другие. И те, кто не был с ним знаком. Как только я рассказывала о батюшке, приводила один-два примера общения, как люди начинали его любить, подавать о нем записки, повышенно воспринимать любые сведения о нем. Всем непременно хотелось иметь его фотографию, каждый начинал считать его «своим».

Когда я стала духовной дочерью отца Владимира и, в конце концов, переехала из Москвы в Дивеево, имела от батюшки немало случаев необыкновенной помощи, явной прозорливости. За всю жизнь я не встретила священника, который мог так углубить мою исповедь, восприятие

грехов. Как будто какая-то завеса спадала, и я с потрясением видела прежде не заметное для меня. Батюшка обладал способностью отогнать от человеческой души самых настоящих бесов, которые успешно помогают нам жить суетно, поверхностно, а мы – рады слушаться. Никогда не забуду один сон. Возвращалась из Москвы в Дивеево поездом. Во сне на меня было бесовское нападение. Как будто орава мальчишек старается проникнуть ко мне в окно, но все рогатые и морды козлиные. Пытаясь защититься, я отчаянно обращалась к Животворящему Кресту: «Да воскреснет Бог...» Но без всякого результата. Молитва, мои крестные знамения – были бессильны. Ощущая изнеможение от неравной борьбы, я вдруг опомнилась: «Надо звать на помощь батюшку». И тут же помысел от лукавого: «Чтобы позвать, тебе нужно прервать бесогонную молитву, что недопустимо!» Но через минуту адский натиск усиливается настолько, что кричу, не помня себя: «Батюшка-а-а!» Отец Владимир появляется в ту же секунду. Так и осталось в глазах: широкий рукав рясы, сложенные персты батюшкиной руки, иерейский крест, поражающий нечисть. В толпе бесов – гвалт и смятение, давя друг друга, они шарахаются от меня и пропадают. Оказывается, я кричала в голос, и даже разбудила соседей в своем плацкарте. Этот сон и помощь батюшки были на фоне последних месяцев его жизни. Отец Владимир до конца был страшен и ненавистен бесам. Недаром на него было столько клеветы и гонений. Но, по своему смирению, он всегда скрывал свои дарования. И наше потрясение перед лицом его особенных деяний покрывал шутками, а то и вовсе начинал юродствовать, специально себя уничижая. Но невозможно скрыть свет, который возжег Господь.

Люди, слушая по телефону об обилии батюшкиной благодати, изливаемой на других, начинали плакать на другом конце провода. По их словам, в тот момент они явно ощущали батюшкину молитву, переходящую на них через рассказчика. Начинали любить его безмерно, привязывались к нему всей душой. Торопились приехать в Дивеево, будучи не в силах побороть желание увидеть его воочию. Рада за всех, кто успел это сделать.

Когда батюшка занемог, все любившие его заочно очень переживали, усиленно молились о нем сами и просили знакомых. Было заказано множество сорокоустов, всевозможных видов поминаний во все стороны света. Услышав о батюшкиной кончине, многие начинали безудержно рыдать в трубку. Удивительно, какой сильной была эта заочная любовь! Никогда в жизни не сталкивалась с подобным явлением. Все вышеописанное происходило с теми, кому я лично поведала об отце Владимире. И как же была удивлена и обрадована, узнав, что и с ними все повторялось. Когда они рассказывали своим знакомым о нашем батюшке, их близкие начинали необыкновенно чтить и любить его. И молились и молятся о нем, как о самом близком человеке. Радость, переполняющая души, пасхальная – так умел любить наш дорогой батюшка. Он и заочно одаривал людей избытком этой любви, сам не подозревая об этом. Светлая ему память, вечному молитвеннику нашему. Богу нашему Слава во веки веков. Аминь».

Раба Божия Вера: «Отец Владимир любил стихи. Однажды я присутствовала при том, как батюшка без пауз – прочел тут же созданное им стихотворение об Ангеле Хранителе. Это была настоящая духовная поэзия. Слова были столь неподдельно искренни, что касались глубины сердца. Помню, как при одном разговоре батюшка процитировал стихи И. Козлова:

Ты всемогущ, а я бессильный;
Ты – Царь миров, а я – убог;
Бессмертен Ты – я прах могильный!
Я здесь на миг – Ты вечный Бог!»

Духовная дочь отца Владимира В.: «Мы с мужем связаны с батюшкой много лет. Год за годом я собиралась поступать в монастырь. Но отец Владимир сказал: «Выйдешь замуж и своего ребенка привезешь ко мне крестить». Я была недовольна и не верила этому. Он и жениха мне нашел с подобными взглядами. Сколько потратил на нас сил, прежде чем освободил нас от мечтательности и духовных иллюзий. Когда мы обвенчались, у нас ничего не было и

жить было негде. И отец Владимир поселил нас в своей части домика, в которой когда-то сам жил в Подмосковье. Все предсказанное батюшкой сбылось, и первенца нашего он крестил. То большое, что сделал для нас батюшка, останется с нами. А вот мелочь расскажу.

У меня слегка деформировалось обручальное кольцо. Собралась ехать в ателье. В это время отец Владимир был проездом у нас. Неожиданно спрашивает: «Куда собрались?» Мы с мужем: «По делам». – «Бросьте ерундой заниматься». – «Нужно, батюшка, необходимо съездить». – «И зачем вам этот «вавилон» нужен?» – слышим вслед. Приехали, нашли на «Белорусской» ювелирное ателье. Стоим и читаем название: «Вавилон». Постояли – повернулись и поехали домой».

Раба Божия Раиса: «Однажды стою на всенощной в Троицком соборе и вижу тяжело болящего человека. Он и на коленях, и так молится, и плачет. У него невероятно тряслась правая рука, левой он все старался приподнять ее под локоть, чтобы хоть как-то перекреститься. Но получались одни несуразные движения. Тяжело было наблюдать эти муки. В другой раз вижу его на исповеди у отца Владимира. Сразу после этого ему явно стало лучше. А на третий день он уже свободно, как обычные люди, крестился. Подошел к отцу Владимиру, с навернувшимися слезами его благодарил, так радовался. У нас текли слезы умиления».

Когда надеяться на врачей потеряло всякий смысл

Духовная дочь отца Владимира Ирина, Дивеево: «Это было шесть лет назад. Я еще не знала Бога. Что случилось со мной, Господу известно, быть может, и колдовство. Не понимала причины своего страшного состояния – просто умирала духовно и физически. В самом начале бросилась к врачам. Анализы замечательные, все в полном порядке – но работать не могу, ничего не могу, умираю. Молодая женщина, тридцати с чем-то лет обивает больничные пороги. В конечном итоге врачи мне: да вы – симулянтка! Уже не знала, куда мне ткнуться. Всех я прошла: целителей,

бабушек с крестом, иконами и без них, экстрасенсов, все это было моим «духовным багажом». («Когда человек подвергается нападению темных сил, – говорил отец Владимир, – может быть нарушен ход всех физиологических процессов организма. Ни один врач не сможет понять, что происходит»). Уволилась со службы, ничего у меня не работало. Уже с собственным ребенком сидеть не могла, в основном лежала в прострации.

Когда надеяться на врачей потеряло всякий смысл, я поехала сначала к преподобному Сергию Радонежскому. В Лавре мне сказали: «Попробуй съездить в Дивеево, там есть прозорливый старец. Вот если к нему попадешь, он тебе обязательно поможет».

Это начало моего пути к Господу. Конечно, все было на уровне – зайти в храм, поставить свечку. Но мы с мамой молились. Очень скорбели, просили Господа, просили Преподобного Серафима, чтобы он все управил. Оставила маме ребенка, собралась, и, ничего не зная: куда я, как доберусь, где там буду – отправилась в Дивеево. Приехала поздно вечером, посмотрела на монастырь, он мне показался такой огромный, величественный... страшный. Ну, где ж я тут остановлюсь? Ночь, знакомых нет. Зашла в полупустой храм: служба вечерняя, почти никого. Думаю, где ж тут батюшка? Как его найти, да еще прозорливого?.. Смотрю, заходит такой небольшой священник, с кем-то остановился, говорит. Я повернулась, думаю: спрошу у этого. Уж если не сейчас... служба заканчивается, к кому идти – не знаю... Подхожу, и из меня вопль: «Батюшка, со мной такое творится... Уже ничего не могу, не понимаю, что мне делать дальше – круг замкнутый. Мне сказали, что здесь в Дивеево есть прозорливый старец. Как мне его найти?!» Батюшка на меня посмотрел, говорит: «Здесь прозорливого нет, есть прожорливый. Пойдем-ка мы с тобой службу послушаем, а потом решим, что с тобой дальше делать».

С этого мгновения и началось, без преувеличения, мое возрождение, по молитвам Преподобного Серафима и батюшки Владимира. Позже он мне сказал: «В этот вечер мне не нужно было идти в храм. Но как будто позвали:

немедленно иди». Он тут же устроил меня на квартиру. На следующий день уже сугубо молился надо мной в своей келье. Сразу не было исцеления, мгновенного какого-то чуда не произошло. Но постепенно, изо дня в день, из месяца в месяц, медленно, но верно, я оживала, крепла, крепла. Чувствовала: я на верном пути. Все, что со мной раньше происходило, где я раньше лечилась, там если и была помощь, то кратковременная. А потом — еще хуже. После этой «помощи» я, буквально, погибала.

Во второй приезд в Дивеево у меня в храме пропала сумка. Пожаловалась батюшке. И через пару месяцев мне эту сумку вернули в Москве, из нее ничего не пропало. За святые молитвы батюшки такие чудеса с нами происходили.

Один раз мы приехали к отцу Владимиру всей семьей. Сидели за столом. Батюшка был очень хлебосольный: всех встречал, кормил-поил. Вдруг маму мою спрашивает: «Когда же вы сюда, наконец, переедете?» — «Да, батюшка, мы и так нередкие ваши гости». А сама думает: «Домик бы я здесь, конечно, купила, и на лето приезжала. Надо бы: уж очень мы больные...» А батюшка посмотрел ей в глаза: «Не приезжать! А покупать дом и жить!» Мама просто обомлела, потом мне рассказывает: «Это надо же, не успела подумать, а он тут же: «Не на лето приезжать, а — жить!» Батюшкиными молитвами, мы действительно вскоре расстались с Москвой и переехали в Дивеево.

Как-то собрались на источник. Зашли взять напутствие. Отец Владимир благословил искупаться. Мы спросили, не нужно ли ему привезти воды. «Конечно, нужно. Матушка вам все даст», — и заторопился на всенощную. Нам приносят огромную флягу, многолитровую, а у нас была маленькая машина, и своими вещами все забито. Мама думает: куда нам такую большую, мы ее и не вместим!» Батюшка уже далеко от нас. Вдруг поворачивается, посмотрел в нашу сторону и бегом возвращается: «Матушка, забери эту флягу, дай им что-нибудь поменьше». Ведь он с нами уже попрощался, уходил и не мог знать дальнейшего. Мама только подумала, он уже перехватил эту мысль, возвращается... А мама: «При нем и подумать ничего

нельзя». Батюшка всегда необыкновенно нам помогал. Исцелил мою маму, когда уже сам был при смерти. Не забывает и теперь. Его молитвами живем здесь уже три года».

Инокиня София приехала в Дивеево из монастыря в Чебоксарах, после исповеди пожаловалась отцу Владимиру на свой страшный гайморит. Попросила помолиться о ее здоровье. А он взял двумя пальцами правой руки ее нос, слегка покрутил и сказал, чтобы помолилась Преподобному Серафиму. Вскоре у нее все прошло, и больше мучительная болезнь, которая регулярно ее изводила, не возвращалась.

Раб Божий Виктор, Москва: «Меня отец Владимир привел к вере после десятка лет увлечений восточной философией, теософией, всеми Шнейдерами, Вивеканандами, Рерихами, Блаватскими и пр. Сколько нянчился со мной. Не забыть эти разговоры и как он парировал мой бред. Вначале я был столь развязен, что мог позволить себе иронизировать: «Не боитесь, батюшка, умереть и не обрести того рая, в который верите?» А он: «Не страшитесь ли в итоге наследовать тот ад, который отрицаете?!» И уже когда решился идти к нему на исповедь, он сказал с великой любовью: «Каждый принадлежит к одному из трех разрядов людей, как заметил Паскаль: «Одни узнали Бога и всей жизнью служат Ему – эти люди разумны и счастливы. Другие – не нашли и не ищут Его – эти безумны и несчастны. Третьи не обрели, но ищут Бога – эти люди разумны, но еще несчастливы». Не забуду все, что он мне говорил. По его советам прочел серьезные книги, почти всего Роуза. Но пробил он мою скалу именно любовью. Просто я увидел воочию человека, который готов на все – для своего Христа. Такие люди не умирают. И верю, как он взял меня за руку и повел здесь, так и там встретит – проведет сквозь мытарства. Вечная тебе, отче, память».

Рассказывает раба Божия Валентина: «Больше двадцати лет я постоянно кашляла. Думала, что у меня хронический бронхит, и это уже неизлечимо. Но болезнь имела, оказывается, духовную основу. Однажды я попала на

исповедь к отцу Владимиру. Он занимался со мною очень пристрастно. Обнаружил серьезные неисповеданные грехи и назначил епитимию. Сказал: «Очень важно, чтобы ты все тщательно исполняла. Перед Рождеством еще раз исповедаешься и причастишься». Это было в начале Рождественского поста. Постоянно чувствовала молитвенное участие отца Владимира, его духовное внимание. И весь пост, хоть было нелегко, исполняла им назначенное. Вот уже и сочельник: стою перед алтарем, собралась к Причастию. И вдруг неожиданно мне плохо, тошнит... Едва успела отойти от алтаря, вытащить из сумки целлофановый пакет, как у меня открылась страшная рвота. Сбегала, умылась. И с необыкновенным облегчением причастилась, по милости Господней. И только на следующий день обнаружила, что я перестала кашлять. Несколько лет прошло, кашель ко мне не возвращается».

Раба Божия Вера, Новосибирск: «Попала я в первый раз на исповедь к отцу Владимиру. На другой день подошла его благодарить. И вдруг батюшка ни с того, ни с сего, говорит мне: «Скажи отцу настоятелю своего храма, что ему нужно задуматься о предстоящем монашестве». Я так удивилась, у батюшки-то нашего жена, матушка. Какое тут может быть монашество. Но по приезде набралась духа и все это от незнакомого священника – передала. Он посчитал совет недоразумением. Но представьте себе, через четыре месяца у настоятеля скоропостижно умирает матушка. И он теперь не только монах – игумен. Наверное, это прозвучавшее из уст отца Владимира предупреждение облегчило отцу утрату, подсказывая, что все это – Божий промысел».

Могу подтвердить, что батюшка нередко предсказывал, в личном общении и заочно, монашеский путь. У отца Владимира, кажется, было особое чутье на таких людей. Он предвидел будущее иночество даже невзрослых детей. На протяжении ряда лет наблюдаю, как сбывается обещанное им. Интересно, что сразу же после смерти батюшки, многие его духовные дети оставили светскую должность, стали работать в церкви (на что не могли ре-

шиться годы). Несколько близких ему людей приняли монашеский постриг. Знаю совершивших этот шаг сразу за днем упокоения отца Владимира, еще не ведая о смерти батюшки.

Один из рассказов: «Все в Дивееве меня так поразило и восхитило, – рассказывает раба Божия Мария, – что я день за днем стала думать: не остаться ли мне в монастыре. Мы приехали сюда с подругой, которую я считала несколько легкомысленной. Она подкрашивала ресницы, по делу и без дела гляделась в зеркало.

На третий день по приезде стою в Троицком соборе, С. моя от меня отошла. Вдруг приближается незнакомый священник, благословляет и с доброй улыбкой тихо, чтобы не слышали другие, говорит: «К сожалению, тебе не придется поступить к нам в монастырь. А вот подружка твоя, та, которая так любит глядеться в зеркальце, – скоро будет наша». В это было очень трудно поверить. В тот день и подруга моя не поверила этому. Но факт остается фактом – она теперь послушница Серафимо-Дивеевского монастыря. Тогда я еще не читала Летописи и не знала, что Батюшка Серафим имел дерзновение благословить на иночество ту, которая, казалось, мало этому соответствовала».

Раба Божия Светлана П.: «Отец Владимир мог быть очень благодарен за малость, ибо дорожил чьим-то потраченным на эту безделицу сердцем. Выражал свою признательность и за какой-то дорогостоящий подарок, чтобы сделать приятное попечителям. Но знаю, что батюшка, не задумываясь, отдал бы любое достояние, чтобы, например, дало трещину чье-то упорное окамененное нечувствие, и чья-то загубленная душа сделала один шаг ко спасению. Материальные ценности не имели для него никакой цены».

Раба Божия Алла: «Приехали мы как-то в очередной раз к батюшке за помощью (он очень помогал мне в тяжелой ситуации с больными детьми). И вижу, как ведут, с двух сторон поддерживая, к отцу Владимиру юную девочку: руки как плети, голова не держится, болтается, невменяемый взгляд... Висит на руках сопровождающих. Разго-

ворилась потом с ее матерью. После школьного вечера дочь пошел провожать мальчик, на него имела виды другая одноклассница, которая обратилась к колдунье. И навели на девочку порчу. Батюшка немедленно включился в ситуацию. Молился над ней. На следующий вечер она уже крестилась и молилась в храме. На другой день исповедовалась у батюшки и причащалась. На моих глазах они со слезами благодарили отца Владимира перед отъездом. Девочка выглядела совершенно здоровой».

Духовный сын отца Владимира Николай: «Отец Владимир совершил в моей жизни настоящие чудеса. Но каждый раз строго предупреждал, чтобы я ни в коем случае их не разглашал. Поэтому не могу позволить себе рассказывать серьезные вещи, т.к. духовный отец не снял с меня этого запрета. И малых удивительных эпизодов было без числа. Помню, в начале нашего знакомства мы встретились на вокзале в Арзамасе с отцом Владимиром и Арсением, которые тоже ехали в Москву. Разговорились. Арсюша узнал, что у меня есть сын-подросток, и радостно произнес: «Так мы можем с ним переписываться!» (Впоследствии, они действительно стали друзьями и несколько лет переписывались, прежде чем мы всей семьей переехали в Дивеево). Предложил: «Запиши, Арсюша, наши имена на молитвенную память». – «Вы тоже, пожалуйста, всех нас внесите в свой список: маму, меня, сестру и, конечно, папу». Отец Владимир вмешался: «Меня ему записывать не надо: я и так у него значусь четвертым номером». Поразился: никто не мог знать, что после архимандрита С. и двух близких мне протоиереев, действительно, четвертым в моем помяннике стояло имя отца Владимира».

Рассказ раба Божиего П: «Моя больная жена закончила жизнь самоубийством. После этого начались мои мытарства: никто не берется отпевать и все. У кого только ни побывал. Уже и владыка Иерофей с полным сочувствием после всех рассказов меня благословил, просмотрев выписки из психиатрической больницы, в которой жена лежала неоднократно. И вот я опять в Троицком соборе. Подхожу к одному из наших отцов. Выслушивает, кивает головой:

«Да, да, отпеть надо, только мне сейчас крайне некогда. А вот подойди к тому приезжему священнику...» Подхожу, только начал в двадцать первый раз свои объяснения, батюшка на меня как возвысит голос. И чего только я не услышал... И в конце: «Много вас ходит – таких...» Тут нервы у меня сдали. Думаю: «Мне что ли за женой своей последовать?!» В эту минуту последнего отчаяния, как «скорая помощь», появляется из алтаря отец Владимир. Еще не остановившись, на бегу взволнованно спрашивает: «Что с тобой?!!» Все навзрыд выговариваю. «Я немедленно отпою твою Валентину!» – и вручает мне зажженную свечу. Тут же начинает отпевание. Пустой храм, будто на Небесах. На многих отпеваниях я был, и до и после, но похожего не было ни разу. Проплакал всю службу. А прощался с батюшкой и уходил, как будто у меня после вековой ночи рассвело за окошком».

Когда отца Владимира спрашивали о душевно больных, он всегда утешал людей. «Эти страдальцы, несомненно, спасаются, – говорил он. – Бог не вменяет им в грех, даже если они делают что-то противное Богу, так как они не имеют свободной воли, а подчинены воле бесов. Еще здесь эти люди проходят мытарства, узнают адские муки. Такие скорби они несут за не ведомые нам тяжкие грехи рода. Есть большой смысл в их мученической жизни. Благодаря их страданиям, Господь не только спасает их, но может облегчить загробную участь их усопших родных. Все это очень таинственно. Самое главное, не впасть в уныние тем, кто ухаживает за душевно больными. И первые, и вторые несут большой крест. Помоги им всем, Господи. Милостивый Владыко, не остави их никогда. В самую трудную минуту – не отступи...»

Из письма святителя Николая Сербского в ответ на вопрос «Могут ли спастись безумные?»: «Если веришь в Бога и Его Промысл, веруй до конца и без колебаний. Если, по слову Божию, птица *не упадет на землю без воли Отца вашего* (Мф. 10, 29), как же человек может впасть в болезнь и страдания без воли Его? А основная воля Божия о человеке – чтобы все спаслись. Значит, безумие попущено твоему мужу ради его спасения. Если бы Милостивый

Господь не желал его спасти, Он не поразил бы его такой страшной болезнью: Он поразил бы его смертью во грехах его. Всякой болезнью и мукой Лекарь Небесный лечит души человеческие. Поэтому тяжелобольным следует сожалеть не столько о себе, сколько о телесно здоровых, которых смерть настигает во грехе. Сказано: ***в чем застану, в том и сужду*** (Иез.7, 3), если во грехе – тогда осуждение, если в покаянии – прощение и награда.

Но ты можешь сказать: ведь сейчас он не может ни каяться, ни молиться. Поэтому ты будешь приносить жертву. А он в своем теперешнем состоянии может только страдать – себе на спасение, другим на страх. Всякая больница указует перстом на Бога, но никакая не делает этого так явно, как больница для душевнобольных».*

Духовная дочь отца Владимира Зинаида: «Как он любил всех радовать, это был беспримерный борец с унынием. Да, батюшка, неизглаголанный батюшка! Всегда ему некогда: люди, люди. Никакой возможности время уделить, бежит мимо, а скорбного – не пропустит. Помню, в таком тяжелом была состоянии, он оторвался от других, раскрыл мою ладонь, что-то положил, сжал руку. «Это тебе конфета – от уныния!» – и побежал дальше. Разжимаю пальцы, смотрю: та-а-ак! Верблюд... двугорбый, и чувствую, тоска физически от меня отходит. И – восстала. Дело, конечно, не в конфете, а в том, что он вкладывал – в слово, в улыбку, в один взгляд бесконечного понимания. И такой мелочью прикрывал свою стремительную молитву о немедленной помощи».

Батюшка говорил: «Уныние – это ключи от дверей ада. Помнишь, как улыбался нам Батюшка Серафим: «Лучше каблучком притопнуть (то есть лучше в пляс пуститься), но только не унывать!»

Рассказывает раба Божия Екатерина, Саратов: «Для

---

* Все письма, цитаты святителя Николая взяты из книг: Святитель Николай Сербский. Миссионерские письма. Изд-во Московского подворья Свято-Троицкой Сергиевой Лавры. Москва, 2003; Избранное. Издательство Свято-Елисаветинского монастыря. Минск, 2004

меня отец Владимир – дар Господень. Много я храмов обошла, разных священников видела и даже очень хороших, но такое чуткое отношение к первому встречному, думаю, и в прошлом веке нелегко было встретить. Это был священник, которому до тебя было дело. Через батюшку Бог подарил мне первую в жизни настоящую исповедь. И этот человек залился слезами о моих грехах. А мне, признаться, вовсе не казалось, что я сделала что-нибудь *такое*, из ряда вон. Многим он глаза на себя открыл! Батюшка воскресил меня для духовного восприятия вещей. Теперь все материальное существование для меня отнюдь не так важно, не столь интересно, оно потеряло силу меня завлекать. А важно стало, *как* посмотрит на меня Бог в тот или иной момент. И *как* я перед Ним в скором времени буду отвечать. Ведь если еще и пятьдесят лет жить, все равно это быстро кончится. Благодарю Бога за свои перемены. Прежде я относилась к внешней, малостоящей жизни как к настоящей, и без конца разочаровывалась, переживала, страдала.

А теперь с вниманием отношусь к тому, что у меня внутри; вижу, как на душу постоянно нападают греховные полчища, и должна непрестанно их отражать. Батюшка был улыбчив, ласков, но себя – не щадил. После первых восторгов по отношению к нему, объяснял, что он тут ни при чем, а все – благодать Христова, учил строгости и безжалостности к себе. Отец Владимир очень много для меня сделал и делает: чувствую его молитвы о себе и после его кончины.

Нередко он вел себя, как человек обычный. Специально, чтобы о нем не думали ничего особенного. Те, кто соприкоснулся с ним на самом деле, знают, каким потрясающим был этот человек. Навсегда это останется со мной: мне было убийственно плохо, хоть в петлю полезай (обстоятельства мои мало кому интересны). Стою у мощей Преподобного Серафима, и меня душит страшная тоска. Вокруг толпа, в храме праздник. Уже: «Святая святым». Вдруг сквозь толпу ко мне прорывается батюшка. И без всякого моего слова напускается на меня: «Ты *что*?! Что это ты выдумала?!» Обхватил мою голову правой рукой, сжал, прижал к своему сердцу: **«Не смей такое**

думать!» Развел мне вихры на голове обеими руками, заправил под платок. Я – реву в три ручья. «Вот, то-то! – говорит. – Держись! Короткую жизнь продержаться осталось. Крепись!» Благословил с великой любовью и убежал к другим. А кто я ему? Он мне даже не духовный отец, не решилась его об этом просить, я-то не подарок. И слова о своей ситуации ему не сказала. Никаких объяснений.

Это была и есть – великая Божия душа, отец родимый, посланный жалостью Богоматери. У батюшки была какая-то материнская нежность к людям. Благодарим Господа. Через него нам светила, грела – любовь неземная. Хоть я того меньше всех до-стойна. Но душа так нуждается, чтобы за нее кто-то болел, страдал, кто-то участвовал в ней постоянно. В дикой жизни, которая нас окружает, мы всего, а этого тем более, лишены. Есть такие люди – старцы, которые болеют за весь мир, и при этом имеют силы пожалеть каждого никчемного. Таких я не видела. Но вот, по-моему, батюшка, хоть по возрасту не подходит, но был старцем. Как Амвросий Оптинский, мог шлепнуть по щеке – и зуб проходил.

У моей знакомой сильно болела опухоль на щитовидке. Врачи требовали делать операцию. Батюшка надавил ей несколько раз пальцами вокруг опухоли, и боль прошла, и операция не потребовалась. Одним крепким крестным знамением мог привести человека в чувство, вернуть душевное равновесие. За считанные минуты мог вынуть душу из помойки. И сегодня рядом с нами живут святые, а мы ходим мимо и не замечаем».

Мне поведали ряд подобных свидетельств. Слушая очередное, вспомнила слова старца Марфо-Мариинской обители Алексия Зосимовского: *«Много слез сокрушенного сердца проливает человек, чтобы сделаться способным утешать других о Господе. Нужно идти туда, где туга душевная так мучает человека, что он склоняется на самоубийство. Это нелегкий подвиг, граничащий с истинным распятием собственной греховности,* ***ибо только тот может уврачевать отчаявшегося, кто сам, силой своего духа, сможет взять на себя тяжесть его***

душевного состояния. *«Христос мог избежать Своих страданий, однако Он Сам добровольно пошел на Крест. Бог любит особенно тех, кто добровольно идет на страдания Христа ради»*.

Раба Божия Ксения Н., Москва: «Это эпизод из жития афонского старца Силуана, портрет которого висит над кроватью отца Владимира. Когда-то на лесоповальных работах преподобный увидел, как могучий ствол дерева покатился по откосу на людей. У него сердце закричало, заплакало к Богу. И совершилось чудо: громада, грозившая смертью, наперекор всем физическим законам остановилась. Люди остались живы.

Так отец Владимир, если видел погибающего (как страшно зреть лютую бездну, готовую захватить поскользнувшуюся душу, а батюшка слышал, предощущал этот готовящийся бросок преисподней), его сердце начинало неудержимо вопиять, рыдать своему Богу – Единому Помогающему. И сколько душ остановилось в своем неотвратимом падении вниз, подхваченных порывом Божией Любви. Как мы все обязаны тебе, батюшка. Как тебя недостойны. Никто, кроме Бога, не знает про тебя до конца. Глубину твоей тайной боли за человека, сокрытой за улыбками, веселым тоном. Никто не сосчитает, сколько бы людей безвременно ушло из жизни, если бы не отец Владимир. Скольких он удержал от духовных падений. Вечная память тебе, батюшка. Вечная жизнь».

У рабы Божией Любови из деревни Яковлевка, тяжело заболела дочь. Обыкновенные врачебные средства не помогали. Мать бесконечно скорбела, не имея возможности облегчить страдания больной. От безысходности она впала в уныние. Когда человека посещает настоящее горе, он неожиданно осознает меру своего одиночества: не с кем поделиться, нет человека, которому можно открыть душу, встретить понимание. Мир, утопая в суете, живет на своей поверхности, ему чужда глубина страдания. Легче и естественнее всего он просто вычеркивает таких людей из своей памяти.

Долгое время Любовь хотела попасть на исповедь к отцу Владимиру, но он всегда был окружен такой толпой народа, что она потеряла всякую надежду к нему пробиться. Наверное, горе вывело ее на батюшку. После очень важной для нее исповеди, она едва смогла произнести: «Отец Владимир, помолитесь о моей дочери, она очень сильно болеет». Батюшка ничего мне не ответил, только посмотрел *такими* глазами, словно Бог перелил часть моей боли в его сердце. Как будто я поделила с ним свое несчастье. Ничего я ему не рассказала, но видела, что он страдает вместе со мной, что он взял мое – *непосильное* – на себя... В эту минуту он исцелил мою душу, и не только от уныния. Во мне начала расцветать надежда. И, хотя в ответ на просьбу батюшка не сказал ни слова, но, уходя, ощутила, что милость Божия возможна и для нас. Через некоторое время дочери стало значительно лучше».

Духовный сын отца Владимира И.: «Батюшка с кем-то общался на уровне богослова, с безыскусным – проще простеца. Полностью настроен на конкретного человека. И проповеди, доступные всем. Говорит так доверительно, что становится близким любому слушателю. Ощущает душу произносимого слова – мы ведь разучились слово воспринимать. Святых отцов читаем, как газету. Считаем себя воцерковленными. А вот жить по Евангелию – это редкость. Это совсем другое дело. Одаренных и красноречивых много. Но вот, чтобы после проповеди захотелось жизнь свою поменять – таких я, может быть, только двоих и знал. Иногда смотрю на отца Владимира, как будто *он не здесь*. Он ведь *оттуда* с нами говорит. Начинает с земного и выводит способных за ним пойти на небесный уровень».

Осталась в памяти проповедь батюшки на 9 мая – День Победы. Он напомнил, что перелом в ходе Великой Отечественной войны был связан с духовным событием: по линии фронта провезли чудотворную Казанскую икону Божией Матери, перед которой везде служили молебны. Генерал Жуков, будучи негласно верующим, в этом участвовал. Раскрытой душой, с нескрываемым волнением

батюшка говорил о подвиге солдата, сравнивая его с подвижническим трудом монаха. Сражаясь за свое Отечество, принимая раны и умирая, воин получает прощение множества грехов, даже если был лишен церковного покаяния. В эту войну множество душ было очищено, обрело спасение и Царство Небесное. В сознании необходимости исполнить святой долг перед Родиной неверующие люди шли на смерть. Так сегодня, не колеблясь, должны идти христиане последних времен в сражение с невидимым врагом за свою небесную Родину.

Вторая мировая война была милостью Божией к России. Она стала покаянием многовиновного народа, с тех далеких и – недавних лет революции, за которые до сих пор мы не принесли подлинного раскаяния. По сей день – ждет Господь. Когда мы стоим перед всемирным бедствием, перед страшным ликом войны, воочию видим живые раны, слышим душераздирающие стоны, – нам открывается мистическая сущность происходящего. Каждый грех должен быть оплачен. Если Всемилостивейший Бог вынужден очищать нас такими скорбями, то мы, наконец, быть может, уразумеем, как страшно грешить. Кровь, крик, разорванные раны – вот он живой ад, которого мы, оказывается, **достойны** по нашим грехам. Этот ад мы заслужим, если не покаемся. Не дай, Боже, никому получить его ни здесь, ни там! Сегодня мы накопили несметные горы новых грехов. И не страдаем, как должно, не плачем, не скорбим. Как будто не понимаем, что призываем на свою голову – новую грозу...

Батюшкины слова касались каждого сердца. Особенная тишина, глубокое единение душ пастыря с паствой. Говоря о народной нераскаянности, отец Владимир вызывал немедленное покаянное движение сердец. Это слово было на такой непростой глубине, что люди начинали чувствовать страх Божий, обыкновенно лишь теоретически присутствующий в нашей жизни. Как будто к нам приближалось неотвратимое возмездие Божие... И нужно сейчас, немедленно что-то, делать, менять... **Пока не поздно!**

Не умея сдержать слез, батюшка прочел людям стихотворение, найденное после боя в шинели русского солдата, убитого в Великую Отечественную войну. Редкий человек не плакал в храме.

Письмо к Богу

Послушай, Бог... Еще ни разу в жизни
с Тобой не говорил я, но сегодня
мне хочется приветствовать Тебя.
Ты знаешь, с детских лет мне говорили,
что нет Тебя. И я, дурак, поверил.
Твоих я никогда не созерцал творений.
И вот сегодня ночью я смотрел
из кратера, что выбила граната,
на небо звездное, что было надо мной.
Я понял вдруг, любуясь мирозданьем,
каким жестоким может быть обман.
Не знаю, Боже, дашь ли Ты мне руку,
но я Тебе скажу, и Ты меня поймешь:
не странно ль, что средь ужасающего ада
мне вдруг открылся Свет – и я узнал Тебя?
А кроме этого мне нечего сказать,
вот только, что я рад, что я Тебя узнал.
На полночь мы назначены в атаку,
но мне не страшно: Ты на нас глядишь...
Сигнал. Ну что ж? Я должен отправляться.
Мне было хорошо с Тобой. Еще хочу сказать,
что, как Ты знаешь, битва будет злая,
и, может, ночью же к Тебе я постучусь.
И вот, хоть до сих пор Тебе я не был другом,
позволишь ли ты мне войти, когда приду?
Но, кажется, я плачу. Боже мой, Ты видишь,
со мной случилось то, что нынче я прозрел.
Прощай, мой Бог, иду. И вряд ли уж вернусь.
Как странно, но теперь я смерти не боюсь.

«А была бы полная семь-я!»

Вспоминает матушка отца диакона Людмила: «Помню первую нашу встречу с отцом Владимиром. Мы только приехали на святую дивеевскую землю. Входим в храм

уже после службы, и первый летящий нам навстречу в развевающейся фелони – отец Владимир. Увидел нас, а мы сразу руки складываем, как увидим любого батюшку. Он вдруг взял мою руку, потом руку мужа, сложил крестом (руку мужа, потом мою), свою руку – снизу, другую – сверху, так держит и говорит: «А где старшой?» У меня глаза невольно увеличились, нашла сына взглядом: «Андрюша, иди сюда! Батюшка зовет». Отец Владимир: «А где средненькая?» – «Да, здесь, батюшка». Позвала дочь Татьяну. «А меньшой где?» – «Да, все мы – здесь!» – удивилась я еще больше. Нашла в толпе Иоанна. Дети взяли у батюшки благословение. Все мы видели батюшку впервые. И он вдруг: «А где – еще двое?» Полностью глаза округлились. Встретились с мужем взглядом, потупились и замолкли. Отец Владимир помолчал и глубоко произнес: «А была бы полная семья!» Он так и сказал: «семь-я».

На одной пасхальной службе моя родственница Вера бессильно боролась со сном, каждую минуту зевала и начинала дремать. Накануне готовилась к Пасхе, день в суете, и теперь едва не падает с ног на ночной службе. Вдруг, очнувшись, показывает мне на отца Владимира: «Какой интересный батюшка, смотри, как исповедует людей: одного за ухо потреплет, другому шею нагнет...»

Говорю: «Хочешь взять благословение?» – «В себе ли ты?» – «Господь устроит». А он как раз очередного епитрахилью накрыл. Пробуем приблизиться к батюшке в невозможной толпе, и тут народ перед нами расступается – прямо к нему тропиночкой. Толкаю Веру: «Иди». Она до половины дорожки дошла и на меня оглянулась, она батюшку еще не знает и в чудо не верит, ей кажется, все равно не пройдет. Отец Владимир вдруг поворачивается, издали на нее смотрит: «Что, спишь?!» Она скорей к нему, руки складывает: «Сплю, батюшка!» – «Ну, давай благословлю!» – и начал осенять крестом – такими ударами крепкими: «Во имя Отца и Сына и Святаго Духа». И у нее глаза так открылись, что двое суток она их закрыть не могла. Пришли к знакомым отдохнуть после пасхальной ночи. Все по кроватям. «Вера, ты что не спишь?» – «Да, не могу никак, глаза в потолок – и все». Мы выспались,

домой уехали, а она так и не уснула, не только в этот день. Следующую ночь и день не сомкнула глаз. Такую благодать получила от отца Владимира – избыток сил на жизнь.

Не забыть, как гонения на него начались. Он ведь дивеевский был, а его хотели куда-то отослать, говорили: колдун, экстрасенс. Это, конечно, была бесовщина. Мы жили в Сатисе, под Дивеево, и так я напугалась: «Неужели правда?» Слухи пошли, чушь всякая, а я-то хорошо батюшку еще не знала и поддалась на дьявольскую удочку, в сплетни эти поверила. Смотрела на его матушку в храме и жалела ее: как она одна с детишками, ведь батюшку куда-то угнали. Вдруг он снова появился! Вернули его. А у меня сомнения: брать у него благословение или нет? Был большой праздник, народу очень много. Я в храм не могла войти: далеко жила, припоздала. Меня в угол зажали, стою в дверях. Молебен закончился, отец Владимир кропит народ и вылетает весь мокрый на паперть, щедро кропит. Все в радости, после батюшкиного кропления не оставалось недовольных. А я сложу руки и спрячу: «Брать-не брать?» Поверила этому вранью. А батюшка – прямо ко мне. Человек, который загораживал меня, отошел, и хочешь-не хочешь, а благословение брать надо. Руки складываются и поневоле протягиваются ему навстречу! Он: «Ну, что – спряталась?!» – «Батюшка, простите». Благословил и пошел.

Помню случай в храме. Появился в Дивееве человек, как будто с эпилепсией. Старушка приняла троих квартирантов и привела их в собор. Верующие они или нет, с крестом или без креста, но стояли у иконы Преподобного Серафима, рядом с амвоном. Больной сидит с краю, на ступеньках, ведущих к иконе, а двое его держат за мизинцы с обеих сторон. Он бьется, а они стоят, придерживают. Другой поодаль: «Держите, держите его». Мимо проходит отец Владимир. Как раз перед Причастием, после «Святая святым», вот-вот откроются Царские врата. Наблюдаю, рядом стою. Батюшка смотрит на припадочного: «Отпустите его!» – и дальше побежал. Поворачивается, глядит на них, они его держат. Вернулся: «Оставьте его!!!» – отрывает руки помощников и резко, строго: «Ну-ка, отойдите!» Они

молчат: «Я кому сказал?!» Они застыли, а бабушка, которая их привела, тихо: «Раз сказал, надо отойти». А этот бьется еще сильнее. Отец Владимир на него пристально посмотрел, а подручные: «Он же сейчас разобьется...» – «Не разобьется!» – с торжеством произносит батюшка и спешит в диаконские боковые двери. Отец Владимир больше не вышел, закрыл за собой дверь алтаря. Наблюдаю за «больным». Он бился-бился, видит: никто им не интересуется, после слов батюшки, тем более. Он один глаз приоткрывает, оглядывает всех, потом – второй... Тряска эта эффектная у него прекращается, он встает – спокойно так: встал и пошел! Отец Владимир вышел из алтаря после службы и к этой бабушке: «Это твой?» – «Да, у меня остановились». – «Гони ты их. Гони!» Такой был наш батюшка: все видел, все знал!»

Матушка Ирина: «Как-то отец Владимир исповедовал в левом приделе. И одна болящая вдруг начала периодически вещать грубым басом, под Левитана, громоподобным, наводящим некоторое содрогание на всех, якобы прорицательским тоном: «Не ходите к отцу Владимиру Шикину, не ходите к нему!» У святых мощей Преподобного Серафима вырывались слова бесовской ненависти. Батюшка смутился: «Надо же, я с ней вчера еще так долго занимался, вот дает!» Естественно он был обескуражен не поношением. Фактом привлечения к нему внимания».

Раб Божий Алексий (Москва): «Впервые привез своего институтского друга в Дивеево в тяжелом духовном состоянии. Кроме обыкновенной греховной распущенности, было в нем какое-то особенное противление Богу. Постоянно приходилось останавливать поток его едких высказываний на предмет Церкви. Он страдал периодами глубокой депрессии, переходившей в запои. Кое-кто советовал ему психиатрическую больницу. Несколько лет уговаривал его поехать к батюшке. Но решился он на это, только когда, по моей просьбе, отец Владимир две-три недели стал молиться о нем, о чем он, конечно, не знал. И вот мы у батюшки дома. Он встретил нас, по обыкновению, очень приветливо, с отеческой лаской. Мой В. в ответ становится все

более хмурым, неприветливым, почти откровенно грубым. Отец Владимир с улыбкой просит меня оставить их в келье вдвоем. В. тут же рванулся вслед за мной. Батюшка сумел его удержать, конечно, не физической силой. Ждал я под дверями кельи около полутора часов. Его было трудно узнать, когда он вышел. Лицо измученное, какое-то воспаленное, нелегко ему все это далось, и одновременно – это был уже другой человек. Не смел его расспрашивать, молчали всю обратную дорогу. Единственная фраза, которая прозвучала в тот вечер, меня поразила: «Я попросил батюшку отчитать меня». И только месяц-полтора спустя, он рассказал мне о части разговора с отцом Владимиром.

«Много я от него услышал, чего не забывают. Он спросил, знаю ли я, как умирал Вольтер, прославившийся изощренной хулой на Бога? Он кричал, корчился от боли. Впервые призывал Того, Кого отвергал всю жизнь. Перед смертью он заклинал врача, предлагая стоимость половины имущества, продлить ему жизнь, хотя бы на несколько дней: «Если этого не будет, я пойду в ад и прихвачу вас с собой!» Получив отрицательный ответ, он умолял немедленно позвать ему священника. Но его друзья, такие же словоблудники, как он сам, сделали все, чтобы этого не произошло. Он кричал с искаженным ужасом лицом: «Я покинут Богом и людьми. Ад – отверзается!» – и призывал имя Христа, понимая, что Он – Единый Спасающий... «Когда человек приближается к смерти, – сказал мне батюшка, – он выходит на новый уровень восприятия. Получает способность воспринимать мир невидимый. Множество уходивших на моих руках людей страдали от видения бесов. Они получают власть над каждой душой, не принесшей покаяния Господу в своих грехах. Один Бог силен изменить уготованное нам по нашим делам. Такие наиболее известные и категоричные в мировой истории атеисты, как Лукреций, Мопассан и Ницше, закончили сумасшествием».

Не менее люта участь другого «гения». Почти ничего невозможно прочесть о последних днях Льва Толстого, дерзнувшего свой кощунственный апокриф именовать «Евангелием». Сколько, в том числе незаурядных людей,

было им прельщено. Существуют письма писателя к своей сестре, монахине, где он с неприкрытым отчаянием пишет, что во сне и наяву его окружают гигантские чудовища. Их омерзительность не поддается описанию, они издеваются над ним. Имеют над ним полную власть... В ответном письме сестра умоляла брата принести немедленное покаяние Богу. Побег Толстого из Ясной поляны накануне смерти был попыткой найти защиту в Оптиной Пустыни. Но поздно... **Бог не принимает крика о помощи, если он не основан на глубоком раскаянии о содеянном**, а только на ужасе перед преисподней. Известное видение в день смерти Толстого: его душа с развевающейся бородой была с воплями влекома над озером толпой ликующих бесов... Батюшка рассказывал все это так, что я впервые в жизни осознал, что ад – существует. Он буквально начал разверзаться под моими ногами... Отвернувшись к окну, не упоминая, что говорит обо мне, батюшка рассказал два эпизода из моей собственной жизни, которые не могли быть никому известны, кроме меня... Выразить все, что я там пережил – невозможно. Ничем я этого, Господи, не заслужил...» Теперь мой друг постоянно посещает церковь, исповедуется и причащается».

Слушая этот рассказ, я вспомнила, как отец Владимир дарил ксерокопию публикации «Сестра по скорби и утешению»* моей тяжело больной подруге В., которая была почти в безысходном состоянии от измучившей ее болезни позвоночника. После келейной исповеди, благословляя, батюшка вспомнил Паисия Афонского: *«Когда кто-нибудь болеет, тогда он может понять боль другого. Бог дает нам болезнь, чтобы мы расплачивались и копили себе сокровища»*. Утешая человеческую скорбь, он произнес слова из рукописи: *«Здоровье – драгоценный дар Божий, а болезнь – бесценный дар Божий»*. Текст посвящался великомученическому подвигу жизни монахини Екатерины, которая с одиннадцати до тридцати семи лет была прикована к постели. Благодаря перенесенному в детстве менингиту, ее

* Собеседник православных христиан. Санкт-Петербург, 1995

легкие были атрофированы, десятки лет она жила на аппарате искусственного дыхания. *«Посетители, обремененные скорбями и болезнями, часто падали на колени и плакали, переступая порог ее кельи. Их страдания и горести становились невесомыми перед этой мерой».*

«В одиннадцать лет, когда не хотелось жить, было мне явление Божией Матери, – вспоминала монахиня Екатерина. – *Она сказала, что теперь* ***будет со мной всегда, до конца дней»***. Как безмерно важен, оказывается, всякий человек Господу. Сколь драгоценна – для Него страждущая душа. Господь сугубо близок всем, кому тяжко. Рядом с отцом Владимиром, мы понимали воочию эту забытую многими истину. Как благодарить тебя, батюшка, за живое сострадающее всем страдальцам сердце?

В этой же книге мы с подругой прочли: *«Монахиня Екатерина умирала много раз: душа покидала тело, и она видела себя со стороны. Однажды, когда долго не поступал воздух, душа разлучилась с телом и начала проходить мытарства. Матушка увидела себя в центре огромной площадки, напоминающей арену, а вокруг толпились страшные чудовища, высотою до неба. Они дико кричали, смеялись и радовались, что эта душа принадлежит им, и они ее не отпустят... Не дерзала монахиня Екатерина молить Господа о спасении. Стала она просить о помощи Пресвятую Богородицу. И вдруг увидела руку, к ней протянутую. И вынесла ее эта рука из страшного круга. Матушке дано было узнать, что душа ее попала сюда за* ***неисповеданные нечистые помыслы»***.

Дай нам, Боже, молитвами отца Владимира, никогда не забывать все, чему он нас учил.

Рассказ рабы Божией Татьяны из Краснодара: «У меня многие годы были непрерывные головные боли. Весной и осенью так обострялись, что хоть на стенку лезь. Мало того, такой гул и грохот в голове, словно танки идут. Уже на кухню ухожу, у меня там холодильник гремит, как трактор, и он этот ад перекрыть не может. Мой психиатр в период обострения назначал мне блокады в воротниковую зону. Только этим выживала. И вдруг – забрали у нас

врача, перевели в неизвестном направлении. Ну, думаю, что-то у меня впереди?! От нового лечения никакого результата. Осталось к святыне обращаться. Посоветовали мне одно, другое место. Помолилась, попросила вразумления. Утром встаю: пора к Батюшке Серафиму!

Приехала и сразу к мощам. Отхожу и думаю, надо собороваться, а как раз пост и завтра соборование. На другой день стою в одном из первых рядов справа. Вдруг какая-то матушка в черненьком, знаете, сейчас много таких матушек, прямо монахини. Подходит и так твердо мне назад показывает. Что делать? Пошла, встала. Появляется батюшка: щупленький, быстрый, лицо светлое и острые такие глаза. Оглядел всех с улыбкой и вдруг быстро к той матушке, которая вместо меня стоит: «Ну-ка пойди, займи свое место!» Меня рукой зовет: «Возвращайся!» И с такой добротой на прежнее место меня поставил. Но ведь он не видел, что здесь было.

Обомлела, стою. Тут батюшка приветливо обращается во все стороны: «Кто недоисповедовался перед соборованием – прошу...», – и на меня смотрит. Я ему с поклоном: «Благодарю, я уже вчера исповедовалась». – «Ну-ну», – говорит, – и толпа его уже обступила. Гляжу, что подле батюшки: одна женщина, как только к нему подходить, не своим голосом завизжала, другого он за плечи обнял – и тот, взрослый мужчина, как малый, плачет... Отходят все от батюшки со светлыми глазами. И народ к нему прибывает. Я себе: «Что же, недотепа, стою?» Кинулась к нему: «Батюшка, я поняла: я непроисповеданная!»

И вот стою у аналоя. Знаете, нам, не очень здоровым людям, обычно, священники не радуются. Перед исповедью, случается, как каменная стоишь, все зажато. С чего начать? Все соображение отходит. А тут, рядом с батюшкой, слезы – сами. И все ему рассказала, как будто он меня тут одну слушать и собирался. Выговорилась: про грехи и про боли. Он вдруг обхватил мою голову руками, стал сжимать, мять. И, кажется, что с огромной силой, сам-то вроде небольшой. Все во мне отдается: трещит голова по швам, но не страшно и не больно. Помял-помял, отпустил – потрясла головой, ясная светлая моя

голова, как у младенца. Тогда ему: «А еще, батюшка, последний раз причастилась и вижу сон. Как будто у меня в боку разрез, и из него выползла змея, оглянулась на меня: «Я еще вернусь!» Он ребром правой ладони мягко, но четко ударил под правое мое ребро, там именно, где надо, улыбнулся, твердо и легко сказал: «Не бойся, не вернется!» Так отец Владимир исцелил меня в одну минуту. Отошла я от него в радости, и не помню, была у меня в жизни такая радость.

Пять лет прошло – ни головной боли, ни шума в голове. И к врачу незачем ходить. Когда во второй раз приехала, он меня поразил, сразу по имени, словно чадо свое, назвал: как запомнил, ведь тьма народу? Когда бы я в Дивеево с тех пор не появилась, тут же его встречу. Всегда кивает, благословляет, сразу зовет на исповедь. И хоть только раз или два в год сюда попадешь, а дома поклончик за него положишь и знаешь: он помнит, молится за меня никчемную. Так и теперь. Будто к живому к нему еду!»*

Духовная дочь отца Владимира Зинаида: «Мы увидели отца Владимира во дворе монастыря и бросились к нему с дочерью под благословение. Было жаркое лето. На Виктории были открытые босоножки, и каждый ноготок блестел розовым перламутром. Батюшка пристально глянул вниз и произнес: «На каждом пальчике – по змейке». Слово батюшки имело непростую силу – моя девочка стремглав полетела домой стирать педикюр».

Во время рассказа, я вспомнила о создателях сверхчувствительной фотосъемки. Съемка длится доли секунды, но фиксирует не видимый обычным зрением мир, который постоянно взаимодействует с нами. Пользуясь небольшим объективом, ученые нередко снимают поле вокруг пальцев. В эксперименте участвовали дети из неблагополучных

---

* Этот рассказ услышала от Татьяны на батюшкиной могиле в день его годовщины, запамятовала какие-то подробности и просила отца Владимира о повторной встрече. Один, другой день... Уже уезжаю, вхожу в Арзамасский вокзал. Какова же моя радость, вижу Татьяну, которая тоже ждет поезда. Все необходимое она повторила.

семей, в которых родители пьют, разговаривают матом... К личному потрясению исследователей, фотокамера запечатлевает вокруг детских пальцев омерзительные существа. «Они фиксируются на снимках в виде змей, иногда двуглавых, различных чудовищ или обрубков их тел, аморфных существ, которые вызывают чувство отторжения. Они всегда активно противодействуют молитве... Рядом с пальцами или внутри них очень часто фиксируются образы демонических структур. А иногда просто видны рогатые головы. Представления о демонах, как о рогатых существах, нашло подтверждение на этих снимках. Выяснилось, что православные молитвы создают вокруг человека плотный каркас позитивной энергии, не приемлемой для демонов. Эти вампирические сущности не стремятся сюда, ведь нужно прилагать усилия, чтобы пробить благую атмосферу. А кругом полно неблагополучных людей, в поле которых можно легко внедриться. Если человек сквернословит, пьет, совершает и другие тяжелые грехи – он теряет Божественную ангельскую защиту и становится свободно проницаемым, удобным для демонического воздействия...

— На что тратится энергия человека?

— На физиологические процессы. Система пищеварения, кровообращения, нервная система – ничто в человеческом организме не работает без энергии.

— Наука подтверждает, что не хлебом единым жив человек?

— Совершенно верно. Человек действительно может жить молитвой, недаром святые так мало ели.

— Я видел средневековую литографию, на которой изображаются «внутренности» грешника: он буквально набит жабами, раками, змеями и прочими гадами. А праведник очистил себя покаянием, молитвами и постом, у него внутри все чисто, только виден большой крест там, где он всегда проводит рукой во время крестного знамения.

Святые всех времен видели Ангелов, видели и бесов. Нам с вами это было бы явно неполезно. Но вот сегодня уже наука подтверждает для нас – серьезность жизни, серьезность нашей ответственности перед Богом за свою душу».

Духовная дочь отца Владимира Наталия С.: «Общение с отцом Владимиром нередко приводило на память эпизоды «Отечника». Однажды приехали к нему неизвестные люди. Заходим в дом: батюшка сидит, крутит веревку. И говорит одному: «Сколько веревочке не виться, конец будет». А через некоторое время человек этот за свои дела попал в милицию.

Несколько месяцев я не могла попасть в Дивеево. Подхожу к фотографии отца Владимира: «Батюшка, знаю, грехи не пускают, помоги к тебе попасть». Через час приходят двое знакомых и говорят: «Мы на машине, поехали в Дивеево». И мы тут же отправились.

Одна женщина приехала в Дивеево из Москвы на последние копейки и все думала, где она будет ночевать. Вдруг батюшка подлетает к ней: «Сегодня к нам пойдешь ночевать, денег-то у тебя нет».

У меня были обиды на маму. Я приехала в Дивеево, и мы с батюшкой пошли вечером по Канавке. И он мне открыл глаза на тяжелую мамину жизнь. И я совсем по-другому стала смотреть на нее. И сразу отлегла от сердца обида».

Раб Божий Вячеслав: «К. привез в Дивеево и оставил здесь жену с ребенком, а сам отправился к родственникам в Мордовию. На следующий день они готовились к исповеди у отца Владимира и Причастию. У мужа вдруг возникло сильнейшее желание – немедленно забрать семью домой. Столь сильное, что он ночью поехал в Дивеево. На въезде у него машина отказалась работать: не могла сдвинуться с места, несмотря на все его усилия и умелые руки. К тому же он не видел куполов соборов, хотя их легко заметить с любой стороны. И пока жена с детьми не причастились и были в храме, он не мог завести машину и стронуться с места. Не мог даже разглядеть самого монастыря. Это было явное чудо».

«Как важно для души, чтобы она покаялась»

Рассказ послушницы М.: «Я особенно виновата перед отцом Владимиром. Как могла поверить в клевету, кото-

рую о нем распространяли? Столько добра он мне сделал. Всегда по-отечески ко всем нам относился. Сейчас очень больно и стыдно вспоминать свой грех. Батюшка всегда чувствовал мое состояние, я часто унывала. Однажды было особенно тяжело. Стояла за трапезой в разгар очень горького искушения, а он спешил мимо. Подобной чуткости в такой мере я больше не встречала: он слышал, он знал, что у человека на душе. Вдруг остановился, подошел, посмотрел в глаза, крепко взял руками мою голову, сжал, потом поцеловал в лоб. У меня вдруг совсем отлегло от головы. Полная ясность, просветление. Все с меня – на себя забрал. Так была благодарна. И ведь ничем с ним не делилась, просто отчаивалась. И он ничего не сказал, дальше побежал. Стою, и столько сил сразу!

У батюшки была очень сильная молитва, потому что он необыкновенно сострадал людям. Главное, он провидел все самое тяжелое и поддерживал нас с такой Любовью! Кто-то недоумевал, даже возмущался: что это, отец Владимир то по голове погладит, то край апостольника поцелует? Но батюшка благоговел перед монашеством и утешал и поддерживал нас, как родных детей. Он ощущал, когда человек *готов надломиться*, и старался все уврачевать Божией Любовью. С батюшкой было легко людям чистым и простым, потому что он сам был чистым Божиим сосудом. Не все понимали, что он – избранник Божий, и *«святым — закон не лежит»* (1 Тим.1,9), что он имеет право на нестандартное поведение. Никто не осуждал старцев и Преподобного Серафима, когда они вели себя не как все. Впрочем, и их осуждали. Под его благословение бегом спешила. И на исповеди, пока не заплачу, никогда не позовет. Если у меня окамененное нечувствие, стою и слышу, как он за меня молится. Начинаю постепенно приходить в сознание, тогда батюшка берет исповедовать. Ему, собственно, не слезы наши были нужны, а чтобы каялись живые – не мертвые души. Так было раз за разом, и уже сама стала стремиться к нему попасть, чтобы почувствовать эту редкую благодать покаяния.

Многих несправляющихся он поддерживал. Одна изнемогала от уныния: «Батюшка, мне так тяжело!» А он:

«Подожди, я сейчас пойду в алтарь, выну за тебя сорок частичек...», – и сразу пошел. Она поделилась: «И мне немедленно стало так легко!!!» Он мгновенно откликался на все самое последнее. Смирение у него было – необыкновенное. Как-то старшая сестра на скиту на него накричала, без всякой батюшкиной вины. Он упал на колени: «Прости меня!» Это ведь священник. И перед всеми смирялся. Многие его не воспринимали, не ценили. Кто-то посмеивался. Не понимали, что это настоящие смирение и любовь. Сами того не имели и в батюшке не видели, не могли вместить. Кто-то избегал, боялся отца Владимира. Он, конечно, очень переживал. Как-то пришла на исповедь: «Простите, батюшка, что поверила в эту клевету, что вы экстрасенс и т.п.». Было видно, как он сильно расстроился, ему было очень больно. И сама не могла понять, как поддалась? Какой силы шла на него дьявольская ненависть!

Он помазывал: лоб, глаза, уши, везде с любовью поставит крестик. А в период вражеского наваждения на наши убогие души, все это казалось странно, слишком неординарно. Однажды, такая дерзкая, подошла на полиелее: «Меня, батюшка, помазывайте, как другие». Он посмотрел внимательно. Один крестик поставил и с тех пор стал помазывать только так. Как у него потом просила: «Батюшка, простите меня!» – жалобно. Он испытывал, искренно ли каюсь, подходя на Прощеное воскресение и делая земной поклон. Кажется, будто не видит, отворачивается. «Все, не прощает». И второй раз: «Батюшка! Простите меня!» – со слезами. Он обрадовался, что душа в себя пришла, сам земной поклон положил, прощения у меня попросил, руку пожал... Конечно, всегда чувствовалось, как он молится за всех нас! Только благословит – сразу отчетливо легче на душе.

И теперь, после смерти, батюшка необыкновенно помогает! Это его всепрощение и любовь многих сестер хотят приобрести. Склонить к покаянию. Все слышит! «Батюшка, помолись обо мне, в сердце – пустота, никакого сокрушения», – по-прежнему прошу, стоя на исповеди. И начинаю плакать. Как он меня приучил, так и сейчас, пока

не приду в осознание своего безобразия, не могу исповедоваться. Один раз некому было каяться, и думаю: «Наверное, незнакомый батюшка меня не возьмет. Отец Владимир, помолись, чтобы этот священник меня исповедал, а то я не причащусь». И он последнюю меня взял перед уходом в алтарь. И когда читал разрешительную молитву, почувствовала, как благодать меня с ног до головы пронизывает, знаю, за молитвы отца Владимира: он услышал и помогает... После этой исповеди летела к батюшке на могилку в радости бескрайней – благодарить! Сама по себе недостойна такой неземной милости! И очень многим отец Владимир спешит на помощь. Он стремится укрепить нас на предстоящие испытания.

Его святыми молитвами, решилась все это рассказать; он хочет помочь сестрам и братьям, так как любит всех в монастыре. Каждому жаждет помочь: кто против него что-то имел, заблуждался. Как важно для души, чтобы она покаялась. Он же видит, кому сегодня тяжело. А с неочищенной душой тяжелее всего. Ведь всем отвечать перед Господом.

Одна сестра хотела уходить из монастыря, было жуткое искушение. Она часто исповедовалась у отца Владимира: «Все, батюшка! Ухожу... Больше не могу!» А он: «Не уходи, ты там погибнешь...» – и заплакал, слезы так и полились. – «Батюшка, никуда не уйду, только – не плачьте!» И она осталась, одними этими слезами удержалась в монастыре. Молитвами отца Владимира, теперь ей, слава Богу, легче. Тем, кого поддерживал, он отдавал все свое сердце. Это же сама Любовь Христова – одна она – без выбора обращена ко всем. И сегодня еще многие виноваты перед батюшкой. Как важно, чтобы они покаялись по-настоящему.

Однажды в храме, тоже в период искушений, очень тяжко мне было. Смотрю, спешит отец Владимир. Никогда ничего ему не объясняла, он сам – подбегает и надевает мне на голову чугунок Батюшки Серафима! Постучал по нему добро так, снял, побежал дальше. Сижу... И вдруг – такое спокойствие, тишина... Его молитва на каждом шагу творила чудеса. И так, будто это ничего не стоит,

легко, не обращая ничьего внимания. Один Бог все это знает. Ведь нас без числа было, которых он буквально спасал. Жизнь облегчал...

Совсем не чувствую, что батюшка умер. Просто отошел и, кажется, сейчас из-за угла появится. Вхожу в храм, живое чувство: отец Владимир сейчас выйдет. Иногда в храме молишься и слышишь, он видит тебя, он рядом-рядом. Быть может, даже ближе, чем другие святые, потому что ты его помнишь, с ним общалась. Его очень легко просить. Он и сам помогает к себе обращаться.

На последней службе после пострига, в день Ангела батюшки, стояла такая Божия сила! Девочка к нам из другого города приехала, первый раз попала на его службу и говорит: «Я никогда не была на такой литургии благодатной. У меня сердце таяло». Не забыть батюшкины службы! Так близок он был Богу. Все возгласы, каждое его слово, до самой глубины сердца доходили. Наверное, все чувствовали, как он за всех молится, душу полагает. А ведь это последние дни. Человек имеет же право, чтобы его хоть когда-то не беспокоили, силы не отнимали... Было непонятно, что этот человек уйдет... Батюшка и не умер. Он – недалеко. И здесь и там будет – со всеми нами. Кажется, сейчас выйдет со всеми на литургии, услышишь произнесенный им возглас. Не может он нас оставить, мы слабые. У батюшки была редкая любовь к Богу и людям. Он получил ее в дар за стремление жертвовать собой. И дал ее Тот, Кто Сам стал Жертвой – за всех. Научи нас, батюшка, любить Христа не одними словами. Помоги делами – следовать Богу, как это умел ты. А для нас, ничтожных, испроси этой любви хотя бы малую частицу».

Как искусен враг, если ему удается уловить в свои сети даже добрых, искренних людей. Вспоминаю тот шквал недоброжелательности, зависти, клеветы и прямой ненависти, которые перенес батюшка. Никогда никому он не рассказывал об этих испытаниях. Мы узнавали о них от посторонних лиц. Даже после смерти отца Владимира его не оставило негативное отношение к нему некоторых людей.

Однажды я, желая поддержать тяжело больного чело-

века, предложила ему почитать начальные главы этой рукописи. Каково же было мое удивление, когда И. затрясло от одной мысли, что он может протянуть руку к этим страницам. Лицо исказилось от нескрываемой ненависти. Я знала, что у него тяжело психически больна мама, которую он с безмерными трудами кладет в психиатрическую больницу в периоды, когда она по нескольку раз в день пытается сброситься с балкона. О нем самом мне тоже были известны тяжелые подробности. Но теперь, глядя, как человека коробило от непомерной злобы, я поняла, что он болен гораздо серьезнее...

«Когда мы тщательно изучаем жизнь Христа, мы обнаруживаем, что всегда, встречаясь с плохим к Себе отношением, Он был в высшей степени терпелив и мягок. Он не возмущался злом. Он не боролся за Свои права! Он без жалоб переносил несправедливость и даже оскорбления. Люди думают, что мягкость и терпение по отношению к несправедливости – это знак слабости. Нет, это означает силу. Это то, к чему должны стремиться христиане в жизни личной».

«Враги у него, разумеется, были, как у всякого сильного человека, живущего полной жизнью. Нельзя вести насыщенную жизнь, много работать и не возбуждать при этом в большей или меньшей степени зависть, неприятие, клевету, презрение, вражду...» (Государыня Александра Феодоровна, из дневников).

Оставляло неизгладимое впечатление то, с каким терпением и благожелательностью воспринимал батюшка прямые нападения сил зла. Глядя на него, приходили на память слова Паисия Афонского: ***«Те, кто терпит без вины, могут стать самыми любимыми чадами Божиими»***. Вспомнила при одном таком эпизоде рассказ матушки Надежды, последней монахини Марфо-Мариинской обители о своей духовной сестре, монахине Любови – угоднице Божией, которая постоянно подвергалась насмешкам и клевете: «Матушка, как же тяжело пребывать в таких напастях. Как матушка Любовь относилась к недоброжелателям?» – «Как?! Да – никак. Вернее, очень хорошо относилась. Как к

самым лучшим друзьям. Без числа делала для них доброе. По заповеди. Ведь нам положено воздавать добром за зло».

В книге «Подвижники Марфо-Мариинской обители милосердия»* описано, как святой Онуфрий, великий подвижник IV века, в день своей памяти сопровождает в веке XX-м юную Евфросинию (будущую монахиню Любовь) по аду и Раю. Стоя перед Небесным приютом Марфы и Марии, она благоговейно наблюдала, как Великая Княгиня Елисавета с духовником обители протоиереем Митрофаном (Сребрянским) с глубоким состраданием служили физическим и духовным немощам людей. Здесь, в Царствии Небесном, деревенская девочка, понятия не имеющая о столичной жизни, впервые видит своих будущих духовных родителей, которые благословляют ее поступить в земную Марфо-Мариинскую обитель. Внимая происходящему, преподобный предлагает и ей исполнять главную заповедь Неба: «**Люби всех – равно**».

Каждый знает по опыту, как непомерен, кажется, невозможен для осуществления в нашей жизни этот завет. Но и сегодня есть люди, приближающиеся к его исполнению. Для меня один из них – отец Владимир. (Замечательно, что батюшка родился в день преподобного Онуфрия Великого – 25 июня).

«Чем на большую высоту духовную вознесен человек в связи с промыслительными действиями Божиими о мире, тем большей клевете он подвергается, и на более продолжительное время. Поскольку он выносит сию клевету, постольку он разумеет крест ее во Иисусе Христе, Божией Матери... Клевета роднит души верующих, отличающихся мужеством и сильно ей подвергающихся, со святыми и делает эти души более нежными и сострадательными к людям в скорбях» (протоиерей Понтий Рупышев). С особенной любовью относился отец Владимир к этому старцу.

Вспоминает раб Божий Георгий: «Это было пять лет тому назад. Не знаю, что случилось с моим Стасиком, только положили мы его в дивеевскую больницу с непро-

* Новая книга. Москва, 2000

ходящей долгое время повышенной температурой. Пролежал он там три недели. Курс антибиотиков прошел, еще что-то. Ничего не помогает. Не могут даже толком понять, что с ребенком. Отправили в Нижний Новгород на сугубое обследование. Там то же самое, две недели что-то колют, экспериментируют, а толку никакого. Худеет, просто гаснет. Один врач мне сказал: смотри, как бы тебе не потерять сына. Почти в отчаянии я бросился к отцу Владимиру. Все ему рассказал. «Немедленно забирай его из больницы и вези сюда!» Я так и сделал. Батюшка помолился над ним, исповедал, причастил его и говорит: «Завтра – на источник». Я ужаснулся: осень, и эта неспадающая температура. «Не бойся, – отвечает он на мои мысли. – Все будет хорошо. Ему трудно сразу, погрузи его в первый раз на своих руках». Конечно, в первый раз он окунулся очень нелегко и не полностью, не с головой. Во второй раз, молитвами батюшки, легче. А в третий, говорит: «Я уже могу сам». И окунулся три раза с головой, к нашему изумлению. Не веря себе, мы видели нашего сына полностью здоровым. Я, грешный, думаю, что батюшка все эти болезни брал на себя. Невозможно иначе, чтобы так сразу – и полное исцеление. Батюшка ведь не жил – пламенел. Так и сгорел быстро».

Раба Божия Алевтина: «Хотя батюшка это скрывал, но было ясно, что он ежедневно совершал множество земных поклонов. Отец Владимир очень ревниво хранил свои келейные тайны. Только какие-то случайные слова его выдавали. Как-то он сказал одному духовному чаду: «Современные христиане недооценивают поклоны. Как-то в голодные 30-е годы мать учила в деревне дочь прясть пряжу. У пятилетней девочки ничего не получалось. Каждую минуту веретено на пол и катится в дальний угол. Уже и накричали на нее... Вдруг она после десятой попытки оставила все и – ко святому углу. И начала поклоны класть. Шепчет, шепчет и лобиком до земли. Наверное, полчаса молилась с поклонами. Вернулась к веретену, работа пошла, как у опытной пряхи. И наработала она в эту зиму больше взрослых... Не пренебрегай поклонами».

Раба Божия Наталья.: «Отправилась со своими знакомыми к батюшке, лишнюю спрашиваю: «А вы зачем в Дивеево едете?» Она растерялась: «Я не знаю». Добрались, а отец Владимир во время исповеди в лоб спрашивает о моих знакомых, как будто присутствовал при том моем вопросе: «Зачем они приехали?» Я вдруг потерянно: «Не знаю». А батюшка: «Нельзя так резко обращаться с людьми». Учил меня вниманию и доброжелательности ко всем.

Однажды мне батюшка сказал: «Приедешь к моей матушке, она тебе юбку подарит». Думаю: «К чему бы это?» Прошло время, как-то попала в Дивеево в спортивной одежде. Нужно идти на службу, а я в брюках. Пришла к матушке, и она мне благословила юбку. Батюшкины слова и тут сбылись.

Приехали молодые. У жены ребенок от первого мужа. Батюшка: «Вот бы еще вам девочку». Она: «Зачем, мы только поженились?» Но через месяц они узнали, что она действительно беременна. Если бы не встреча с батюшкой, она бы могла сделать аборт. Девочку назвали Юлей».

Духовная дочь отца Владимира Светлана: «Не забуду, как меня батюшка «обижал». Однажды, за дело, конечно, отец Владимир отчитал меня очень серьезно. Простился, не меняя строгой тональности. Ухожу понурившись. Уже в дверях чувствую, как меня настигает волна батюшкиного сострадания. И под сугубую молитву батюшки увидела себя, наконец, в собственном своем облике и поняла, что досталось мне еще мало и достойна гораздо худшего. Через три дня робко являюсь. Посадил меня за стол, налил чай, пододвинул кекс (когда батюшка жил в бараке, он всегда за всеми ухаживал, не давал ничего делать гостям). И спрашивает мирным, кротким голосом: «Ну, что? Вы почувствовали пользу от того, что я вас обижал?!» Я, от всей души: «Очень, очень почувствовала». Каким батюшка, кроме духовной одаренности, был блестящим педагогом».

Многим он запомнился в потоке улыбок, шуток... Но так он вел себя, чтобы поддержать дух сразу многим. Наедине с искавшими его помощи он был совсем другим.

В ответ на твою попытку осознать жизнь из глубины он отвечал безмерно большей глубиной. Рядом с ним понимали: необходимо торопиться, спешить, успеть послужить людям, бедам, скорбям. Нагнуться к любому человеку, как Христос склонялся, чтобы умыть ноги Своим ученикам.

Однажды отец Владимир был у нас в гостях в Москве. Сидели втроем, говорили о многочисленных страждущих близких. У меня многие месяцы очень сильно, по неизвестной причине, болела спина. Во время разговора несколько раз хотела пожаловаться батюшке. Но внутренне останавливала себя: у других такие скорби, а я с ничтожными проблемами. Провожаем отца Владимира, стоим на заснеженной улице. Последние благословения. Вот он уже уходит, по обыкновению, почти убегает. Вдруг резко останавливается, стремительно возвращается. Быстро-быстро прошелся кулачками по всей моей спине. Улыбнулся, кивнул и убежал, уже не оглядываясь. О своей спине в этот момент я, конечно же, не вспоминала. Поразительно, но боль прошла полностью.

Раб Божий Григорий: «Мои знакомые с сыновьями были у батюшки. Он подходит и говорит: «Виктор, ты что без креста?» Он похлопал себя по груди: «Как? Нет, я надевал». Посмотрел – точно, нет креста. Искали, так и не смогли найти, куда делся.

Один из приехавших оказался уголовником. Батюшка говорит: «Олег, можешь быстро бегать?» – «Могу» – «Ну, скоро очень быстро побежишь». Через некоторое время этот человек, заметая свои дела, стремительно скрылся за границу.

Мои знакомые взяли в ГАИ служебную машину, тайком приехали в Дивеево. После общения с ними батюшка очень настойчиво просил задержаться минут на пятнадцать. Но В. не послушал. Поехал, попался своему областному начальству, и был вызван «на ковер».

Из публикации «Говорящий источник»*: «Слово «канерга» тюркского происхождения и означает в переводе

* Православные святыни. Календарь на 2005 год. Благо. Москва, 2004

«каменная чаша». Когда подъезжаешь к Канерге по дороге, выныривающей из леса, взору открывается небольшое село в неглубокой котловине. Издалека виднеется нежно-голубая Покровская церковь. Здесь, в селе Канерга Ардатовского района Нижегородской области, расположен Покровский скит Дивеевского женского монастыря.

Это место удивительное. Неподалеку от деревеньки находится Свято-Троицкий «говорящий» источник, в котором иногда видят отражение пятикупольного храма, ушедшего под землю во время вражеского набега. Теперь у Свято-Троицкого источника стоит деревянный крест и чуть выше на горке – новенькая бревенчатая часовня. Сам источник во имя Святой Троицы – неглубокий колодец, мимо пройдешь – не приметишь. Только голубой деревянный крест и недавно воздвигнутая рядом купаленка, тоже увенчанная крестом, свидетельствуют о святости этого места.

Раньше источник всегда откликался разноголосым шумом, когда рядом с ним молились. Но в последнее время чаще всего молчал – несколько лет назад вода в нем «зацвела», и чтобы остановить этот процесс, на дно неглубокого колодца насыпали битого щебня... Когда-то священник Владимир, тогда еще не принявший монашество, обнаружил этот забытый людьми, обветшалый колодчик. Склонившись над ним, отец Владимир вдруг услышал, как вода внизу тихонько забурлила, – откликаясь на батюшкину молитву. Источник ожил, и с тех пор к нему стали ходить насельницы скита и миряне.

Был здесь незабываемый случай. Отец Владимир, часто бывающий в Канерге, поехал зимой служить в скиту. Машины не было, и батюшка поехал на автобусе. Доехал до Михеевки, а оттуда – всего семь километров пути. Пошел пешком. Но едва отошел от села, услышал жуткий волчий вой и увидел бесшумно приближающихся к нему волков. Целую стаю... Вернуться – слишком поздно, волки догонят раньше. Что оставалось священнику? Перекрестившись, он вручил себя в руки Божии и с верой стал читать: «Да воскреснет Бог!» Так с молитвой и прошел все семь километров по зимней дороге в сопровождении лязгающих зубами волков. Лишь когда впереди показались

заснеженные домики Канерги и послышался громкий лай учуявших волков собак, звери нехотя повернули вспять».

Раба Божия Светлана: «Одним зимним вечером батюшка водил нас на источник. Заставил одну из слабеньких взять в купальню его меховую куртку, чтобы она подстелила себе под ноги. Сам остался на морозе в свитерке. Она очень отказывалась, но не смогла ему противоречить. Окуналась впервые и не знала, что после ее ноги просто примерзнут ко льду деревянного настила, если на пол ничего не подстелить. В темноте она нечаянно столкнула в воду свой сапог. Батюшка принудил ее одеть свои сапоги, и сам побежал домой по ледяной дороге – в одних шерстяных носках. Дома нашел для пострадавшей другую обувь. Немедленно растопил печь: ведь он уходил утром – и возвращался чаще всего лишь на ночь. Благословил их на ночлег к своим знакомым. Уходили, батюшка выворачивал мехом наружу и пристраивал сушиться у печи спасенный сапог. Не знаю, наверное, есть на земле и другие Серафимы, кроме нашего батюшки».

Раба Божия Валентина: «Мои соседи приехали к отцу Владимиру. Жена ругала супруга: и такой он и сякой. Батюшка решил это опровергнуть: «Ольга, ну что, муж-то плохой?» – «Никуда не годен. Помочь не допросишься». (Мужа рядом не было). Чуть позже батюшка подходит к нему: «Николай, давай холодильник отнесем соседям». Тот, ни слова не говоря, взял тяжесть и понесли.Тут же отец Владимир включил его во вторую-третью ситуацию. Дал понять, что ее муж не так-то плох...

Как-то мы были на источнике с несколькими знакомыми, которых батюшка видел впервые. Об одной женщине он пошутил: «Это генерал-майор в отставке». А у нее действительно волевой характер, очень сильный. Другую назвал комсомольским вожаком. Точно: она прежде работала в горкоме, и кое-что из этого периода жизни после шутки батюшки сразу стала вспоминать. О третьей: «Это – генеральный директор», но он ведь не мог знать, что под ее руководством – два мини-маркета, да и по всей жизни – начальник. Таким был батюшка: и насмешит, и вразумит,

и покаяться поможет.

Приехала в Дивеево пара. Муж выпивал. Отец Владимир жил в бараке на Канавке. Захожу, он сидит за столом с чадами, приглашает нас. Мне неудобно: «Батюшка, я не одна». – «Ну что же, веди всех». Не спросил, кто со мной, имена. Батюшка сразу обращается к вошедшему: «Ну что, Евгений, давай выпьем!» Тот растерялся: «Что Вы, батюшка, я не пью, я за рулем». – «Да мы не вина выпьем, а чайку». Женя совсем расстроился. С этого момента задумался о своей жизни.

У одной моей знакомой застрелили мужа, она не была у батюшки три года, все это время непомерно курила. Но всю дорогу в Дивеево терпела, папиросы в рот не взяла. Приехали. Батюшка служил в Преображенском храме, выходит из алтаря: «Ну, наконец-то, моя курилка ко мне приехала, долго же я тебя ждал». Потом она появилась с молодым человеком. Он: «Нет, вам нужно расстаться. Через три года ты ему не будешь нужна». Мы думали: он найдет другую, а оказалось, он связался с наркоманами. Батюшка заранее все провидел.

Отцу Владимиру позвонила жена моего одноклассника. Начала жаловаться, что с мужем плохо живет, а батюшка спрашивает: «Сама не чувствуешь ли вины?» Она: «Нет, не чувствую», позже выяснилось, что она действительно была серьезно виновата. Потом он предупредил: «Семья беспокойная, ребенок брошенный. Нужно многое срочно менять, иначе вы самое дорогое потеряете». Спустя считанные годы, уже после успения батюшки, сын у них стал наркоманом. По милости Божьей, она через эту скорбь покаялась, обратилась к Богу и нашла духовника. Говорит: «Молитва отца Владимира, хоть после смерти, до меня дошла».

Нескольких близких духовных детей отец Владимир благословлял сменить разговорчивость на молчание. Одной он сказал: «Самая большая польза от тебя будет, когда ты замолчишь», – скорее всего, имея в виду, что она разговоры заменит серьезной молитвой. За три дня до смерти он написал в акафисте женщине, которая просила,

чтобы он хотя бы крестик нарисовал ей на память – своей рукой: «Бог любит тишину».

«Молчание любили все великаны духа, ибо они глубоко чувствовали истинность народного изречения: «Говорение – серебро, молчание – золото». Каждый мыслящий человек испытал на себе, что он – не то, что сказал о себе, а то, что умолчал. Не то, что умолчал намеренно, а то, что умолчал вынужденно, ибо не мог высказать.

Наши разговоры на людях – как мелкая монета, которой мы себя выкупаем, тогда как крупная монета остается при нас, не показывается. Или: мы представляемся людям через свои моментальные фотографии, тогда как настоящий душевный портрет остается в нас, не показывается.

Впрочем, все великие стихии весьма молчаливы, а Сам Бог – молчаливее всех. Тогда как все малые творения говорливы. Так удивительно ли, что все великаны духа – молчаливы?» (Святитель Николай Сербский)

«Проверяйте богоугодность всякого дела»*

«Шел Успенский пост 1994 года. Мы с мужем, трехлетней дочуркой и двумя подругами отправились в Дивеево, чтобы у мощей великого угодника Божьего Серафима, как здесь говорят, выплакать, вымолить всю жизнь. Мне было что оплакивать: годы блуждания в оккультизме даже после церковного покаяния давали знать о себе невероятными, как мне тогда казалось, проблемами с дочерью, массой искушений. А дочурка, очутившись на этой благодатной земле, словно преобразилась. Нас потрясло, как трехлетняя малышка, едва войдя на территорию обители, вдруг опустилась на колени перед Троицким собором, видно, чистым младенческим сердцем уловив веяние благодати, и тихо коснулась лобиком этой святой земли, по которой ступала Сама Царица Небесная...

Здесь невозможно было не испытать потрясения при виде бездны мрака, греховных привычек, самолюбия, амбиций и мелких страстей, отделяющих тебя от Бога. Ты

---

* Алла Добросоцких. Память о пастыре. Православная газета для простых людей № 1 (25), 2001

могла только выдохнуть, как мытарь: «Боже, милостив буди мне, грешной!» – и залиться покаянными слезами, как множество людей вокруг. В такие моменты душа ищет того, кто мог бы выслушать твою боль, вразумить, утешить, посоветовать. Сразу обратил на себя внимание отец Владимир. Еще молодой, быстрый, стремительный, вдохновенно-пламенный, он словно летал по воздуху, и глаза его в это время выхватывали того, кто особенно нуждался в помощи. Стоило отцу Владимиру на минутку остановиться, как вокруг него неизменно собирались толпы народа, жаждущего совета, исповеди, утешения.

Подошла и я. Только собралась спросить о причинах крайне не спокойного поведения дочки, как отец Владимир, бросив на меня быстрый, пронизывающий взгляд, вдруг спросил: «Оккультизмом увлекалась?» – «А-а-а... А откуда вы знаете?» – растерялась я, не ожидая услышать такое обличение от батюшки, которого вижу первый раз в жизни. – «По глазам видно», – сказал отец Владимир. И, видя мой недоумевающий взгляд, добавил: «До конца жизни в глазах особый след остается». Теперь я думаю, что дело тут, видно, было не в одних глазах. Просто отец Владимир хотел скрыть, что Господь открывает ему многое в душах людей... Когда я рассказала о себе, он признался, что «тоже журналист» (мол, не робей – и я грешник!), но от более подробного рассказа о себе как-то незаметно уклонился. «Батюшка, – с трепетом задала главный для себя вопрос, – у моей дочери нет одержания бесом? Иногда она ведет себя так вызывающе, как не может вести младенец...» – «Сейчас, подожди-ка», – и отец Владимир долго и пристально вглядывался малышке в глаза. Потом облегченно вздохнул и улыбнулся: «Не бойся, все в порядке. Проси о помощи Преподобного Серафима, и все будет хорошо».

Потом он настойчиво повторил во время елеопомазания: «Помни: всегда обращайся к Преподобному Серафиму. Хорошо?» А я поразилась: да как он может помнить всех нас – тысячи людей, каждого со своими грехами и, помазывая елеем, успевает, проницательно взглянув в глаза, сказать каждому что-то свое, после чего человек отхо-

дит сияющий или озабоченный, но всегда изменившийся.

В Дивеево, как в любое святое место, приезжают больные, одержимые, бесноватые, жаждущие исцеления. В состояние шока неподготовленного человека могут привести люди лающие, воющие, хрюкающие. Так нечистая сила, овладевшая душами людей, по попущению Божию (чаще всего – за тяжкие грехи рода), реагирует на близость святыни. Одна такая женщина стояла возле нас и как-то особенно свирепо хрюкала сиплым басом. Когда она подошла к отцу Владимиру под елеопомазание, то громко закричала: «Мне больно! Больно! Ой, жжет! Больно!!!» Батюшка с силой, поразительной для небольшого человека, буквально напечатал крестное знамение на лбу, груди, плечах несчастной так, что она едва удержалась на ногах, и напоследок ударил троеперстием в лоб, приказав: «Изыди, сатана!» Женщина, представьте себе, мгновенно успокоилась и, благодарно и смущенно улыбаясь, отошла... Все, кто был свидетелем этой сцены, могли в потрясении лишь молча молиться...

Наутро у раки с мощами Преподобного Серафима служился молебен с акафистом. Отец Владимир, высоко подняв Евангелие, несколько раз повелительно произнес: «Умоляю вас кайтесь! Наступают Последние Времена – надо успеть покаяться!» Потом стал прикладывать Евангелие к головам молящихся. Вдруг страшный, нечеловеческий визг сотряс стены храма: кричала одна из женщин, чьей головы коснулась священная книга (бес, мучивший ее, не мог вынести прикосновения святыни, он-то и визжал от боли). Некоторые, пожив здесь несколько недель или месяцев и «изжив» свои грехи – главную причину болезни, нередко совершенно исцеляются или уезжают со значительным облегчением. Но благодать помощи дается не каждому и не сразу: ведь для этого надо сначала покаяться, изменить жизнь... И те, что приезжают сюда не за спасением, а с целями лукавыми, получают эффект прямо противоположный. Отец Владимир прекрасно чувствовал таких людей. «Здесь сегодня два экстрасенса!» – вдруг предупредил он. Одна из самоуверенных женщин на виду у сотен людей начала делать

какие-то пассы руками у иконы Пресвятой Богородицы, пытаясь, очевидно, «подпитаться энергией», как это принято у некоторых «целителей», прикрывающихся православной символикой. Ее никто не останавливал, не гнал... Но Батюшка Серафим, незримо присутствующий здесь, не допустил кощунства над святыней. Внезапно «целительница» дико затряслась, руки у нее свело, и всю ее скрючило, перекорежило. Обессилев, она осела на пол...

Скольким же страждущим людям отец Владимир отдавал себя без остатка – и время, и силы, и здоровье, и любовь! Обновленные дивным светом благодати, прикоснувшиеся к сокровищу любви, уезжали мы из Дивеева. Одна из моих спутниц, жестоко мучимая бесами после общения с преподавателем-оккультистом, несколько раз исповедавшаяся и причащавшаяся у отца Владимира, спустя некоторое время после паломнической поездки нашла семейное счастье, стала доброй христианкой. Ближайшая подруга Тамара избрала иноческий путь: теперь она монахиня Серафима, в честь великого угодника Божия.

Я отослала отцу Владимиру серию своих очерков «Великая Дивеевская тайна», опубликованных в областной газете, и получила от него теплый ответ: *«Дорогая о Христе Алла, прочитал Ваши «Заметки паломницы» и сердце мое распространилось к вам, по слову Апостола Дай-то Бог, чтобы мысль Ваша была с Богом, постоянно; и проверяйте богоугодность всякого дела-текста! Храни Вас Господь и Предстательство Преподобного отца нашего Серафима Саровского и всея России заступника по вашим молитвам! Отец Владимир».*

И потом еще несколько раз писал батюшка ободряющие, всякий раз такие нужные, строки. Но только сейчас, прочитав в газете «Воскресная школа» очерк о его жизни, без остатка отданной служению Богу и ближним, поняла цену этих писем.

Хочется привести в заключение прощальные слова отца Андрея, настоятеля Свято-Троицкого собора в Дивеево: «Ему жилось очень легко, легко потому, что он был само послушание, сама радость!.. Он, как спелый колос, отпал в житницу Небесного Царя!»

Однажды отцу Владимиру сказали, что кто-то называл его человекоугодником. Батюшка секунду помолчал: *«Я угождаю всем во всем, ища не своей пользы...»* Он прервал фразу, но у апостола далее: *«но пользы многих, чтобы они спаслись»* (1 Кор. 10,33). Отец Владимир никогда не потворствовал ничьим слабостям, никаким человеческим страстям. По отношению к самому себе, он, без преувеличения, был жесток. Он имел право сказать: *«Если бы я... угождал людям, то не был бы рабом Христовым»* (Гал.1,10).

Сталкивалась с тем, что батюшке жестоко завидовали – народной к нему любви, постоянной свежести сил, благодати, которая была с ним. Старец Паисий Святогорец объясняет тайну подобных явлений: *«Кто не думает о себе, но постоянно думает о других – о таком человеке все время думает Бог. И потом другие люди тоже думают о нем. Чем больше человек забывает о себе – тем больше помнит о нем Бог»*. Простыми словами преподобный Паисий Афонский подсказывает, как сберечь благодать: **«Пребывая в покаянии – человек хранит благодать Божию»**.

Раба Божия Валентина К.: «Отец Владимир извлекал людей из самой глубины скорби, когда человек взывал к Богу уже по-настоящему – всем своим существом. Это и есть «состояние правды», именно так – отчаянно, мы нуждаемся в помощи Божией. И таким людям батюшка способен был помогать – мгновенно».

Для отца Владимира большим духовным авторитетом был протоиерей Понтий (Рупышев),* близкий духовный сын святого праведного Иоанна Кронштадтского. Из мест подчеркнутых отцом Владимиром в этой книге (батюшка нередко цитировал его мысли в письмах духовным детям):

«Духовная польза рождается в скорбях и искушениях».

«Если ты живешь во Христе, то Христос не нуждается в награде».

---

* Не оставлю вас сиротами... Общество христианского просвещения «Слово». Клайпеда, 1999

«Пост возлюбишь, матерь добродетелей. Убивая в корне чувственность, лишая ее питания, отчего сокрушается гордость разума и духа, пост открывает свободу возрастания и действия в нас добродетелей, насаждаемых в нас Духом Божиим. Возненавидим же сласть и возлюбим воздержание».

«Истинное же понятие о Боге и истине, а, следовательно, и о правильной доброй жизни, может быть лишь в чистом сердце. К чистоте его и нужно стремиться, ее достигать».

«Святые, вместившие в себя Христа на земле, будут в будущей жизни наслаждаться сообществом Его и лицезрением, и Господь настолько будет открывать им Себя, насколько они вместили Его умом, сердцем, любовью, духом... во всех отношениях Его непостижимой, несравненной личности... Так как познание сие бесконечно, то и души будут приближаться к своему первообразу Христу, хотя и никогда не будут Ему равны. Так же бесконечно будет умножаться для святых и познание и общение со Христом».

«Сатана теперь развязан. Его козней может избежать смиренный, отдавшийся всецело Богу, как Божия Матерь. Его может победить тот, кто рассудительно, смиренно и терпеливо относится к жизни и людям, но вместе прямо, просто и мужественно. Последнее особенно необходимо, так как, будучи свободен, сатана на каждом шагу и во всякое время увлекает людей ко злу. Посему он действует даже через благонамеренных и добродетельных людей».

«Я молюсь иногда так: «Господи! Очисти меня от грехов, если это нужно, скорбями, наказаниями, но чтобы, не поносилось мое пастырство, этот образ Христов во мне, который я так люблю, что при мысли о нем трепещет мое сердце благодатною жизнью и любовью. И это может сделать Премудрость Божия. Нужны лишь всецелая преданность Промыслу Божию и готовность – все терпеть до конца... Христос с нами. **В смерти ради Него, для Него – жизнь.** *Имей веру и мужество».*

«Господи! Я прошу у Тебя дара слова. Пусть оно

жжет сердца людей светом и теплотою Твоей истины, к себе привлекающей, очищающей, покоряющей... Какое простое Существо Бог, как Он близок к нам, ближе, непостижимо ближе всякого другого существа. Ты помыслил, пожелал, и Он с тобой. Дар Божественной любви есть венец и верх всех добродетелей. Он может быть получен лишь тогда, когда душа и сердце очищены и свободны не только от страстей, но и от всего земного и естественного. Тогда сердце может безопасно сжигаться им, ибо душевно-телесная природа человека тогда способна к бесконечному одухотворению и проницанию им».

«Когда молишься за ближнего, молись от всего сердца, возьми его в свою душу. Только тогда твоя молитва за него будет действенна, ибо если он немощствует чем-либо, а тем более сильно, то, по вере твоей, Господь поможет ему. Не можешь ты поднять его немощи и тем более болеть от них, если не будешь жить его жизнью».

«Не тот велик, кто возвышается, а тот, кто снисходит. Ибо первому нужно еще возвыситься, чтобы стать великим, а второй оттого и снисходит к малым и немощным, что велик».

«Когда мы отказываем нашим ближним в исполнении их желания, если оно не противно воле Божией, то этим мы препятствуем свободному действию в нас любви, отказываемся от нее. То же нужно сказать и о том, если мы уклоняемся нести немощи их без законных причин».

«Любовь всегда страдательна, ибо болеет о попрании людьми заповедей Божиих грехами и растлении ими их душ и тел. Никакое чувство, ни материнское, ни иное, не заменит верующему Любви Божественной, насколько нежной, настолько сильной, насколько полной жизни во всех отношениях, настолько снисходительной к таким немощным, которые лишь немного могут соприкасаться с Нею или входить в общение с Нею».

«Сегодня при чтении канона дневному святому в меня вошел помысл о приятности и сладости почитания и меня после моей смерти как святого – и тотчас Господь исцелил меня от сего услаждения таким помыслом. Я пережил тяжкую боль сердца, бывающую у святого при

таковом почитании его. Сердце стало как бы раненым или больным – и понял я, что в какой степени святого почитают, в такой же мере – его распинают, ибо делают его участником своей жизни со всеми ее очистительными от грехов скорбями. Ужас сперва взял меня, и тотчас же явилась мысль: да ведь это и есть – сораспятие Христу».

«Если человек стремится к истине и в какой-нибудь степени живет ею, то открывай ему правду, поскольку он понимает ее или может вместить ее. Остальное покрывай любовью, то есть его неспособность, немощь».

«Благодать Божия очищает наши отношения к ближним, дабы они были лишь отношениями во Христе, чтобы Бог был всяческая во всех».

«Мир представляет теперь из себя пустыню, наполненную зверями, ибо не чувствуется в нем влияния Духа Божия, которое могло бы оживить и ободрить жаждущую душу. Люди стали чужды Его и очень лукавы и злы».

Но рядом с батюшкой мы жили в ином измерении – в пустыне, которая процветала. Сколько возможно молитвам одного верующего!

С отцом Анатолием, священником Серафимо-Дивеевского монастыря, я встретилась у могилы отца Владимира: «Очень не хватает батюшки. Как часто вспоминаю его поддержку... Отец Владимир, без преувеличения, поставил меня на священнический путь. Первый раз мы с ним познакомились на трассе. Пришлось поучаствовать в починке его машины. Потом обстоятельства складывались так, что я должен был его увидеть. Но житейские дела – воспрепятствовали. И, по-присловью: «Если Магомет не идет к горе, то гора идет к Магомету», отец Владимир через пару дней уже был на нашей улице, и я с удивлением услышал его разговор с моими соседями. Через минуту он через забор уже говорил со мной. Расспросил о моей жизни, профессии... Ответил, что я строитель, работаю в фирме... Батюшка сказал, что мне предстоит духовный путь. И кончил: «Но тебе выбирать: преподавать ли дивеевским жителям сопромат или – Закон Божий». После этого я начал

алтарничать. При отце Владимире успел стать дьяконом. И сразу же после его смерти был посвящен в иереи. Сначала служил под Нижним Новгородом, а теперь уже год в монастыре.

Нужно бы об отце Владимире написать серьезные воспоминания. Есть, что вспомнить... Но все некогда, нагрузка большая. Может быть, Бог даст, это еще осуществится. Многие отцу Владимиру очень обязаны... С батюшкой на каждом шагу происходили удивительные вещи. Хотя бы одна история.

К нам в монастырь приехал нижегородский священник, отец Игорь. Отслужил литургию и говорит: «Поеду теперь на источник...» Отец Владимир его отговаривает: «После Причастия стоит ли окунаться?» – «Так редко здесь бываю. Когда еще в Цыгановку попаду. Нет, поеду». А у отца Игоря было необыкновенно низкое зрение (-8). Такие люди практически очки не снимают. И он, не замечая их, погрузился в источник. И остался, конечно, без очков. А ему в этот же день было необходимо вернуться в Новгород. Без очков править машиной невозможно. Искали в монастыре, нет ли у кого-нибудь подобных диоптрий. Никого не нашли. Звоню отцу Владимиру, спрашиваю, нет ли у него знакомых с подобным низким зрением. Батюшка отвечает: «Я сейчас приеду». Радостно решил, что у него есть такие знакомые. Появляется отец Владимир, предлагает ехать на источник, искать очки. Кто-то посмеивается. Я говорю: «Батюшка, прошло больше четырех часов, да и сразу же после потери – ныряли. Одна беспросветная тина. А через столько часов и вообще их след простыл». Батюшка непоколебим. Приезжаем. Выныривает в первый раз и радостно сообщает: «До дна – достал!» Мы полностью не верим в успех дела и с недоумением рассуждаем о батюшкиной наивности. Один из нас откровенно иронизирует. Он появляется из-под воды во второй раз: в поднятой руке – очки! Мы все ахнули. Отец Игорь, такой строгий уставщик, никогда поклона не вовремя не сделает, а тут – воскресенье. И вдруг он с большим чувством делает земной поклон и произносит: «Помолимся все об отце Владимире...» Такой памятный эпизод».

Уроки любви (воспоминания иерея Владимира К.)

«Познакомился я с отцом Владимиром в первый мой приезд в Дивеево. После всенощной народ стал расходиться. Я ходил по Троицкому храму, был полусумрак, погасили паникадило, свечи кое-где горели. И вдруг в глубине храма увидел небольшую толпу. Это были люди, стоявшие около батюшки, который меня сразу заинтересовал, привлек своей манерой общения с исповедниками. Иногда он поворачивал свое лицо к тем, кто ждал своего времени, и я видел это лицо, очень живое. Оно менялось постоянно: то батюшка улыбался, то лицо становилось сумрачным. Он живо жестикулировал. Удивила любовь, проявляемая к человеку, который исповедовал ему свои грехи. Батюшка то потреплет по щеке, то неожиданно на мгновение прижмет к себе страждущую душу. Если женщина плакала, он концом платочка вытирал ее слезы, потому что она неутешно плакала, и что-то весело говорил, отчего она сквозь слезы улыбалась. Иногда я видел, как он что-то очень настойчиво произносит, видимо, этому человеку необходимо было вразумление. Ничего статичного, бесстрастного, безучастного не было у этого священника, как это нередко у других. И я решил обязательно здесь исповедаться. Дождался, когда уже никого не осталось, и подошел к батюшке.

В эту первую исповедь я запомнил, как отец Владимир раз за разом мне повторил, почему я не воцерковляюсь?! Я был поражен и удивлен. Я считал себя достаточно воцерковленным: ходил каждую субботу и воскресенье в храм, праздники не пропускал. И эта его настойчивость, даже укоризна, повелительный голос – заставили меня серьезно задуматься. Я шел по дороге к дому, где должен был ночевать, и все думал об этом: почему же он был так настойчив? Отец Владимир напомнил, что в семейной жизни нужно нести свой крест и очень бережно относиться к жене своей, снисходить к ее немощам и ни в коем случае ее не обижать. Видимо, батюшка прозрел во мне этот недостаток: иногда бываю нетерпелив и раздражителен по отношению к домашним. Вспоминаю, что во время исповеди я невольно любовался тем, как отчетливо различаю свои

грехи. Отец Владимир, видимо, это сразу почувствовал. Весь нахмурился, замолчал. И я подумал, что же это я говорю? Наверное, он тут же помолился, чтобы все это до меня дошло. И мне стало совестно, заныло сердце.

Батюшка не любил формальной исповеди. Когда я попытался произнести: грешен делом, словом, помышлением, всеми моими чувствами – он сморщился и сказал: «Что ты говоришь. Это не исповедь! Так нельзя исповедоваться». Я был поражен. А он повторил: «Нет, нет, больше никогда так не отделывайся от исповеди». И я понял, как важно перед Богом каждое слово покаянное.

После того, как исповедь закончилась, батюшка расспросил меня о себе. Узнав, что я занимаюсь издательской деятельностью (мы уже несколько лет издавали православную литературу), батюшка живо это воспринял и даже сказал: «Давай что-нибудь издадим вместе». Предложил издать книгу об угодниках Божиих, в которой бы помещались тропари, кондаки, величания и молитвы разным святым с рассказами о том, кто в каких немощах и болезнях помогает. Он поделился тем, что занимался журналистской деятельностью, и добавил: «У меня много материала, книга практически готова». Поразило меня еще то, что людей, которые не успели исповедаться и ждали в отдалении (храм закрывался), – батюшка повел домой, хотя было уже очень поздно. В эту первую встречу он дал мне свой телефон. Но тогда я так и не дозвонился ему: то он был на требах, то его не было дома. И я понял, что его вообще очень непросто застать.

Вторая встреча с батюшкой произошла у меня через полтора года. Тогда случилось удивительное. Отец Владимир продолжал исповедовать после Божественной литургии. Было очень много желающих покаяться – огромное количество духовных чад приезжало к нему. Я сбоку пристроился – нас было трое издателей из Москвы. Когда батюшка прочел общие молитвы, он сам встал на колени и положил земной поклон перед всеми, кто собирался исповедоваться, – у всех попросил прощения. Это меня очень поразило. Никогда я подобного не видел. Он не исповедовал по очереди, а сам выбирал, прозревал, кого в первую

очередь необходимо было принять. Я думал, буду ждать долго, потому что стояли старики, болящие и женщины с детьми. И вдруг он меня позвал. Я ему кивнул головой, он кивнул мне в ответ – я пошел к нему. Исповедь была не такой большой, как в первый мой приезд. И поразило то, что батюшка, когда исповедовал, указал мне на один грех. Я его назвал, а он говорит: «Нет, это немножко не так», – и назвал грех точнее. И добавил: «Это у тебя с отрочества». Я был поражен, потому что не считал этот грех большим, не обращал на него внимания. Но после его слов действительно понял, что он у меня прослеживается на протяжении всей жизни, постоянно присутствует. Он сказал: «Возможно, это тебе будет мешать». Предостерег еще от чего-то. Батюшке я подарил после исповеди бумажные иконки святителя Николая. Он повернул икону к себе и начал читать молитву. Но совсем не ту, что была на ней с обратной стороны: там были тропарь и молитва святителю Николаю, которую я знал. Он читал совершенно другую молитву – никогда не существовавшую. И вдруг стал называть имена. Я прислушался – и не верю себе: звучат имена моих сродников и тех, с кем я работал. Начал он с не известного мне имени – «иерей Владимир». Я у батюшки спросил, что это за иерей Владимир? Он улыбнулся – и ничего не ответил, и я вдруг понял, что это он назвал – меня! Он читал и улыбался. И я переспросил: «Батюшка, ведь это мои родные?» Он тоже улыбнулся в ответ и опять ничего не сказал. И когда мы прощались с ним, мы расцеловались, как родные. Очень меня тронуло и умилило это троекратное целование. И я отошел ошеломленный и со слезами на глазах. Я побежал к своим сотрудникам, чтобы позвать их к батюшке. До поезда оставалось еще какое-то время. Они также встали сбоку, и батюшка их тут же вызвал, видимо, чувствуя, что нам нужно уезжать. Когда я стоял, ожидая своей очереди к батюшке, не раз наблюдал, как он решительно брал за руку человека и вел его к Распятию или иконе, или мощам Преподобного Серафима, и они вместе клали поклоны. Батюшка первый начинал и понуждал к тому же человека, стоящего рядом. И так строго, иногда даже требовательно. А потом уже с лаской к

нему обращался – полуобнимет, поцелует. (Мне одна матушка потом рассказывала, как он ей предсказал монашество). После встречи с батюшкой я вскоре был рукоположен в дьяконы, а потом в иереи. И отец Владимир это прозрел. Думаю, он это знал и прежде, когда на первой исповеди понуждал меня к более глубокой духовной жизни. Батюшка молился за всех, кто к нему приезжал. И стал я священником, безусловно, с его молитвенным участием.

Батюшкину исповедь забыть нельзя. После кажущегося строгого обращения, отец Владимир мог быть необыкновенно любвеобилен. (Он ведь и палочку брал – побивал, и постучит, бывало, хотя это тоже проявление любви, так как бесы эту палочку очень не любили). Когда у девушек, женщин происходила первая исповедь, он так вразумлял, так утешал, что они уходили зареванные. Чтобы смягчить эти страдания, эти духовные терзания, он приголубливал, ласкал, целовал. И детей очень любил голубить. Когда бежит по храму, на ходу благословит, пошутит, за ушко потреплет – входил в жизнь каждого человека.

Неизгладимо все это... Ничего формального у отца Владимира не было. И слова Писания: «Ради нужды бывает пременение закона...» – они полностью подходили к батюшке. Любовь в нем была необыкновенная... Она преобладала над всеми формальностями и препонами, которые действительно существуют и для многих необходимы – но это не для него. И я вспоминал, глядя на батюшку: *Бойтесь закваски фарисейской...* Прежде всего – Любовь, которая ломала все преграды. Отец Владимир не занимался ниспровержением закона – он его исполнял. Как сказал нам Господь: *Я пришел исполнить закон*, – то есть только Любовью можно закон исполнить. И это было разительным у батюшки. Ради того, чтобы человеку вот сейчас, не когда-то завтра – немедленно помочь, – он мог отойти от места, на котором он исповедовал, он мог вдруг заговорить с человеком совершенно нестандартно. Ничего другого не было – одна Любовь, которая им руководила. Одна она организовывала его поведение с этим человеком и беседу – и она меняла всю жизнь каждого, кто соприкасался с батюш-

кой. Господь преизобиловал в нем. (Разве может человек несколькими фразами изменить жизнь другого человека?) И батюшка совсем не понимал, не замечал своих дарований. Он умывал ноги пришедших к нему, он снисходил к последнему из грешников совершенно естественно. Он ничего не сочинял, не выдумывал, он говорил человеку прямо и сразу то, в чем он максимально нуждался. Полная простота – готовность каждому отдать всего себя. Порой это были три минуты общения. И они переворачивали всю жизнь человека. Потому что это были не человеческие, это были Божественные минуты – Небесно наполненные.

Эти уроки Любви не проходят даром. На всю жизнь я запечатлел их, как мог, и стараюсь ими руководствоваться. И в меру своих худых сил – батюшке подражать. Все встречи с отцом Владимиром, происшедшие в этой земной жизни – несут на себе отпечаток Вечности. Проходит время, но как будто вчера это было. О подобных встречах нельзя молчать. При каждом удобном случае начинаю рассказывать о батюшке. Говорю: «Вот какие бывают пастыри... И пусть тот, кто исповедуется, чрезмерно не унывает». Обращаю внимание слушающих на книгу об отце Владимире. Предлагаю ее почитать. Книга могла вызывать в человеке переворот. Со мной нередко делились тем, что читали ее со слезами, рыдали, писали первую в жизни серьезную исповедь. Люди, прочитав про батюшку, начинали считать, что они его знают, называли родным для себя человеком. Как будто в Вечности был этот человек – всегда существующий. И мы, наконец, его узнали – встретились с ним.

Я сначала думал: надо ли рассказывать об отце Владимире? А потом прочел, как уже отшедший из этой жизни преподобный Амвросий Оптинский упрекнул свое духовное чадо, которому он помог – после своей смерти. И преподобный сказал: «Вот ты не написал, не рассказал... – это грех». Представьте – укорил его. То, что я сейчас вам поведал, по мере своей скудости – это только слабая тень того, что я пережил, того, что было в каком-то протяженном времени, а мне кажется, это время продолжается и сейчас. Память о батюшке только все ярче разгорается.

Так это есть – на самом деле. Меня всегда поражало, когда, еще при его жизни, но и после смерти, я начинал рассказывать о батюшке – всегда слезы подступали к горлу. Я невольно начинал плакать. Горло сжималось. Без волнения не мог вспоминать о нем. Одно что-нибудь расскажу и больше не могу».

Несколько знакомых священников делились со мной воспоминаниями о том, как отец Владимир, едва ли не в первую встречу, и часто – именно в первую, не откладывая, говорил им о предлежащем священстве. Многим он помог поменять светский образ занятий на духовный.

«Батюшка, молитесь о моей семье – все неверующие»

Раба Божия Татьяна из Череповца: «В свой третий приезд в Дивеево я познакомилась с отцом Владимиром. Не забыть, как много плакала на исповеди: батюшка сказал мне такие вещи, которых сама о себе не знала. Он указал на глубинные язвы моего существа. Все было так точно и ясно вскрыто, что была поражена; до сих пор мне не приходилось встречаться с такой прозорливостью. Очень долго думала над всем тем, что батюшка мне сказал и до сих пор постигаю сказанное. Просила отца Владимира молиться о моей семье – все неверующие. Батюшка взял записочку и подписал: Татьяна из Череповца со сродниками. Удивительно, когда мы были в Дивееве, батюшку видела изредка, но если он мне был необходим, он тут же появлялся. Когда мы шли за благословением, он выходил навстречу, как будто ждал за углом. На прощание сказал: «Вези всю семью сюда!»

На следующий год собралась на зимнего Преподобного, но заболела. Дивеевским поездкам всегда что-нибудь препятствует. Был в отпуске мой сын Миша. Прошу: «Поехали со мной, ты хоть потащишь сумки». А он: «Дорога дорогая, не поеду». – «Я тебе все оплачу, поедем, посмотришь, как люди живут». Он согласился. В Дивеево собирались пробыть три дня. Почему-то он сразу пошел на службу, стоял очень тихо. У Преподобного Серафима Миша был на всенощном бдении; и у меня в этот день роди-

лась внучка, хотя мы ждали ее несколькими днями позже.

Три дня мы ходили на службы и молились, но с батюшкой так и не встретились, он был очень занят. Наташа, моя знакомая, благодетельница моя, сказала батюшке, что мы приехали. Но вот уже собрали сумки к отъезду, до автобуса, буквально, минут двадцать. Зашли к Преподобному Серафиму и за благословением батюшки, которое нам обещала Наташа. Мой сын уже хватал сумки, оставалось десять минут, а батюшка все не выходит из алтаря. Наташа: «Подождите! Он молится. Вот он вышел, сейчас к нам подойдет». Наконец, батюшка благословляет нас. Отводит Мишу в сторону и начинает с ним разговаривать. Миша гораздо выше его ростом. Батюшка обнимает его рукой за шею: «Ты ведь в отпуске? Оставайся, Миша!» Обнимает его рукой, а сын сбрасывает с себя батюшкину руку. Потом он растерялся, не знает, что делать. Необыкновенно растерялся: «Вот как мать скажет, так и будет!» Мы вышли: «Оставаться или нет?» Бросил рубль наугад: орел или решка? Вышло – оставаться. Так он, молитвами отца Владимира, остался в Дивеево. Мальчик у меня сложный, хотя Господь ему все дал. Закончил девять классов, учился неважно. Нельзя сказать, что он большой хулиган, но компания была жуткая: сейчас все его «друзья» – по тюрьмам. Пошел в ПТУ, учился на электрика. Там тоже обстановка – никуда. Он мне позже признался, что уже в училище пытался осмыслить происходящее. Потом сын совершил хулиганский поступок: трое, как следует выпив, подошли к мужчине на улице, стали просить деньги, крошечные, буквально десять копеек. Мужчина тоже был пьяный, выругал их, началась драка, хотя Миша не дрался, но присутствовал. Состоялся суд, дали ему четыре года условно.

Вот с такими данными он приехал в Дивеево, прожил три недели, работал в мастерской и ходил молиться в храм. Батюшка своим неусыпным оком за ним наблюдал, Миша потом рассказывал. Люди, с которыми он работал, доброжелательно поддерживали его, помогали, вразумляли. Он съездил на источник Преподобного Серафима. Встретил его на дороге и повез на источник отец Влади-

мир, хотя Миша его нечасто видел. Но батюшкино присутствие постоянно ощущал.

Когда сын вернулся из Дивеева, я его не узнала, будто не мой Миша, даже напугалась. Не знала, как благодарить Бога, думала – чудо произошло! Он приехал: «Мама, есть люди, которые живут с Богом, хочу жить так же. Пусти меня в Дивеево, я буду там жить и работать». Пожалела, думаю: «Так далеко от нас уедет», – отговаривала. «Мама, я решил поступать в духовное училище», – а прошло всего-то дней двадцать. Поразилась, ведь он и причащался впервые в жизни на праздник Батюшки Серафима. Его и в армию не забрали из-за четырех лет под особым контролем. Регулярно приходил в милицию, его проверяли... Так вот, я его не узнала. «Мам, я хочу туда!» – «Миша! Подожди, если ты выбрал свой путь, поедешь в духовное училище у нас в Вологде. Или будешь здесь продолжать служить Богу – работать». Он согласился все-таки, остался со мной.

И начался новый период, его как будто раздирали на части: все время появлялись какие-то люди, отвлекали его, и все, что он получил в Дивеево, он просто-напросто растерял, причем очень быстро. Была великая невидимая брань, приходили товарищи, которые с ним дрались. Он мне говорил: «Мама, ты скажи, что меня нет дома, я не хочу их видеть. Начинаю говорить им о Боге, они не слышат. Я не хочу с ними общаться...» Он понял, что ему пора менять круг друзей. А друзья тут как тут на пороге: «Ну да, вы говорили, его нет, а он – дома!» Он сомневался, сначала поступал в институт. У нас большой металлургический комбинат, до поездки в Дивеево сын там работал и получал довольно много. Ему было интересно, на завод трудно устроиться. Работал электриком, его уже оценили: прокатный цех с новым немецким оборудованием. Он по натуре хороший технарь. И вот, все бросил, стал поступать в духовное училище.

А перед этим, так Господь устроил, он в Николо-Бабаевский монастырь, в Ярославль поехал, там мощи святителя Игнатия Брянчанинова. Здесь он поговорил с игуменом Борисом, спрашивал совета. Тот сказал: к старцу за благо-

словением на поступление.

В Дивеево мы отца Владимира не застали и поехали в Санаксарский монастырь к отцу Иерониму. Он благословил: «Помоги, Господи!» И Господь помог. Ведь Миша был невоцерковленный, молитв толком не знал. В общем, был не готов. Вопросы, которые мы с ним разбирали, он знал слабо. Это только Промысел Божий! И святые молитвы. Представить было невозможно, чтобы его приняли. Сейчас он уже второй год учится в духовном училище на пастырском отделении. Так рад, что поступил. Все друзья полностью поменялись. Благодарит Бога и отца Владимира, что избрал этот путь. Когда пришло известие о смерти батюшки, Миша был потрясен. В Прилуцком монастыре молился с игуменом и всей братией о батюшке. Как о родном, благодаря Мишиным рассказам, об отце Владимире все монахи молились!

В третий раз Миша приехал в Дивеево на летнего Преподобного Серафима. Уже ушел от нас отец Владимир. Была патриаршая служба, и Миша прислуживал в алтаре. Его взяли, хотя паломников из духовных училищ и семинарий было много. Вот так отец Владимир Михаила моего обратил.

Летом мы были в Дивеево на Матерь Божию «Умиление». Сподобились перед этим у матушки отца Владимира быть на день великомученика Пантелеимона. Отец Владимир был в отпуске, а у него в доме замироточили две иконы целителя Пантелеимона. Матушка, когда обнаружила миро, сказала: «Давайте молиться». И мы три дня подряд приходили, читали акафист мученику перед святыней.

Когда получили известие о смерти батюшки, поняли, что о нем плакали Небеса. В доме отца Владимира в это время мироточило очень много икон. Святые свидетельствовали нам, что он при жизни был уже с ними. Конец и Богу Слава вовеки. Аминь».

Духовный сын отца Владимира П. однажды спросил у батюшки в письме: «Не все понимают, зачем Православие предписывает так много молиться, ведь Бог и так знает о нас все». Отец Владимир написал ему: *«Чтобы нам полу-*

чить помощь, кто-то должен об этом просить Бога. Если Бог поможет без просьбы, то, словами старца Паисия Святогорца, «дьявол выразит несогласие и скажет: «Почему Ты помогаешь ему и нарушаешь свободу человеческой воли? Он грешник и, значит, принадлежит мне». Из этого видно и великое духовное благородство Бога, Который даже дьяволу дает право выражать несогласие. Поэтому для того, чтобы вмешиваться, Он хочет, чтобы мы просили Его об этом». Чтобы получить помощь от Бога, ее должен хотеть и просить сам человек. «Хощеши ли здрав быти?» (Ин. 5,6) – спросил расслабленного Христос. Если человек не хочет, то Бог это чтит. Если кто-то не хочет в Рай, то Бог не берет его туда силком, кроме тех случаев, когда человек, находившийся в духовном неведении, был несправедливо обижен, тогда он имеет право на Божественную помощь. «Просите и дастся», – говорит Евангелие. Не прося у Бога помощи, мы терпим полную неудачу».

«Внутри любви к нашему ближнему сокрыта наша любовь – ко Христу»

Из глубины неотступной толпы, всегда окружавшей отца Владимира, какая-то мать, которая не может к нему пробиться, возвышает голос: «Батюшка, не забывайте моего сына, он в таком тяжелом состоянии. Его зовут Вадим!» А батюшка тут же на цыпочки приподнялся: «Я всегда с ним!»

И насколько он всегда был и есть со всеми, кто просил его помощи. Вот отец Владимир стоит у святых мощей Преподобного Серафима (а теперь перед живым Батюшкой). Кончил читать акафист и под непрерывное, чудное «Господи помилуй» иноческого девичьего хора поминает не только ворох записок на аналое, но известных и неведомых игуменов и игумений, монахов и монахинь, директоров духовных учебных заведений, благотворительных учреждений... духовных детей и сегодня впервые увиденных им – головокружительное число имен – на память.

В начале знакомства дала батюшке две записки – о здравии и упокоении, с просьбой святых молитв. На каждой – имена в три столбца, одних священников около двад-

цати, их родные, мои близкие, друзья, сотрудники храмов и другие дорогие люди. Шли годы, стеснялась спросить: «Батюшка, Вы там моих не забываете?» И вдруг он: «Вы поминаете вашу инокиню Гликерию? Помните, вы просили меня о ней молиться». Сознаюсь, сама поминаю ее редко. Не дожидаясь моего ответа, по-видимому, зная его, отец Владимир продолжает: «Она приехала в Дивеево из Хотьковского монастыря, попала ко мне на исповедь...» Нужно же догадаться, что эта та самая, а не другая какая-нибудь Гликерия! Ее монастырь я ему не указывала. Более того, когда имя ее записала, она была в другом монастыре. «Отметьте у себя в помяннике: она уже не Гликерия, – оповещает он меня *первый*, – а монахиня Феодосия». Самое поражающее, что судьба моей Гликерии его активно тревожит и занимает. Думаю, она и в Дивеево в первый раз попала, благодаря батюшкиным заочным молитвам. Отец Владимир мог чувствовать неблагополучие людей – на расстоянии.

Один из примеров такого нестандартного «слышания». Случай был рассказан сторожем московского храма Л.: «Наконец-то приехала в Дивеево. Много впечатлений. Отец Владимир меня тут же узнал, хотя видел мельком один раз. Он венчал в Дивеево моих друзей из Москвы. После чего тщательно благословил на обратный путь уезжавших на своей машине. В каком же я была потрясении, когда узнала, что они попали в дорожную катастрофу. Машина – всмятку, перевернулась вверх дном, но все – полностью уцелели, ни перелома, ни травмы – настоящее чудо. В Дивеево никто их не знал, ничего не сообщал. Но у первой же моей знакомой, приехавшей в монастырь, отец Владимир, будто заведомо зная, что она обладает нужной информацией, спросил: «Хорошо ли чувствуют себя после автомобильной катастрофы молодые супруги?!» Она была поражена: «Откуда он узнал об аварии и о том, что мне это известно?!»

В одном из московских храмов батюшка оставил о себе неизгладимые воспоминания. В первый раз, ожидая батюшку с матушкой в Москве, я подумала: где же они остановятся? И стала просить одну прихожанку пустить их на

день-два к себе. Не будучи знакома с отцом Владимиром, она не испытала желания ему послужить. И позже рассказала: «От твоей просьбы я почему-то расстроилась: «Это ведь убираться надо!» Чего только в голову не пришло и напоследок с досадой: «Дали бы самой пожить спокойно!» Приезжают батюшка с матушкой. Отец Владимир разговаривает в храме – одни, другие. Подвожу мою знакомую. Через две минуты живого общения батюшка уже исповедует ее на лавочке храма, входя во многие нелегкие подробности. Исповедь поразила ее своей серьезностью, с чувством стыда она вспомнила мою просьбу. «Простите, меня тут просили пустить Вас пожить на два-три дня...» – «Что Вы, что Вы, – тут же отозвался батюшка. – Это ведь убираться надо!» Выпалил ей весь перечень ее помыслов и закончил: «И вообще дали бы самой – спокойно пожить!» – «Внутренне я облилась краской, – вспоминает М. – А батюшка мило, с пониманием улыбнулся, благословил и следующую минуту уделял уже другому человеку».

В тот же приезд раба Божия Валентина кормила отца Владимира в трапезной обедом. Поведала ему свои больные ситуации, плакала, рассказывая о смерти любимых дочерей, и кончила волновавшим вопросом: «Батюшка, имею послушание на храмовой кухне. Одни искушения. Одни грехи, и словом, и делом... Страшное дело – кухня. Внуков и то забросила. Пропадаю. Люди в храм – молиться пошли, а я тут в охапку с кастрюлями!..» Батюшка лучезарно улыбнулся: «Ничего-ничего, придет миг, так – с кастрюлями и – прямо в Рай!» Она до сих пор в трудные минуты утешается этой батюшкиной улыбкой.

Тамара Евгеньевна, Москва: «В 1999 году я поехала в Дивеево к мощам Преподобного Серафима Саровского. Почти двенадцать лет я страдала от головных болей. Приступы, которые передать и описать невозможно. По нескольку дней не вставала. Из-за моей болезни мне пришлось уйти с работы.

С детства помню, как моя верующая бабушка Евгения необыкновенно почитала Серафима Саровского и всегда говорила: «Что бы у тебя ни случилось – молись Батюшке

Серафиму». Поехала я в Дивеево с глубоким чувством веры в помощь Преподобного. Купалась в источнике (в феврале), прикладывалась не один раз к его святым мощам и все просила его помочь в моей болезни – исцелить меня.

Вечером того же дня попала на исповедь к отцу Владимиру. Никто и никогда мне о нем не рассказывал, а ведь ехала в Дивеево с людьми, которые не раз там бывали. Меня направил к отцу Владимиру сам Преподобный Серафим.

Долго стояла в очереди к батюшке. Смотрела на его доброе лицо, глаза. Доносились до меня и некоторые его поучения. Слышала его сострадания и замечания. Видела, как часто он убегал в алтарь и возвращался, потом снова убегал – и опять исповедовал. Спросила у сестры, стоящей рядом со мной: не прозорливый ли батюшка? Сестра засмущалась, попросила прощения и ни слова больше. Что-то побудило меня спросить об этом. Ведь я никогда не была у прозорливых священников, только читала о них.

Потом отец Владимир позвал меня. Долго со мной говорил. Уходить от него не хотелось. Такой доброты и тепла я никогда не чувствовала. На следующий день снова пошла на исповедь. Поразило, с какой радушностью батюшка меня встретил, как будто я у него была по меньшей мере – раз десять. Опять каялась. И пожаловалась на свои страшные боли. Вдруг он руками сжал мою голову и прижал к себе. Это было так непривычно, неожиданно. А теперь, когда приступы моей болезни полностью прошли, и три года я не знаю, что это такое, понимаю: Бог подал мне встречу с прозорливым целителем душ и телес наших.

На следующий день – Причастие. Такая легкость, неземное состояние, радость переполняли меня. После службы стою, жду отца Владимира. Уезжаем. В храме почти никого нет. Батюшка выходит из алтаря, подходит ко мне, благословляет. Спрашивает неожиданно: «Полегчало?» Отвечаю, что очень, очень полегчало. Батюшка говорит: «Приезжайте, звоните, пишите!» Больше я его не видела. Только на могилке его была два раза. И дня не проходит, чтобы я об отце Владимире не думала. Вечная ему память!»

Мы познакомились с Тамарой Евгеньевной. Не могу удержаться, чтобы не поместить ее письмо о своей бабушке. Тем более что отец Владимир любил сохранять в дневнике памятные воспоминания о встречах с людьми.

«Моя бабушка Евгения родилась 7 января, а умерла 30 марта, на день Алексия Человека Божия. Когда мне бывает трудно, я всегда прошу ее мне помочь, и она - помогает! Если я сделала в жизни что-нибудь хорошее, это ее заслуга. «Дочка, - говорила она мне, - не гонись за платьем, да за добром, ведь и цари с собой ничего не взяли. ***Делай добро людям, и оно перед Богом не сгорит и не утонет****». Если бы я всегда слушалась свою бабушку, избежала бы многих бед и болезней. Бабушка моя очень много пережила в своей жизни, пострадала за Бога. По своей глубокой вере она не пошла в колхоз, а вслед за ней - не пошли туда свекор со свекровью и их дети. Она вела всю семью, как путеводная звезда. За ее отказ служить новому режиму всех выгнали из только что отстроенного дома, ее - с пятью детьми. И началось время испытаний. Рано похоронила мужа, маленького ребенка, голодали, мерзли, скитались. Но вера в Бога осталась в ней непоколебима, только еще больше окрепла.*

На моей памяти бабушка всегда читала священные книги, делала много доброго людям и уже совсем больная - время проводила в молитве. На праздники в нашем доме всегда собирались молиться верующие, некоторые из них еще живы. После нее остался сундук женских ситцевых платков, которые ей дарили, когда она ходила читать Псалтирь по усопшим. Мы с мамой все платки раздали за упокой ее души. «Дочка, - говорила она мне, - ***меня за Бога - стреляй!»***

В глубокой старости, когда уже не могла ходить, она постоянно сжимала в руках и целовала свой крест, подолгу смотрела на иконы и молилась. (Желаю себе таких предсмертных дней, подобной христианской кончины). Это она привила мне любовь к Преподобному

Серафиму. Предсказала, что за мое отступление (в молодости) от Бога, я буду наказана. Так и случилось. Но, когда пришла болезнь, я вспомнила ее слова, молитвы и предостережения. Сколько я пролила слез за свое непослушание. По молитвам бабушки к Преподобному Серафиму, за меня недостойную, я узнала отца Владимира. Лишь только прикоснуться удалось к краю его ризы, как его не стало. Считаю себя счастливым человеком, что видела такого избранника Божия, разговаривала с ним и получила от него исцеление. Ведь это моя бабушка заповедовала мне обращаться к Батюшке Серафиму во всех трудных ситуациях.

Прожила она в скромном саманном домике, который стоит до сих пор. Удивительная была у бабушки стойкость, крепкий дух и вера в Бога! Два раза она «горела». Повернувшись к горящему дому, сказала: «Слава Тебе, Господи! Все мои грехи сгорели в этом доме!» Не кричала, не стонала, не жаловалась... Благодарила Бога. До последних дней ее жизни, проходя мимо окна, всегда можно было видеть ее читающей Псалтирь или Евангелие. И всегда она говорила мне: «Дочка, какая веселенькая моя избеночка!»

В день ее похорон я плакала безмерно И домик ее мы так и не перестроили, сколько ни собирались. Его стены пропитаны бабушкиными молитвами. Все переменить и, кажется, Святого Духа в них не станет. Простите, что так много написала вам о бабушке. Для нашего рода это светильник, лучезарная звезда».

Слава Тебе, Боже, что мы живем на святой земле, где были и есть такие люди. И мы еще оглянемся на их жизнь и попросим их святого предстательства в дни грядущих испытаний.

Однажды мы разговорились с отцом Владимиром о поэзии. Поделилась: «Кажется, от моего прежнего пристрастия к всемирной поэзии осталась одна единственная фраза Р.М. Рильке: *«Я беден, беден, как ладонь в слезах...»* – «Надеюсь, к духовной поэзии можно отнести большее

число строк», – улыбнулся батюшка. Когда я назвала Пушкина языческим поэтом, он возразил: «Богу легко простить человеку все юношеские заблуждения. Он рад отшелушить их, как зерно освободить от оболочки, если есть хоть какие-то данные на это. Вся Его забота о сердцевине, о душе. Кстати, вы помните эпизод с Ланским?» Однажды молодой Пушкин вместе с графом Ланским, увлеченные острословием, позволили себе шутить на предмет религии. Неожиданно к ним в комнату вошел молодой человек, который, как потом выяснилось, был обоим незнаком. Он стал говорить о вере с глубоким познанием затронутой темы, немедленно обезоружил их своими доводами. Они почувствовали себя нашкодившими детьми и, в конце концов, признались, что изменили свои взгляды. Гость встал, поклонился и вышел. После паузы, совершенно ошеломленные, они бросились расспрашивать слуг. И узнали, что посетителей – не было! Никто к ним не входил... Это событие явилось одним из переломных моментов в жизни поэта. После него Пушкин стал гораздо осторожнее не только в высказываниях, но и в мыслях о Православии.

Пушкину принадлежат некоторые неизгладимые строки. Не все его духовные произведения нам известны. Мы вспомнили стихотворную переписку поэта с митрополитом Филаретом. К сожалению, я могла восстановить лишь начало, а отец Владимир дочитал до конца:

Дар напрасный, дар случайный,
Жизнь, зачем ты мне дана?
Иль зачем судьбою тайной
Ты на казнь осуждена?

Кто меня враждебной властью
Из ничтожества воззвал,
Душу мне наполнил страстью,
Ум сомненьем взволновал?

Цели нет передо мною:
Сердце пусто, празден ум,
И томит меня тоскою
Однозвучный жизни шум.

И ответ митрополита:

Не напрасно, не случайно
Жизнь от Бога мне дана,
Не без воли Бога тайной
И на казнь осуждена.

Сам я своенравной властью
Зло из темных бездн воззвал,
Сам наполнил душу страстью,
Ум сомненьем взволновал.
Вспомнись мне, Забвенный мною!
Просияй сквозь сумрак дум –
И созиждется Тобою
Сердце чисто, светел ум!

В конце ответного послания глубоко тронутый поэт написал:

Твоим огнем душа согрета
Отвергла мрак земных сует,
И внемлет арфе Филарета
В священном ужасе поэт.

Священник, которого попросили прийти к смертному одру Пушкина, остался под незабываемым впечатлением от благоговения, с которым поэт исповедовался и приобщился Святых Христовых Таин: «Я сам себе желал бы такой кончины», – сознался он близким со слезами на глазах.

Пушкин испытывал нечеловеческие страдания, но переносил их с необыкновенным терпением. Все ощущали присутствие великой милости Божией. Он простил своего убийцу и сказал Вяземскому: «Ты должен обещать не мстить за меня. Прощаю его и хочу умереть христианином». И повторил Данзасу: ***«Хочу умереть христианином»***. Перед самой смертью он благословил каждого из детей и жену, ободряя ее: «Слава Богу, все хорошо!»

«Смерть идет», – сказал он Карамзину. Когда, по его просьбе, к одру привезли супругу Карамзина, он просил перекрестить его. И поцеловал благословляющую руку. Перед смертью подал руку Далю: *«Ну, подымай же меня, пойдем! Выше, выше пойдем!»* Через несколько минут: *«Жизнь кончена»*. Осенил себя крестом: *«Господи, Иисусе Христе...»* – и затих. Жуковский со слезами писал об уте-

шенности его лица после смерти, на котором было разлито высокое новое знание.

Вспомнили некогда любимую мною Марину Цветаеву, ее малоизвестную прозу, посвященную личному творчеству, где она сравнивает его с «котлом ведьмы». И в своей откровенности доходит до признаний, что пишет под диктовку «голосов», и временами пена выступает у нее на губах. Это живо напоминает картины одержимости из Евангелия. Подобное мы знаем о Мандельштаме, еще более отталкивающее – о Белом, Брюсове и многих других (последний являлся сознательным адептом темных сил).

«Батюшка, я была знакома с Анастасией Ивановной Цветаевой. Она добилась благословения на поминание сестры и более полувека отмаливала Марину. Подала ее имя в большое число монастырей. Хочется верить, что тягчайший ее грех чудом милосердия Божия прощен...» – «Да, хочется верить. Кто только будет отмаливать нынешних авторов оккультно-порнографических отбросов, пишущих под диктовку тех же сил?!» Говоря об этих «писателях», батюшка испытывал подлинное горе.

Отцу Владимиру и мне были памятны судьбы двух «гениальных» детей: Вики Ветровой и Ники Турбиной, о которых в свое время были опубликованы эффектные статьи. Одна – с десяти лет, другая – с пяти начали писать стихи, которые были отнюдь не на уровне детского восприятия. Создатели рекламы не афишировали, что девочки полностью не управляли своим творчеством. Глубокой ночью Вика входила в спальню к родителям в истерическом состоянии, будила весь дом и требовала, чтобы взрослые немедленно запечатлевали вихрем налетающие строчки. Обе девочки испытывали страдания в процессе возникновения стихов, стремились как можно быстрее освободиться от «наплыва вдохновения». Расцвет творчества сопровождался не соответствующей возрасту эротикой, затем явными сдвигами в психике, позже – жаждой самоубийства. *«Почерк у демона монотонный»*. Такую последовательность можно проследить в творческих судьбах множества «незаурядных» авторов. Завершение этой истории плачевно известно.

Грустно и страшно вспоминать все это. Сколько их – несчастных жертв бесовского обольщения?! Если талант, дарованный Богом, становится средством самовосхваления, самоуслаждения, самоутверждения, – он будет похищен... Последствия не замедлят сдернуть маску с подлинной образины услужливого «помощника гения».

В годы приближения к вере запомнила слова Блока: *«Хотите увидеть Невидимого – вглядитесь в видимое»*. «Батюшка, все-таки в Блоке было что-то настоящее?!» Замечательны воспоминания Надежды Павлович о последних днях поэта. Каждое утро он посылал мать и жену на улицы Петрограда скупать экземпляры богохульного тиража «Двенадцати», которые уничтожал. В последние дни для него перестало существовать все окружающее. Окончив разбирать свой архив, он предназначил на сжигание его большую часть: «Хочу облегчить участь исследователям моего творчества». После этого он уже не отвечал на обращенные к нему слова. Все его существо было обращено к иному миру. Складывая крестообразно на груди руки, он время от времени произносил только одну фразу, и лицо его выражало глубокое страдание: «Господи, прости меня. Прости меня, Господи!» Эта часть воспоминаний, вошедшая в один литературный сборник, не повторилась ни в одном другом издании. Как и оставляющий потрясающее впечатление посмертный карандашный портрет Блока, принадлежавший Надежде Павлович. Он запечатлел образ мученика. *Облик упокоившегося – покаявшегося на кресте разбойника.*

Из всех сборников Александра Блока советского периода изъято удивительное стихотворение:

Икона

Вот Он – Христос, в цепях и розах
За решеткой моей тюрьмы.
Вот Агнец кроткий в белых ризах
Пришел и смотрит в окно тюрьмы.

В простом окладе синего неба
Его икона смотрит в окно.

Убогий Художник создал Небо,
Но Лик и синее Небо – одно.

И все так близко и так далеко,
Что, стоя рядом, достичь нельзя.
И не постигнешь синего ока,
Пока не станешь сам, как стезя.

Пока такой же нищий не будешь,
Не ляжешь истоптан в глухой овраг,
Обо всем не забудешь и всего не разлюбишь
И не померкнешь как мертвый злак.

Невольно вспоминается Евангельская фраза: ***«Истинно, истинно говорю вам: если пшеничное зерно, падши в землю, не умрет, то останется одно; а если умрет, то принесет много плода. Любящий душу свою потеряет ее, а ненавидящий душу свою в мире сем сохранит ее в жизнь вечную»*** (Ин.12, 24-25).

*«Храни в сердце – печаль» **

Духовная дочь отца Владимира Ксения: «Батюшка серьезно относился к хорошей духовной поэзии. Первыми поэтами ушедшего века считал Сергея Бехтеева и Александра Солодовникова. Чтил и мало известных мастеров слова. С большим теплом отзывался о Леониде Васильевиче Сидорове. Никогда не забуду батюшкино неординарное чтение:

Никогда-никогда себялюбцем не будь:
За себя помолясь, ты других не забудь.
Помолись и о тех, что больные лежат,
Что томятся в жару, ночью темной не спят.
И о том, кто молчит, и никем здесь не стал,
И о том, кто скорбит, и о том, кто устал,
И о том, кто не ждет ни добра, ни тепла,
Кого горе гнетет, кто погиб весь от зла.
И о том, кто убит, и о том, кто убил,
Чтоб Господь воскресил, чтоб Господь все – простил.
И о том, кто далек ото всех уже глаз,

* Сидоров Л.В. Храни в сердце печаль... Москва, 1998

И о том, кто горит, и о том, кто угас.
И о том, кто всю жизнь здесь напрасно любил,
И о том, кто в тоске себя жизни лишил,
И о том, кто тебя здесь когда-то ласкал,
И молясь, и любя только блага желал,

Помолись и о тех, от земли что ушли,
Вспомни с нежностью их, им привет свой пошли.
И тоска убежит от души твоей прочь,
И светла для тебя станет темная ночь,
Будет светом полна, будет утром она.
В старость юность придет, придет в осень весна.

Эти стихи отец Владимир читал толпе исповедников в Троицком соборе. И становилось ясно, какой должна быть наша молитва: живой, искренней – всем существом. И, увы, такой она почти никогда не является. И это большой грех. «Ведь мы не разговариваем холодно, мертвенно, безучастно с теми, кто нас любит? – говорил батюшка. – Самые наши тяжелые грехи перед теми, кому мы особенно важны и дороги: матерью, отцом, мужем, женой, детьми... Оцениваем ли мы величину своей вины – перед Лицом Любви Отца нашего Небесного? Вот мы удостоились попасть на прием к земному владыке – от которого зависит решение наших земных проблем. Будем ли мы стоять перед ним, зевая, вертя головой, разглядывая предметы обстановки? Да мы все забудем – одна мысль, как умилостивить владыку. Но Господь, Который так нетрудно удостаивает нас общения с Собой – Творец Вселенной – Владыка душ и жизней. От Него зависят наши жизнь и смерть, наша участь – в Вечности. Как смеем мы разговаривать с Ним – небрежно?! Прости, Милостивый Господи!!!» – с горем восклицал батюшка. И эхом – отзывалась толпа людей, впервые переживающих эти чувства, эту батюшкину и свою боль за охладевшие под воздействием хладного Диавола – наши души, созданные глубокими, трепетными, светлыми, любящими! «Наша молитва должна являть собой человеколюбие, потому что Имя Христа – Человеколюбец. Покаемся, вспомним, что Господь не слышит молитву непрощающего, зложелающего. Таковый на-

влекает на себя только гнев Божий. Нужно стремглав бежать на исповедь человеку – ненавидящему, презирающему, осуждающему, чтобы слезами покаяния затушить пламя объявшего нас зла. Иначе нас ждет страшное»...

Леонид Васильевич уже в старости рассказал близким сон пятилетнего детства: «Вижу себя сидящим на холме из глины, что-то из нее леплю. Вдруг передо мной появляется Спаситель в белом хитоне (как на образе у Илии Обыденного) и говорит: «Пойдем со Мной». Отвечаю: «Не могу – прилип к глине». Он протягивает мне руку, отрывает от земли, и мы идем. А потом вместе рисуем. Моя рука в Его руке. И все изумительно получается: рощица, болотце, дубочки, – неописуемая красота. И тут я говорю: «Господи, а теперь – я хочу **сам** рисовать». – «Ну, что ж – попробуй». И я начинаю рисовать сам. Но, о, ужас! – под кистью одна грязь, какие-то каракули. И я в горе: «Господи, но у меня же ничего не получается!» – «Да нет, что-то, получается», – говорит Христос и снова берет мою руку в Свою. И вдруг – стряхивает кисточку. И на моей слякоти и грязи внезапно расцветают – голубые незабудки». Этот сон был прообразом всей жизни Леонида Васильевича. Жизни одинокой, грустной, лишенной понимания. Даже самый близкий ему человек, родная сестра, не воспринимала и не ценила его стихи. Это был путь поисков и утрат, но неизменно вера во Христа и Богом дарованное творчество – были его поддержкой и утешением. Отец Владимир говорил: «Мы нередко удивляемся, что же это у нас так нескладно, так худо все получается. Но это потому, что мы не заметили, как выпустили из своей руки, а нередко тяжелым грехом – вырвали свою руку из любящей, бережно ведущей руки промысла Божия. Скорее хватайтесь за Божию руку – припадите к ней – слезным покаянием. И все еще наладится!» Много раз я слышала батюшкино к разным и многим людям напутствие, в повторение слов, которые произносил своим чадам архимандрит Сергий (Сребрянский): «Крепко держись за руку Божию!»

Незабудка

Ты все еще та же, былая,
Ты цветешь еще, ты не завяла,
Незабудка моя голубая,
Голубой цветок идеала.
Без товарищей тесного круга
Шел один я средь жизни ненастья,
Без отрады и ласки, без друга,
Без надежды на жизнь и на счастье.

И порой становилося жутко,
И любовь меня здесь не встречала,
И цвела только ты, Незабудка,
Голубой цветок идеала.
Шли годы, тяжелые годы,
Подозренья, лишенья, мученья,
Но ты в сердце, цветок свободы,
Голубой цветок вдохновенья!

Жизнь была не игрушкой, не шуткой,
И душа в ней счастливой не стала.
И осталась лишь ты, Незабудка,
Голубой цветок идеала.

Однажды Леонид Васильевич шел по дорожке парка. Он всегда сочинял стихи на ходу. Вдруг перед ним появилась мышка. «Подожди немножко, дай на тебя посмотреть», – сказал он. Та послушно остановилась. Он полюбовался на нее: «Ну, теперь беги!» И мышка убежала. В другой раз Леонид Васильевич занозил руку до крови. Он стоял в растерянности на тропинке парка, неожиданно к нему по веткам приблизилась белочка, спрыгнула на дорожку, взобралась по одежде к его рукам. Он протянул ей раненую ладонь. И белочка аккуратно, зубками, вытащила занозу. Молодой человек, присутствовавший при этом рассказе, воскликнул: «Ну, это же просто состояние первозданного Адама!»

Помню, как отец Владимир предложил своей девятилетней дочери прочесть нам стихотворение Леонида Васильевича «Кукла». Это был рассказ о том, как девочка разбила любимую игрушку и в горе жаловалась маме,

сжимая руками осколки. Вскоре ей купили новый подарок. Кукла была роскошной: «Голубые глаза, и как лен волоса, платье – чистый атлас!..» Но недолгой была радость. Даже мама не сразу понимает свою девочку: неужели красавица-кукла не дала позабыть ей «дурнушку», которую она разбила?

...Кукла нравится мне,
Даже, мама, во сне мне такая большая не снилась.
Красота, красота! Только вспомнилась та,
Что недавно еще так разбилась.
Не могу позабыть, в сердце буду носить
О ней долго печаль. Как мне бедную жаль!
Не заменит ее дорогая.
Что ж, что в ней красота! Но она ведь – ***не та,***
Ведь не та, ведь не та – а другая...
Вот великий урок, кто понять только смог
Среди нашего дружного круга:
Ценность вовсе не в том – кто в богатстве большом –
Ценность в личности каждого друга.
Ни сменить, ни купить, ни другой заменить
Эту личность, друзья, невозможно.
И с ребенком святым, и со старцем седым
Обращайтесь всегда осторожно...

Думаю о том, насколько эти слова соответствовали пониманию отца Владимира. Батюшка ценил и чтил, как одну единственную во вселенной, – каждую душу. Иногда думала: возможно, вот этот человек никогда бы не сумел разглядеть сокровенную свою красоту, если бы не уникальная способность отца Владимира – любить всех, без различия... Он глубоко чувствовал и тонко отзывался на неброское и благородное самой скромной души. Многие увозили из Дивеева строки Леонида Васильевича, подаренные им батюшкой.

Шедшим поступью несмелою,
Жизнью жившим неумелою,
Но под силой не склонившимся,
Всем непризнанным, непонятым,

Всем цветам нераспустившимся.
Всем ненужным, всем отверженным,
Незамеченным соловушкам,
Неудачникам в делячестве,
Нерасчетливым головушкам.
Всем пропевшим без внимания,
Свою думу-песнь безмолвную,
Всем сиявшим без признания,
Словно звезды в ночку темную.
Всем страдавшим без участия,
Не дождавшимся здесь счастия,
Но хранившим в одиночестве
Глубоко мечту заветную,
Не узнавшим, не увидевшим
Здесь любовь к себе ответную –
Но с толпою все ж не слившимся,
Но к прекрасному стремившимся.
Всем талантам не отмеченным,
Всем прошедшим не отвеченным
Жизнь земную, быстротечную –
Эти звуки мои бледные,
Эти песни мои бедные
Посвящаю в память вечную.

«Фиалку» кто-то из близких батюшки назвал одой внутреннего делания Иисусовой молитвы.

Когда тишина наступает
После ветров суровых с окраин,
Тогда в сердце цветок расцветает,
Фиалка лиловая тайн.

. . . .

Чтоб с фиалкою быть непрестанно,
Пребывать должен ты в глубине
И всегда отгонять неустанно,
Все, что слушает сердце совне.

. . . .

Сторонись же от шума забавы:
Пребывает она лишь в тиши,
Она любит тенистые травы
И тропинки лесистой глуши.

Береги сокровенные силы

И не слушайся криков с окраин,
И спокойно иди до могилы
Со своею Фиалкою таин.

Однажды отцу Владимиру заметили, что Леонид Васильевич и сам называл свои стихи «неумелыми» и что его явно нельзя отнести к поэтам такого высокого ранга, как Пушкин, Солодовников... «Я вас понимаю, я сам очень люблю Солодовникова... Хотя само по себе мастерство во все века – не редкость. Но кроме высоких рангов мастерства, есть еще высокий уровень сердца. Рангом сердца Леонид Васильевич – многим поэтам не уступит».

Это было в пору, когда батюшка пытался поднять мое здоровье. Я приехала в Дивеево в начале марта. Было еще очень холодно. Снег лежал нетающими сугробами. В этот вечер отец Владимир повел на святой источник матушки Александры несколько приезжих. Нужно сказать, что для меня и летнее купание – подвиг, а тут – зима. Иду с полным ужасом. Еще и темно, мороз нарастает к ночи, мне и одетой – отнюдь не жарко. Батюшка то шутит, улыбается, то, как мальчишка, катится по ледяным дорожкам. Первой в купальню пошла не известная мне батюшкина духовная дочь. Из отвлеченных слов поняла, что у нее весьма серьезная ситуация со здоровьем. Она скрылась за дверью купальни, и батюшка начал молиться. Не изгладится из памяти: приподнятое лицо, поток пламенного, святого чувства устремлялся к небу в ярких близких звездах. (Позже осознала, что обычно и в очках ничего не могу на ночном небе разглядеть, но тут вижу, как звезды лучатся, будто приблизились). Какая это была мольба! Вменяя себя ни во что, батюшка одновременно с великим дерзновением обращался к Творцу словами некнижной молитвы. Он не поднимал рук. Но от него исходила такая сила, что казалось, будто он у престола Господня – с воздетыми руками. И Господь отвечает на эту мольбу немедленным чудом помощи. Я шла в купальню третьей. Страх полностью меня покинул. Знала, сейчас батюшка будет молиться и обо мне, ничтожной, с тою же мощью, с какой просил о

других. Смело вошла, хотя почти в полной темноте не видела ничего, но неожиданно просто и легко, с не свойственным мне бесстрашием, погрузилась – **в теплую воду**! Сколько раз в жизни, до и после того, совсем не при сугробах, – я окуналась в источник, это для меня всегда некий стресс. Купание под батюшкину молитву – сравнить не с чем! Позже рассказала этот случай своей московской подруге, и она вспомнила, как схиархимандрит Зосима-Захария после воспаления легких просил, чтобы Господь согрел для его немощи воду источника. И это произошло, по молитве старца.

Рассказ рабы Божией Анастасии: «Ко мне приехали из глубинки две духовные сестры. У отца Владимира исповедовались, причастились, с ним побеседовали. Одна болящая. Когда мы отправлялись обратно 9 января, отец Владимир почему-то спросил: «С кем ты едешь на машине, перечисли мне всех». Написала ему имена. Когда мы проехали какое-то расстояние, на дороге машину остановили два парня, просили их подвезти. Руки – в крови... Как позже выяснилось, они убили мужчину в овраге и пытались скрыться. Мы были в настоящей опасности. А нас Господь от них защитил при такой страшной встрече. Отец Владимир все это предчувствовал и молился, недаром попросил перечислить имена путешествующих. Вот так батюшка в очередной раз участвовал в моей жизни. Сколько он для меня сделал!

Однажды заболела ужасно, высокая температура, ничего не помогает, вторая, третья неделя. Через знакомых вызвала батюшку. Как он молился, он ведь особые молитвы читал. И какая чернота из меня выходила... После этого сразу – выздоровела. Скольким людям помог! Бесы его не выносили. И сейчас больные на его могиле кричат. А перед тем, как ему скончаться, на исповеди меня спросил: «Почему не ходишь на источник купаться?» Думаю, как же он узнал, что не хожу: «Да все некогда, отец Владимир». А он, его последние слова: «Анастасия, все твое исцеление – в источниках». Так мне сказал, поругал меня... Светлая ему память».

Когда батюшке жаловались на непосильные скорби, он нередко утешал словами Преподобного Серафима: *«Если бы*

знал, какая сладость ожидает душу праведного на Небеси, то ты решился бы во временной жизни переносить скорби, гонения и клевету с благодарением. Если бы самая эта келия наша была полна червей и если бы эти черви ели плоть нашу во всю временную жизнь, то со всяким желанием надобно было бы на это согласиться, чтобы не лишиться той небесной радости, какую уготовал Бог любящим Его».

В другой раз сетующим на болезни: «**Все трудное нам – чтобы больше любить Рай**».

Однажды отец Владимир ответил любителям материальных благ: «**Если собрать вместе счастье всех людей всех веков – оно не равняется и малой былинке – в сравнении с благами Вечной Жизни**».

Если люди изнемогали от тяжести креста, батюшка говорил: «Нам осталось совсем немного – дотерпеть. Вся задача жизни – претерпеть все, дарованное Богом – до конца. И не устать благодарить Его за то, что можем терпеть».

«Счастьем наградит Бог верных Своих (то есть подобных Себе), причем не счастьем животного, а счастьем Бога.

Бог не опоздает с наградой. Но и не поспешит.

Ожидает ли крестьянин урожая от пшеницы сразу? Как только посеет ее? И наездник на бегах ожидает ли приз на середине дистанции? И мореплаватель ожидает ли увидеть порт посреди океана? И хозяин нивы платит ли работающим на ниве во время работы?

Почему тогда ты ожидаешь награду на середине дистанции. Посреди океана, во время работы?

В эту жизнь ты послан не для того, чтобы иметь счастье, а чтобы его заслужить» (Святитель Николай Сербский).

Две батюшкины начинающие духовные дочери однажды после келейной исповеди обратились к нему с вопросом: «Батюшка, как бороться с грехом пристрастия к человеку?» – «Умножением любви к Богу, – немедленно отозвался батюшка. – Пристрастие к кому или чему бы то ни было – тяжелый грех с элементом идолопоклонства: вторая заповедь (не десятая) – ***Не сотвори себе кумира.*** **Грех пристрастия свойствен неопытным духовно и восторженным натурам.** Нужно восхищаться Богом! Все творе-

ние, включая человека, – дело Его рук, Его благости. В оный час Господь заберет все Свое – и ничего у человека не останется. *«Господь дал, Господь – взял...»* Особенно это понятно, когда сегодня есть здоровье, а завтра его нет (разговор происходил за три года до батюшкиной болезни). *«Пар – на короткое время являющийся и – исчезающий...»* – вот что сказано о земной жизни. Главная ценность в человеке – его душа, сотворенная по образу и подобию Бога. Воздадим хвалу Творцу за любимого человека».

Батюшка открыл богослужебный том и прочел молитву из службы на Крещение Господне. Внутренняя сила, с которой он, не повышая голоса, бесстрастно произносил слова, до сих пор вызывает глубокий отзыв души. Как будто мы их слышали впервые.

> Ты бо хотением от несущих – во еже быти приведый всяческая, Твоею державою содержиши тварь и Твоим промыслом строиши мир. Ты от четырех стихий тварь сочинивый, четырми времены круг лета венчал еси. Тебе трепещут умныя вся силы; Тебе поет солнце, Тебе славит луна, Тебе присутствуют звезды; Тебе слушает свет, Тебе трепещут бездны, Тебе работают источницы. Ты простерл еси небо яко кожу; Ты утвердил еси землю на водах; Ты оградил еси море песком; Ты ко отдыханием воздух пролиял еси. Ангельския силы Тебе служат, Архангельстии лицы Тебе кланяются: многоочитии Херувими и шестокрилатии Серафими, окрест стояще и облетающе, страхом неприступныя славы Твоея покрываются. Ты бо Бог Сый Неописанный, Безначальный же и Неизглаголанный, пришел еси на землю, зрак раба прийм, в подобии человечестем быв: не бо терпел еси, Владыко, милосердия ради милости Твоея, зрети от диавола мучима рода человеча, но пришел еси и спасл еси нас. Исповедуем благодать, проповедуем милость, не таим благодеяния: естества нашего роды свободил еси, девственную освятил еси утробу рождеством Твоим; вся тварь воспевает Тя явльшагося. Ты бо Бог наш на

земли явился еси и с человеки пожил еси; Ты Иорданския струи освятил еси, с небесе низпославый Святаго Твоего Духа, и главы тамо гнездящихся сокрушил еси змиев».

Одно время рядом с отцом Владимиром появлялась женщина, которая повышенно им восхищалась. Батюшка всячески уклонялся от общения с ней и однажды сказал: «Бог создал человека – для Себя. В каждую душу заложен высокий дар – поклонения Творцу, Которому мы обязаны всем. Недопустимо превозносить – творение. Делать из человека то, чем он не является, тем более, если он священник, – грех, который нужно серьезно исповедовать».

Хотелось бы напомнить эти слова всем, кто искренно полюбил отца Владимира. Батюшка, когда мы начинали чрезмерно восхищаться кем или чем бы то ни было, говорил нам: «Верните вашу жажду восхищаться – Богу и Божией Матери». На самом деле все наши святые – достойны почитания и благодарности. Они по сей день полагают душу за всех людей. Жизнь отца Владимира – напоминает нам о близости к нам Неба, о Любви всех избранных Христовых к роду человеческому. И если еще не пробил час заслуженного грозного Суда – над миром, то потому, что на Небе и на земле – за нас молятся праведники. Там на Небе, они еще более вменяют себя в «ничто» и, склоняясь в земном поклоне перед Престолом Всевышнего, слагают свои венцы к Его подножию: «Не нам, не нам, а Имени Твоему даждь Славу...»

У святых отцов мы читаем: если много зеркал положить на солнце, все они засияют и покажется, что ты видишь множество солнц. Но на самом деле – во всех них отражается – одно солнце. Так Единый Святой Бог, отражаясь в душах верных, хотя и показывает многих святыми, тем не менее – Один только Свят. Памятуя это наставление, когда перед причастием слышим: «Святая святым» – едиными устами отвечаем: «Един Свят, Един Господь Иисус Христос – во славу Бога Отца. Аминь... Буди Имя Господне благословенно отныне и до века!» Возвращая эту правду Небесам, говоря: «Нет, не мы, это Ты – Свят,

Господи!» – мы возносим хвалу и благодарение своему Творцу и слышим в ответ: «Благословение Господне на вас, Того благодатию и человеколюбием, всегда, ныне и присно и во веки веков. Аминь».

Святые тем и отличаются от нас, что напрочь отринули гордость и самолюбие, так как еще здесь, на земле, познали свое ничтожество, постигли, что без Бога – никто по-настоящему доброго, угодного Ему, сделать не в силах. *Яко без Мене не можете творити ничесоже...* Отец Владимир познал истину этих слов на своем ежедневном опыте, ежечасном. И каждый человек, который столь же бескорыстно, ради спасения своего и ближних своих, – станет без конца прибегать к Богу, моля Его о помощи, беспощадно осуждая себя и исповедуя Христу всякий свой грех, – получит от Господа – светлые и святые дары, подобные тем, которые были у наших, родных нам по крови, праведников.

Батюшка любил строки глубоко чтимого им старца протоиерея Николая Гурьянова:

Познай, откуда ты и кто,
Зачем пришел, куда идешь.
Что ты велик и ты ничто,
Что ты бессмертен и умрешь.

«Вы не замечаете, – спросил однажды отец Владимир свою духовную дочь, – сколь успешно порой враг добивается своей цели? Мы увлекаемся одним, другим: полем, торговлей, семьей – и в итоге забываем Господа! Всем и всему отдаем дань: работе, детям, друзьям... И в итоге нет ни времени, ни сил – принести Отцу Небесному – нашу Любовь и благоговение. Главному – достойному Любви...» Батюшка учил нас любить людей – из любви к Богу. Столь нужное всем нам качество – и сколь редко встречаемое.

Отец Владимир бесконечно благоговел перед Царицей Небесной и во время проповеди на Ее праздниках часто не мог удержаться от слез. Он напоминал нам, что кроме Господа, только к одной Матери Божией мы можем обращаться с мольбой: «Спаси нас!» «Сколько бы дерзновенных прошений ни приносили мы Ей, – утешал нас батюшка, – всегда можем с великой надеждой и упованием закончить:

«елико бо хощеши – можеши». То есть: «все, что Ты захочешь – все можешь исполнить!» Только бы была истинной наша молитва. Будем же взывать к Пресвятой Богородице, к нашей главной Заступнице из глубин своего горя, из самого сердца. Знаем, что Она спасала нашу Россию из любых отчаянных ситуаций, когда мы в ополчении врагов Веры Православной – были раз за разом – на краю... Будем же каяться и молиться Ей неотступно!» Слушая отца Владимира, мы понимали, как мало постигли из того, что сделала Владычица – для нас. Всех, кого столь незаслуженно называет – Своими детьми...

Вспоминаю сказанное отцом Владимиром, перечитывая **«Слова»** святителя Николая Кавасилы, посвященные **Благовещению и Успению Божией Матери**:

«... Дева Сама принесла и осуществила в Себе то, что привлекло Творца на землю. Что же это было? Жизнь пренепорочная, образ жизни всесвятой; отвержение всякого зла, упражнение во всякой добродетели; душа, чистейшая света; тело, во всем духовное: сиятельнейшее солнца, чистейшее неба, святейшее херувимских престолов; полет ума, не побеждаемый никакой высотой, так что и ангельские крылья остаются ниже; Божественная Любовь, поправшая собою все страстное начало в душе; отдание (Себя) Богу; общение с Богом, не допускающее никакого помышления о тварном. Украсив всем названным и тело, и душу, Она обратила к Себе взор Божий; Своей красотой Она явила прекрасным и общее (человеческое) естество, так что Тот, Кто по причине греха оказался во враждебных отношениях с людьми, по причине Девы стал Человеком.

Средостение вражды (ср. Еф. 2:14) и преграда оказались для Нее ничем, все отделявшее род (человеческий) от Бога в том, что касается Ее, было упразднено... Но для других людей Она стала причиной великих благ. Прежде Ходатая Она явилась Ходатаицей за нас пред Богом. Не руки воздымая к Нему за людей, но Жизнь предлагая вместо моления. И добродетель одной души оказалась достаточной, чтобы препобедить злобу всех от века живших людей. Как ковчег, который спас человека при общем для всей обитаемой вселенной кораблекрушении... так произошло и

со Святой Девой. Она сохраняла Свой разум столь целомудренным, как будто никакой грех не был испытан людьми... Пресвятая Дева представления не имела о разлитой повсюду греховности. Все охватившее наводнение злобы и Небо затворило, и ад отверзло, и людей вовлекло в войну с Богом, и изгнало с земли Благого, и поставило на Его место лукавого, но против Блаженной Девы оказалось совершенно бессильным. Хотя оно (зло) правило всей вселенной и все привело в смешение, потрясло и разрушило, однако перед одним разумом и одной душой – потерпело поражение; и не только перед Ней, но, благодаря Ей, и перед всем человеческим родом отступило...

...Какое слово будет достаточным для рассказа о Твоей, Блаженная, праведности, о дарах Спасителя Тебе и Твоих всем людям? Никакое, даже если бы кто говорил ***языком человеческим и ангельским*** (1 Кор. 13:1)... Только там по праву можно увидеть Твои чудеса, где Новое Небо и Новая земля, где Солнце Правды, которое не заходит и не покрывается мраком. Только там Ты можешь встретить достойный (Тебя) глас. Людям же это исполнить невозможно, но мы постольку принимаемся за речи о Тебе, поскольку это способствует освящению языка и души. Ведь и одно только слово, относящееся к Тебе, или воспоминание (о Тебе) восставляет душу, очищает разум и делает нас из плотских духовными, из греховных святыми (из далеких от святости ей причастными).

О, полнота благ, известных нам в этой жизни и тех, которые узнаем по отшествии отсюда!

О, Дева, ставшая при начале блаженства и святости и открывшая путь другим!

О, спасение людей, свет миру, путь ко Спасителю, врата, жизнь и иных достойная именований, которые ради спасения, совершенного Спасителем, могут быть к Тебе приложены. Он ведь Виновник, Ты же совиновница моего освящения и всего того, что от Спасителя через Тебя и что от Тебя Одной я получил. Твоя кровь (в той Крови), которая омывает грехи мира; от Тебя то Тело, в котором я получил освящение, в котором Новый Завет, в котором вся надежда на спасение... Но, о Высшая всех хвалений и

всякого прилагаемого именования, приими песнь, не пренебреги усердием, даруй, что лучшее о Тебе помыслить и воспеть и ныне, в этой жизни, и после в Жизни Вечной. Аминь.»*

Да! Помоги, Боже, не забывать: «Верните вашу жажду восхищаться – Богу и Божией Матери». Как умели постигать, что сделал для нас Бог, как неустанно благодарили, как благоговели перед Ним наши святые.

«Христос является создателем не только новой, но и единственной Этики – драматичной, как драматичен мир, а потому предельно полной.

Его Крест спускается до бездонного ада, то есть до самого корня зла, и возносится до высот Неба, то есть самого сладостного плода добра.

Он – не только древо добра, но и цель для всего зла мира. Нет такого плода добра, к которому бы человечество протягивало руки, а он отсутствовал бы на этом древе; равно как не было, нет и не будет такого зла, которое бы, целясь в кого бы то ни было, не целилось в Него.

Этика, в которой на первой странице не показан дьявол, – это не этика, а ложная эстетика души.

Ибо тогда она представляет жизнь не как ужаснейшую драму столкновения добра и зла, а как слащавую лирику для посиделок и чаепитий; ибо тогда она не видит мрачной пропасти, над которой висит человечество, как взбудораженный рой пчел, ищущий на что же спуститься.

Вот первые две главы (подлинной) Этики:

Невыразимый ужас перед грехом;

И невыразимое могущество Спасающего от греха.

Это Этика, все же остальное – этикеты.

Ибо это – наука о спасении, все же остальное – наука о поведении» (Святитель Николай Сербский).

Глядя на постоянную улыбку на лице отца Владимира, приветливость, с которой он шутил, ободряя самых грустных и унылых, вспоминала рассказ о Преподобном

---

* Христос, Церковь, Богородица. Богословские труды св. Николая Кавасилы. Храм Святой мученицы. Татианы при МГУ. Москва, 2002

Серафиме Евдокии, монахини, сподобившейся видеть Царицу Небесную, молитвами Батюшки.

«Не дозволяя сквернословие или что-либо дурное, он никогда никому не запрещал веселости. Вот, бывало, спросит: «Что, матушка, ты с сестрами-то завтракаешь, когда оне кушают?» «Нет, батюшка», – скажешь. «Что же ты, матушка; нет, ты, радость моя, не хочется кушать, не кушай, а садись всегда за стол с ними, оне, знаешь, придут усталые, унылые, а как увидят, что ты сама села и ласкова и весела с ними, и бодра духом, ну, и оне преобразятся и возвеселятся, и покушают-то более с велиею радостью. Ведь веселость не грех, матушка, она отгоняет усталость, а от усталости ведь уныние бывает, и хуже его нет: оно все приводит с собою.

Вот и я, как поступил в монастырь-то, матушка, на клиросе тоже был, и какой веселый-то был, радость моя. Бывало, как ни приду, на клирос-то, братья устанут, ну и унынье нападает на них, и поют-то уже не так, а иные вовсе не придут. Все соберутся, я и веселю их, они и усталости не чувствуют. Ведь дурное что говорить ли, делать не хорошо, и в храме Божием не подобает, а сказать слово ласковое, приветливое да веселое, чтобы у всех перед Лицем Господа дух всегда весел, а не уныл был, вовсе не грешно, матушка», – говорил так Батюшка Серафим».

Все читали, что Батюшка Серафим светился радостью, переливая ее в сердца приходящих к нему. Всякое жизненное бремя рядом с ним облегчалось, а то и вовсе исчезало. *«Радость моя! Христос Воскресе!»* – слышал каждый, лично к нему обращенные, потрясающие душу слова. Множество скорбящих, больных, ищущих Бога – теснилось около его кельи... Как сладостно вспоминать, что все это было!

Молитва Преподобному Серафиму Саровскому

Преподобне Отче Серафиме, Любовию Божественной исполненный, Любви Божественной непрестанный служителю, любимиче Матери Божией, услыши мя, – малолюбящего и многоогорчающего тебя. Даждь и мне быти ныне усердным служителем Благоугодной Любви. Той убо, яже долготерпит, не завидует, не превоз-

носится, милосердствует, не гордится, не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла, не радуется о неправде, радуется же о Истине; вся любит, всему веру емлет, вся терпит... – николиже отпадает! Сия Любви служителем быти мне и всем моим присным, и знаемым, и другом умоли Любовь Изначальную. Да послужив Ей на земли, твоим ходатайством, молитвами Богородицы и всех святых – достигну Царства Славы и Света и припаду к стопам Владыки моего, давшего нам заповедь о Любви Истинной.

Отче Преподобне, не отрини мольбы сердца моего и о прощении моих грехов Превечного Бога умоли. Помози нам нести тяготы друг друга, не делать другим, чего себе не хотим, вся Любовию покрывать и, окончив земную жизнь, начать – Вечную Жизнь в стране Истинной Любви. Помолись за нас, отче, святый отче, любящий нас! Аминь.

Раба Божия Нина: «Поражало, как отец Владимир умел дорожить людьми. Иногда недоумевала: «Ну, обыкновенные грешные люди, чему тут радоваться? Даже хоть взять и себя: увы, не вижу сама в себе ничего достойного такого отношения». Но открыла житие Преподобного Серафима и по-новому перечла: *«Радость моя», – такими словами встречал Батюшка Серафим каждого приходящего к нему. Одним словом он согревал самые зачерствелые и заскорузлые сердца, вызывая в них «теплоту сердечную» – стремление к добру и Богу, которое грешных людей обращает к покаянию, душевному преображению. Внутренний взор Преподобного так глубоко проникал в души, что в каждом, несмотря ни на что, он видел черты образа Божия, видел то, чем может быть этот человек, и* ***радовался его сокровенной красоте»***.

Преданным учеником Преподобного был отец Владимир, и Батюшка наделил его частью своих дарований. Встречаем иногда и добрые улыбки, но, как правило, они ничего не меняют в нашей жизни. Нередко за ними – соблюдение приличия. Отец Владимир не просто радовался

нам, он жил нашей жизнью. Но еще бесценнее: он за каждого из нас взывал всей своей душой – к Спасителю. Преображающее действие этой неземной Любви ощущали многие приходящие к батюшке.

Не могли оценить его только люди, имеющие о себе сильно завышенное мнение. Для таких он мог представляться просто юродивым, тут же мгновенно умаляя себя до последней незначительности. Как сказал о самоуничижении отца Владимира в подобные минуты иеромонах С.: «Батюшка так вел себя, чтобы спасти другого – от зависти». Присутствуя при таких ситуациях, вспоминаешь поведение Преподобного Серафима, когда к нему относились с недоверием и сомнением. Читая мысли посетителя, Преподобный мог смиренно сказать: «Чем могу помочь тебе я, убогий. Поищи, кого пограмотней...» Осознающие свою духовную немощь, принимали из рук отца Владимира пригоршни Серафимовых щедрот: снисхождения, утешения, великой духовной помощи. В ножки кланяемся тебе, Батюшка Серафим, за взращенного тобой отца.

Раба Божия Александра (Саратов): «Пытаюсь вспомнить, кто еще в жизни столько для меня сделал? Родственники и батюшки, которым старалась послужить?.. Никто так серьезно к моей душе не относился. Тем более, когда болеть стало невмоготу. Кому такие нужны? Страшное чувство: для всех ты обуза, значит, и Богу чужая.

А вот стала ездить в Дивеево, как домой, знала, что я дорогой для батюшки человек, нужный! Дома, в моем приходе, каждый стремится наивозможно к священнику приблизиться, а другого – подальше оттолкнуть: ревность, зависть. А здесь, нас – без числа, но каждый знал, что батюшка именно его любит. Другого любит уже, как другого. Не должно быть у нас зависти – научилась я у батюшки. Любовь, принадлежащая этому человеку – не может повториться. Ибо неповторим каждый. В том числе, самый незначительный.

Встреча с отцом Владимиром была встряской, обновлением, переменой жизни. Ведь как мы относимся к священнику? Ловим каждое слово, стараемся понять, что хочет сказать нам через иерея Сам Господь. Рядом с

отцом Владимиром поняла, как серьезно относится ко мне Бог. Что Он еще ждет от меня путного, большего, хоть я до знакомства с батюшкой давно на себя рукой махнула. Отец Владимир, не словами проповеди, а собственной любовью к людям объяснил мне: чем глубже страдает человек, тем ближе к нему Бог. Вернее, тем ближе я к Богу, если правильно живу, потому что Бог неизменен в Своей Любви к людям. Тем глубже понимаю, что нет никого, ничего дороже Господа... И постепенно открывается страшная тайна: как дорога любая душа Творцу. Прежде читала: «Душа одного человека дороже для Бога, чем вся вселенная, с ее звездами и цветами». И не понимала, «что Бог так возлюбил человека, что отдал за спасение его — Сына Своего Единородного».

Батюшка ушел и продолжает держать меня. Сомневаюсь, что вынесла бы без его святой помощи столь тяжелый крест болезни. По сей день батюшка не дает мне, изнемогающей, падать духом. И верю: так будет до конца».

«Помню, как увидела отца Владимира в первый раз. Это было в 1997 году, — рассказывает раба Божия Любовь. — Никого тут не знала и думаю: куда же мне? как мне тут? Очень хотелось приблизиться к какому-нибудь священнику: переехала сюда издалека, собираюсь здесь жить до конца, навечно. Нужно выбрать кого-то одного, чтобы неформально исповедоваться. Приглядываюсь к тому, другому, не могу решиться.

Однажды, перед гражданским Новым годом, иду по Канавке, мимо музыкальной школы идет батюшка. Передо мной, в нескольких метрах, одна раба Божия ему поклонилась, и он — ей. Так приветливо поздоровался, поздравил с праздником. Поняла, что это батюшка, и тоже склонила голову. И он меня, ему незнакомую, поздравил с праздником с поклоном: «Боже мой, мне, грешной, священник кланяется...» Такой радостный, приветливый, добрый... И подумала: «Как Преподобный Серафим!» В храме батюшку я еще не встречала. Потом узнала имя. А собиралась исповедаться и собороваться. В первый раз подошла к его аналою. Он меня с глубоким вниманием исповедал. И

вновь это же впечатление: похож на Батюшку Серафима – весь светится добротой. До сих пор я таких не встречала.

Сейчас стресс его болезни и смерти уже пережила. Все плакала горючими слезами, когда узнала о диагнозе, до конца надеялась, что Господь поднимет его для нас. Но, видимо, воля Божия – ему за наши грехи пострадать...

Обязана батюшке многим и, может быть – жизнью. Это было в конце весны. У моей соседки приближался день Ангела, она хотела купить памятный подарок. А тут по подъездам ходили мошенники и невесть что продавали, обирая пенсионеров: «У нас юбилей фирмы, мы хотим сделать вам бесплатный подарок. Надо лишь столько-то, мелочь, доплатить», – и выуживали суммы. А я с подобным сталкивалась, у нас на Урале это практиковали. Соседка моя семидесяти трех лет, и ей эти воры электромассажер пытаются сплавить. На двести рублей дороже его стоимости. Она: «Люба, купить?» Понимаю, что это стоит много меньше: «Я бы этого не приобрела». А она не понимает намеков. Эти стоят и нахваливают: берите и все. Настоящие гипнотизеры. Она уже пошла к соседке – деньги занимать. Тогда я ей – открытым текстом. И на них напустилась: «Как вам не стыдно, она же на пенсии! Ходите тут, обманываете нищих...» – начала их стыдить. Но где у таких совесть? Вдруг смотрят на меня бандитские лица: «Сегодня к ночи тебя в живых не будет!» А я: «Бог с тобой, Бог с тобой», – и в квартиру зашла. Соседка: «Ой, спасибо, я едва деньги не заняла». Думаю: «Что-то будет вечером?» Так дохнуло на меня этой нечистой силой: сейчас ведь жизнь человеческая нипочем – ни милиции, ни суда, ни следствия...

Вечереет, думаю, пойду помолюсь в храм, может быть, в последний раз. Только на святую землю приехала, молиться собралась, каяться... Ни родных, ни друзей – прятаться негде, защиты искать не у кого... Ну, на все воля Божия, иду в храм. Отца Владимира еще только издали знала. Вдруг вижу его, вокруг народ – не подойти. «Ну, хоть благословение возьму, одно слово скажу». Но невозможно приблизиться, начну говорить, перебивают.

Наконец произнесла: «Батюшка, меня убить хотят». Повернулся ко мне, пакет свой мне отдал: «Подожди меня, я сейчас должен идти на крестный ход. Сразу ко мне подойди». Присоединилась к крестному ходу. Потом он подробно меня расспросил, перекрестил: «Пойди Батюшке Серафиму поклонись, Матери Божией, Николаю Чудотворцу. Не бойся: ничего не будет, иди домой». Все так и сделала, пошла потихоньку. «Если батюшка меня благословил – Господь со мною», – никакого страха не осталось. Дошла до дома, все спокойно. И на душе – тишина. Через несколько дней увидела его: «Отец Владимир, жива!» – поблагодарила его. Его молитвами нечисть отошла. Бог весть, что было бы, если б к батюшке не попала. Господь меня к нему и направил.

Вспоминаю, как, по благословению отца Владимира, моя мама вернулась домой в Петербург. Приехала она в Дивеево. Восемьдесят два года. Ходит лишь по квартире, и то – потихонечку. По улице – только в инвалидной коляске. Сердечница, чуть что – лекарства и лежит плашмя. Кроме уймы болезней, глаукома и катаракта. Пробыла она у меня месяца два, домой запросилась. Перед Казанской. Отец Владимир был уже тяжело болен, а 6-го ноября у нас – память моего отца. Мама, конечно, с Богом, очень верующая, и хотела вернуться домой на Казанскую.

Отец Владимир не появлялся в храме. А я без его благословения, конечно, уже на такое не решалась. Очень скорбела: как поеду в дальний путь с больной мамой и без его благословения. Но милость Божия: ехать нам вечером, а утром – отец Владимир в Троицком к Батюшке Серафиму прикладывается. Я скорее к нему, прошу: «Отче, благословите, мне надо в Петербург маму сопроводить». – «Где она?» – «Дома она, меня благословите, батюшка». Благословил. Уже спокойна: отец Владимир молится, можно ехать.

Если бы не это благословение, маму живую я бы не довезла, столько было искушений. Она забыла свое инвалидное удостоверение. До Арзамаса мы на такси, билет заранее не купили (надеялась, что будет свободно). А тут детей везли на экскурсию в Санкт-Петербург. Нам дали прицеп-

ной вагон до Нижнего Новгорода, а до него семь вагонов. Стоянка только 20 минут и к тому же ступеньки. Не знаю, как моя мама шла. Чудом преодолели вагонов пять, а двадцать метров – никак не может. Я ей: «Мама, крепитесь!» Потом мужчин нашла, чтобы ее на ступеньки подняли. Как добрались? Это было чудо, больной человек, почти не ходячий. И мы – в таком нервном напряжении, успеть, успеть...

До Нижнего Новгорода сидели, даже не лечь, сидячее место. Она у меня крепилась... Подъезжаем. Еще семь или восемь вагонов преодолеть, наш вагон отцепят. И я заранее, пока к Нижнему подъезжаем, потихонечку через вагоны иду с ней. И еще сумки, сначала их перетаскиваю. Потом бегу за мамой – веду ее. И через тамбуры – на полном ходу, сквозь жуткий грохот. Она у меня вся в поту, не знаю, как идет. «Господи, хоть бы она здесь у меня не упала, хоть бы сердце выдержало. Господи, помоги! Отец Владимир, помолись!» Прошли два вагона, уже Новгород. Думала дальше идти по вагонам, хотя бы тряски уже не будет. А проводница: «Все двери перекрыты. Только платформой». Опять ступеньки! Каково это ей спуститься, одолеть семь вагонов по земле и опять забираться в вагон? Представила это и говорю: «Вы знаете, она ведь у меня умереть может». Видит, что мама моя – едва жива, и отвечает: «Ну, и пусть умирает», – так прямо обеим нам в лицо. Хорошо, что мама такая – и в этих обстоятельствах устояла. Я в панике, а она: «Пойдем, пойдем».

Спустились потихонечку. Люди нашлись, поддержали нас, и отправились мы по платформе к своему вагону. Думаю: «Как она устала, измучена». Изнемогает: «Ну, когда? какой вагон?» – «Еще немножко, мама». Как дошли – не знаю. Взобраться: снова ищу мужчин. Добрались. Боковая полочка, но мы, слава Богу! – и этому рады. Покормила ее, уложила: «Мама, таблетки?» Она же у меня на одних лекарствах. А тут отказывается: «Не надо!» Ну, если сердце не выдержит, что буду с ней делать? Что я делать буду? Опять умоляю. Отказывается: «Мне просто надо отдохнуть». – «Ну, ей виднее». Забралась на верхнюю полку, то и дело гляжу на нее, живая ли она у меня? Ни

одной таблетки в дороге не приняла, дома – каждые пятнадцать минут: то таблетки, то капли. И какая нагрузка на сердце... Чудо! Встала утром, опять никаких лекарств. Покормила ее. На вокзале зять с инвалидной коляской встретил. Все уже пошло, как надо. Она, наверное, лучше себя чувствовала, чем я! Это – благословение батюшки, его покров. Она у меня потом раз за разом спрашивала: «Что отец Владимир? Как он?»

Перед одним отъездом опоздала в храм за благословением к какому-нибудь священнику. Это до первой исповеди у отца Владимира. «Что делать? Поеду так». Иду на источник матушки Александры, впереди какое-то духовное лицо с кем-то идет на источник. Скорбь моя улетучилась, подбегаю: «Батюшка, благословите, мне ехать сегодня». Он стал спрашивать, откуда, что я... Сказала ему, что переехала в Дивеево уже навсегда. А он: «Самое главное здесь – смирение». И вот его заповедь: «СМИРЕНИЕ» у меня в душе – силою его молитв, поселилась. Мало ли, что хорошее тебе кто-нибудь говорил: пропадает и тает. Батюшкино слово – не так. Благодаря ему, преодолеваю все напасти, препятствия. Он меня научил, как здесь жить, чтобы выжить.

Когда узнала о батюшкиной болезни, сколько слез пролила. Разум – одно, но сердце мое не выдерживало. Понимала, что все делается по воле Божией, но не могла перестать плакать. За счастье считала увидеть отца где-нибудь в храме, подойти под благословение. Он умер, и я перестала реветь, что удивительно. Все мы тут ужасались, предполагали что-то невероятное. Ушел, осознаем мы это или нет, но знаем, что он в Царствии – со Христом. Сердцем это понимаем. И хотела бы плакать, а не получается. Невозможно больше о нем скорбеть, ведь все слышит. Думала, на могилку приду, буду обливаться слезами, уйти не смогу – на колени упаду, рыдать-рыдать... Но если и пролила полслезинки, то хорошо. Что же это со мною: то ли я такая неблагодарная? Как это понять? Слава Богу! Упокой, Господи, душу усопшего раба Твоего, и, его святыми молитвами, не дай нам погибнуть. «Батюшка, благослови! Батюшка, помоги!» – и все, что у меня на его могилке

произносится. Говорю это и думаю: он там сейчас с Государем Николаем II. Он ведь царский батюшка. Уверена, что он священномученик. Не только собственное ощущение, но есть и свидетельства. Благодарим, что в этой отпавшей от Бога жизни подарил нам Господь на пути – светильник».

Однажды мы с отцом Владимиром заговорили о Ф.М. Достоевском. Убедившись в том, что я очень далека от правильного восприятия глубины Православия Достоевского, отец Владимир с огорчением по поводу недостаточности моей духовной чуткости и знаний сказал: «Советую вам ознакомиться с работой святителя Иустина (Поповича) «Достоевский как пророк и апостол православного реализма». Эти слова были сказаны за три года до батюшкиной кончины. Замечательно, что книга пришла ко мне перед завершением этой рукописи. Когда понимаю, что не в состоянии договорить чего-то самого главного о сущности жизненного подвига батюшки. С потрясением прочитала этот текст, не известный мне до того даже частично. На мой взгляд, он приоткрывает тайну личности отца Владимира. Привожу несколько отрывков:

«Всю свою жизнь Достоевский пророчествовал о Богочеловеке и о преображении человека с помощью Богочеловека.

«На земле же воистину мы как бы блуждаем. И не было бы драгоценного Христова образа пред нами, то погибли бы мы и заблудились совсем, как род человеческий пред потопом».

«Совесть без Бога есть ужас, она может заблудиться до самого безнравственного. Человек должен непрестанно задавать себе вопрос: истинны ли мои убеждения? Для этого существует одна единственная проверка – Христос». «Если мы не имеем авторитета в вере и Христе, тогда будем во всем заблуждаться. Для меня Христос – нравственный образец и идеал». ***«В мире существует только одно единственное явление абсолютной красоты – Христос».*** Все, что Православно, излучает таинственный и благой свет Образа Христова.

Православие несет в себе решение всех личных и общественных проблем. Достоевский утверждает: *«Все тайны личности, то, как довести себя до совершенства, даны Православием и его дисциплиной – самосовершенствованием». «Личное самосовершенствование есть не только начало всего, но и продолжение всего, и завершение всего».*

В своем пророческом видении Достоевский видит всех людей всех времен судьбами связанных между собой. Таинственным, но очень реальным образом все люди – в каждом человеке и каждый человек – во всех людях. Отсюда ответственность каждого человека за всех и все на земле. Достоевский учит: ***«Каждый из нас, несомненно, в ответе за всех и вся на земле. Это сознание есть венец жизни каждого человека на земле»***. Человек является настоящим человеком тогда, когда чужие грехи воспринимает как свои и кается в них. ***«Путь спасения один***, – благовествует Достоевский, – ***возьми и сделай себя ответственным за все человеческие грехи. Это и в самом деле так, ибо как только ты себя искренне сделаешь ответственным за всех и вся, тотчас же увидишь, что так и есть в самом деле и что ты и являешься ответственным за всех и вся»***.

Вопрос из вопросов: как прийти к убеждению, что существует две наивысшие ценности – Бог и бессмертие души? Достоевский отвечает: через любовь. *«Постарайтесь любить своих ближних активно и неутомимо. Если будете преуспевать в любви, будете преуспевать и в убежденности, что существует Бог и бессмертие души.* ***Если же в любви к ближнему дойдете до полного самоотречения, тогда уверуете непоколебимо, и никакое сомнение не сможет закрасться в вашу душу»***.

«Утраченный Западом Образ Христов сохранился во всем сиянии своей чистоты в Православии, поэтому ничего иного не нужно, ибо Православие – это все»*. «Россия несет драгоценность, какой нигде больше нет, – Православие. Она является хранителем Христовой истины, истинного образа Христова, который помрачен во всех иных вероисповеданиях и у всех иных народов».* ***«И главное призвание русского народа в судьбе всего человечества состоит только в том, чтобы сохранить в себе этот Божест-***

венный образ Христов в его чистоте и, когда придет время, показать этот образ миру, потерявшему путь свой».

Поражала трудоспособность батюшки. Помогая каждый день множеству людей, он практически ежедневно служил или по пять-шесть часов кряду исповедовал, много читал, совершал сотни поклонов в день, исполняя большое молитвенное правило. Любое новое значительное духовное издание тут же появлялось на его рабочем столе. Батюшка не оставлял без внимания подаренные книги и, уже будучи на смертном одре, мог благодарить за подарок, светло делясь впечатлениями. Позже узнавали от близких: «Батюшка читал до рассвета». Каждый день он писал десятки писем и вел дневник. Стремительным неразборчивым почерком, со множеством сокращений, он записывал собственные мысли, выдержки из духовных книг, намечал план проповедей и, кроме этого, оставлял себе на память многочисленные эпизоды из жизни встреченных людей.

Например, что в такой-то день причащал дивеевскую старицу схимонахиню Маргариту. В голодное время войны она приютила беженку. А дома оставалось всего одно одеяло и пальто. И отдала она ей одеяло. Зима, топить почти нечем. Прикроет грудь пальтишком – ноги мерзнут, ноги укроет – грудь мерзнет. И так месяц за месяцем. Однажды она молилась перед своей любимой иконой Божией Матери и видит, оживает Царица Небесная и начинает укутывать поношенным ее одеялом – Младенца-Христа... Иногда батюшка мог попросить сохранить нужный ему рассказ.

Раба Божия Ксения записала по просьбе отца Владимира, эпизод из жизни своей подруги Е.: «Вере ее не учили, но в семь лет, перед школой, один раз привели в церковь и, ничего не объяснив, причастили. Она забыла множество последующих дней, но день Святого Причастия запечатлелся в душе, как драгоценный камень среди глиняных черепков. Церковь была неземной красоты с цветными стеклами-витражами. И до конца дней она будет помнить, как в день Причастия сквозь стройные высокие окна струились потоки света и становились нежно-разно-

цветными: голубыми, желтыми, красными...

Ее притягивала церковь, но сама она не решалась в нее зайти. Однажды в дом позвонили, ей было лет девять (хрущевское время). Она увязалась за бабушкой и услышала от пришедшей: «Принято решение сломать храм, мы собираем подписи: просим сохранить как памятник архитектуры, хотя бы под краеведческий музей...» Девочку пронзили слова бабушки: «Простите, но я учительница, я не могу поставить свою подпись». Ей стало не по себе, а потом просто плохо, как будто ее лишали чего-то главного, на чем незримо и твердо стояла ее маленькая жизнь. Она долго не могла взглянуть в глаза любимой бабушки, которая учила ее только добру, жизни по Евангельским заповедям. Этот ответ был тем более страшен, что бабушка была дочерью священника, хранила от чужих глаз икону и, хотя никогда не говорила с девочкой о Боге, но была несомненно верующей в душе. Ее отец, деревенский священник, пропал без вести в годы революции, и этот отказ был продиктован страхом, во-первых, за будущее внучки.

И церковь начали ломать. Ее кирпичная кладка была скреплена особым старинным составом: каждая семья полтора века назад принесла по нескольку десятков яиц, чтобы храм был прочным. И стены, будто литые, не поддавались. Тогда их стали сверлить, чтобы потом, подкладывая динамит, взрывать частями. Белый храм покрыла черная зловещая сеть просверленных тропинок, как будто в стены вгрызалась темная сила. Шум улиц заглушал бронебойный звук – звук расстрела прямой наводкой. Он мерещился девочке по ночам. Работы шли допоздна. Она боялась подойти ближе.

Однажды девочка проснулась ранним утром, бесшумно оделась и вышла на цыпочках, оглядываясь на спящих маму и бабушку, прикрыла за собой входную дверь. Прижав руки к бьющемуся сердцу, как будто за ней гнались и могли поймать, она бежала по пустым улицам к храму. Входная дверь с частью стен были полностью разрушены, ступени – завалены камнями, часть потолка зияла провалом. Остатки красивых плит пола покрыты грудами битого кирпича, большими и мелкими кусками рухнувшей

штукатурки. Затаив дыхание, со страхом и трепетом, она вошла в притвор, как в святилище, вспоминая с щемящим чувством свой первый приход сюда, когда ей было семь лет. Она не могла бы объяснить охватившее ее волнение. На двери, ведущей в церковь, висел амбарный замок. Девочка подняла глаза и увидела, что прекрасный крылатый юноша в голубых ризах, встречавший с белой лилией входящих, избит камнями: стена была в выбоинах от острых ударов, фреску соскоблили до самого кирпича. Одиноко среди руин, готовых превратиться в груду щебня, стоял Ангел в красных одеждах. Он был последним, оставшимся от той удивительной жизни, которая недавно здесь царила. Никогда не пережитые прежде скорбь и горе охватили детское сердце. Как будто на что-то самое прекрасное и на ее собственную душу – посягало свершившееся зло. Она робко подняла голову, с благоговением взглянула в лицо прекрасного Ангела, имени которого не знала. И встретилась с живым взором! И вдруг будто он наклонился к ней... Нет, этого не могло быть. Но настолько глубоко он заглянул в ее глаза, **понимая и разделяя, как никто никогда на свете**, те боль и страдание, которые она сейчас переживала всем своим существом. Как будто ее душа была абсолютно прозрачна, ничем не защищена, и этот взгляд проницал ее насквозь. Она не знала, что так бывает. Подобное в детской жизни не повторилось. Что-то особенное: горе и одновременно утешение от разделенности никогда не пережитого ранее высокого чувства – прихлынули к сердцу. Вся маленькая душа, сотрясаясь, неудержимо заплакала. Девочка бежала домой, не видя улиц и домов, а только этот Божественный, невыразимо милостивый взор, который говорил о возможности иной жизни, где побеждают Правда, Любовь, Благородство. Жизни, где зло просто невозможно, и Любовь – всесильна».

Отец Владимир отозвался на этот рассказ: «Когда человек обращается к Богу всем своим страданием, оно сильно низвести на землю сочувствие святых и Ангелов. Как больно видеть разоренный храм... Как страшно видеть разоряемую дьяволом душу...»

Рассказ послушницы Алевтины: «Я получила от сестры очень тяжелое письмо. Она – жена полковника в отставке, морского офицера. Письмо необыкновенно скорбное, гнетущее: ей ампутировали обе ноги. Необходимо срочно к ней ехать в Дорогобуж. Стала собираться. Но ни один автобус не берет. Прошу о помощи в монастыре одних, других. Никакого результата. Думаю: надо бежать к отцу Владимиру. А батюшка идет мне навстречу, окружен как всегда людьми. Я к нему: «Батюшка! – всю ситуацию в двух словах излагаю. – Надо ехать, но никто не берет». И рядом автобус – на Смоленск. Отец Владимир, по обыкновению, реагирует немедленно: «Подожди, сейчас все уладим». Подходит к руководительнице группы, усердно просит за меня. А та: «Места нет, не можем взять». Он не отступает: «Вы не знаете, от кого отказываетесь! Это у нас исключительный экскурсовод! Она вам три часа будет живописать, полную экскурсию по Дивеево проведет. Столько узнаете про Батюшку Серафима... До самого Смоленска не устанете слушать». Так он меня преподнес, чего вовсе не заслуживаю. Меня взяли. Дали в руки микрофон, и всю дорогу рассказывала о Четвертом уделе Божией Матери.

В два часа ночи меня довезли и посоветовали посидеть в отделении милиции: водитель не знал, где поворот на Дорогобуж. А милиционер: «Здесь оставаться нельзя. Недалеко ночное кафе, пусть там побудет». Пришлось идти. Много повидала там, чего не хотела бы видеть. Но батюшкино благословение продолжило свое действие. К утру появился огромный молодой верзила и непотребными словами стал здороваться со всеми. В ответ только: «Хи-хи, ха-ха...» Говорю: «Что за негодяй сюда пришел! Что за хамство! Как вы смеете так вести себя с женщинами?» В ответ: «А это кто тут еще сидит?!» Я вдруг вспомнила проповедь отца Владимира о сквернословии и, как могла, попыталась ее передать. И чувствую, из меня просто батюшкина сила идет: «Знаете, что ваш мат слышит Сам Бог! У человека, который ругается матом, проклята вся семья – ваши будущие дети и весь ваш род! Пресвятая Богородица отводит благодать от такого дома навсегда. Мат – это мерзость перед Господом, это фимиам сатане!» Он растерянно

на меня посмотрел и вдруг: «Мать, куда тебе надо?» – «Мне – в Дорогобуж». – «Ты знаешь, нужно ехать до автостанции, а там пересесть на машину и еще много километров». – «Знаю, но понятия не имею, как, в какую сторону». – «Ну, пойдем, мать». Посадил меня в свою машину, довез до автостанции. Нашел такси, заплатил 50 рублей: «Доставь ее до самого места». И меня довезли. Настоящее чудо. По благословению отца Владимира постоянно случались необыкновенные вещи. Так я прекрасно доехала, встретилась с сестрой, поддержала ее, милостью Божией.

Как-то батюшка давал после литургии крест. И вдруг одной женщине так строго в лицо говорит: «Ты зачем мужа колдуном называешь? Зачем по неверующим соседям разносишь клевету?! Великий грех. Приходи на исповедь. Не оставляй камня, который потянет тебя в преисподнюю». Сколько раз я сталкивалась с тем, что он провидел не известное никому, кроме самого человека.

Помню, разговелась после Рождественского поста, и, наверное, от разнородной еды стало мне плохо с желудком. Совсем вышла из строя. Измучившись, встречаю отца Владимира. Только успела рот раскрыть, он поворачивается ко мне и на бегу произносит: «Лимон, лимон...» Не будучи уверена, что он меня понял, я опять: «Отец Владимир...» – «Лимон, лимон, лимон...» – и уже скрылся. Воспользовалась советом – все болезненные симптомы тут же прошли.

Однажды стою в очереди за билетом, ехать к сыну. Появляется отец Владимир. «Батюшка, давайте возьму Вам билет». Дает мне деньги. А ехала необыкновенно расстроенная. Впервые без подарков. Невозможный случай: ни невестке, ни сыну на рубашку, игрушку дешевую внуку, и ту не на что купить – нет лишней копейки. Отец Владимир взял билет, порылся в кошельке, достал тридцать рублей, протянул мне и с огорчением говорит: «У меня, к сожалению, больше ничего, у тебя ведь совсем нет денег! Но будут, будут – не расстраивайся!» Если бы я ему хоть намекнула... Сижу в зале ожидания. Разговорилась с одной девушкой. Вдруг, без всякого повода: «У вас ведь

трудно с деньгами, возьмите у меня, пожалуйста, сто рублей». Я просто отшатнулась: «Вы что, это невозможно!» Твердо отказалась. Каково же мое потрясение, когда уже в вагоне в своей сумке нахожу сто рублей. Едва не заплакала. И все-то я на них купила: и рубашку сыну, и невестке платочек, и внука порадовала. Так была пронзительна батюшкина молитва: если он сам не мог помочь, его мольба из-под земли доставала людей, которые были способны его сострадание воспринять и на него отозваться. Светлая память нашему батюшке».

Пламенное сердце

«...даем вам повод хвалиться нами, дабы имели вы что сказать тем, которые хвалятся лицем, а не сердцем».
(Св. Ап. Павел)

Любая моя похвала в адрес иеромонаха Владимира будет куцей. Потому что слишком многообразна гамма красок богатой и щедрой натуры этого замечательного человека. Неисчерпаемое духовное богатство его души было как бы нанизано промыслом Божиим на огненный стержень Православной веры. Присутствие этого мировоззренческого, духовного стержня ощущалось в отце Владимире буквально физически: настолько ярким, необычным, порывистым и дерзновенным был этот молитвенник Божий!

Глубокое, незабываемое впечатление производила на меня и мою семью милая и мужественная матушка отца Владимира – Ирина. Мне эти удивительные дивеевские подвижники казались самыми православными людьми России! Я и сейчас уверен, что недалек от истины...

Мне посчастливилось исповедоваться у батюшки и окормляться у него с середины девяностых годов уже прошлого столетия. Не знаю, как сложилась бы моя судьба, если бы не мое знакомство с отцом Владимиром, если бы не его непримиримость к моему триокаянному недостоинству: батюшка ястребом обрушивался на мой греховный «курятник» и в мгновение ока мог распотрашить «насиженные» мои грехи... Только перья летели по храму, да я, обалдевший, стоял по стойке «смирно» на коленях... Если

говорить и далее аллегориями, то я не представляю себе отца Владимира без духовного скальпеля в одной руке и Креста – в другой. Одной он беспощадно кромсает волчцы и тернии оплетших мое сердце грехов, а другой любовно врачует Словом Истины раны, неизбежно образуемые радикальной Православной Святой Соборной и Апостольской хирургией. Иначе с нашим братом никак нельзя!..

Батюшка отец Владимир был исповедником от Бога, ради Бога и во имя Бога. Исповедником веры Христовой. Но слишком плотны **апостасийные** слои духовной атмосферы нашей ойкумены, чтобы можно было гореть и не сгорать, класть свою душу за други своя и при этом долго оставаться в живых...

Я иногда думаю: вот был человек, такой же грешный, как и все мы, люди, с тем же «джентльменским набором» страстей и болезней, горестей и разочарований, порывов и лени, но вдруг на каком-то этапе жизненного пути на человека «нападает» Дух Святой и проявляется – из доселе не проявленного – величие души человека, созданного по образу и подобию Божию. Человека с большой духовной буквы! И он идет к спасению. Человек дерзает спасти свою душу, и, как назидал Батюшка Серафим Саровский, спасая себя и тысячи вокруг себя спасая! Дай Бог, чтобы и мы вошли в эти тысячи вокруг отца Владимира!.. Мне кажется, что мы, осознанно или бессознательно, ощущали это **спасительное** состояние души отца Владимира, этого дивного подвижника Христова. Потому что уже набита была оскомина от частого лицезрения теплохладного и обмирщенного нашего духовного окормления, чтобы сразу не ощутить вкус живой воды родной православной души русского священника.

...За право наследовать жизнь вечную, Царство Небесное – надо биться в этой привременной жизни из последних сил и до последней капли нашей русской крови. Этому учил нас своей пламенной жизнью, своей огненной верой батюшка Владимир. Сегодня счет пошел уже не на миллионы, как некогда спасавшихся на Святой Руси, не на сотни тысяч, как еще совершенно недавно, после

позорного февраля 1917 года, а на тысячи. Завтра будет – на сотни... Битва идет за каждую человеческую душу! Кто мы? Воины Христовы или греховное злосмрадие, не начинавшее покаяния? Вот о чем каждый день спрашивает у нас отец Владимир. Вот о чем должны мы помнить непрестанно, если хотим быть достойными памяти нашего учителя!

Вера наша – это дар Божий, это **милость Божья**; а умение жить по вере – это персональная способность каждого проявить свою силу воли, свое мужество, свое исповедничество. Способность, которой отец Владимир владел в совершенстве. И этот свой дар-подвиг он пронес через всю свою такую краткую, но такую яркую священническую жизнь. Мы знаем цену такому подвигу, цена его – **Жизнь Вечная**!

«Слово» и «дело» сплетались в батюшкиной жизни в органическое целое, и поэтому не ощущалось того, что иногда видишь вокруг себя: какого-то тяжелого духовного надрыва... Образ же батюшки удивительно светел и звонок. И вот с этой кажущейся легкостью, огнекрылостью, он совершенно потрясающе мог выколупывать нас из скорлупы наших бесчисленных грехов, освобождать от греховной придавленности, выводить душу из состояния ленивого размагничивания, мировоззренческого ступора, разворачивая нас на необходимое и достаточное количество духовных градусов, дабы мы и в кромешную тьму своих грехов, как в пропасть, заглянуть смогли бы и при этом не повредили своей способности вновь и вновь вставать на борьбу за свои – такой драгоценной Христовой Кровью выкупленные – души! Отец Владимир мог донести до сознания, подсознания, до сути нашей, что если ты грешишь осознанно, зная, что за это неизбежно ответишь пред Господом, – и на частном своем Суде после смерти, и на всеобщем Страшном, – то ты предатель! Предатель образа и подобия Божия. И тогда ты не раб Божий, а раб греха, и таковым должен представляться людям: «Раб греха – имярек». А до звания «раба Божьего» надо трудиться всем нам без устали, ибо это

звание не даруется, а **заслуживается**, так же как заслуживается – **нудится**! – Царство Небесное... И если будет на то воля Божия! Вспоминая сегодня отца Владимира, мне ничуть не грустно, но радостно и легко на душе! Я благодарю Создателя, что, по Его промыслу и неисчерпаемой милости и долготерпению, соприкоснулся с родником великой русской души православного священника. Я верю и знаю, что этот дивный дивеевский подвижник Христов молится сейчас за нас многогрешных в обителях Божьих, чтобы не заблудиться душам нашим на тернистом и ухабистом пути нашей странственной жизни, чтобы не предали мы наши души за чечевичную похлебку, не опошлили в грязи мирской жизни, но познали в свое время радость бессмертия в вечной жизни с Богом, Ангелами и святыми, где есть и обитель любимого русским народом отца Владимира, – у Господа обителей много!.. Иеромонах Владимир – это наше знакомое и любимое **Торжество Православия**. И Слава в Вышних Богу, что мы можем на весь мир хвалиться такими именами! Прости меня, Христа ради, дорогой отец, за все скорби, которые я, маловерный, доставлял тебе своей многогрешной жизнью.

Дерзновение ко Господу стяжавши, отче Владимире, моли у престола Пресвятой Троицы о спасении душ наших!

Раб Божий Сергий Ч., г. Санкт-Петербург.

Рассказ рабы Божией Елизаветы Л.: «Первый раз, когда я увидела батюшку, он меня совершенно ошеломил. И было это в мой первый приезд в Дивеево. Уже заканчивалась служба в храме, мы с подругой причастились и, счастливые, собирались уходить. Поехав в Дивеево, мы толком не понимали, куда едем, но благодать тут почувствовали невероятную!

Перед выходом из храма дорогу нам пересекла толпа. Шествие возглавлял батюшка, а за ним – целый хвост прихожан. Увидев священника, я решаюсь взять у него благословение на обратный путь. Подлетаю к нему и говорю: «Батюшка, благословите в дорогу!» Священник останавливается и вдруг хлопает меня по плечу, на котором

висит рюкзак: бух! – рюкзак на полу. Я растерялась, застыла на месте. А батюшка поворачивается, берет у старенькой монахини некую палку и начинает ею колотить меня по спине. А ручка у батюшки, надо сказать, крепенькая, хотя он и поменьше меня ростом. Я была совершенно ошеломлена и не знала, что мне делать: смеяться, плакать... А батюшка тут и говорит:

— Больно?

— Не-е-е-ет...

— Это чтобы ты выросла!

Засмеялся так и сказал:

— Так-то ты выросла! Это чтобы ты духовно выросла! Это я из тебя пыль московскую выбиваю.

Я со слезами на глазах, в полной растерянности, ничего не поняв: ни кто это был, ни что это было, выхожу из храма. Оказывается, это был посох старицы, которым все просили, чтобы батюшка «полечил», а меня вот так, без моей просьбы, постучал. Потом эти слова: «Чтобы ты духовно выросла», – звучали во мне, как колокол.

Но тогда я еще не знала даже как батюшку звать, и не могла предположить, что в будущем у нас будет такая крепкая духовная связь, и что батюшка станет крестным отцом моего мужа, и что без батюшкиных советов, без его молитв тяжело нам будет. Случилось так, что отца Владимира мы бесконечно полюбили.

Один из приездов в Дивеево был для меня совершенно незабываемым. Мы поехали тогда втроем: я, моя подруга и помощница Елена Ульянова и молодой человек Игорь. У него была хорошая машина, все мы были примерно одного возраста, никто еще не состоял в браке, и ехали мы в Дивеево, уже более или менее понимая, зачем мы туда едем.

Как-то так получилось, что, подъезжая к Дивееву, мы немного заплутали, сбились с дороги, растерялись, и эта растерянность, не случайно, конечно, привела нас прямо к храму. Мы оставили машину и вошли в храм. Шла служба, и служащий священник, а это был отец Владимир, выходит прямо на нас... Батюшка, не дав нам слова молвить, сказал, чтобы мы ожидали его здесь, и что, когда кончится

служба, мы все пойдем к нему домой и остановимся у него, потому что матушка с детьми в это время находилась на юге, и дом пустовал. Мы, растерянные и счастливые, и мечтать не могли, чтобы побыть полтора-два дня с батюшкой!

И эта встреча, и последующее общение с отцом Владимиром были для меня, с точки зрения моего более чем скромного духовного опыта, самыми благодатными событиями в моей жизни, мы вместе с батюшкой молились, вместе трапезничали. Ночь была совершенно удивительной: всю ночь батюшка исповедовал нас по одному в своей келье, и это было незабываемо по своей глубине, по какому-то удивительному **соболезнованию**. Настолько батюшка болел на исповеди за тебя, когда видел твою немощь, твою нужду в совете.

Конечно, для нас, малоцерковных, но уже знакомых со службами в московских храмах, литургия по монастырскому уставу показалась бесконечно длинной, мы были изрядно изнурены. И когда заканчивалась служба, мы подошли к отцу Владимиру поблагодарить за столь радушный прием и благословиться ехать домой. А батюшка нам и говорит: «Сейчас будет водосвятный молебен, отслужите и поедете в Москву со святой водичкой». Я, также, как и мои спутники, невероятно уставшая, грешным делом думаю: «Судя по водосвятным молебнам московских храмов, это еще минут 15-20, к нашей усталости – все же терпимо». Народу на молебне было очень-очень много, и длился он часа два, не меньше...

Не могу передать моего смущения: не было ни одной благодатной мысли, а была лишь невыносимая усталость. Я только страдала, и было стыдно, что думаю в святом месте о своих уставших ногах. Ничего не ощущала: никакой благодати, никакого высокого чувства... Но зато как батюшка поливал нас святой водичкой! Это была действительно духовная радость! И сейчас, вспоминая этот молебен, я невольно улыбаюсь: удивительно!.. Уже выйдя из храма, я говорю отцу Владимиру:

— Батюшка, мне так стыдно вам признаться, что весь молебен у меня и мысли-то никакой светлой не возникало,

и о молитве я не помышляла. Одно было на уме: когда же все это закончится...

Батюшка на это совершенно по-доброму ответил:

— Знаешь, это ничего, если мы иногда не можем сердцем, душой послужить Богу, тогда — хотя бы ногами. Но и через такие усилия благодать посещает!

Так и запечатлелись в моей памяти эти удивительные слова: «...послужить...хотя бы ногами».

Но и после этого батюшка не отпустил нас, и мы еще раз заехали к нему домой. И тут он стал одаривать нас необыкновенными дарами. У меня сложилось впечатление, что батюшка как бы искал, что еще и еще для нас сделать, чем бы еще осчастливить. Зная, что я очень почитаю преподобномученицу Великую Княгиню Елисавету, подарил мне фотографию сделанной Ею вышивки.

Перед отъездом батюшка благословил нас еще и на источник. Мы, абсолютно уставшие, изможденные, согласились... А вот когда мы отъехали от святого источника, вот тут, я должна сказать, первый раз в жизни моей и моих друзей — мы запели акафист Преподобному Серафиму Саровскому! Мы и мелодии не знали... И вдруг в машине втроем запели акафист! Я отворачивалась к окну, потому что слезы текли ручьем. Более сильного ощущения очистительной духовной радости я в своей жизни не испытывала! Ни от чего: ни от профессии, ни от личной жизни, никакого более глубокого переживания я никогда не чувствовала. Это, конечно, было связано с той благодатной духовной помощью, которую мы получили от отца Владимира в этот свой приезд.

Вся эта поездка была каким-то чудом: как все устраивалось, как все складывалось. Это одно из самых сильных переживаний в моей жизни, и одно из самых радостных воспоминаний, связанных с отцом Владимиром.

Образ батюшки в нашем сердце. И, конечно, мы ощущаем его молитвенную помощь.

Батюшка, отец Владимир, моли Бога о нас!»

Раб Божий Андрей: «Мне кажется, что никакая книга не сможет вместить всех душевных излияний чад отца

Владимира... Нелегко открывать миру сокровенное: комок подступает к горлу, и понимаешь, что все слова бессмысленны. А просто Бог послал тебе чудо – встречу с особенным священником, а чудо описывать сложно!

Наше знакомство началось, по-видимому, как и у многих духовных чад батюшки, с традиционной просьбы православных путешественников:

— Батюшка, благословите!

— Бог благословит! – и получаю сильный, уверенный толчок в лоб. Батюшка перекрестил меня так, как никто до этого не крестил, и так тепло прижал к себе, что я ощутил себя маленьким мальчиком... С этого счастливого момента в моей жизни я стал духовным чадом отца Владимира.

Сейчас понимаю, что батюшка был моим отцом, именно отцом Владимиром, которому можно было позвонить и днем, и ночью, и всегда у него было для тебя время. Не могу сказать, что общались мы часто, но Господь благословил мне в день кончины батюшки держать его на своих руках и вместе с матушкой Ириной перевозить мирно почившего из подмосковного госпиталя в Дивеево. Один Господь знает, что я передумал в те дни...

В своей жизни, перенасыщенной творческой суетой, мне много раз приходилось давать интервью. И только несколько из них можно назвать состоявшимися. Также, наверное, обстоит дело и с нашими исповедями... Батюшкин дар исповедовать, выметать греховный сор из души и соделывать ее «светелкой», не мог не притягивать к нему всевозможный люд: новоначальных и укорененных в вере, молодых и старых, имущих и неимущих, больных и здоровых, талантливых и простецов. И для каждого из нас находилось у него доброе слово пастыря. Но как всегда величину и значимость человека, степень его сердечной самоотдачи, самоотречения, можно осознать и оценить только после его ухода в вечность...

Приходя на могилку отца Владимира, – прямо за храмом Животворящей Троицы – осознаешь и уникальность, и самобытность этого дивного пастыря в истории Дивеевского монастыря, мы понимаем, что ни священник ни монахиня не смогут упокоиться у стен святого храма без

благословения Преподобного чудотворца земли Русской Серафима Саровского!

Храни нас всех Господь, молитвами любимого нашего батюшки!»

Духовная дочь отца Владимира Анна: «К батюшке я попала в самом начале его священнического пути. Я очень любила смотреть телевизор, а он закрыл мне рукой глаза: «Хватит увлекаться телевизором! Ты же наполовину наша», – и показал на клирос.

Я подумала: «Какая же я «наша», когда я замужем?» В следующий раз, когда я приехала к батюшке, он: «А кто тебя благословлял замуж-то выходить?» Я думаю: «Чай ты мне не духовник, вот». Потом привозила к батюшке мужа. Он исповедовал его почти три часа. И говорит: «Вам нужно расстаться». Я этому не поверила, а ровно через год, месяц в месяц, мы развелись, и для этого, оказывается, были веские причины. Хотя я вроде бы сильно любила своего мужа.

Батюшка все грехи покрывал и любил всех. В первое время, когда мы приезжали, он еле живой появлялся после службы и всех толп и начинал сам – кормить, поить чаем. Потом отправил нас на дальний источник, кто-то из детишек остался. Батюшка вздохнул как бы облегченно, было семь часов вечера: «Слава Богу, я хоть первый раз за день чайку попью». Время позднее, а мы даже не заметили, что он ничего не ел.

Однажды мои знакомые приехали с дочкой, которой было тринадцать лет. На вид еще маленькая, но попала в очень дурную компанию. Батюшка благословил ее маму идти разговаривать с одним человеком. А мне строго заметил: «Пусть лучше дома сидит, иначе через три-четыре года нельзя будет ее взять в руки». Так и произошло. Но, по молитвам батюшки, и за его любовь к ним все у этой девочки стало постепенно налаживаться. Но многого бы избежали, если бы послушались батюшку с самого начала.

Однажды ехала к отцу Владимиру очень голодная. Думаю, приеду – наемся. Добрались, готовим батюшке уху. Он пришел, садится за стол и говорит: «Вот едут и

думают, приедем к батюшке и наедимся». У меня даже половник из рук выпал: «Ой, это же я думала».

В начале я сомневалась: «Что-то не так, ведь батюшка не пожилой. Откуда он все знает? Все к старцам едут, а тут такой молодой и все насквозь видит». Сидим за столом, он смотрит на меня и произносит: «Вот даже Анна думает: черная магия, черная магия». Как я просила у батюшки прощения!..

Приехала к отцу Владимиру семья с двумя детьми. Батюшка спрашивает: «А девочка где у вас?» А я думаю: какая девочка, я с ними двадцать лет вместе живу, никакой девочки не видела. Оказалось, соседка месяц назад сделала аборт и никому об этом не сказала, даже близким. А батюшка уже все знал. В один их приезд отец Владимир стал ломиком отколачивать лед: «Ну, Андрей, так лодку свою оббивали?» Он работал первым помощником капитана и накануне, готовясь к навигации, корабль освобождали ото льда.

Однажды приехали к батюшке мои родственники. Я очень любила свою сестру. Но батюшка предчувствовал, что бывает у меня скорби от нее. Хотел ее образумить или предостеречь: «Сейчас даже мультфильмы стали ужасные. Вы ребенка не приобщайте к телевизору. Вот моя матушка нечаянно видела детский фильм: в луже сидит лягушонок, а на горке – ежонок. Он берет палочки, кидает в друга. Лягушонок обливается кровью, а ежонок радуется». А накануне я сестренку свою назвала «ежонком»... Оказывается, батюшка предвидел подобную близкую скорбь.

Отец Владимир постоянно, без лишних слов, отвечал на мои мысли. Однажды я очень устала. Думаю: «Как хорошо жить одной, ни о ком не беспокоиться, не заботиться». А батюшка идет мимо, потрепал меня по плечу: «Крепись, Анна, это твой крест». Как-то раз позвала дальних знакомых в Дивеево. И думаю: зачем я их привезла? И толку никакого не будет. А батюшка мне: «Хорошо, что их привезла, молодец. Будет толк».

В один наш приезд батюшку ждали накануне. Уже сутки его нет, матушка волнуется. Я зашла в его келью: «Как же так, люди ждут. Батюшка, родной, возвращайся

скорей, мы ведь не зря здесь и на короткое время». Через полчаса – хлопает дверь машины, батюшка на пороге. И говорит: «Хорошо зовешь».

Сидим за ужином и говорим: «Как будто у нас дома скрытая кинокамера. Только приеду, а батюшка мне все сообщает, как будто о нас видео просмотрел».

Великим постом мы ездили в Дивеево несколько раз, а батюшка вдруг: «Вот наступит Пасха, а Анны нету!» А я: «Если были постом, то уж на Пасху как не быть?» И думаю дорогой: «Вот и неправда, тут уж он обмишурится». Но обстоятельства сложились так, что всю Пасху, до самой Троицы, меня в Дивеево не было.

Так хотелось все время к Преподобному и к батюшке приехать, а машины нет. Батюшка потом меня утешил: «Вот у Анны машины нет, а она все время в Дивееве». Постоянно с народом ездила, увеличивала батюшке нагрузку. Однажды он идет, его будто ветром качает. Подходит и говорит: «Анна, я ведь трое суток не спал, хоть бы часок заснуть». А мы втроем только с автобуса. Говорим: «Ну, мы тогда пойдем». А он помолчал: «Нет, люди приехали, надо принять».

Однажды батюшка благословил всем иконочки. Мне пророка Божия Илии. Думаю, наверное, чтобы молитва была горячая. Батюшка в этот момент обходил людей, обернулся и произнес: «Сейчас я тебе скажу, зачем я дал тебе эту иконку». Вернулся: «Дал ее тебе, чтобы молилась пророку Илии и не осталась в свой час без куска хлеба». И точно, в свое время, молитвами батюшки, пророк Илия мне очень помог.

В другой раз вслух сказала: «Батюшка, я устала с народом ездить. Легче бы одной». «Нет, Анна, это воля Божия и твой крест».

Батюшка говорил: «Все время не забывай брать у меня на дорогу благословение». Однажды взять не получилось, мы не созвонились. А поехали в гололед, дорога – как стекло. Я каялась и все говорила: «Батюшка, прости!» Приехала, просила прощения: никогда больше не буду ездить без благословения. А он: «Я всю дорогу за вас переживал».

Батюшка очень любил своих детей. Они отвечали ему взаимностью. При страшной занятости он находил для них время. Но нередко я видела, как батюшка отдавал на общий стол какие-то дорогие подарки, лишая собственных детей вкусненького.

Однажды мне батюшка сказал: «Анна, я тебе скажу по секрету: мы с матушкой живем, как брат с сестрой». И поняла, что он был монахом уже очень много лет.

Говорил: «Вот только оставлю поклоны, устаю – что-то не то на душе. Подвига своего оставлять нельзя ни в коем случае».

Одни знакомые «налечились» у колдуна до такой степени, что в их одежде везде были иголки натыканы и всякая гадость. Я взяла все это – на пригорке закопала с молитвой «Отче наш». Появилась у батюшки. Он мне показывает, как я закапываю: «Все правильно сделала».

У моей соседки колдуны отняли память. В комнате всего натыкано было. По моему совету, она съездила к батюшке. После чего память у нее вернулась, все колдовские штуки она осознала, все разыскала и уничтожила. И стали они ездить к батюшке всей семьей.

Т.С. – наш облпрокурор, помогала монастырю. Приехала с дочкой, которая вышла замуж и была уже итальянская подданная, о чем батюшке не сказали. Прощаясь с ними, он говорит: «Благословляю на рождение четырех русско-итальянских детей».

Я езжу к батюшке Кириллу более 20 лет, про себя думаю: «Наш отец Кирилл – святой». Но отцу Владимиру сказать не решалась. Однажды батюшка сам при мне произнес: «Батюшка Кирилл – святой».

Батюшка очень много претерпел при жизни клеветы, недоразумений среди сестер. Но он все переносил очень терпеливо. Поднимаемся на крыльцо, он говорит: «Вот и соседи тоже думают, что я колдун». Но мы знали, какой батюшка жизни, какой молитвенник. Тяжело было это, но он ни на кого не обижался. Наоборот, сам всех мирил, старался утешить, накормить, найти общий язык...

Мы с мамой зимой шли по Канавке, проходили мимо батюшкиного дома и увидели: от конька крыши – огром-

ный светящийся столб, как будто мощный луч прожектора. Был поздний вечер, и мы к батюшке не зашли. А утром у матушки спрашиваем: нет ли у них какого прожектора? Оказалось, что нет. И это мы видели несколько раз...»

Батюшка бесконечно чтил Преподобномученицу Великую Княгиню Елисавету. Портреты протоиерея Митрофана, в лике тверских святых, преподобного Сергия-исповедника и Елисаветы Феодоровны много лет висят в красивых рамах над аналоем его молельни, где он совершал правило, исповедовал людей, разговаривал с духовными детьми о самом важном. Пребывая в ней, ты всегда ощущал, что каждая минута здесь сочтена. Каждая была ощутима, значима, драгоценна. Минуты здесь отмерял Ангел. Батюшка свято хранил частицу святых мощей Преподобномученицы, носил ладанку со святынями обители – с изображением на ней фотокопии Ее пресветлого лика.

Не забуду, как отец Владимир читает нам из редкой книги советы духовника Великой княгини Елисаветы Феодоровны – протоиерея Митрофана (Сребрянского):*

«Сестра, помни: каждый человек есть создание Божие, но создание заблудшее; он брат твой больной; смотри же, без раздражения ухаживай за больными, грешными людьми». Батюшка Митрофан, по свидетельству последней монахини обители, говорил: «Нелепо превозноситься одному больному над другим. Ибо у всех недуг неисцельный, если не Милость Господня. Надеясь, что ты болен легче, чем другой – смотри, как бы тебе не умереть первому».

Святой Апостол Павел, когда изнемогал в трудах своих, услышал от Господа: ***«Сила Моя в немощи совершается»***. И потом повторял: ***«Вся могу о укрепляющем мя Иисусе»*** (1 Кор. 15, 10).

«Сестра, помни: если живые люди мало, или вовсе не поймут или не поддержат тебя, то у тебя есть целый сонм святых и ангелов – этих вечных друзей твоих... Нет, они не были святые, а стали святыми, благодаря своей вере,

---

* Наставления отца духовного сестрам Марфо-Мариинской обители милосердия. Печатня Снегирева, репринтное издание 1912 г.

любви и подвигу!.. Стремись же и ты стать святой подвижницей».

«Сестра, если ты на своем христианском пути жизни заболеешь, или получишь насмешки, оскорбления, даже раны и побои, обеднение, потеряешь земной блеск, величие и славу, даже преждевременно от великого труда твоего сойдешь в могилу, – смирись, благодари, претерпи до конца. Венец мученичества за Христа обещан и тебе, если, уповая на помощь Господа, смиренно и благодарно претерпишь все до конца».

«Сестра, старайся побеждать в себе ***начинающийся грех****. Мысль, воображение, слово (или дело) – вот три фазы греха. Лови себя на мысли и немедленным покаянием уничтожай грех в начале, тогда и воображение твое будет чисто, и слово, и работа святы, мирны и плодотворны. Непременно приучи себя к вечернему покаянию, т.е. после вечернего правила, осмотри духовным взором прожитый день, стоя внутренне пред* ***Самим Христом****... Непременно вспомни о смерти, прототип которой есть сон».*

«Бог-Троица и человека создал по Своему образу и подобию, так что и человечество тоже едино по существу, хотя и раздельно в лицах. Деятельность всех людей должна быть единая деятельность любви. Все люди, уподобляясь Творцу своему, должны составлять одно гармоничное целое, духовный организм, где все части – люди действовали бы на пользу друг другу. Счастливы они, если помнят о вечном своем назначении – Богоуподоблении, выражающемся, главным образом, в деятельной любви. Вдвойне счастливы те люди, которые самоотверженно трудятся для ближних, чтобы и в них пробудить сознание необходимости жить Богоподобно. В каждом встречающемся тебе на пути жизни человеке, ищи прежде всего хорошее, остатки образа Божия. Они есть, несомненно, только часто прикрыты густым слоем разврата, суеты. Не обижайся на скверные выходки по отношению к тебе грешника, он больной, прости его, кротко обойдись с ним, постарайся пробудить в нем раскаяние и сознание своего подобия Богу, не осуди его. Прими за правило: снаружи никогда не раздражаться, не осуждать, внутри же немед-

ленным покаянием и непрестанною молитвою за согрешающего, отгоняй от себя гнев и осуждение.

За всякого оскорбившего тебя или на твоих глазах согрешающего внутренне молись примерно так: «Благодарю, Тебя, Господи, что меня грешную Ты удостоил принять поношение за Имя Твое. Спаси сего грешника и настави его на путь покаяния и исправления, ведь Ты и за него страдал».

«Запомни, что пустяков нет в жизни. Ты живешь и работаешь пред Лицем Бога, в очах Которого даже мысль и движение сердечное весьма важны».

«Имей пред твоими духовными очами слова святого Апостола Павла: «Рабу же Господа не должно ссориться, но быть приветливым ко всем, учительным, незлобным, с кротостью наставлять противников, не даст ли им Бог покаяния к познанию истины».

«Всегда носи в уме и сердце твоем Пресветлый образ Заступницы усердной рода христианского Матери Божией. К Ней обращай твое сердце. Ей, как нежной Матери, открывай свои скорби, поведай в детской простоте свои немощи, свои нужды и заботы. Помятуй, что Она Первая и величайшая в мире Крестоносица. А посему первая и всемощная за всех скорбящих и обремененных Заступница и к Сыну Своему и Богу Ходатаица. Ее Покрову и заступлению вручил Он с Креста всех Своих учеников всех времен в лице возлюбленного Иоанна Богослова, когда изрек Ей: «Се сын Твой», а ему «Се Мати твоя». Укрепляй себя Ее примером, проси Ея благодатной помощи... Почувствуешь ли непосильную тяготу своего послушания, повеет ли холодом в сердце дух уныния – спеши повторять в глубине души Архангельское Ей приветствие. О, как близка Она ко всем, призывающим Ее с верою».

«Получивши как бы из рук Самого Христа крест, всегда помни, сестра, что это тебе, идущей работать среди тьмы, греха и болезней, Христос дал – зажженный светильник. Когда ревет буря, и волны бросают корабль, как щепу – тогда капитан глаз не сводит с виднеющегося вдали маяка. Он твердой рукою направляет к нему корабль, так как уверен, что там спасение, тихая пристань и не

ошибается. Так и для тебя крест должен быть духовным маяком среди житейского моря. **Крест Христов – это – жизнь Христа**».

«Господь наш, несмотря на бесчисленные и даже бешеные нападения человеческой и сатанинской злобы, всегда неизменно служил Отцу Своему, любил людей и их страдания, смирялся, благодарил, терпел даже до смерти, и смерти Крестной. И вот в результате победа: Воскресение и торжество Правды. Крест есть символ всего самого возвышенного, благородного, святого, прекрасного. Он есть знамя победы. Помни: как бы ни были сильны нападения на тебя сатаны и людской злобы, как бы ни были жестоки волны житейского моря, ты победишь несомненно – если ***Крест Христов, жизнь Христова*** *будут всегда сиять пред твоими глазами»*.

Отец Владимир был глубоко духовно связан с Небесной Марфо-Мариинской обителью милосердия при жизни и по смерти. Неслучайно – портрет протоиерея Митрофана (преподобно-исповедника Сергия) в келье отца Владимира беспрерывно мироточит – в течение трех с половиной лет. Рядом с фотографией прикреплен листок с изречением: «**Каждое произнесенное тобой слово есть семя, которое непременно принесет для тебя в будущей жизни по роду своему – плод**».

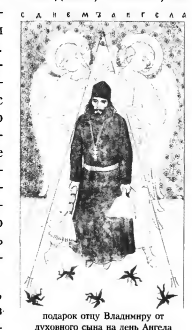
«Поезжайте к отцу Владимиру в Дивеево»

Рассказ матушки Ирины: «Будучи в Санаксарском монастыре, раб Божий Николай почувствовал, что в него вошло темное облако. Наступило что-то типа столбняка, жуткое онемение. До этого был обыкновенный человек – журналист, благоговейный христианин, поехал в монастырь, и такое с ним произошло. Обратились к отцу Иерониму, чтобы он помог. А он: «Поезжайте в Дивеево к отцу Владимиру. Купайте в источниках».

Мне сообщают, что с Николаем случилось несчастье, он в полном столбняке, не владеет речью, никого не узнает. И жена хочет сдать его в сумасшедший дом. Наша знакомая Александра Яковлевна приходила к ним, читала все время Псалтирь. Поддерживала жену, объясняла, что это

действие злых духов – не какое-то физиологическое повреждение. Это такое обстояние, нашествие нечистой силы. Она рассказала, что когда читала Псалтирь, а перед этим начала произносить: «Да воскреснет Бог...» – больной вдруг закричал: «А ты думаешь, она воскреснет? (про жену) Не воскреснет она!» То есть он прочел мысли Александры Яковлевны, она про себя молилась. Враг в его устах заговорил. И она: «Вот видишь, это свидетельство того, что в нем вражья сила».

Приехали к батюшке моему: «Отец Владимир, помогите Николаю, Вы должны его отчитать». Я стала возмущаться: «Вы знаете, ему владыка запретил отчитывать». (Отец Владимир имел благословение трех старцев на отчитывание больных. И запрет от митрополита Николая, которому покаялся, что нарушал его прещение). И начала отца Владимира всячески отговаривать: «Батюшка, я против этой поездки, у тебя дети, прошу тебя не читать заклинательных молитв, ведь сколько у тебя из-за этого напастей». «Ну хорошо, ничего не буду... Просто поеду, я должен на него посмотреть». Уехал. Что он там делал, не знаю, но Александра Яковлевна говорила, что он только беседовал и вразумил их как-то серьезно. Предложила: «Батюшка, подумай, ты эту семью знаешь, может, у них неблагополучно с женой, может, им какие-то взять обеты серьезные, подумать, почему такое наказание попущено. Всегда в православных семьях, когда что-то случалось, пересматривалась вся семейная жизнь и какие-то серьезные обеты приносились Богу, чтобы Он дал исцеление». – «Поговорю».



подарок отцу Владимиру от духовного сына на день Ангела

Вернулся: «Благословил, они приедут в Дивеево только в источнике искупаться». Гово-

рю: «Прошу сюда не приводить...» Но все-таки они его к нам привезли. Батюшка собрался и уехал с ними на источник матушки Александры. Там отец Владимир Николая сам окунал. Был страшный мороз, середина зимы. Батюшка прибежал весь замерзший, рассказывал: «Он в таком столбняке, что даже сначала холодной воды не ощущал, но потом, на третий раз, чувствую, дошла холодная водица до его столбнячного состояния, все-таки его проняла. Начал наконец оживать. Наокунал его, как следует, и отправил обратно домой, в Выксу».

Через несколько дней звонит нам Александра Яковлевна и веселым голосом докладывает: «Николай-то исцелился после Дивеево. Полностью все прошло, совершенно нормальный человек после батюшкиного вмешательства». Сомневаюсь, что отец Владимир меня слушал. Он никому не мог отказать в помощи. Столь тяжело болящий человек, и батюшка помог ему излечиться... в тяжелейшем состоянии, в духовном одержании человек находился».

Раба Божия Александра: «Господи, благослови. И отец Владимир, благослови, рассказать то, что я помню об исцелении раба Божиего Николая. Все видела своими глазами.

Поехала в Санаксарский монастырь семья: Николай с женой Ириной. Приехали туда, помолились, Николай, раб Божий, причастился, и было на него нападение. Он так вверился одной темной женщине. Сначала она выманила у него деньги. И он ей дал триста рублей и еще раз на дрова, хотя у самого было трое детей, жил в нужде. А потом хотел подарить икону Божьей Матери. И вот когда он протягивал ей икону, у него все поплыло. Явное колдовство.

Когда вернулись, через два дня жена приходит ко мне: «У Николая поехала крыша». Я: «Давай возвращаться назад к отцу Иерониму». Она берет машину, едем. С трудом, только со святой водой смогли его довезти. Он у нас вырывался, убегал. Постоянно водой с источника кропили, едва добрались. Отец Иероним сказал: «Необходима отчитка».

Караулить его было некому, жена отказалась, и старец благословил меня остаться с больным в келье. Всю ночь он

бесновался, пальцами шевелил: «Чебурашки, чебурашки». Всякое вытворял. Всю ночь около него просидела. Кидался на меня: «Я тебя съем!» Чего только за эту ночь не пережила. Но сижу, улыбаюсь, осеняю его крестом: «Да воскреснет Бог...» – читаю молитву. У него рот закрывается, и руки опускаются. Так он ничего не мог со мной сделать, хотя множество имел диких намерений.

Отец Иероним велел быть в пять утра. Пришли в храм, оставила его с паломниками и отошла. Вернулась, а он ползет на четвереньках, как младенцы ползают, и другие несуразности творит. Ездили мы два раза к старцу. Наконец отец Иероним сказал: «Езжайте к отцу Владимиру в Дивеево». Говорю: «Его нет, он в отпуске». Улыбается: «Да не всегда же в отпуске». Сидела без конца на телефоне, названивала в Дивеево. Вдруг матушка Иринушка говорит: «Приехал батюшка». Жена Николая, хотя уже совершенно разводиться собралась, дает машину, и я еду за отцом Владимиром.

Батюшка в этот день наложил на себя пост и пребывал в глубокой молитве. Приехали. Николай – худющий, с ложки уже дочь кормила, стал совсем невменяемый, не мог уже пищу есть. Врачи лечили по-своему, а потом удивлялись, как Господь Бог помог ему. Отец Владимир облачился и начал читать над Николаем Евангелие. Когда читал, у батюшки в горле ком стоял, он плакал. Потом говорит: «У нас имеется два вида Причастия. Таких больных крещенской водой причащают». Он его приобщил крещенской водой. Все это было при нас, все мы видели своими глазами.

А потом велел жене налить три тазика воды. Она: «Теплой?» – «Нет, холодной». Капнул крещенской воды в эти тазики и искупал его: «Во имя Отца. Аминь. И Сына. Аминь. И Святаго Духа. Аминь». После этого все пошли за трапезу. Батюшка сидел около них. То Иринину руку возьмет и обнимет мужа, то рукой Николая обнимет жену. Сразу после этой процедуры Николай стал вкушать пищу сам, без всякой помощи.

Потом батюшка их взял в Дивеево, искупал у матушки Александры в источнике. Через два дня прихожу, Люда открывает дверь. Я: «Как здоровье?» Кричит: «Папа,

папа, иди скорей, кто к нам пришел!» И выходит – здоровый человек! Мы обнимаемся, плачем, целуемся. Такой вот был случай.

Помню, как первый раз увидела отца Владимира. Только начал восстанавливаться в Дивеево монастырь, но уже служили. Приехали мы с группой паломников. Священников исповедывало много. И раб Божий Виктор меня спрашивает: «К какому пойдешь батюшке?» – «Вот к этому». – «Да ну, какой-то патлатый, неприглядный». Но все-таки пошел к нему. Отходит: «Вот так патлатый! Ты знаешь, что он сказал: «Ну как, помирился с соседом-то?» Глаза вытаращил: «Батюшка, из-за межи поругались». Такой был батюшка провидец. Они после этого, наконец, примирились.

Я тогда вроде и верующая была, но оставались неотвязные грехи. Одна продавщица магазина меня постоянно зазывала. Гости да гости, и пристрастилась я с ними выпивать. Однажды совсем худая была история, рассказывать не буду. После Виктора пошла на исповедь к батюшке. Не знаю как, только про этот случай ему рассказала. До этого – никому не могу и все. Он: «А стыдно-то было?» – «Было, даже на иконы смотреть не могла». На самом деле я всегда переживала. Когда выпьешь, молиться не можешь, ничего путного на ум нейдет. Батюшка: «Чувствуешь, что виновата перед Господом Богом?.. Повторяй за мной (на аналое была икона Божией Матери «Успение»): «Перед Пресвятой Богородицей, Крестом и Евангелием даю обет, что больше не буду выпивать вино». Я повторила. Он меня благословляет. «Батюшка, она такая добрая, продавщица-то. Все говорит: «Александра Яковлевна, помолись, только твоими святыми молитвами...» – «Добрая, добрая, но только вино заставляет пить!» По голове моей легонько, но ощутительно так – настучал-настучал. Все! Приехала домой: «Вы теперь выпивайте, а меня не заставляйте». – «Ну, это пост». Дело было Великим постом. Отвечаю: «И постом и не постом я больше не буду». И с этого дня – все. И все! Батюшкиными молитвами. Вот это чудо, чудо самое настоящее.

Как-то говорю: «Батюшка, у меня хозяин ведь курит и

никак не может отстать, четыре раза бросал». – «Привози его ко мне». Привела, и он его только два раза благословил: когда пришли и когда уходили. И муж все бросил, а ведь сызмала навык. На Страстной неделе: «Закурю, не могу». – «Подожди, не кури, отцу Владимиру скажу». И скорей в Дивеево: «Батюшка, хозяин-то у меня хочет закурить». – «Ни в коем разе, ни в коем разе. До Светлого Христова Воскресения!» Он вытерпел и больше не взял папиросу в руки. Порой забудется, вытащит сигарету, но я ее выбрасывала, а он не просил и больше не курил. По святым молитвам. Царствие Небесное нашему отцу. Спал батюшка по два часа всего, я тому свидетель. Сколько раз у них была, домой далеко, ночевать оставляли. Вечером всех примет и в келью на свои правила. Легкий был поклоны класть.

Еще случай был. Сидим в трапезной. Вдруг звонок. «Посмотри, кто там пришел». Подхожу к дверям. Стоит молодой человек в кирзовых сапогах: «Кто ты?» А он: «Мы вот с мамкой, все денежки у нас забрали. Пошел в монастырь, а мне говорят: «Иди к отцу Владимиру, он тебе поможет». Возвращаюсь: «Батюшка, их обобрали, а в монастыре к вам послали: только батюшка Владимир поможет». Он этого парня взял в свою келью, потом привел на пианино поиграть, накормил, дал ему в дорогу деньги и велел искупаться у матушки Александры в источнике три раза. Такой был батюшка. (Деньги они собирали на лечение, батюшка его исповедовал).

Потом мой сын, Мишенька, покойник, Царствие Небесное, жил у отца Владимира, помогал. У батюшки кто бы ни работал, он всем платил денежки. Сын обивал второй этаж рейкой. Мне говорил: «Мам, сколько раз я замечал, что отец Владимир читает мои мысли. И прямо мне отвечает – словами и делами».

А это со мной было. Батюшка был уже больной. Собиралась в Санаксарский монастырь и к отцу приехала. Он ищет, что бы мне подарить, все ищет глазами своими у себя в келье-то. А я думаю: «Где достать пятьдесят рублей, так на дорогу надо». Он берет свой подрясник, вытаскивает именно пятьдесят рублей и дает мне. Знаю, ему завтра

в Москву, и ведь еле живой, может на врачей, лекарства понадобятся. Ведь зарплата нищая. Руки назад положила: «Батюшка, ни за что, ни за что!» А он: «То просят, а то не берут». Так-то у него не сумеешь отказаться.

Вот я живой человек, каждый может меня спросить, хочется, чтобы все знали, какой силы Духа был отец Владимир и какой доброты. И я больше не найду такого батюшку никогда. В моих бедах он так помогал, сколько раз деньгами и словом. Слава Тебе, Боже, за него. У нас в Выксе люди помнят, какой он был провидец. Все об этом знали. Сколько народу обратилось к вере, когда он пришел к нам служить. А сколько ненавистников было! Сколько было зависти! А он молиться велел за всех. За всех только велел молиться. Слава Тебе, Боже наш! Слава Тебе!»

«Только сейчас выясняется, сколько грязи все годы его служения лили на батюшку, сколько клеветали. И нести это, никому, и самым близким не рассказывая и никогда вида не подавая, было настоящим подвигом, дополнительным мученичеством, – с грустью говорили родные батюшки. – К чести отца Владимира, несмотря ни на что, он неизменно хорошо ко всем относился!»

«Благослови врагов моих, Господи. И я их благословляю и не кляну.

Враги мои меня в объятия к Тебе подталкивали более, чем друзья. Друзья привязывали меня к земле, а враги отрывали от земли и разрушали все надежды мои на землю.

Они сделали меня чужестранцем в царствах земных и ненужным обитателем земли...

Воистину, враги оторвали меня от этого мира и направили руки мои, чтобы я попытался коснуться одежд Твоих.

Благослови врагов моих, Господи. Благослови их и умножь их; умножь их, и еще более ожесточи их против меня – чтобы мое бегство к Тебе было необратимым;

чтобы моя надежда на людей порвалась, как паутина;

чтобы смирение полностью воцарилось в душе моей;

чтобы сердце мое стало могилой двух моих злых близнецов: гордыни и гнева;

чтобы все богатство свое собирал я на Небе.

Враги научили меня тому – а это мало кто знает, – что нет у человека в мире врагов, кроме него самого.

Лишь тот ненавидит врагов, кто не знает, что враги – это не враги, а суровые друзья его. Благослови, Господи, и друзей и врагов моих» (Святитель Николай Сербский).

«На могилке батюшки, – рассказывает матушка Ирина, – я сказала одному человеку: «Вы так любите отца Владимира, он мне говорил и так светло о Вас рассказывал». Он изменился в лице: «Ну, какая там любовь, какая любовь...» – и почувствовала, что ему стало очень стыдно. И только теперь узнаю, сколько доносов писалось, и митрополиту в том числе. И все из-за зависти. Но Богу навеки слава – за все!»

«Не избегать искушений, не бежать от несправедливости и вражды, а во всех испытаниях, даже когда зло захлестывает нас, как поток, сохранять в сердце чистоту, тепло, искренность и любовь. Есть люди, которые как будто призваны постоянно переносить недоброе к себе отношение... И только пока они хранят в сердце Любовь, до тех пор они неуязвимы», – завещала Государыня Александра Феодоровна, терпевшая всю свою жизнь самую изощренную клевету.

Всех нас поражала редкая черта отца Владимира: **он никогда никого не осуждал**. Для современного мира это очень необыкновенно. Мне пришлось познакомиться со взглядами батюшки на эту тему при чтении его подборки к проповеди.

«Не судите, да не судимы будете...»

«Кто похищает власть Царскую, тот самозванец; кто присваивает власть, Богу принадлежащую, тот богопротивник.

Преподобный Дорофей: *«Одному Богу принадлежит власть оправдывать и осуждать, поелику Он знает: душевное устроение каждого, силу, и образ воспитания, и дарования, и телосложения, и способности – и сообразно с этим судит каждого, как Он Сам один знает»*. ***Не судите.*** Суд – дело Божие. ***Да не судимы будете.*** Кто покроет

грехи ближнего, не осудит его, того и Бог помилует на Суде Своем праведном.

«Пролог»: «Умирал инок, по мнению всех, беспечный к своему спасению, – с улыбкой спокойствия на устах. «Отчего ты в грозный час так беспечален?» – спросили его братия. «Я жил нерадиво. С сокрушением признался я в своих делах, ожидая всей строгости Суда Господня. Но вдруг Ангелы сказали: «При всем небрежении ты был незлобив и никого не осуждал». И с этим словом раздрали рукописания грехов моих. Вот почему я так радуюсь». И, сказав это, предал дух свой Богу. Ибо каким судом вы судите, таким будете судимы; и какою мерою мерите, такою же и вам будут мерить. *«Кто ты, осуждающий чужого раба? Перед своим Господом стоит он, или падает. И будет восставлен; ибо силен Бог восставить его»* (Рим. 14,4). Не порицай, не поноси, но вразумляй; не обвиняй, но советуй; не с гордостью нападай, но с любовью исправляй.

Блаженный Августин: *«Будем строго судить, но начнем с самих себя. Ты расположен осудить ближнего? Но ведь ты к самому себе ближе всех»*. Один закон: люби, и любовь научит тебя, когда нужно и полезно покрыть грех ближнего, и когда следует с любовью обличить его. Преподобный Моисей говорил: *«Безумно оставлять своего мертвеца и идти плакать над чужим мертвецом»*. *«Кто чувствует тяжесть своих грехов, тот не смотрит на чужие грехи»*. Святого старца пригласили обсудить, как наказать согрешившего. Он отказался. Но потом пошел, повесив на плечо дырявую корзинку с песком. «Что это такое?» – спросили его. «Это грехи мои сыплются позади меня, – отвечал старец, – я не смотрю на них, а иду судить чужие грехи». Услышав это, братия простили согрешившему.

Святитель Филарет: *«Кто знает чужую совесть? Ты осуждаешь брата за вчерашний грех, а он, может быть, уже омыл этот грех слезами покаяния; ты его осуждаешь, а Бог уже простил его – и ты осуждаешь невинного, Богом уже оправданного, будущего святого...» Подражай тому, кто увидел согрешившего и вздохнул: «Горе мне! Как он согрешил сегодня, так согрешу и я завтра. И он покается, а я, может быть, не успею, не в силах буду покаяться»*.

Святитель Димитрий Ростовский: *«Не утешайся согрешением ближнего, чтобы и о твоем грехе не порадовались бесы и люди»*.

Преподобный Дорофей: «Рассказывая чужие грехи, вносим в чье-то сердце грех осуждения. Если бы мы имели любовь, то с соболезнованием смотрели бы на недостатки ближнего, как сказано: «любовь покрывает множество грехов» (1 Пет. 4, 8).

Преподобный Иоанн Лествичник: ***«За какие грехи осудим ближнего, в те впадем сами, и иначе не бывает!»*** Но когда отец видит пороки детей или начальник – пороки подчиненных, они не должны молчать. Ветхозаветный первосвященник Илий, по мягкосердию своему, не обличал и не наказывал своих порочных детей, и за это понес строгое наказание от Бога.

Запрещая осуждать ближнего, Господь не запрещает зло называть злом и отличать добро от зла.

Если вы будете прощать людям согрешения их, их проступки против вас, **то простит и вам Отец ваш Небесный**.

Святитель Иоанн Златоуст: *«Господь как бы говорит: ...Если простишь своему собрату, то и от Меня получишь то же благодеяние. Ты прощаешь другому, ибо сам имеешь нужду в этом, а Бог прощает, ни в чем не нуждаясь; ты прощаешь брату, а Бог – рабу; ты виновен в бесчисленных грехах, а Бог безгрешен»*.

Святой Киприан: *«Бог заповедует, чтобы в дому Его жили только мирные, согласные, единодушные. Кто не имеет мира с людьми, тот, хотя бы претерпел смерть за Христа, останется виновен во вражде братской. Ибо сказано: «Всякий, ненавидящий брата своего, есть человекоубийца»* (1 Ин. 3,15).

Раб Божий Владимир: «Как хочется сохранить духовные наставления отца Владимира, жить, им не изменяя. После одной исповеди он поразил меня замечанием: «Имей в виду, и богохульные, и всякие нечистые помыслы имеют своим источником – **гордость**. Главное, не останавливайся на себе, не говори: как я мог это допустить, как до этого дошел? Это вопль гордостного самомнения. Смирись,

восчувствуй и скажи: «Иного и ожидать от меня, Господи, не приходится, никуда негодного, всескверного и немощного». И тут же возблагодари: «Если бы не Твоя безмерная благость, Господи, не остановился бы я на этом, а впал бы еще в худшее».

Утешая меня, батюшка сказал: «Первое в искушениях: никогда не падать духом, не унывать – не отчаиваться. В момент самого серьезного нападения скверных помыслов, когда кажется, что враг одержал победу, тебя уложили на лопатки, и дьявол торжествует, если ты с дьявольским предложением не согласен, не принимаешь, отвергаешь наваждение всем существом – ты не побежден! Ты, в очах Божиих, – мужественный воин, во всеоружии, с копьем и в латах. Терпишь раны, наносимые врагом, но на самом деле являешься неуязвимым по существу. Пока ты не согласился с дьяволом – ты победитель».

Отец Владимир предупредил меня, что в битве с нечистью, одно из главных мест занимает борьба с воображением. «Прочти у Никодима Святогорца в **«Невидимой брани»** 26 главу **«Как исправлять воображение и память»**. Считаю эту книгу полезнейшей для каждого. Всем бы не мешало ее почитать».

«а) Знай, что как Бог есть вне всех чувств и всего чувственного, вне всякаго вида, цвета, меры и места, есть совершенно безобразен и безвиден, и хотя везде есть, но есть превыше всего; то Он есть и вне всякого воображения. Отсюда само собою следует, что воображение есть такая сила души, которая по природе своей, не имеет способности пребывать в области единения с Богом.

б) Знай, что и люцифер, первый из ангелов, будучи прежде выше всякого неразумного воображения и вне всякого вида, цвета и чувства, как ум мысленный, невещественный, безвидный и бестелесный, когда потом возмечтал и наполнил ум свой образами равенства Богу, ниспал от оного безвидного, безобразного, бесстрастного и простого безвеществия ума, в это многовидное, многосоставное и дебелое воображение, как учат святые отцы, и таким образом, из Ангела безвидного, безвещественного и бесстрастного сделался диаволом, некако вещественным, много-

видным и страстным. Но каким стал он, таким же сделались и слуги его, все демоны. Подобно людям, потеряв ангельскую сладость, они лишились Божественного наслаждения и осуждены в перстном находить услаждение, как и мы, сделавшись вещественными чрез навыкновение вещественным страстям» (Добротолюбие). По сей причине диавол у святых отцов называется живописцем, змием многовидным, питающимся землей страстей, фантазером и другими подобными именами. Из сего уразумей, возлюбленный, что так как многовидная фантазия есть изобретение и порождение диавола, то она для него премноговожделенна и пригодна к погублению нас. Святые отцы справедливо называют ее мостом, чрез который душеубийственные демоны проходят в душу, смешиваются с ней, и делают ее пчельником трутней, жилищем срамных, злых и богопротивных помыслов, и всяких нечистых страстей, душевных и телесных.

в) Человекоубийца диавол, как сам пал от мечтания о богоравенстве, так довел и Адама до того, что он стал мечтать умом своим о равенстве Богу, и пал от такого своего мечтания; и за то из мысленной оной, равноангельской, чистой, разумной и безобразной жизни низринут был в эту чувственную, многосоставную, многовидную, в образы и мечтания погруженную жизнь, в состояние неразумных животных. Ибо быть погружену в образы или жить в них и под влиянием их, есть свойство неразумных животных, а не существ разумных.

В какие страсти, в какое злонравие, и в какие заблуждения введен он был своим воображательным мечтанием? Нравоучение наполнил разными обольщениями, физику – многими лжеучениями, богословие – непотребными и нелепыми догмами и баснями. И не древние только, но и новейшие мыслители, желая любомудрствовать и говорить о Боге и о Божественных, простых и не доступных воображению и фантазии таинствах (ибо в этом труде должна работать высшая сила души – ум), и приступив к сему делу прежде очищения своего ума от страстных видов и воображательных образов чувственных вещей, – вместо истины нашли ложь».

Семинарист Д.: «Страшное дело – формальная молитва, – говорил отец Владимир, прозревая мои грехи. – С этим навыком придется расстаться. Нередко за службой читают: от зубов отскакивает. Останови человека, он тебе не скажет, что сейчас произнес. Чтец не знает, что читает, и люди усиливаются разобрать хоть фразу Апостола, Канона – не могут. Такая гипнотическая власть беса. Получается, у народа отнимаем смысл – своей бессмыслицей. Ответственность алтарника – велика. Потому недопустим грех формализма. Для служащего Богу – это грех номер один. Душепагубно произносить святые слова бездумно: зачем тогда становиться священником, монахом? Помнишь, кто у Преподобного именуется «черными головешками?» Да, молиться всерьез нелегко, но остальное – не молитва. Представь, я сделаю вид, что разговариваю с тобой, а сам буду смотреть в потолок и вспоминать ерунду. Подчас только делаем вид, что встали на молитву. Для кого вид делаем? Для себя! Не для – Всевидящего.

Все ждут от Бога – утешения. А ты сначала потребуй от себя – правдивости. Не открывай молитвослов – не осознав себя первым грешником. Трудно – отложи правило, вспомни собственные грехи. Вспомни, кто ты на самом деле... Без сокрушения сердечного, без покаяния за свои и чужие грехи Иисусова молитва лишается двух третей своей силы. И он процитировал мне: «Две тысячи лет Христос обращается к нам с одним требованием. Оно превосходит все другие. Он просит: ***«Сыне, даждь Мне сердце»***.

«Иногда и простое повторение имеет смысл, – улыбнулся батюшка, заметив растерянность, которую я старался скрыть. – У одного подвижника жил говорящий попугай, который научился произносить Иисусову молитву. Однажды его похитил коршун. Попугай от страха как закричит: «Иисусе, Сыне Божий, помилуй мя!» От неожиданности коршун разжал когти... И тот спасся». Батюшка рассмеялся и с любовью прижал к себе мою голову, поцеловал и сказал прямо в душу: «Начинай, начинай относиться серьезно к себе и — к Богу... Время коротко».

Как-то я в запальчивости рассказала батюшке одну ситуацию, ожидая обязательной негативной реакции. Мне казалось, что обойтись без «праведного осуждения» здесь невозможно. Отец Владимир остался спокоен: «Однажды от старца Силуана требовали произнести слово о тяжко согрешившем. Он ответил: «Сколько лет ты меня знаешь?» – «Сорок», – был ответ. «Слышал ли ты хоть однажды за эти годы, чтобы я кого-нибудь осудил?» – «Нет».

«Бог не запрещает нам называть грех своим именем, – добавил батюшка. – Но просит не осуждать грешника. То есть, не иметь к нему никакого зла, тем паче – ненависти. Даже когда Евангелие говорит «лучше было бы (виновному), чтобы ему повесили жернов на шею...», имеется в виду, что всегда лучше быть наказанным в этой жизни, чем в будущей. Ибо здешнее наказание более легкое. Нигде Бог не предлагает нам ненавидеть согрешающего. Самые резкие слова Он произносит – с болью о падшем человеке. Мы действительно не можем судить ни о ком, так как не знаем, во-первых, всех особенностей жизни человека. Один родился в верующей семье, имел православное окружение, добрых друзей... У другого был отец-алкоголик, мать воровка и ни одной благомыслящей души рядом... Неужели вы думаете, Бог будет судить этих людей одинаково строго?

К тому же мы не знаем степени **благочестия** или **нечестия** его усопших родных, череда которых уходит в бесконечность. (Существует понятие грехов, перешедших от прадедов на младшие поколения). Для души, серьезно утяжеленной нераскаянными загробными грехами, иногда и малое духовное усилие может оказаться великим в очах Божиих. Он один знает степень противодействия темных сил благому намерению каждого человека.

Нередко приходится видеть здесь одержимых или душевнобольных. Не правда ли, их жалко? Но вокруг человека злого – не меньшее количество бесов. Хотя, с общепринятой точки зрения, эти люди здоровы... Бывает, родители – коммунисты, атеисты, а прабабушка – в Царствии Небесном. И она молится за внуков. И те встают вопреки семейным влияниям – на церковный путь. И в этом нет

большой заслуги. Порой кто-то сделает несколько искренних шагов к Богу, один раз причастится, но всем сердцем, – и будет помилован. А другой живет интенсивной церковной жизнью, храмы восстанавливает, воздвигает из своих трудов – постамент. Благочестие – налицо. Но Бог может за всю его жизнь так и не дождаться от его души того, чего ждет...

Старец Силуан многократно напоминает, исходя из своего опыта: от человека, который осуждает, отходит благодать Божия. Мы ведь хотим попасть в Царствие Небесное, в котором наш Царь, Елисавета Феодоровна... Но всем известно письмо, написанное Великой Княжной Ольгой: *«Отец просит передать всем, чтобы не мстили за Него, потому что Он простил всех и за всех молится. И что зло, которое сейчас в мире, будет еще больше. Но не зло победит зло – а только Любовь»*.

Памятны строки Сергея Бехтеева Царственным узникам в ссылку. Воистину это «Молитва»:

... Дай крепость нам, о Боже правый,
Злодейство ближнего прощать
И крест тяжелый и кровавый
С Твоею кротостью встречать...
И у преддверия могилы
Вдохни в уста Твоих рабов
Нечеловеческие силы –
Молиться кротко за врагов.

Преподобномученица Великая Княгиня Елисавета перед тем, как ее живую сбросили в шахту, произнесла слова, которые написала на памятнике мужу, убитому Каляевым: **«Господи, прости им, не ведают бо, что творят»**. И у Пушкина понятие христианской кончины отождествлялось с прощением собственному убийце.

По сравнению с соседом, который пьет и бьет, легко увидеть себя на высоте. Но Бог предлагает ежедневно сравнивать себя со святыми, Матерью Божией, с Ним Самим. Простая логика: сосед, который тебе несимпатичен, как не имеющий ни соответствующего воспитания, ни духовной помощи – имеет основание для снисхождения

Божия. Мы же, получившие то и другое, в глазах Господа можем оказаться ниже этого грешника. Одарив Своими милостями, Бог ждет от нас не формального благочестия, настоящей жизни во Христе. Чему мы не соответствуем.

Почему-то редко приводим себе на память: если Господь отнимет Свою благодать, неизвестно, на что мы сами станем способны.

Например, вот этот грешник кажется нам неисправимым. Но известно, Бог силен любое «прокаженное житие убелити». Не станет ли завтра этот лютый злодей – вторым Апостолом Павлом?!»

Батюшка закончил: «Если мы оставляем за собой право осуждать, наше главное исповедание перед принятием Святых Христовых Таин: *«Верую, Господи, и исповедую, яко Ты еси воистину Христос, Сын Бога живаго, пришедый в мир грешныя спасти, **от них же первый есмь аз»*** – становится лицемерием. Святые называли себя первыми грешниками – не для красного слова. Потому что соприкоснулись – со Святостью Бога. Перед Нею – чья «праведность» устоит?»

Преподобный Силуан Афонский о Любви к врагам

(этот текст отец Владимир дарил духовным детям):

«Душа не может иметь мира, если не будет молиться за врагов. Душа, наученная молиться от Благодати Божией, любит и жалеет всякую тварь, и особенно человека, за которого страдал Господь на Кресте и болел душой за всех нас.

Господь научил меня любить врагов. Без Благодати Божией не можем мы любить врагов, но Дух Святой научает Любви, и тогда будет жалко даже и бесов: потеряли смирение и Любовь к Богу.

Молю вас, испытайте. Кто вас оскорбляет, или бесчестит, или отнимает что ваше, или гонит Церковь, то молитесь Господу, говоря: «Господи, все мы – создание Твое, пожалей рабов Твоих, и обрати их на покаяние», – и тогда ощутимо будешь носить в душе своей Благодать. Сначала принудь сердце свое любить врагов, и Господь, видя доброе желание твое, поможет тебе во всем, и сам опыт

покажет тебе. А кто помышляет злое о врагах, в том нет Любви Божией, и не познал он Бога.

Если будешь молиться за врагов, то придет к тебе мир. А когда будешь любить врагов, то знай, что Благодать Божия живет в тебе большая, но не говорю еще – совершенная, но достаточная ко спасению. А если ты поносишь врагов своих, то это значит, что злой дух живет в тебе и приносит в сердце твое злые помыслы, ибо, как сказал Господь, от сердца исходят помышления злые или добрые.

Добрый человек думает: всякий, заблудившийся от истины, погибает, и потому его жалко. А кто не научен Духом Святым Любви, тот, конечно, не будет молиться за врагов. Наученный Любви от Духа Святаго – всю жизнь скорбит о людях, которые не спасаются, и много слез проливает о народе, и Благодать Божия дает ему силы любить врагов.

Если ты не имеешь Любви, то хотя бы не поноси и не кляни их, это уже лучше будет. А если кто клянет и ругает, в том ясно живет злой дух, и если не покается, то по смерти пойдет туда, где пребывают злые духи. Да избавит Господь всякую душу от такой беды. Поймите. Это так просто. Жалко тех людей, которые не знают Бога или идут против Бога – сердце болит за них, и слезы льются из очей. Нам ясно видно и рай, и муку: мы познали это Духом Святым. Вот и Господь сказал: ***Царствие Божие внутрь вас есть.*** *(Лк.17,21). Так отсюда еще начинается вечная жизнь. И мука вечная отсюда начинается».*

Духовная дочь батюшки, послушница М: «Бог послал мне отца Владимира в самое тяжелое для меня время, когда были большие искушения с сестрой, старшей по игуменскому корпусу. Она так сильно смиряла меня, что я не выдерживала. Было мукой находиться с ней вдвоем в келье, поэтому я часто молилась в коридоре или на улице и приходила только спать. Враг посеял такую вражду. Отец Владимир посоветовал не разговаривать с ней, не выяснять отношений, а общаться письменно по самым необходимым вопросам. Мы писали друг другу записки на предмет послушаний.

Я очень унывала, так как все время осуждала ее и злилась. И вот когда в таком помраченном состоянии я приходила в храм, батюшка сразу все понимал и начинал меня всячески веселить. Подхожу под елеопомазание, и он вдруг произносит: «Вот посланница «Всех скорбящих Радости» идет» (а ведь я родилась в день Ее праздника!). Или называл меня первым монархистом XXI века (я глубоко чтила Царя). Все уныние, батюшкиными молитвами, сразу же проходило. Во время исповеди читал стихи, сочиненные им экспромтом, в которых подсказывал мои нераскаянные грехи. Неоднократно он даже предсказывал мне в стихах будущие искушения, что-то сбылось через пару лет и позже (я не признавалась, что очень люблю поэзию...)

Кроме гостиничного, было у меня еще одно очень тяжелое послушание: ухаживать за парализованной больной, которая умирала от рака. Она не давала нам покоя ни днем, ни ночью. Все время мы дежурили подле нее вдвоем с медсестрой. И вот однажды она прибегает ко мне и сообщает, что Людмила умерла: пульс не прослушивается, дыхания нет. Я бегу за батюшкой, чтобы он прочитал отходную. Отец Владимир взял Святые Дары и говорит: «А теперь бежим причащать ее!» Я ему: «Она же умерла...» – «Ничего, Бог ее воскресит. Только не забудь крещенской воды захватить, и побыстрее». Он побежал, я за ним еле-еле успеваю, задохнулась. Приехал сын, не застал ее в живых, убивается, плачет подле матери.

Отец Владимир стремительно вошел в келью, окропил усопшую водой. С молитвой окропил все вокруг, осеняя стены крестом. Перекрестил ее и произнес: «Людмила, вставай! Я тебя причащать пришел!» Мне стало почему-то очень смешно, я даже немного хихикнула. И что вы думаете?! Она вдруг открыла глаза: взгляд мутный... Батюшка ее еще раз окропил, благословил, и она зашевелилась, ожила. Я была в ужасе. Осталось трое свидетелей этого события: медсестра, сын Людмилы и я.

То, что больная не умерла в этот раз, было немаловажным для ее судьбы: после этого она отписала свой дом на Канавке монастырю, приняла монашеский постриг. Батюшка заходил к ней почти каждый день, отдавал уйму

времени, много с ней возился. Парализованную, полностью неподвижную, поднимал на ноги и заставлял ходить. Для нее это было очень тяжело, так как были сильные боли, и она очень на него роптала. Но он шутил: «Надо. Надо тебе ходить. Как говорят врачи: органы мертвое тело не обслуживают». Конечно, она стала его духовной дочерью, батюшка отдал ей огромное количество сил. Она даже скончалась сразу вслед за батюшкой.

Через краткое время на меня было тяжелейшее бесовское нападение. Я не могла выйти из страшного состояния, ничего мне не помогало. Когда в часы отчаяния, я, вся мрачная, приходила в храм, батюшка предлагал: «Пойдем панихиду попоем», – отец Владимир при тяжелых душевных состояниях советовал почаще служить панихиду в качестве духовного лечения. Потом посмотрел на меня: «Нет, пожалуй, сейчас ты и петь не сможешь. Пойдем-ка на паперть». Выходим. Он неожиданно резко: «Сними очки». Сдергивает свою скуфейку и начинает хлестать меня ею по лицу. Вся черная туча от меня отлетает. Отец Владимир радуется: «Неужели помогло?!» – хлопает в ладоши, ликует как ребенок (батюшка нередко, чтобы переключить наше внимание от совершенного им, начинал вести себя как бы несерьезно). Потом идем петь. Я – полностью исцелена...

Называла его исповеди, когда батюшка в храме ставил людей на колени, призывал всех каяться, и народ обливался слезами – **«проповедью всемирного покаяния»**. Не забуду, как начала ходить к нему исповедоваться. Мы привыкли, что монашествующих берут без очереди; подойду, он глянет на меня и зовет других, третьих. Уже изнемогаю, мне надо на послушание. А он посмотрит сбоку: готова или нет, и опять – не берет. И вот так несколько раз, пока я не зарыдаю, буквально обольюсь слезами. Тогда сам подойдет, возьмет ласково за руку, примет листочек с грехами, так как говорить я уже не в состоянии, только плачу. И уж тогда начинает утешать: вот ты и созрела...

На одной из таких исповедей народ давно на коленях, заждались батюшку, а его все нет. И вдруг я замечаю страшную черную старуху, которая явно колдует на

свечах: многократно переворачивает то вверх, то вниз, и что-то бормочет, творит заклинания, как будто гипноз. И тут батюшку вывели из алтаря под руки, на нем нет лица, бледный, и говорит тихим голосом: «Простите, мои дорогие... помочь вам уже не могу... мне что-то очень плохо». После этого батюшка мучительно, на грани смерти – болел дифтерией. За него молились многие сестры. Собирались в храме Рождества Христова, читали канон о болящем. Он восстанавливался необыкновенно тяжело и долго.

Меня посылали на Север. Я не обретала в себе сил на это послушание. Со многими тяжелыми искушениями, которые без помощи отца Владимира я бы ни за что не одолела, поехала выполнять благословение. Была все еще в глубоком унынии. Но батюшка светло напутствовал меня: «Не думай, что это по воле людей. Тебя зовет к себе Царь. Едешь выполнять Его послушание». В период поездки приходилось общаться со многими священниками. Некоторые поручали мне проводить после богослужения воскресную школу с прихожанами сел. Молитвами отца Владимира, через меня, недостойную, продолжалась батюшкина проповедь о покаянии перед Царем. Люди начинали плакать и каяться. Были случаи, когда целые деревни крестились, впервые исповедовали Господа. Естественно, это было полностью невозможно для моих немощных сил. Эта необыкновенная реакция была результатом святых молитв и благословений батюшки.

Отец Владимир особенно помогал мне при жизни, неустанно поддерживает меня и после смерти. Никогда не отблагодарю Господа за его святые молитвы».

Эти два рассказа записаны со слов духовной дочери отца Владимира, Маргариты, у могилы батюшки в день святого равноапостольного Великого Князя Владимира: «У меня хронический остеохондроз в тяжелой форме. Делали даже операцию. Регулярные сезонные обострения осенью и весной. В этот вечер батюшка служил парастас по моему покойному мужу. А мне настолько плохо, что не знаю, куда деться: ни встать, ни сесть... Служба после всенощной и исповеди, едва сижу и думаю, как в таком состо-

янии дойду до своей деревни: семь километров пешком, последний автобус ушел в шесть тридцать вечера. Батюшка отслужил панихиду, подходит: «Ну, что, болеешь?!» – «Да, вот спина... Не знаю, как до дома дойду». Он снял с моей головы шерстяной шарф, меня им опоясал. Концы держит одной рукой прямо перед собой, а правой эти концы молча сосредоточенно крестит. Потом передал их мне в руки, благословил. Сняла шарф, покрыла голову и сразу чувствую – спине легче, легче... Как будто темная хватка меня отпустила. Так никогда в жизни не шла домой – как будто кто по воздуху отнес, просто пролетела семь километров. Казалось, минут пятнадцать потратила на дорогу.

В другой раз горло основательно заболело: ангина. Неделя, другая... Домашними средствами лечилась – не помогает. Третья неделя прошла, глотать по-прежнему очень больно. И говорю батюшке после исповеди: «Что-то у меня горло болит. Не знаю уже, чем лечиться: ничего не помогает». Он правой рукой вдруг сжал мне горло, несколько секунд помял, отпустил: «Теперь сходи на источник матушки Александры и девять раз окунись с головой». Пошла, сделала, как велел: пью ледяную воду, а глотать – не больно! Так все и прошло».

Раба Божия Наталия: «Впервые я приехала в Дивеево вместе со своей крестной летом 1999 года. На всенощной мы были в Преображенском соборе. И так мне в нем хорошо молилось, что я решила на следующий день пойти на позднюю литургию в этот же собор. Крестная на меня даже обиделась немножко, так как мы собирались после ранней на источник. Но я не могла объяснить своего непреодолимого желания молиться именно здесь. Так я попала на исповедь к отцу Владимиру. Перед ней он сказал целую проповедь. Я никогда не слышала подобной общей исповеди. Это было из такой глубины сердца, у меня сами собой слезы полились. И сколько батюшка говорил, столько я, не переставая, плакала.

Когда я готовилась к исповеди, вспоминала какие-то обыденные грехи, говоря себе, что надо же что-то вспомнить. Но я все это забыла, и передо мной встали заново мои глубинные грехи, основательные. Вроде бы я их уже

исповедала, но они с какой-то новой силой явились передо мной, и раскаяние, какого доселе никогда не было. Но к отцу Владимиру выстроилась такая огромная толпа, что подойти, казалось, было невозможно. Появлялись другие священники, отец Владимир ставил их к своему аналою, а сам уходил к другому. Вся главная масса людей бежала за ним. И он несколько раз так делал и потом вообще ушел. У меня такое сокрушение было, такое раскаяние, что вспомнила слова Спасителя: «Мои овцы слышат голос Мой». И я ощутила себя той потерянной овцой, которая услышала, наконец, голос настолько родной, что невозможно передать словами. Голос, обращенный к самой моей душе. Проплакала всю литургию, уже соглашаясь, что недостойна исповедаться у этого священника.

И тут подошел отец Владимир, просто взял стульчик, положил себе на колени Евангелие и Крест и сказал: «Те, кто не будет причащаться, подходите ко мне». Второй была я и говорю: «Батюшка, я даже не знаю, с чего начать». Он положил руку на свое сердце и сказал: «Начни отсюда». Чувства переполняли меня, и батюшка, видя, что я не способна ничего выразить, просто прижал мою голову к своему сердцу и начал сам говорить – все мои грехи, все такие ужасные – от ранней юности. Говорил с такой любовью. Будто он меня обнимал этой невыразимой Любовью, лечил душу. Не укорял, не обвинял – как будто он переживал за каждый мой грех больше, чем я сама за него переживала. Некоторые грехи он называл и спрашивал: «Это было?» – «Было».

«А это?» – «Не помню, батюшка, кажется, не было». И это поразительно: следом этот названный им и забытый мною грех – представал передо мной во всей ясности, как картинка! Это повторялось несколько раз. Батюшка прочел надо мной разрешительную молитву и потом начал говорить о моей жизни. Стал давать мне советы, причем, не размышляя, а будто зная точно, что говорит, – так вот, как старцы говорят. В эти минуты он разрешил какие-то мои внутренние вопросы и те, о которых я в настоящее время вовсе не думала. Благословил приехать сюда с дочкой. «Батюшка, да у меня муж некрещеный. Я сюда чудом

попала». – «Так и второй раз попадешь. И не однажды еще сюда приедешь». Мы с мужем очень непросто жили, и у меня были уже мысли, не расстаться ли нам, не уйти ли нам с дочкой в монастырь. А он мне сказал: «Твое спасение в семье. Ты должна вырастить ребенка, и она будет молитвенницей за нас с тобой. И еще одна девочка у тебя будет». Я усомнилась: не поздно ли? А он: «Конечно, не поздно. Меня мама в 31 год родила». Поразительно, но я свою вторую дочь Серафиму родила в таком же возрасте.

Накануне встречи с отцом Владимиром я на Казанском источнике сильно разбила себе голову о деревянный настил. Была большая рана, мне ее даже зашивали в больнице. Было так больно, что я все время боялась пошевелить головой. И во время исповеди сказала: «Батюшка, как у меня голова болит». Он тут же положил руку на это место и сказал: «Голова-то? Да она прошла, уже ничего не болит, правда?» Я сразу и не поняла, но сказала: «Да вроде, да». Он говорит: «Ну, сделай земной поклончик Божией Матери». И я вдруг с легкостью сделала земной поклон и только потом подумала: «Я ведь и пошевелить головой только что не могла». И все зажило безболезненно, без всяких последствий. И следа нет, а была большая рана.

Вернулась в Москву. Муж встретил меня и еще на платформе вдруг сказал: «Что-то ты необыкновенная, светишься вся. У тебя лицо изменилось – какое-то не такое». Отвечаю: «Потом тебе все расскажу». Было такое очищение после этой исповеди, что от меня отступили все привычные страсти. Будто все грехи с меня были сняты. А с другой стороны, было сознание такого своего ничтожества, будто Господь меня, никчемную, через Любовь отца Владимира обнимает Своей неизреченной Любовью. Все преобразилось во мне. Все мои страсти, пороки, все мои стремления – показались настолько мелкими. И такая тишина в душе. Будто я, наконец, знаю, как нужно жить. И все наши обыденные проблемы, настолько мелки и не нужны – все отпали сами собой. У меня привычка, например, люблю поесть побольше, послаще, повкусней. На молитву очень трудно вставать, нужно себя заставлять. А тут удивительное дело – я перестала испытывать чувство

голода, стала способна наесться маленьким кусочком хлеба, мне даже стало неважно, вкусное ли ем, или это черный хлеб. Пристрастие к еде полностью отошло. До этого я постоянно ссорилась с дочкой, раздражалась на нее и часто наказывала. А по приезде, встретила ее с новой любовью. Не пристрастие, как к своему ребенку, а любовь необыкновенная... И она сама от моего нового отношения изменилась. Стала тихая, послушная, кроткая, вот какие мы с близкими – переливающиеся сосуды. Пока у меня все это было, и у нее – сохранялось. И удивительно, такая способность к молитве появилась, что я дождаться не могла, когда же смогу уединиться. Вставала на колени и читала один акафист за другим, могла молиться всю ночь, и не хотелось оставлять молитвы – одна мысль, только бы мне не прерываться. Это неделю всего продлилось, и было по молитвам батюшки – такой подъем духовный.

Вдруг в сентябре я по «Радонежу» слышу, что отец Владимир тяжко болен. Я настолько потеряна была, говорю мужу: «Батюшка благословил Машу привезти в Дивеево. Я поеду». Муж, на удивление, быстро нас отпустил. Приехали в начале ноября, получила я послушание – мыть окна в игуменском корпусе. И там от старшей услышала, что отец Владимир в больнице в Нижнем Новгороде. И такое горе испытала, что батюшку не увижу. Упала на колени перед иконой Божией Матери в этой келье, где мыла окна. Даже не просила увидеть батюшку, понимая, что это невозможно – поехать в Нижний Новгород, найти эту больницу, нас ведь и не пустят туда. Но вот боль свою перед Ней излила, что не увижу его, не благословит он мою Машу. Ну, думаю, воля Божия.

Пошли мы по Канавке, и я предложила двоюродной сестре сфотографироваться на память под Царским деревом. Возвращаемся, и вдруг вижу, идет по Афонской горке священник и похож на отца Владимира. Не поверила себе, еще и зрение плохое. Думаю, этого не может быть. И вдруг навстречу человек двенадцать народа: «Это не батюшка Владимир пошел?» Отвечаю: «Я не знаю». Они: «Да, это он», – и бегом за ним. Дождалась, когда он с ними поговорил. Подошла, и у меня просто слезы полились сами собой:

«Батюшка, но это же невозможно, такая Милость Божия. Как же Господь дал встретиться?!» А он будто в шутку: «Да, я специально для этого и приехал», – как бы, между прочим. Он и с сестрой моей поговорил. Они с мужем плохо жили, он пил, были не венчаны. Ей священники без конца: либо обвенчаться, либо расставаться. А он наоборот, вопреки всему сказал: «Ни в коем случае – пока не венчайся. Без веры – нельзя. Когда он придет ко Христу, и вы будете одно целое в духе, тогда и повенчаетесь». Она подумала, что это невозможно, и даже не придала значения словам. Но через два года все исполнилось, как батюшка и предсказал. Они обвенчались и живут теперь в вере, нашли себе духовного отца. Сына своего по-христиански воспитывают. Удивительная перемена произошла.

Я попросилась к нему в духовные чада. А он: «Почему ты так решила? Мы ведь друг другу почти не знаем». Говорю, что после его исповеди у меня произошло как бы второе рождение. Значит, я и обрела отца, получила духовное рождение. И он теперь мне ближе, чем родной отец. Я его первым перед родителями поминаю. «Батюшка, я просто не представляю другого отца». Он улыбнулся: «Ну, хорошо. Я дам тебе свой телефон и адрес. Мне предстоит операция, вернусь, ты приедешь, и мы обо всем поговорим». И пригласил нас домой. Так просто. Удивительно это было, священники всегда на таком расстоянии, неприступные. На наше потрясение он: «Да вы что, пойдемте, пойдемте». И сестра удивилась. Он нас угостил, благословил иконочки, среди них Государя, Маше книгу песенок на память. Мы так счастливы были, не имели никакого сомнения, что он выздоровеет. Каждую неделю я им звонила. И матушка мне: «Хуже, хуже...» Страшно, но сомнения, что он поправится, все равно не было. Все спрашивала, как там батюшка, и однажды вдруг думаю: «Да мы два раза всего были, такие толпы народа, столько чад, он нас и не помнит, наверное». И тут же мне снится сон, такой явный, как будто это на самом деле происходит. Вижу батюшку в золотых праздничных ризах. И он нас с дочкой с такой радостью встречает, благословляет, прижимает мою голову к своему плечу: «Я вас помню, помню и

– люблю». Такая радость, такое тепло мне передались, словно с живым батюшкой повидалась. Бегу сразу матушке Ирине звонить. И мысли: «Можно ли снам верить?» Говорю с матушкой, она: «Да-да, я вот вчера батюшке говорила, что вы часто звоните. И батюшка сказал, что он вас помнит и любит. И спросил, как там ваша дочка, так что не забудьте – ей привет передать». Тут уж я вообще трубку чуть не выронила. Только приснился, и все это, оказывается, происходит на самом деле.

Однажды звоню и вдруг слышу: «Батюшка сегодня утром – умер в Москве». Это передать невозможно – все, кто знал батюшку и через это прошел, понимают, что нет на это слов. Тут же сказала мужу, что уезжаю на похороны. Собиралась целый день, вышла загодя. Но что-то невероятное – поезд в метро останавливался каждые пять минут, и я опоздала на поезд. В кассе: следующий поезд на Арзамас – утром. Стою и рыдаю: «Батюшка, этого не может быть». И вдруг кассирша: «Вам один билет нужен?» – «Один». – «Ну вот здесь один появился». – «Появился?!» – «Ну, наверное, сдал кто-нибудь». Вхожу в купе, а вслед люди, оказавшиеся университетскими друзьями отца Владимира. Это они сдали билет – у них внезапно заболела дочь. Для них матушка Ирина уже нашла квартиру в Дивеево. И они меня поселили с собой и взяли на поминовение после похорон в дом батюшки, о чем я и не мечтала. Так отец Владимир все устроил до мелочей. И мечту мою исполнил о его фотографии. И даже обратный билет за его поминальным столом мне предложили. И всегда, как только обращаюсь к батюшке – помощь приходит моментально. Вот он рядом, немедленно услышал, тут же – исполнил.

Мечтали мы с Машей попасть на прославление Царственных Мучеников, в храм Христа Спасителя. И не знали, что вход по пропускам. Стоит оцепление, и нам говорят: «Нет, пройти невозможно». Я дочери: «Давай просить батюшку...» Буквально через минуту этот же охранник повернулся к нам и говорит: «Быстро проходите». Недавно видела сон, что мы с дочкой прикладываемся к золотой раке со святыми мощами отца Владимира. Никогда не отблагодарю за батюшку Господа».

О молитве

Батюшка молился среди других редких молитв словами святого Иоанна Кронштадтского: «*Господи, даруй ми сердце простое, незлобивое, открытое, верующее, любящее, щедрое...*» Бог, Который так легко отзывается на искренность, дал ему именно такое сердце. Чего мы больше всего на свете хотим, о чем больше всего просим – то и получаем от Господа.

В одном письме духовному сыну о келейном правиле отец Владимир цитирует протоиерея Владимира Богданова: «*Правило все нужно заблаговременно в свободное время продумать, пережить, прочувствовать, по возможности, проплакать, проникнуться теми мыслями и чувствами, которые хотели выразить святые, писавшие эти молитвы. Конечно, это делать нужно не тогда, когда вечером читаем правило, а заранее. И если сделаем так, то, когда будем читать правило, пережитые мысли и чувства будут приходить к нам и питать душу и рождать сокрушение, утешение и умиление*».

Скорее всего, и сам батюшка именно так начинал свой молитвенный путь. Как бы там ни было, я встретила его, когда он был зрелым священником. Человеком, который ощущал живым – каждое молитвенное слово, произносимое внутренне или вслух. Молиться подле него было счастьем. Благодать Божия в ответ на его зов к Господу – возвращала к жизни, облегчала, окрыляла – оживотворяла всех и вся.

Акафисты отец Владимир советовал читать, добавляя после каждого икоса и кондака собственные краткие прошения: «Пресвятая Богородице, прости, помоги... исцели, избави... даруй чистоту душевную и телесную... спаси землю русскую... не дай погибнуть...»

Отцу Владимиру часто жаловались на одолевающие помыслы, и батюшка утешал, что для Бога важно не наличие помыслов, а наше к ним отношение. Если мы будем их лелеять, то наша молитва будет – подлостью, а если будем с ними бороться, то молитва нам зачтется как мученическая.

Страдавшей от богохульных и прочих мерзких помыслов батюшка советовал произносить: «Отрицаюсь тебе, сатана, и сочетаюсь Тебе, Христе». – «Мне как-то непривычны эти слова». – «Можно еще проще, говори при нападении врага: «Ненавижу диавола и люблю – моего Господа».

Один человек признался на исповеди, что подвержен нападениям грязных мыслей. Батюшка ответил ему: «Когда ощущаешь натиск скверных помыслов, начинай взывать к Господу и Божией Матери, как советовал отец Алексий Мечев: «Владычице, помоги мне! Мне хочется быть хорошим. Помоги мне быть чистым Твоим сыном».

Одна паломница с печалью делилась: « У меня ни мужа, ни детей, ни сестер, но есть близкие по духу, которые мне столь же дороги, как если бы были родные по крови. И вот читаю акафист Божией Матери «Воспитание», где такими теплыми словами просят Владычицу за детей...» – «А ты его читай, заменяя прошения о детях, сердечными прошениями за своих близких», – с любовью закончил батюшка.

Духовная дочь отца Владимира говорила, что не представляет, как молиться непрестанно. Он ответил: «Все, что с любовью и благоговением делаешь ради Христа, будет продолжением твоей молитвы».

У батюшки не было строгих требований к исполнению молитвенного правила. «Лишь бы молитва была из глубины сердца!» – вся его установка. Он говорил жалующимся на формальное исполнение правила: «Сколько часов в день вы молитесь? Два? Вот назначьте себе это время – молиться всерьез! Неважно, сколько из правила исполните! Все, что не вместится – пускай отпадет. Пусть полчаса, но настоящего общения с Богом: от сердца – к сердцу!»

Другой, обремененной сложной семьей и детьми, он сказал: «Хотя бы 15 минут молитвы – но со всецелой отдачей Богу! Каждое слово вынимай из самой глубины, благоговейно, чтобы Господу хотелось слышать. Хотя бы одна минута – но всем существом. Бывают секунды – дороже многих часов. Молитва на ветер, небрежная молитва – удовольствие для бесов. И как редко в этом каются!»

Перечитывая эти слова, вспоминаю наставления Святого праведного Алексия Мечева:

«Бывало, придешь к батюшке и жалуешься ему, что молитва не выходит. А он на это тебе скажет:

— Нужно быть, как дитя перед Господом. Знаете, как Он это сказал в Своем Евангелии. Молиться нужно вот, как он. — И батюшка покажет на своего внучка, который часто присутствовал не только на наших беседах, но даже на исповедях.

— Алеша, молись!

И ребенок становился перед иконами и крестился, как умел, а дедушка поправлял его ручонку. И удивительно было выражение лица в это время у этого ребенка.

— Видишь, как он стоит, как молится?

Я тогда не понимала значения этих слов. И не знала, и не понимала, как это к Богу подходить с детской душой, с детской простотой. А батюшка-то не только знал, что требуется в это время, но видел душу мальчика в это время...

И вот батюшка, видя, что я плохо понимаю, что значит — молиться, как дитя, бывало, пояснит: «Ничего (что молитва не выходит). Понуждать себя надо. Лучше меньше сказать, но сказать со смыслом. Думать над каждым словом, которое произносите». — И он, бывало, сядет в кровати (это было незадолго до его смерти), прострет руки к Богу и скажет: «Вот как нужно». — Лицо его мгновенно загорится нежной Любовью к своему Спасителю. Он забывал окружающее и видел только Бога.

Так просто, так горячо скажет несколько слов покаяния или прошения. Слова были разные, но одно он неизменно повторял: «Вот я здесь весь перед Тобою», — и чувствовалось, что старец отец Алексий действительно весь тут — перед своим Господом. Оттого и слушал его Господь, что он весь, и телом, и душой, был в молитве. Оттого и понимал он волю Божию, что всегда стоял перед Господом своим. Поразителен был этот его переход от разговора к молитве, и какой молитве! Он молился уже не на словах, а на деле».

Раба Божия Елена рассказывала отцу Владимиру, как матушка Надежда говорила знакомой девочке: «Ты

помнишь, что молитву «Отче наш» Христос назвал – главной нашей молитвой. Очень важно произносить ее неспешно и серьезно, чтобы Господь слышал. А для этого надо самому слышать слова молитвы. Не стесняйся прибавлять к тексту свои слова:

Отче наш, Иже еси на Небесех!
Да святится Имя Твое *(и добавляй от сердца – в моей жизни)*;
Да приидет Царствие Твое *(и говори тихонько – в мою душу)*;
Да будет воля Твоя *(исполняема мною и моими близкими)*
яко на Небеси и на земли.
Хлеб наш насущный даждь нам днесь.
И остави нам долги наша, яко же и мы
оставляем должником нашим *(все, Господи, – всем прощаю)*.
И не введи нас во искушение.
Но избави нас от лукаваго.

Постепенно необходимость в этих добавлениях отпадет, потому что душа привыкнет чувствовать глубину того, что произносит. Но мы не очень-то стараемся, горячимся навести в душе такой порядок, чтобы ее осенило Царство Небесное. Мы должны усердствовать, чтобы еще здесь в нас начал произрастать – Райский Сад. По меньшей мере, мы должны каяться и горько страдать от того, что это плохо получается».

Отец Владимир ответил: «Это матушка Надежда – всем нам говорила. Она призывала нас к тому, чтобы в нашей молитве участвовал Дух Святой, чего и Преподобный Серафим нам всячески желал».

Точно также в отношении к исповеди – никакие общепринятые догматы для отца Владимира не существовали: «Мучают грехи, совершенные до крещения? Скорее пиши исповедь за всю жизнь – со всеми подробностями». – «Батюшка, я вроде бы серьезно исповедовала уже ряд вещей, а тут снова все нахлынуло...» – «Очень хорошо, значит, увидела свои грехи на новом уровне – глубже! Слава

Богу, помолись, чтобы тебе хорошо покаяться!..» Сколько можно привести замечательных примеров подобной живой отзывчивости батюшки на человеческие скорби.

Одна раба Божия советовалась: «А если так душу потянуло поговорить с Господом, и в праздник, в воскресенье стала я на колени – перед святым углом?..» – «Господа нельзя оскорбить искренним движением из сердца!» – ответил батюшка.

Как-то отец Владимир предложил рабе Божией помолиться об одном общем деле: «Что значит моя молитва?» – усомнилась она. **«Вы не понимаете: вот горит одна свеча, а вот – пучок свечей!!!»**

Очень часто я слышала на исповеди обращение к толпе людей: «Помолимся о рабе Божием таком-то...» – и батюшка падал на колени, увлекая за собой сотни душ, – горячей молитвой своими словами взывал от имени всех – к Господу.

Одна паломница делилась с отцом Владимиром: «Не представляю, как в прежние времена подвижники жили: питались одними травами и кореньями и за водой далеко ходили, и ютились в пещерах... Мыслимо ли все это выносить?» – «Они жили с Великой помощью Божией, потому что серьезно молились. Молитва заменяет и сон, и еду», – со вниманием и сочувствием отвечал батюшка. «Вот сейчас многие испытаний ждут, волновалась женщина. Как современные люди выдержат все предстоящее?» – «Они начнут молиться всерьез, – и получат ту же самую помощь Божию, которую имели подвижники древности», – ответил батюшка.

Мать троих детей спросила отца Владимира, как спасти детей, живя в центре Москвы. «Даже если бы мои были искренне верующими, противостоять атмосфере больших городов – невозможно». – «Ни на земле, ни на Небе нет никого могущественнее Бога, – услышала она в ответ. – Ведь мы произносим: Бог Всемогущий! Мы просто не принуждаем себя серьезно обращаться к Нему за помощью – «лень прежде нас родилась», что называется. Если по-настоящему, всем сердцем взывать, молитва защищает от любого воздействия темных сил.»

Духовная дочь отца Владимира спрашивала, как понимать слова в молитве против печати антихриста: «Сокрый нас в сокровенной пустыне Твоего спасения...» Где найти эту пустыню? «Где молитва, там Господь и образует – сокровенную пустыню, – отвечал батюшка. – В Чернобыле, в момент трагических событий, местный священник рассказывал, как приносят в храм радиоактивные продукты, служат молебен, и радиация – исчезает! Этот священник приехал почти в самый эпицентр событий, дозиметр зашкаливает. Вошел в храм Архистратига Божия Михаила, а внутри никакой радиации. Вот как боятся молитвы известные силы, – продолжил батюшка, – все напасти, болезни, радиация, наши грехи и падения, засилье пространства вокруг нас бесами, все можно очистить и освятить молитвой. Как наши подвижники приходили в самые духовно загрязненные места и выживали бесов святой молитвой. То есть на зов искренней мольбы снисходит Благодать Господня и совершает все невозможное для нас. Будем же просить у Господа дать нам молитву, какой взывал к Нему в радостях своих и скорбях Батюшка Серафим – простую, искреннюю, чистую. Какою молитвою он молился, таким и сам стал – нашим ясным солнышком».

Чтобы показать силу молитвы, отец Владимир цитировал святителя Димитрия Ростовского: «Молитва не только побеждает законы природы, не только является необоримым щитом против видимых и невидимых врагов, но удерживает даже и руку Самого Всесильного Бога, поднятую для поражения грешников. Когда люди израильские оставили Господа своего, сделали себе тельца и поклонились ему, то разгневался на них Господь яростию великою и хотел истребить их. Тогда Моисей припал к ногам Господним и начал молиться Богу о народе. И что же случилось? Молитвою Моисей удержал крепчайшую руку Господню, уже поднявшую меч и приготовившую стрелы для истребления отступников. Бог хотел поразить и не мог. Поэтому-то Господь и просил Моисея, чтобы он перестал молиться, говоря: *«Оставь Меня* (то есть пусти, не держи Меня), *да воспламенится гнев Мой на них, и истреблю их»* (Исх. 32, 10). Вот видите: молитва так сильна, что связывает и укрощает

даже гнев Всесильного, удерживает руки, поднятые для отмщения, и, как щитом, укрывает от гнева Божия».

«Не тому же самому золотому тельцу – поклоняемся мы сегодня? – вопрошал батюшка. – Убывает число тех, кто способен своею молитвой удержать праведный гнев Божий на нас, грешных. Самая большая потребность человечества – в праведниках. Господь хотел бы обрести близкого для Себя человека – в каждом из нас. Он вглядывается в каждую душу: «Не способна ли ты оторваться от суеты и обратиться всем сердцем – ко Мне?!»

Господи, научи нас молиться!»

Любовь не умирает

О сем разумеют вси, яко Мои ученицы есте, аще любовь имате между собою (Ин 13:35.)

Отец Владимир, благослови!

Впервые мы приехали с мужем в Дивеево в сентябре 1997 года. Хотелось поблагодарить Преподобного Серафима за его предстательство о нас перед Господом.

В Троицком соборе обратил на себя внимание один из батюшек. Показался он нам каким-то несолидным – худенький, как подросток, торопливый, почти эксцентричный. И вот к этому-то смешному батюшке попадает мой муж на исповедь. Когда у него, кажется, иссякли последние силы, в том числе и физические (у Всеволода больное сердце), батюшка ткнул его клюкой старушки, вызывая из толпы к аналою. Выслушал сформулированные общими словами грехи, попросил поподробнее остановиться как раз на тех, что особенно тревожили совесть моего мужа. И вдруг, встав рядом с ним на колени, сказал: «Давай вместе помолимся о прощении твоих грехов!» (В обычной жизни отец Владимир очень уважительно обращался к своим духовным чадам на «Вы» и часто по имени-отчеству, но во время исповеди условности эти отходили). В общем, пробрался ко мне мой Всеволод возбужденный, обновленный и радостно сообщил: «Кажется, это наш батюшка!»

Кратко расспросив мужа после исповеди о семье, батюшка велел прислать к нему нашего младшего сына, кото-

рый заканчивал тогда Московский государственный лингвистический университет. Сказал: «Пусть поживет дней десять в скиту».

Поисповедалась у батюшки и я. Обоих он просил молиться о спасении России Царю-мученику Николаю, в то время еще не причисленному к лику святых. Взяли благословение причащаться на следующий день – в Рождество Богородицы. Попали на раннюю литургию в нижний Богородичный храм, который тогда открывался для службы лишь раз в году. Он крохотный. Людей сонм. Мимо нас из храма на улицу под моросящий дождик побежал с богомольцами принимать исповедь – наш батюшка. Кто-то раскрыл над ним зонтик... Так он исповедовал своих пасомых под очищающим дождем, кропившим их с небес, благословлял к Причастию.

Вечером мы уезжали. И Бог сподобил меня на Канавке Царицы Небесной еще раз встретить батюшку и подойти под благословение. Он возвращался уже часа в три дня из монастыря, передал сыночку два круглых черных хлеба, зажатых подмышкой подрясника и, смеясь, очень вразумительно стукнув меня троеперстием по спине поверх склоненной головы, благословил. Он знал, что мы теперь «не уйдем». После возвращения в Москву написали отцу Владимиру длинное повествование о судьбах своих домашних.

Ответ пришел через три месяца. Многое изменилось за это время. Ведь батюшка уже молился о нас. (В тот первый свой приезд в Дивеево мы слышали, как пожилая женщина советовала рыдающей молодице обратиться за помощью к отцу Владимиру, сказав: «Этот молится!») Он прислал нам письмо кратенькое, как записочка, на малюсеньком листочке из блокнота. Отправлено оно было из Дивеево накануне Татианиного дня – моего Дня Ангела. Вскоре мы с сыном приехали к батюшке вместе. А в июне, в день получения диплома, который сын защитил с отличием, он уехал в Дивеево, как оказалось, за благословением поступать в духовную семинарию.

Батюшкина молитвенная помощь и духовное руководство коснулось всей нашей семьи. Наверное, можно считать отца Владимира максималистом. Но он спешил.

Спешил помочь, спешил наставить на всю оставшуюся нам жизнь. Все чада чувствовали его любовь, каждому казалось, что к нему батюшка благоволит особо. Да так, видимо, и было...

Его дом всегда был заполнен народом. Сюда несли свою скорбь и радость, новые идеи и песни. Всех гостей обязательно поили чаем, кормили, духовно окормляли. Все комнатки в доме отца Владимира, как правило, были всегда заселены: едут за советом, за очищением совести, ищут для покупки дом, чтобы по благословению переехать в святое Дивеево. Батюшка часто бегает «добывать» для чад стройматериалы, договариваться о приемлемой цене дома, кропить фундаменты новых построек. Даже прописывает у себя целые семьи, чтобы легче было оформить покупку дома.

Не забыть вечер Великого поста накануне 2-ой Недели, когда во всех комнатках батюшкиного дома чада и домочадцы молились перед иконами, готовясь к исповеди. Мы с Арсением в его пятиметровой келейке, стоя на коленочках, вслух вычитывали каноны. Утром воскресного дня 7 марта над Дивеево сияла радуга! – так утешал нас Господь в день памяти Григория Паламы, напоминая его учение о Нетварном Свете. В доме у батюшки все сияли, как именинники – все поисповедались, и, как всегда, далеко не формально, причастились; прошли по Канавке, побросали в старую печурку записочки о грехах... Одним словом, именины «причастников Жизни Вечной»! Еще раз видели мы радугу в марте, но уже в Москве два года спустя – в день ухода батюшки в Вечность...

Итак, его дом всегда был полон народа: кого он звал, кто приходил сам. Позже, во время болезни отца Владимира, чада пытались отплатить своею любовью – за его любовь и как-то облегчить его тяжелое состояние. Нашлись и сиделки, и кухарки, и чтецы. Доставали редкие лекарства. Устраивали в больницу. Посылали горячие молитвы к Небесам. В течение двух дней после подтверждения диагноза между чадами по главе были распределены все четыре Евангелия. И каждый вечер на протяжении полугода в один и тот же час множество людей по городам и весям

читали молитву по соглашению – и все Святое Евангелие.

Игумения Сергия посетила батюшку в больнице. Монастырь присылал на дом сестру ставить капельницу. Дважды к батюшке приносили облачения Преподобного Серафима, в которых отец Владимир с благоговением служил молебен с акафистами Батюшке Серафиму и Царю-мученику Николаю.

Обличая, наставляя, утешая, вместе с чадами предстоя на молитве, давал нам батюшка, собравшимся со всех концов когда-то необъятной могучей страны, руководство, как жить дальше. Успевал он при этом поработать над математикой с Лидочкой и над очередным сочинением с Арсением.

Это все помимо колоссального труда по окормлению сестер обители. Когда его чада на машинах от «Газели» и «Запорожца» до «Мерседеса» и «Джипа» добирались за ним в скит, где он служил в свой черед, батюшка волновался, что невольно должен отнимать у сестер время и внимание. Собираясь в скит, он смотрел, нельзя ли взять из дома пирожков. «Этот скит бедный», – говорил он. Радовался, когда его чада – миряне могли чем-то помочь «сироткам дивеевским». Светился от счастья, когда его чадушки из послушниц становились инокинями. Импульсивный, горячий, он мог, не предупредив регента, начать читать акафист во время службы в скиту; и в храме же при всех, на коленках, – испрашивать за это прощение. При встрече с ним хотелось сделать земной поклон, но батюшка отвечал тем же, даже будучи совсем немощным, когда приходилось подавать руку, чтобы помочь ему встать.

Сестры были счастливы, узнав о предстоящем постриге батюшки в монашество. В течение нескольких часов ему приготовили облачение. Усаживая его в машину после ежедневного причастия, поправляли складочки мантии, не зная, как и выразить к нему любовь свою. А сам он за два часа до пострига попросил позвонить в Москву духовным чадам, смиренно испрашивая прощения и наших недостойных молитв.

И молились все. Особенно пламенно в день молебна о здравии батюшки 19 марта 2000 года в храме святителя Николая в Пыжах. Молились монахиня и солист балета,

пенсионер и художник, шофер и скрипач, врач и школьник, священнослужители и «новые русские»... «Да будет, Господи, на все воля Твоя!» – шептали сотни губ, а сердца втайне надеялись, что рано еще иеромонаху Владимиру уходить служить в Небесное Дивеево... Но уже полгода назад двум духовным чадам приснился очень похожий сон, в котором батюшка был облачен в блистающие золотом ризы неземной красоты.

Не оставляй нас твоею помощью, дорогой батюшка, на земных наших путях! Тяжело нам без твоего духовного наставничества «всю настоящего жития нощь прейти».

Таким энергичным и радостно-шумным был ты, вливая в нас свои силы и веру. Таким умиротворенно-благоговейным служил ты Божественную Литургию, чтобы сразу после ее окончания снова тормошить нас – окаменелых, встряхивать, крепко целовать наши бедовые головы.

Ранним утром, уходя на Полунощницу, осторожно ты передвигался по дому, без звука открывал обычно поскрипывающие двери, чтобы дать отдохнуть домашним... Когда же ты отдыхал сам? Наверное, только раз в году.

Часть отпуска батюшка обязательно проводил в родной деревне у мамы, приезжая туда, как правило, с детками. И сам опять становился просто милым сыночком. Отсыпался, как мог. Но и там, как вспоминает Лидия Кузьминична, он писал ответы на множественные письма из Казахстана, с Украины, из Петербурга и Москвы... В августе 1999 года, по словам самого батюшки, он впервые не сумел отдохнуть за время пребывания в родительском доме. Болезнь больше не хотела таиться.

Узнав, что батюшка болен, я приехала в Дивеево. Отец Владимир с матушкой были на острове Залит у старца. Дети и мы три раза подряд прошли по Канавке, прося помощи у Царицы Небесной. Дети воспринимают все несколько иначе. Они почти не чувствуют трагичности происходящего. Ведь недаром в письме в Дивеево моя, тогда четырехлетняя, внучка просила написать: «Сидит Боженька на Небе и ждет. Ждет, когда мы все придем к Нему в гости». Мы, взрослые, отошли и пока еще в большинстве своем не вернулись к такому мироощущению.

Ночью я опять пошла по Канавке. Теперь одна. В третий раз, обходя ее, остановилась под вековым деревом напротив дома батюшки, где мирно спали детки, и горячо молилась Преподобному Серафиму об исцелении их отца. Через некоторое время прямо над домом в небе как сигнальная ракета – такая она была яркая – загорелась звезда и медленно прошла по Небосводу, угаснув где-то в северной его части.

По воле Божией, свои последние пять дней земного времени отец Владимир провел в нашем доме, в келье младшего сына, живущего тогда в семинарии. В комнате расположена неплохая библиотека. «Как мне у Мишеньки спокойно! Правда, вот, книги я, как и пищу, могу поглощать теперь только глазами», – все еще шутил наш батюшка. Он просил благословения на приглашение в дом некоторых своих духовных чад, и мы, таким образом, приобрели еще больше братьев и сестер. «Моя семья», – скажет батюшка, оглядывая массу людей, не торопящихся расходиться из московского храма после молебна о его здравии. «Это моя семья!» – повторил он дважды, приехав в Москву на «лечение голодом» в первый день Рождественского поста 1999 года, когда наших сыновей не хотели пускать с нами к иконе «Всецарица» – в закрытый еще ранним утром Новоспасский монастырь. «Вот, что может сделать чашка чая», – скромно подвел он итог своих многолетних страннолриимных дней и вечеров, увидев на ночном перроне многочисленных своих чадушек, пришедших проводить его в Дивеево полтора месяца спустя. Отец Владимир стоял с нами, пока не тронулся поезд. Со слезами на глазах все пели тропари Рождеству Христову и Преподобному Серафиму... Сейчас, почти три года спустя, чада батюшки чувствуют себя одной семьей – трогательно любят друг друга, сердечно рады встречам, молятся друг о друге.

Отец Владимир учил нас, любя Господа и ближних, не забывать, кто ныне правит миром. На своей проповеди в день убиения святых Царственных мучеников – еще за год до Их прославления, он назвал лукавого не обинуясь по имени. В толпе паломников тот сразу зарычал в ком-то. Страшный рык этот повторялся несколько раз, пока

батюшка бесстрашно продолжал обличать врага.

Отец Владимир трепетно любил Сербию, за чей многострадальный народ в свое время заступился во главе с Царем народ русский. Теперь батюшка со всеми домочадцами и гостями ежедневно готов был читать акафист Царю-мученику Николаю о спасении нашей Родины. После пострига в монашество в День своего Ангела – он шел из храма совсем слабенький, с огромной охапкой цветов. Люди останавливались, кланялись, смотрели ему вслед. Он обернулся и пригласил: «Я всех вас жду сегодня у себя!» Говорят, в тот день у отца Владимира побывало все Дивеево, а встречал их мироточивый образ Царя Николая, привезенный из Москвы. Через 10 дней в доме у батюшки на бумажной литографии с этой иконы (такими образочками отец Владимир одаривал нас, приложив их прежде к мироточивой) – появилась капелька крови, истекшая из Царской руки с державой. Кровоточивую икону поместили в киот. Она была с батюшкой и в Москве в последние дни его жизни.

В день молебна о здравии отца Владимира в Никольском храме на Большой Ордынке волнами исходило благоухание от истекающей миром иконы Царя Николая. Ярко выделялась капля Царственной крови на ее копии – из дома дивеевского батюшки... Великий Пост 2000 года. День Торжества Православия!

Последний поклон от батюшки я получила уже после его отшествия ко Господу. В своей келье, перед отъездом в Москву, будто он точно знал, что больше не вернется сюда, на письменном столе в ежедневнике он оставил мой листочек-помянник так, чтобы его заметили. Этот листочек он благословил меня написать вскоре после своего пострига. Батюшка лежал под иконами (ему поставили капельницу). Инокиня читала вслух Псалтирь. «Можно больше 20-ти имен?» – спросила я тогда робко. – «Пиши побольше. Я любил раньше молиться по именам», – был ответ. Помянник получился имен на двести пятьдесят. И вот батюшка вернул мне его. Он знает его теперь наизусть... Моли Бога о нас, грешных, такой близкий теперь ко Господу, предстатель наш.

На этом же письменном столе, раньше всегда загруженном книгами и письмами, а позже заставленном лекарствами, не было больше ничего – только Лик Спасителя с Плащаницы и голубок на ниточке – деревянная поделка, парящая в колечке под крестом, приобретенная к Рождеству Христову для батюшки на православной выставке. Когда накануне Праздника мы дарили ему эту «птичку», он, даже еще не рассмотрев подарок, почему-то несказанно бурно, по-детски, порадовался...

...В день погребения над гробом отца Владимира свободно парил в солнечном морозном небе, на уровне куполов Троицкого собора Дивеевского монастыря, чудный голубь с веерообразно раскрытым белоснежным хвостом, утешая нас и приглашая порадоваться радостью Небесною! Знаю теперь, батюшка, *кто даст ми крыле яко голубине, и полещу, и почию* (Пс. 54, 7).

Господь сподобил меня провести ночь перед отпеванием около гроба батюшки в Преображенском соборе. Всю ночь, чередуясь, священнослужители читали Евангелие. Потом кто-то из них возвращался. Еще раз проститься. Храм открывал двери родственникам и батюшкиным чадам, добиравшимся в Дивеево уже и за полночь. Клали земные поклоны, прикладывались к ножкам, рукам и клобуку, покрытыми погребальными черными монашескими пеленами. Я поправляла свечи и тоже прикладывалась. Тонкое покрывало не мешало почувствовать тепло рук батюшки. (Об этом же после последнего прощания говорил мне и мой муж). В последнее время жизни руки у отца Владимира были гораздо холоднее. Ближе к утру (уже прошло ровно двое суток после того, как душа оставила тело), приложившись очередной раз к правой руке батюшки, я почувствовала, что она согнулась в запястье. Ты благословил нас в последний раз, дорогой наш отец!

Христос Воскресе! Слава Богу за все!

Недостойная раба Божия Татиана К.

P.S. Не могу не рассказать хотя бы один случай заступничества за нас батюшки уже после его ухода в Мир Иной. Он завещал наряду с другими молитвами, по возможности, ежедневно читать акафист Царю-мученику

Николаю. «Я сам проверю», – сказал мне тогда отец Владимир.

Прошло более года. На даче у нас живет внучка. Ей надо уделять много внимания. Но, улучив минутку, я бегу в летнюю кухню вычитать акафист Царю-Батюшке. А там от короткого замыкания уже занялась и полыхает деревянная стена. Еще минута, и пожар нельзя было бы потушить. Все сгорело бы ярким пламенем, напугав внученьку на долгие годы.

Вот так оградило нас от зла молитвенное предстательство святого Царя Николая и встретившегося с Ним в Отечестве Небесном нашего духовного отца – иеромонаха Владимира.

Письма отца Владимира семейству Всеволода и Татианы Котик

Боголюбивая Татиана!

В вашем письме - убедительные доказательства и бытия Божия, и Его великой Милости к нам!

1) сын прав - о поездке в Дивеево. Поклон ему и скажите, что теперь готов в Дивеево, к Батюшке Серафиму. А то припоздает.

Отец Ваш очень близок к Богу. Так ему и скажите - с любовью. И похвалите его!

А сыночкам передайте поклон, и еще скажите, что в России наступило время свидетельства о вере Православной - либо за веру, либо против. И оправдания типа: «Я не готов, или Бог в душе» - от нечистого!

Храни Вас Господь!

*23.01.98 Ленивый богомолец iер. Владимир**

Благословение Батюшки Серафима с Вами, боголюбивый Михаил!

Конечно, помним Вас с мамой и папой; между прочим, постоянно напоминает гора дров, переместившаяся от ворот во двор!

---

* Эта подпись завершала каждое письмо отца Владимира.

Теперь Великий Пост, приближается и Страстная седмица, и так хочется, чтобы мы не забыли, как и что делали в толпе, окружавшей Крест: Господь очень понятно сказал тем, кто хочет за Ним идти: «Пусть отвержется себя, возьмет свой крест и следует за Мной». Если честно и мужественно - хотя бы в Великом Посту - услышать совесть свою, то она ничего иного не скажет, как о Кресте, на Котором Господь... Попробуй отвести глаза...

Сии глаголы, дорогой Михаил, могут быть не более чем православной сентенцией. Однако это реакция такая на Ваше письмо, на то место, где Вы как бы высказываете страх перед ответственностью помочь людям «советом и молитвою, когда с собою не в ладах». Проще всего, легче всего «сыграть на понижение»: мол, куда уж нам в пастухи... Лишь бы, Миша, не было во всей нашей неуверенности, сомнениях, неясности по поводу дальнейшего выбора в жизни (работа, семья, церковь, с Ее радостию, но и Крестом искушений и т.п.) - лишь бы не было оправдания трусости, если таковая вдруг обнаружится.

И лишь бы идти за Христом, пусть робко пока, может быть, спотыкаясь и даже падая. Идти, чтобы спустя время увидеть в страстях Господних то, как Он нас - любит. А уже если в нас нет ответной, до крестных мук, любви к Нему, хоть поблагодарим Его за такую Его любовь к нам, окаменелым, трусливым, черствым.

Миша, «Сон смешного человека» очень люблю, посему хотел поделиться сим чувством, правда, давно не перечитывал и этот рассказ, и другие вещи Ф.М. [Достоевского].

Помню, меня поразила странно близкая тоска-жалость к одиноким, вне - Бога - людям, героя. И вот сегодня столько в мире близких и без Бога, одиноких...

Как бы там ни было, желаю встретить Пасху в радости светлой - т.к. Господь всех одинаково любит. И

постившихся и непостившихся, трудящихся и праздных, по слову св. Иоанна Златоустого!

Храни Вас и семейство Ваше Господь молитвами Преп. Серафима!

08.04.98

Милые друзья! «Днесь всякая тварь веселится и радуется, яко Христос Воскресе и ад пленися», - возрадуемся и мы и помолимся о совоскресении России и ея людей!

25.04.98

Боголюбивая Татиана с домочадцами!

Выдалась тихая и - благодарение Богу - свободная минута, вот мое окаянство и отвечает на давнее Ваше письмо.

Вы, помню, писали о лесе-речке, внучке Варваре, а мы с отроком как раз накануне Вашего письма гуляли в окрестностях Храма в Автодеево! Пели вовсе не знакомые птицы, которых передразнивал скворец, крякала утка, потом все-все стихло - и в сумерках слышно было, как полз червяк и дышала травка.

Белая церковь еще высветлилась, стала чистой-чистой. Такое видишь в детстве - чистым.

Вот и у Вас прочитал о подмосковном бытие - недаром св. Игнатий Брянчанинов называл природу «грустным памятником Рая». Что это так, видно как раз по деткам. И по тому, как вспоминаешь невозвратные детские дни почти-прожитой жизни.

Храни Вас Господь - за доброе письмо благодарен - оно вызвало добрые чувства. Добрые чувства рождают добрые слова. «Добрые слова объединяют» (св. нвмч. Императрица Александра Феодоровна).

По поводу духовничества. Советую не спешить с выбором духовника, а помолиться, чтобы Господь открыл Свою волю. Конечно, Вы не воспримете сии слова как более-менее удобный способ отказа!

Сие - во избежание чувства неудовлетворенности

и прочих искушений, обыкновенно случающихся при поспешном выборе. Благословение Батюшки с Вами, дорогие!

Дивеево, 10/23 июня 1998

Дорогие боголюбивые Татиана и Всеволод!

Получил конверт, ну рад предоставленной возможности переслать поздравление - сегодня день памяти преп. Амвросия Оптинского - попросим Его молитв перед Господом за грешных людей России, несчастных, сирых, и, увы, неприобретших за эти десять лет ничего, что засевалось в том далеком и прекрасном 88-ом году (год обретения мощей прп. Амвросия), где столько надежд было, а мы были деточками, младенцами в вере!

А все-таки и, Слава Богу, - наверное, и многое сбылось, о чем и помыслить тогда не помыслилось...

Мы под Покровом Царицы Небесной и под крылышком Батюшки и не забыть бы благодарить Господа и покориться Его воле: кто предается воле Божией, того Бог как бы на руках Своих носит. А кто только просит Его в молитве полезное и спасительное, то Он подает просимое, а на руках такового не носит.

Ну, вот так, дорогие-любезные, каюсь, что воле Господней не предаюсь, а Вам желаю, чтобы получить блаженство восчувствования ручек Его!

От Михаила получил письмецо. И судя по тону, он храним Ангелом Божиим!

Храни Вас Господь молитвами Преп. Серафима!

20.10.98

Благословение Батюшки Серафима с Вами,
многолюбезный брат Михаил!

Вот и привел - так скоро и чудесно! - привел Господь в иную жизнь! Поздравляю (с поступлением в семинарию).

И так желаю теперь, чтобы во дни жития Вашего тамошнего не случилось самого неприятного и, к сожалению, распространенного явления ..., когда человек

теряет страх Божий. Надеюсь, с Вами сего не случится.

Почти одновременно с Вашим письмом, получил весточку от мамы Вашей.

И в нем - понимание Вашей перемены и удивительной перемены в душевном состоянии Святослава. Как милостив к нам Господь!

Вам придется помолиться Господу о даровании терпения. Вот сегодня пришло письмо из Толги. Пишет р.Б., что уже очень скучает по дому и хочется увидеть папу-маму. А учеба еще и не начиналась! Картофельное послушание с месяц. Только-только начали заниматься в регентском классе... Господь, конечно, приведет Вас когда-нибудь в Дивеево.

Однако, наверное, уже общим будет и пыл - с ароматом семинарского опыта! Который (т.е. опыт) поможет стать рабом верным и мудрым (Мф. 24, 45).

А мое недостоинство так и не сумело дойти до Москвы.

Отпуск провел в С.-Петербурге, о котором могла бы красиво рассказать матушка Ирина, которая теперь в Москве; скажу только, что поклонились известным православному народу святыням и еще застали св. мощи преп. Александра Свирского, благоухающие и источающие св. миро.

А про Дивеево Святое не стану повествовать, дорогой Михаил, чтобы не дразнить! Храни Вас Господь!

Поздравительная открытка ко дню рождения Татианы

Понудь себя немного к молитве - вскоре придут бодрость и сила! (о. Исайя)

— чтобы творить всеспасительную волю Божию для делания добра единственно ради стяжания Духа Святаго, как сокровища вечного неоскудеваемого (Преп. Серафим Саровский).

Многолюбезная Татиана,
иже со домочадцами и друзьями во Христе!

Начало Года. Хорошо бы удостовериться в сем году, что гостеприимство, чистые речи, незлобивость - все, чем богат (был) русский человек, - еще можно «отыскать на нашей земле, а она велика и обильна, а порядка, порядка в ней нет» (послы так говорили о Руси времен летописца Нестора).

Ну, и рад удостовериться: Ваше семейство сохранило все сие и приумножило - пусть иные послы иных времен удостоверят наших потомков в тон их!

Многолюбезная Татиана!

Храни Вас и Ваше семейство Господь на пути Великого Поста - к светлому Христову Воскресению!

Желаю Вам внимательности в отношениях с миром, который и православных успешно приручает, чтобы только ослабить Церковь!

Однако жива душа о Господе - и это главное в поездке Михаила в Дивеево!

март, 1999

Дорогие Таня, Всеволод со чадами!

Не оставит нас Господь без Пасхальной радости Воскресения! Будем живы спасительной надеждой на попечение Царицы Небесной, Которая покроет людей России и Сербии Омофором Своим! - по молитвам Батюшки Серафима, страстотерпцев Августейших - Царя Николая и иже с Ним умученных!

Поклон и Христос Воскресе - из Покровского скита, где служу субботу прав. Лазаря и Вербное воскресение. 06.04.99

Дорогой Миша!

Наступила осень и в моей жизни. Пытаюсь собирать плоды, и что-то немного выходит. Таким урожаем, как у меня, пробавляться трудно. Однако Господь так милостив, что теплые деньки посылает! Любит

нас Господь, Миша, и желаю нам всем чувствовать эту любовь и знать про нее - как про великую драгоценность нашей жизни. Очень жалею, что поздно узнал про эту Любовь, и благодарен Богу и Батюшке Серафиму, что все-таки почувствовал! И еще немного любви нашей - к Богу и к людям. Так становится легко, и жизни длительность в такой любви может быть какой угодно величины! Спаси Вас Господи!

Порадовался письму и Вашей маме! Надеюсь увидеться.

21.09.99 г., Н. Новгород

Дорогие многолюбезные Всеволод и Татиана!

Еще и еще раз возблагодарим Господа за Его промысел о нас: так мы счастливы, что родились в Православной стране, а уж во Святом Дивееве - язык не повернется сказать (а вот повернулся!) - ходим по благодати!

И время остальной, остаточной жизни будем просить Бога, чтобы научил нас любви к НЕМУ. Научение же достигается на пути покаяния. О сем таинстве прекрасно сказал замечательный священник, из сонма великих подвижников Православия, благодаря мученическому подвигу которых мы еще живы!

Таинство покаяния есть:

1) суд - самоосуждение;
2) баня - омытие греха;
3) воскресение - возрождение.

Условия сих действий:

1) самоотвержение грешника;
2) действие Св. Духа.

Чем строже суд, тем обильнее милование. Больше свету, меньше тьмы. Больше к Богу, меньше ко греху (Прот. Понтий (Рупышев).

Наша с Вами ответственность, милые друженьки, будучи внутри Православия, не поддаться поистине коварному сатанинскому духу, который стремится через

немощь плоти поработить церковь, изгнать из нее духовное - и приспособить душевно-телесное к «отправлению» церковно-религиозного по минимуму. То есть к наименьшим затратам плоти. То есть обессилить веру максимально. Да не будет этого! Чему свидетельство - Ваше полуторанедельное стояние перед Преподобным! Храни Вас Господь на пути спасения!

21/8 ноября 1999г.

Боголюбивый и дорогой Михаил!

Уже зимний день без «как будто», т.к. морозец дает о себе знать, правда легко и мило, солнышко, голубые небеса - все это фон для паломников и нас, и, конечно, Ваших папы и мамы!

Что касается душевного состояния (точнее, состояний, ибо по получении сего письмеца, надеюсь, переменится у Вас!), ... борьба со грехом и злом в себе самом, в окружающих, в мире есть - страшный путь.

Однако только так мы и можем узнать, какова Любовь к нам, немощным, Господа. Другими путями идти - не оценим Любовь Божию и не сможем полюбить всем существом. Так говорят опытные старцы, и это в самом деле так. Будь иначе, мы остервенели б в жестокости, обезумели бы...

Рад смирению Всеволода Михайловича, который, преодолев немощь плоти, вознагражден удивительной духовной радостию, чему счастлива Татиана Михайловна. Такова любовь Божией Матери и Батюшки Серафима к нам!

Миша, желаю, чтобы события внутри семинарии - обычная текущая (вяло или пенясь?) жизнь внешняя - не была предметом помыслов. Вашу судьбу устроит Господь. Не станем Ему подсказывать. Да благословит Вас Господь наш Иисус Христос любящим отеческим благословением.

«Сегодня перед всенощной в церкви я опытом дознал, что если мы внимательны к себе и в своих отно-

шениях к Богу, Божией Матери и святым, то и дух хулы не приступает к нам. Но лишь только мы допустим здесь небрежность, как он уже около нас. Здесь средство избавления от него» (Из благодатных мыслей прот. Понтия Рупышева. 1925г.).

Дорогой Михаил!

Рад дать (знать) о себе из Спасо-Андроникова м-ря и услышать о Вас от папы. Выскажу в канун Рождества заветное желание о нас - если Господу угодно, помолиться вместе у св. Причастия во св. Алтаре на Божественной Литургии.

И отец Кирилл как бы подтвердил это мое желание.

Однако священническое служение связано с принципиальным отношением к Божественной Литургии:

1. Желать служить. *2. Молиться за людей.* *3. Любить людей (=жалеть).* *4. Всю жизнь смирять себя.*	*Это традиция Православного священства!*

Остальное - откроется и приложится.

И еще, конечно, знаете, что нужно внимательно прочитать «Несколько слов о священстве» св. Иоанна Златоустого.

Желаю встретить Рождество Господа Нашего Иисуса Христа соответственно Величию Праздника!

Молчание - в молитве - по возможности плотской немощи!

02.01.2000

Боголюбивый Михаил!

Серафимов в любви поклон из Дивеева - да согреют сии поклоны в Коломенскую зимушку дорогого семинариста с сотоварищами!

А у нас событие большое: в обитель к Батюшке вернулись его вещи. Мантия, зипун, кожаные рукавицы,

лапти, епитрахиль и поручи (один), скуфья, зимняя шапочка, часть кожаной полумантии, часть лестовки... Наконец, прижизненный портрет, писанный маслом и неплохо сохранившийся, табуретка, облокотившись на которую, Преп. почил. Уголок обгоревший.

И все то живое, будто Батюшка носит все

Вернули 19 декабря ушедшего года. Хранил святыни протоиерей 85-летний о. Виктор, которому завещала пред смертью м. Мария Баринова, келейница игумении Александры, последней перед разгоном м-ря. Жили они в Муроме. 20 лет находились сии драгоценности в тайном хранении. Теперь, для них готовятся витринки.

Так Батюшка утешает Православных.

Храни Вас, Миша, Господь Своею благодатию, которая даруется за терпение.

30.01.2000

(Последнее батюшкино письмо,передано с Татианой К. 08.03.2000)

Боголюбивый Всеволод Михайлович!

Радостно-счастлив передать поклон из св. Дивеева Вам и Вашему многолюбезному семейству:

Поздравляю с Приблизившимся Великим Постом и желаем Вам пройти его, снискав от Господа Нашего Иисуса Христа благодать!

Простите меня грешного окаянного, а в Прощеное Воскресение сугубо поклонюсь Вам.

*Вы нам - родные и по вере, и по духу, и любим Вас, родные! Храни Вас Господь!**

Ушел от нас батюшка в Горний Иерусалим. Верим, служит ныне Господу в Небесном Дивеево. Недаром сказала мне в утешение одна из послушниц монастыря, вложив в мою руку просфору с изображением Преподобного Серафима, во время перенесения тела батюшки из его дома в

---

* Все слова этих писем любящие Господа и отца Владимира души — могут читать, как обращенные лично к ним. (авт.)

Преображенский собор: «Любовь не умирает!»

Моли Бога о нас, грешных, достоблаженный, любимый нами, отец Владимир – приснопоминаемый!

9.10.2002 Апостола и евангелиста Иоанна Богослова

За други своя

Рассказ рабы Божией Ольги: «Этот случай запечатлел батюшкино самопожертвование. Чувствую себя виноватой перед отцом Владимиром, и его матушке об этом не рассказывала. Страшно сказать, что мы не понимали его, не были открыты наши глаза на глубину его духовного подвига. Нам было с ним легко и просто, ну, как с отцом родным. А понять, кто он такой на самом деле, я тогда не могла.

Одна моя подруга позвонила перед Рождеством, вся в слезах, говорит, что муж заболел раком. А у них дети маленькие: мальчик и девочка. С каждым днем хуже и хуже: давно в больнице, полностью облысел от химий. Она, к сожалению, неверующая, так вот, мирская семья. И другого выхода нет, она знает, что мы к Церкви поближе. Ну, я, конечно, к батюшке. Жалобно прошу: «У меня подруга, у нее детки такие хорошенькие, а муж заболел раком! Помогите». – «Пусть приезжают, конечно, пусть приезжают!» Они приехали чуть ли не ночью. Батюшка принял их очень тепло, отслужил дома молебен о здравии раба Божиего Евгения. Отдал столько времени, разговаривал, долго его исповедовал. А когда просила о них, он предупредил: «Ты знаешь, только чтобы не было такого – я что-нибудь сделаю, а они тут же в карман – за благодарностью». И так мне наглядно все изобразил, как будто воочию видел. Ну, как все потом и было. Закончился молебен, они – руку в карман и т.д. Все это видел мой супруг Дмитрий: «Так неудобно было, они предлагают деньги, а батюшка отказывается».

Он им велел повенчаться и многое другое. Они все сделали, но не повенчались. Еще раз к батюшке приезжали. Болезнь прекратилась. Сначала перестала прогрессировать: делали анализы, кровь какое-то время еще была плохая. В течение полутора-двух месяцев произошло полное исцеление. Без всяких остаточных явлений! Врачи

глазам своим не верили. Благодаря этому пришла к Богу Наталия. А Женя – он как бы ничего не понял. Сейчас вместе они не живут, боюсь, что он опять заболеет... Она работает главным библиотекарем в лицее, в Нижнем Новгороде, возит детишек по монастырям. Господь открыл ей сердце, и она тянется к Богу, считает чудом свое обращение. Но с мужем у нее никак не настраивается. Отец Владимир заболел вскоре после этого. Наташа очень переживала. Когда батюшка умер, я ей звонила, и она говорит: «Не знаю, как тебе это сказать, я даже не могу сама понять... Но Женя, когда узнал, что батюшка болен, рассказал мне, что на исповеди, не умея ни в чем раскаяться и будучи в отчаянии, он услышал от отца Владимира: «Ты не волнуйся, не расстраивайся: я все твои грехи беру на себя – болеть ты больше не будешь». Она мне говорит: «Знаешь, я не понимаю, ради чего? Ведь он, мой Женя, ему совсем никто! И вообще, за что Господь ему здоровье дал, а у батюшки отнял? Он сейчас все равно в храм не ходит, ушел от детей. Разве такая жертва может быть принесена? Возможно ли разве – такие жертвы приносить: свою собственную жизнь отдать за незнакомого человека? И совершенно неверующего: ни за сына, ни за кого из дорогих – а просто!?»

Помню один из последних разговоров с батюшкой: «Вы болеете и что мне теперь делать, куда, к кому ходить?...» А он: «А чего-то ты меня хоронишь?» – «Да, нет, не хороню, вы пошлите меня, как принято, передайте кому-нибудь...» А он: «Ну, а к кому ты пойдешь? Ко мне ходи!» – знал, что умирает, и благословил ходить к себе. Потом прочла, как Преподобный Серафим перед смертью своим сиротам: «Искал я для вас замену... и не нашел. Сейчас, матушка, человека-то днем с огнем не найдешь». Теперь на могилку к отцу Владимиру ездим – обращаемся по всем вопросам.

Однажды приехал батюшка к нам домой. А у меня брат есть, про которого он всегда спрашивает: «Ну, как Андрюшка?» А я долгое время с ним не виделась, он и звонить перестал, переживала: «Батюшка, он что-то в церковь совсем не ходит и вообще не звонит. Так расстраиваюсь».

Никогда отец Владимир не пропускал ничего, очень внимателен был к каждому слову. Резко поднялся из-за стола, повернулся к иконам, перекрестился, сделал земной поклон и опять перекрестился. Помолчал – сел обратно. Через минуту: «Поехал я». Как только батюшка через порог, звонит мой любимый братец. Ну, сто лет не виделись, не звонил. Надо же, один поклон, что значит. Такое дерзновение имел батюшка.

Когда мы жили в Нижнем Новгороде, как-то я гуляла с ребенком в парке и потеряла сережку золотую, с фианитом и цирконием. Искали. Представьте: город, огромный парк, бесчисленное количество людей. «Ну ее, – думаю, – сережку, ладно!» – «Нет, – говорят, – ты что! Объявление дадим». Да все равно, что иголка в стоге сена. Прошло полгода. У меня уже украшения все на убыль пошли. Сюда, в Суворово, мы переехали зимой. Батюшка нас посетил, освятил нам дом, уехал. Вхожу в свою комнату, включаю свет: на полу – сережка лежит! Думаю, выпала та, которая одна осталась. Подбираю, иду, смотрю, а там, в шкатулке – вторая! Тогда еще со мной мало необычного происходило, поэтому хорошо запомнила это чудо, такое вещественное. Так вот, до сих пор и храню – не ношу... Эти серьги напоминают мне об освящении дома батюшкой.

Однажды возникли у нас семейные проблемы. Дмитрий поедет по делам – развеется, а я-то – целыми днями в четырех стенах. И в своей злобе варюсь. Он приедет, со мною не разговаривает. А мне все хуже, я уже часами плачу день, другой. Батюшка никогда сам не звонил. И вдруг телефонный звонок: «Что ты там делаешь?» А я в слезах: «Ничего, вот...» – и реву. – «Ну, ты прямо у меня, как Аленушка, плачешь...» – больше ничего не сказал, положил трубку. И что же? Все! Мы примирились, смирились друг перед другом так легко. Перестала я плакать. На расстоянии батюшка так многих чувствовал и из беды вызволял. Всегда очень стеснялась звонить: «Ну, хоть от себя его оградить, уйма ведь у него народу». Все знали, столько у отца Владимира наркоманов, пьяниц, болящих. А для него не имело значения, кто – ты. Главное, чтобы

ты пришел в Церковь. И отец Владимир самого последнего тянул за уши, что называется, брался за человека. Всеми способами тащил из болота. Никогда наркоманов и алкоголиков не сторонился, не пугался, напротив: «Он такой же, как мы с вами, просто он болен пристрастием к алкоголю, наркоманы – тем более». Батюшка на «хороших» и «других» – не разделял. Он «плохих», кажется, еще больше любил. За первого встречного мог положить душу. И каждого через себя пропускал.

Помню наши первые приезды в Дивеево: кортеж машин, все такие были крутые... Зачем, почему приезжали – не знали, но все батюшку любили! Приезжали без всякого понятия о Церкви, для чего в нее ходят. Я тоже не понимала, зачем меня начали в Церковь таскать... Это было на Пасху, много лет назад. А жили мы отнюдь не благочестиво. Мало сказать – неправославно. В самом пекле находились – бесчестной, грязной жизни. Вставала в два часа дня, потому что ночь проводили мы в ночных клубах. И вот такие никчемные люди на нескольких машинах приезжали к отцу Владимиру. Толком не могли исповедаться. Все равно батюшка нас причащал. После этого он сильно заболел дифтерией. Дима говорил: это из-за нас, таких. Ведь он всех причастил на Пасху, а на таких, как мы, другие священники накладывали жестокие епитимии. А он всех происповедовал и причастил. Потом эти мальчики в Страстную Пятницу несли с ним Святую Плащаницу своими руками. Только батюшка мог на такое решиться. Все, кто приходили в храм, становились для него близкими, всякая душа человеческая, раз ты пришел, исповедался, стоишь. Он верил в великую преображающую силу Божию. Он явно видел что-то не ведомое для нас. Наверное, он Господу говорил со своей невместимой любовью: «Только спаси – Ты можешь все! Отдай мне их грехи. Я за них отвечу...» И после Пасхи он заболел и болел очень долго, чуть не лишился голоса... Едва не умер... Скорее всего – из-за нас. Даже матушке Ирине я это не рассказывала, ей очень тяжело будет это узнать. Батюшка долго лежал в больнице. А мы придем толпами. Он всегда выйдет, а сам еле-еле на ногах стоит. И никогда не сказал: «Слушайте,

мне плохо!» А мы не понимали, просто нам было хорошо рядом с ним. Кто знает, какой мы жизнью жили, тот поймет, чем был этот свет для нас... Приедем на пяти машинах и стоим около него, как дураки. А он песни поет, нас веселит... Особенные у него были песни, я таких никогда не слыхала. Он их сам писал. Над чем-то заплачешь, над другим задумаешься... Ну, мы постоим-постоим и – обратно. Вот такой ценой он нас вытащил. На том свете только и поймем.

Однажды отец Владимир на Канерге служил в Светлую седмицу. На «Живоносный Источник» в пятницу пошли мы с ним за город, там практически заглохший источник посреди поля.

О купании речи нет: ямка, в ней водичка, ни креста, ничего. Одни бабушки были и мы с Димой. Отслужил отец Владимир молебен, и вдруг что-то: буль! – источник начал оживать. Вот такой факт в батюшкиной практике. Здесь ведь и другие служили, и никаких перемен. А у батюшки источник – забил!

Еще интересный случай. Приехал сюда человек, которого Преподобный Серафим привел к Богу. Он все оставил, купил дом в Суворове. Двадцати пяти лет молодой человек и живет один. Мы и рядом он, Леня – крестный моей девочки. Рисовать он не умел совершенно: собаку ребенку нарисует, так не поймешь: крокодил или козел. И батюшка его благословил ехать в Тверь, в иконописную артель, учиться делать доски для икон. Он стал собираться. А когда он сюда перебрался, привез с собой кое-что, остатки прошлой жизни. И закопал в огороде. Уезжать в Тверь надо, а он не может это оставить. Были это взрывчатые вещества, кажется, гранаты: мало ли кто пойдет, копнет – взорваться можно. Никак он не мог этого батюшке сказать: стыдно, ведь только-только человек к вере пришел. Решил действовать своими силами. Собрал ребят, вырыли противотанковый ров два с половиной метра глубиной и десять метров шириной. Весь огород перепахали – не могут найти и все. «Я точно помню, где!» Но – никак. Целый месяц они рыли. Он не может из-за этого уехать, уже снег выпал, ему нужно срочно отправляться. И маме не в силах ска-

зать, переживает. Димка мой: «Чего ты мучаешься, скажи батюшке!» – «Нет!» – «Да, ладно, Лень, ты не найдешь сам!» И вот сидят они с батюшкой втроем, и зашел разговор об отъезде. Отец Владимир: «Ну, что – все собираешься?» – «Да, вот, батюшка, никак не найду одну вещь». – «Вот и я, бывает, тоже: закопаю что-нибудь и не могу вспомнить, куда!» Леня – на Диму: «Ты ему сказал?» – «Нет, я ему ничего не рассказывал». Через несколько дней он решается, наконец, во всем сознаться батюшке. Отец Владимир: «Ты так никогда не найдешь: тебя лукавый за нос водит. Возьми земельки с Канавки, посыпь, прочитай акафист Божией Матери. Возьми воды Крещенской, покропи. И тогда смело иди – копай». Он так и сделал. Помолился, пошел. «Иду, – говорит, – вижу пакет какой-то торчит из земли, совсем не в том месте, где копали. Без всякой мысли, машинально его дернул. Смотрю, то, что искал! Целый месяц! Ну, как он мог здесь оказаться? Я же закопал и точно помню – где. Ну, как он мог наверху оказаться?!» Обезвредили, конечно. Истребили. Очистил человек душу покаянием. А теперь этот Леонид пишет иконы, могу показать, говорят, неплохо.

Вообще о батюшке можно целый день рассказывать. Перебрать все события с начала нашего обращения, и на каждом шагу – его участие в нашей жизни».

«Только глубоко страдающий человек поймет, что сделал отец Владимир для его души, какие мы его должники. И многие другие обязательно это поймут, хоть на том свете», – сказала мне одна страдалица из батюшкиных духовных чад. Все время от разных людей слышу повторяющуюся удивительную фразу: «Он взял мою боль – на себя». Это же страшно. Разве это посильно человеку? На днях прочла о преподобном Нектарии Оптинском: *«Всегда он был весел, смеялся, шутил и делал счастливыми всех, кто входил к нему, и проводил с ним хотя бы несколько минут. Он брал на себя грехи, тяжести и страдания других. Это – чувствовали все, соприкасающиеся с ним...»* Да, оказывается, такое возможно. Ибо сказал Господь: *Еда* (разве) *забудет жена отроча свое, еже не помиловати исчадия чрева своего? Аще же и забудет сих жена, но Аз не*

забуду тебе (Ис. 49,15). Молитвой отца Владимира, Господь отирал «всяку слезу» от наших очей. Спаситель по сей день находит тех, через кого действует не земле **такая** Любовь. Императрица Александра Феодоровна писала в своем дневнике: *«Бог утешает. Он всегда полон нежности и сочувствия к человеческой боли и страданиям. На каждой странице Священного Писания Бог дает понять людям, что Он их Любит, что Он их Друг, и что Он хочет им добра. Вот что делает Библию такой драгоценной книгой для тех, кто пал духом, оскорблен, разочарован, одинок, изнемогает в борьбе. «Якоже аще кого мати утешает, тако и Аз утешу вы, и ... утешитеся», — глаголет Господь»* (пр. Исаия)».

«Было просто счастье»

Из письма рабы Божией Галины из Рязани.

«Батюшку в первый раз я увидела в ночь на 15 января 1994 года. Мы двумя автобусами приехали в Дивеево. После вечерней службы несколько священников вышли на исповедь. Я никого не знала, но слышала, что к отцу Владимиру лучше всего идти, а народу у него было - не сосчитать. Думаю, ладно, куда спешить: заняла очередь и пошла за сумкой, которую оставила в автобусе. В ней мои лекарства, такое заболевание, что без них не обойтись. Но услышала, что автобус уехал и не вернется. Впала в панику, но делать нечего, вернулась в храм. Очередь мало продвинулась, люди исповедовались отцу подолгу. А он стоял в правой части храма, ни на что не опираясь, не присаживаясь час за часом. И я жалела его, жалела себя, что моя очередь раньше четырех-пяти утра не подойдет, а я не доживу до этого без лекарств. В третьем часу ночи мне стало совсем плохо. Не хотела упасть в храме, боялась быть принятой за бесноватую. Вышла на воздух, с намерением сесть под розовый куст, замерзнуть и умереть. Небо черное, звезды яркие, и вот смерть рядом. Спустилась со ступеней и вижу: из предвратного здания вышла монахиня и быстро идет мне навстречу. Я ей робко: у вас медпункта нет? А она мне: я все знаю, идемте со мной.

Это оказалась монахиня, ведающая лекарствами. В три часа ночи одна-одинешенька вышла ко мне! Мне все дала, и я спасена.

Вернулась в храм, голова кружится от перенесенного стресса, очередь приблизилась. Многие просят пропустить вперед, так как плохо себя чувствуют, и я не возражаю. Отец Владимир принимает исповедь шестой час бессменно. Хотя бы кто стул принес. И вот моя очередь. Батюшка говорит: «Я за тобой наблюдаю, ты сама падаешь с ног, а других пропускаешь - настоящая христианка». Отвечаю: «Вы так устали!» - «Правда, очень устал». - «Отдохните на мне, я жаловаться не буду». Он смеется, и я тоже. Он что-нибудь скажет, отвечу, и снова смеемся. Батюшка: «Ну что, будем смеяться или исповедоваться? Иди к иконе Божией Матери, помолись». Пошла. Помолилась, подхожу снова. Батюшка: «Ну, рассказывай, какие у тебя грехи». - «Да все житейские, как у всех». Батюшка опять улыбнулся и говорит: «Первый раз смеюсь на исповеди, обычно плачем», - и вдруг очень серьезно: «Ну, давай разберемся». И начал меня расспрашивать, вразумлять, советовать. Все было так легко: спаслась (Батюшка Серафим не позволил умереть), отец Владимир исповедал. Вместо слез было просто счастье.

Раннюю литургию служили в нижнем храме, где теперь Матушка Александра с сестрами. А потом был крестный ход. Народу - море. Я роста небольшого, стою зажатая у стенки. Священников идет много-много. Вижу отца Владимира справа по ходу. Он повернул в мою сторону голову, и мы встретились взглядом. Батюшка отделился от колонны, выхватил меня из толпы, и вот я иду с крестным ходом в неописуемой радости. Это первая наша встреча. Стала ездить в Дивеево по нескольку раз в год. Около батюшки всегда плотная толпа, и мне пробраться невозможно. Я отходила подальше и начинала молча взывать: батюшка, батюшка, а я-то! Через некоторое время он смотрел

на меня и звал. Я уже серьезно исповедовалась. Однажды в трудную минуту он прижал мою голову к себе и всю тягость черную с меня снял. Подобного в моей жизни не было.

Помню, как-то он сидел у колонны храма и исповедовал. Был полумрак. Глаза его казались огромными. Подошла моя очередь, я встала на колени перед аналоем и впервые начала жаловаться на свои болезни, и он мне назвал такую мою тайну, которую, я по гордыне своей, никогда бы не открыла. Я плакала, уткнувшись в его колени, а он меня утешал, жалел, объяснял. Пишу и вновь все это переживаю. В Рязани, дома, я всегда чувствовала, что он есть, и радовалась. Не смела вообразить, что можно просить его взять меня в духовные дочери. Кто я такая! И он! Я благодарна судьбе, что видела отца Владимира, что он со мной разговаривал. А теперь так жалко, и плачу: овеяла Благодать Божия на краткое время, а теперь - будто птица счастья улетела. Такая убогая, ничего не умею сделать для своего спасения. Я жалела отца Владимира, чувствовала, какой он бесконечно уставший, обремененный просителями, хотя вида никогда не подавал. Думала - ну вот, и я свой воз на него повешу.

О смерти батюшки узнала не сразу. Он умер в день моего Ангела, я ведь Галина. Последний раз ездила в Дивеево на Успение Божией Матери в 2001 году. У меня были там трудные минуты. И я взывала: отец, знаю, что я тебе не духовное чадо, но помоги, устрой все. Правда, я еще и Царицу Небесную просила. И помощь пришла удивительным образом. В этот раз священник на исповеди мне сказал: «Оторвись от земного, думай о горнем. Недолго осталось мучиться на этом свете». Будто от самого отца Владимира услыхала. Он нередко говорил: «Время наше короткое». Быть может, умереть благословил - главное дело жизни. А я утонула в серой суете, в своих липких серых грехах.

Матушка Ирина! Не выразить боль утраты

батюшки и сожаления, что я не духовная дочь ему Какой удивительный, светлый человек отец Владимир! Вы, наверное, в обыденности, когда батюшка был рядом, не чувствовали так остро - как он велик, как угоден Богу. Потому что нужно расстояние и время, чтобы это постичь умом и сердцем. Раньше Вы легко глядели в глаза батюшке, а теперь смотрите на него вверх, подняв глаза, а со временем будете поднимать голову все выше и выше, отыскивая в Небе какую-нибудь весточку.

С благодарной памятью, р. Б. Галина».

Дорогая Галина и все те, сердца которых коснулся отец Владимир своей Христовой добротой, – не скорбите напрасно. Ради того, чтобы Вы утешились, написаны эти страницы. Сколь отзывчив был батюшка на человеческое горе при жизни, еще более он слышит нас – сегодня. Рассказывайте ему все свои печали. Звание духовного чада мы имеем, теряем или приобретаем – своей преданностью отцу, хранением в нашей жизни заповеданного им. Будем постоянно сверять свои слова, мысли, чувства и дела – с его жизнью. Будем просить у него нелицемерного покаяния, искренних слез, – видя свое полное несоответствие оставленному им образу служения Творцу и человеку. Ибо мы не способны ни жалеть других, ни любить, ни жертвовать собой, так как делал это он – ежеминутно. Отличие детей в том, чтобы походить на отца. Будем умолять батюшку испросить для нас сил хотя бы немного на него стать похожими. Верю, отец Владимир не оставит, не бросит ни одного из любящих его – ни в этой жизни, ни в будущей.

Отец Владимир о последних временах

«15 января, в день Преподобного Серафима, – рассказывает духовная дочь отца Владимира Татьяна, – батюшка, несмотря на страшное истощение (он весил 38 кг), излучал на всех нас свои неповторимые любовь и ласку – дары Преподобного Батюшки.

В праздник Крещения Господня он был безулыбчив, строг, сосредоточен; никто не знал, что отцу Владимиру

предстоит принять на следующий день монашеский постриг. Окончилась трапеза, батюшка присутствовал на ней чисто символически: уже несколько месяцев он не мог есть, как обыкновенные люди. Рак в последней стадии был диагностирован в сентябре. Проходимость желудка – считанные миллиметры.

Все разошлись. За столом осталось несколько близких. Отец Владимир прервал общую беседу и спросил, повернувшись ко мне: «Как относятся к проблеме идентификации ваши знакомые священники?» В то время с этой темой я была мало знакома; в Москве еще стояла тишина, теперь хочется добавить, предгрозовая. И я ответила: «По-разному. Кажется, все это не обязательно относится к печати антихриста. Надеемся, до нее еще далеко». – «При первом взгляде на вещи, можно увидеть и так... – отозвался батюшка. – Знаю мнения известных пастырей, и вчера казалось, что все это очень здраво, трезво... Но сегодня много новых сведений. Самые замечательные люди могут быть недостаточно информированы или – дезинформированы. Получил письмо от духовного сына из Горно-Алтайска. Там пытаются насильственно присвоить идентификационные номера. В противном случае грозят увольнением с работы».

Батюшка опять помолчал, вдруг повернулся к святому углу и заговорил повышенным голосом, с невыразимой болью. Мы стихли, понимая, что он обращается уже не к нам. «Как же я могу? сказать ему: не брать?! – это был вопль смиренной души. Как последний неключимый раб вопрошал батюшка: – Вот у меня здесь – полный стол...» – и он обвел рукой длинный стол обширной трапезной. Это производило тем большее впечатление, что он уже месяцы питался считанными глотками сока в день. Хотя, как и прежде, здесь продолжали кормить многих. «У меня полное изобилие, а я должен написать, что, в конце концов, ему придется отказаться – ото всего!» Опираясь локтями на стол, батюшка погрузил лицо в ладони в позе неизбывного горя. Со страхом и благоговением мы присутствовали при молитве, обычно скрытой за дверями кельи. Беззвучная, огромной силы обращенность к Богу –

была исполнена великим страданием – о не ведомом для нас и предстоящем всем нам. Этот поток боли и живого, обжигающего душу сострадания относился не только к человеку, который просил в письме решения отца. Это был крик о помощи – для всех, кому придется встать на путь лишений, голода и гонений. Происходило то, что трудно вместить в слова, мы ощущали себя, вслед за батюшкой, пылью и прахом перед Богом. Быть может, в эти минуты он просил Господа возложить будущую ношу своих духовных детей – на себя. Одновременно это был беззвучный вопрос: вдруг возможно – да мимо идет чаша сия?! Три-четыре минуты батюшкиного молчания казались бездонными. Потом он воспрянул, выпрямился и твердо, без доли сомнения, произнес: «Но нет! Брать нельзя! **Если есть 666 – брать нельзя!**» Мы поняли, что он получил ответ.

Не каждый, приходящий к подобному решению, имел столько оснований понимать всю его серьезность. Батюшка буквально умирал от голода. Так «постились» редкие люди на земле. В декабре он перенес одиннадцатидневное «сухое» голодание – без еды, питья, без единого слова. На седьмой день он передал матушке записку: **«Я не могу жить без Причастия!!!»** «Схимнический пост и покаяние», – говорили близкие. После этого матушке Людмиле приснился сон, свидетельствующий о небесном постриге отца Владимира в схиму. Многие не связанные друг с другом люди стали поминать отца Владимира после пострига иеросхимонахом, считая, что он получил это звание.

«Батюшка был первопроходцем для всех нас, христиан последних времен, – считают родные отца Владимира. – Подвигом своего умирания он явил образец того, как можно любить Бога, помогать другим и благодарить – до последнего издыхания, находясь в муках голодной смерти». Благодать Божия не оставила батюшку до конца.

Находясь на одре, во множественных письмах, которые непонятно как он находил силы писать, батюшка цитировал старца Паисия Святогорца – активного противника и борца против идентификации. Последние годы жизни отца Владимир широко распространял молитвы против печати антихриста. Некоторые из них:

Молитва от страха перед грядущими бедами

О, Господи наш Премилосердный! Молим Тя мы все с великими слезами и стенаниями сердца, укрепи дух наш в день лют. Дай нам силу противостоять злобе антихриста.
И отжени от его лютых прельщений. Во дни страшной погибели не остави нас сирыми, соедини нас в стадо Твое малое, пошли нам пастырей Твоих честных в те страшные дни гонения. Да Святыми Дарами Тела и Крови Твоей они укрепят наши сердца и сделают сильными и бесстрашными против злобы мучителя. Ей, Господи, Иисусе Христе, Боже наш! Ты знаешь немощь естества человеческаго. Укрой нас от лютой злобы и коварства антихриста и сонмы Ангелов Твоих да защитят нас. Аминь.

О, Пресвятая Госпоже, Владычице наша, Богородице Дево! Вышшая Ангел и Архангел и всея твари Честнейшая! Просим и молим Тя всегрешнии раби Твои: не отыми омофора святаго Своего от Дивеевской земли! Из удела Твоего святаго не изгоняй нас, Всемилостивая, за леность и нерадение наше! Помози претерпеть все горести, скорби, лишения, соблазны и обольщения близгрядущего антихриста. Да дарует нам Господь, по молитвам Твоим, веру искреннюю и непоколебимую. Просвети, Владычице, наш ум, да распознаем лукавые сети вражьи, и не впадем в них по неведению. О, Пречистая Госпоже, наша Мати Игумения! Собери нас, рассеянное малое стадо Христово, воедино. Спаси православное монашество последнего века сего, спаси сестер обители удела Твоего святаго и нас всех православных христиан! Буди Сама, Пречистая, наша Спасительница и Питательница! Все упование на Тя возлагаем, Мати Божия, сохрани нас под Кровом Твоим!

Отец Владимир считал, что человечество и, прежде всего, Россия, будут иметь это тяжкое попущение Божие, во-первых, за свою нераскаянность. На исповедях он повторял о необходимости нашего собственного – конкрет-

ного покаяния перед убиенным Государем Николаем II и Его Семьей. Раскрывал людям глаза на глубину личной вины каждого: «Мы – я и ты – предали Царя и вместе с Ним – Бога». Предали буквально или втихомолку – в сердце, в мыслях, во всем последующем служении богоборческим идеалам марксистско-ленинской идеологии, которая пронизывала всю нашу жизнь от младенчества до смерти. Совершив поклонение Кресту на Крестопоклонной неделе Великого поста, отец Владимир провел аналогию между распятием Бога и принесением себя в Жертву Искупления за грехи русского народа Государя Николая II. Несмотря на всем известные трудности подобных проповедей в Дивеево, батюшка во все царские дни призывал нас к сугубому покаянию перед Государем. Плакал сам, вслед за ним начинали плакать молящиеся в храме. Исповедуя людей, батюшка широко распространял между приезжавшими в Четвертый удел Божией Матери обширный текст покаянной молитвы с перечислением грехов перед Богом, Царем и Отечеством, в которых покаялись, увы, далеко не все мы.

Близкая духовная дочь отца Владимира имела встречу с одним архипастырем. Он колебался, не будучи уверен, что правильно относится к идентификации. И как это бывает всегда – ищущему истину, а не самоутверждения – Бог непременно помогает. Он поехал на Афон и удостоился личной беседы со старцем Паисием в его келье. Величайший подвижник нашего времени поведал, что страждущим сердцем молился об этом вопросе Богу, и ему явилась святая мученица Евфимия, державшая в руках еще не ведомые многим электронные документы. Она открыла старцу всю дьявольскую, сокрытую за безобидной на вид карточкой, сущность проблемы. Епископ вернулся домой, ситуация стала для него кристально ясна.

Еще один владыка, не доверяя себе решение вопроса: принимать или отказаться от идентификационного номера, молился о вразумлении Богу. Во время бдения услышал голос: *«Если птичка и одним коготком зацепится за сеть, расставленную для нее, ей будет нелегко из нее выбраться»*. Он понял, что получил ответ.

Отец Владимир делился с нами некоторыми документами:

«Принятие личного цифрового кода будет означать отречение от христианского имени человека (батюшка объяснял далее, каким образом это прикровенно станет отречением – от Христа). По учению Святой Церкви, в имени человека таинственно пребывает энергия его души, так же как в имени Бога пребывает энергия Божества. Благое имя человека, данное при святом Крещении, соединяет его с Богом, энергию человеческой души с энергией Божества. Святое имя содержит в себе благодатную силу, действующую на душу его обладателя посредством небесных покровителей. Так же точно неблагое имя, или злое – соединяет человека с энергией покровительствующего ему демона (Ганнибал – милость Ваала, хари-Кришна – черная благодать и т.д.) *Человек, не носящий святого имени, не вписан в «Книгу Жизни»* (Ап. 13,8). Его душа после смерти вместе с именем идет в погибель. Как говорит Премудрость: ***Имя грешников неблагое потребится. Пецыся о имени, то бо ти пребывает паче тысяч сокровищ злата*** .

Предлагаемый личный код человека, либо непосредственно, либо при исполнении финансовых операций будет включать в себя число 666, то есть код главного компьютера в Брюсселе с именем «Зверь». Как известно, это цифровое имя сатаны. Через личный код нас хотят соединить с ним – в этой и иной жизни. Согласно Откровению святого апостола Иоанна Богослова, оказать действенное сопротивление антихристу, отказать ему в поклонении смогут только те, кто будет иметь христианские, то есть святые имена, записанные в «Книге Жизни», которые поминаются пред Богом, участвуют в таинствах Церкви.

Соединение добровольно принятого цифрового имени с числом 666 будет означать сообщение человеческой души с душой антихриста. Как при отречении от Христа и переходе в другую религию, секту или при вступлении в масонскую ложу главным условием является отказ от святого имени и принятие нового. Таким образом, происходит **посвящение человеческой души**

дьяволу. В противоположность таинству святого Крещения, где крещаемый, получив святое имя, – сочетается Христу, и человек отрекается от сатаны и всех дел его. Даже притворное или условное отречение от христианского имени – лишает человека благодати. Поэтому принявшие код не устоят и примут печать, если не сугубая милость Божия, вызванная серьезным покаянием.

Послушник одного старца, встретив на пути еврея, поддался его уговорам и произнес: «Допустим, что я – не христианин». После чего опять исповедал Христа – Богом, а себя – крещеным. Но его старцу было открыто, что благодать Божия при слове «допустим» отошла от ученика. «Это ответ тем, – говорил отец Владимир, – которые считают, что номер и смарт-карту они примут, а печать – не примут. Идентификационный номер брать нельзя ни в коем случае». Батюшка сокрушался: «Они хотят создать на земле – царство подданных сатаны. Сегодня решается, с кем мы хотим остаться и что выберем: ад или Царствие Небесное».

У батюшки мы прочли: «Несколько слов о тайне беззакония:

666 – число зверя. Начертанием или произнесением его вызывается сатана, поэтому оно губительно для души.

ИНН (личный код) – число человеческое, подобное числу зверя. Если оно присвоено по нашему произволению – возможность нашего спасения весьма сомнительна (во всяком случае, очень проблематична). Получающий его, как и в известном сатанинском обряде посвящения, оказывается вписанным в «Книгу смерти».

Любое таинство не будет совершено (исполнено), пока не произнесено имя Божие (как, например, в таинствах Крещения, Миропомазания и др.).

Любое магическое действие не имеет силы, пока в нем (как правило, в центре) не вписано имя сатаны, беса или ключевое слово или выражение, отражающее отношение мага к Богу и к сатане.

Аналогично этому, наше христианское имя – наш хранитель, подобный нательному крестику».

Отец Владимир добавлял, что люди недостаточно информированные, принявшие идентификационный номер по незнанию, по Милости Божией, смогут принести церковное покаяние, официально отказавшись от номера.

Раба Божия Виктория: «В разговоре о последних временах батюшка вспомнил путь А. Монро. Однажды, во время своих оккультных экспериментов он почувствовал присутствие очень мощной разумной силы, которая сделала его бессильным и безвольным: *«У меня создалось твердое убеждение, – рассказывал Монро, – что я связан нерасторжимыми узами с этой силой, всегда был связан, и что я должен здесь, на земле, выполнить порученную ею работу»*. Это существо, оно (или они) вышли и «обыскали» его ум, а потом, казалось, *«они воспарили в небо, и я посылал им вслед свои просьбы. Тогда я уверился, что их мысленные способности и разум далеко превосходят мое понимание. Это безличный и холодный разум, без всяких эмоций любви или сочувствия, которые мы так ценим... Я сел и заплакал, горько зарыдал, как никогда раньше, потому что я знал, безоговорочно и без всякой надежды на изменение в будущем, что Бог моего детства, Церкви и религии не был таким, какому я стал теперь поклоняться, и что до конца своих дней я буду переживать эту потерю»*.

«Редко можно встретить лучшее описание встреч с диаволом, с которым сейчас сталкиваются многие наши, ничего не подозревающие, современники, не способные противостоять ему из-за своего отчуждения от истинного христианства» (отец Серафим Роуз).

Батюшка сказал: «Бог хочет, чтобы расцвела неповторимой индивидуальностью каждая человеческая личность, дьявол жаждет сделать нас бессильными, безвольными на добро – холодными и безликими. Дьявол мечтает пересоздать человека: сделать из раба Божия – собственного раба – послушную марионетку. Превратить человека в античеловека – бесочеловека».

То, что происходит сегодня, напоминает картину, которая потрясла мое воображение в детстве. На ней упитанный

удав, раскрыв огромную пасть, пребывает в ожидании своих жертв. И прямо в эту пасть, своим собственным ходом, идут всевозможные мышатки, лягушатки, зайчатки... Задумываюсь об этом, и в душе звучат слова Николая Сербского (Велимировича): «Взгляд кобры зачаровывает мышей, и те, дрожа, становятся ее пищей. Светящийся взгляд лисицы сваливает кур с ветвей». И как будто сам отец Владимир говорит нам последней фразой святителя Николая: «Но ты будь человеком, а не мышью или курицей».

Несколько подчеркнутых отцом Владимиром мест у старца Паисия Афонского (**Избранный сосуд**): *«Сегодня мы живем во времена Апокалипсиса, и не нужно быть пророком, для того, чтобы это понять... Поэтому сейчас, как никогда, нам нужно сильнее опереться на молитву, и сразиться со злом молитвой. Молитесь об этом общем безумии, захватившем весь мир, молитесь о том, чтобы Христос пожалел Свое создание, потому что оно приближается к катастрофе».*

В ответ на вопрос об антихристе: *«Давайте сейчас поговорим о Христе: будем как можно ближе ко Христу. А если мы со Христом, то отчего же нам антихриста бояться?.. В конце он все равно окажется посмешищем. Возможно, вам придется пережить много из того, о чем говорится в Апокалипсисе.* ***Наступила апостасия*** (отступление, отпадение от Бога)*,* ***и сейчас осталось только прийти «сыну погибели»*** (2 Фес. 2,3). Мир превратится в сумасшедший дом... Увидим, как происходят самые невероятные, самые безумные события (хорошо лишь), что они будут сменять друг друга очень быстро. Экуменизм, общий рынок, одно большое государство, всемирное правительство, одна религия, сшитая по их мерке, таковы планы темных сил».

«...Раньше, допустим, услышат люди о приближении какой-нибудь кометы, и все приходят в сильное волнение. Тебе говорят: а, может быть, мы умрем? Давайте готовиться: покаемся, будем творить добрые дела. И люди начинали готовиться... И если слухи о войне – готовились... А теперь: лишь бы не слышать о Втором Пришествии, лишь бы не знать, что до него придет антихрист.

И все это, чтобы предаваться развлечениям. Потому не хотят слышать того, что их расстраивает».

«...Наступают тяжелые времена, нас ждут большие испытания. Христиане перенесут великое гонение. Между тем, очевидно, что люди даже не понимают того, что мы уже переживаем знамение последних времен, *что печать антихриста становится реальностью, а люди живут так, словно ничего не происходит. Поэтому Священное Писание говорит, что прельстятся и избранные. Те, в ком не будет доброго расположения, не получат просвещение от Бога и прельстятся в годы апостасии. Потому что тот, в ком нет Божественной Благодати, не имеет духовной ясности...»*

«Церковь должна объяснять верующим, что принятие ими нового удостоверения будет падением. Церковь должна *добиваться от государства, чтобы новое удостоверение личности не было обязательным... Те, кто захочет спокойствия и комфорта, примут новые удостоверения. А подлинные христиане останутся со старыми документами, и их будут мучить».*

«К сожалению, многие священники пеленают своих духовных чад, как младенцев, якобы для того, чтобы те не волновались. «Это неважно, – говорят они, – ничего страшного, лишь бы вы имели веру внутри себя». Тогда как говори они людям: «Давайте постараемся жить более духовно, быть близ Христа и ничего не бояться, ведь самое большее – мы станем мучениками», – они бы хоть как-то готовили их к грядущим трудностям. Узнав истину, человек задумается и отрясет с себя сон... Он станет остерегаться, чтобы не попасть в ловушку... Почему многие, зная текст Апокалипсиса, не ставят хотя бы вопросительного знака? А если они помогут антихристу с его печатью и увлекут в погибель и другие души?!... Прельстятся те, кто истолковывают Писания от ума... Итак, за «совершенной системой кредитных карточек», за компьютерной безопасностью – кроется всемирная диктатура, кроется иго антихриста...»

«К несчастью, можно услышать: «От Христа я не отрекаюсь: я всего лишь пользователь обслуживающей меня системы». Или: «Я приму печать на лоб и осеню свой лоб

крестным знамением». Они думают, что освятятся подобным образом, в то время как такие мнения являются прелестью.

Грязь не освящается. Чистая вода приемлет благодать и становится водой святой. Но моча святой водой стать не может. Камень чудесным образом превращается в хлеб. Но нечистоты освящения не приемлют. Следовательно, диавол, антихрист, *находясь в виде своего символа в нашем удостоверении, на нашем лбу или руке, не освящается*, даже если мы ставим там крест. Силу Честного Креста – этого святого символа, Божественную благодать Христову мы имеем только тогда, когда храним благодать святого Крещения, которым мы отрицаемся сатаны, сочетаемся Христу и принимаем святое запечатление – **«печать дара Духа Святого»**... Они, принимая печать антихриста, – отрекаются от печати Христовой, данной во святом Крещении, и думают, что имеют в себе Христа!»

Говорят: «Кесарю кесарево». Но другое дело, когда речь идет об удостоверении личности. Это не деньги (и не какая-нибудь другая внешняя форма дани), а нечто личное (гораздо более важное, ибо речь идет уже о самой большой моей ценности, за которую с меня будет главный спрос на Страшном Суде. Мне предлагают нечто – взамен моей души). Удостоверение личности – «тавтотита» (тождество, личность – его буквальный смысл), то есть человек отождествляется с тем, что ему предлагают. Они, значит, подсовывают диавола, а я расписываюсь в том, что его принимаю? Да как же я пойду на это?»

*«А если кто-то примет печать по неведению? – Скажи лучше, по равнодушию. Какое там неведение, когда все ясно до предела? Да если и не знает человек, ему должно поинтересоваться и узнать. Христос скажет нам: **«Лицемеры! различать лице неба вы умеете, а знамений времен не можете?»*** (Мф. 16,3). *Приняв печать, пусть даже и по неведению, человек теряет Божественную благодать и принимает бесовское воздействие. Когда священник при Крещении погружает дитя во святую купель, оно, и не понимая того, принимает Святого Духа, и потом в нем обитает Божественная благодать».*

*«Бог любит нас. В человеке есть скрытая, на случай необходимости, сила. Тяжелых лет будет немного. (Лишь) одна гроза... Жизнь наша пусть будет более умеренной... приучив себя уже сейчас к жизни простой, умеренной, можно будет пережить те годы. Иметь маленько землицы, возделать немного пшенички, картофеля, несколько деревьев, и тогда, держа какую-нибудь скотинку, козочку, несколько курочек, (христианин) сможет пропитать свою семью... и продлятся эти притеснения недолго, года три, три с половиной. Ради избранных дни сократятся, они даже и не заметят, как пройдут эти годы. Бог не оставит человека без помощи. (**«И будете ненавидимы всеми за имя Мое, но и волос с головы вашей не пропадет, терпением вашим спасайте души ваши»*** (Лк. 21,17-19). *Давайте жить более духовно, быть более дружными, помогать тем, у кого есть боль, помогать бедным с любовью, с болью, с добротой. Давайте молиться, чтобы появились добрые люди».*

«Будьте между собой дружны, согласны, будьте духовно подготовлены и отважны, будьте единым телом и ничего не бойтесь. Помогает и Бог. Возделывайте духовную любовь, имейте ее такой, какую питает мать к своему ребенку. Пусть отношения между вами будут братскими, пусть живет среди вас жертвенность. А трудные дни мы потихонечку переживем... Это самое главное – чтобы была между вами не ложная, а истинная братская любовь... Не находясь в духовном состоянии, человек трусит, потому что любит самого себя. Он может и отречься от Христа, может предать Его. Вы должны решиться на смерть...

Постарайтесь братски сплотиться, начать жить духовно, соединиться со Христом. Если вы соединитесь со Христом, то не будете бояться ни диаволов, ни мучений.

Сейчас мы воюем с дьяволом. Поэтому постарайтесь еще больше сродниться друг с другом, еще больше стать друг другу братьями. Так все вместе мы будем идти по избранному нами пути, вместе подниматься по крутой тропе на сладкую Голгофу».

Перечитывая эти слова, как впервые увидела: ***«все вместе*** *мы будем идти... вместе подниматься по крутой*

тропе...» и понимаю, что дал мне это заметить отец Владимир, напоминая, что в трудные предстоящие времена мы все – действительно будем вместе: со всеми святыми, с отцом Паисием, отцом Владимиром – переносить все то, что в одиночку никому понести не по силам.

Всех своих духовных чад отец Владимир не благословил брать идентификационный номер и все, последующие за ним, электронные документы, поражающие воображение всеохватной возможностью слежки и влияния на физическую, умственную, душевную и духовную жизнь человека. Он говорил: «Сегодня компьютерные возможности переступили грань фантастики. Человек, взявший в руку карточку с микросхемой, не сможет каяться, так как будет руководим через микрокомпьютер слугами антихриста. И не найдет в себе духовных сил отказаться от печати, ибо, как говорят старцы, от него отступит благодать Христова. Поэтому сейчас, как никогда, нам нужны покаяние и молитва, чтобы сразиться со злом...» *«Чтобы Творец Божественным образом вмешался в эту безумную эпоху, которую мы переживаем, потому что мир ведут – в смуту, в сумасшествие, в тупик...* ***Молитва должна совершаться – с болью****. Знаете, какой тогда она обладает силой?»* (Старец Паисий Афонский).

Батюшка говорил: «Вы доживете до вторичного исполнения пророчества Преподобного Серафима, в котором он пытается заступиться перед Господом за архиереев».

«Мне, убогому Серафиму, Господь открыл, что на земле Русской будут великие бедствия, Православная Вера будет попрана, архиереи Церкви Божией и другие духовные лица отступят от чистоты Православия, и за это Господь тяжко их накажет. Я, убогий Серафим, три дня и три ночи молил Господа, чтобы Он лучше меня лишил Царствия Небесного, а их бы помиловал. Но Господь ответил: «Не помилую их: ибо они учат учениям человеческим, и языком чтут Меня, а сердце их далеко отстоит от Меня» (Преподобный Серафим Саровский).*

«Вся..., Христова Церковь, является непогрешимой.

* Настольная книга священнослужителя, т.3. Москва, 1979, стр. 601-602

Непогрешимость вовсе не принадлежит Собору, а всей Церкви Христовой, свидетельствующей о себе на Соборе» (Нвмч. Михаил Новоселов).

«У нас ни патриархи, ни Соборы никогда не могли ввести что-нибудь новое, потому что хранитель благочестия у нас есть самое тело Церкви, то есть самый народ» (Окружное послание Восточных патриархов Единой Святой Апостольской Церкви ко всем Православным христианам. 1848, г. Константинополь).

«Поэтому хранителями Священного Предания являются не только иерархи и ученые богословы, но все истинно верующие» (Катехизис).

Из записей отца Владимира: «Недопустимость исполнения послушания воле человеческой, противной воле Божией.

Святитель Игнатий, 5 том «Приношение современному монашеству»: «Послушание старцам в том виде, в котором оно было у древнего монашества... не дано нашему времени».

«Изучай Божественное Писание и Писание Святых Отцов, особливо деятельныя, чтоб, с учением их сличив учение и поведение твоего учителя и старца, ты мог их видеть (это учение и поведение), как в зеркале, и понимать; согласное с Писанием усвоивать себе и содержать в мысли; ложное же и худое познавать и отвергать, чтобы не быть обманутым» (святой Симеон Новый Богослов).

Святитель Киприан Карфагенский: «С самого начала епископства моего я положил за правило ничего не делать по одному своему усмотрению без совета вашего (пресвитеров) и без согласия народа». Ни воля епископов, ни воля мирян недостаточны сами по себе для действования в Церкви. Церковь живет и действует не волей человеческой, а волей Божией».

Преподобный Силуан Афонский: «Архиереи, хотя и имеют дар Святого Духа, но не все разумеют как должно, и поэтому в час нужды должны искать просвещения от Господа: они же делают по своему разуму, и тем оскорбляют милосердие Божие и посевают смущение. Преподобный Серафим говорит, что когда он давал советы от своего ума, то бывали ошибки; ошибки могут быть малые, а могут

быть и большие. Так всем надо учиться познавать волю Божию: а если не будем учиться, то никогда не познаем этого пути».

Святитель Игнатий: «Оказывай настоятелям и прочему монастырскому начальству нелицемерное и нечеловекоугодливое послушание, послушание, чуждое лести и ласкательства, послушание ради Бога. Оказывай послушание всем отцам и братиям в их приказаниях – не противных Закону Божию... Но никак не будь послушен на зло, если б и случилось тебе потерпеть за нечеловекоугодие и твердость твои некоторую скорбь...

С плачем и сердечными воздыханиями умоляй Бога, чтоб Он не попустил тебе уклониться от Его всесвятой воли к последованию падшей человеческой воле, твоей или ближняго твоего, твоего советника. Как о своих помыслах, так и о помыслах ближняго, о его советах, советуйся с Евангелием».

Святитель Иустин (Попович): «Все испытывайте Духом Церкви, учением Церкви. Что не от Нее, то вредит вашим душам, вашему спасению. Испытывайте людей, учителей, какого духа они придерживаются. Сам по себе человеческий дух не в состоянии ясно различать духов; поэтому Церкви дан Дух Святой, Который *«все проницает, и глубины Божии»* (1 Кор. 2, 10) ... Только люди, очистившие свои сердца, могут увидеть Бога и при помощи Божией отличить добро от зла, сотворить благо и уклониться от зла... Итак, только святые знают, что есть добро и зло... Руководимые святыми, вы всегда сможете осуществить в вашей земной жизни всякое Божественное Добро...» (толкование на1-посл. к фес. св. ап. Павла).

Из мест, подчеркнутых отцом Владимиром в книге иеромонаха Дамаскина «Церковь перед лицом отступления» и архиепископа Аверкия «Соль обуевает: знамение приближения конца»:

«Православие это не просто некоторый тип чисто земной организации, возглавляемой патриархами, епископами и священниками... Православие – это мистическое Тело Христово, Глава Которой – Сам Христос (см. Еф. 1; 22-23

и Кол. 1; 18, 24), *и в состав его входят не только священники, но и все правильно верующие во Христа... как ныне живущие на земле, так и те, кто умер в вере и благочестии».*

«Архиепископ Аверкий опасался того, что дух православной экклесиологии будет заменен папистской концепцией Церкви, и главы церквей станут в сознании верующих «мини-папами» и начнут заслонять собою Христа, подлинного Главу Церкви. Архиепископ понимал, что если Церковь будет восприниматься прежде всего как светская административная структура, тогда антихрист получит прямой доступ к сердцам людей и без особых усилий превратит их в своих верных слуг».

«Преобладание в Церкви земного над духовным приводит к утрате способности отличать то, что **принято**, *от того, что* **правильно**... *Идеализировать нечто признанное всеми «правильным» и подстраиваться под это — значит напрашиваться, чтобы тебя обманули, поскольку сатана может очень легко — особенно в наше время — сделать так, что внешне общепринятое будет сосуществовать с внутренней ложью».*

«Пришествия антихриста не узнает тот, «кто имеет ум на дела житейские и любит земное... **«Обмирщение»** *же христианства делает его незащищенным для искушений антихриста».*

«(Тот кто) «смирится» перед ложью, отпав от Истины, естественно, должен считаться предателем Истины, кем бы он себя ни считал и как бы ни называл».

«Основная задача служителей грядущего антихриста состоит в том, чтобы разрушить старый мир со всеми его представлениями и «предрассудками», с тем, чтобы построить на его месте новый мир, способный принять (того)... который займет в глазах людей место Христа».

«Церковь никогда не подчинится миру, никогда не пойдет на компромисс с ним. Конечно, ведь Господь сказал Своим ученикам на Тайной Вечере: «вы не от мира».

Если мы хотим остаться верными истинному хри-

стианству, мы должны держаться этих слов – подлинная Церковь Христова всегда была, есть и всегда будет странницей в этом мире. Отделенная от него, она способна передать Божественное учение Господа ***неповрежденным****, потому что эта отделенность* ***сохраняет ее неизменной, т.е. подобной вечному и неизменному Богу****».*

«Там, где прервана преемственная духовно-благодатная связь со святыми апостолами и их преемниками мужами апостольскими и святыми отцами, где введены разные новшества в веро- и нравоучении с целью «идти в ногу со временем», «прогрессировать», не отставать от века и приспособляться к требованиям и моде мира сего, во зле лежащего, – там не может быть и речи об истинной Церкви».

«Хотя повсюду будет слышаться Христово Имя и повсюду будут церкви и церковные службы, все это будет лишь внешним, а внутри настоящее отступничество» (святитель Феофан Затворник).

«Вся общественная жизнь в современном мире – это подготовка к приходу антихриста. «Все, что происходит сейчас на высших уровнях религиозной, общественной жизни, в правительствах... это не что иное, как деятельная подготовка слуг приближающегося антихриста к его будущему царствованию», это работа делается в такой же мере «христианами», как и не христианами».

«Наше время походит на последнее. Соль обуевает. В высших пастырях Церкви осталось слабое, темное, сбивчивое неправильное понимание по букве, убивающей духовную жизнь в христианском обществе, уничтожающей христианство, которое есть дело, а не буква. Тяжело видеть, кому вверены или кому попались в руки овцы Христовы, кому предоставлено их руководство и спасение! Волки, облеченные в овечью кожу, являются и познаются от дел и плодов своих! Но это – попущение Божие. Сущии во Иудее да бежат в горы!» – такими словами харак-

теризовал современную ему церковную жизнь... наш великий русский светильник... святитель Игнатий Брянчанинов. Не с гораздо ли большим правом можем мы повторить эти грозные, предостерегающие слова его в наши дни!» *

«Для православной веры, которая повсюду подвергается открытым и скрытым нападкам, давлению и преследованиям, со стороны слуг грядущего антихриста, настало время исповедничества, исповедничества постоянного, если необходимо, до самой смерти».

«В наши времена мало святых. Но даже если мы и не видим около себя таких несгибаемых праведников, как он (архиепископ Аверкий), с нами остается его учение, которое может быть нашим маяком, в надвигающиеся на нас еще более темные дни, которые он предвидел; тогда Церкви, возможно, придется бежать в пустыню, как жене Апокалипсиса (ст.12) *– Церкви последних времен»* (отец Серафим Роуз, из книги «Апокалипсис – учение древнего Христианства». Толкование архиепископа Аверкия»).

На вопрос, как жить людям, оставшимся без необходимого, ответом прозвучал рассказ священника И. в доме батюшки: «Недавно я отыскал в глухой деревне свою дальнюю родственницу. Ей почти сто лет. Она не взяла первый советский паспорт. И всю жизнь прожила в своем ветхом доме без зарплат и пенсий. «Как же ты выжила?» – спросил я у нее. «Чужих детей понянчу – покормят и молочка с хлебом дадут. Псалтирь по усопшему почитаю – опять сыта. Да, и трава в поле бесплатная. Если травы знать, на одних травах можно прожить. Преподобный Серафим на одной сныти три года жил. Так ни одного дня, милый, не голодала». – «Как же зимовала без дров?» – «А сухая лебеда больно жарко горит», – отвечала Наталья, не подозревая, что здесь поминает уже о чуде. Несказанно обрадовалась, когда предложил ее причастить – в деревне разоренный храм Пресвятой Троицы. Вынула из сундука

* Иеромонах Дамаскин. Церковь перед лицом отступления. Свет православия. №37, 1998. Христианский собеседник. Издание Макариево-Решемской обители

синее штапельное платье в белый горошек, кружевной воротничок, белый платок. Ну, невеста и все. Невеста Христова!»

«Свои поля бурьяном заросли, – с болью говорил отец Владимир, – едим импортную отраву. Забыли о благодарности Творцу за хлеб насущный. Нам всем предстоит вспомнить, как святые обливали слезами каждый кусок хлеба, который вкушали».

Батюшка всегда утешал: «Вы не представляете, какие чудеса будет в последние времена творить Господь. Как будет поддерживать всех вас». И вспоминал эпизод из жизни в ссылке, во Владычне, сестер Марфо-Мариинской Обители Милосердия. «В доме пусто, хоть шаром покати. Сижу пригорюнившись, – рассказывает матушка Надежда. – Фросенька (матушка Любовь) подойдет, за плечи обнимет, тихо скажет: «Хочешь хлебушка, хочешь?!» Уйдет в сени. Минут пять нет ее. И вынесет – дышащий, белоснежный, благоуханный хлеб – хлеб с Небес». Святого покровителя матушки Любови – преподобного Онуфрия* (IV век) шестьдесят лет питали белым хлебом и причащали в пустыне святые Ангелы. И матушка Любовь († 15.03.1956, день Державной иконы Божией Матери), его молитвами, получала ангельскую милостыню в XX веке.

Отец Владимир повторял слова святого мученика Иустина Философа: *«Они могут нас убить, но не могут нам навредить»*.

7 февраля 2001 года, в день Ангела батюшки, послушнице Серафимо-Дивеевского монастыря приснился сон: «Вижу отца Владимира, бросилась к нему с главным вопросом: «Батюшка, что с идентификационными номерами?!» – *«Не брать ни в коем случае, – произнес отец Владимир. – И не бойтесь. Главное – ничего не страшитесь. Бог верных Своих подкрепит. Твердо стойте в вере и верности Христу»*.

Духовная дочь отца Владимира Татьяна: «Батюшка был глубоко предан душой отцу Кириллу Павлову, считая

---

* Отец Владимир родился в день преподобного Онуфрия и может сугубо просить его о помощи нам.

его нашим главным духовным наставником. Ушел из жизни отец Владимир, начали приступать ко всем, заставляя брать ИНН, и я, хотя не взяла номер, потеряла покой, утратила чувство равновесия. Страхи, ропот, уныние – напало все сразу. Но к Новому 2001 году появилась статья батюшки Кирилла. И что значит сила старческого слова! После этой проповеди у меня внутри воцарился покой. И с тех пор меня не оставляет. Ибо слово отца Кирилла – слово со властью. Оно – безусловная истина.

Проповедь архимандрита Кирилла (Павлова)

Сейчас надо, чтобы верующие настраивали и готовили себя ко всевозможным испытаниям и скорбям. К этому идет. Но надо, чтобы не паниковали, не унывали и не отчаивались. И если Господь попустит какие-то испытания, нужно безропотно, с радостью и надеждой, со спокойствием в душе сподобиться Царствия Небесного.

Надо ли говорить об этом сегодня? Как воспримут это люди? Я считаю, что об этом говорить надо.

Св. апостол Павел во втором послании к любимому своему ученику Тимофею пишет: *«Знай же, что в последние дни наступят времена тяжкие. Ибо люди будут самолюбивы, сребролюбивы, горды, надменны, злоречивы, родителям непокорны, неблагодарны, нечестивы, недружелюбны. Непримирительны, клеветники, невоздержанны, жестоки, не любящие добра. Предатели, наглы, напыщенны, более сластолюбивы нежели боголюбивы. Имеющие вид благочестия, силы же его отрекшиеся. Таковых удаляйся. К сим принадлежат те, которые вкрадываются в домы и обольщают женщин, утопающих во грехах, водимых различными похотями. Всегда учащихся и никогда не могущих дойти до познания истины»* (2 Тим. 3, 1-7).

Если же мир к концу времени должен прийти к такому нравственному состоянию, то верующие в Бога Отца, Господа нашего Иисуса Христа и в Бога Духа Святаго, исповедующие Святую Троицу, должны, наоборот, жить во всяком благочестии и чистоте и быть солью земли, светом

миру, по слову Спасителя: *«Так да просветится свет ваш пред человеки, яко да видят ваша добрая дела, и прославят Отца вашего, Иже на небесех»* (Мф. 5, 16).

Облекшись в броню веры и любви и в шлем надежды спасения, *«как днем, будем вести себя благочинно, не предаваясь ни пированиям и пьянству, ни сладострастию и распутству, ни ссорам и зависти; но облекитесь в Господа нашего Иисуса Христа, и попечения о плоти не превращайте в похоти»* (Рим. 13, 13-14).

«Облекитесь, – говорит апостол Павел, – *как избранные Божии, святые и возлюбленные, в милосердие, благость, смиренномудрие, кротость, долготерпение. Снисходя друг к другу и прощая взаимно, если кто на кого имеет жалобу: как Христос простил вас, так и вы. Более же всего облекитесь в любовь, которая есть совокупность совершенства. И да владычествует в сердцах ваших мир Божий, к которому вы и призваны в одном теле, и будьте дружелюбны. Слово Христово да вселяется в вас обильно, со всякой премудростью; научайте и вразумляйте друг друга псалмами, славословием и духовными песнями, во благодати воспевая в сердцах ваших Господу»* (Кол. 3, 12-16).

«И не страшитесь ни в чем противников ваших по вере», зная, что их нападения и гонения на вас за веру *«для них есть предзнаменование погибели, а для вас – спасения. И сие от Бога. Потому что вам дано ради Христа не только веровать в Него, но и страдать за Него»* (Фил. 1, 28-29).

Поэтому ап. Павел и восклицает, говоря: *«Кто отлучит нас от любви Божией: скорбь, или теснота, или гонение, или голод, или нагота, или опасность, или меч? Как написано: «За Тебя умерщвляют нас всякий день; считают нас за овец, обреченных на заклание». Но все сие преодолеваем силою Возлюбившего нас»* (Рим. 8, 35-37).

И что бы ни было с нами, все, что придется испытать, надо перенести с радостью. Не отрекаясь... И никакие скорби, пусть даже и смерть, – ничто не должно отлучить нас от Любви Божией...

И Спаситель в Евангелии от Матфея тоже утешает и

укрепляет нас, говоря: *«Не бойтесь убивающих тело, души же не могущих убить; а бойтесь более Того, Кто может и душу и тело погубить в геенне»* (Мф. 10, 28).

Будем знать и веровать, что нынешние временные страдания наши ничего не стоят в сравнении с тою славою, которая откроется в будущем веке для любящих Господа, ибо написано: *«не видел того глаз, не слышало ухо, и не приходило то на сердце человеку, что приготовил Бог любящим Его»* (Ис. 64, 4).

Посему с терпением будем проходить предлежащее нам поприще, и, подражая Богу, как чада возлюбленные, будем жить в любви, *«как и Христос возлюбил нас и предал Себя за нас в приношение и жертву Богу, в благоухание приятное. А блуд и всякая нечистота и любостяжание не должны даже именоваться у вас, как прилично святым».*

«Никакое гнилое слово да не исходит из уст ваших, а только доброе для назидания в вере, дабы оно доставляло благодать слушающим. И не оскорбляйте Святаго Духа Божия, Которым вы запечатлены в день искупления. Всякое раздражение и ярость, и гнев, и крик, и злоречие со всякою злобою да будут удалены от вас» (Еф. 4. 29-31).

Напротив, *«вразумляйте безвинных, утешайте малодушных, поддерживайте слабых, будьте долготерпеливы ко всем. Смотрите, чтобы кто кому не воздавал злом за зло; но всегда ищите добра и друг другу и всем. Всегда радуйтесь. Непрестанно молитесь. За все благодарите: ибо такова о вас воля Божия...все испытывайте, хорошего держитесь. Удерживайтесь от всякого рода зла»* (1 Фес. 5,14-22).

«Все заботы ваши возложите на Него, ибо Он печется о вас. Трезвитесь, бодрствуйте, потому что противник ваш, диавол, ходит, как рыкающий лев, ища кого поглотить. Противостойте ему твердою верою», облекшись христианскою любовию. *«Бог же всякой благодати, призвавший нас в вечную славу Свою во Христе Иисусе, Сам, по кратковременном страдании вашем, да совершит вас, да утвердит, да укрепит, да соделает непоколебимыми»* (1Пет. 5, 7-10).

Только будьте друг ко другу добры, сострадательны,

прощайте друг друга, и, как говорит апостол Павел: *«Сам же Бог мира да освятит вас во всей полноте, и ваш дух и душа и тело во всей целости да сохранится без порока в пришествие Господа нашего Иисуса Христа. Верен Призывающий вас, Который и сотворит сие»* (1 Фес. 5, 23-24).

Рождество 2001 г. Газета «Русь Державная»

Свидетельства из загробного мира

Один начинающий христианин пытался уверить отца Владимира в том, что никаких реальных свидетельств о существовании ада нет. «Их – очень много, – ответил батюшка. – Откройте житие любого святого. В каждом – вы найдете подтверждение существования ада и Рая. В жизнеописании Николая Александровича Мотовилова, служки Преподобного Серафима, вы прочтете об очень ярком свидетельстве. В книгах Серафима Роуза – десятки ошеломляющих описаний. Не знает всего этого тот, кто не хочет знать. Бог недаром дает нам эти подтверждения Евангелия. Ведь Сам Христос говорит нам о Царствии Небесном и о месте праведного наказания за грехи. Не стоит бездумно прохлаждаться в этой жизни – безвольно дожидаясь смерти – а торопиться каяться всерьез».*

Священник И.Шаров: «В одной из замоскворецких церквей в 1871 году умер отец диакон И.Ш., родной брат мой, от свирепствовавшей тогда холеры, в несколько часов уложившей его в гроб, несмотря на молодые его годы и крепкие силы. Насколько я любил его, настолько горестна была для меня потеря его. От скорби вдался я в тоску, которая оставляла меня только во время сна и молитвы. А молился я за душу его от всей души, движимый к тому как любовью к покойному, так еще сознанием неполноты предсмертной его исповеди, которая была приносима им в состоянии мучительных холерных корчей. Вскоре по смерти он явился мне во сне, как живой. В полном сознании переселения его в другой мир, я начал разговор с ним о мытар-

* Интересующиеся этой темой могут прочесть главу «О посмертной участи людей» в книге «Золотой святыни свет». Сибирская благозвонница. Москва, 2004

ствах. «Ты, вероятно, проходишь теперь мытарства?» – спрашиваю его. – «Да», – ответил он. – «Скажи, как ты проходишь?» – «Очень трудно, – сказал он, – и вот почему: у диаволов, оказывается, все записано, кто в чем согрешил, даже мысли какие иногда невольно возбуждались в душе и пробегали с быстротой молнии, на которые мы не обращали и внимания, забывая их и не каясь в них, и эти невольные и мимолетные грехи изобличаются на мытарствах и самими душами тогда вспоминаются и сознаются, как действительно бывшие». При этом он вынул из-под полы рясы таблицу, как бы картонную, размером несколько больше четвертки почтовой бумаги, которая с одной стороны вся была исписана грехами так мелко и часто, как будто насеяна черным маком. – «И вот, сказал он, таких таблиц было за мною двадцать пять, и в коих семь я загладил предсмертною исповедью, а 18 осталось за мною». Затем я спросил его: пускают ли вас (умерших) на землю для свидания? – Да, пускают, ответил он. Так приходи ко мне почаще, – сказал я ему, но он мгновенно исчез в образовавшемся подполье. После сего видения я усилил молитву за него, но в течение десяти лет он ни разу не являлся мне.

Когда Господь сподобил меня благодати священства, то я, пользуясь ближайшим предстательством у престола Божия, чем в сане диакона, еще усерднее стал молиться о упокоении души любимого брата, и вот на пятом году моего священства он является, но не мне, а одной моей прихожанке К.Ф. М., которая отличалась благочестивою жизнью и особенно усердными молитвами за усопших. Раз поутру неожиданно просит она меня чрез нарочного придти к ней и по важному делу. Являюсь. Она спрашивает: был у вас брат, в духовном сане умерший? Был диакон, – ответил я. И начала она описывать его приметы с такой ясностью, как будто она видала его живого, и затем рассказала следующее: в нынешнюю ночь он является мне и говорит: скажите моему брату, что 5 таблиц еще заглажено. – Кто ваш брат? – Здешний священник. – О каких таблицах вы говорите? – Он уже знает это, только скажите непременно? – А что же вы не явились ему? – Я явлюсь ему, когда все таблицы будут заглажены, ответил он и исчез.

Вот за чем я послала за вами, сказала благочестивая прихожанка, чтоб узнать тайну сновидения – справедлива она или нет. Я рассказал ей о явлении мне покойного брата на первых порах после смерти его и о таблицах и тут-то сознал, что то явление его мне было не простое, каким считал его прежде, а знаменательное, и стал ждать исполнения обещанного им явления мне. На пятом году моего ожидания я получил известие о вторичном явлении его прихожанке моей. Чрез которую он просил меня особенно помолиться за него в Великий четверток. Так нужно по грехам моим, – сказал он, что, конечно, я и исполнил с возможным усердием и каждогодно тот великий день, когда установлена Господом бескровная жертва о *гресех*, напоминает мне просьбу его, которую всегда считаю для себя святым заветом. После сего на восьмом, следовательно, на тридцатом году моего ожидания личного явления мне брата, наконец, он является мне во сне, как обещал, чтобы известить меня о своей свободе от грехов. (Замечательно, что число лет молитвы совпадает с числом таблиц, не изглаженных от грехов.) Это явление было очень коротко. Сижу я будто за письменным столом, вдруг входит из соседней комнаты покойный брат в рясе, как живой, и, идя мимо меня позади стула, проговорил явственно: «Теперь я свободен», – и стал невидим.

Этот строго последовательный ряд явлений покойного не служит ли очевидным признаком существующей связи между загробным миром и земным? Самые явления, очевидно, знаменательного характера, не служат ли голосом с того света, который да послужит земным жителям убедительным доказательством, что души наши не прекращают бытия своего. Они приходят в другой мир – духовный, где ожидают их мытарства с обличениями на них самых мельчайших грехов и нечистых мыслей, даже мимолетных. И молитвы, возносимые за умерших, содействуют прощению грехов их и освобождению от страданий, особенно если молитвы приносятся при бескровной Жертве».*

---

* Типо-Литогр. Г.И. Простакова. Балчуг, д. Симонова монастыря, Москва, 1904

В ночь на Родительскую субботу рабе Божией Галине приснился умерший дальний родственник. Низко кланяясь, он благодарил ее за то, что она помянула его в записке о упокоении. «Совсем не то, что в обыденной жизни, – делилась она, – там, во сне, я почувствовала жгучую вину перед близкой душой, – и с болью и стыдом поклонилась ему в ответ. – Прости... пожалуйста, прости меня, но я тебя никогда не поминала. Я даже совсем забыла о твоем существовании...» Но он возразил: «Нет. Ведь ты написала в конце записки: «и всех сродников» – и Бог меня помянул!»

Рассказала этот случай отцу Владимиру, и не забуду, как он прореагировал: «Ужасно, что мы так плохо, бесчувственно молимся. И за своих усопших в том числе! Скоро мы все встретимся, мы предстанем перед лицом своих дорогих – тысячи людей, которые каждый день ждали нашей молитвы, – глянут нам в глаза... Как мы выдержим этот взгляд?! Но ведь наше собственное состояние в прямой зависимости от загробного состояния наших родных... Боже, дай нам сострадание хотя бы к близким нашим. Господи, дай горячую молитву о наших живых и усопших. Если бы мы, хотя на миг, глянули в ад – наше спокойствие навсегда бы нас покинуло!»

Раба Божия Фотиния из г. Климовска рассказала мне о памятной встрече с отцом Владимиром, явившей его яркую прозорливость. В конце исповеди батюшка произнес: *«Маятник качается, стрелки продвигаются, – время приближается»*. «Почувствовала что-то особенное в этих словах, – поделилась она. – Это было уже не только для меня, но – для всех!»

«Все четверо – Твои будут»

Любовь Николаевна М., Московская область: «В 1994 году мы приехали в Дивеево в первый раз. С 1973 года я стремилась побывать у Серафима Саровского. И вот Господь сподобил. Мы в Дивеево! Пришли в храм. Сразу обратила внимание на отца Владимира с его необыкновенным отношением к людям. Подошла к нему и попросила о своей внучке. Он спросил, где девочка. Ответила, что она

дома. После краткой паузы он сказал: «Привозите, я посмотрю». – «Она ведь в тяжелом состоянии, батюшка, как мы с ней справимся?» Он сказал: «Довезете».

Мы вернулись в свой поселок. Женечка не могла ходить, не говорила. Мы носили ее на руках. Ручки все время в неуправляемых движениях: избивала себя, царапала в кровь лицо, и хотя мы ее связывали, она разрывала повязки и была постоянно в ссадинах и синяках. Если бы дать ей свободу, могла бы навредить себе очень сильно. Когда мы носили ее к Причастию, двое держали ручки, двое – ножки, и один нес. После моего возвращения из Дивеева, мы причащали Женечку в воскресенье. И я показала ей книжки в церковной лавке. Прошли вдоль витрины, и она выбрала «Четвертый удел Божией Матери». Это было в феврале 1994 года. Девочке в то время было восемь лет, но она, конечно, у нас не читала.

Чудом батюшкиных молитв, так она у нас вырывалась, мы привезли ее в Дивеево на машине, пригласили отца Владимира в дом, где мы остановились. Он молился над внучкой, занимался с ней и сказал, что случай очень тяжелый. Мы приезжали в Дивеево каждый год два раза. Брали по одной розочке от святых мощей Серафима Саровского, по благословению отца Владимира. Батюшка говорил: «Грехи пятого-шестого поколения еще можно отмолить, а двенадцатого – невозможно». Но, молитвами батюшки, Женечка стала ходить с нами за руку гулять. И вот чудо: после возвращения из Дивеева она сама сняла завязки и сказала: «Не надо!» И с тех пор мы ее больше не связывали. Зимой она научилась кататься с горки, стала постепенно разговаривать, хоть и коверкая слова. Стала сама кушать, играть игрушками. Делила конфеты между всеми четырьмя детьми. Мы причащали ее регулярно – каждое воскресенье. Только, Слава Тебе, Боже, держать ее было уже не нужно.

Когда мы собирались в Дивеево, батюшка знал, что мы приедем, хотя мы об этом не писали и приезжали в разное время. Отец Владимир заранее приносил нашей хозяйке мешок картошки, лук, капусту, морковь и другие продукты. Говорил ей: «У тебя скоро гости будут».

Мне кто-то сказал, что у батюшки трое детей. Приготовила ему три шоколадки, в одну сунула незаметно деньги. Он принял шоколадки, тут же открыл ту самую и, возвращая деньги, сказал: «Только у меня не трое, а двое детей. За шоколадки спасибо, а остальное оставь себе».

Однажды, по вражескому наущению, мы поссорились с хозяйкой, и я пошла к батюшке: как быть? Он дал мне дельный совет: «Напиши ей в письме слова благодарности, проси прощения, хоть как будто ты и не очень виновата. И вложи деньги». (На тот момент она их у меня еще не просила). Я все сделала по батюшкиному совету. Когда я вернулась, хозяйка заявила, что я должна ей 75 рублей. Батюшка еще добавил: «Придет время, она сама будет просить у тебя прощения и помощи». Женщина эта такая деловая, все – сама, ни в ком не нуждается, и думаю: как это возможно? Но прошло семь лет, и она обратилась именно к нам: «Помогите мне найти в Московской области дом». Нашли ей в нашем же поселке. Купила, переехала. И все время к нам приходит: печку сделать, свет провести, воду – просьбы без числа. Так исполнились батюшкины предсказания. Пока дом не устроила, жила у нас месяцами.

При первой же встрече сказала батюшке: у меня муж неверующий. Николая Чудотворца иконочку десятки лет проносила на груди – прятала святыню. Муж не разрешал иконы дома держать, был партийный работник. Отец Владимир за него молился. Через два года дивеевских поездок, не веря себе, надела на него крест. Сказала: «А Серафим Саровский велел, чтобы ты носил крест и не снимал». И с тех пор не снимает. Стал гораздо благожелательнее, а ведь прежде не мог в храм зайти. Теперь сам водит внучку Женечку к Причастию.

Когда мы бывали в Дивееве, батюшка приходил к нам три-четыре дня подряд. Во вторую поездку меня серьезным образом исповедал. Подолгу с девочкой занимался. В последний раз уходит, а хозяйка мне: «У него все лицо в слезах». Я побежала за ним и прошу благословения – взять билеты на обратную дорогу. А он, не оборачиваясь: «Что билеты? Так доедешь!» (И представьте, в кассе не было билетов. Уж я не знала, как молиться, Преподобного

Серафима призывала и отца Владимира. Два билета откуда-то нашлись. Невиданное дело: нас четверых, двое взрослых, двое детей, провезли по двум билетам). И я опять: «Батюшка, благословите, чувствует сердце, мне и младшую сноха отдаст» (Вику, 4 года). Батюшка повернулся ко мне, лицо залито слезами, благословляет и говорит: «Приедешь, все четверо – твои будут!» Вечером позвонила по телефону домой и узнала, что сноха накануне выпила стакан спирта «Рояль» и утром не проснулась... С тех пор я – бабушка-опекун четырех детей, документально.

Когда мы приезжали, отец Владимир, хоть занят, внимательно выслушает, пошутит. Говорил всегда с наставлением и убеждением. Как мы любили батюшку! Для его детей я шила мягкие игрушки. Иногда он приходил с сыном. Арсений был любознательный, подвижный, шустрый мальчик. Со святыми упокой, Господи, отца Владимира и Арсения. Вечная им память. В нашем поселковом храме всегда поминают о упокоении иеромонаха Владимира и отрока Арсения».

«Покаянной молитвой помолиться»

Рассказ духовной дочери отца Владимира ин. Н. «Был праздник святителя Николая. К нам на скит в первый раз приехал отец Владимир. Его только рукоположили (31 октября), едва сорок дней прошло. На первой моей исповеди постаралась все тщательно рассказать, открыть батюшке все мучающие меня проблемы. Его ответы меня поразили, и тогда уже подумала: «Да, – это мой духовник». Он все мои неверные помышления отсек и сказал, как надо идти. Удивительная точность, вескость слов, ощутила, что это – именно для меня. В душу дохнуло незнакомой духовной силой, как будто это уже опытный, много прошедший пастырь.

Отец Владимир всегда спрашивал про маму. Она у меня осталась дома. И очень переживала, что дочь ушла в монастырь. Для нее это было потрясением. Она крещеная, но не воцерковленная. Я говорила: «Батюшка, я не знаю, как мама. У нас одни проблемы. Пишу ей об одном, а она все о другом: приезжай обратно, возвращайся». Батюшка

снова, увидит меня: «Как мама? Когда она приедет?» – «Мне советуют поехать к старцам, попросить молитв». – «Зачем вам старцы, зачем – ехать?» И вдруг осознала: «Действительно, для чего старец, когда у меня есть батюшка?!» С этого дня старалась каждое благословение выполнять. Поняла, все его замечания, любая фраза – неслучайны и значат много, очень много. Часто батюшкины советы противоречили моим мыслям, желаниям. Его наставления нередко трудно было осуществить. Но когда я их выполняла, а старалась это делать всегда, убеждалась, что иным способом выйти из этого положения было нельзя. Несколько раз убедившись в этом, старалась следовать словам отца Владимира постоянно. Появилось желание тщательно делать все, указанное им. И тут он сказал: «Если вы хотите, чтобы я стал вашим духовником, вы должны написать генеральную исповедь». – «Батюшка, я бы очень хотела это сделать». И отец Владимир преподал мне наставление о серьезной исповеди:

1) Должна появиться потребность подробной, так называемой, генеральной исповеди. Должно родиться покаянное чувство вины перед Господом за прожитые годы. ***«Нет ничего тайного, что не сделается явным»***. (Мк. 4, 22).

2) Исповедуйте, что вспомните, с целью, чтобы в душе не осталось и пятнышка греха. Это, конечно, сделать чрезвычайно трудно.

3) Не надо говорить о разрешенных грехах. Смертные и тяжелые грехи, которые до сих пор грызут совесть (хоть и исповеданные) – о них сказать стоит.

4) Повествование допустимо, при этом трудно избежать элемента соблазна самооправдания и невольного приукрашивания, а сие на исповеди не надо допускать.

5) Нужно избегать подробностей, которые могут оживить помыслы, связанные с некоторыми грехами прошлых лет.

6) Необходимо помолиться, чтобы Господь дал образ покаяния. Покаянной молитвой помолиться.

Подробная исповедь нужна, чтобы изгладить любое темное пятно, всякое недостойное движение души. Если его не уничтожить осуждением на исповеди, оно будет

влиять на всю жизнь, внося в нее некие помехи, препятствуя духовному преуспеянию. Наконец, к исповеди я обязан приступать в искренней уверенности, что нет греха, который я не совершил, хотя бы мысленно. Посему, по мере осознания своей жизни, как глубоко греховной, надо исповедать все грехи, чтобы они не ушли с тобой в вечность. Другой гарантии, кроме таинства исповеди – нет. Гарантии, что ты не унесешь с собой в вечность камень, который повлечет тебя ко дну. Храни вас Господь и да подаст Он вам силы исполнить подвиг, о котором вы так хорошо сказали». (Перед этим призналась батюшке: «Исповедь никогда не бывает одной и той же. Всегда так страшно, как будто идешь окунаться в источник. Хоть и с радостью, но всегда возникает особенный страх, порой и ужас. Когда я иду к исповеди, как в источник иду: и страшно, и понимаю, что это очищение. И не знаешь, окунешься ты или нет. А когда выйдешь из обновляющей воды – наслаждаешься благодатью». И батюшка мне это подтверждал: «Исповедь должна быть неким подвигом».

С тех пор старалась все время исповедоваться у отца Владимира. И Господь посылал такую возможность, за святые молитвы духовного отца. Хотя батюшку не каждый раз к нам присылали, но вдруг появлялась возможность из-за неожиданного послушания приехать на короткие минуты в Дивеево. Заранее писала исповедь на записке и, как только видела батюшку, торопилась исповедаться. А непосредственно перед причастием, уже у того священника, которого пришлют. Это был дар Божий. Господь знал, что отмерено краткое время, и это общение с батюшкой было Его Милостью.

Помню, как при случившейся невольной ошибке в богослужении – батюшка падал перед Престолом на колени и умолял Господа о прощении. Он должен был идти исповедовать, причащаться, причащать других. Все каверзные дьявольские ухищрения еще больше усиливали его покаянные чувства: он умолял Господа о прощении, просил со слезами... После этого всегда появлялся из алтаря просветленный, радостный, готовый всех простить.

К исповеди, таинству покаяния батюшка относился с величайшим трепетом. Это было для него бесконечно серьезным делом. Почти на каждой проповеди он напоминал, что нам необходимо углублять покаяние. Когда отец Владимир увидел мое желание, твердое намерение готовиться к иночеству, он сказал: «Не подходите к исповеди, не прочитав все каноны, Апостол, Евангелие и все, что полагается...» Вначале это было тяжеловато. Но это была уже более полноценная исповедь.

В начале моего монашеского пути искушения случались на каждом шагу: и платок не так завязала, и то, и это – не так... и со всех сторон сыпались вроде бы мелкие, напасти. На все это батюшка меня необыкновенно наставил: «Знаете, матушка, монаху надо быть слегка юродивым. Ни в коем случае, конечно, не дурачиться. Но, когда хочется обидеться (вроде бы оно обидно кажется), надо просто повести себя немножко несерьезно, показать себя таким «простачком». И следуя этому, убедилась, насколько мне был преподан глубокий совет. И по сей день он мне помогает. И многие ситуации оказываются не такими страшными и сложными.

Отец Владимир считал кощунственным пребывание нетрезвых в церкви. Однажды в храм вошел пьяный, прямо во время литии, и с большим шумом к батюшке: «Мне нужно поговорить». Мы по новоначалию не понимали, что его нужно проводить. Думали, действительно хочет покаяться, уговаривали не шуметь и подождать. Когда отец Владимир вышел исповедовать, и этот человек, шатаясь, к нему подошел, он четко и быстро выпроводил его из храма.

Как-то сестры обратились к отцу Владимиру, на скиту произошел странный случай с одним рабочим. Его нашли в бессознательном состоянии на улице, лежащим в грязи в парадном костюме. Это было на него совсем не похоже. Позже мы поняли, что он просто пьян. Позвали отца Владимира выяснить, что произошло. Они закрылись в келье, батюшка пытался с ним разговаривать, видимо, старался привести его в чувства, вразумить. Потом резко вышел из келии, прошел к себе. И тут я оказалась неожиданным

свидетелем... Сестры мне говорят: «Иди, возьми у батюшки рясу, чтобы ее почистить, он испачкался, пока с ним говорил». Постучала: «Батюшка, благословите мне Вашу рясу». И увидела, что у отца Владимира поток слез из глаз, он не мог сдержаться. Чужое падение – становилось его личной трагедией. Он не мог видеть человека, теряющего образ Божий. По-разному можно скорбеть. Батюшка необыкновенно горевал о всех неблагополучных, погибающих. Его участие могло переворачивать людям жизнь.

Помню, в разговоре с одним рабочим допустила язвительность. Потом мне стало нехорошо. Пошла на исповедь. Батюшка меня конкретно спросил: «А что вы ему сказали?» Повторила. Он так огорчился. Это не было большое грубиянство, но он огорчился за меня, что я смогла такое произнести. Сказал несколько слов, от которых мне стало стыдно. И стыдно – очень. И после этого старалась подобного не позволять.

Можно было бы привести немало примеров батюшкиной воспитанности и деликатности. У одной послушницы были проблемы в общении с одним человеком. Он был с ней чрезмерно строг. И пожаловалась отцу Владимиру. А он: «Вы не обижайтесь, у него такой характер». Хотя я прекрасно знала, что батюшка сам от этого человека очень много претерпевал.

Незабываемый на скиту случай. Отец Владимир уже закончил причащать, и вдруг к нему подходит женщина в яркой косметике с ребенком на руках: «Я бы хотела причастить младенца». Батюшка взглянул на нее, повернулся, зашел в алтарь, поставил Чашу на Престол. (Он никогда с Чашей в руках ничего не произносил). Вернулся к ней: «Что же ты делаешь? Пришла сюда, совершенно забыв, что идешь в храм! Посмотри на свои ногти! И этими руками ты держишь ребенка?! Прежде чем взять младенца на руки, нужно очиститься самой. Он же святой. У тебя на руках – святыня. Ты должна, прежде чем причастить его, – исповедаться сама». Он обличал ее одновременно – с властью, болью за нее и любовью. Она была поражена, растеряна. Потрясенная открывающейся глубиной своей греховности, потому что батюшка говорит с ней, словно ви-

дел ее насквозь, она уже дрожит. Он предлагает ей передать ребенка отцу, тот стоял рядом, и шепотом называет ее личные грехи – не сходя с места, на амвоне. Она начинает рыдать. Батюшка прочел над ней разрешительную молитву: «Чтобы причаститься, тебе нужна еще одна исповедь». И причастил младенца.

Другой женщине в подобной ситуации велел сделать двенадцать поклонов. Послал меня научить ее. Когда она исполнила епитимию, батюшка ее причастил. Он давал человеку понять, ЕСТЬ грех – СТРАШНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ, и предлагал хотя бы немного потрудиться, душевно, духовно и физически – понять: требуется исправление. Чтобы человеку было не так легко повторить грех в будущем. Такое же отношение у него было к мини-одежде, полностью не соответствующей христианскому образу благочестивой женщины. Батюшка просил принести юбку из притвора приходящим в брюках или другой неприличной одежде*.

Служение батюшки во время литургии было необыкновенно благоговейным. Поражала искренность, с которой он стоял перед Престолом. В состоянии предельной правдивости, ибо – в ближайшем присутствии Христа. Иеромонах Рафаил из К-го монастыря рассказывал своим чадам о служении отца Владимира и что, совершая литургию, он плачет, скрывая это от сослужащих.

Отец Владимир с большим уважением относился к другим священникам. Например, он служит акафист, вокруг – большая толпа людей и какой-нибудь старенький священник. Он немедленно просит привести его, поставить рядом с собой. Чтобы он молился, как полагается иерею, не забывал, не оставлял их в толпе. Случайно у нас в скиту собралось четыре священника. Пришло время Евангелия, отец

---

* Хочу добавить, что отец Владимир подходил к каждой душе индивидуально. Он безошибочно знал, кому можно помочь прямым обличением. Другого оно может исторгнуть из храма надолго, если не навсегда. Поэтому батюшка мог принимать исповедь у людей, которые выглядели даже вульгарно, вели себя почти вызывающе. Милостью Божией, он провидел, когда это лишь маска, которую можно помочь человеку снять. Нередко от часа подобной исповеди у молодежи начинался новый отсчет жизни. (Прим. авт.)

Владимир, как диакон, вышел с книгой, подошел к старшему и держал Святое Евангелие, пока он читал. Батюшка смирял себя постоянно – перед старшими и младшими.

С благословения батюшки, меня стали чаще ставить читать и более серьезные вещи: уже Апостол. Однажды, отец Владимир открыл мне книгу проповедей отца Александра (Шаргунова). Постепенно почти все основные проповеди этой книги – прочла сестрам во время трапезы.

Сколько помню батюшку, он ел очень мало. За обедом будто что-то ел, но или одно первое, или одно второе. Раздававшая еду как-то пошутила: «Батюшка, Вам первое, второе или компот?»

Недостаточно сказать, что жизнь отца Владимира была подвижнической. Она звала на подвиги других. У нас в скиту была маленькая купель, и младенцев в ней крестили. Если же приезжали взрослые, пусть даже мороз, батюшка крестил их в пруду. На Крещение Господне была длинная служба с Великим Освящением воды. Она подходила к концу, когда приехали батюшкины знакомые. Один просил совершить над ним чин крещения. Служба кончается. Отец Владимир собирается везти этого человека на источник Преподобного Серафима, это еще сорок километров. До начала всенощной – считанные часы, у батюшки не остается времени ни передохнуть, ни поесть. И зима, дороги опасные. Смотрю, он идет к машине. Бегу за ним: «Батюшка, может быть, Вы здесь покрестите?» – «А где же?» – «А вот там рубят прорубь». – Рабочие уже углубились по краям, батюшка прыгнул на середину, попрыгал, чтобы этот кусок скорей отвалился. Но – никак. И тут приезжий, такой большой мужчина, делает шаг и – прыг на это место. Лед проваливается. Батюшка чудом его подхватил, как он успел перескочить на твердый лед, не знаю. Памятное, радостное было крещение. В первые годы служения батюшка нередко опаздывал на службу из-за того, что должен был кому-то послужить. Это происходило регулярно, вдруг появляется кто-то с неотложными просьбами: «Отец Владимир, скорей, опоздаем... чуть ли не умирают...» И он немедленно откликался на зов. У него иначе не могло быть.

Потом Бог посетил меня очень сильной болезнью. Самое страшное, стали нетрудоспособными руки. Я была в полном отчаянии. Батюшка очень за меня переживал, помогал с первого дня болезни, и очень меня поддержал. Помню, они с матушкой все какие-то витаминчики подсовывали. Батюшка молился обо мне, но исцеление не наступало. Поехала на соборование, которое он проводил. Применяла многие средства, мне все старались помочь, но ничего не помогало. В период этой болезни, в утешение, батюшка подарил мне несколько икон и среди них – Песчанскую Божию Матерь. Что-нибудь присылал с приезжавшими к нему – коробки конфет, какие-то добрые подарки, чтобы ободрить, облегчить мое действительно серьезное состояние.

И однажды сказал: «Давайте попробуем лечиться по методу протоиерея Василия (Швеца). Он – духовное чадо иеросхимонаха Серафима Вырицкого. У него есть метод глубокого очищения организма». Согласилась. Он говорит: «Когда вы хотите начать?» – «С завтрашнего дня». – «Ну, благословите меня вместе с вами». Поразилась: «Батюшка, как Вы сами хотите, как я могу Вас благословлять?» Это, конечно, была улыбка для ободрения.

Подвиг трехнедельного голодания отец Владимир весь полностью проходил вместе со мной, не меняя напряженного ритма своей жизни, по слову Евангелия: *«Кто попросит у тебя идти одно поприще — иди с ним два»*. Но несмотря на надежды исцелиться, и после этого ничего не произошло. Благодарю Бога за испытание: это был момент становления, время покаяния. Оно принесло мне большую духовную пользу. Отец Владимир все это время молился обо мне, сугубо чувствовала силу его молитв, которые меня держали весь тяжелый срок. Постепенно батюшка меньше стал, что называется, гладить меня по головке. Наверное, решил, что я выхожу из младенчества. Возникли серьезные, трезвые отношения.

Когда я прошла очистительный период голодания, спросила: «Батюшка, а когда же будет исцеление?» – потому что оно не последовало. Он так, как-то легко, почти небрежно, говорит: «Ну, исцеление будет позже». После

этих слов не стала особенного внимания на болезнь обращать. Применяла какие-то лекарства, чтобы немного подкрепить себя. Когда заболела, меня посетила, наверное, молитвами батюшки, мысль: эта болезнь – моя подготовка к будущему постригу. Приходилось многие искушения преодолевать. Они меня не оставляли. Они усиливались, потому что в период поста враг еще больше нападал. Так я и готовилась к постригу. Предложили мне его, когда совсем на это не рассчитывала – моя очередь еще не подошла. Приняла постриг – и болезнь меня оставила. Сохранилась только в какой-то малой мере. Так, чтобы я не забывалась. Тороплюсь сказать отцу Владимиру: «Я исцелилась!» Он: «Никому не говори, об этом не обязательно всем говорить. Это лично для тебя». Тем более что немного осталось. И раньше и потом слышала от батюшки: *«Это надо терпеть! Что-то всегда надо терпеть. Это часть монашеского делания»*. И еще слова преподобного Амвросия: «Монаху не надо стремиться вылечиться, лишь подлечиться – есть болезни, которые ему полезны». Отец Владимир повторял: «Терпеть!» Он со мной кратко общался. Короткая фраза или две-три. Но его слово обладало властью. Произнесенное в какой-то отчаянный период болезни – оно, буквально, держало меня своей силой. Вслед за ним тут же находила в книгах и окружающей жизни примеры, подтверждающие подсказку. Сказанное на лету – слово как будто пускало корни и прозябало в тебе новое понимание.

В период Великого поста произошло одно искушение. Многие и прежде пытались на отца Владимира клеветать, всегда это отметала. А тут дьявол попытался напасть непосредственно. Ко мне подошел человек и прямо в лицо произнес хулу на батюшку. Милостью Божией, возобладала над собой, не стала с ним спорить. Побоялась своей неопытности. Страшно выходить на битву при неопытности, можно ничего не доказать и самой упасть. Выслушала, промолчала и отошла. После этого я почувствовала, что мне очень больно, как будто в сердце зашла заноза. Пыталась молиться, старалась сама с этим справиться и понимала, что не могу. Батюшка приезжает, и думаю: «Я должна исповедаться». Это страшное дело, потому что помысел,

как яд, как болезнь. Все это произнесла батюшке, но не стала говорить, что это именно о нем. Но он сразу понял. И тут же назвал имя человека, распространявшего клевету: «Я слышал это». Стал очень углублен, молитвенно сосредоточен, не перевел все в шутку: «Вы знаете, что это? Это хула на Духа Святаго». И посмотрел на меня очень серьезно. Возможно, понял, что и во мне гнездятся какие-то грехи, ведь искушения просто так не бывают. Чистого человека грязь не коснется, если меня это задело, значит, и во мне была какая-то язва. Он стал еще серьезнее после этой исповеди и разговора. Позже отец Владимир предупредил меня: «Те, кто незаслуженно обвиняет человека в колдовстве, обыкновенно сами являются тайными слугами темных сил».

У батюшки было сугубое отношение к священству. Он уважал любого священника, какой бы он ни был: немощной, делающий ошибки или не умеющий от старости выговорить правильно какие-то слова – он относился ко всем собратьям по службе с подлинным благоговением. Сугубо относился к монашествующим. Он и каждого человека чтил, но священство – особенно. То есть батюшка этими, столь определенными словами защищал не себя, а именно священный сан. Помню, насколько он был строг во всех богослужебных контекстах, службах; старался всегда служить по полной мерке, по дореволюционным добрым образцам.

Как-то во время богослужения отец Владимир вышел исповедовать, я сразу пошла за стульчиком, зная, как от бесчисленных часов исповеди у него болят ноги: «Батюшка, садитесь», – и собралась уходить. Был большой праздник, отец Владимир знал, что сложно нам причаститься – когда так много людей. Он тут же меня останавливает, берет за руку: «Матушка, идите исповедоваться». Растерялась: «Батюшка, простите, я ведь не готовилась». Обычно, хоть как-то все вспоминаю, стараюсь просмотреть перед исповедью свое прошедшее. Он вдруг очень настоятельно, прямо притянул меня к аналою: «Называйте свои грехи». И тут все вспомнила, подступили слезы, милостью батюшкиных молитв, начинаю видеть свое непотребство. И

немного назвала, он: «Все?» – «Все». Батюшка: «Вот она – подлинная монашеская радость, монашеские слезы». После этих слов прочел «разрешение».

Несколько раз отец Владимир меня исцелял. Однажды была сильная головная боль. Увидела, что он исповедует, подошла, постаралась какие-то грехи назвать и пожаловалась: «Батюшка, у меня очень сильно болит голова. Просто изнемогаю – я бы так не переживала, если бы не надо было нести послушание, требующее от меня большой отдачи сил. Так тяжко». Он наклонил мне голову, начал «мять» шейные позвонки, несколько раз сжал голову руками. Прочитал разрешительную молитву. Отошла – полная ясность и свежесть, никакого намека на бывшее. Эта непростая боль может длиться неделями, укладывает меня в постель.

Длительный период мучила болезнь ноги – основательная изнуряющая боль. Не знаю, с чем это было связано. Но ничего не помогало. Лекарства только слегка ослабляли тяжелое состояние, и снова все возвращалось. Месяцы лечилась и терпела, пока однажды не призналась на исповеди отцу Владимиру. И даже рассказала сон, где какая-то нечисть ставит мне печать на ногу. С тех пор мучила резкая боль, и даже в этом месте появилось пятно. А он: «Забудьте про все это!» И сразу – резкое облегчение. Короткое время нога о себе напоминала. Еще подумала: как забыть? Но вскоре о ней действительно перестала вспоминать. И в осенне-весенние сезоны, когда эта болезнь активно обострялась, Слава Богу, ничего нет. Явная Милость Божия, батюшкиными молитвами.

Каждый год с отцом Владимиром происходили какие-то большие личные несчастья, которые надолго выводили его из строя. Наверное, потому что он постоянно брал на себя чужие «бремена неудобоносимые». Один во всем Дивееве заболел дифтерией – чуть не умер. Ему сказали, что, в лучшем случае, он совсем потеряет голос. Как тяжело возвращался к жизни... Это все, конечно, за наши грехи. Через год случилось другое несчастье – фурункулез. У него сильно повысилась температура. Причем, не обращая внимания на эту температуру и боли, он поехал служить

на скит, я там случайно оказалась. Мы собирали землянику. Была сильнейшая гроза. В страшный ливень мы ехали по чистому полю на скит под молниями. Помню, в ужасе молились Матери Божией и Преподобному Серафиму. Но я обращалась к отцу Владимиру: «Батюшка, помолитесь о нас!» Знаю, что молния, если едешь полем, – бьет по любой возвышенной точке. На самом деле мы были обречены. Чудом уцелели. Приехали в скит, и вдруг узнаю, что батюшка здесь и – сильно болен. После богослужения он буквально лег в машину. Они не могли ехать. Машина была в аварийном состоянии – на каждом метре останавливалась. Мы пытались им помочь. Состояние было ужасное – крайнее... когда батюшка лежал и уже ни на кого не реагировал. Температура – запредельная. Матушка была в отчаянии, не знала, что ей делать. Машину все же починили, они уехали. На следующий день узнаем, что батюшку готовят к операции: смертельный фурункулез. Вот, когда так отцы болеют, понимаешь всю тяжесть своих грехов.

С мамой были, по-прежнему, большие проблемы, и отец Владимир благословил ее приехать. Но это было очень сложно. Святыми молитвами, она все-таки появилась, и ей предложили остаться жить при монастыре. На ее руках – мой десятилетний брат. Ей предложили дом от монастыря, она сначала обрадовалась, но тут же отказалась и уехала. Батюшка говорит: «Да что же она делает?!» Приезжает через два года уже со всеми вещами: «Все, я остаюсь». Начались мытарства: никто не хотел, не соглашался ее принять. Где ни поселится, через краткое время уходит. Мы обращались к отцу Владимиру: «Что нам делать?» Он помогал и не только молитвами. Нашел людей, просил их принять мою маму. У них она и осталась жить.

Подобное со многими приезжими творится – здесь все начинается с искушений. В святом месте бесы сугубо воюют, это каждый испытал. Приехала сюда в первый раз – приложилась ко кресту Матушки Александры и ощутила, что мое сердце – окаменело. Все происходящее видела, слышала, но сердце ни на что не отзывалось. Было так обидно. Что со мной происходит? Почему я не могу радоваться? Мечтала сюда приехать, читала «Летопись» – пла-

кала. Когда приезжие сестры рассказывали про Дивеевский монастырь, просто заливалась слезами. Так стремилась сюда – и вдруг приезжаю и испытываю эту смертельную холодность. Все это, оказывается, по грехам. Предстояло принести невнешнее покаяние. Прошло какое-то время, прежде чем сердце растопилось. То же самое, может быть, происходило и с мамой, и многими другими. Поэтому сильно не расстраивалась. Просила Преподобного Серафима и молитв у отца Владимира, чтобы она выдержала, не бросила все, опять не убежала. Потом еще сложнее вернуться. Обо всех маминых сложностях часто говорила с батюшкой: «Мама меня не понимает, всему противодействует. Делай так – она не хочет, отказывается читать святые книги». Всегда отвечал: «Терпите». Как-то он мимо нас проходил и говорит: «Ты ее не оставляй», а маме: «И ты ее не оставляй» (будьте вместе).

А потом мама перестала общаться с батюшкой. Когда она его видела, становилась каменная. Прошу: «Мама, пойдем к отцу Владимиру, исповедуешься, пойдем хоть под благословение!» Она, если и подходила к нему, то была, как железная. Она могла все рассказывать только мне. А это очень тяжело, когда человек все свое неподъемное изливает на тебя. Но батюшка и в этой ситуации сочувствовал, во-первых, ей: «Если она только вам может все рассказывать, значит, вы должны ее выслушивать. Ради нее. Иначе просто нет выхода. Молитесь, за нее нужно очень серьезно молиться». Благотворная перемена маминой жизни произошла – вслед за кончиной батюшки.

Отец Владимир любил и неповерхностно знал, наверное, всех замечательных старцев нашего времени. Владыка Иоанн Петербургский и Павел Флоренский, архимандрит Софроний (Сахаров), иеросхимонах Сампсон, множество современных афонских старцев, начиная с Паисия Святогорца, Иосифа Исихаста... все книги у батюшки в пометках. Но он предлагал относиться с рассуждением ко многим текстам. Например, говорил: «Ошибкой издателей наследия старца Сампсона является то, что его индивидуальные советы (отдельным чадам) предложены как общеупотребительные. Это очень часто не соответ-

ствует общим запросам. И может вызвать путаницу, мелкие и крупные ошибки и даже искажения духовного пути».

Оказывал тайную милостыню батюшка постоянно. Многим людям и нашей семье. Он просто снабжал нас деньгами. Во время искушения с мамой он предложил: «Позвоните отцу, пригласите сюда приехать». Очень долго с отцом разговаривала. Ответил: «Я не приеду». Передала это батюшке. Он немножко задумался и с тех пор нам все время помогал. Этого, конечно, не знал никто. Только, может быть, в последние месяцы матушка узнала, когда он через нее посылал свою регулярную помощь. Причем, все делал невидимо: проходит мимо, даст в руку сумму и идет дальше. На ходу: «Это вам, маме передайте». Мы с ним однажды заходили в храм, и к нему бросилась нищая, прося о помощи. И он вроде бы прошел, чтобы я вместе с ним была отгорожена дверью, а потом вернулся. Но видела, как он дал ей в руку деньги и быстро ушел. Все хорошее он старался делать незаметно. Мне Господь открыл, как он щедро подает. Без повышенного внимания батюшкины деяния невозможно было проследить. Такой он был во всем.

Был очень строг к себе, к выполнению своих обязанностей. И снисходителен к другим. Один период я была старшей по келии. И как-то обратилась к батюшке в кризисной ситуации. Две сестры не могли поделить, кому из них убирать. Он мне просто сказал: «Значит, вам надо убрать самой, вы же старшая». Это было его кредо. Он постоянно чужие ноши брал на себя. С ним всегда всем было легко».

Отец Владимир о явлениях оккультизма

К батюшке нередко обращались люди, пострадавшие от экстрасенсов и их сеансов по телевизору. Отец Владимир говорил, что всех, смотревших эти передачи, нужно отчитывать. От него я узнала, что Джуна – ведьма в восьмом поколении, а у Кашпировского – с XVI века в роду потомственные колдуны. И сама фамилия обозначает, в переводе с украинского языка, – «вампир». Батюшка бесконечно сострадал людям, попавшим в страшную бесовскую западню. От близкой духовной дочери отца Владимира мы услышали эту историю.

Когда по телевизору начались выступления Кашпировского, в одной семье семнадцатилетняя девочка буквально прилипала к телевизору. Бабушка ей говорит: «Пойди, проветрись. Что это такое, из дома тебя не выгонишь? Смотри – твои подружки пошли гулять!» «Ты ничего не понимаешь, у меня, благодаря этим сеансам, шов от аппендицита разглаживается, скоро совсем пропадет», – с торжеством отвечала внучка. Через неделю-другую она пришла к близкой подруге и сказала: «Ты знаешь, у меня, кажется, поехала крыша....» Еще через неделю девочку положили в психиатрическую больницу. Продержав изрядный срок, ее, наконец, выписали. Казалось, беда отступила, но через самое короткое время дочь исчезла из дома. Отец занимал высокий пост и, воспользовавшись своими связями, поднял на ноги все, что можно было поднять. Был задействован даже КГБ. Родители, по совету верующих друзей, стали ходить в церковь, подавать записки о здравии, служить молебны. Были поданы сорокоусты во многие монастыри. Прошло два месяца. Пропавшая не находилась. За это время отец стал полностью белым.

Семья жила в Подмосковье. Неподалеку находилась электростанция. В комплексе ее построек была бетонная башня, бездействовавшая по причине какой-то поломки. Но настал срок ремонта. И девочку нашли. Бесы, которых вселил матерый колдун в ее, не защищенную верой, душу, гнали несчастную, и она, цепляясь за редкие металлические скобы (нужна нечеловеческая сила, чтобы взобраться на такую безумную высоту), добралась до самого верха и спрыгнула – внутрь башни... Мать узнала истлевшее тело дочери по серебряному колечку с ее инициалами – недавнему подарку отца.

Родители почившей стали глубоко верующими людьми. По сей день они приносят Богу глубокое покаяние в том, что не воспитали дочь в Православной вере, не остановили ее от душепагубного общения с сатанистом. Они будут до конца своих дней со слезами просить у Бога снисхождения и Милости для своей крещеной девочки. Ибо вымолить у Бога возможно все. Так поддерживал нас отец Владимир: «Для Бога нет ничего невозможного! Только бы

очистить свою душу. И нашу молитву услышит и примет Господь!»

Раба Божия Людмила, у которой отец Владимир отчитал сына, находившегося в тяжелом духовном состоянии, рассказывала батюшке, что ее мальчик начинал с «нестрашного» увлечения рок-музыкой. «И вот к чему это привело! – с силой сказал батюшка. – Вы знаете, что на рок-концертах вербуют молодежь в сатанинские секты?!» «Он раскрыл мне глаза на то, что стояло за «невинным музыкальным увлечением». Дал мне текст с информацией на эту тему. И посоветовал читать книги иеромонаха Анатолия Берестова».

Перечитывая страницы, подаренные отцом Владимиром этой женщине, думаю о том, что они столь же актуальны. Через эти строки батюшка и сегодня обращается к душам родителей и их детей, попавших в беду. Он напоминает нам, что из нее можно выбраться, и благословляет нашу борьбу с силами тьмы. Недопустимо терпеть, чтобы души наших близких погибали в когтях дьявола. Души, созданные Богом – для Царствия Небесного.

Сатанизм – следствие обращения к оккультизму

Не могут не потрясти признания бывшего члена сатанинской секты. Они свидетельствуют не только о явном общении с диаволом и его миром, но и тяжелейшей криминальной ситуации в этих сектах – убийствах, торговле наркотиками, проституции, психологическом воздействии на личность, подавляющем волю и развивающем зависимость от оккультизма и лидеров секты, а также от главного «лидера» – сатаны. Это не голые слова, это – жизненная практика, показывающая, кстати, и сложность выхода из секты. Сложность эта не только и не столько в страхе перед угрозой физической расправы, сколько в той дьявольской хватке, которой диавол держит человека, отдавшего ему свою душу. Отойти от этого душегуба очень сложно. Ведь в сатанинских сектах, как и в любых тоталитарных, происходит активное зомбирование психики человека, его превращают в биоробота. Один поддается внушению сильнее, другой – слабее. И в тяжелые моменты у

человека может наступить прояснение сознания, до него доходит страшный смысл происходящего. И тут у человека развивается паническое состояние духа. Он не знает, что делать. И в этом состоянии относительного просветления человек нередко кончает самоубийством. Такое может происходить и с совсем молодыми людьми, почти детьми.

Одна из очень сильных форм зомбирования – погружение в рок-музыку (трэш-металл, хард-рок, панк-рок и другие). Причем, происходит это не где-то за границей, а в наших российских городах, на глазах, а иногда и с молчаливого одобрения – учителей, родителей, общественности. Вот как описывает происходящее на сатанинских рок-действах одна мама, обратившаяся в наш Реабилитационный Центр на Крутицком подворье:

«В силу ряда обстоятельств я, взрослый человек, оказалась на концерте рок-музыкантов, играющих Black Metal, состоявшийся 14 марта 1998 года в КСК «Крылья Советов» в Москве. Все, что я там увидела и услышала, произвело на меня, мягко говоря, удручающее впечатление.

В зале присутствовали в основном (на 80%) подростки от 14 до 17 лет. Все они были одеты в черную одежду. Большинство из них носит на себе символику враждебных православию религий. Явных факторов хулиганства в их поведении не наблюдалось в связи с тем, что в зале было много милиции, хотя многие вели себя довольно развязно. Некоторые были пьяны, в том числе и девушки.

Концерт продолжался с 18.00 до 23.00 часов вечера. Выступали несколько рок-групп: «Галген», «Catharsis», «Demons of guilotine», «Satarial» и другие. «Музыку», которая неслась со сцены, трудно назвать музыкой. На фоне громоподобного звучания ударных инструментов и электрогитар звучал так называемый «вокал». Это было какое-то дикое рычание, напоминающее звериное.

Из всех выступающих групп обратили внимание на себя две последние. Содержание песен этих групп связано с пропагандой культа сатаны. Было объявлено группой «Demons of guilotine» перед исполнением одной песни, что она посвящается «властителю вселенной», вечному спутни-

ку тьмы. А вот названия песен группы: «Сын астрального огня», «Святой Люцифер», «Ave Satans».

Последняя группа была «гвоздем» программы. Внимание зрителей резко возросло с ее выходом на сцену. Выступление сопровождалось театрализованным представлением с дешевой претензией на средневековье. В течение двух часов между «рыцарскими турнирами» появлялись почти обнаженные девушки (возраст 15-16 лет). Периодически появлялся один из главных героев этого шоу – сатана. На сцене царила бесовская вакханалия. Вокалист группы обращался к молодежи с призывом: «Средневековые воины! Идите на борьбу с врагом и очистите от него свою землю!» (Под врагом, как я понимаю, подразумеваются, христиане). Или же призывал к сексуальной раскрепощенности. Зрители при этом отвечали громкими криками и выбрасывали руки вперед.

Оглядывая молодежь в зале, я видела, как сильно одурманивает их все происходящее. Даже я испытала сильное пагубное воздействие этой «музыки» на свою душу. По моему мнению, проведение таких концертов чрезвычайно вредно для любого человека, тем более для неокрепшей подростковой психики, и провоцирует крушение традиционных нравственных ценностей, после чего человек перестает быть человеком.

На моральном и психическом здоровье молодежи делается бизнес. Например, как видно из афиши концерта, на этом наживается магазин «Hobgoblin Records», спонсирующий группы».

Это письмо говорит о страшном явлении: через рок-музыку идет активная вербовка подростков в сатанизм. Если бы все родители, как эта мать, вникли в то, что слушают, чем занимаются их дети, меньше было бы трагедий. Обращение этой женщины в наш центр – не единственное. Нередки жалобы родителей подростков, что их дети, начав слушать рок-музыку, меняются прямо на глазах: становятся неуправляемыми, интересы их резко сужаются и ограничиваются только прослушиванием музыки. Они становятся грубыми, агрессивными, перестают интересоваться учебой, часто перестают помогать по дому. Но это не обыч-

ные синдромы «трудного возраста». Вскоре выясняется, что рок-музыка, которую слушают эти ребята, откровенно сатанинского характера, они добывают ее на так называемой «горбушке». И, общаясь с подобными подростками, часто оказываются вовлеченными в сатанинские группы. При этом меняется и психическое поведение, и социальный статус подростка. Откуда в 15-16 лет может быть у человека такая ненависть к Православию, к сверстникам-христианам? С кем призывает нас бороться Христос, от кого нас спасает? От сатаны. Православие является злейшим врагом диавола. Почему сатанисты глумятся в первую очередь над Крестом? На Кресте был распят Христос, и Крест через это получил большую силу – губительную для силы нечистой. Потому такую ненависть он вызывает. И враг рода человеческого питает этой ненавистью своих служителей в человеческом обществе. Это явление одержимости. И я знаю случаи, когда убивали молодых людей, а рядом клали крест, или же приколачивали ко кресту уже убитых.

Когда мы говорили об этом с поклонниками рок-сатанизма, молодые люди начали понимать, что с ними происходит что-то неладное, что они влипли в тяжелую ситуацию. Нередко эти молодые люди переставали увлекаться роком, несколько человек прошли чин отречения от сатанизма, куда они были вовлечены. А недавно приходил один молодой человек поблагодарить за то, что помогли ему осознать вред воздействия рок-музыки. После нескольких бесед он прекратил ее слушать – стал себя гораздо лучше чувствовать, лучше учиться, у него появился интерес к жизни, и он сказал, что стал видеть мир словно другими глазами – для него жизнь открылась.

Закономерен вопрос: почему же молодые люди прельщаются такого рода разрушительной музыкой? Неужто они сознательно стремятся ко злу? Поначалу, конечно, нет. Чаще всего это безотчетное стремление, например, подражать знакомым. Они привыкают к рычащей и воющей «музыке», начиная получать от нее какой-то суррогат удовольствия, увлекаясь, все больше и больше. Тем более, что в такую музыку введены так называемые «подсознатель-

ные сообщения», то есть страшные слова, призывы, заклинания, которые негативно влияют на душевное состояние человека, производят зомбирующее действие. (Как теперь повсеместно в алкогольные напитки добавляют психотропные средства и, в итоге, человек уже не может жить, например, без пива. А дальше – больше!..) Привычка перерастает в страсть, а затем – в качественно новое состояние, когда возникает потребность слушать такую музыку непрестанно. То сатанинское содержание, что в ней заложено, пусть и на английском языке, неосознанно воздействует на подсознание, и человека накачивают – демоническими энергиями.

У нас в Душепопечительском Центре побывали родители с совсем еще юным десятилетним поклонником «блэк-металл». Он настолько был порабощен музыкой, что и получаса не мог жить без этих ансамблей. Если мать выключала магнитофон или забирала пленки – у него начиналась настоящая истерика, его било и корежило так, как бывает с наркоманом, когда ему не дали наркотика. Или как это бывает при приступах одержимости бесами. И в школе начало твориться что-то невообразимое: очень способный мальчик, С., выучив урок, у доски не мог сказать ни слова, начиная говорить, мог внезапно упасть в обморок. Этим тяжелым душевным расстройствам он был обязан сатанинскому року, от которого впал в психологическую зависимость. Печально, что родители механически «боролись» с его увлечением, не пытаясь понять и объяснить происходящее. Только у нас в Центре С. впервые в жизни задумался о том, хорошая или плохая музыка, которую он слушает. Не колеблясь, он ответил: «Плохая». Но, что его тянет к ней – объяснить не смог. Он впервые услышал, что эта музыка соединяет его с демонами, которые его ненавидят и хотят его гибели. Он был очень удивлен и спросил: «А зачем же тогда ее сочиняют, зачем поют и записывают?»

Этот вопрос надо задать взрослым и в отношении фильмов ужасов и демонических компьютерных игр, которые подготавливают подростка к восприятию сатанизма и каббалистики как нормальной реальности жизни. Мы еще

получим всплеск «необъяснимой» тяги к демонопоклонству у «поколения видеоужастиков». Мы уже наблюдаем первые плоды, когда молодые люди и девочки заигрывают с сатаной, не видят ничего особенного в том, что из любопытства побывают на каких-то темных сборищах. Но может ли даже однократное посещение пройти бесследно? Нет. Святитель Игнатий Брянчанинов сказал, что если мы даже невольно обратим свое внимание на дьявольские вещи, это так или иначе трагически коснется нашей души.

Знаю случай, когда молодые люди по просьбе телевизионщиков разыграли в одной из подмосковных пещер ритуал посвящения души сатане. Там «для игры» было совершено жертвоприношение черного петуха, которого четверо участников телесъемок затем съели. И ужасная судьба постигла всех четверых. Трое из них погибли страшной смертью вскоре после этого – причем, в той последовательности, как они ели жертву дьяволу. Из четверых в живых остался только один – мать его приходила к нам в Душепопечительский Центр с просьбой помолиться, что-то сделать, как-то помочь ему, он был в тяжелейшем психическом состоянии. Еще раз повторю: не остается бесследным, ненаказанным ни одно обращение к дьяволу, даже из любопытства: люди или быстро вовлекаются в сатанизм, или же получают какой-то тяжелый ответный удар.

Нельзя недооценивать чудовищный вред сатанизма, надо, чтобы учителя, педагоги, родители, семьи знали об этом страшном явлении, чтобы оно не застигло их врасплох. И родители, и дети должны знать, что если случилась беда, то из сатанинской секты можно вырваться. Конечно, при этом могут быть и угрозы расправы, но чаще это просто запугивания, хотя, безусловно, бывают случаи, когда «изменников» убивают. И тут выход надо искать индивидуально – лучше всего посоветоваться с более опытными людьми, со священниками, можно придти к нам в Душепопечительский Центр на Крутицком подворье, в Центр св. Иринея Лионского, возглавляемый профессором Дворкиным, или в Центр защиты молодежи от тоталитарных сект им. Хомякова, который возглавляет священник Олег Стеняев. Родители не должны выжидать, если видят,

что с их детьми происходит что-то неладное. Эта беда чаще всего приводит родителей в Церковь – и для спасения душ их детей – это единственный выход.

Мы все должны задать вопрос: а почему все это с нами происходит? Могли ли мы еще недавно представить, что в канун 2000-летия Рождества Христова, в наш «цивилизованный» век возродится древнее идолопоклонство, причем в самых зловещих, кровавых формах? Мы должны отдать себе отчет в том, что сатанизм – прямое следствие проникновения оккультизма, магии, каббалистики во все сферы нашей жизни, и, в первую очередь, в школы, где мы пожинаем страшные плоды нашей бездуховности. И если мы не остановимся, может быть еще хуже.

Посмотрим – к чему мы пришли? Во многих школах начал вводиться новый предмет – валеология. Казалось бы, что плохого в науке о том, как быть здоровым? Но это обман, дьявольский обман! Дело в том, что под видом валеологии часто внедряются мистические учения – рерихианство, оккультизм, а это прямая дорога в ад! В сатанизм. Точно так же, как и половое растление детей, которое проводится через валеологию. Сатанизм же и половые извращения связаны очень тесно. Тяжелейшей формой одержания бесами является, к примеру, гомосексуализм – а ведь нам усиленно навязывают терпимое и даже благосклонное к нему отношение! Мы должны знать, что растление детей через половое воспитание обязательно обернется страшной трагедией нашего народа, и увеличится поток детей в сатанинские секты. Это взаимосвязанные вещи. Тяжкий грех блуда, растление питает сатанизм. Блуд – это пища сатаны! Тут надо бить во все колокола, поднимать всю общественность, говорить о том страшном явлении, которого мы не замечаем или не придаем ему значения.

Также и в школах педагоги должны знать, что увлечение любой мистикой, парапсихологией, рерихианством, оккультизмом и т.п. – обязательно приведет к расширению масштаба сатанинских сект.

«Оккультизм, магия, что одно и то же, и сатана – это две согласные, взаимодействующие, неразрывно союзные силы. Там, где растет вера в сатану, растет и стремление к

магии», – об этом писал святой протоиерей Валентин Амфитеатров.

Мы видим, что в жизни так оно и есть. Мы должны быть честными перед собой. Оккультизм, различные виды магии (на самом деле есть лишь одна – черная магия, которая пытается замаскироваться, именуя себя белой, зеленой...), «целительство» – никакого отношения к вере в Бога не имеют. Они являются осознанным или неосознанным служением темным силам и первой ступенью к прямому дьяволопоклонничеству. Масштаб этого процесса ужасает. Дело доходит до абсурда: многие политики пользуются услугами колдунов (и это не в Южной Африке, а в России), к ним прибегают и преступные группировки, беря на вооружение магию и колдовство. И даже милиция пользуется услугами колдунов! Так что именно наша бездуховность, религиозная безграмотность провоцируют уход молодых людей в сатанинское логово.

Выход может быть простой: если хочешь уберечь ребенка от этого ужаса, воспитывай его в православной вере. Православная вера – это основание того, что ваши дети не будут сатанистами. Есть выход – выбрать свободу, выбрать Бога. Познавший Бога становится свободным.

Будем же помнить слова Апостола Павла: *«Бог же мира сокрушит сатану под ногами вашими вскоре»*, если мы хотим отойти от зла и сотворить благо.

Иеромонах Анатолий (Берестов), доктор медицинских наук

Отцу Владимиру был хорошо известен этот текст, написанный вслед за нашей победой во II Мировой войне. ***План Аллена Даллеса*** для СССР (директор ЦРУ США в 1953-1961 гг.):

«...мы бросим все, что имеем, – все золото, всю материальную мощь на оболванивание и одурачивание людей! ... мы незаметно подменим их ценности на фальшивые и заставим их в эти фальшивые ценности верить. Как? Мы найдем своих единомышленников, своих помощников и союзников в самой России. Эпизод за эпизодом будет разыгрываться грандиозная по своему масштабу трагедия гибели самого непокорного на земле народа, окончательного,

необратимого угасания его самосознания. Из литературы и искусства, например, мы постепенно вытравим их социальную сущность... Литература, театры, кино – все будет изображать и прославлять самые низменные человеческие чувства. Мы будем всячески поддерживать и поднимать так называемых творцов, которые станут насаждать и вдалбливать в человеческое сознание культ секса, насилия, садизма, предательства – словом, всякой безнравственности... Хамство и наглость, ложь и обман, пьянство и наркоманию, животный страх друг перед другом и беззастенчивость, предательство, национализм и вражду народов, прежде всего вражду и ненависть к русскому народу: все это мы будем ловко и незаметно культивировать... И лишь немногие, очень немногие будут догадываться или понимать, что происходит. Но таких людей мы поставим в беспомощное положение, превратив в посмешище. Найдем способ их оболгать и объявить отбросами общества... Мы будем расшатывать таким образом поколение за поколением. Будем браться за людей с детских, юношеских лет, главную ставку всегда будем делать на молодежь, станем разлагать, развращать, растлевать ее. Мы сделаем из них циников, пошляков, космополитов. Вот так мы это сделаем».

«Не ищу мести, Отче мой, не хочу мести, а ищу, чтобы дал Ты мне море слез, которым мог бы я оплакать боль идущих на заклание и не знающих, куда идут.

Те, что просвещают не просвещая, а ослепляя – что будешь делать с ними, Господи? Они отвращают детей Твоих от Тебя и запрещают им прибегать к Твоей Мудрости, говоря: Господь – это старое слово ваших покойных дедов. Это старый талисман, который деды носили на себе и умерли. Мы вас научим, как копать землю и как упитывать тело, и как ковать золото, сияющее сильнее всех драгоценностей. Что будешь делать с искусителями детей Твоих, Господи?

Они льстят глупцу и насильнику – только бы дорваться до первых мест.

Они не учат народ истине, а кормят ложью круглый год.

Господи Великий и Страшный, все Твои пути –

Милость и Истина. Что Ты будешь делать с ослепленными, оглупленными, обманутыми, ограбленными?

Если вспомнит кто Имя Мое, вспомню и Я его, и – спасу.

Жду, что Меня призовут – и отзовусь.

Пока есть мольбы на земле, будет и эхо на Небе.

Я – Тот, Кто наиближайший всем и всему. Даю Себя тому, кто Меня желает; удаляюсь от того, кто Меня не знает. Без Меня мир – горсть пепла. И без Меня люди незначительнее пепла» (Святитель Николай Сербский).

«Цель богоборцев – вытравить в человеке образ Божий, надругаться над ним, обезличить человека. Главный удар «тайны беззакония» всегда был направлен на личность, индивидуальность... Идеология глобализма направлена на унификацию сознания и устранение национального самосознания народов, их неповторимости и особого пути развития, что как раз и формировало человеческую личность. Поэтому так массированно внедряется и навязывается народам единообразие во всем: в привычках, вкусах, пристрастиях, внедряется примитивный унифицированный стиль мышления. Каждый человек есть неповторимая личность, и единообразие, американизация народов для мирового правительства является средством подавления в человеке духовного начала.

«В мире действует, – пишет Линдон Ларуш, – антихристианская идеология «Нового века». Она отрицает, что человек создан по образу и подобию Божию, а вместо этого внедряет в массовое сознание представление о человеке, как о развращенном животном. Именно поэтому в массы была запущена так называемая культура рока, секса и наркотиков (rock-sex-drag culture). Именно поэтому, вдохновляясь примером Римской империи, строители новой утопии стали поддерживать и пропагандировать гомосексуализм и прочие половые извращения. Они привыкли обращаться с людьми, как с безмозглой скотиной, которая покорно бредет, куда ее погонят. Поэтому правящая мировая олигархия, с одной стороны, не заинтересована в росте населения, а с другой – изобретает различные

средства оглупления человека. Вот почему повсюду так внедряется низкопробная массовая культура».*

На общей исповеди отец Владимир говорил: «...Берегитесь «целителей», экстрасенсов, астрологов, психотерапевтов, гипнологов. Не верьте тем, кто обещает вам «снять порчу и сглаз». Не имейте ничего общего с теми, кто занимается колдовством, гаданием, йогой, черной магией (никакой другой магии, кроме черной, не существует), знахарством, аутотренингом... Все, кто обращался к ним за помощью, находятся под повышенным воздействием темных сил. Они должны принести Богу глубокое покаяние в смертном грехе прямого общения с бесами! (Истинное целительство, прозорливость – дары Святого Духа. Это награда святых. Подобные дары даются православным подвижникам за целожизненный подвиг: нестяжания, поста, молитвы, глубочайшего смирения.) Все болезни наши, душевные и телесные, от грехов наших. Постараемся же скорее расстаться со своими страстями – главными врагами нашего спасения. Не откладывая, прибегнем к серьезному покаянию. И Господь, имеющий власть изгладить наши грехи, Единый может прибавить или убавить нам здоровья.

Возможность покаяться – величайшая из Милостей Божиих. Двери покаяния открыты для всех нас. На самом деле – это единственные двери, через которые мы приближаемся к Царствию Небесному. Дай Бог, чтобы мы все успели пройти ими! Время – коротко. Всякому человеку предоставлена свобода – выбрать между добром и злом. Как распорядимся мы этим святым даром? Приблизят ли нас к Богу наши добрые дела? – с подлинной ли искренностью и любовью мы их совершаем?

Каковы наши дела в очах Божиих – никто не знает. С чем мы предстанем перед нашим последним днем? Никто не знает, какой ангел придет за нами, чтобы повести нас на Страшный Суд: белые или черные крылья будут за его спиной? Не будем забывать: разбойник, страдавший рядом со Христом на кресте, – жестоко осудил себя, покаялся с глубоким смирением, и Господь простил его, первым из

* Познать Бога и себя. Молодая гвардия. Москва, 2004

всех людей ввел в Рай. (И это светлая надежда для всех разбойников всех веков, к которым мы все с вами относимся.) Иуда называл себя учеником Христа, но предал Учителя и – не раскаялся... по гордыне своей ушел в Вечную муку.

Святые Отцы говорят, что если бы опомнились и покаялись сразу после преступления Адам и Ева, то Бог простил бы их. Не будем же откладывать нашу исповедь «на потом», чтобы не оказалось – «поздно». Если бы ужаснулся себя – и покаялся Иуда, Бог мог бы простить – и его. Господь готов простить даже бесов... Так будем же каяться, пока еще есть время, будем каяться со слезами, пока еще не затворены двери Милосердия Божия...»

Чин отречения от оккультизма. Исповедь

В наше время всеобщей бездуховности темные силы действуют особенно решительно и открыто. Широко распространились оккультные, сатанинские учения. Они имеют разные названия: экстрасенсорика, биоэнергетика, астрология, нетрадиционная медицина, кодирование, магия, колдовство, парапсихология, телекинез, контактирование с «высшим разумом», гипноз, целительство, йога, медитация и т. д. – но, несмотря на внешние различия между собой, все они связаны общим источником и общей целью – отделением человека от Бога и вовлечением в общение с сатаной. Отступление от истины, хранимой Церковью Христовой, привело к потере духовных ориентиров и забвению элементарных духовных знаний. Вследствие этого некоторые из начинающих оккультистов искренне уверены в том, что оккультные занятия приближают к Богу. Оккультисты часто посылают своих пациентов и учеников в церковь принимать крещение и причащаться. Впрочем, многие советуют это, чтобы обмануть пациентов своей мнимой причастностью к Православию.

Следует помнить, что существуют два вида магии: черная и белая. Черная магия откровенно творит зло человеку, причиняет ему несчастья, приносит болезни и смерть. Черная магия подобна убийце с топором в руках, забрызганных кровью, – ее легко узнать. Белая же магия – скры-

вается, маскируется под видом добра. Люди, занимающиеся ею, часто пытаются сослаться на авторитет Церкви, говорят о каких-то исцеляющих силах, которыми владеют. Эта магия прикрывается порой внешней церковностью, как и убийца, может иной раз прийти не с топором в руках, а под видом лучшего друга, для того чтобы, замаскировавшись, еще легче сделать свое черное дело.

Мощный поток литературы по оккультной тематике и восточным религиям захлестнул книжный рынок. Телепередачи с участием астрологов и экстрасенсов собирают многомиллионные аудитории. К услугам желающих заняться оккультизмом – целая сеть школ разнообразного профиля, обучение в которых гарантирует за достаточно короткий срок овладение «сверхчеловеческими способностями»... Да вот беда, платой за эти «способности» являются бессмертные души обучающихся. Сатана есть «человекоубийца искони»; обращение к нему за приобретением временных благ и особых возможностей оборачивается разрушением личности и общением с темными злыми духами здесь, в этой жизни, и мучением вместе с ними в жизни будущей. Добровольное обращение к падшим духам неизбежно приводит к мучительному рабству. Демон, овладев личностью хотя бы раз, уже не оставляет предавшегося ему до тех пор, пока либо не уподобит его себе, либо не доведет до самоубийства. Обычными последствиями занятий оккультизмом являются расстройства воли и психики, разного рода одержимости, изнурительные видения, маниакально-депрессивный психоз, истощение организма в результате «энергетического подключения» к более сильному экстрасенсу – «вампиру» и многое другое. Подобные явления возникают и у тех, кто обращался к экстрасенсам за помощью, а порой у тех, кто из любопытства вызывал духов на спиритических сеансах, гадал или бывал на выступлениях эстрадных колдунов. Испытав на себе отрицательные последствия бесообщения, ужаснувшись своего поведения, такие люди часто обращаются в церковь за помощью и, наконец, действительно приходят к Богу. Колдуны на исповеди – теперь явление очень частое. Но освободиться от власти тьмы им не просто. Сатана всеми силами

пытается удержать ускользающую добычу.

К сожалению, даже искреннее покаяние в грехе занятия оккультизмом не освобождает от последствий этих занятий сразу. Человек еще долго может испытывать на себе воздействие демонов, которое выражается в периодическом усилении страстей, нашествии богохульных помыслов, обострении нервно-психических расстройств, тяге к самоубийству, возобновлении видений, сохранении «энергетических подключений», а то и в прямом чувственном нападении бесов во сне или наяву. Как показывает опыт, для пресечения этих последствий необходимо совершение отречения от оккультных занятий. Отречение совершается непременно в рамках таинства исповеди, во время которой рекомендуется подробно поисповедовать кающегося не только в грехе занятий оккультизмом, но и во всех грехах, содеянных им с семилетнего возраста. Чин отречения совершается следующим образом.

По принятии подробной исповеди священник не читает разрешительной молитвы, а вопрошает кающегося: Желаешь ли отречься от пагубных для души и тела занятий оккультизмом?

Кающийся отвечает: Желаю от всего сердца..

Вопрос: Признаешь ли, что занятия различными видами оккультизма, такими, как экстрасенсорика, биоэнергетика, бесконтактный массаж, гипноз, «народное» целительство, нетрадиционная медицина, кодирование, «снятие порчи и сглаза», колдовство, чародейство и ворожба, гадание, спиритизм, астрология, контактирование с духами, вызывающими полтергейст, контактирование с «высшим разумом», с НЛО, подключение к «космическим энергиям», парапсихология, телепатия, «глубинная» психология, теософия, йога и другие восточные культы (или недавно созданные на их основе), медитация, а также иные виды оккультизма приводят к углубленному общению с падшими духами?

Ответ: Признаю и раскаиваюсь в этих занятиях.

Вопрос: Раскаиваешься ли в приобретении, хранении, изучении и распространении литературы по оккультной тематике, в посещении лекций и занятий, в просмотре

кино- и фотоматериалов по оккультизму, а также в пропаганде и распространении оккультных знаний?

Ответ: Раскаиваюсь от всего сердца и обещаю уничтожить всю имеющуюся у меня в пользовании литературу, посвященную оккультным наукам.

Вопрос: Раскаиваешься ли в тяжком грехе привлечения близких к занятиям оккультизмом?

Ответ: Искренне раскаиваюсь и обещаю приложить все усилия для того, чтобы убедить соблазненных мною оставить эти богопротивные занятия.

Вопрос: Признаешь ли, что нестандартные «способности» и «дарования», приобретенные в результате занятий оккультизмом, имеют источником сатанинскую силу, и отказываешься ли от этих «способностей»?

Ответ: Признаю, что не Податель всякого блага Бог, а падшие духи являются источником моих «сверхчеловеческих способностей». Признаю, что пользование ими есть служение сатане и аггелам его, и обещаю впредь ни при каких обстоятельствах не прибегать к этим «способностям».

Вопрос: Отрекаешься от сатаны и сатанинских занятий оккультизмом?

Ответ: Отрекаюсь от сатаны и всех дел его, и всех аггел его, и всей гордыни его, и всего служения ему посредством занятий... (Здесь кающийся называет конкретный вид оккультизма, которым он занимался. Отречение повторяется трижды.)

Вопрос: Обещаешь ли не заниматься оккультизмом впредь?

Ответ: Обещаю.

Вопрос: Обещаешь ли пребывать в послушании Русской Православной Церкви и пастырям ее?

Ответ: Обещаю и во уверение сего – лобзаю крест и Евангелие Спасителя моего Господа Иисуса Христа. Аминь.

Кающийся целует крест и Евангелие. Далее священник читает над ним разрешительную молитву.

Аналогичным образом строится исповедь тех, кто целенаправленно оккультными науками не занимался, но обращался к оккультистам за помощью.

Без преувеличения можно сказать, что оккультному воздействию подвергалась большая часть населения нашей страны. По крайней мере, почти каждый смотрел телепередачи с участием Кашпировского или «заряжал» воду во время сеансов Чумака. По приблизительным данным, в таком крупном городе, как Санкт-Петербург, примерно 25% прихожан православных храмов до своего обращения в Православие прибегали к услугам оккультистов. Чаще всего обращаются в надежде на исцеление от тех или иных недугов к экстрасенсам, целителям, представителям нетрадиционной медицины, биоэнергетикам. Обращаются также к колдунам и ворожеям для «снятия порчи и сглаза», привораживания любимых, возвращения ушедших мужей, избавления от пьянства, курения, ожирения, исправления дефектов в воспитании детей. Огромное количество людей посещают выступления эстрадных колдунов и шаманов во Дворцах культуры и на стадионах, порой даже без конкретной цели, а просто из любопытства и «чтобы было лучше». Исповедь таких людей мы рекомендуем построить следующим образом.

По принятии подробной исповеди священник не читает разрешительной молитвы, а вопрошает кающегося: Признаешь ли, что обращение к экстрасенсам, биоэнергетикам, «народным» целителям и представителям нетрадиционной медицины, гипнотизерам, кодировщикам, астрологам, колдунам, чародеям, ворожеям, бабкам, спиритам, бесконтактным массажистам, парапсихологам, а также посещение выступлений колдунов, целителей и астрологов, просмотр и прослушивание теле- и радиопередач с их участием является пагубным для души и тела, приводит к углубленному бесообщению и делает повинным тебя в смертном грехе прямого общения с демонами?

Кающийся отвечает: Признаю и раскаиваюсь в этом грехе от всего сердца.

Вопрос: Не советовал ли ближним своим и знакомым обращаться за помощью к оккультистам? Если да, то покайся в этом грехе.

Ответ: Раскаиваюсь и обещаю приложить все усилия для того, чтобы привести соблазненных моими советами к покаянию.

Вопрос: Раскаиваешься ли в приобретении, хранении, изучении и распространении литературы по оккультизму, в посещении лекций, пропаганде и распространении оккультных знаний?

Ответ: Раскаиваюсь и обещаю всю имеющуюся у меня в пользовании литературу по оккультным наукам уничтожить.

Вопрос: Отрекаешься от сатаны и всего служения ему?

Ответ: Отрекаюсь от сатаны, и всех дел его, и всех ангел его, и всей гордыни его, и всего служения ему через обращение к оккультистам. (Отречение повторяется трижды.)

Вопрос: Обещаешь ли впредь ни при каких обстоятельствах не обращаться к оккультистам?

Ответ: Обещаю и во уверение сего лобзаю крест и Евангелие Спасителя моего Господа Иисуса Христа. Аминь.

Кающийся целует крест и Евангелие. Далее священник читает над ним разрешительную молитву.*

Слуга Господень

Господь оставил нам простые понятные слова, которые почти никто из нас, грешных, не в силах исполнить. Он умывал ноги Своим ученикам и называл Себя Слугой всех людей. Он призывал к подражанию Себе всех, кто готов последовать Его пути. Отец Владимир был воистину слуга Господень – воин Христов, отдавший себя Богу и нам – без остатка.

Узнала отца Владимира благодаря прозорливцу из Сергиева Посада – Борису, за которым ухаживала, по милости Божией. Благословляя меня в Дивеево, он вручил мне записку с просьбой святых молитв о себе: «Отдашь первому священнику, которого встретишь». Вот я в дивеевском соборе, поклонилась Пресвятой Троице, Владычице, Серафиму. И вижу, ко мне стремительно приближается батюшка. Только взяла благословение: «Доставай, что ты там привезла...» Быстро прочел, пристально посмотрел на меня и поцеловал в грешный лоб.

---

* Чин отречения от занятий оккультизмом. Орлец. Москва, 1996

Меня поразили его ясные, очень живые глаза, необычные манеры: простота и близость, которые и в отношениях родственников не всегда встретишь. Таким теплом обогрел, казалось, была с ним знакома всю жизнь. Эти, не ведомые миру, тепло и ласка, давно чужды отпавшему от Бога человечеству. В этой жизни культивируются: недоверие, отчужденность, подозрительность, агрессия даже между родными по крови. Но Христос нам заповедал – только Любовь по отношению друг к другу. И ничего другого – мы никогда не читаем на иконе нашего Спасителя. Именно эту страницу Евангелия Он открывает нам: ***«Заповедь новую даю вам: да Любите друг друга: яко же возлюбих вы да и вы Любите»***. Но современные христиане, хотя привычно крестятся на образ в святом углу, – живут нередко так, будто этого никогда не читали. Бог создал всех – как единую семью. Мы все Его недостойные дети и каждый час забываем, что мы – братья и сестры. Всем обликом своим отец Владимир нас невольно в этом главном грехе обличал, всей жизнью своей нам о нем напоминал. (Некоторые удивляются: почему христиане в Прощеное Воскресенье просят прощение друг у друга со слезами. И можно услышать: ну что ты? ты ведь мне ничего плохого не сделала? Но есть у нас всех, в чем каяться. И называется этот грех: **недостаток Любви**. И ныне этот грех столь свойствен современному миру, будто мы торопимся назад – во времена язычества или хотим вернуть землю в ледниковую эру).

Вот отец Владимир уже с другими. За ним – толпа народа, все теснятся, спешат быть поближе. Батюшка внимает всем: благословляет, дает крест, кого погладит, другого легко стукнет – все делает быстро, с необыкновенно доброй улыбкой. Всех видит сразу: кого-то достает, протягивая руку через головы, не забывает толпящихся сзади и самых ненавязчивых. Прикладывает крест к устам, ко лбу или хлопнет по плечу. Знал, кого хлопнуть, кому по голове постучать: выгонял, вытряхивал нечисть – тряс нас, как трясут запыленные мешки. Все склоняли свои головы, чувствуя немедленное облегчение.

За всю эту, подаренную тысячам душ, – легкость, сам стал легок от голода и страданий, довершая наше очищение. Утонченную свою плоть утончил до былинки. До конца исповедовал людей и причащал, брал на себя чужие скорби. Глядя на батюшку, думала: «Такими должны быть истинные последователи Евангелия. Вот она – преданность, живая вера, отдающая себя без остатка, Христа ради». Утонченная его душа до конца одухотворила плоть – и ушла ко Христу. Не забудь нас, грешных, не оставь до конца, любимый батюшка. Ты видишь наши слезы.

Моим иночеством в 68 лет (сейчас мне 73) я обязана отцу Владимиру. Постоянно, все эти годы, он задаривал меня, раздавала дары его другим – в помощь спасению душ. Сколько он делал для нас! Его молитвы и благословения переменили мою жизнь. Откуда ни возьмись, в моем немалом возрасте, появились силы, неутомимость в делах. Несла тяжелое послушание санитарки и сестры милосердия в интернате престарелых □ 7 в Москве. Трудилась в доме отца Бориса в Сергиевом Посаде, собирала деньги на храм в Бужаниново – по 12 часов стояла с ящиком в жестокие морозы. Постоянно обращалась мысленно к батюшке за помощью. Духовные его очи видели опасности, которым я подвергалась. Ко мне подходили бесноватые, экстрасенсы... Не говорила, не писала отцу Владимиру о своих трудностях. Он сам все слышал. И по нескольку раз в месяц через своих чад подкреплял святыней: присылал кусочки плата от святых мощей Преподобного Серафима, освященное масло, просфоры. И частицы святых мощей. Со святой защитой на груди я обретала такую смелость, что ограждала крестом себя и внутренне всех имевших недобрые мысли. Они менялись в лице и подходили ко мне уже нестрашные, иногда расслабленные, с поддельно доброй улыбкой. Батюшкина сила умягчала злые сердца. Нередко после целодневных трудов приходилось, уже ночью, ехать в Сергиев Посад. На дороге, в электричке кого только не встретишь. Но стоило обратиться мысленно к Господу: «Защити, молитвами отца духовного», – как устранялись все опасности, и путь становился легким, светлым.

Перечень моих дел, которые привозила на благосло-

вение батюшки, он быстро читал и всегда часть вычеркивал: «Перегрузка, нельзя, оставь на потом». Любил мои короткие письма и всегда отвечал на них. Никогда не говорила ему о сыне и как о нем переживаю. Очень удивилась, услышав: «Сына твоего знаю, видел». Было ясно, что он молится о нем. Однажды, не ведая даты, приехала в день батюшкиного праздника и оказалась за столом рядом с другом моего сына, художником. Отец Владимир из пьяницы превратил его в иконописца. Позже, к моему удивлению, выяснила, что многие батюшкины чада – знакомые мои и сына. Как будто круг людей совершался по заказу. При очередной встрече только поражались: «И ты батюшку знаешь? Но это же чудо!»

Во второй раз я привезла в Дивеево двух подруг. Они исповедались, а я продолжала ждать батюшку. Кто-то сказал: отца Владимира завтра не будет. Окончательно расстроилась, и вдруг его вижу: «Батюшка, исповедуйте меня, завтра вас на исповеди не будет, а мы сегодня уезжаем». Улыбнулся: «Будет, будет... оставайся». Позже поняла, он задержал меня, чтобы побыла здесь одна, без суеты. Как дорого было, не торопясь, помолиться, очистить душу в святых водах источника, спокойно подготовиться к Причастию. Если бы уехала в тот день, ничего бы не получила. Вот так батюшка, без лишних слов, помогал всем на каждом шагу.

Большую часть своей жизни, благодаря работе, я вращалась «в высоких кругах»: исполкомах, центральном аппарате министерства, одном посольстве; все это – надутый театр лицемерия, фальшь, пустота. Какой разительный контраст являет жизнь этого мира – с жизнью одного настоящего священника.

Смысл бытия, Истину Христову познать мне помог отец Владимир. Редко встречалась с ним, кратко общалась. Но мне, как и многим другим, достаточно было его видеть, наблюдать за ним, чтобы учиться Православию. Была свидетельницей эпизодов, способных привести в трепет и страх живую человеческую душу.

...После литургии в храме внезапно возникло смятение, тревога, послышались громкие голоса. Все оборачива-

лись на этот шум. Человек шесть мужчин с большим усилием вели бесноватого – здорового детину, который был вне себя. Неожиданными резкими движениями он вырывался из рук сопровождавших, с желанием опрометью убежать, они едва с ним справлялись. Все испытывали невольный страх, многим хотелось куда-нибудь скрыться или отойти подальше. Разные бывают одержимые, этот был крайне опасен. Таких на улице не встретишь, они содержатся за решетками, в буйных отделениях психушек. Лицо больного непрестанно меняло выражение: отчаяния, негодования, откровенного безумия...

Забегали в поисках священника, который мог бы помочь. А навстречу уже идет наш батюшка – спокойно, с доброй улыбкой. Одержимый обернулся ему навстречу, лицо его мгновенно преобразилось. Трудно описать это изменение. Как будто больной увидел самого близкого друга или отца. Он стал улыбаться с необыкновенным умилением еще до того, как батюшка приблизился к нему. Отец Владимир дал знак, и несчастный пошел за ним. Батюшка встал у раки Преподобного Серафима и начал служить акафист. Одержимый стал за ним, опустился на колени и так пребывал во все время молебна. Батюшка время от времени оборачивался, обращая на него взор, клал руку ему на голову или плечо, после чего больной склонял голову до пола. Его давно никто не держал, он смиренно подчинялся одному только взгляду, молитве батюшки. Вернее – силе Христовой, действующей через него. Большая толпа людей теснилась за загородкой, внимая чуду. В конце молебна больной встал, вытирая слезы. Державшие его прежде и близкие со слезами подошли к нему. Плакала вся толпа людей. Такое излияние благодати произошло в этот час. Батюшка стал благословлять. Люди толпились вокруг него, протягивали головы, руки, детей. Каждый получал Божию милостыню.

За самое краткое время отец Владимир всем послужил. Молниеносный в раздаянии даров, незримой силой всех обогрел, очистил, облегчил. Присутствовать при этом было большой радостью. Люди шли к батюшке доверчиво, с детской искренностью и простотой. Думала: еще жив русский человек, еще способен на духовное восприятие. Еще

не полностью исказили душу народа западные скверните-ли. Такого нигде не встречала. Приблизиться к батюшке, получить его благословение – значило вдохнуть силу Небесной жизни, почувствовать легкость и обновление.

Моя подруга Галина долго страдала непонятной болезнью руки. Были периодические боли и онемения. Она переживала, что в паломничествах не может нести сумки. Предлагала ей раз за разом: «Обратись к отцу Владимиру...» Она и слушать не хотела: «Я пойду к своему батюшке, он доктором был в миру». Когда, уже будучи в монастыре, я не могла бывать у отца Владимира, Галина, наконец, приехала в Дивеево. Подошла к отцу, передала от меня низкий поклон. Он вдруг легко ударил ее по руке: «Что же ты не слушаешься Софию?» Она ощутила немедленное облегчение и со слезами стала благодарить его и просить прощения.

Чада отца Владимира регулярно посещали меня в Москве. Получала нетронутый артос, по 50 и более просфор, хлебцев, сухарики Преподобного. Частицы мощей святых. Много всего раздавала и в подворье Шубино. Однажды я оказалась в батюшкиной квартире (домашней церкви) и услышала молитву послушницы о здравии инокини Софии. Поминание звучало при зажжении каждой лампадки. Спросила: «Кто та София, о которой ты молишься?» – «Отец Владимир велел мне зажигать лампадки с этой молитвой, так как это масло от нее». Вспомнила, что уже давно послала батюшке несколько баков лучшего масла из Ново-Спасского монастыря. Но воздавать такой сторицей... Сколько же молитв таилось в трех баках масла? Не вмещаю в своем бедном уме столь великую благодарность. Милость и Любовь поистине Христовы. Родимый батюшка, в этой многосложной жизни, один ты поддерживал меня, только твои молитвы. Не оставь и там, в Вечности.

Однажды, уже тяжко больным, отец Владимир посетил меня в мастерской под алтарем. Посмотрел мои работы и сказал: «Детей своих привезу, чтобы они увидели». Сердце мое билось, не находила слов, все разом вспомнилось. Понимала: эта встреча – последняя. Боль и страх сжимали сердце.

Хваталась за батюшкину руку, как будто пыталась не допустить совершиться – неизбежному. Но батюшкин взгляд вкладывал в меня главные слова: *«Да будет воля Твоя, Господи»*. Отец Владимир передал мне однажды список близких имен. Все имена поминаю и буду поминать перед алтарем, пока я есть. Вскоре получила от батюшки короткое письмо, которое берегу как самое ценное сокровище: последние наставления, благословения. Батюшка – светильник моей судьбы и таковым был для многих других людей.

Склоняем свои головы и омываем слезами путь твой, твою семью, твою могилу, над которой кружился чудный голубь. Сколько людей и детей приложились к ногам твоим в гробу. Коль красны *ноги благовествующих мир*. В холодный час марта, когда опускали гроб твой, солнце светило необычным светом, отдавая свою теплоту. Все тепло своего сердца – отдал нам. Само Небо, природа благодарили тебя. Сырая холодная земля стала пухом от стольких слез. Как просветлели лица всех пришедших проститься. Они привели, принесли к мощам твоим своих детей. Ангельскими чистыми устами младенцы прикладывались к тебе и за всех, кто хотел и не смог здесь быть. Вереница людей с детьми длилась без конца, очень трудным было расставание с тобой. Как рыдала схимница Манефа! Прости нас всех, не достойных тебя. Ты светил нам до своего конца. А сколько нас у тебя? Продолжаю жить под твоими лучами, они не гаснут. И будут всегда согревать наши сердца и мысли. Ты повел, приблизил к Спасителю, большинство порученных тебе Богом. Закатилось солнце на земном горизонте и взошло – на Небесном. Не покинь нас и там, в Вечности! Но забыть своих детей для тебя невозможно.

Над моим столом по всей стене – иконостас. Иконы из многих святых мест. Посредине Царь-мученик Николай II, которого батюшка особенно любил, почитал и молился ему неустанно. Рядом – фотографии отца Владимира. Ты жив, батюшка, и я беседую с тобой, советуюсь каждый день. Чувствую ежедневную твою защиту. Ты заповедал мне читать молитву за спасение гибнущей Руси Православной. И исповедь покаянную за убиение и непочитание Царя. Все выполняю: слово отца для меня свято.

Прости меня, батюшка, если у меня не все так, как бы ты хотел. Помолись за меня, грешную, как и раньше, поддержи в этой многосложной жизни. Простите меня все, кто будет читать то, что в слезах здесь написала.

Недостойная инокиня София, Ново-Девичий монастырь, г. Москва, январь 2001 г.

«Мы можем уподобляться Господу – в смирении»

Отец Владимир был глубоко духовно связан с великим подвижником нашего времени архимандритом Тихоном Агриковым (в схиме Пантелеимоном, †15.11.2000 г.), хотя никогда не видел его лично.

Пламенно горящее сердце Пастыря, полыхающая Христовой Любовью душа – стоят за страницами, написанными рукой отца Тихона. Они посвящены его духовным детям и всем тем, кто может отозваться на них собственной глубиной. Этот старец с редкой духовной мощью и трепетно любящей душой – был духовно близок отцу Владимиру.

Пробуждение

Осень. Глухая полночь... Темные тучи закрыли звездное небо. Кажется, все погасло. Все уснуло, все погружено в глубокий, непробудный сон. Но вот порыв ветра разорвал темные тучи и... яркая звездочка, одна, другая, третья засияли на ночном небе, будто окно распахнулось в другой мир, будто дверь приоткрылась к небесным чертогам...

В это самое время среди ночи раздался громкий крик: «Се Жених грядет!..»

Как гром поразил он спящих людей. Сон мигом бежал от них. И в абсолютной темноте несмело, как-то робко, боязливо, один за другим загорелись светильники, и тихий тревожный шепот голосов смешался с порывами ветра...

Пробуждение!..

Тогда встали все те девы и поправили светильники свои (Мф.25,7)

Да, для человека, кажется, нет лучшей минуты, лучшего мгновения в жизни, как пробуждение от глубокого

спокойного сна. Пробуждение в тихое солнечное утро. Какая невыразимая радость жизни сияет в его очах, какой свежий приток новой жизни наполняет его сердце!..

Пробуждение – радость и ощущение светлой жизни... Но бывает пробуждение и не в тихое солнечное утро, а в глухую, темную, тревожную ночь... Когда небо колеблется от страшных раскатов грома, когда молния огненными змеями коробит и режет ночную тьму...

Человек в страхе просыпается. Он просыпается в трепете от близости дыхания смерти.

Все это мы говорим о пробуждении обычном, физическом, телесном, которое бывает с нами каждое утро. Это пробуждение несет человеку или временную радость светлой жизни и счастье, или страх временной смерти и невыразимо тревожного ощущения. Нам же в этом вступлении хочется сказать об ином «пробуждении», о пробуждении не от сна обыкновенного, а от более страшного сна – греховного.

Есть очень сильное желание пробудить верующего, но уснувшего грехом, от нравственной спячки, от совершенно беспечной и суетной жизни. Тем более что никто не может о себе сказать: «О, совсем не нуждаюсь в пробуждении, поскольку и не думаю засыпать духовно». Сказать так, значит обмануть себя и других, наклеветать на Бога. «Вси уклонишася и неключимы быша, несть творяй добро, несть ни единаго..» И святой Апостол Петр говорит: *покажите все старание свое, всю веру, терпение, воздержание, любовь, милосердие, – если в ком нет этого, тот слеп, закрыл глаза и забыл об очищении грехов своих* (2 Петр. I,9).

Каждая душа способна весьма часто забываться, засыпать в греховных увлечениях, и ее надо будить, пробуждать к духовной жизни, ко спасению.

«Душе моя, душе моя, восстани, что спиши, конец приближается...»

О, как жаль тех бедных дев, которые так хотели быть вместе со светлым Женихом. Как они мечтали об этой счастливой минуте! И девство-то свое хранили, и светильнички приобрели, и маслица было немного, и со сном-то

предательским долго боролись... Но вот ведь пробуждение принесло им – нечто ужасное – они увидели, что очень много лени было в их девической жизни, и сильно они любили спать...

«Сон греховный тяготит сердце мое...» О милые мои чада духовные, неужто и вы много спите?.. Чем же пробуждается человек от сна греховного? Карой Божией: стихийные бедствия, смерть близких, пожары, землетрясения, наводнения, поражение болезнями, неприятности в семье, на службе и проч.

Пробуждается человеческая душа от сна греховного и через Милость и Любовь Божию, через слово Божие, Церковное Богослужение, исповедь. Пробуждается она и от доброго слова человеческого. Слова пастыря, отца, от доброй книги, письма, молитвы.

И решил я постучаться в двери спящих душ ваших, мои милые дети, постучаться словом своим отеческим. Оно тоже сильно, особенно когда исходит из любящего, страдающего отеческого сердца, измучавшегося о чадах своих. Оно тогда бывает огненным словом, бывает сильным стуком в спящую совесть.

По опыту зная, как трудно пробуждаться от сна греховного, тем настойчивее я буду стучать, и не один раз, не два, но много и много.

О, не забыть мне того трагического впечатления, какое испытала моя бедная душа от одного виденного мною случая. Человек проспал корабль, на котором были его жена и дети. Была последняя пристань, на которой должен был муж встретить свою жену и деток. Но вот пришел долгожданный корабль поздней ночью, дал несколько позывных гудков, чтобы не опоздал никто. Последняя пристань, после чего корабль уйдет в бурное, опасное море. Жена и двое маленьких деток вышли на палубу в надежде увидеть папу.

«Мама, мамочка, вон, вон идет наш папа», – лепетала кудрявая девочка, шевеля кончик голубой ленты, которую ей вплела в косичку мама. И как маленькой Маше хотелось показать эту голубую ленту своему любимому папочке. Мать тревожно вглядывалась в освещенные электричеством улицы и площадь набережной, но папы не было.

«Что же могло случиться? – думала молодая женщина, – ведь давали телеграмму. Заболел? Командировали куда?»

Бедная женщина сильно вздрогнула, когда гудок загудел в третий раз и... последний. Люди еще сильнее забегали на берегу, стремясь не опоздать к отправке.

«Мам, а мам, – дергал за платье маленький карапуз, – а папа скоро придет? Я хочу гостинцев». Мать все более и более теряла самообладание. Она бедненькая даже тихо вскрикнула, когда увидела, что матросы отдают канаты. А когда стали убирать трап, она зарыдала. Маленькие детки ещ□ теснее прижались к матери. Они понимали, почему плачет их мама, но не знали, отчего так долго не приходил к ним папа. И вот когда судно, вздрогнув от движения гребных винтов, тихо отходило от берега, раздался умоляющий вопль. На берегу кричал мужчина. Он бежал, перепрыгивая через бревна, канавы, махал неистово руками и все кричал, чтобы остановили судно. Ведь там его жена и двое малых деток. Он их не видел четыре года и так ждал, чтобы ехать с ними за океан, но, увы. Проспал, и никто не разбудил его. Теперь он их, может, вообще не увидит никогда, ибо кто знает, какое будет плавание?..

Капитан с мостика видел всю эту картину и, как бы отвечая на вопросительные взоры пассажиров, сказал: «Поздно! Слишком поздно!». Несколько человек разом рванулись к перилам и едва успели удержать молодую женщину... Двое малышей – девочка и мальчик сильно плакали... «Слишком поздно!..»

Вот так мы просыпаем здесь на земле течение времени. Просыпаем все: родные наши уходят в океан вечности, близкие наши ждут нашего внимания, корабль времени дает один за другим сигналы отправки, а мы спим, мы крепко спим!.. И кто только разбудит нас?!

А с каким чувством трепета и обиды за себя ты смотришь, чадо мое милое, на эту умилительную картину, где Христос Спаситель в образе странника бездомного стоит у закрытой или даже запертой двери твоего сердца и... стучит! И как долго Он стучит! Как долго просится, чтобы ты впустил Его!

«Се, стою у двери и стучу: если кто услышит голос Мой и отворит дверь, войду к нему, и буду вечерять с ним, и он со Мною» (Откр. 3,20).

Стучит!..

И ты ведь слышишь эти звуки, слышишь, как они глухо раздаются извне. «Ох, уж эти звуки-стуки, – сквозь сон цедишь ты, – и кому только надо, какой только бродяга бродит в такую непогоду и в такое позднее время!..»

И... перевалившись на другой бок, закрутившись с головой в одеяло, ты снова безмятежно засыпаешь.

А Он все стоит и стук!.. стук!.. стук!.. все раздается.

О, Милосердный Бог наш и долготерпеливый, доколе Ты терпишь нашу косность, и когда только Ты достучишься до нашего сознания, чтобы разбудить нас и открыть Тебе двери...

Доваляешься, доспишься, доленишься, мой милый друг, настанет час, что и тебе самому придется стучаться в закрытые двери. Придется...

Когда хозяин дома встанет и закроет двери, тогда вы, стоя вне, станете стучать в двери и говорить: *Господи! Господи! Отвори нам* Он же скажет вам в ответ: *Не знаю вас, откуда вы*.

Тогда станете говорить: *Мы ели и пили пред Тобою, и на улицах наших учил Ты*. Но Он скажет: *Говорю вам: не знаю вас, откуда вы, – и добавит: Отойдите от Меня все делатели неправды* (Лк. 13, 25-27).

А сейчас от нас самих зависит – пробудиться и поспешить открыть Ему двери, то есть употребить над собой усилие, расстаться с желанным сном, с теплой постелью, «раскачать» беспечность своей души, подвигнуть себя на слезное покаяние, исправление жизни, а уж если останемся глухи к стукам Божественной любви, то Господь уже застучит не стуками покаяния, а ударами наказания. Стукнет так, что развалится все наше земное строение, и когда рванемся к двери Его милосердия, двери будут закрыты... *Не знаю вас, откуда вы, отойдите от Меня, все делатели неправды* (Лк. 13,27). *Там будет плач и скрежет зубов* (Мф. 8,12). Вот сижу в своей одинокой келье. Тишина. За окном

тихое морозное утро. С лаврской колокольни доносятся мерные звуки благовеста. «Бом, бом, бом...» – будит, пробуждает спящих телом и душой. Звон колокольный и будит, и зовет. Будит от сна, зовет к Богослужению, молитве, бодрствованию...

«Бом, бом, бом...»

«Как волны зыбкие на море высятся, так тихий благовест рождает жизнь».

Двадцать пять лет назад... В одну из темных мятежных ночей, когда душа минутой отдыхала от военной истерии, вдруг раздался вот такой же звон...

Откуда он исходил? Какая святая обитель его посылала в темную, военную ночь, полную страхов, предсмертных стонов, отчаянных воплей о помощи... «Бом, бом, бом», – неслись тихие настойчивые звуки. Пробуждение?..

Да, это было пробуждение спящих страдающих совестей. Это было пробуждение и вместе зов бедных мучеников-воинов, умирающих на поле великой брани за святую Русь, за церковь, за родное Отечество. Тихий звон неведомой обители звал их души к вечному покою. Он говорил им, что есть страна, где нет вражды, нет междоусобиц, убийств и насилий над свободной человеческой душой. И как таинственно величаво было это благовестие. Умирающий вдали от своей милой семьи воин слышал его и затихал в мучительных страданиях, и, зарывшись с головой в глубокий снег, разведчик прислушивался к нему и чувствовал, что он не одинок. И все люди ясно понимали, что это сигнал великого бедствия, это удары в спящую и озлобленную совесть, это пробуждение к духовному трезвению, это, наконец, зов Отца Небесного ко всем Своим детям земли, которые так сильно между собой поссорились, подрались, зов их всех к миру, исправлению, благоразумию, возрождению. Двадцать пять лет назад... А он и теперь, хотя и тихо, но властно стучит в моих ушах, звучит и сливается с новым, свежим, живым благовестом, с живым голосом Божиим, который не перестает пробуждать людей – от спячки греховной, от гибельного духовного сна.

И встав от молитвы, пришед ко учеником, обрете их спящих... – Вы еще спите и почиваете? – печально сказал Он

им, – *пришел час, и Сын Человеческий предается в руки грешников* (Лк. 22, 45-46).

Сын Человеческий идет судить Вселенную... *«и блажен раб, его же обрящет Он бдящим. Недостоин же паки – его же обрящет унывающим».*

Так неужели никто не пробудится от этого колокольного благовеста? Неужели Добрый Пастырь не достучится в двери нашего сердца?

И, наконец, неужели эти громы все увеличивающихся стихийных и народных бедствий не тронут, не поднимут человека к трезвению и усиленному спасению души своей? «Восстани спяй и освятит тя Христос Бог, везде сый и вся исполняяй...»

Истину говорю во Христе, не лгу, свидетельствует мне совесть моя в Духе Святом, что великая для меня печаль и непрестанное мучение сердцу моему: я желал бы сам быть отлученным от Христа за братьев моих, родных мне по плоти (Рим.9,1- 3). Отлученным за детей моих, родных мне по духу. Нет, не только быть готовым отлученным от Христа Спасителя моего (ох, как трудно об этом говорить), но, по мысли апостола, и быть готовым за духовных чад своих лишиться вечной жизни, только бы спаслись все они, только бы ни одна душа не погибла, не заблудилась в дебрях греха и порока, не была задержана на страшных загробных мытарствах, не была – низвергнута с узенького, шатающегося переходика, (что пролегает через огненную реку) в клокочущую жаром неугасимым черную бездну...

Великая для меня печаль и непрестанное мучение сердцу моему о чадах моих, родных мне по духу... чтобы никто, никто из них не погиб, но все спаслись и в разум истины пришли.

А вот сегодня Воскресение, (12/25 декабря), неделя праотцев. Святое Евангелие читалось о званых на вечерю. Сколько Любви Божией, сколько долготерпения к нам Он проявляет каждый день и минуту. Ныне Он зовет нас всех на «вечерю Любви». *Иди,* – сказал Он слуге, – *зови гостей, ибо все уже готово.*

И начаша вси отрицатися вкупе... Один сказал: *Я землю*

купил и надо ее посмотреть, прошу Тебя, извинить меня, прийти не могу, другой сказал: *Я волов купил, и надо их посмотреть, прошу Тебя, извини меня*; третий сказал: *Я женился и потому у меня своя «вечеря», прийти не могу, не беспокой меня...* Никто не хочет идти к Господу, все уклоняются, отказываются, у каждого свои причины, свои дела.

А Он зовет, зовет, зовет к Себе... ***Приидите ко Мне вси труждающиеся и обремененные и Я упокою вы***. Ох, не постичь нам Любви Великого Бога, и с другой стороны, не измерить никакой мерой человеческое ожесточение, непослушание, самоволие...

Се, стою у двери и стучу!..

Стучи же сильнее, Господи, стучи, может быть, мы пробудимся, может быть, очнемся от сна греховного, откроем Тебе двери и примем, как дорогого Гостя... А уж если, Господи, не достучишься, если мы сами по болезни нашей, по немощи нашей не откроем Тебе, то войди, наш драгоценный и милый Господь, Сам войди к нам сквозь двери затворенные, как Ты входил к Своим апостолам по Воскресении, войди к нам и воздвигни нашу немощь, поставь нас на ноги здоровыми, ибо мы так одиноки, что нам в нашей болезни и помочь некому.

Рассказывают, как один солдат, возвращаясь из долголетней службы, замерз у дверей дома своих родителей. Была страшная буйная ночь. Он долго стучался в дверь, просился под теплый кров своих родителей, своего детства. Но стуки становились все слабее и слабее, наконец, совсем затихли. Когда утром работница вышла на двор за водой, она увидела у дверей скорчившегося солдатика. Дотронувшись до него, с ужасом поняла, что он мертв... Не достучался, бедненький. Да ведь к кому? В чьи двери?.. Нечто подобное случается и с нами.

«Батюшка, – со скорбью в душе спрашивает молодая женщина, – что же мне делать, ведь я сплю двенадцать часов в сутки, и все спать хочется, ведь я так совсем погибну».

О, бедная, некому ее пробудить от этого сна гибельного, совсем некому. А сколько таких душ?! Спят, едят, пьют, снова спят, снова едят – и так вечный духовный сон!..

«Нет, – говорят некоторые, – все-таки батюшка о нас плохо заботится, на исповеди – «мигом» – и катись, не успеешь, что и сказать. А то и совсем на исповедь не придет. Куда хочешь, туда и иди на исповедь. Письмеца к празднику не пришлет, напишешь вопросы – не ответит. Как хочешь, так и спасайся, никому ты не нужен, никто тобой не интересуется, никто о тебе не позаботится...»

И как много правды в этих словах, как много законной обиды. Что сказать мне на это?

Кажется, что совсем нечего, истинно нечего. Вот только повторю со слезами на глазах слова святого Апостола Павла: «Великая для меня печаль и непрестанное мучение сердцу моему о чадах, родных мне по духу...»

Что же нам делать, когда мы живем в двадцатом веке? Если бы мы жили в пятнадцатом или шестнадцатом веке, тогда другое дело. А вот теперь попробуй спасаться. А спасаться надо. Вот и приходится терпеть, снова и снова терпеть и... не отчаиваться. Ведь если условия спасения изменились, то Господь-то ведь все тот же – Всесильный и Вселюбящий и «не до конца прогневается, ниже во век враждует». Или как еще сказано: «Господь не воздремлет, ниже уснет храняй сущая Своя».

Вот нам и надо поскорее расти духовно. Да и телесно расти, чтобы быть скорее взрослыми: мужественными, крепкими, непобедимыми, небоязливыми. Тогда хоть и ураган, и буря – ничто не сможет сломить крепкую душу. А пока – терпеть и насколько возможно держаться в «кучке», в одной семье, мирно, терпеливо относясь друг к другу и помогая друг другу. Да поменьше спать, побольше бодрствовать. А уж если заснешь, так от малейшего стука (когда постучит в двери твоего сердца) скорее пробудись и за Божее дело берись...

Да вот подумаем хорошенько, как Мать-Церковь печется о нас, как она сама, находясь в страданиях и печалях, любовно воспитывает каждого из нас. Ведь мы действительно еще младенцы духом, и какую нежную заботу оказывает нам святая Мать-Церковь.

...И я, как церковный слуга, помогая ей, стремлюсь пробудить вас к трезвенности и добролеланию. А главное,

когда придет Жених в полуночи темной, чтобы мы все встретили Его радостными, бодрыми, с сияющими светильниками веры, с запасом елея – добрых дел и вожделенной чистотой целомудрия наших душ – вошли с Ним в светлый Чертог вечноликующего счастья, которого да сподобит всех нас Господь.

По Милости Божией, мы были близко знакомы с духовным чадом архимандрита Тихона – Анной*. Ее воспоминания о батюшке и машинописные тексты его книг произвели на нас глубочайшее впечатление. Всю жизнь мы мечтали увидеть, но так никогда и не увидели своими глазами отца Тихона, но он вошел в нашу жизнь как самый родной и близкий нам человек. Кажется, ни над одной книгой я не лила таких слез, как над текстами, которые батюшка посвятил своим духовным детям. Матушка Надежда – последняя монахиня Марфо-Мариинской Обители Милосердия – называла отца Тихона *великим старцем, одним из столпов – современной Церкви.* Говорила, что батюшка обладал той мерой Божией Любви, какою сияли отцы древности. (Теперь мы ездим на святую могилу архимандрита Тихона – в схиме Пантелеимона. Она украшена тяжелым мраморным крестом и расположена – за алтарем храма «Благовещения», в селе Тайнинское, Московской области**). Отец Тихон – для меня – живой образец глубинного пастырского Милосердия. Это был отец – утешитель. Сам Пастырь Добрый повел его – дорогой Своей Крестной Любви.

Будучи монахом Троице-Сергиевой Лавры, архимандрит Тихон изгонял бесов, исцелял не исцелимое для врачей. На его проповедях плакали все присутствующие – таким обильным было излияние Божией благодати. Господь попустил Своему избраннику величайшие скорби. Только

---

*Воспоминания Анны можно прочитать в книге «Золотой святыни свет» (Глава «Мы можем уподобляться Господу в смирении»). Сибирская благозвонница. Москва, 2004

**Ехать от м. Медведково на маршрутке до остановки «Мытищинская ярмарка», далее мимо памятника Государю Николаю II к храму Благовещения.

после его смерти стало известно, как его преследовал КГБ. Всю жизнь подвижника не оставляла и прямая ненависть дьявола, его одолевали толпы одержимых. Когда он ушел в затвор, и порой в два-три ночи выходил во двор Лавры, тут же, как из-под земли, появлялись подвластные бесам люди. Они бросались на монаха, рвали его одежды, кусали, валили на землю. Были случаи прямого покушения на его жизнь...

Батюшка оставил своим духовным детям многие тома написанных им замечательных книг. Большинство из них посвящено судьбам монахов Лавры. Под именем отца Иосифа он рассказывает здесь о своих земных мытарствах.

Совсем редко ему приходилось служить у престола Божия, а вот плакать во Всех-Святской Церкви при совершении исповеди приходилось часто.

Ему было так жаль людей, что он готов был всех простить и взять всю тяжесть грехов их на свои плечи. Эта всецелая жертвенность изводила его до того, что он едва мог ходить и с большим трудом мог говорить. Высокий, худой, он стоял на исповеди, как маяк среди бушующих волн народного покаяния... Были периоды, когда отец Иосиф целыми сутками не выходил из подвальной Всех-Святской Церкви, исповедуя народ или совершая соборование больных.

Особенно трудно ему было в большие праздники: Троицу, Вознесение, Покров, память Преподобного Сергия, Рождество, Великий пост и прочие. В эти дни верующие стекались со всех краев великой матушки России. Дом Святой Троицы – Лавра Сергия Преподобного – была для них пристанищем тихим от бурных вод житейского моря. Люди верующие отдыхали здесь измученной своей душой, слагали тяжесть своих грехов, причащались Святых Христовых Таин и укрепляли ослабевающую веру. Сколько было дел в такой среде? Сколько трудов требовалось от доброго пастыря! И вот, отец Иосиф отдает свои последние силы страждущему своему народу. Он утешает их, прощает грехи, ободряет ослабевшие души, вселяет уверенность немощным, дает советы против телесных болезней, словом, по Апостолу, он сделался *всем для всех, чтобы спасти хотя бы некоторых* (1 Кор. 9, 22)».

(Получая десятки клеветнических писем на о. Иосифа), отец наместник вызвал его и в беседе с ним убедился в его правдивости и честности выполняемого им послушания. На прощание он сказал отцу Иосифу: «Смотри, отче, враг спасения сильно невзлюбил тебя».

— И я его не очень люблю, – ответил просто отец Иосиф, – только помолитесь о мне, отец наместник, – кротко закончил он.

— Ладно, ладно, – добродушно ответил наместник, – сам хорошо молишься.

Не достигнув желаемого через местное начальство, диавол повел работу дальше. Он возбудил ненавистников из народа и даже некоторых завистников из братии, которые стали писать клевету на отца Иосифа Патриарху и в Совет. Отец наместник не мог защитить отца Иосифа, хотя и использовал всю свою силу и весь свой авторитет. Отцу Иосифу было запрещено выходить на исповедь. Он теперь смиренно вставал на левый клирос и пел вместе с другими. Как трудно ему было видеть людей, которые смотрели на него издали и не могли подойти к нему и попросить мудрого совета. Как они плакали у раки Преподобного Сергия, вымаливая, чтобы он сжалился над ними и снова отдал бы им духовного отца. Плакал и сам отец Иосиф, видя искреннюю скорбь своих духовных сирот.

Но самое страшное горе было в том, что на исповедь стали посылать совсем юных иеромонахов, которые не могли как следует исповедовать и наставить народ. Они соблазнялись, когда им каялись в грехах, особенно плотских, и наоборот, сами были соблазном для народа, особенно юных монахинь и девиц. Кровью обливалось сердце отца Иосифа, когда он слышал, что тот или иной молодой духовник давал кающимся неправильные советы или строго наказывал их суровыми епитимиями, или даже дерзал отлучать их от Святого Причастия. Встречая такого духовника, он кротко говорил ему: «Что ты делаешь, брат мой, сам-то ведь еще слабенький, а дерзаешь карать других. Господь гневался за это на книжников и фарисеев, что они *навалuвали на людей бремена неудобоносимые, а сами не хотели и перстом двинуть их* (Мф. 23, 4). А теперь вот и мы делаем так же».

— У них грехи тяжкие, – оправдывался иеромонах.

— Если тяжкие, то надо помочь им, – говорил отец Иосиф.

— Как же помочь?

— Проще всего разрешить грех, то есть, снять его с грешника, а потом поплакать, помолиться с кающимся, чтобы Господь укрепил и не попустил больше его делать.

— Это и все?! – удивлялся иеромонах.

— Нет, не все. Если грех не смертный, например, блуд, или убийство, непримирение и прочее, дать такую епитимию, которую кающийся может выполнить. Затем сказать ему, что Господь обязательно поможет ему в исправлении греховной жизни на жизнь добрую и отпустить его с миром.

— А я читал каноны святых отцов, – говорил задумчиво иеромонах, – там строго они велят обращаться с грешниками.

— Ты, братец, не так понял наставления святых отцов. Они все говорят в духе Евангельской Милости и всепрощения. Только Любовью Спаситель спасал грешников и блудниц, и где Любовь не принималась, там применялась осторожно строгость очистительная. Так учат и святые отцы.

Святая Любовь отца Иосифа сильно страдала от косности, формальности, сухости окружающего его мира. Он видел, как люди, даже монашествующие, священники, легко научились врать и обманывать друг друга... «Господи! – вздыхал отец Иосиф, – до чего же мы дожили?.. Как же враг нас всех попутал, напугал, застращал. Ведь боимся и друг другу сказать правду, чтоб не выдали, чтоб не продали...» Отец Иосиф говорил всем правду, за что был любим одними и ненавидим другими...

Оказавшись изолированным от народа, отец Иосиф усилил за них молитву в своей келии. Он читал каноны, Псалтирь, Акафисты, а когда изнемогал, лежал как пласт недвижимо на одре и плакал. Добрый отец наместник сочувствовал горю отца Иосифа. Желая ободрить его, он выхлопотал ему игуменство, а затем и архимандритство. Но это повышение в чине не успокоило старца. Его влекло к страждущему народу, в самую гущу слез, скорбей и

грехов. Только в общении с народом он мог найти себе удовлетворение и полноту духовной жизни. Ему говорили, что раньше старцы наоборот удалялись от народа, уходили в пустыню и там молились. Глубоко вздохнув, он отвечал: «Правда, так раньше делали старцы, но можно ли так делать теперь, когда народ гибнет сотнями, тысячами. Когда так мало нас, духовных, осталось. Недаром сатана добивался у Спасителя, чтобы ему *сеять Апостолов, как пшеницу* (Лк. 22, 31). Вот теперь он добился того, что «сеет» нас куда хочет и как хочет. А главное, отрывает пастырей от народа, чтобы легче было народ погубить.

Не имея возможности дать отцу Иосифу простор в духовной деятельности в Лавре, отец наместник послал его на приход... где он истово и ревностно служил, пламенно и искренно проповедовал... *Возревновал я о Господе Боге Саваофе, ибо сыны Израилевы оставили завет Твой, разрушили Твои жертвенники, и пророков Твоих убили мечем* (3 Цар. 19, 10).

Одно было утешение отцу Иосифу – это вера простого народа. Как он его полюбил! Как он с ним молился Богу и вместе плакал о грехах их и скорбях. В свою очередь, и народ полюбил отца Иосифа. Он увидел в его лице истинно доброго пастыря, *полагающего душу свою за овец своих* (Ин. 10, 11)...

Но на сердце отца Иосифа было скорбно. Он ясно понимал, что на христианскую веру надвигается «девятый вал» – самый сильный и самый страшный. Своей яростью и злобой он скоро зальет все святое и дорогое, а самое главное – погубит многие христианские души. Отцу Иосифу захотелось молиться. Он закрыл двери и начал читать акафист Спасителю. На дворе был вечер. Алое солнышко уходило за темный горизонт. Когда же стемнело, к наружной двери отца Иосифа подошел человек. Он тихо постучал, но ответа не было. Приложив голову к дверной скважине, он услышал приглушенные рыдания, доносившиеся из глубины келии. «Опять плачет, – тихо произнес неизвестный, – и когда только этот пастырский плач окончится, о, Господи?!!»...

Девятый вал навалил и на отца Иосифа. Сатана зорко следил за духовной деятельностью Лаврского старца. Он уже с трудом переносил его служение и проповеди. И однажды, когда отец Иосиф проводил общую исповедь в храме, бесноватая женщина закричала: «Не могу больше терпеть этого болтливого старика. Скоро он замолчит! Замолчит! Замолчит!» И действительно, через неделю отец Иосиф замолчал. Господь попустил ему новое испытание. На него написали анонимное письмо в Москву, в котором отец Иосиф обвинялся в каких-то противозаконных деяниях...

Однажды вечером отец Иосиф помолился Богу и лег спать. Не успев как следует заснуть, он слышит в себе слова Апокалипсиса: ***Небо скрылось, свившись как свиток, и всякая гора и остров сдвинулись с мест своих*** (Апок. 6, 14). Очнувшись, отец Иосиф заплакал. «Твори, Господи, Твою волю святую на мне, грешном, – сказал он и, встав с одра стал собирать вещи. – Теперь уже сдвинут, – думал он, – но какая же я гора, Господи? И ту двигают, мешает, значит?!» Через час... ему предложили ехать опять в Лавру... Ведь там мне снова не дадут ничего делать... – с болью думал отец Иосиф...

Не успел отец Иосиф войти в святые ворота Лавры, как его встретила совсем еще молодая женщина, она будто ждала его.

— Ты опять едешь сюда? – закричала она озлобленно.

— Патриарх послал, вот и еду, – кротко ответил отец Иосиф.

— Патриарх послал? – передразнила женщина, – я здесь патриарх, я, я.

— Дура ты нетесаная, – бросил ей отец Иосиф.

— Я дам тебе, дура, ах ты, шалый старик!

Она, как кошка, вцепилась в рясу отца Иосифа и стала валить его с ног.

— Уйди, сатана, что ты ко мне привязалась? – закричал он.

— Не уйду! Не уйду! Пока тебя не опоганю.

И женщина стала валять отца Иосифа по земле. Он стукнул ее по голове сумкой. Она, как безумная, захохотала. Потом, завидя, что к ним приближаются люди, она

заорала во все горло: «Караул! Караул! Меня насилуют!» Подбежало несколько женщин. Увидев бесноватую бабу, они стали колотить ее, чем попало. Отец Иосиф встал, отряхнулся и ушел во внутренний двор монастыря. «О, Господи! – думал он, – что же это такое? Не успел шагнуть во двор монастырский, как уже напасть». Утерев слезы платком, он постучал в проходную. Отец наместник принял его сочувственно. Он уже знал о его возвращении в Лавру, знал и о том, что случилось у Святых ворот.

— Вам придется, отче, в «затвор» уйти, – сказал он отцу Иосифу.

— В какой затвор? – спросил старец.

— Да вот, опять сидеть в келии и молиться.

— Как благословите, отец наместник, так и будет.

И стал отец Иосиф жить в святой обители, не выходя из своей келии. Ему нельзя было нигде показаться. Даже, когда он приходил в трапезу, то «грызлая тетя» (как прозвали ее монахи), не давала ему покоя. Она лезла в открытую форточку, бросала камни в окна, ругаясь и выкрикивая гнусные слова. А однажды, когда отец Иосиф вышел с трапезы и шел в свою келию, она бросилась на него с террасы вышиною в десять метров. Ударившись о камни, она поломала себе позвоночник. Пришла «скорая помощь» и увезла ее в больницу. Он понял, что ему предстоит строгая изоляция. Беспокоило его и то, что этот последний поступок «грызлой тети» мог вылиться в судебное следствие. Затаскают. И на Лавру будет клеймо. Но Господь миловал. Все дело утихло. Бесноватая три месяца пролежала в больнице и вышла опять на свое дело.

Отец Иосиф сидел в своей келии и молился. Ему нельзя было ни служить, ни исповедовать, ни проповедовать, ни стоять у мощей Преподобного Сергия, ни дежурить у источника, решительно никуда нельзя было выйти. Но сатана не успокоился и на этом. Он повел дальнейшую борьбу против раба Божия. «Грызлая тетя» подобрала себе еще три таких же «проходимки», и они стали по ночам проникать во внутренний двор монастырский и лезть в самую келию отца Иосифа. Никто не мог их караулить. Неведомыми путями, через стену ли, или подворотню, или через

крышу, а то и переодевшись под видом уборщиц и монашек, они пролазили к келии отца Иосифа и воровски стучали в окна. Для того, чтобы добраться до окон, они подставляли пустые бочки и лезли в самую форточку. Келия отца Иосифа была отделена от других, так что монахи спокойно спали и ничего не видели этого. Другие если и видели, то посмеивались над несчастием старца и не могли ему помочь. Он же, просыпаясь ночью, плакал, видя, что делают над ним «дщери сатанинские».

Из окна он мог их облить кипятком, или керосином, или стукнуть чем-нибудь, но разве отец Иосиф мог позволить себе это?! Лежа у стены под одеялом, он плакал навзрыд. Он видел, как два-три женских лица уткнулись в стекло его окна и шепчут ему несуразные слова. Хорошо, что в келейных окнах у него были небольшие решетки. Но их можно было свободно расширить и влезть в самую келию. «Господи, Боже мой, – плакал под одеялом отец Иосиф, – лучше мне умереть, чем терпеть это. Ты наказываешь меня, Господи, кажется, свыше сил моих. Целые ночи они терзают меня, и я не могу успокоиться. Какая же это пытка, какое бесовское наваждение. Что им от меня нужно? И чем я им обязан? Но Ты Сам, Господи, был истязуем и не открывал уст Своих, *как овца веден был на заклание и как Агнец пред стригущим его безгласен, так Ты не отверзал уст Своих.* Помоги же и мне до конца перенести это!»

К утру, когда монахи вставали и шли на Полунощницу, «грызлые тети» исчезали со двора и дежурили у дверей храмов, чтобы отца Иосифа не пустить на службу. Однажды после темной бессонной ночи старец решил пойти на братский молебен. Посмотрев в окна келии, он никого не заметил. Ушли, – решил он. Но едва он отворил дверь келии, как на него бросилась «грызлая тетя». Коридор был темный и глухой. Никаких криков о помощи никто не мог слышать. Один Бог мог помочь и оградить Своего раба. Что хотела сделать с отцом Иосифом «грызлая тетя»? Она молча вцепилась в его мантию и готовилась задушить его. Бог помог бедному старичку. Он был сильней этой зверюги. Схватив ее за руки, он выволок

ее из темного коридора на двор. Она не кричала. Знала, окаянная, что забралась в чужой двор и ее могла наказать милиция. К счастью, подбежал один молодой иеромонах. Он схватил ее за волосы и потащил на проходную. Вызвали милиционера, который увел ее в комендантское отделение. Но вечером она опять уже была на свободе и замышляла против отца Иосифа новые махинации.

Когда уже невозможно было это все терпеть, отца Иосифа ночью отправили в Москву лечиться. Люди ли передали, или сатана подсказал «грызлой» команде, только и этот отъезд был неспокойным. Они, как одна, следили за машиной, и как только отец Иосиф выехал из ворот внутреннего двора, на машину накинулась целая стая безумных женщин. Они лезли в кабину силою, бросались под колеса, подняли ночью страшный шум и гвалт. Одна из них все же ворвалась в машину, где сидел отец Иосиф. Выталкивать ее не было возможности. Она вцепилась в сиденье, как кошка, так и осталась. Закрыв дверцы наглухо, шофер погнал машину к Москве. За Загорском остановился, и, вытащив незваную гостью из машины, поехал дальше.

Отцу Иосифу было ясно, что сам дьявол помогает этим злодейкам издеваться над ним и мучить его. Потому он просил у Господа терпения и чтобы Он – Милосердный – не вменил им это в непрощеный грех. В душе ему так хотелось избавиться от этих супостаток. «Господи, Сергий Преподобный, – говорил он про себя, хоть бы они заболели, хоть бы пронесло их на малое время. Может быть, они одумались бы! покаялись. А я хоть чуточку отдохнул от них».

Но «грызлые тети» болеть и не собирались. Их ничто не брало! Ни холод, ни дождь, ни ночные дежурства на ледяном ветру. А били-то их как! Конечно, не отец Иосиф, а народ. Когда они специально устроят в храме шум и драку, народ законно вознегодует на них. Ведь это запрещается законом – кто сорвет Богослужение и нарушит спокойствие в общественном месте, карается лишением свободы на один-два года или исправительно-трудовыми работами. Где там. Милиция их совсем не трогала. Она даже поощряла их действия. Для видимости их заберут в отделение, а потом опять выпустят. Эта безнаказан-

ность особенно возмущала народ. И потому создавалось предположение, что хранители общественного порядка с ними заодно.

Когда отец Иосиф находился в Москве в одной близкой ему семье, привели к нему маленького крестника Ваню. Мальчик был таким милым и разумным ребенком, что все им восхищались. Часто глядя на отца Иосифа, Ваня глубоко вздыхал. Отец Иосиф привез ему занятную игрушку... Но ребенка мало занимала эта новинка. Он близко-близко подходил к старцу и печально-ласково смотрел ему в глаза, потом, глубоко вздохнув, не надолго отходил. «Ваня, – спрашивали его родители, – что ты так глубоко вздыхаешь?» Посмотрев на всех, он ничего не отвечал. Потом опять подходил к отцу Иосифу и, глубоко вздыхая, долго смотрел ему в лицо. «Боже мой! – думал старец, – чистое детское сердце что-то предчувствует». «Ваня, деточка моя, – ласково спрашивал отец Иосиф ребенка, – болит ли что у тебя?» На чистеньких глазках Вани показались слезы. Он тихо мотал кудрявой головкой и шепотом отвечал: «Нет, батюшка, у меня ничего не болит». – «А почему же ты вздыхаешь?» Ребенок не отвечал, а продолжал печально смотрел в глаза старцу.

Спустя десять-пятнадцать минут в квартиру, где был отец Иосиф, неожиданно ворвались две «грызлые тети». Они стали требовать себе старца. С помощью Божией их закрыли на кухне, а тем временем подъехала автомашина, и отец Иосиф быстро уехал на другой конец города. «Так вот о чем вздыхал Ванюша мой! – думал старец, сидя в машине. – Он, бедненький, предчувствовал, что новая гроза надвигается на мою голову». На душе у старца было тоскливо. «Нет! Нет! – шептал он, утирая платком слезы, – сатана, видимо, будет преследовать меня до тех пор, пока не добьется моей гибели. Но как жаль мне этих малых сих». Сердце старца рвалось от боли за тех верных ему духовных детей, с которыми сатана не давал ему встречи.

Переночевав ночь на новой квартире, он поехал дальше. Но не успел он отъехать отсюда, как «грызлые тети» наведались и сюда. Кто им все говорил? Откуда они как люди могли знать, где находится отец Иосиф!? Вот так

старец и лечился. Больные нервы его еще сильнее расстроились. Он чувствовал себя плохо... но во всем полагался на волю Божию и терпел свои болезни. *Работая Господу со смиренномудрием и многими слезами* – говорил о себе святой апостол Павел. И какое чудесное свойство святых? Что ни больше они трудятся для Господа, более делаются кроткими и смиренными, что ни более очищаются, более считают себя грешными. Так было и с отцом Иосифом. Он абсолютно искренне сознавал себя великим грешником. И все приключения, которые были у него с «грызлыми тетями», он почитал наказанием за свои грехи...

...Было время, горы Кавказа сияли неземным светом подвигов пустынников, теперь же – оскудение. Да, везде оскудение! Святой Пророк Исаия говорит: «Оскуде реки», – вот они и оскудели. Не только реки горные, но и реки благодати Божией. Кажется, нет высот, ущелий, трущоб, где бы ни ступила нога туристов и геологов. В неприступных местах и ныне живут еще подвижники. Их Бог хранит и укрывает. Они молятся за весь мир и за все грешное человечество. И если бы не было этих «Ноев» и «Лотов», давно бы наша земля погрузилась в море огня. Но видно, Господь еще терпит нас по молитвам неведомых миру подвижников: странников, пустынников и горных отшельников.

И как только они живут, эти рабы Божии! В какой скудости, в какой крайней нищете, в каких опасностях и страхе? Никто их теперь не защитит, никто не пожалеет. На них даже закон не распространяется. Если их находят, с ними кончают самосудом и кровавой потехой. Они требуют денег и сокровищ, которых у подвижников никогда не было и нет. О, как одичал мир и его культурные обыватели! Духовного они ничего не понимают, и понимать не хотят. Называя себя мудрыми, обезумели...

Из записей архимандрита Тихона:

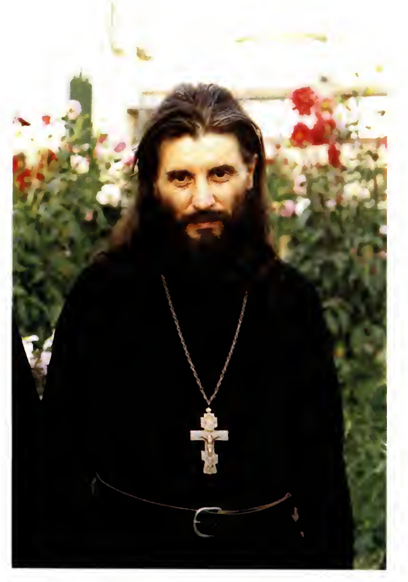
1. Благодать приходит не от нас, а от усмотрения Божия, в руки Которого нам и надо предавать себя.
2. Благодать всем подается в Таинствах, но не всеми вдруг чувствуется.

3. Благодать всех достигает, но не равной мерой.
4. Благодать удерживается смирением, удаляется гордостью, самонадеянием.
5. Благодатное состояние познается по отвращению от всего греховного и страстного.
6. На молитве всякое благоухание, голоса, пение, свет не должно принимать.
7. **Болезнь, переносимая терпеливо и с благодарением, вменяется в подвиг.**
8. Болезнь пришла, можно полечиться; прошла – слава Богу; не прошла – терпеть и Бога благодарить.
9. *Божию близость представляй так, что ты Им живешь, движешься, дышишь, укрепляешься, просвещаешься.*
10. Любящий Бога забывает всякую другую любовь.
11. Иисусову молитву можно заканчивать так: Богородицею помилуй нас.
12. Запрещать молиться Иисусовой молитвой – страшное богохульство.
13. Борьба с помыслами у новоначальных сильна и различна.
14. Один старец сказал, что молиться его научили бесы.
15. Проходящий путь внимания не должен заниматься пересудами чужих дел.
16. Внутрь-пребывание есть условие успеха в борьбе со страстями.
17. Возражать вражиим помыслам новоначальному не следует,
    но спасаться от них Иисусовой молитвой.
18. Воспоминание о страстях Христовых весьма спасительно.
19. Диавол, замечая противодействие помыслам грешным, переходит к помыслам пустым и праздным, чтобы через них опять вернуться к первым.
20. **Веруй, что Господь одесную тебя есть, и будешь всегда радостен.**
21. Грех убивает душу.
22. Не говори: «Сегодня согрешу, а завтра покаюсь», ибо завтра не знаешь, что будет с тобою.
23. Греховный помысл надо отражать в самом начале.
24. **Грех собственными силами человек преодолеть не может.**
25. *Как дитя лепечущее стою на молитве, сливаясь со словами*

и духом произносимой молитвы.

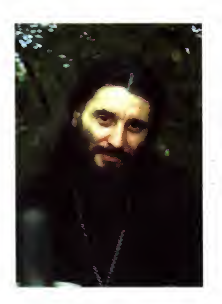
26. От диавола сердечный холод и темнота, ибо диавол холоден и темен.
27. *Диавол, хотя бы преобразился в ангела света, вносит в душу неясность, смущение и волнение.*
28. Козни диавола бездейственны для смиренного и кроткого.
29. Доброе дело не может мешать молитве. **Надо молиться и творить добро.**
30. Действие Святаго Духа не прекращается и в наши дни.
31. *Прямая дорога к Богу – память Божия, память о смерти и дух сокрушен.*
32. О духовных вещах не должно говорить со всяким.
33. О духовной жизни можно говорить с другими, но не о своей личной.
34. О духовной жизни не надо говорить задорно, увлеченно, с жаром, не надо настаивать на своем.
35. О духовной жизни не надо говорить ради обнаружения своих знаний.
36. **Духовное дело познается не книгой, а подвигом и кровью.**
37. Душу необходимо питать Словом Божиим.
38. Душе необходимо снисходить в ее немощах и терпеть свои недостатки, как терпим недостатки других.
39. *С душевным человеком говори о житейских делах, с духовным – о Небесах.*
40. Делательная молитва есть молитва **принудительная**.
41. Жизнь деятельная: пост, молитва, коленопреклонения, воздыхания, бдение и прочие телесные подвиги.
42. Жизнь умозрительная: возвышение ума к Богу, сердечное внимание, умная молитва.
43. *Жизнь в обществе других полезна для обнаружения своих страстей.*
44. В жизни уединенной страсти замирают, но не умерщвляются.
45. Необходимые житейские дела не надо забрасывать, как бы для Господа, но надо их исполнять с терпением, как поручение от Бога.
46. Ветхий Завет есть образ чувственно-телесного подвига. Новый Завет – образ подвига умно-сердечного.
47. Заповедь о Иисусовой молитве дается при постриге.

Рака с мощами
Преподобного Серафима Саровского
в Свято-Троицком соборе
Серафимо-Дивеевского монастыря

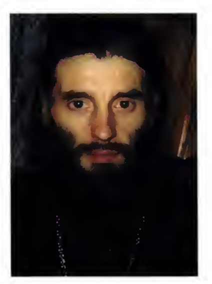


Первые годы священства

1994 год



1997 год



2000 год

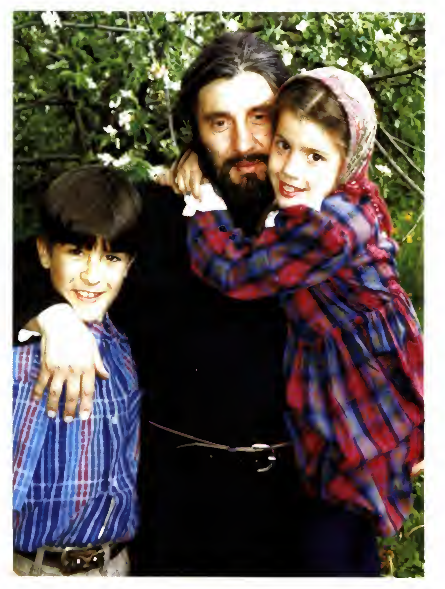
Исповедь

Батюшка отчитывает

На источнике Преподобного Серафима
с игуменом Нилом

Возле дома

Редкие минуты с семьей



С детьми – Арсением и Лидочкой

Чин Крещения

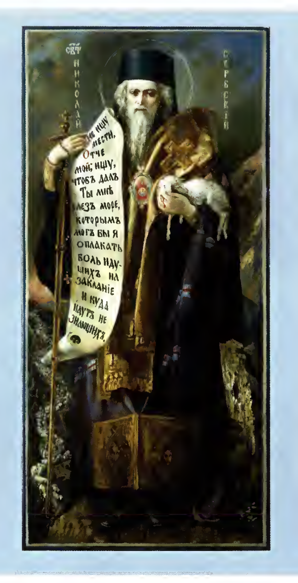
Высохшая ватка с миром
от Иверской-Монреальской иконы Божией Матери
в доме отца Владимира вновь заблагоухала

Монашеский постриг. Целование ножниц

Вещи Преподобного Серафима
впервые в доме отца Владимира

Последние батюшкины крестины

Иеромонах Владимир в поручах и епитрахили Батюшки Серафима



Святитель Николай Сербский (Велимирович) –
один из любимых святых отца Владимира

Старцы отца Владимира

преподобноисповедник
Сергий Тверской
(Сребрянский) – духовник
Марфо-Мариинской обители

святой праведный
Алексий Московский
(Мечев)

архим. Тихон (Агриков)
в схиме Пантелеимон

архим. Кирилл (Павлов)

За два месяца до успения

Арсений в своей келии

48. Заслуги нет в принуждении себя к молитве, оно есть только подготовление к принятию молитвы благодатной.
49. Слушать злословие с удовольствием есть тоже злословие.
50. О злословящем тебя помолись, сначала о нем, потом о себе.
51. Злейшие враги молитвы – праздность, многословие, многоспание.
52. В искушениях усматривается Промысл Божий.
53. Искание в себе плодов не вовремя – признак гордости.
54. В Иисусовой молитве не ищи сладости и тепла, а страха Божия и сокрушения сердца.
55. В Иисусовой молитве мало слов, но они вмещают – все.
56. Иисусова молитва бывает устная, умная и сердечная.
57. Достоинство Иисусовой молитвы в качестве, а не в количестве.
58. Что лучше, творить Иисусову молитву, или правило? – Надо делать и то, и другое.
59. Любящим Иисусову молитву враг посылает скорби.
60. **Скорби собирай как сокровище.**
61. При келейном правиле нужно давать простор и молитве собственными словами.
62. Келейного правила только совершенные в духовной жизни не требуют, для прочих оно необходимо.
63. Выписки из книг делать полезно, но только то, что особенно захватит сердце.
64. Внимание к духовной жизни не есть излишняя строгость, но самый корень этой жизни.
65. **Ко Кресту Господню надо привиться крестными скорбями своей жизни.**
66. Лекаря и лекарство Бог сотворил; отвращаться от них – укор Богу.
67. Что ни делал бы ты, но наивозможно **чаще призывай Имя Божие, за все благодари Господа**, – за радости и скорби, так как все посылается для нашего блага: тогда освятится вся твоя жизнь и будет непрестанною молитвою.
68. Леность к службе Божией, молитве есть начало повреждения ума.
69. **Любовь выше молитвы.**
70. Где делается без Любви к Богу и ближним,

там негде Христу преклонить главу.

71. О мире не грусти, о мире сердечном всегда проси.
72. Милосердный – врач своей души.
73. *Ничто так не приближает сердце к Богу, как Милость.*
74. Мир душевный приобретается скорбями.
75. Основание молитвы – внимание к помыслам.
76. *Молитва без утруждения тела и без скорби сердца подобна недоношенному плоду чрева.*
77. От новоначальных чистой молитвы Бог не требует.
78. В молитве должно следовать одно за другим: славословие, благодарение, исповедание грехов, прошение.
79. **Молитва требует простоты слов и сердца.**
80. Самое пребывание в молитве есть уже приобретение.
81. *Молитва от того не приемлется, кто не почитает себя грешником.*
82. В молитве не ищи восторгов, но тихого, теплого чувства к Богу.
83. Молитва отнимается – по самомнению, осуждению, главным образом для смирения.
84. Молитва не в количестве слов и многих акафистов, а во внимании и сердечном смирении.
85. Самочинное искание высших степеней молитвы весьма опасно.
86. Внешние приемы в обучении Иисусовой молитве не обязательны.
87. Хотя при молитве ты не ощущаешь силы молитвенных слов — *бесы ощущают и трепещут.*
88. Чем больше видишь в себе **неисправностей**, тем более двигаешься вперед.
89. Нерассеянность в молитве не от нашего желания, а **от смирения**.
90. Непамятование о Боге от забвения Его благодеяний.
91. На нечистых помыслах не останавливайся, чтобы не дойти до срамных дел.
92. Ничто не дает душе такой тишины, как произвольная **нищета**.
93. Новоначальным полезнее краткие и частые молитвы, нежели продолжительные с большими промежутками.
94. Опасность своего положения надо сознавать и искать

спасения в Боге.

95. Никого не осуждай, никем не гнушайся и не делай разницы между людьми.
96. Осуждай дурной поступок, но, **не осуждая того, кто его делает**.
97. **Осуждай себя, и не будешь осуждать других.**
98. Откровение помыслов опытным – необходимое врачевание для души.
99. *Отчаяние бывает от множества грехов, и от гордости и недоумения.*
100. Не может не печалиться тот, кто любит мир.
101. Пищи надо употреблять столько, чтобы тело было другом и помощником душе.
102. От чрезмерных подвигов поста и безмолвия рождается **высокоумие**.
103. Подвизаться за тебя, кроме тебя самого, никто не может.
104. Студные помыслы оттого, что молился **с мнением, а не со смирением.**
105. Без послушания в обители жить стыдно.
106. Писание отцов **о прелести** имеют целью предостеречь не от умного делания, а от прелести.
107. Прелесть при Иисусовой молитве не от молитвы, а от неумелого и самочинного ее прохождения.
108. Прелесть выражается в чувственном возбуждении плоти, в призраках, мечтаниях ума.
109. От разума плотского откажись и не внимай ему.
110. Ревность молитвенная угашается механическим вычитыванием молитвословия.
111. Медленность духовного роста необходима для нашего духовного воспитания.
112. Решения занимающих душу духовных вопросов, получаемые во время молитвы – от Бога.
113. **От гордости рождаются хульные помыслы.**
114. *Смиренномудрие испытывается получаемыми обидами.*
115. Иное скука, иное уныние, иное – отчаяние.
116. Скучают те, у кого дела не в порядке.
117. Слово действенное и слово красивое - разница.
118. Сокрушение сердца рождается памятью **о грехах юности, о смерти, о страданиях Господа, о Его благодеяниях.**

119. Если Он отнимает молитву, не смущайтесь, а смиряйтесь.
120. Спасение человека совершается Богом не без воли человека.
121. **Страх Божий – начало истинной жизни в Боге.**
122. *От внешней суетливости теряется внутренняя теплота.*
123. Причащаться Святых Христовых Таин часто – хорошо, но с должным приготовлением (первые Христиане причащались каждое воскресенье).
124. К Святым Тайнам нёт запрещения приступать и грешнику, если только осуждать себя как грешника.
125. Нужно различать теплоту естественную, теплоту благодатную и теплоту бесовскую.
126. Духовные подвиги нужно начинать с малого и увеличивать постепенно.
127. Что без труда приобретается, то скоро теряется.
128. Не оставляя своих трудов, надо надеяться не на них, а на Милость Божию.
129. Тело человека подобно свече, которая сгорает, а душа бессмертна.
130. Телу нужно давать телесное, по мере потребности, а духу духовное.
131. Тесный путь необходим.
132. Уединение – самое дорогое время для молитвы.
133. *Уединенная молитва в сердце возможна и в миру.*
134. Умирись с собой, и умирятся с тобой Небо и земля.
135. Молитва умная для всех обязательна.
136. Умное делание не упраздняет внешнего пения и молитвы.
137. Умной молитве мешают не дела, а пустоделие и худоделие.
138. Учащение есть мать навыка, как в добродетели, так и в пороках.
139. Слово Христово тогда только вселяется в нас, когда мы веруем Ему и живем по Нему.
140. Христос для того и пришел в мир, чтобы во всем помогать нам и спасать от греха и насилия страстей.
141. От хульных и нечистых помыслов не унывай, а спасайся терпением, молитвой и надеждой на помощь Божию.
142. Хульные помыслы труднее всех исповедовать.
143. Хульные помыслы – от осуждения, нечистые –

от невнимания.

144. В Церковь собираемся на общую молитву, чтобы мысли, чувства, слова были у всех одно.
145. Погубившие целомудрие не могут спастись милостынею, если пребывают в блуде.
146. Целомудрие помыслов – одно, целомудрие тела – другое.
147. Чтение святых отцов дает ответы на недоуменные вопросы духовной жизни.
148. Молитва – выше чтения. Ради чтения молитву оставлять нельзя.
149. Щитом твоим да будет Честной Крест.
150. В суете жизни знаешь Христа и диавола только по имени, и думаешь, что Христос далеко на Небе, а диавол где-то есть, но к тебе будто не относится.
151. На языке смирение, а в сердце – самооправдание.
152. Нельзя все время быть на Фаворе, нужна и Голгофа.
153. Иное дело спасаться в прежние времена, иное – теперь.
154. Монашество открытое и монашество тайное – две сестры.
155. Потерять духовного отца не по нашей вине – есть великое испытание, а потерять по гордости и самочинию – смертный грех.
156. Настоящий двадцатый век есть время последнее.
157. Основной признак последних времен – разделение Святой Троицы: Христа будто не было, Дух Святой не сходил, один Бог-Отец на Небесах. Это возврат к иудаизму.
158. **Верность Христу сохранится кровавым терпением истинных чад Божиих.**
159. Христиане не боятся последних времен, а терпеливо ожидают их.
160. Любящий Христа с нетерпением говорит: *Ей, гряди скорее, Господи Иисусе!* (Апок. 22, 20).

Батюшку пытались прятать в других монастырях: Одесском, Жировицком... Но преследователи появлялись вслед за ним. «Бог судил мне затвор», – сказал он близкому духовному лицу. Последние тридцать лет жизни отец Тихон провел в разных местах – в глухом затворе, доступный немногим, отвечая на бесчисленные письма духовных

детей, продолжая окормлять сотни монашествующих и мирян. Старец получил от Бога редкий дар Любви к людям. Он бесконечно страдал, не имея возможности оказать немедленную помощь своим духовным чадам. Его молитва творила чудеса, подобно молитвам древних чудотворцев. Например, при жизни он часто являлся своим «сиротам» в отчаянных ситуациях, выводил их из духовных тупиков. Батюшка ежедневно совершал не только Божественную Литургию, – но весь суточный богослужебный круг. Будучи тяжело болен, архимандрит Тихон уступил настоятельным просьбам родственников, и его привезли в Москву. Племянник батюшки, протоиерей Владимир, вспоминал, что последние восемь месяцев жизни отец Тихон пребывал в непрестанной молитве и слезах, которые наивозможно скрывал. Он ушел во время всенощной, после слов, которыми начинается Великое Славословие: «Слава Тебе, показавшему нам Свет!»

Сохранилось письмо духовного отца своей Аннушке. Она не доверила никому его начало, и мы запечатлеваем его с той строки, которая лежит перед нами. (Первое стихотворение-молитва, как бы от имени самой Анны, – принадлежит отцу Тихону):

...А что же Иисус?

Разбойник повернул свою голову влево, чтобы взглянуть на лик Спасителя... И вот тут и вырвался из его стесненной груди вопль исповедания веры: Помяни меня, Господи, – крикнул он, заглушая толпу, – когда придешь в Царство Свое... Этот вопль веры и покаяния разбойника обескуражил толпу. Все смолкли. И среди общей напряженной тишины раздался слабый, но отчетливо слышимый голос Иисуса: «Ныне же со Мною будешь в Раю».

Еще вопли

(одной из юных жен-мироносиц, восшедшей на свою Голгофу)

Я не хочу, чтобы слезы так лились,
Чтоб они в горле комком остановились,
Я не хочу свое горе показывать,
Я не хочу своим сердцем рассказывать.

Я не хочу, надо мной, чтоб смеялись,
Чтоб моим горем в душе наслаждались,
Я не хочу... Но мне их не сдержать!
Снова приводится вдвое страдать.

Дай же наплакаться в волюшку-волю,
Дай же излить свое горькое горе,
Дай мне поверить, что Ты-то со мной,
Что не забыл Ты девчонки больной.
Дай осознать, что нет в мире случайного,
Дай не дойти до тупого отчаянья,
Ведь не такое ж на свете случается,
Только на этом ведь жизнь не кончается.

Дай опереться на твердую руку
И поделить с Тобой горькую муку.
Дай изболевшему сердцу понять,
Что недостойно надежду терять.
Так я притихну, упав головой...
«Боже, — скажу, — Ты, Страдалец, — со мной!
Трудно так жить — но всегда я с Тобой,
Не оставляй же девчонки больной...»

Еще...

Когда Христос, Глава моя,
Терпел без жалоб и роптанья
От злых рук лютые страданья,
Дерзну ль на буйный ропот я,
Своими мучимый врагами?
Когда прибитыми руками
Врагов Своих благословлял,
И им, о чудо, все прощал!
Мои подымутся ли руки,
Чтоб за мученья — равны муки,

И зло за зло и месть за месть

Злодею моему нанесть?
Нет! Лучше кроткое страданье,
И в нем — на Бога упованье,
И с ним все муки перенесть —
Благую в Небе приять честь...

Еще...

Мой дух – доверенность к Творцу!
Мужайся! – будь в терпенье камень!
Не Он ли к лучшему концу
Нас всех ведет сквозь жизни пламень?

Все – дар Его! И краше всех
Даров – надежда лучшей жизни,
Когда ж узрю спокойный брег –
Страну желанную отчизны?

Когда струей небесных благ
Я утолю Любви желанье,
Земную ризу брошу в прах
И обновлю существованье?»

Сущность христианских страданий*

У религии много противников и три бессмертных друга, которые никогда не дадут ей погибнуть. Первый – величие человека (благородные порывы, Божественные стремления); второй – *человеческая слабость*; наконец, третий, самый сильный и бессмертный союзник – страдание.

Чем дольше мы живем, тем больше видим, что страдает всякая душа, и убеждаемся, что страдание – во благо. Страдание спасает людей, оно не позволяет окончательно ослепнуть, зачерстветь, оледенеть. Оно размягчает сердце, отрезвляет ум, укрепляет волю к добру. Вот почему вы не в силах оторвать свой взор от глаз, в которых искрятся слезы.

Приходится задуматься глубже о смысле страдания. Откуда оно? К чему? Есть ли вне религии врачевание для него? Какова доля пастырских страданий? Кто не страдал, тот не поймет этих рассуждений, кто не страдал, пусть не слушает нас. Бесполезно. Напрасно. К страдавшим и страдающим, и готовым на страдания – наше слово.

Зачем страдания?

Зачем страдать, если мы живем под властью Милосердного Бога? Однажды этот вопрос был мною предло-

---

*Архимандрит Тихон Агриков. У Троицы окрыленные. Воспоминания. Часть I. 1950 – 1955гг. Пермь, 1998

жен старцу – и вот, не забыть мне того изумления, с которым я выслушал ответ: «Именно потому и страдаем, мой друг, что благ Господь». Я тогда готов был возмущаться таким ответом. А теперь говорю: «Да. Это так и есть!» Слышу возражения: иным кажется невыносимым парадоксом мысль, что страдания и горе в этой жизни происходят – от Божественного Милосердия.

Что есть священник?

(Этот текст отец Владимир прочитал в качестве проповеди – на одной из своих служб.)

Пастырь добрый полагает жизнь свою за овец (Ин. 10,11).

Какая громадная общественная величина – хороший священник, такой священник, которым дорожит народ, как он дорожил отцом Иоанном Кронштадтским и тянулся к нему потому, что пастырь сам преследовал своей заботой, своей любовью души людские. *«Мое сердце распространилось для вас»*, – эти великолепные и сильные слова Апостола приложимы ко всякому настоящему священнику – всякому, который не тщетно носит это имя.

Как необъятно назначение – стоять при человеке, при живой душе в самые важные минуты существования. Человек родился из небытия – и священник погружает его в воду «во имя Отца и Сына и Святаго Духа». Взрослый человек основывает семью с избранной девушкой – и вот опять: «Обручается раб Божий Иоанн рабе Божией Анне во имя Отца и Сына и Святаго Духа». Священник владеет словами, которые он один имеет право произносить и которые обладают великою тайною силою: произнесет их – и совершится за Литургией страшное чудо пресуществления, и в Чаше, куда было влито вино, закипит Христова Кровь; не произнесет – и ничего не совершится.

Перед священником раскрыты все страшные тайны дел человеческих. И в исповеди он видит жизнь не такою, какою она кажется даже осведомленным людям, давно уже не строящим себе относительно ее никаких иллюзий, а какая она есть в действительности, в беспощадном и совершенном обнажении.

Известный петроградский священник, большой работник на ниве народной трезвости, рано умерший отец Александр Васильевич Рождественский рассказывал мне о впечатлении первой принятой им исповеди на первой неделе поста: «В этих коротких признаниях, произносимых отрывистыми фразами, я наслушался таких ужасов о том, что люди делают втайне, что я еле верил этим признаниям. В голове у меня мутилось. Я еле держался на ногах, а когда пришел домой, я бросился, не раздеваясь, на кровать, закрыл глаза, зажал уши руками и долго громко стонал. Вся моя душа болела невыразимо перед этими обнаженными, сочащимися язвами жизни... Господи, до чего проедена насквозь грехом человеческая природа!»

И вот, накидывая на голову человека епитрахиль, – над всеми этими ужасами жизни, над людьми, которые тайно кого-нибудь убили, над опомнившимися богохульниками, клятвопреступниками, над всеми, грешившими по естеству и против естества, – священник имеет право произнести великие разрешительные слова: «ПРОЩАЮ И РАЗРЕШАЮ».

Вы только подумайте: умирает человек, и тем вторым зрением, которое является у умирающих, уже видит неизбежную и несомненную Вечность. Какое томление, какое позднее раскаяние и какой страх! И вот в эти минуты, когда все вокруг в ужасе и смятении, спокоен и уверен один священник с силою данных ему таинственных чудотворных слов. Опять звучит над столько раз прощенным и столько раз согрешившим человеком это новое «прощаю и разрешаю» – и груз грехов летит бесследно в бездну, исчезает навсегда. И пусть говорят: «Что за лицемеры эти церковные христиане; каются и грешат, грешат и каются...» Да, грешат, потому что они люди, слабые люди, но никогда грехом не насладятся вполне; грешат и в те же минуты покаянно вопиют к Богу, чувствуя, что созданы для высшего и лучшего, чем грех. И не ставят греха своего в закон.

А в скорбный час отпевания, пред тем как близкие подойдут ко гробу «воздать последнее целование», прислушивались ли вы к этому новому торжественному всесовер-

шенному разрешению души и полному зачеркиванию всех решительно долгов? И разве не значительны своею страшною властию и своими таинственными словами священники? И пусть некоторые из них относятся механически к своим обязанностям, но из целого ряда их блеснет вдруг убежденный человек и *замолит*, и *разрешит*, и пожалеет не только людей своего прихода, но и таких людей, о которых он не слыхал при жизни, людей, которых некому жалеть, людей, всеми отброшенных и презренных, и пожалеет их, и *устроит* их душу.

В Москве ходит такой рассказ из филаретовых* времен. Был в одном приходе, где-то у Девичьего поля, пьющий священник. Человек хороший, сердечный, но очень уж часто пьяненький, так что прихожане просили Митрополита избавить их от него. Просители были очень известные Митрополиту люди. Делать нечего, уже было написано определение об устранении священника и для подписи положено Митрополитом на стол. Ночью ему снился трижды один и тот же странный сон. (Митрополит придавал значение снам, и за несколько времени до его смерти ему снился отец его, произнесший: «Береги девятнадцатое число», – а он и умер девятнадцатого ноября). Он видел себя окруженным множеством несчастных, изнуренных людей, из которых некоторые имели вид кто удавленников, кто утопленников; все эти люди, наступая на него, громко кричали: «Оставь нам батюшку, он нам нужен!» Рано утром Митрополит послал за тем священником и стал допытываться у него насчет его жизни. Тот сразу покаялся в своей слабости, о себе отозвался, что у него в жизни нет ничего хорошего, и только после долгих уговоров Митрополита открыл ему, что имел обыкновение часами молиться о всех покойниках, о которых узнает, особенно же о людях, погибших несчастною смертью под рукою убийц, утонувших и наложивших на себя руки.

Митрополит, большой мистик, заключил из этого рассказа, что священник нужен всем этим людям, и рассказал

---

* Святитель Филарет (Дроздов; 1782 – 1867), митрополит Московский и Коломенский, причислен к лику святых Русской Православной Церкви в 1994

ему свой сон. Все это произвело на священника такое влияние, что он совершенно расстался с вином и стал примерным батюшкой.

Пройдите когда-нибудь в подземный храм-усыпальницу петроградского Иоанновского монастыря на Карповке, к могиле отца Иоанна. Нет той минуты во дне, когда вы там не найдете людей, стоящих на коленях пред громадным надгробием белого мрамора и что-то шепчущих батюшке. Это все те же люди, которые при его жизни, когда он ездил по Петрограду из дома в дом и по всей России из города в город, бежали к нему, требуя молиться о себе, и он ради них хватался за ризу Того Христа, Которого он воочию пред собою видел, и не выпускал из рук этой ризы, пока не бывал услышан. И идут к нему, теснятся, потому что он был общий для всех – одинаково и для человека, которого он знал десятки лет, и для того, кто, издалека приехав, подходил к нему на минуту – в первый и последний раз в своей жизни.

Да, такой священник, до которого всякому есть дело и которому до всех есть дело, – такой священник есть большой, громадный человек, и его *приход* разрастается из одной церкви во весь город, и из этого города, порою, во много разных городов и во всю страну.

Мне пришлось на днях слышать восторженный рассказ очень серьезного и весомого человека, крупного общественного деятеля, человека вместе с тем очень верующего, любящего Церковь. «Если бы вы знали, – сказал он, – какое впечатление заставил меня пережить в Н. (и он назвал большой русский порт) тамошний священник... Вы знаете, что я ездил туда на освящение новых кораблей. Молебен служил портовый священник».

«Постойте, – прервал я рассказчика, – я о нем уже давно слыхал: замечательный человек, который возится с подонками, ходит по ночлежкам... Мне уже лет десять назад люди из этого города говорили о нем как об очень замечательном священнике».

«А если бы вы знали, как он служит!.. Кто из нас не отстаивал молебен в глубочайшем равнодушии, еле крес-

тясь? Священники говорят слова, которых и не чувствуют, которые их и не интересуют, и мы поэтому тоже ничего не чувствуем. Надо вам сказать, что этого священника я заметил в первый раз, когда присутствовал в Н. на панихиде по одному из наших капитанов. Голос у него небольшой, но выразительный, а задушевность службы прямо поразительная. Так и чувствуешь, что этот человек видит живого Бога, пред Ним предстоит. Во время нашего молебна у меня на глазах были слезы, и слезы были на глазах некоторых моих соседей, среди которых были и католики, и лютеране.

Вы знаете, что он делает? Когда подымается на море буря, он зовет причетника, чтобы открыть церковь, и молится на коленях Богу о *плавающих на море*».

«В нашем обществе, – вставил я, – при дальних и опасных рейсах по очень неспокойным морям почти не бывает несчастий; может быть, ради его молитв? Может быть, когда буря начинается ночью, он встает ночью и так же идет в церковь, и на коленях промолится иногда целую ночь. Есть очень сильные картины французских художников из жизни нормандских рыбаков. На берегу, о который яростно бьют волны, толпа жен рыбаков молится пред статуей Мадонны о спасении дорогих людей. А тут картина еще более захватывающая: одинокая портовая церковь у яростных волн, и в темноте священник, вопиющий к Богу об избавлении от гибели не знакомых ему, плывущих в эти часы по бурному морю людей».

«Вы понимаете, – продолжал мой собеседник, – его жизнь, его взгляды отражаются в его внешности, интонации голоса. И так он на все смотрит просто! Когда я узнал об этих его ночных молитвах, я высказал ему мое радостное изумление. И мне показалось, что ему было бы приятнее, если бы никто об этом ничего не знал, и он с такой скромностью ответил: «Но ведь это моя паства, как же мне не молиться за них».

А его воздействие на чернь порта, на это бесшабашное пьянствующее и драчливое население! Вы знаете, какое громадное значение для человека имеет то, чтобы у него

была хоть одна какая-нибудь святыня за душой, – что-нибудь светлое, чему он верит, чему он поклоняется. Вот для них такой святыней является отец Иона. У них лица расцветают, когда они произносят его имя. И это потому, что он один среди всех людей, которые смотрят на них, как на диких зверей, – он один верит в искру Божию, теплящуюся в них под всем этим безобразием, и эту искру в них чтит. И они это чувствуют.

Нет... Вы не можете себе представить, до какой степени я счастлив, что узнал о таком человеке. А какие удивительные дела совершаются по его молитвам!»

Возможно ли в наши дни быть подобным священником? Да, возможно и даже нужно. Разве теперь меньше потребности в молитвенниках? Наоборот. Истомившийся народ ищет их. Но чем ярче горит в темноте ночи светильник, тем больше летят на него насекомые. Для сердечного пастыря, жалеющего народ, умножаются опасности и скорби до предела.

«Ты что, братец, не служишь?» – спрашивает священника его друг по семинарии. «Да вот, видишь, – отвечает печально батюшка, – не возлюбил настоятель, говорит: «Ты уж очень горячо взялся, отдохни немного...»

А как украшается жизнь такими священниками! Как поучительно для других горение их душ, их настроенность. Золото очищается в огне, пастырский крест светлеет, сияет в трудностях. А с какой благодарностью и восторгом будет вспоминать их имена история! И как печется о них Господь!

Молодая девушка горит желанием подвига. Замуж? Да что вы! Если уж судил Бог быть этому, то только за священника, – и она готова быть там, где труднее и благороднее долг. Да, нужны теперь добрые священники, очень нужны, и они есть; нужны и верные им спутницы, и их немало у Матери Церкви Православной.

Что есть священник? – Великий труженик, подвижник. А *добрый, сердечный священник – отец всех*. Живая личность как абсолютная ценность – таковой она может

считаться только при наличии веры в бессмертие. Священник-отец стоит за эту живую личность, он ее спасает, и в этом его счастье вечное.

Текст магнитофонной записи прощальной беседы архимандрита Тихона с духовными детьми перед уходом в затвор

Вначале звучит «Самарянка». Отец Тихон запевает.

Под тенью навеса под деревом гладким
Сидел у колодца Христос.
Пришла самарянка в обычном порядке,
Наполнила свой водонос.
Христос попросил поделиться водою,
Она же сказала в ответ:
«Ведь я самарянка, а с нашей средою
Общения, кажется, нет».

«А если б ты знала,
Кто воду живую творит,
Сама бы сказала, сама попросила
Того, Кто с тобой говорит».
«Колодец глубокий,
Как воду живую Ты можешь черпать из него?
Отец наш Иаков дал воду простую,
Неужли Ты больше него?»

Христос ей сказал: «Приведи сюда мужа»
Она же ответила: «Нет у меня».
«Ты правду сказала, ты пять их имела,
И это не муж у тебя».
«О, вижу пророка. Скажи, где молиться
На нашей горе Гаризим?
Где Богу молиться, Ему поклониться,
Пришедше в Иерусалим?»

«Не здесь и не там,
А где сердце Любовью – горит!
Поведай же людям об этом Мессии,
Мессия с тобой говорит».
И вдруг самарянка бегом побежала,
Оставила свой водонос.
И встречным сказала, и всех приглашала:
«Идите, явился Христос!»

И все самаряне толпою народа
К колодцу пришли ко Христу,
Услышали слово, и слово святое,
С любовью приняли Его.

— Главное – просить у Господа христианской кончины живота нашего – безболезненной, непостыдной, мирной. Самое дорогое сейчас прошение. И еще просить доброго ответа – на Страшном Суде Христовом... На Страшном Суде Христовом... Да...

На добрые дела не надейтесь свои. Ни на что не надейтесь. Только на Милость Божию.

— Переведет человек старушку через дорогу, посетит, утешит больную – вот и доброе дело... *

Ну, добрые дела они различные. Они бывают и вещественные и духовные. А в вашем положении, первое доброе дело – это помолиться за кого-нибудь, кто вас обидит – соседка или сосед. За них горячей помолиться... Это доброе дело – доброе желание... Чтоб они почаще ходили к тебе... Да, это духовные дела, духовные милости.

Укрепи, Господи, всех их. И всех нас. Потому что и мы нуждаемся в этой благодати. Всех-всех-всех нас.

— У них нет мира...

У них нет мира и у нас нет мира, бывает тоже. И мы – иждивенцы. Мы тоже сплошные иждивенцы. Иждивенцы...

Помоги Господи всем вам...

Сам Бог в Себе благ и счастлив, и непостижимо блажен. Для нашего счастья Он создал нас. Нам для себя это трудно понять: Господь не нуждается – ни в ком. Господь не нуждается ни в Ангелах, ни в нас – ни в ком не нуждается. Ни в славословии, ни в хвальбе. Он Сам – всеблажен. **Он – всеблажен** – так нас учат святые. Он всеблажен, Сам в Себе! А просто **ради Любви** – нас всех создал, чтобы мы блаженствовали с Ним, радовались, и вечно ликовали. **Для бесконечной Любви** Он нас – создал.

— Трудно уподобиться Богу, батюшка.

— Невозможно даже. Это нам невозможно – Богу упо-

* Курсивом отмечены слова духовных чад отца Тихона

добиться... Это невозможно: «Будьте совершенны, как Отец Небесный совершен», – это только в идеале, идеальное сказание. А мы... как Бог Отец, мы не можем быть никогда. В смирении уподобляться надо. В смирении – это возможно. Ни в чем другом. **Мы можем уподобляться Господу – в смирении**. Как Он отдал Себя в жертву за спасение всех людей, так вот **и мы должны для других**... особенно для тех, которые нас не любят, которые нас ненавидят, которые нас ломят! – вот для тех мы должны **отдать – все**! И свой покой, и свое правило...

– *Только с помощью Божией, батюшка.*

– С помощью Божией. С помощью Божией, матушка, да. В этом большое счастье, когда вы будете жить – не только ради своего покоя: закрыться в келье, сидеть и не выглядывать, никому не мешать, читать правило, читать все – это еще мало! Тут такое самоличное спасение. А вот надо переживать за других. За всех людей. За всех, кто рядом, кто окружает нас. Особенно – кто нас – ненавидит, вот за тех молиться. Кто нас распинает! Вот за тех сказать Отцу: «Отче, прости им и вразуми. И спаси их, **обязательно** – спаси!» **Такое Милосердие – выше всякого правила**.

...Хоть евреи, хоть там, армяне, хоть там греки, пусть кто бы ни был – все они дети Божии. Как и мы. Все они люди, да.

...По возможности в храмы ходите. Пока храмы открыты, пока еще ноги ходят. Ходите в храмы, на батюшек не смотрите, какие они, хорошие или плохие. Не разделяйте их. Господь избрал, все они хорошие. И каждый ответит за себя. Вы пришли, встали в уголок, помолились, помянули своих сродников о здравии и за упокой – и домой, в свой уголочек. Никого не осуждая, никого не разбирая, никого не трогая.

И причащайтесь Святых Таин Христовых, тоже почаще... Причащайтесь в празднички, в посты причащайтесь. Разочка два-три в пост причаститесь, пока **есть еще** возможность причащаться... В этом вся наша сила и радость наша – в Святых Таинах Христовых: **Приимите, ядите, сие есть Тело Мое – и Кровь, за вас поныне проливаемая...** И

сейчас Господь страдает за нас. И **сейчас** Он мучается на Кресте. Кровь льется потоком, потоком, потоком льется... И Господь готов каждую душу очистить – Своей Божественной Животворящей Кровью.

И вот чаще приступайте – в простоте сердца, в незлобии – с большой, большой Любовью приступайте к Господу. Пусть даже с грехами, пусть даже с забытыми там какими-нибудь опущениями, невыполнением чего-то. Все равно с Любовью – приступайте к Святым Таинам. **А Господь придет – и все сожжет! всю нечисть греховную... все терние сожжет – пламенем Любви Своей.** И со светлой радостью домой идите. И не унывайте: вот, я плохо причастилась, вот, я ничего не почувствовала. Это нарастает. С радостью: Причастилась – Слава Богу! Как на Небе! Это самое высокое счастье наше.

Вот так: друг за друга молитесь – и так исполните закон Христов.

И не ищите нового, такого особого какого-нибудь, необыкновенного такого, пророческого. Вспомните, что вам говорил батюшка Тарасий и батюшка Агафон, вот что я говорю вам, грешный. Живите этим, глубже все это старайтесь понять – и это самая основа вашего спасения. А вот такое, то есть, что-нибудь новое... – большего никто не может сказать ничего. Не бегайте, не беспокойтесь, не волнуйтесь, а спасайтесь теми воспоминаниями, теми чувствами, теми заповедями, которые, вот, вам дал Господь через нас. Это вам даст покой, вам даст уверенность – и потом преданность своим отцам. А то там встретимся, и вы будете страдать неверностью: такого-то батюшку я не послушалась, такого-то я обидела. Тем более сейчас – священники молодые большинство, и могут искривить ваш путь-то. Вселить какую-нибудь тревогу, или неверность, или что-то такое неправильное, – и нарушить мир ваш духовный. Вот это – очень важно.

И потом к большему никакому не стремитесь. Ни к какой святости, ни к какому такому совершенству высокому... Не лезьте! Будьте довольны тем, где Господь поставил. Высоко не мудрствуйте. Вот такое особенное, такие слова всякие, возвышенные такие, крылатые – о вечной

жизни там и прочее... Надо смиренней думать. Смиренней. Потому что это признак тщеславия. А больше всего о своих немощах – помышляйте, и Господь помилует. Господь Сам за смирение вознесет – на самую высокую ступень совершенства.

Жил один старец в пустыне, и к нему пришел очень славный такой подвижник. Его все знали. И стал беседовать: главное – о Царствии Божием, о Боге он стал беседовать, о высоком небе, о святых блаженных обителях. Все о небе, все о небесной красоте, о небесной радости – все это приятно слушать было. Он говорил, увлекся этим. А хозяин только молчал и все голову ниже, ниже и ниже – ни одного слова ему не сказал. Так и проводил его молча. А тот было увлекся своим красноречием, – и был он, в общем, богослов хороший, хорошей духовной высоты жизни... А потом спросил старца: «Так что же ты, отче, мне ничего, ни одного слова не сказал?» Он ему и ответил: «Если бы ты о грехах говорил, я бы с тобой побеседовал, а ты все о Боге да о вечной жизни. Я недостоин и мыслить об этом». Подвижник истинного, искреннего смирения. Вот так и нам надо – больше всего на низах быть, на низах... Под низом, в смиренном истинном состоянии таком, – в приниженном чувстве. А Господь смиренных возносит. Смиренных непременно Он вознесет выше всего земного...

Помоги вам Господи. Немножко за меня молитесь. По одному поклончику только, поясному. А земной не надо. А то тяжело подниматься. Поклонишься и уснешь. А так поясной поклончик сделаете – и хватит. Господь примет. Все по поклончику – так много наберется поклончиков. Много... Господь, глядишь, меня и помилует еще. Поживу.

– *А если три поклона сделать?*

– Это будет непослушание.

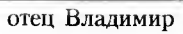
Слава Богу! Благодарить Господа – не забывайте. **Благодарность сейчас выше всего.** Самый высокий подвиг – благодарность! Потому что наша жизнь такая крученая какая-то, такая кривая, какая-то жидкая жизнь наша. Неудовлетворенность, неприятности и вечная духовная неустроенность... И вот когда особенно-то трудно – **когда чувствуешь себя на кресте, – благодарить Господа: Господи,**

Слава Тебе! И мало этого, **с этого креста еще помочь другому**, найти силы помочь, сказать кому доброе слово... Как Господь, на Кресте пригвожденный, Сам страдающий, утешал Свою Мать: ***Жено, се сын Твой.***

Люблю перечитывать этот текст, понимая, как близки заветы старца отцу Владимиру. И он делился словом отца Тихона, желая видеть нас исполнителями нетленных заповедей.

Невозможность жить равнодушно, бесчувственно по отношению к бедам и скорбям человеческим (и особенно – к главной беде, которая называется – погибелью души) – вот, что особенно отличает отца Тихона. Именно это качество роднит его с отцом Владимиром. Оба пастыря, не раздумывая, стремились на помощь страждущим и погибающим телесно и духовно. Они не встретились во время кратковременной жизни на земле. Но в Царствии Небесном они – рядом, родные не только друг для друга, но и для каждого из нас, готовые и сегодня с чуткостью отозваться на нашу боль, наше горе.

Недавно фотографии отца Тихона и отца Владимира были отданы на ламинирование, после которого оба лика преобразились. Казалось, они были залиты – потоками слез. «Это святые», – вырвалось у человека, который за свою многолетнюю практику ламинирования – не видел ничего подобного. Фотография отца Владимира истекала


отец Владимир

отец Тихон

потоками мира в течение недели на Рождественской ярмарке, сотни людей приложились к благоухающему кресту на груди батюшки. Знакомый священник с благоговением произнес: «Незримые миру слезы...»

Замрем и мы перед этими ликами, подумаем, что хотят сказать нам наши духовные отцы – этими слезами? Они оба плакали о нас при жизни. Значит, и в Царствии Небесном, глядя в тайники наших сердец, им приходится страдать о нас – снова.

«Сколько Любви отдаешь...»

Собирая воспоминания об отце Владимире, столкнулась с тем, что многие не могли решиться доверить бумаге то сокровенное, что получили от Бога, молитвами батюшки. «Это был человек, – сказала одна после молчаливого раздумья, – который относился ко мне так, как только одна моя мать. Не рассказывают же во всеуслышание, как страдала о тебе, изнуряла себя для тебя родная мать. И так как это относится к человеку – как бы неродному, это тем более дорого, свято. За такое молча благодарят Бога».

Знаю нескольких людей, которые считают, что остались живы, благодаря стремительному вмешательству отца Владимира в их жизнь. Или сознались, что являются его должниками до последнего вздоха. Иногда, завершая рассказ, люди поверяли мне глубоко личное, и мы плакали вместе, будучи не в силах удержаться. Нередко добавляли: «Дайте слово, что об этом никто не узнает».

Батюшкины святые труды помогали людям избавиться от постыдных грехов. Часами и днями он занимался с душевнобольными, от которых и родные давно изнемогли. Помню, как он склонил к причастию больного юношу, который до этого не мог долгое время ни исповедаться, ни причаститься. Стоит перед глазами, как отец Владимир прижимает голову мальчика к своей груди, и небесное блаженство проявляется вдруг на этом лице, не защищенном условностями. Не знала, что подобное выражение посещает человеческие лица.

Как надо Любить страдающую душу, захваченную в кольцо вражеской силой, даже когда ее внешние проявле-

ния вызывают одно отторжение, и многие готовы отшатнуться. Каким материнским воплем нужно вымаливать у Создателя – утешение и для этой нищей души! Помню несколько ситуаций, когда батюшка держал в явно улучшенном состоянии – тяжело духовно больных, приезжавших к нему за помощью от всех концов. Отец Владимир был большим человеком. На ходу, на улице он мог совершить чье-то исцеление и тут же поворачивался к идущим рядом с выражением полной невиновности в происходящем: шутил, смеялся, как самые обыкновенные люди. Только бы никто ничего не понял, не заметил, не подумал о нем особенное. Батюшка скрывал свой дар исцелений. О том, что совершал его руками Бог, – не знала даже его матушка.

Гляжу на батюшку – теперь уже издали. Но кажется, что ничего не изменилось, что он рядом. И вспоминаю, как схимонахиня Гавриила спросила у явившегося ей Ангела: *«Чего же от меня хочет Бог? Где мне быть? Какую работу делать?» Ответ был категоричным: «Где бы ты ни была, что бы ни делала, в каких бы условиях ни жила, кому бы ни помогала –* ***одно*** *имеет значение:* ***сколько Любви – отдаешь. Везде – без различия»***. Благодарю Бога, что я знала, своими глазами видела человека, который жил по этим Небесным прописям.

...Предстою светлому лику отца Владимира, вслушиваюсь в Вечные Слова: *Блаженны нищие духом... Блаженны плачущие... Блаженны чистые сердцем... Блаженны вы, когда возненавидят вас люди... и будут поносить... за Сына Человеческого.*

Батюшкина исповедь

Нам всем на земле осталось лишь покаяние.
Игумен Никон Воробьев
Господь никогда не оставит нас,
если мы не оставим Его.
Отец Владимир

Если оторвать народ от памяти о своих святых, если лишить его связи с Сергием Радонежским и Серафимом Саровским, Амвросием Оптинским и Силуаном Афонским, Иоанном Кронштадтским и Алексием Мечевым... он воистину завянет, как скошенная трава. Одно из преимуществ духовной жизни в том, что связь эту праведники поддерживают с нами и после своего успения. Но сколько бы мы ни рвались сердцем к ощущению живого присутствия любимых святых в нашей жизни – самое действенное, способное его поддержать, – это встреча с живым продолжателем их подвига самопожертвования и Любви.

Все, знавшие отца Владимира, хранят память о его исповеди. Отец Владимир и вокруг – море людей. Как всегда, это многие, долгие часы исповеди. Задумаемся над ее особенностями. Если у вас многочисленный приход, со временем в основе его будут одни и те же люди. Пользуясь сравнением Евангелия: обработанная, облагороженная трудом священника почва. Но здесь – непаханая целина, каменные завалы и каждый день – со всех концов новые сотни, тысячи приезжих, многие из которых подойдут к священнику в первый раз в жизни. В дополнение к этой трудности – сугубо серьезное отношение батюшки к любому человеку. Воистину этот труд – был титаническим.

Кажется, к отцу Владимиру стояли самые неисчислимые очереди, рядом с ним они теряли очертания череды и становились кольцом, которое охватывало его со всех сторон. Обостренно чувствуя внутреннее состояние каждого,

батюшка нередко мог взять кого-то из глубины толпы или с дальнего ее края. Существенным для него, по-видимому, было только одно – тронулся ли лед, дало ли трещину окаменненное нечувствие, с которым большинство из нас хронически живет, нимало не скорбя, или вовсе того не замечая. Нередко он выхватывал из гущи людей – человека «непробиваемого», безразличного или готового сбежать. Далее можно было наблюдать настоящую битву.

Помню одну вызывающе одетую девушку, в «мини» и с прочей атрибутикой пренебрежения к храму и его устоям. Человек, на первый взгляд, случайно попавший сюда из толчеи кипящей противоположными интересами улицы. Батюшка неожиданно взял ее за руку и притянул к исповедальному аналою. Далее происходило ошеломляющее. Отец Владимир что-то произносит ей в лицо, очень серьезно, с большой силой, потом становится понятно, что он шутит, но в ответ на первое и второе – неприятие и отталкивание – скалы. Через минуту батюшка берет ее за руку и стремительно ведет сквозь толщу народа к святым мощам Преподобного Серафима. Здесь он начинает класть земные поклоны, которые невольно приходится повторять его спутнице. За краткое время с девушкой произошла разительная перемена: батюшка возвращался с человеком, обливающимся ручьями слез. Далее последовала некороткая, первая в жизни исповедь. Не забуду уходящую девочку – это была новорожденная. Только что откровенно неприятное лицо превратилось в подлинно человеческое, страдающее: оно полностью лишилось скрывавшей его отталкивающей маски. Это новое выражение не могли испортить разводы от потекших ресниц и распухший нос. Оно запоминалось, оно стало притягательным.

И сколько подобных ярких картин!

В другом похожем случае, помню, батюшка отечески вытирает черные потоки на юном лице своим белым платком и шутит, и тут же серьезно наставляет. Отец Владимир глубоко скорбел о юных бесцерковных душах... Помню, батюшка был проездом в Москве. В одном храме, в гуще прихожан, где он сиюсекундно общался направо и налево с множеством людей, на его пути оказалась

молодая женщина с непокрытой головой. Светлый шарфик выбивался из выреза костюма, ярко накрашенные губы казались непропорционально большими. Батюшка (все это мгновенно, мимоходом) начинает с приятной улыбкой и словами изящно вытаскивать из-под подбородка прячущийся шарфик и нежно обвивает им лохматую головку. Как бы нечаянно проводит тыльной стороной ладони по клоунским губам, на его руке остается широкая бордовая полоса. Узнавший об этом с посторонних слов, сказал: «Как неприлично!» Но это не было ни грубым, ни вульгарным: глаза батюшки светились неподдельной, сострадающей этому существу любовью, эти глаза почти плакали об открывшемся ему состоянии души. И туже затягивая на голове спадающий шарфик, эта, оказавшаяся миловидной, девушка (гамма чувств промелькнула в эти миги на ее лице: неловкости, стыда, но и понимания) растерянно и благодарно проводила батюшку глазами.

...Эта несчастная стояла посредине очереди и как будто ничем не обращала на себя внимания: тучная некрасивая женщина, в черной юбке, розовой застиранной шерстяной кофте, лет под шестьдесят, в несвежем ситцевом платке. Но по мере приближения к батюшке, она время от времени стала издавать какие-то нечеловеческие звуки: то ли хрипы, то ли сдавленные вопли. Всем известны нередкие здесь лица. Ясно, что это – одержимая и, конечно, всем хочется от нее быть как можно дальше. Известно общепринятое отношение к подобным больным: две-три фразы и – разрешительная молитва, ведь ждущих в очереди достаточно. Заканчивалась всенощная, после которой батюшка обыкновенно задерживался на пару часов. До десяти вечера, как правило, нередко и позже. А на следующий день ранняя литургия в пять утра, начало новой исповеди, а потом – поздняя... Больная неуклонно приближалась к батюшке вместе с очередью. Вот они уже разговаривают, но под какой аккомпанемент: то это рык, то взвизг, то нечеловеческое стенание. Батюшка с обострившимся лицом, пронзительными глазами – пристрастно расспрашивает больную. В какой-то момент он ударяет крестом по спине болящей, от чего она, наклоненная к

батюшке, столь грузная, – внезапно подпрыгивает спиной вверх, неправдоподобно высоко, сантиметров на сорок, с жутким разноголосым воем. От батюшкиных действий, даже просто от его вопросов, женщину мотает из стороны в сторону. Исповедь продолжается уже более получаса. Больная то говорит сама, отвечая на вопросы, то повышенным голосом говорит батюшка. Из потока невнятных слов, вырывается горячий шепот: «Вот оно! Получила именно за это!!! Будешь исполнять епитимию...», – дальше глухой текст и: «Все это – до конца жизни – со слезами!» Внутреннее напряжение достигает такого предела, что я не выдерживаю и просто сбегаю. Будучи не в силах видеть и слышать то, что никогда не приходилось наблюдать.

К батюшке буквально притягивались подобные люди. Помню, он дает Крест после литургии и одновременно ведет диалог с одолевающей его одержимой под цокот, хочется сказать, копыт – такая нечеловеческая походка и стук каблуков. Все столь пронзительно обострено, что не поддается описанию. Невыразима быстрота батюшкиных реакций, стремительных ответов, накал страшной внутренней борьбы. Вдруг бес истерически орет: «Выхожу!» – «Ну, и выходи!» – произносит батюшка, осеняя больную крестным знамением в очередной раз. Внешне фраза звучит легко. Больная падает, над ней склоняются люди. Все затихает. Через несколько минут – женщина спокойно выходит из храма. У батюшки резко осунувшееся лицо – пронзительный портрет, где только два цвета: карий – глаза и волосы, и белый – цвет помертвевшего на несколько минут лица. Батюшка, не переставая, дает Крест редеющей толпе. Постепенно его лицо обретает живое выражение. Вот он уже шутит, улыбается. Эта ярко одетая дама на высоких каблуках с резко подведенными глазами неоднократно до этого преследовала батюшку. С тех пор она в храме не появлялась. Позже узнала, что отец Владимир благословлен своими старцами отчитывать столь больных людей.

Одна из памятных фотографий: отец Владимир отчитывает. Батюшка обычно скрывал от бесчисленного окружения свое истинное лицо. Особенно в последние годы,

когда поток требующих его помощи стал неимоверным. На людях он чаще всего шутил, улыбался, поддерживая на ходу сотни унывающих, изнемогающих, льнущих к нему, будто жаждущие – к источнику воды живой. Но эта фотография сохранила один из удивительных ликов батюшки. Огромное внутреннее напряжение, резкие, врезающиеся в память черты сильного лица – в момент страшного поединка между Светом и тьмой. Справа – профиль искаженного бесовским воплем лица. Сейчас эта бывшая болящая – послушница одного из монастырей. Слава Тебе, Боже наш, слава Тебе!

Как-то ехала в автобусе с человеком, который поделился: «Еду к батюшке, которому исповедал свою страсть к курению, а он поднял крест, и меня им – по лбу! Потом благословил. Признаться, я удивился, но самое поразительное: с тех пор ни одной сигареты не выкурил. Два года прошло. А до этого «бросал» двадцать раз, и разве что на неделю меня хватало...» Сколько их было, исцелений недугов, явных и тайных – Бог весть.

Когда батюшка происповедовал двух моих московских подруг у них дома, они взволнованно рассказали, что после этого просветлел весь их дом. Почти неделю они пребывали в умиротворенном состоянии утешенности, давно забытой. Полностью перестали ссориться. Дом казался преображенным. Прошло пять лет, эта исповедь для них – по-прежнему чудо. Вспоминая о ней, они начинают радоваться и светиться, как будто это было вчера.

Раба Божия Валентина: «К батюшке попасть очень трудно, его со всех сторон окружает море голов. Моя мама говорит: «Ты встань в стороночку и смотри». Вижу, батюшка исповедует, а сам – внимательно взором переходит с одного на другого. Казалось, он начал серьезно знакомиться и общаться со мною еще издали. Вдруг непривычно отчетливо стала вспоминать грехи – моя исповедь уже началась. Батюшка занимался людьми дольше всех священников, все давно разошлись по домам. Уже храм закрывают, всех просят выйти, пришлось спуститься вниз. Отец Владимир тоже пошел к выходу, и народу еще боль-

ше набежало. Поняла, что ничего не получится, а был большой праздник, я с дочерью хотела причаститься. Тут отец Владимир взмолился: «Матушки, отпустите, Христа ради», — был двенадцатый час ночи. Я расстроилась, довели батюшку; он молится, чтобы ему дали уйти. Значит, останусь без Причастия. И тут моя дочь Даша ему вслед: «Отец Владимир, возьмите мою маму!» — «Где твоя мама?» И тут же меня исповедал. Когда он возложил епитрахиль на мою голову, почувствовала — освобождение. Легкость была необыкновенная! Узнав батюшку больше, всегда повторяла: «Он живет с Божьей и Царской помощью и на Небесных скоростях!»

Раба Божия Любовь: «Отец Владимир все чужие грехи, как свои, чувствовал, все пропускал — через себя. И душа это редкое к себе отношение ощущала и благодарила. Как правило, он не обличал, не стыдил. Но так о тебе скорбел: посмотрит внимательно — и делается так стыдно! Стоишь и, кажется, горишь: Божий Суд! Почему я прилепилась к Батюшке Серафиму, когда о нем прочитала: он такой кроткий, незлобивый был, вот к нему в Дивеево и потянулась. Отец Владимир был такой же! Не люблю грубость. Многим необходим душевный такт. Паузу сделает, помолчит, мне уже понятно. А если кричат, ругают, я теряю равновесие. Отец Владимир был необыкновенно чуток. К каждому с тонкостью подходил. Может быть, на кого-то и он голос возвышал, но он знал, кому это на пользу.

Батюшка помог мне серьезно осознать и принести покаяние в грехе цареубийства. Кстати, он один говорил на эту тему в храме. Поняла, как он любит Царя и Его Семью. Я родом с Урала, мне это особенно близко. Ходила ко Кресту на месте их расстрела и к часовенке у шахты, где убили Елисавету Феодоровну, ездила. Рядом с этими святынями я прочувствовала все. Но не знала, что надо каяться в собственной конкретной вине перед Государем. Понимала, это тяжкое преступление, но как покаяться — не знала. И вот он мне на первой же исповеди сказал несколько ясных, веских фраз на эту тему и спросил: «Осознаешь это, понимаешь?!» И снял с меня грех, за что

я ему очень благодарна. Сын приехал из Москвы, я его с этим – к батюшке, потом дочь меня навестила, и ее – к нему. Как важно для России, что батюшка говорил с народом – о русской Голгофе постоянно. Он дал мне живое чувство: *«Кровь Его на нас и на детях наших»* – доколе не придет к покаянию весь наш народ».

Отец Владимир раздавал на своих исповедях среди прочих эту покаянную молитву:

«Господи, смилуйся над нами, над народом нашим тяготеет страшный нераскаянный грех цареубийства; даруй нам слезное сердечное покаяние в нем от всей души. Каемся за отцов, дедов и прадедов наших.

Мы все повинны в том, что при господствовавшем в стране безбожии утратили ревность соблюдения евангельских заповедей и строгость православного поведения.

Мы не препятствовали осквернению святынь наших, разорению храмов и монастырей. Мы боялись перед людьми явно, смело исповедовать свою веру в Господа нашего Иисуса Христа.

Мы трусливо молчали и не протестовали, слыша и зная о миллионах гонимых, заточенных в тюрьмы и лагеря, истязуемых голодом, холодом, тяжкими работами и расстреливаемых за правду жизни христианской.

Мы раболепно приветствовали, рукоплескали богохульникам, нечестивым властителям и убийцам. Грехи наши и народа нашего свидетельствуют пред Богом против всех нас. «Горе нам, что мы согрешили!» (Плач 5,16).

Ныне у нас повсюду обман и нечестие, обида вдов и сирот, словоблудие и растление молодежи, пьянство, наркомания и разврат, душегубительство нерожденных младенцев, убийства и явное, уже узаконенное, служение сатане. Мы в ужасе от того, что видим и слышим. «Ужас отовсюду!» (Иер. 49,29).

Господи! Вышли делателей Своих на жатву Твою в страну нашу, дабы они просветили народы России

светом Евангелия Христова, укрепили их в вере, привели к покаянию и наставили на спасительный путь христианской жизни.

В руке Твоей, Господи, власть над землею. Ты владычествуешь над царством человеческим, и кому хочешь, даешь его. И, зная это, мы смиренно умоляем Тебя. Господи, воздвигни в правители страны нашей человека потребного – мужа по сердцу Твоему, православного христианина, дабы он равно относился ко всем народам нашим, исполнял благую волю Твою, направлял народы России к вере, покаянию и спасительной жизни в Церкви Православной.

Господи! Зная, что за тяжкие грехи отцов наших и за нашу греховную жизнь гнев Твой обрушился на Россию и на народы, ее населяющие, мы ныне умоляем Тебя: Господи, возбуди в нас сокрушение сердечное о грехах отступничества от учения Христова и побуди всех нас к всенародному покаянию, дабы Ты, Господи, презревши на скорбь и сердечное раскаяние наше о содеянных нами и отцами нашими грехах, помиловал и простил всех нас.

Господи! Отврати гнев Твой, праведно движимый на нас и на страну нашу. Помилуй нас и направь нас на спасительный путь жизни по заповедям Твоим, по воле Твоей святой.

Господи! Прости грехи наши тяжкие, содеянные нами словом, делом, помышлением и всеми нашими чувствами. Укрепи нас Своею святою благодатию, чтобы нам впредь жить по воле Твоей, призывая Твое Всесвятое Имя в помощь и спасение, все делая во Славу Твою. Аминь».

Одно всенародное покаяние умилостивит Господа, Любящего Миловать, и Он помилует нас, кающихся, простит грехи наши и отвратит Свой праведный гнев от нас и страны нашей.

Услыши ны, Боже, услыши ны, Владыко, услыши ны, Святый!»

Сестра монастыря в Чебоксарах, будучи проездом в Дивееве, очень переживала, что не успеет исповедаться до

того, как вынесут Чашу. Около отца Владимира было большое скопление народа. Мысленно просила Господа о помощи и перечисляла свои грехи. А потом взмолилась святому праведному Иоанну Кронштадтскому, вспомнив, как он исповедовал и читал разрешительную молитву над людьми на общей исповеди, прозорливо зная грехи каждого и сердечное в них раскаяние. Прошло время, когда такое было возможно... Вдруг отец Владимир отрывается от исповедников, входит в толпу, приближается именно к ней. Накрывает епитрахилью, читает разрешительную молитву и благословляет причащаться. Она была поражена и одновременно обрадована: батюшка узнал ее помыслы и благословил ко принятию Святых Таин. Иначе она не сумела бы причаститься, так как в этот день уезжала сразу после литургии и должна была торопиться на монастырский автобус.

В письме своей духовной дочери, монахине, в ответ на ее письменную исповедь, отец Владимир советовал расстаться с пристальным вниманием к себе, своей деятельности. На свои добрые дела надежд не возлагать. «*Великая Княгиня Елисавета оставила в дневнике главное предупреждение старцев:* ***не придавать никакого значения своим трудам и подвигам, не присваивать их себе, а только — одной милости Божией***. *За этим должно быть тщательное слежение,* — писал батюшка, — *чтобы не вкрались в нас помыслы тщеславия, тонкого самолюбования, невольного превозношения. Елисавета Феодоровна, если слышала о себе похвалы, искренно огорчалась: «Я не лучше, а хуже других». Себе и нам она оставила завет:* ***«Мы должны устремиться к нашей настоящей Родине, насколько это возможно нашим слабым душам»***. *Из-за того, что смиренно почитала себя слабой — Бог даровал ей великую силу Духа*». И еще один совет отца Владимира. Многолетний подвижник встретил после смерти то, чего вовсе не ожидал. И, страдая от бесов, чтобы ободрить себя, начал приводить на память собственные труды и добродетели. За это он был *дополнительно* задержан на мытарствах. «Нам чуждо католическое восприятие спасения, — напоминал батюшка. —

Это они уповают на свою благотворительность».

Раба Божия София: «Помню, как батюшка в трудную минуту меня поддержал: «Плохо? Благодари Бога за «плохо» и беги каяться!» И такую я следом помощь с Неба получила, что действительно возблагодарила Бога за свое тяжелое.

Батюшка говорил: «Мы столь успешные борцы за справедливость… Найдите «справедливость» в том, что Бог послал Сына Своего Единородного, Единого безгрешного – умирать за наши грехи?!! Когда мы грешим, мы снова влачим Христа на смертную муку».

Недавно благочинная женского монастыря в городе М. рассказала о своей первой поездке в Дивеево. Они с мужем сразу выделили отца Владимира и встали к нему в очередь на исповедь. Вдруг батюшка с приветливым лицом из густой толпы подозвал мужа к аналою. «Бородку начал отращивать? Пора, пора. Время подошло». Исповедал отдельно его, потом жену. И в конце исповедей благословил обоих супругов – на постриг. В настоящее время уже несколько лет они являются монахами.

Раба Божия Наталья Т.: «Моих знакомых батюшка благословил до брака соблюдать чистоту. Но они благословения не выполнили. Когда они приехали, он не захотел их принимать. Я подошла, а он: «Все у них будет комком, кувырком». Так и оказалось.

Рассказывает раба Божия Светлана: «Всегда после исповеди у отца Владимира было отчетливое чувство *облегчения, просветления.* Оно было способно изменить человека коренным образом. Один из примеров его неусыпного труда, попечения о душе. Раз за разом, месяц за месяцем я исповедовала батюшке среди прочих один грех, вернее, духовный изъян, который был связан с тонким проявлением гордости. Серьезно воспринимая это «жало в плоть», я, десятилетиями исповедуясь у других священников, не могла от него избавиться, продолжая молча страдать.

Удивительно, что отец Владимир очень чутко выделил его, хотя называла этот грех двумя словами, а исповедь

писала на двух листах. Благодаря врожденному такту, отец Владимир ни разу не заговорил со мной вслух об этой проблеме. Но шестым чувством ощущала его озабоченность именно этим фактом моей духовной жизни. Понимала, он молится Богу об избавлении от моей беды. С великой благодарностью наблюдала за тем, как батюшка буквально выкорчевывал из меня этот грех святыми молитвами. И когда я в очередной раз называла его на исповеди, то слышала, как он досадует и, сострадая мне, воинствует на бесовское приложение к моей жизни.

Прошло время – и он освободил меня от моего «жала». Был изъят один из главных сердечных врагов (по псаломскому слову Серафима Саровского: «Сердце – море пространное и великое, тамо гади, их же несть числа»). Безумно был совершен один из батюшкиных подвигов по изгнанию общепринятых бесов, которые столь привиты к сегодняшнему так называемому образованному слою общества, что их никто силами зла не считает. А просто за приятную, на мирской взгляд, черту индивидуальности. Тем труднее от подобных тайных наших врагов избавиться. Верю, Христос увенчал тебя, батюшка, за ведомые Ему труды. Благодарение Господу».

«Исповедь – желание Церкви, чтобы человек открыл свою скрытую тень.

Исповедь – желание церкви, чтобы человек показал раны своей души, которые он припрятывает за видимостью здоровья.

Исповедь – желание Церкви, чтобы человек открыл свою немощь, которую он прикрывает маской силы.

Исповедь – желание Церкви, чтобы человек вскрыл гнойник души своей, который он искусно замазывает снаружи благовониями.

Исповедь – желание Церкви, чтобы человек, играющий роль прекрасного рыцаря, показал себя как горбуна – каким он наедине с самим собой является.

Никто не идет к врачу, чтобы ему похвастаться своим здоровьем, а идут, чтобы показать ему гнилое место на своем здоровье. Точно так же никто не идет к духовнику, чтобы ему похвастаться своей праведностью, а идет, чтобы

явить ему о какой-то опасной трещине на своей праведности.

Когда человек переступает порог кабинета врача, он оставляет всю свою гордыню перед порогом, чтобы забрать ее вновь при возвращении к людям. Когда человек идет на исповедь, он должен оставить всю свою гордыню перед порогом церкви. И благо ему, если он оставит ее там при возвращении к людям. Дай, Боже, чтобы при выходе он заменил костыль: вместо гордыни взял смирение для опоры в жизни» (Святитель Николай Сербский).

Узнав о том, что на отца Владимира льются потоки клеветы, я невольно вспомнила, как все это сопровождало жизнь другого замечательного пастыря нашего времени архимандрита Тихона Агрикова.

«Исполняя послушание духовника народного, священник всецело вооружился против грехов и пороков людских. Он с горечью видел, как родной и милый ему народ утопает в греховном невежестве и житейской суете. Он видел, как они горько плачут о своих беззакониях и не могут от них избавиться своими силами. Духовник вместе с ними плакал, вместе молился и каялся в грехах. Народные грехи он почитал как бы своими грехами и словно считал себя виновным в них, как будто делал их сам. Совсем редко ему приходилось служить у престола Божия, а вот плакать в Церкви, при совершении исповеди, приходилось часто. Ему было так жаль людей, что он готов был всех простить и взять всю тяжесть грехов их на свои плечи. Эта всецелая жертвенность изводила его иногда до полного изнеможения.

Видя ревность пастыря Божия о словесных овцах, диавол вооружился против него всеми видами новейшего оружия. Духовному начальству стали писать десятки клеветнических писем на духовника, будто он собирает на исповеди деньги, любезничает с близкими своими духовными, содержит безработных девиц и другие небылицы. Отец наместник вызвал священника и в беседе с ним убедился в его невиновности. На прощание он сказал: «Смотри, отче, враг спасения сильно невзлюбил тебя». –

«И я его не очень люблю», – просто ответил батюшка». Эти слова, написанные об архимандрите Тихоне, живо напоминают то, что довелось претерпеть и отцу Владимиру...

Однажды я присутствовала при соборовании одного человека в предсмертном состоянии. Родные ждали каждый день конца, но он все не мог умереть. Пригласили отца Владимира. Батюшка начал исповедовать больного, который к его приходу был уже без сознания и, казалось, почти переступил черту, за которой нет возврата. Ощутила, страшно выговорить – явное присутствие Бога при всем происходящем. Невероятна была отзывчивость батюшки, особенно к страждущим. Позже родные больного поделились: измученное болью лицо страдальца полностью изменилось после Причастия, стало мирным, спокойным: «Батюшку дожидался». Он тихо отошел ко Господу через короткое время.

Отец Владимир был человеком необыкновенной доброты, но, если считал нужным, мог назначить епитимию, и весьма впечатляющую. Пять лет назад за несколько дней до Рождества, помню, несколько паломниц в одних чулочках бегут по замерзшей земле вокруг Троицкого собора. Год спустя, одна женщина делилась с другой: «Насколько отец Владимир был нелицеприятен: жену одного начальника за множественные аборты пустил по снегу вокруг собора. Многие наши интеллигенты были возмущены». – «А сама-то она?» – поинтересовалась слушательница. Улыбка женщины выразила раздумье: «Представьте, благодарит батюшку: «Иначе меня, каменюку, было не пробить. Он повторяет мне в третий раз и с такой болью: «Ты поняла-то, что делала?!» А я плечиком пожимаю: «Другие и не столько делали...» Вот, спаси его, Господи, пустил меня – босой по снегу... Разве мы, грешные, разумеем, что живых людей покромсали?! **И что еще за нераскаянность нашу нам предстоит иметь на том свете?** Да и на этом».

Молодой женщине, заявившей, что она успеет еще родить детей, а сейчас – аборт – вынужденная мера, так как ей и мужу нужно, во-первых, получить высшее образование, отец Владимир рассказал: «В одной семье сделали

несколько абортов – оправдывая себя «состоянием здоровья». Единственный родившийся после этого ребенок – был душевно болен».

«Знаешь ли, дитя мое, отчего нивы зачинают весной плоды обильно, а летом родят пустые колосья? Оттого, что и дочери человеческие возненавидели плод утробы своей и убивают его в расцвете его» (Святитель Николай Сербский).

«Не будем обманывать себя, – с болью говорил батюшка на исповеди, – аборт – убийство. Он обязательно будет иметь последствия для душевного и телесного здоровья следующих детей. Мы не смеем забыть: убийство нерожденного ребенка такой же смертный грех – как любое другое убийство! За этот грех родители будут самым серьезным образом отвечать перед Богом. Следствием детоубийства могут быть любые несчастья: тяжкие болезни, непримиримые ссоры, разводы и многое другое. Счастье нельзя построить на крови. Аборт – это всегда страшный шаг. И если мы его совершили, то должны не только немедленно покаяться. Должны каяться до смерти. Святые отцы взывают к нам: «Побойтесь Бога!»

Покаянная молитва матери, загубившей во утробе своей младенца*

Господи, Владыко мой Милосердный, буди Милостив мне, грешной, окаянной и грязной блуднице, валяющейся в тине мерзких страстей и жестокой детоубийце, погубившей свое собственное дитя, чья кровь обличает меня, Господи, в моем распутстве, безрассудстве и жестокосердии.

Милосердие Твое безприкладно и одно только упование на Тя, Господи, что Ты не погубиши мене тако же люто и жестоко, како погубила я свое малое и беззащитное дитя, дарованное мне Тобою, как бесценный дар, которое беззвучно взывало ко мне во утробе моей о милосердии и помиловании.

*Эта молитва дается священником на исповеди как один из видов епитимии за содеянный грех детоубийства и читается каждый день перед чтением очередной главы Святого Евангелия.

Твое Человеколюбие дает мне дерзновение взывать к Тебе и искать Твоея Милости и прибежища от злаго и ненавистнаго врага рода человеческаго, в руки котораго я сама себя предала, совершив грех детоубийства.

Не даждь ми, Господи, предстать пред Тобою, покрытой смрадным гноем моих страстей и плотскаго невоздержания, а также кровию мною загубленных детей, пока не очищусь и не омоюсь покаянными слезами и воздыханиями, возносимыми Тебе день и ночь о содеянных мною грехах.

Просвети ум мой светом разума святаго Евангелия Твоего, отверзи очи мои душевныя на прозрение и исправление мрачнаго и нечистаго моего жития и исполни уста моя хваления Твоего, Господи, да прославлю в Троице Единаго, славимаго и покланяемаго Отца и Сына и Святаго Духа, ныне и присно и во веки веков. Аминь.

Раба Божия Нина: «Когда прошла у отца Владимира генеральную исповедь – вся исплакалась. Он сказал мне, какие конкретно тяжелые жизненные скорби я имела за свои аборты. И рассказал мне, как один разбойник пришел в монастырь, чтобы принести Христу покаяние. Тридцать лет он провел в великих подвигах: постах, трудах, слезах и молитвах. А потом пришел к игумену и сказал: «Знаю, что умолил я Господа за множество своих преступлений. Но одного Он мне по сей день не простил. Убил я когда-то невинного младенца. Он приходит ко мне каждую ночь – смотрит мне в душу своими ангельскими голубыми глазами. Как будто Сам Христос мне в душу смотрит. Это невозможно вынести. На мне должно исполниться слово Господне: *Все поднявшие меч, от меча погибнут.* Благослови, отче, уйти из пустыни в город и отдать себя в руки гонителей – я должен пострадать за свой грех». Этот подвижник принял мученическую смерть, исповедав себя христианином».

«**Убить человека – значит** отнять у него время, данное ему от Бога для того, чтобы он своей земной, временной жизнью стяжал Вечную Жизнь. Это еще значит: посягнуть на бесценное Божие творение в видимом мире. В конечном

счете это означает: посягнуть на Самого Бога, ибо все, что имеет человек – и тело, и душу – дано ему от Бога. В самом деле, человек – не свой, не принадлежит себе: вы не свои, а Христовы, Божии. И душа, и тело даны вам, чтобы стать живым храмом Живого Бога, чтобы Бог обитал и действовал в них и через них и, таким образом, сделал их способными к принятию Божественного Совершенства (см.: 1Кор. 6, 19-20)» (Святитель Иустин Попович).

Отец Владимир благословлял кающихся в грехе аборта исполнять это правило и распространять его.

Правило схимонахини Антонии

Молитвами святых отец наших, Господи Иисусе Христе, Боже наш, помилуй нас. Аминь.

Царю Небесный, Утешителю, Душе истины, Иже везде сый и вся исполняяй, Сокровище благих и жизни Подателю, прииди и вселися в ны, и очисти ны от всякия скверны, и спаси, Блаже, души наша.

Святый Боже, Святый Крепкий, Святый Безсмертный, помилуй нас. (3 раза.)

Слава Отцу и Сыну и Святому Духу, и ныне и присно и во веки веков. Аминь.

Пресвятая Троице, помилуй нас, Господи, очисти грехи наша; Владыко, прости беззакония наша; Святый, посети и исцели немощи наша, имене Твоего ради. Господи, помилуй. (3 раза.)

Слава Отцу и Сыну и Святому Духу, и ныне и присно и во веки веков. Аминь.

Отче наш, Иже еси на Небесех! Да святится имя Твое, да приидет Царствие Твое, да будет воля Твоя, яко на Небеси и на земли. Хлеб наш насущный дождь нам днесь; и остави нам долги наша, якоже и мы оставляем должником нашим; и не введи нас во искушение, но избави нас от лукаваго.

Господи, помилуй. (12 раз.)

Приидите, поклонимся Цареви нашему Богу. (Поклон.)

Приидите, поклонимся и припадем Христу, Цареви нашему Богу. (Поклон.)

Приидите, поклонимся и припадем Самому Христу, Цареви и Богу нашему. (Поклон.)
Символ Веры: Верую Во Единого Бога Отца Вседержителя ...
Елицы во Христа крестистеся, во Христа облекостеся. Аллилуиа. (3 раза.)
Нарекается младенец, убиенный во чреве (назвать младенца обязательно мужским именем – лучше, как своих отцов, дедов, прадедов).
Святый Иоанн Креститель, окрести моего младенца (имя) во чреве ада томящегося, в темнице сидящего.
Святая великомученица Варвара, приобщи (причасти) моего младенца (имя) во чреве ада томящегося, в темнице сидящего.
Святой Симеон Богоприимец, как ты принял Христа, прими на руки моего младенца (имя) во чреве ада томящегося, в темнице сидящего.
Святая Анна пророчица, как мать крестная, прими моего младенца (имя) во чреве ада томящегося, в темнице сидящего.
Царю Небесный, Утешителю, Душе истины, Иже везде сый и вся исполняяй, Сокровище благих и жизни Подателю, прииди и вселися в ны, и очисти ны от всякия скверны, и спаси, Блаже, души наша. (48 раз – и 40 земных поклонов.)
Отче наш, Иже еси на Небесех! Да святится имя Твое, да приидет Царствие Твое, да будет воля Твоя, яко на Небеси и на земли. Хлеб наш насущный даждь нам днесь; и остави нам долги наша, якоже и мы оставляем должником нашим; и не введи нас во искушение, но избави нас от лукаваго. (48 раз – и 40 земных поклонов.)
Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешную. (48раз – и 40 земных поклонов.)
Милосердия двери отверзи нам, Благословенная Богородице, надеющиеся на Тя да не погибнем, но да избавимся Тобою от бед: Ты бо еси спасение рода христианскаго. (48 раз – и 40 земных поклонов.)
Достойно есть яко воистинну блажити Тя, Богородицу,

Присноблаженную и Пренепорочную и Матерь Бога нашего. Честнейшую Херувим и Славнейшую без сравнения Серафим, без истления Бога Слова рождшую, сущую Богородицу Тя величаем.

Слава Отцу и Сыну и Святому Духу, и ныне и присно и во веки веков. Аминь. Господи помилуй. (3 раза.) Благослови.

Молитвами святых отец наших, Господи Иисусе Христе, Боже наш, помилуй нас.

Сколько абортов, столько повторить эти молитвы (за каждого ребенка). Купить на каждого новую пеленку, распашонку (рубашечку), чепчик, крестик и отнести в Церковь. И отдать для бедных детей.

Правило исполняется один раз. Можно молиться вдвоем, втроем и т.д. В этом случае число молитв и поклонов делится на количество молящихся. Главное, чтобы общее число поклонов на всех было не менее 160 (4х40). Если мать со слезами правильно все выполнит, то ребенок освобождается от мучений и попадает в Царствие Небесное.

После того, каждый день до самой смерти читать молитву:

√Господи, помилуй чад моих, умерших во утробе моей. Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, ради Твоего Милосердия – за веру и слезы мои, окрести их в море щедрот Твоих и не лиши – их Света Твоего Божественного (3 раза в течение, дня).

Или 3 раза в день читать молитву:

Господи Боже, Милостивый и Милосердный, со святыми упокой душу убиеннаго моего младенца во чреве (имя), окрести его во множестве щедрот Твоих, даруй ему Причастие и наслаждение вечных Твоих благих, уготованных любящим Тебя, прости грех матери, убившей (грех отца, благословившего убийство) своего младенца во чреве, яко Благ и Человеколюбец Бог еси, и Тебе славу возсылаем, Отцу и Сыну и Святому Духу, и ныне и присно и во веки веков. Аминь.

Раба Божия Валентина: «Мы приехали на нескольких машинах. Утром пришли к батюшке. Он выходит из дома и говорит мне: «Причащать-то сегодня некого». Я: «Как так некого?» Он: «Этот уже воды напился, тот покурил, эта тоже – после чая». Подхожу к ребятам, они отнекиваются. Говорю: «Обманывать – грех». Они: «Откуда же он знает?» – «Я давным-давно уже покурил и зубы почистил». А другой: «А разве воды попить нельзя?» Третья: «Чай – ведь не еда...»

Другая знакомая приехала с женихом. Батюшка два часа его исповедовал. Выходит из кельи: «Нет, этот человек правды никогда не скажет, серьезного у вас ничего не будет». И у них все расстроилось».

Раба Божия Зоя: «Однажды солидный мужчина, по батюшкиному благословению, вокруг храма босиком бегал. И потом исповедовался у батюшки. Оказалось, это был начальник тюрьмы...

Как-то к батюшке приехала семья: муж, жена, сын, теща. Последняя чуть не попала в секту к баптистам. Они разучивали песни и пели у подъезда. Батюшка на исповеди спрашивает: «Ну что, певунья, какие ты там у подъезда песни пела?» Та была поражена».

Раба Божия Клавдия: «Меня на исповедь к отцу Владимиру подруга притащила, можно сказать насильно. Стоя в толпе, я собиралась как-то незаметно схлынуть. А батюшка вдруг поймал мой взгляд и начал говорить, будто специально для меня: «Один больной постоянно откладывал свою исповедь «на потом». Христианин-врач советовал ему о ней не забывать. Оставил после очередного визита лекарство на столе и приготовился уходить. «Доктор, когда мне начинать принимать лекарство?» – «Можно и через месяц», – прозвучал ответ. «Как! Ведь без лечения можно запустить болезнь». – «Ну, тогда начните со следующей недели». «Доктор, – запротестовал больной, – я ведь могу и не выжить». – «Если очень плохо себя почувствуете, примите завтра». – «А можно, – взмолился пациент, – я приму лекарство сегодня?» – «Вот теперь-то ты понял, что нужно торопиться с исповедью», – с улыбкой произнес

врач». В этот день отец Владимир совершил для меня чудо. Если бы мне заранее рассказали, я бы никогда не поверила, что способна со слезами называть свои грехи».

Одному человеку, который отличался красноречием, батюшка сказал: «Вы исповедуете свою любовь к Богу – словами, еще важнее выражать ее – делами. Господь напоминает нам: «*Если любите Меня, соблюдите Мои заповеди*» (Ин 14, 15). Выслушав несколько словесных реверансов в свой адрес, отец Владимир сказал: «Вижу, что вам хочется сделать для меня что-нибудь приятное. – Принесете Богу серьезное покаяние... Ничем большим вам невозможно меня порадовать...» Вспоминаю эти слова, когда встречаю людей, которые говорят о том, что они всем сердцем полюбили отца Владимира.

Батюшка широко распространял во время исповеди ряд текстов, которые ему в большом количестве регулярно привозили духовные дети из Москвы, Петербурга. Среди них были известные и редко употребляемые перечни грехов: «Мытарства Феодоры», исповедь Оптиной Пустыни, покаяние Ефрема Сирина... Несколько молитв о неприятии печати антихриста. Во-первых, общеизвестная молитва Оптинских старцев: «Господи, Иисусе Христе Сыне Божий, сохрани нас от обольщения близгрядущаго богомерзкаго антихриста... и укрой от коварных сетей его в сокровенной пустыне Твоего спасения...» Этот короткий и сугубо значимый сегодня текст батюшка благословлял нас читать каждый день, хотя, как нам казалось, до упомянутых событий еще далеко. Но отец Владимир, по-видимому, думал иначе. Люди увозили из Дивеева во все концы: прошение о спасении Державы Российской святого патриарха Тихона, молитву от отчаяния Преподобного Серафима Саровского, молитву святым Небесным Силам Бесплотным и многие другие.

Молитва святым Небесным Силам Бесплотным:

«Вси святии Небесные Безплотные Силы, удостойте меня вашей силы сокрушать все зло и страсти под ноги моя.

Святии Безплотные Серафимы, удостойте меня иметь пламенеющее сердце к Богу.

Святии Безплотные Херувимы, удостойте меня иметь премудрость во Славу Божию.

Святии Безплотные Престолы, удостойте различать Истину от неправды.

Святии Безплотные Господства, удостойте меня господствовать над страстями, чтобы дух порабощал плоть.

Святии Безплотные Силы, удостойте иметь мужество в исполнении Воли Божией.

Святии Безплотные Власти, удостойте меня иметь силу победы над злом».

Отец Владимир предупреждал, что серьезное припадание к Небесным Силам поддержит нас в годы грядущих испытаний, когда обольщения слуг антихриста будут столь изощренными, что могут быть прельщены избранные.

Древняя молитва

Господи, Боже мой, удостой меня быть
орудием мира Твоего:
Чтобы я вносил любовь туда – где ненависть.
Чтобы я прощал – обижающих,
соединял – ссорящихся.
Чтобы я говорил правду – там,
где господствует заблуждение,
воздвигал веру – где давит сомнение,
возбуждал надежду – где мучает отчаяние.
Даруй мне вносить свет – во тьму,
приносить радость – в дом, где горе живет.
Господи, Боже мой, удостой,
чтобы не меня утешали, но я – утешал.
Не искал понимания, но других понимал.
Не ждал любви, но сам – всех любил.
Ибо кто дает – тот получает,
кто забывает себя – тот обретает,
кто прощает – тому простится.
Умирающий во Христе – просыпается
к Вечной Жизни.

Многие духовные дети получили от батюшки молитву, написанную им самим:

«Богородице Дево, радуйся, Благодатная Марие,
Господь с Тобою; Благословенна Ты в женах и благословен плод чрева Твоего, яко Спаса родила еси душ наших.
Пресвятая Богородице, защити нас перед последней кончиной нашей.
Богородице Дево, радуйся...
Пресвятая Богородице, защити нас, когда поведут по мытарствам.
Богородице Дево, радуйся...
Пресвятая Богородице, защити нас на Страшном судищи. Аминь.
Господу помолимся, Господи помилуй.
Господи, помяни о здравии и спасении рабов Твоих (имена) и избави нас от злохитрого антихриста и печати его. Аминь».

Батюшка мог говорить на исповеди очень простые и ясные вещи: «Известно, что Бог, создавая материальный мир, дал ему физические, химические и прочие законы существования. Все знают: нельзя протянуть руку в огонь – и не получить ожога, невозможно выпить цианистый калий без последствий... Столь же **неоспоримые законы** существуют в жизни духовной. Нельзя прелюбодействовать (не каяться) – и не попасть после этого в озеро огненное, нельзя позволять себе регулярную жестокость – и миновать тартар. **Но разве для ада нас с вами создал Бог?!**

Почему мы плохо видим свою греховность? Потому что далеко отстоим от Бога. Если человек близок к источнику света, и он в чистых светлых ризах, то каждая капля грязи, попавшая на его одежду, начинает – зиять. Если человек находится далеко от источника света, он будто живет в комнате без окон. В темноте или полутьме он не видит, в какой грязи, заросший паутиной, он обитает.

Сегодня множество людей чувствуют себя одинокими. Вспомним известный образ: если центр круга условно назвать Богом, а радиусы от края круга к центру – путями ведущими к Нему, значит, чем ближе люди к Богу, тем ближе они и друг к другу».

Разговаривали несколько людей, любящих батюшку. «До знакомства с отцом Владимиром, – сказала одна, – я считала, что праведники – такие заоблачные люди. Сейчас понимаю: они могут ходить по земле рядом с нами».

«Просто святые – это люди на сто процентов, – сказала другая. – Помнишь, как у Господа: одни принесли колос в тридцать зерен, другие – в шестьдесят, а третьи – плод сторичный.

«Интересно, есть ли прок Господу от меня, на сколько процентов мы сами являемся людьми?» – грустно подумала еще одна.

Да, рядом с батюшкой понимаешь, что мы все созданы Богом птицами, призванными стремиться в поднебесье, а живем, как пугливые куры в сараюшке. И нас вся окружающая жизнь гипнотически убеждает: ты бескрылая курица – ни на что другое не годишься, как только в мусоре копаться.

Батюшка говорит: «В каждом человеке заложена любящим Богом такая же великая душа, как душа Преподобного Серафима». А мы, грешные, знать этого не хотим, не требуем от себя ничего всерьез, не просим помощи у Бога и Его святых – и остаемся недоразвитыми, неполноценными, неисполнившими замысел Божий о себе. Разве это не грех?! Придем на Тот Свет, а Господь нам скажет: «Я тебе, деточка любимая, и это, и это подарил. Что же ты всем этим не воспользовалась – под землю все свои таланты закопала?» И наша жизнь будет просвечена насквозь, и станут видны всей Вселенной наши мысли, слова и дела. И вот тогда мы узнаем – что такое – стыд... А Господь будет смотреть на нас с такой болью и Любовью: «Я ведь истекал Кровью на Кресте за твои грехи... С тех пор, как Я принял на Себя крестные муки, ты, став воином Христовым, могла победить наклонности ко греху с Моей помощью. Ведь все это Я претерпевал лично для тебя...» Что буду отвечать в тот миг своему Небесному Отцу?!

Раба Божия Вероника, Москва: «Пришла к батюшке в состоянии хронической придавленности, похоронив одного за другим двух близких. Я была в столь тяжелом угнетении духа, что, глядя на людей, которые улыбались,

смеялись, совершенно искренне думала: «Чему можно радоваться в этой жизни?» Исповеди батюшки вернули меня к Богу. После первой же мне стало значительно легче. Батюшка открыл мне серьезную вещь: если мы ищем общения с людьми ради самих себя – мы всегда будем неудовлетворены и несчастны. Себялюбиво ожидая, что будут потворствовать нашему эгоизму, и не получая этого. Если же будем общаться с людьми ради Любви о Господе – мы узнаем истинную радость, Любовь Христову. На такую Любовь отвечают всей душой. Нет на земле ничего прекраснее Божественной души человеческой, великое богатство – общение православных душ. И тогда исчезает чувство одиночества. И можно приобщиться тому счастью, которого все ищут, но просто не знают, в чем оно».

Раба Божия Александра: «Какие незабываемые у отца Владимира были общие исповеди… «Однажды Паисий Великий молился о павшем брате своей обители. Он отказался исповедовать Христа, женился на иноверной, принял иудаизм, впал и в другие тяжкие грехи. Преподобный месяц за месяцем просил о нем Бога. Он молился так, что ему явился Христос и сказал: «О чем ты Меня просишь?! Этот человек отрекся от Меня, предал Меня!» Авва Паисий упал перед Спасителем на колени: **«Господи, помилуй его!»** Христос посмотрел на Своего ученика и произнес: **«О Паисие, ты Мне уподобился в Любви»**. «Понимаем ли мы, – сказал батюшка с чувством, которое пронзало насквозь, – что Господь хочет ***спасти каждого человека***?! Самого последнего прокаженного грешника Он жаждет – простить, пощадить, помиловать… Чем мы отвечаем Богу на Его Любовь? Почему так слабо каемся? Так робко просим о помиловании наших близких?»

Раб Божий Григорий: «Соседям моим после исповеди батюшка вручил большой пакет шоколадных конфет: «Принимай, Николай, чтобы жизнь у тебя стала сладкая». И точно, у них все проблемы ушли.

Были на исповеди у отца Владимира жена и муж в гражданском браке. Последний был из бандитов. Батюшка ему: «Брось ты это свое дело, уезжай куда-нибудь, ведь тебя убьют». А он подумал и отвечает: «Да у меня и врагов-

то нету...» И ровно через месяц, было это 9 апреля, а 9 мая его застрелили.

Матери одной семьи он сказал: «Не надо брать на себя лишнего греха. Господь может наказать». Но она не послушалась, давала ключи от квартиры сомнительным людям. Когда ее сын женился, у них родился очень больной ребенок. И жизнь сложилась очень тяжелая. Батюшка все провидел, накануне звал: «Приезжайте скорее», – желая предупредить все это. Но они откладывали, месяц за месяцем. А когда приехали, было уже поздно».

Раба Божия Анна, г. Воронеж: «Постоянно получала от батюшки огромную духовную помощь на исповеди. Он раскрывал глаза на многое мне не известное. Например, что богохульные и блудные помыслы могут быть наказанием от Бога – за осуждение. Он пояснил это примером: к одному старцу пришла восьмидесятилетняя духовная дочь и с переживанием созналась: «Батюшка, какая на меня напасть! Таких блудных помыслов в молодости не имела». «Наверное, блудницу осудила?» – спросил схимник. «Да как вы знаете? У меня-то соседка впала во все тяжкие, что с ней творится. И уж я-то ее костерю...» – «Духовный закон таков: **что осудила, то и получила!**» – сказал старец.

«Когда очень хочется осудить, – советовал отец Владимир, – полезно, например, подумать: **«Все хорошие, кроме меня»** или вспомнить любую другую мысль, приводящую к реальному взгляду на себя. Ведь осуждение – от гордости. Исцеление от превозношения – смиренный помысел.

Страсть гордости – хуже сребролюбия и блудной страсти: из-за нее Божии Ангелы стали демонами. Но, как правило, мы волнуемся нашествием откровенно грязных помыслов и хронически не боремся с самолюбием, тщеславием, обидчивостью... Не замечаем, что и начала не положили привычке не на словах, а на деле считать себя – хуже других. Как облегчается жизнь человека, который начал прививать себе эту благую память».

Батюшка любил цитировать нам слова из жития преподобного Нектария Оптинского: «Смотрите, какая красота: солнце, небо, звезды, деревья, цветы... А ведь прежде

ничего не было! Ни-че-го! – медленно говорил отец Нектарий, протягивая рукою слева направо. – И Бог из «ничего» сотворил такую красоту. Так и человек: когда он искренно придет в сознание, что он – **ничто**, тогда Бог начнет творить из него великое».

Одна христианка годы исповедовала разным священникам свою вспыльчивость и скандальность и услышала от отца Владимира: «Представьте себе, что было бы, если бы Господь Бог столь легко гневался, как люди? От земли давно осталась бы – горсть пепла. Заметьте, что мы заслужили гнев Господень. Давайте лучше подражать святым – которые старались подражать Господу. И во главу своего спасения ставили: терпение, незлобие и смирение».

Вспоминаю, как отец Владимир боролся за чистоту наших помыслов, перечитывая Преподобного Серафима: *«Мы непрестанно должны хранить сердце свое от непристойных помыслов и впечатлений, по слову:* ***Всяцем хранением блюди сердце твое: от сих бо исходяща живота*** (Притч.4, 23).

От бдительного хранения сердца рождается в нем чистота, для которой доступно видение Господа, по уверению Вечной Истины: ***Блажени чистии сердцем, яко тии Бога узрят*** (Мф. 5, 8)».

Раба Божия Марина: «Одной приехавшей женщине отец Владимир вдруг говорит: «А это соловей-разбойник с большой дороги». Оказывается, она работала начальником и потихоньку из своей организации... тащила домой.

Накануне приезда к батюшке, моя знакомая справляла памятный день, выпила лишнего и пела задорные песни. Через несколько дней сидят у батюшки, пьют чай. Отец Владимир сел напротив, смотрит: «Ну что, Ольга, запевай свою любимую песню». Она вспыхнула, из-за стола пошла каяться батюшке.

Однажды приехала женщина из нашего поселка, батюшка вскрыл ей тайное. Она вышла после исповеди, слезы градом: «Опомниться не могу, что он мне сказал. Даже имя назвал – откуда он знает?»

Раб Божий Евгений: «Батюшка всегда учил не падать духом, сколь бы тяжелой ни была борьба с грехом. Вспоминал «Отечник», когда послушник исповедал старцу свое падение, тот ответил: «Вставай». На следующий день он принес отцу тот же грех. Старец снова прочел над ним разрешительную молитву. На третий раз ученик услышал то же слово: **«Вставай»**. И, утешая брата, сказал: «Сколько бы ни грешить, должно немедленно подниматься покаянием».

Батюшка добавил: «Один человек во всю жизнь не мог отстать он непростого греха. Но прибегал к церковному покаянию постоянно. Когда он умер, дьявол встретил его с радостью: «Он – мой, потому что так и не отстал от греха». **«Нет! Он – Мой! – возразил Господь. – Потому что он до конца – каялся».**

Батюшка утешал тех, кто не верил, что можно сдвинуть с мертвой точки их неверующих близких: «Проявление Любви к человеку способно спасти и великого грешника. Не забывайте Евангельского слова. Друзья принесли расслабленного к ногам Христа, – чтобы это сделать – они разобрали кровлю дома, в который невозможно было пройти за многолюдством. И Господь, **видя веру их**, сказал наказанному за грехи – неподвижностью: *«Прощаются тебе грехи твои»*. Так неужели мы не желаем того своим неверующим, расслабленным на все благое, – родным и близким?! Любовь покрывает все. Воспользовавшись нашей немощною любовью, Господь творит Свою великую Любовь, для которой нет невозможного».

«Как я могла это делать?»

Духовная дочь отца Владимира Надежда: «Наша первая встреча с батюшкой произошла в Задонске. Здесь у нас мужской монастырь, мощи святителя Тихона Задонского и женский скит. В те годы в нем служил отец Петр – духовный отец матушки Ирины, сыгравший немалую роль в жизни отца Владимира. Батюшка приезжал к отцу Петру в монастырь. На всю жизнь Бог даровал мне радость этой встречи. Мы попали в скит, как казалось, совершенно случайно; я из Липецка, поездка сопровождалась рядом искушений. Был день Иоанна Крестителя, 7 июля. Небесный

покровитель батюшки и над нами простер свой покров. Хотели только искупаться в источнике. Но заехали в скит, и нас не благословили пропустить службу: «Побудьте на литургии, потом источник». Раз уж так получилось, решила причаститься. Исповедовал священник, которого я видела впервые. Господь послал мне эту удивительную встречу, чтобы понять еще раз, как Бог любит нас, грешных, и что мы еще на земле можем соприкоснуться с Царствием Небесным.

Встала, как обычно, в конце толпы. Батюшка не по очереди приглашает исповедников, а, наверное, по мере готовности каждого человека, потому что, когда я уже стояла перед аналоем, передо мной всегда кто-то возникал или батюшка кого-то приглашал из гущи толпы. И я продолжала ждать своего времени. Вдруг передо мной появилась какая-то бабулечка, и я почувствовала раздражение: еще одна, отнимет драгоценные минуты, мы задерживаем нашего водителя: ему надо было торопиться на работу. Батюшка начал исповедовать бабушку, как мне показалось, очень сурово. Окончив исповедь, он осенил ее крестным знамением. Благословение батюшки особенное: он как будто печатает крест на человеке. И бабушка, как мне кажется, не выдерживая этого, начинает падать. Я в ужасе, пытаюсь ее поддержать, но отец Владимир произносит: «Не поддерживайте ее, не дотрагивайтесь...» И она со всего размаха падает на пол. Нужно добавить, это был 1995 год, когда я едва соприкоснулась с верой, Церковью, и о существовании одержимых бесами, о свойственных им особенных реакциях на святыню еще не подозревала. Испугалась я невозможно, уже моя очередь: «Сможет ли выдержать моя душа подобное благословение? Вдруг и я сейчас так же рухну со всего размаха!» Старушка лежала неподвижно на полу, батюшка пригласил следующего. Подумала: слава Богу, не меня, потому что я еще не готова, не способна ничего исповедовать и нахожусь просто в паническом состоянии.

В это время он исповедует худенькую, измученную женщину, потом ее мужа, затем их обоих. Они уходят с новыми лицами, по-видимому, батюшка примирил людей,

находящихся в глубокой ссоре. Еще одна пара: мама и дочь. Дочке лет пятнадцать. Батюшка вдруг начинает повышать на нее голос: «Как ты смеешь поднимать руку на мать?» А она: «Буду бить, буду бить!» Мама рядышком стоит, плачет. Тогда батюшка требует: «Кайся! Делай поклоны!» Она сопротивляется. Он берет ее за руку и вместе с ней опускается на пол в беззвучной молитве: один раз, второй, третий... до бесконечности. Она все твердит, как страшный заведенный механизм: «Буду бить!» Вдруг начинает плакать навзрыд: «Не буду бить мать!!!» Тогда батюшка, как своего ребенка, прижимает ее к сердцу, гладит по головке: «Ну, что же ты теперь плачешь?! Господь принял твое покаяние. Радуйся!» И неизвестно, кто счастлив больше: дочь с матерью или священник.

А бабушка, которая лежит на полу, вдруг начинает приподниматься, отрывает головушку свою от пола... Батюшка вновь осеняет ее сверху крестом, как бы и не глядя на нее, та снова падает. Отец Владимир приглашает из толпы молящихся мужчину, что-то шепчет ему. Тот наклоняется к старушке, пытается ее приподнять. Батюшка: «Я что тебе сказал сделать?!» Мужчина что-то произносит ей на ухо. Исповедь идет своим чередом: один за другим, батюшка продолжает сам вызывать людей из толпы исповедников. Слава Богу, не меня, потому что по-прежнему чувствую себя неготовой. Смотрю на отца Владимира – всему поражаюсь. Уйти уже не могу, потому что происходит что-то невиданное, почти нереальное. И исповедаться не могу, потому что у меня буквально язык отнялся.

Бабушка, наконец, встает потихонечку сама. Отец Владимир снова осеняет ее необыкновенным крестным знамением – опять падение со всего размаха. Теперь знаю, что за этими впечатляющими вещами стоит один бесовский эффект: больной никогда не получает в таких случаях травмы. Старушку уже не пытаются поддержать. Батюшка полностью спокоен, продолжает исповедовать. Годы спустя, насмотревшись на батюшкины труды, понимаю, чего стоит это спокойствие. Какой поток напряженнейшей внутренней молитвы сопровождает подобные явления. Через минуты больная-таки поднялась, уже пытается к нему приблизиться.

После крестного знамения она начинает шататься во все стороны, но с видимым усилием удерживается на ногах. В очередной раз отец Владимир поднимает Крест – к нашему удивлению, она твердо стоит на ножках. Еще одно крестное знамение... и отец Владимир дает ей приложиться к Евангелию и Кресту. В эти мгновения всех охватывает невыразимая радость и облегчение, как будто свет вспыхнул, как будто произошло что-то большое, чему я не знаю названия.

В следующее мгновение батюшка приглашает меня к аналою. Исповедоваться я не в силах, но в это время литургия заканчивается, звучат первые слова проповеди. Батюшка берет меня за руку: «Пойдемте, послушаем отца Петра». Была довольно длинная проповедь об Иоанне Крестителе. У меня неожиданно все в сердце улеглось, умирилось, и я поняла, что сейчас смогу исповедать все. В момент этого осознания с последним словом проповеди слышу: «Теперь пойдемте к аналою». Мы идем, и я знаю, что сейчас все-все скажу. Никогда до этого и после, никому, кроме него – я не могла так исповедоваться. Никому не умела с такой серьезностью открыть сердце. Своей неотмирной любовью он проникал в глубокие тайники души моей, помогая забыть ложный стыд. Его молитва являла мне собственные грехи с небывалой ясностью и силой, казалось: как я могла это и это делать? Перед лицом своей падшести – хотелось плакать. И я исповедовалась из самой глубины. Это было в первый раз в жизни. Исповедь длилась больше часа. Помню, как после нее он предупредил: «Ты должна сделать то и это. Если не сделаешь, произойдет это и это». По немощи своей, не смогла исполнить заповеданное. И этот год оказался очень тяжелым для меня и близких. Все предсказанное батюшкой сбылось именно от моего нерадения и непослушания. Он добавил: «Ты понимаешь, что происходящее между священником и исповедником – должно оставаться между ними и Господом». – «Конечно, батюшка, понимаю». Но мое сердце было так переполнено, я получила столько ответов на внутренние вопросы, о чем долгие годы могла только мечтать. И не успела дойти до выхода из храма, как тут же, встретив

подругу, выболтала все, что только могла. Вернулась в Липецк, стала обзванивать друзей и все им рассказывать. Они тоже только вошли в Церковь, у всех – масса вопросов. Позже батюшка писал: *«Запомните, то, что полезно Вам, может оказаться неполезным другому. Данный Вам совет нельзя распространять для общего пользования. Та благодать, которую Вы получаете во время исповеди, не может откуда-то взяться еще раз и излиться на другого человека. Это происходит, по милости Божией, в момент именно этой исповеди и касается только Вас. Не нужно об этом рассказывать другим. Это не просто неполезно – вредно».*

И на следующий день я полностью лишилась покоя, утратила все, что получила. Поняла, что виновата, и без исповедей батюшке просто не смогу жить. Хотелось вернуться в Задонск, просить его стать моим духовным отцом. Уговорила знакомого отвезти меня. Водитель дал мне пятнадцать минут. Влетела в храм, тут же увидела отца Владимира, подбежала к нему: «Батюшка, я вчера была у вас на исповеди». – «Я помню». – «Вы меня благословили никому не рассказывать: в чем каялась, что вы мне сказали, а я – все выболтала». А он: «Но это от избытка чувств. Вы ведь больше так не будете делать?» – «Нет, не буду!» Но хватило моей решимости ненадолго. Чаще всего я была столь переполнена открывшимся мне, этой несравненной исповедью, что все рассказывала друзьям. И мои близкие, хотя многие батюшку так и не видели, любят его необыкновенно.

Спросила у отца Владимира во вторую встречу: «Откуда вы?» – «Из Дивеева». Тогда засомневалась: «Все-таки для духовного окормления большое расстояние. Ездить часто не смогу, а как иначе?» Не решилась попросить благословения стать его духовным чадом, но сказала: «Батюшка, можно я буду за вас молиться?» Он отнесся к этому неожиданно серьезно: «Молиться – большой подвиг. Это ведь – кровь свою проливать за того, о ком молишься». Но через паузу произнес: «Если вы будете поминать меня на своих утренних молитвах, я буду вам благодарен».

В следующий раз мы встретились через много месяцев. Ждала поездку целый год. Приехала с сыном и дочкой. И первого увидела в храме батюшку. Он исповедал: сначала меня, потом – дочь, сына, затем нас всех вместе. «Так вот и идите, – ручка в ручку нам вложил, соединил нас и повторил, – так вот и идите по жизни», – со свойственной ему одному улыбкой.

В этот приезд попросила у отца Владимира разрешения писать ему, если возникнут вопросы. Он, слава Богу, благословил. В жизни были нередкие ситуации, о которых я могла доверительно рассказать только ему, к нему одному обратиться глубиной души. Казалось, благословленное им обязательно исполню.

Однажды было серьезное искушение. Батюшка напутствовал сына поступать в семинарию, а я: «Ведь он еще молоденький, семнадцати нет, только школу закончил!» Не хотела отпускать его от себя. Это был ребенок, с которым мне всегда было легко, сердца наши близки и думала: вдруг в семинарии он испортится, потеряет веру, духовно опустошится от дурного общения. Все это высказала батюшке, все сомнения. Отец Владимир отправил нас к отцу Петру. Благословение было повторено: «В Курскую духовную семинарию». Но мое материнское сердце разрывалось перед необходимостью разлуки с сыном. Еще раз написала отцу Владимиру, казалось, идеально ясно, разумно. В ответном письме: «Все доводы – от лукавого». Это было непонятно и горько. После смерти отца вспоминаю свои письма и понимаю: каждая строчка – сплошное лукавство, недоверие к промыслу Божию. Небесными молитвами батюшки, мой ум прояснел, и я поняла, что так долго понять была не в силах.

Каждый год мы приезжали в Дивеево к отцу Владимиру на исповедь. Это была самая большая радость года. Хотя всегда вокруг него море людей. Приходилось идти даже на ухищрения, направлять к нему ребенка. Батюшка очень деточек любил. И потом маленькая говорит: «Я с мамочкой». Таким образом, мы, слава Богу, попадали к нему. Самое драгоценное, оставшееся на всю жизнь – батюшкины письма. Понимаю, если жить, исполняя советы и бла-

гословения, которые он преподал – это верный путь ко спасению. Ничего не надо додумывать, мудрить. Все вехи расставлены: напутствие на оставшуюся жизнь.

Из писем отца Владимира моим детям:

«Дорогая Галина!

Получил весточку от вашей семьи и рад молитвенной памяти о Дивееве!

Сейчас в самом деле время трудное, и, однако, как и всегда, у человека есть возможность выбора: между тем, что хочется, и что на самом деле – нужно! Как говорит апостол Павел: «Все мне позволено, но не все полезно». Поэтому постарайтесь воспитывать в себе способность рассуждения, прежде чем сделать тот или иной шаг. Увы, в Вашем возрасте меня этому не очень учили, хотя правильные слова говорили: как поступать, общаться с кем-либо и т.п. Но вот, повторяю, самостоятельно выбирать – учусь до сих пор, ибо в юности не был научен!

Далее. Девушка просто обязана соблюдать целомудрие – в одежде (скромно, не ярко); в быту (аккуратно заправлять постель); в поведении (жесты, слова, взгляд – отличают православных от неверующих. Вы и сами обращали на это внимание), – и такие люди, и юные, и взрослые, нисколько не выглядят отсталыми, глупыми, скучными, некрасивыми. Наоборот, счастье, если Господь посылает их для встречи с нами!

И, наконец, воспитывать в себе сострадание, молить Бога, чтобы Он сердце наше соделал жалостливым – к маме, родным, к бедным, убогим. Без этого ведь нет истинного православного исповедования веры! Маме Вашей отвечать добром на добро. (В отношении Вашего вопроса: отдавать лучше, чем брать). Жене надо также посоветоваться с отцом Петром - куда идти, может быть, по духовной части

Ленивый богомолец иерей Владимир».

«Благословение Божие с Вами, дорогая Надежда!

Рад весточке и рад вопросам в письме – ответы на

них - в Вашей жизни. Она, эта жизнь (Ваша и Ваших деток) — в сопротивлении мирским соблазнам и мелкому мусору культурному!

Коли уж Евгений и Галя занимаются музыкой и — шире — музыкальной культурой, пусть усваивают высокие классические образцы сей культуры, чтобы понять: основа настоящей, серьезной культуры — в культе, в религиозном переживании любой темы жизни! И это понимание должно отвести от толпы, любопытной, всеядной, поверхностной.

И тогда неминуемо им (и Жене, и Гале) предстоит просить у Господа горячей, упругой веры, чтобы откликнуться на зов Бога, Который поведет их и выведет из мира зла с его соблазнами. Пока же Евгений и Галя пробавляются, так сказать, молочком веры.

По-настоящему же веровать — значит не уменьшать, а увеличивать собственную ответственность за свою духовную бездеятельность и расслабленность. То есть Бог силен довершить любое дело человека. Однако от человека требуется активность (см. Мк. 5.34; 5.36). Человек должен откликнуться на зов Бога, повторяю, подготовленным для принятия Божественной помощи! И второе условие следования за Господом («Аз есмь Путь, Истина и Жизнь») — неминуемое отвержение греха, зла. Для чего нужны пост и молитва, то есть воздержание.

Так вот, дорогие, молитвенно желаю встать Вам на путь подвига! На этом пути не должно быть остановок. Господь же благословляет и ласково напутствует таких людей и никогда не оставит без помощи.

Храни Вас Господь!

По поводу вопросов о старце Феодосии. Изданы 1-2 книги о нем, в них все написано. Он памятно учил: «Земными страданиями мы зарабатываем вечность. Кто Бога знает — тот все терпит». Есть и акафист преподобному Феодосию. Господь откроет Вам его.

Ленивый богомолец иерей Владимир».

Осенью прошлого года узнаем, что батюшка очень тяжело болен, смертельно. Скорбь ужасная и протест: «Господи, этого не может произойти, потому что батюшка нужен людям, он несет им столько любви с Небес. Все отогреваются, оживают подле него... Была полная уверенность, что страшное не может случиться. Написала: «Батюшка, я знаю о Вашей болезни, но твердо верю, что Вы исцелитесь». И решаюсь, наконец, просить, чтобы он принял меня в духовные чада. Почему до сих пор этого не сделала? Потому что, наблюдая за собой, поняла, что я человек не очень послушный. То есть слушаюсь в конце концов, но все происходит через колебания, сомнения. При этом понимаю: ослушаться нельзя, а сразу все выполнить – не хватает крепости духовной. Когда прочла в батюшкином письме: *«Просите Господа, чтобы он послал Вам духовника, которому бы Вы могли доверительно обо всем говорить»*, – подумала: «О ком мне просить, у меня есть батюшка, все, что я ему говорю, больше никогда никому не доверю». Решаюсь, и очень спокойно выговариваю все: прошу его стать моим духовным отцом, которым он на самом деле давно является. К моей радости, батюшка присылает свою фотографию, которую подписывает: «Духовному чаду Надежде в канун Прощеного воскресения». На ней алтарь, перед батюшкой Крест, он молится. Этот подарок я получила за двенадцать дней до кончины отца Владимира. Самое ценное, дорогое до слез в этом последнем письме – его слова: *«Сколько хватит сил – буду молиться о вас...»* Это главный дар, неоценимый. Мы знаем: батюшка на Небесах. И нерасторжимо, незабвенно – его духовные чада – с ним, под неусыпаемым покровом его святых молитв».

Батюшкино отношение к исповеди не было стандартным. Как-то моя подруга, крестившаяся в тридцать восемь лет в Москве, созналась отцу Владимиру, что ее продолжают мучить воспоминания о грехах, совершенных до Крещения: «Считается, что они «смыты» таинством, но никак не могу обрести покоя...» – «В чем же дело?! – тут же отозвался батюшка, – немедленно все пиши». Многочасовая исповедь оказалась знаменательной. Батюшка совершенно

поновому осветил ей всю жизнь. Хотя много лет прошло после Крещения, и ей казалось, что вполне понимает глубину и тяжесть всех грехов. Это было пять лет назад, но по-прежнему она не может удержаться от слез, вспоминая свое состояние в те часы.

Червь под корой дуба

«Дуб никак не в состоянии сам извлечь из себя червя. Кто-то другой должен прийти, чтобы это сделать.

Пшеница никак не в состоянии сама выполоть сорняки из своих посевов. Кто-то другой должен прийти, чтобы это сделать.

Когда болезнь дуба и пшеницы вовне проявится, тогда хозяин придет, чтобы это сделать. Когда дуб и пшеница своим увяданием – своими изобразительными средствами – возопиют о помощи, тогда хозяин придет, чтобы освободить их от врага.

А разве у человека нет Хозяина? И разве Он не придет, чтобы исторгнуть грех из души человеческой?

На самом деле, больше нет никого, кто бы мог помочь. Даже если бы вся природа превратилась в хирурга, она бы не смогла-таки вырвать один-единственный грех из души человеческой. Ибо этот один-единственный грех имеет в себе столь кромешный мрак, что в состоянии бросить свою тень и на солнце, и на месяц, и на звезды, и на всю природу. Как это и случилось в начале существования этого мира.

Потому возопи с ужасом, призови Хозяина, чтобы Он как можно скорее пришел на помощь и спас тебя от греха. Взывай о помощи громче, нежели звал бы, увидев в своей постели змею. Ведь змея забралась не в постель, а в душу твою!» (Святитель Николай Сербский)

Духовная дочь отца Владимира Лариса: «Однажды я совершила тяжелый грех и еще не вполне осознала, что натворила. Исповедовалась у батюшки в келье. Вдруг он упал на колени, залился слезами и – воплем: «Господи, прости ее!» Это было с таким ярким видением моего преступления, что, сама того не ожидая, – вдруг повалилась

на колени, как перед присутствующим живым Богом, которому отец Владимир здесь предстоял, и плакала, как никогда раньше... Потом думала: «Мы не знаем, с какой отдачей всего существа батюшка на самом деле молится, это страшное дело...»

Одна паломница спросила отца Владимира: «Почему я столько лет каюсь и не исправляюсь?» Отец Владимир ответил ей: «Это зависит от качества исповеди. Когда исповедью будем не листочки обрывать, а выкорчевывать корни своих грехов – тогда начинается исправление».

Духовная дочь отца Владимира инокиня София (Ново-Девичий монастырь): «Господь через батюшку на каждом шагу укреплял мою слабую веру. Это было еще до моего пострига. Приехала в Дивеево зимой. Почти всю ночь в гостинице писала исповедь батюшке. Просила благословения на очередные послушания. Простояла службу, а его нет. Исповедовалась, как могла, у другого священника и стою со слезами у иконы Преподобного Серафима, изливаю ему свою скорбь. И уже смирилась, согласилась, что недостойна каяться батюшке. Милостей не заслуживаю. Едва успокоилась, вдруг чувствую, что отец Владимир стоит за моей спиной. Ощущение столь реальное, что я ужаснулась. Оборачиваюсь – это он. Посмотрела на него с испугом. Он благословил с улыбкой: «Доставай из кармана, что ты там всю ночь писала». Вынула и протянула ему свою исповедь. Он быстро-быстро прочел. Прочитал надо мной разрешительную молитву».

Одна любительница перемывать косточки ближних и дальних исповедала отцу Владимиру свою страсть. Батюшка сказал ей: «Если бы ты знала, в какой черный омут погружаешься, когда осуждаешь». Испытывая страх Божий, она поделилась: «Мне и старец известный сказал: не осуждай! Когда этим занимаешься – все пространство вокруг тебя заполняют бесы. Дергают тебя за язык и играют на тебе, как на балалайке...» – «Если бы мы понимали, что все любимые грехи творим с бесовской помощью! Демоны ненавидят человека лютой ненавистью. Подталкивают его

/ делать противное Богу, чтобы удобнее человека погубить. Начни за собой следить. Учись останавливаться на том моменте, как только тебя начнут толкать к этому безобразию...»

Однажды я услышала замечательный рассказ о прохождении первого мытарства. Бес, который записывает за нами слова и мысли, говорит одной: «За всю свою жизнь – по телефону ты проговорила – четыре года... с подругами и соседками проболтала – шесть лет...»

В письме к духовной дочери Т. П., отвечая на вопрос, как удержаться от осуждения, живя в этом страшном мире, батюшка, в частности, привел наставление преподобного Серафима Вырицкого: *«Всемогущий Господь управляет миром, и все совершающееся в нем, совершается или по милости Божией, или – по попущению Божию. Судьбы же Божии непостижимы для человека. Три святых отрока в пещи Вавилонской исповедовали Бога и воистину веровали, что* ***все духовные и гражданские бедствия, попущенные на них и на израильский народ, попущены по праведному суду Божию.*** *Только такое воззрение на сущность всего происходящего привлекает в душу мир, не попускает увлечься разгорячением. Направляет зрение ума к вечности и доставляет терпение в скорбях. Да и сами скорби представляются тогда кратковременными, становятся ничтожнее и мелочнее».*

Раба Божия Нина: «Помню батюшкины общие исповеди. Однажды он начал словами: «Святой Иероним молился в Рождественскую ночь в Вифлеемской пещере, там, где родился Христос. Слезы струились из глаз старца. И мысли его переносились в те времена, когда волхвы принесли Богомладенцу свои дары – золото, ладан и смирну. И вопрошал старец: «Господи, какой дар принесу Тебе я, нищий человек?» И услышал в ответ: **«Принеси Мне грехи твои, Иерониме»**. «Нередко и мы ищем, чем послужить Богу, – с волнением говорил отец Владимир. – Но первое, чего Он ждет от нас, чем мы можем Его утешить – наше собственное покаяние». А закончил исповедь словами: «Дивный батюшка, игумен Никон (Воробьев), оставил нам

свой завет умирающего: **«Кайтесь! Считайте себя, как мытарь, грешниками. Считайте себя негодными для Царствия Божия. Умоляйте о милости Божией. И жалейте друг друга».**

Духовная дочь отца Владимира Анна: «Однажды, совершая нехороший поступок, я совершенно забыла, что и за это придется исповедоваться. Когда приехала в Дивеево, еще издали увидела батюшку и расплакалась. Подошла к нему на исповедь и поняла, что не могу даже рта открыть. А батюшка посмотрел: «Как ты могла это сделать?» Я разрыдалась и говорю: «Я не буду исповедоваться». На что он сказал: «Дело сделано, а раз так, то каяться-то надо». Потом я раскаялась и с тех пор подобных поступков стараюсь больше не совершать.

Приезжая в Дивеево, я у Батюшки Серафима просила избавления от некоторых грехов. И однажды на исповеди слышу от батюшки: «Ну что ж ты, Анна, ведь вот со слезами просишь и опять повторяешь?!» Мне стало так стыдно, ведь он не видел, что я плакала и просила Преподобного Серафима избавить меня от некоторых грехов.

В нашем поселке жила семья: мать, бабушка, внучка. Они поехали на экскурсию в Дивеево. У младшей давно было желание поступить в монастырь. Мама только удивлялась и не принимала это всерьез. Когда они вошли в Троицкий собор и девочка увидела множество сестер, она напугалась и думала, что ее сюда не возьмут. Встали в очередь на исповедь. Очередь – огромная. Увидели худенького батюшку, который вдруг отошел от аналоя, и этой женщине, которую видит впервые: «Татьяна, пойди сюда...» А дочери: «Ты, Люда, не расстраивайся, будешь в монастыре». И на самом деле, сейчас эта девочка уже инокиня, а мама с бабушкой переехали в Дивеево.

Когда батюшка приехал к нам домой, он вскрыл маме все прошедшее – все грехи юности. Когда она первый раз была в Дивеево, он не дал ей рта раскрыть и рассказал, под ее слезы, и то, что она давно забыла. Когда я, повторяя исповеданное, снова стояла у аналоя, батюшка всегда огорчался: «Ну вот, опять с семьюдесятью грехами приехала».

Очень многие из нашего поселка стали пользоваться

помощью батюшки. Мои соседи – молодая семья. Сосед очень любил выпить, хотя совсем молодой, двое детей. Батюшка поисповедовал их, благословил искупаться в источнике. Надел ему крест со словами: «Не снимай никогда! Молись! Пусть даже смеются над тобой. А молиться бросишь – все будет плохо». Прошел год, сосед перестал пить. Семья зажила очень хорошо. На следующий год мы поехали к батюшке пособороваться. Он благословил всех вместо 9-ти раз – только 3 раза окунуться. А сосед подумал: «А зачем? Все нормально, мне уже не надо». И не стал купаться. Вернулись с источника. Батюшка его возвращает: «Вернись обратно». А тот: «Да когда-нибудь потом». Только мы отъехали от Дивеева, у нас одно за другим полетели четыре колеса на «Волге». Был вечер, и мы с такими трудностями добирались. Вернулись, и на следующий день сосед запил. Чтобы батюшкины молитвы действовали безотказно, нужно было его во всем слушаться.

Очень многие люди, которых я привозила к отцу Владимиру, думали, что я ему накануне что-то о них говорила. Но этого никогда не было. Как правило, я о них и не знала ничего. Господь батюшке все Сам открывал. Он знал дела даже очень глубокой давности. Например, маме вскрыл то, что она беременная ходила плясать в клуб, который был сделан из кладбищенской церкви. В то время храмы осквернялись, а мы только благодаря батюшке узнали, что клуб был сделан из храма».

«Всецелую истину о человеке, о цели и смысле его бытия – человек постигает только через Богочеловека. Без Него и вне Его нет истинного человека, ибо человек истинен только Богочеловеком и в Богочеловеке. Вне Его человек превращается в привидение, в чудовище, в бессмыслицу. И вместо человека вы находите лишь останки, обломки, прах. (Картина современного мира это невероятно ярко иллюстрирует). Поэтому истинное человечество – только в богочеловечестве. И нет другого под небом» (Святитель Иустин Попович).

Владимир Иванович К.: В свой первый приезд в Дивеево я попал в густую толпу исповедников подле щуп-

ленького растрепанного священника. Время тянулось долго, и я с неудовольствием подумал: «В других местах людей поменьше, здесь мы явно застрянем...» А потом смотрю: батюшка какой-то необыкновенный. Одну за ухо отрепал, и хмурое лицо мгновенно просветлело, кто-то после его слов навзрыд заплакал, и батюшка обнял этого человека с материнской лаской, третьей – кулачком по позвоночнику прошелся – и все уходят от него обновленными. Нет, думаю, никуда я отсюда не уйду. Настал и мой черед. Батюшка встретил меня приветствием: «Христос посреди нас!» И вдруг, после краткой паузы: «Ну что, жизнь хороша?!» Я был шокирован, услышав эти слова, потому что не позже, чем вчера днем, перед отъездом в Дивеево, я получил свой последний гонорар, вложил купюры в кошелек, на улице улыбнулся солнышку, и у меня невольно вырвалось: «Эх, жизнь хороша!» В следующую минуту отец Владимир взял меня за руку: «Ну, пойдем, поработаем...» И мы стремительно пошли к Распятию Христову. Здесь вслед за ним я сделал несколько земных поклонов. Вернулся я к аналою – уже другим человеком, как будто пудовые камни, гири с меня сошли – так легко стало. А батюшка вдруг наклонился ко мне и шепотом на ухо проговорил мой самый тяжкий грех – тридцатилетней давности, который я до сих пор не исповедал. Произошло что-то невероятное – я разрыдался, как ребенок. И с этого момента началась моя исповедь... Ничего подобного, похожего на эту исповедь, я в жизни никогда больше – ни до, ни после – не пережил. Потрясены были исповедью у батюшки и двое моих друзей, с которыми мы приехали из Москвы.

Раба Божия Марина: «Многие завидовали тем, кому отец Владимир, нередко на бегу, что-то говорил на ушко. Они и не подозревали, что этим «счастливцам» подчас приходилось краснеть от услышанного. Мне батюшка в первый раз сказал именно так – мимоходом, шепотом, с большой отцовской любовью то, что пронзило меня насквозь: *«Тайная блудница»*. Помню, я была ошеломлена. Мужа похоронила. Никаких преступных связей не имею. И оскорбилась, и обиделась. Но слово почему-то не выхо-

дило у меня из ума. И вот я в первый раз у батюшки на исповеди. И с достоинством ему говорю: «Что это вы мне непонятное сказали?» И рассказываю ему о том, какая я серьезная христианка. И потом пришлось мне облиться стыдом. Потому что батюшка, как будто он незримо присутствовал при моих мыслях, обличил меня в грехе, которому я не придавала никакого значения, и в жизни бы за грех не сочла. И оказалось, что мои «невинные» воспоминания о покойном муже являются перед Богом настоящим грехом. Как это у нас естественно происходит, особенно когда тяжко, вспомнишь, как муж когда-то приголубил, да пожалел... И при этих воспоминаниях, оказывается, человек вступает в общение с бесом, предается духовному блуду. Подобные подсказки отца Владимира многим людям поставили совершенно новую планку для духовной жизни. Благодарю, батюшка».

Одна духовная дочь отца Владимира пришла к батюшке и, испытывая подлинный страх Божий, рассказала о том, что пережила в прошедшую ночь. «Батюшка, вы благословили меня написать большую исповедь. В первый раз я серьезно каялась в своих блудных грехах. И, Господи, помилуй, – не оборачиваясь, видела, ощущала всем существом – лежащего за моей спиной – огромного удава с налитыми кровью глазами. Он пытался меня гипнотизировать, ввести в оцепенение, не дать мне сказать правду. Но при этом не мог ничего сделать. Наверное, был связан силой благословения. Только смотрел на меня с ненавистью. Такой мрак и ужас. И сейчас рассказываю вам и так отчетливо это вспоминаю, что мороз по коже...» – «Ну, вот, теперь ты узнала, что змея – символ блудных грехов*, – ответил отец Владимир. – И глубоко покаявшийся человек – эту мерзость, приближение ее – заведомо чувствует. Поэтому немедленно отшвыривай любой грязный помысел – при первом его прикосновении. Ведь это – прикосновение змеи».

* Во многих описаниях посещения ада это упомянуто. Например, в видении сестры Евфросинии – будущей монахини Марфо-Мариинской Обители Милосердия. См. Золотой святыни свет. Сибирская благозвонница. Москва, 2004

Отец Владимир любил слова святителя Николая Сербского: «Трудись, непрестанно возделывая свою душу, как самый плодоносный огород, который именно потому, что самый плодоносный, зарастает сорняками...

Более всего старайся очиститься от злых чувств по отношению к людям. Ибо, накапливая злые чувства к людям, ты накапливаешь яд, который раньше или позже уничтожит тебя как человека.

Более всего старайся обретать добрые чувства по отношению к людям.

Не допускай, чтобы солнце было благороднее тебя, чтобы оно могло своими лучами обливать и добрых, и злых, а ты бы не мог излучать добро и на друзей, и на врагов.

Не допускай, чтобы вода была полезнее тебя и для чистых, и для нечистых, а радуйся, когда в тебе еще люди нуждаются, чтобы ты им послужил добром.

Не допускай, чтобы земля была терпеливее тебя и тогда, когда ее вспахивают под рожь, и тогда, когда утрамбовывают, прокладывая дорогу. Будь терпеливым, как земля.

Не допускай, чтобы звездный небосвод сиял ярче твоей души. Потому что в тебе есть Тот, Кто создал небесный свод и Кто может его превратить в ничто.

Ах, брат мой, ты – сын, а небосвод – только творение!»

Духовный сын отца Владимира Николай: «Не забуду первую исповедь у батюшки. Начал что-то говорить, и неожиданно меня разобрал неправдоподобный смех. Отец Владимир сначала тоже пошутил. А потом говорит: «Иди положи двадцать поклонов перед Распятием Христовым». Начал я поклоны совершать и вдруг неудержимо разрыдался. Когда в глубоком раскаянии вернулся к батюшке, он спросил: «Ты понял, почему ты смеялся?!» – «Почему?!» – «Потому что у тебя нет страха Божия».

Раб Божий Д.: «После длинной жизни заблуждений, псевдопоисков (так как к искателям Истины я отнюдь не относился), повторив неоригинальный путь блудного

сына. я попал на исповедь к отцу Владимиру. За считанное время он без единого обидного слова открыл мне, каким комом грязи я являюсь. Одновременно излил на меня поток такого участия, понимания и любви, что считаю этот день – днем своего духовного рождения».

Слушая эти слова, вспомнила рассказ о молодом человеке, который увлекся теософией. Настрадавшись на ложном пути, он, наконец, пришел в Церковь, хотя это было ему нелегко. Вместо слов обличения служащий иеромонах просто крепко обнял его и с состраданием произнес: «Ничего, ничего – все пройдет». И в этот момент благодать Божия хлынула в душу А.С. Без проповеди, без объяснений он понял, что Истина в Православии. Понял раз и навсегда. Думаю, что такие священники были на Руси во все времена. И невозможно им на нашей святой земле – не быть.

Послушник Федор: «Наш отец Владимир точно так же, как батюшка Алексий Мечев, – *«это переживание того, что тебя когда-то искренно пожалели, приголубили, полюбили, но этого одного недостаточно. С батюшкой, чувствовалось, был Бог, и здесь человеческое уже отступает, через батюшку тогда тебя жалел, ласкал и любил Сам Бог. Можно ли выразить человеческой речью радость Богообщения? Батюшка же эту радость давал.*

Когда умирает человек, который весь заключается в наших умственных воспоминаниях, такого человека, как ни трудно, но все же легче заменить другим, но батюшку – как переживание и трепет нашего сердца – заменить другим невозможно.

В противоположность уму, сердце отличается верностью, оно не в силах забыть те исключительные святые переживания, которыми Бог благословил нас через батюшку. Ум, по природе своей, холоден, и его привязанности потому непрочны. Сердце же, живущее уверенностью, горит, и жаром своим сжигает все сомнения.

Батюшка весь был в духе Преподобного Серафима: та же любовь, та же ласка во взоре и радостная улыбка, та

же сердечная приветливость. В присутствии батюшки также все размягчались и выходили в слезах.

Батюшкино земное поприще завершилось, но *не завершились труды его ко спасению наших душ. Великая милость Божия – на своем пути встретить праведника. Это, действительно, милость, дар великий, потому что хотя мы и сами стараемся трудиться, но что мы можем, если не Господь?!»*

Раба Божия Т.: «Будто в мой непроглядный туман направили поток света – так еще не доводилось себя видеть. После этого на исповедь надо было бежать стремглав. Оставаться с таким видением, ничего не делая, было невозможно».

Батюшка буквально перепахивал поле нашей жизни, выворачивал канувшие в глубину камни, выкорчевывал заросшие корни грехов. Единственное необходимое условие – собственное желание человека покаяться всем сердцем, по-настоящему.

Батюшка неутомимо взывал к человеческим душам. Разными словами он повторял: *«Спасение дается только через осознание грехов и сердечное покаяние, а также через терпение скорбей. Что бы ни случилось, принимайте со смирением и любовью. Ближних же своих спасайте, сколь можете – тех, кто еще слышать может. Не гнушайтесь ни старым, ни малым: даже капля святости, пролитая в душу ближнего, даст вам воздаяние»* (старец иеросхимонах Феодосий Иерусалимский).

Духовная дочь отца Владимира Александра Яковлевна: «Одна моя знакомая пришла к батюшке на исповедь и созналась, что сделала тридцать абортов. Кому еще, кроме отца Владимира, такую жуть несли?! И плачет, у аналоя отчаянно плачет: «Грехи какие... Батюшка, что мне делать-то?» А он говорит: «Я все грехи твои возьму на себя». Вот священник! Найдется ли еще какой батюшка – столько грехов взять на себя?»

На своих исповедях отец Владимир раздавал листочки с этим текстом Святителя Тихона Задонского:

Христос грешную душу к себе призывает

Почто ты, человече, Мене оставил?
Почто тебе Возлюбившаго отвратился?
Почто паки пристал ко врагу Моему?
Помяни, яко тебе ради с Небесе снидох.
Помяни, яко тебе ради плоть бых,
Помяни, яко тебе ради от Девы родихся.
Помяни, яко тебе ради младенствовах.
Помяни, яко тебе ради смирихся.
Помяни, яко тебе ради обнищах,
Помяни, яко тебе ради на земли пожих.
Помяни, яко тебе ради гонение претерпех.
Помяни, яко тебе ради злословие, поношение,
ругание, бесчестие, раны, заплевание, заушение,
насмеяние, укоризненные страсти приях.
Помяни, яко тебе ради с беззаконными вменихся.
Помяни, яко тебе ради поносною смертию умрох.
Помяни, яко тебе ради погребен бых.
С Небесе снидох, чтобы тебе на Небо возвести.
Смирихся, чтобы тебе вознести.
Обнищах, чтобы тебе обогатить.
Обесчестихся, чтобы тебе прославить.
Уязвихся, чтобы тебе исцелить.
Умрох, чтобы тебе оживить.
Ты согрешил, а Я грех твой на Себя взял.
Ты виноват, а Я казнь приял.
Ты должник, а Я долг заплатил.
Ты на смерть осужден, а Я за тебе умер.
Но к сему Любовь Моя, Милосердие Мое привлекло Меня.
Не мог Я терпеть, чтобы ты в таком страдал злополучии.
Сию ли ты Мою Любовь пренебрегаешь?
Вместо Любви ненависть воздаешь.
Вместо Мене грех любишь.
Вместо Мене страстем работаешь.
Но что ты сыскал во Мне отвращения достойное?
Чего ради не хочешь ко Мне прийти?
Добра ли себе хочешь? Всякое добро у Мене.
Блаженства ли хочешь? Всякое блаженство у Мене.
Красоты ли хочешь? Что краснейше паче Мене?

Благородства ли хочешь?
Что благороднее Божия Сына и Девы?
Высоты ли хочешь? Что выше Царя?
Славы ли хочешь? Кто славнее паче Мене?
Богатства ли хочешь? У Мене всякое богатство.
Премудрости ли хочешь? Я премудрость Божия.
Дружества ли хочешь? Кто возлюбит тебе паче Мене,
Иже душу за всех положил?!
Помощи ли ищешь? Кто поможет, кроме Мене?
Врача ли ищешь? Кто исцелит, кроме Мене?
Веселия ли ищешь? Кто увеселит, кроме Мене?
Утешения ли в печали ищешь? Кто утешит, кроме Мене?
Покоя ли ищешь? У Мене обрящеши покой души твоей.
Мира ли ищешь? Аз есмь мир душевный.
Жизни ли ищешь? У Мене источник Жизни.
Света ли ищешь? Аз есмь Свет миру.
Истины ли ищешь? Аз есмь Истина.
Пути ли ищешь? Аз есмь Путь.
Вождя ли к Небеси ищешь? Аз есмь Вождь верный.
Что убо, чесо ради не хочешь приити ко Мне?
Приступить ли не смеешь? К кому удобнейший приступ?
Просить ли опасаешься? Кому Я просящему с верою – отказал?
Грехи ли не допускают тебя? Я за грешников умер.
Смущает ли тя множество грехов? Более у Мене – Милосердия.

Приидите ко Мне, вси труждающиеся и обременении, и Аз упокою вы (Мф. 11, 28).

Отвечая иноку К. Н-монастыря, который исповедовал батюшке дьявольское наваждение богохульных и блудных помыслов, отец Владимир писал, что, во-первых, надо разлюбить грех на самом деле. Понять всерьез: это мне не нужно. Из этого обрести твердую позицию: это – не мое (я ведь этого полностью не хочу!) И, таким образом, греху объявляется – настоящая война. Это фундамент. Если оставить хотя бы частичную привязанность ко греху, победить его – невозможно. Кроме собственных советов, он привел слова Паисия Афонского: *«Попадая в трудную*

ситуацию, человек сдает экзамены... Даже если мы получаем раны, не нужно терять хладнокровия, но просить помощи Божией и с мужеством продолжать борьбу. Пастырь Добрый услышит и тут же поспешит на помощь, как бежит на помощь пастух, заслышав, как жалобно блеет ягненок от полученной раны, укусов волка или пса. К тем, кто (прежде) жил жизнью, которая была достойна плача и (ныне) подвизается, я питаю больше любви, постоянно имею их в своем уме и чувствую за них больше боли, чем за тех, кто не мучим страстями. Так и чабану за ягненка раненого или заморыша больно больше, чем за других. И о нем он заботится особо, пока и тот не станет здоров».

Как правило, молитвы отца Владимира снимали все виды грязных помыслов, блудные наваждения, но в особенно тяжелых случаях батюшка предлагал молиться преподобным: Иоанну Многострадальному, Марии Египетской, Моисею Угрину, Моисею Мурину, Мартиниану Кесарийскому, Виталию, Таисии, Сарре Египетской, мученице Фомаиде. Отец Владимир советовал знать жития этих подвижников, каждый день читать им тропари, обращаться к ним – сердцем. Он говорил: «Зря не молитесь святым, они в силах оказать немедленную помощь горячо просящим».

Раб Божий Виктор: «Однажды я исповедовался у отца Владимира в келье. Дело было Великим Постом, и я задал ему вопрос, как бороться с плотскими страстями в постовое время. Батюшка назвал наиболее приемлемое для меня: «Физический труд, поклоны. А если этого будет недостаточно, попробуй так, – резко упал на руки ничком, начал отжиматься и сказал, – надо до изнеможения, пока весь мокрый не будешь, отжиматься, – и победишь блудные помыслы».

Он вспомнил подвижника, который каждый день до вечера строил стену, потом разрушал. И с утра все начинал сначала. Помолчал: «Каждый находит свои способы борьбы с дьяволом». И добавил: «Молитва, в которой не утруждалось тело и не скорбело сердце, считается святыми отцами неполноценной».

Раб Божий Ф.: «В этот вечер пришел исповедоваться к отцу Владимиру домой. Все подготовил заранее на нескольких страницах. Но самый тяжелый грех, промаявшись, так и не решился написать. Вхожу к батюшке в келью, принимаю благословение. И вдруг внутри мелькнуло, как обожгло: «Он знает!» Отогнал от себя эту мысль. А батюшка отводит мою руку с зажатой в ней перечислительной запиской и начинает исповедь совсем другую. Стремительно открывает коричневый ветхий том и после земных поклонов с покаянными молитвами, которые все во мне разбередили, начинает перечень грехов по каким-то прежним спискам. Несовременный, более старый славянский язык. Монашеское скитское покаяние. Головы от пола нельзя отнять. И вдруг слышу – звучит вслух мой стыдный тяжкий грех... После этого батюшка прочел молитву:

«О всемилостивая Дево Богородице, Мати щедрот и человеколюбия, Единая Надеждо и Упование мое! О Свете помраченныя души моея!

К Тебе аз многогрешный припадаю и Тебе молюся, Источник милосердия, пучину щедрот и человеколюбия рождшая: помилуй мя, вопию Ти болезненно, помилуй мя, всего уязвленнаго, в лютые разбойники впадшаго, и от одежды, в ню же облече мя Отец, увы мне, обнаженнаго. Темже возсмердеша и согниша раны моя от лица безумия моего.

Но, Владычице моя Богородице, молю Тя смиренно, воззри на мя милостивым Своим оком и не возгнушайся мене, всего помраченнаго, всего оскверненнаго, всего в тине сластей и страстей погруженнаго, люте падшаго и возстати не могущаго: умилосердися на мя и даждь ми руку помощи, во еже воздвигнути мя из глубины греховныя.

О Радосте моя! Избави мя от обышедших мя; просвети лице Твое на раба Твоего, спаси погибающаго, возстави падшаго люте: можеши бо вся, яко Мати Бога Всемогущаго.

Излей на мя елей милосердия Твоего, и вино умиления точити ми подаждь; Тебе бо воистину едину Надежду стяжах в житии моем.

Не отрини убо мене, к Тебе притекающаго, но виждь скорбь мою, Дево, и души желание, и сие приими и спаси мя, Ходатаице спасения моего».

Когда батюшка читал надо мной разрешительную молитву, во мне что-то плакало внутри. Грех был вырван, внутреннее пространство освобождено и светло. Никогда я не желал себе чистоты и правды в такой мере. Совершивший без единого слова, которого я был достоин, эту духовную операцию, отец Владимир молча благословил меня. «Батюшка, чью молитву Вы последнюю читали?» – «Нила Сорского». – «Дайте, пожалуйста, переписать». – «Возьми», – протягивая мне книгу, батюшка уже открывал дверь следующему, ожидающему своей очереди в прихожей».

Еще одна исповедь. Многие часы батюшка у образа Иверской Божией Матери, справа святые мощи Преподобного Серафима. Двунадесятый праздник. Начинают причащать, а желающих исповедаться – по-прежнему не счесть. Люди нервничают, толпятся, рвутся к аналою. Посещающие Дивеево легко вспомнят подобную ситуацию. Вдруг отец Владимир поворачивается к народу. Его лицо поражает своим внезапно обнажившимся страданием о наших несметных грехах: «Вы видите, я физически не могу выслушать вас, а всем так хочется причаститься... Восплачем же о своих грехах!» Слезы катятся градом по худому лицу, повернувшись лицом к алтарю, батюшка падает на колени. Минуты невыразимого напряжения и прихлынувшей к каждому сердцу – благодати. Батюшка стремительно встает и начинает накрывать епитрахилью залитых слезами людей. Плачет сам и повторяет: «Кайтесь, кайтесь...» Он читает разрешительную молитву отнюдь не над каждым, а выборочно: ему всегда известно, кается ли человек – сердцем. Попав первый раз на такую исповедь, я была ошеломлена и не сразу пришла в должное состояние полного горя перед лицом своей бездны. Батюшка стремительно пересекал в разных направлениях редеющую толпу, ко мне приблизится и, не глядя, уходит. И так несколько раз, пока, буквально, сердце у меня не заплака-

ло. Чувствовала при каждом приближении батюшки, что мне давался импульс – благодатная помощь для действительного осознания своей беды. Как только это произошло, батюшка немедленно с радостью подошел и прочел над моей головой разрешительную молитву.

Однажды шла из храма с женщиной, которая созналась: «Где я только ни исповедовалась, в каких монастырях, и коротко, и подробно, а на сердце – ледник. И вот, слава Тебе Боже, плачу – первый раз в жизни... Взрастил Преподобный Серафим своего любимого послушника и подарил нам. Помните, как Царица Небесная обращалась к Преподобному: «Любимиче мой», так близок и отец Владимир самому Батюшке Серафиму».

Не раз мне приходилось говорить об отце Владимире с серьезными людьми. Мы соединились во мнении о нем. Батюшка имел Божественный дар – жизни из глубины. Для нас отец Владимир остался – чудом подлинности. Этот уровень доступен только людям облагодатствованным – которым открылось зрение грехов своих. Одним этим видением обретается – предстояние Богу в смирении. Главное, что Богу нужно от нас. Батюшка звал всех, способных откликнуться – к жизни неподдельной. Рядом с ним мы осознавали себя фальшивыми христианами, привычно соблюдающими видимость... Благодарим, на коленях благодарим, батюшка. Не к покаянию ли евангельской блудницы, пусть не миро – одни слезы принесшей к ногам своего Спасителя, ты призывал нас, твердокаменных?! Хотя бы минуты – но настоящего горя, истинной боли о своей падшести. Как нередко у нас: душа, что могла – назвала, но все чувствует свою нарастающую вину. И это свидетельство неочищенности души нашей. И, значит, Бог продолжает ждать от нас нового, более глубокого покаяния.

Святые отцы говорят, что настоящая молитва перерастает слова. Совершенной молитвой считается поклонение волхвов: благоговейно, без слов, припавших ко Христу, лежащему в яслях. Подлинная молитва – это переживание присутствия Живого Бога. Перед Его лицом становится,

наконец, очевидна наша полная несостоятельность, столь отчетливы ничтожность и никчемность наших добродетелей, столь разительна – наша грязь. То есть, настоящее общение с Богом – это неизбежно переживание своей греховности – как страшного бедствия, отделяющего нас от самого близкого – на Которого мы призваны быть похожими – от нашего Творца и Отца. *«О Нем бо живем и движемся и есмы»* (Деян. 17,28).

Быть может, то же самое можно сказать и о более глубокой, чем общепринятая – исповеди. Ибо она призвана быть самым насущным, самым глубинным нашим общением с Богом. И это общение – невозможно на уровне одних внешних слов. Хотя именно к такой исповеди мы имеем трагический навык.

Отец Владимир лечил души – Христовой Любовью. И ничем, никогда, никаким самым талантливым и правдивым обличением, ничем, кроме Любви, нельзя добиться настоящего пробуждения совести. Заставить душу очнуться от греховной спячки можно только с ее помощью. После очередной батюшкиной исповеди я думала: «Ведь это напоминает час Последнего Суда. **Как** мы предстанем перед Любовью Самого Христа?! Перед бездной Милосердия и Всезнания, и как же будет невообразимо стыдно перед этим Светом. Как позорно станет зиять мое мелкое и крупное самолюбие и всяческое зло в потоке Любви Христовой, Которая снисходила к тебе еще в этой жизни, ежедневно склонялась перед тобой, как склоняется мать перед своим капризным, самонадеянным младенцем. Велик дар нести людям слово о Евангельской Любви. Но почти нет тех, кто несет саму Любовь душе современного человека – одебелевшей от нечувствия благодати Христовой. Одичавшей от делания вещей ей не свойственных, забывшей естественное для себя: Правду, Простоту, Чистоту, Любовь, Верность. Батюшка возвращал человеческой душе ее первозданное – чуткое состояние. Состояние обжигающего стыда и ранящей тебя совести.

Глядя на служение отца Владимира, многим приходили на память строки о старце Алексие Мечеве. *«Все, что*

Вас угнетало и обездоливало, все, что Вас омрачало и подавляло, все это уходило вдаль и помещалось в глубинах его Любви, жалости и желания прийти к Вам на помощь.

Мир представляет свои большие материальные преимущества, но ничего не дает для Любви. И сколько бы он ни дарил удовольствий, утех и славы, он не в силах заглушить роковым образом развивающихся в человеческом сердце – сперва скуки, разочарованности, а потом невыносимой тоски, которая хуже смерти.

Жизнь грешника-христианина вечно колеблется между демоном и Богом, между святостью и греховностью, для исцеления ее иногда достаточно одного слова, одного ласкового взгляда. И здесь в особенном свете выступают ц е л и т е л и д у ш, *которые могут своим верным взглядом понять безумствующую душу и найти момент, обстоятельство и место, чтоб положить на ее сердце свою ласковую, успокаивающую и исцеляющую руку».* Среди таких целителей душ – и отец Владимир.

Царствуй на страх врагам, Царь православный

«Любовь к Родине по силе своей близка любви к Богу. Любовь к своей Отчизне сочетает в себе преданную сыновнюю любовь и всеобъемлющую любовь отцовскую, и эта любовь не исключает любви к другим странам и всему человечеству. Во всех видах любви, которые выше простых инстинктов, есть что-то таинственное, и это же можно сказать о патриотизме. Патриот видит в своей стране больше, чем видят другие. Он видит, какой она может стать, и в то же время он знает, что много в ней остается такого, что увидеть невозможно. Ее высшее величие и главные святыни, как и все духовное – это сфера невидимого», – писала Государыня Императрица Александра Феодоровна. Такой преданности Родине, основанной на любви к Богу, не хватает многим сегодняшним патриотам...

Батюшка пользовался данными следующего текста и широко его распространял – задолго до канонизации святых Царственных мучеников.

Покаяние за Царя

О том, что власть Царя благословлена Богом, было известно с ветхозаветных времен: ***«Я вознес избранного из народа Моего... святым елеем Моим помазал его»*** (Пс. 88,20-21); ***«Мною цари царствуют и повелители утверждают правду»*** (Притч. 8,15); ***«Бога бойтесь, Царя чтите»*** (I Петр. 2,17); ***«Не прикасайтесь к помазанным Моим»*** (Пс. 104,15).

21 февраля 1613 г. на Руси состоялся Великий Земский и Церковный Собор, на котором был избран и благословлен русский Царь. На Соборе было «заповедано, чтобы избранник Божий, Царь Михаил Феодорович Романов, был родоначальником правителей на Руси из рода в род, с ответственностью в своих делах перед Единым Небесным

Царем. Кто же пойдет против сего Соборного постановления – царь ли, патриарх ли и всяк человек, да проклянется такой в сем веке и в будущем, отлучен бо будет он от Святыя Троицы...»

Император Николай Александрович Романов был последним монархом в России, помазанным святым миром на царство. *Государь – Помазанник Божий, священное лицо, носитель особой силы благодати Духа Святаго, удерживающий распространение зла «тайны беззакония»*, был убит в ночь с 3 на 4 июля (ст.ст.) 1918 года.

Итак, была нарушена клятва 1613 года, которою связаны с Царями из дома Романовых не только сами предки, составители грамоты, но и все мы, потомки их.

Святой Феодосий Афонский пишет: *«Многие угодники Божии... хранили обеты, данные за них прежде рождения родителями их, это обязывает и нас к тому же»*. Нарушив клятву, народ, не заступившийся за Царя, **подпал под проклятие, под отлучение от Святой Троицы!** Хуже этого ничего быть не может! Великий грех влечет за собой великое наказание.

В тот горький час святитель Тихон, патриарх Московский, сказал: *«Мы должны, повинуясь учению слова Божия, осудить это дело, иначе кровь расстрелянного падет и на нас, а не только на тех, кто совершил его»*.

Архимандрит Иоанн (Максимович) писал: *«Русский народ весь в целом совершил великие грехи, явившиеся причиной настоящих бедствий, а именно – клятвопреступление и цареубийство. Общественные и военные люди отказали в послушании и верности Царю еще до Его отречения, вынудив последнее от Царя, не желавшего внутреннего кровопролития, а народ явно и шумно приветствовал совершившееся, нигде громко не выразив своего несогласия с ним. В грехе цареубийства повинны не одни лишь физические исполнители его, а весь народ, ликовавший по случаю свержения Царя и допустивший Его унижение, арест и ссылку, оставив беззащитных в руках преступников, что уже само собой предопределило конец. Таким образом, нашедшее на Россию бедствие является прямым последствием тяжелых грехов и возрождение*

ее возможно лишь после очищения от них. Однако до сих пор нет настоящего покаяния, явно не осуждены содеянные преступления, а многие активные участники революции продолжают и теперь утверждать, что тогда нельзя было поступить иначе. Не высказывая прямого осуждения февральской революции, восстания против Помазанника, русские люди продолжают участвовать в грехе цареубийства» (Акт Всезарубежного Собора, 1938 г. Югославия).

«Великий грех – поднять руку на Помазанника Божия, не останется и малейшая причастность к такому греху – неотмщенной. В скорби говорим мы: «Кровь Его на нас и на детях наших». Будем помнить, что злодеяние совершено в день памяти творца великого канона святого Андрей Критского, зовущего нас к покаянию. Глубокое сознание греховности содеянного и покаяние перед памятью Царя-мученика ***требуется и от нас****. Но покаяние наше должно быть без всякого самооправдания, без оговорок, с осуждением себя и всего злого дела от самого начала».*

Наряду со святым князем Андреем Боголюбским, святым князем Михаилом Тверским, святым царевичем Дмитрием, Царь-мученик Николай II со Своим многострадальным Семейством вступает ныне в лик Российских страстотерпцев. Перед Ним, униженным, оклеветанным и умученным, должна склониться вся Русь, чтобы прославлением Его подвига загладить преступление, совершенное в отношении Его.

Подобно тому, как Христос был распят на Голгофе за грехи всего мира, всеми оставленный, так и **Царь принесен в жертву за грехи всей России**, так же оставленный беззащитным в руках врагов народа и Бога. Это был день, когда Церковь отмечает память благоверного русского князя Андрея Боголюбского, зверски убитого заговорщиками в 1174 году. Как тогда, так и теперь, многие примеры убеждают нас в том, что существует могучая и страшная, необыкновенно хорошо организованная тайная сила, обладающая огромными средствами. Эта сила ставит перед собой **цель уничтожения Православия**, она хочет гибели всего русского народа, как наследника и хранителя Православия,

духовного и физического разложения детей и юных.

Апостол Павел писал: *«Тайна беззакония уже в действии, только не совершится до тех пор, пока не будет взят от среды удерживающий теперь»* (2 Фес. 2,7).

На стене подвала дома Ипатьева следствие обнаружило каббалистическую надпись. Расшифрованная позднее, она гласила: *«Здесь, по приказу тайных сил, Царь был принесен в жертву для разрушения государства. О сем извещаются все народы».**

Тайными изуверами иудейского племени при активном соучастии и молчаливом попустительстве большей части русского народа и ряда отступников из христиан – было совершено ритуальное человеческое жертвоприношение, отвечающее всем основным требованиям иудейского религиозного культа.

С момента убиения Царя как «удерживающего» – «тайна беззакония» получила свободу. И все мы являемся свидетелями безудержного распространения не просто зла, но откровенного сатанизма – во всем мире!

«Конечно, цареубийство не является единственным грехом, лежащим на совести русских людей. Оно является как бы символом России, отпавшей от Христа и истинного Православия, – процесса, происходившего в течение XIX и XX веков» (Серафим Роуз).

Комиссар просвещения Луначарский в 1923 году заявил: *«Всякий человек, верующий в Бога, является для большевиков контрреволюционером, ибо мешает нам устроить царство на земле».* Для устроения царства спешно расчищали место. Ломали церкви, жгли иконы, повсюду устанавливали звезды. В Свияжске местный Совет депутатов долго обсуждал, кому поставить монумент в центре города: Каин – слишком легендарная личность, люцифер не полностью разделял идеи коммунизма. Остановились на Иуде Искариоте, да, на том самом... Памятник представлял собой фигуру с поднятым к небу кулаком. Такой была «новая религия». Повергая наземь церкви, кресты и купола, обставляли всю землю Русскую тысячами бронзовых

---

* Энель. Жертва. Новый Сад. 1925, стр. 15

голов и бюстов, изготовленных для прославления новых идолов. Человек очутился в вывернутом наизнанку мире. Совершили страшный грех: приняли в качестве руководства к жизни – идеи сатаны, отвергнув заповеди Христа. Так прожили свою жизнь наши деды и родители. Так продолжают жить и многие из нас, считая естественным явлением поворот рек, совершившийся Чернобыль, бойню в Афганистане и Чечне, наркобизнес, замену одних политических кумиров другими. Страшен мир, где материальные блага ценят выше идеалов Божественных. Есть в чем каяться нам с вами по сей день.

Мы оправдываем свое безбожие тем, что нас 70 лет ничему церковному, религиозному не учили. Но ныне все знаем: открыты церкви, стало доступным Евангелие. А живем так, как будто этого нет: телевизор – идол нашего дома, от романов и детективов отстать не можем, не помолившись и даже не перекрестившись, пьем и едим.

Не будем оправдывать себя. Нам оставлено последнее время, чтобы просить прощения у Бога за свое безбожное житие. Поблагодарим Господа за то, что мы еще живы и можем успеть покаяться в своих преступлениях и хотя немного измениться.

Над народом тяготеет смертный грех цареубийства, а следовательно, в той или иной степени над каждым из нас. Святой праведный отец Иоанн Кронштадтский сказал в 1905 году: *«Россия, если отпадешь от своей веры, как уже отпали от нее многие интеллигенты, то не будешь уже Россией или Русью Святой.* ***И если не будет покаяния у русского народа, конец мира близок.*** *Бог отнимет благочестивого Царя и пошлет бич в лице нечестивых, самозваных, жестоких правителей, которые зальют всю землю кровью и слезами».* Убоимся хотя бы этого грозного прещения, исполнение которого видимо приближается на наших глазах.

Чтобы иметь надежду на снятие греха с совести России, необходимо, помимо своего личного покаяния и молитв к Господу о прощении, каждодневно призывать в помощь Царя-мученика:

Святый Царю, мучениче и страстотерпче Николае, со всеми новомучениками земли Русския молите Бога о нас, грешных!

С момента гибели Царской Семьи прошло немало времени, но многие люди еще не покаялись в грехе цареубийства. Как покаемся мы – дело совести каждого, но чем больше людей принесет раскаяние в этом грехе, тем больше надежд на светлое будущее России. Нашей стране может помочь только ***всенародное покаяние***. **Покайся, Русь православная!** Сами принесем покаяние в этом грехе и поможем нашим ближним понять необходимость этого – для возрождения нашей многострадальной Родины.

Покайся, Русь! И возможно, по молитвам святых наших, Господь еще помилует Россию и нас грешных. У Господа все возможно! В силе Он печаль на радость преложить и воскресить Святую Православную Русь.

Господи, молитвами святых Царственных мучеников, спаси страждущую страну нашу Российскую! Аминь».

Отец Владимир широко использовал в слове к народу о Царе проповеди протоиерея Александра Шаргунова, которого глубоко чтил. Прежде чем что-то процитировать, он всегда говорил о замечательном пастыре нашего времени хотя бы несколько фраз. На всенощной дня убиения Царской Семьи батюшка прочел предисловие, написанное отцом Александром к книге «Царственные мученики в воспоминаниях верноподданных».* Помню, как на литургии Царского дня батюшка произносит слова проповеди, и слезы льются из его глаз. Плачет множество людей в храме. Стоящая рядом со мной неизвестная женщина вытирает заблестевшие глаза и с удивлением произносит, обращаясь к мужу и сыну: «Значит, все лгали, Царь ведь и вправду – святой!»

Батюшка читал с амвона **покаянную молитву**, завершающую службу святым Царственным мученикам, написан-

---

* Сретенский монастырь. Новая книга. Ковчег, 1999

ную после Их прославления Русской Зарубежной Церковью в 1981 году. Отец Владимир очень любил ее, пользовался ею постоянно и считал лучшей из существующих текстов на царскую тему:

Благословен еси, Господи Боже отец наших, и хвально и прославлено имя Твое во веки, яко праведен еси о всех, яже сотворил еси нам, и вся дела Твоя истинна и прави путие Твои, и вси суди Твои истинни: и судьбы истинни сотворил еси по всем, яже навел еси на ны. Яко согрешихом и беззаконновахом отступивше от Тебе, и прегрешихом во всех, и заповедей Твоих не послушахом, ниже соблюдохом, ниже сотворихом, якоже заповедал еси нам, да благо нам будет. И предал еси нас в руки врагов беззаконных, мерзких отступников, и человеком неправедным и лукавнейшим паче всея земли. И ныне несть нам отверзти уст: студ и поношение быхом рабом Твоим и чтущим Тя. Не предаждь же нас до конца имене Твоего ради, и не разори завета Твоего, и не отстави милости Твоея от нас. Яко, Владыко, умалихомся паче всех язык и есмы смирени по всей земли днесь, грех ради наших. И несть во время сие начальника, пророка и вождя. И ныне возследуем всем сердцем и боимся Тебе и ищем лица Твоего. Не посрами нас, но сотвори с нами по кротости Твоей, и по множеству милости Твоея, и молитв ради Пречистыя Матере Твоея и всех святых Твоих изми нас по чудесем Твоим, и даждь славу имени Твоему, Господи. И да посрамятся вси являющии рабом Твоим злая, и да постыдятся от всякия силы, и крепость их да сокрушится. И да разумеют вси, яко Ты еси Господь Бог наш, един и славен по всей вселенней. Аминь».

Отец Владимир дарил своим духовным детям следующую подборку епископа Мефодия и говорил, что эти строки поддержат нас в последние времена.

Из духовного сокровища Царской Семьи*

Духовная жизнь Царской Семьи была прикровенна. Мало кто ее знал. А она весьма замечательна и поучительна. Летом 1937 года Господь дал мне видеть и читать книги, которые были с Царской Семьей во время Ее заточения в Тобольске и Екатеринбурге. Хочется предложить вам хотя бы некоторые, особенно подчеркнутые и отчеркнутые места. Они не только говорят о духовном состоянии Августейшей Семьи, о крепкой, глубокой вере, смирении, всепрощении и духовной бодрости. Они являются **духовным завещанием и наставлением** Царственных страстотерпцев всем нам. Да будут же слова, подчеркнутые Ими и кровью Их засвидетельствованные, нам на духовную пользу и вразумление.

Скорби, терпеливое их перенесение и стремление быть верными заветам Господа больше всего занимают внимание Августейших читателей.

«Желающий быть подражателем Христу, чтобы при посредстве этого полу́чить звание сына Божия, рожденного Духом, прежде всего, должен переносить благодушно и терпеливо все случающиеся с ним скорби, как-то: телесные болезни, обиды и поругания от человеков и наветы от невидимых врагов, потому что по Промыслу Божию, распоряжающемуся всем премудро и со всеблагою целью, такие испытания различными напастями попускаются душам, чтобы обнаружилось явственно, которые из них любят Бога искренно... зная, что без Бога ничего не случается с нами. И потому душе, желающей благоугодить Богу, прежде всего, должно вооружиться терпением и надеждою» (Преп. Макарий Великий).

Видимо, вся жизнь Царственных мучеников была преисполнена веры, надежды, терпения и духовной работы над собой: «И искушения, и скорби, – читаем мы, – посылаются человеку к пользе его; они доставляют душе опытность и крепость...»

«Божьи человеки должны приготовить себя к сраже-

* Письма святых Царственных мучеников из заточения. Спасо-Преображенский Валаамский монастырь. Санкт-Петербург, 1996, стр. 403-409

ниям и борьбе. Юный воин великодушно переносит полученные раны и храбро отражает супостатов: точно так и христиане должны мужественно переносить оскорбления и борьбу, как внешние, так и внутренние. Ударяемые скорбями, христиане должны восходить в преуспеяние посредством терпения. Таков путь христианского жительства. Где Святый Дух, там, как тень за солнцем, последует гонение и борьба. Воззри на пророков, в которых действовал Дух Святый: каким они подвергались гонениям. Воззри на Господа, Который – ПУТЬ И ИСТИНА, и Который претерпел гонение не от какого-либо чуждого народа, но от Своего собственного племени...»

Окруженные врагами, узники укрепляли себя примерами святых мучеников и Самого Господа:

«Не следует христианам приходить в недоумение при напастях: подвергаться преследованию – неотъемлемая принадлежность Истины. Мученики, прошедши через многие виды мучений, явили силу непобедимого мужества, подчинившись и самой смерти насильственной: после этого они удостаиваемы были венцов. Чем многочисленнее и тягостнее были их страдания, тем большие получали они славу от Бога и дерзновение к Богу».

«Очевидно: за Христа наносятся нам эти скорби супостатом... он усиливается ввергнуть души наши в расслабление и уныние... Но мы сражаемся со Христом – и разрушаются все ухищрения врага против нас. Христос – великий, непобедимый Покровитель и Заступник наш... Нам заповедано взять крест наш и последовать Христу, что значит – быть постоянно готовым к смерти. Если будем в таковом расположении и настроении духа, то, как сказано, будем переносить с великим удобством всякую скорбь, и внутреннюю и находящую извне... Говорящие, что любят Господа, пусть докажут справедливость своих слов не только великодушным терпением всех случающихся скорбей, но и терпением охотным, с любовью, ради надежды, отложенной в Господе».

Заключенные осуществляли в жизни заповеди Христовы:

«Господь ... повелел искать ПРАВДЫ БОЖИЕЙ: эта Правда – мать любви. Невозможно спастись иначе, как через ближнего. ОТПУЩАЙТЕ – заповедал Господь – И ОТПУСТИТСЯ ВАМ. В этом заключается духовный закон... Итак, исполнение закона заключается в прощении обид... Исполняющие закон духовно и, по мере исполнения, делающиеся причастниками благодати, любили не только благодетельствовавших, но и поношающих их и гонящих, ожидая получить любовь в воздаяние добродетели. Добродетель их состояла не только в том, что они простили нанесенные им обиды, но и в благотворении душам обидчиков, молясь за них Богу, как за те орудия, при посредстве которых они получат блаженство, по свидетельству Писания: «БЛАЖЕНИ ЕСТЕ, ЕГДА ПОНОСЯТ вам и ИЖДЕНУТ вас».

Вспоминая, в каком положении находились те, кто подчеркивал эти строки, преклоняешься перед их духовным устремлением.

Преп. Марк Подвижник: **«Живая вера – крепкий столп: Христос, для верующего в Него такою верою – все».**

И чувство страдальцев обращается покаянно на себя:

«Исследывай свои грехи, а не грехи ближнего, и не будет окраден твой духовный подвиг... Всматривайся в окончательное последствие всякой скорби и найдешь, что оно заключается в истреблении греха».

«Никто не избежал скорби иначе, как при посредстве молитвы и покаяния... Каждый жнет, что посеял... Не оставляй неизглаженным греха, хотя бы он был и самомалейший: иначе он повлечет тебя к большему злу... Если хочешь спастись, возлюби правдивое слово и никогда не отвращайся обличений... Лучше молиться с благоговением о ближнем, нежели обличать его о всяком прегрешении... Кающийся истинно подвергается поруганию безумных: это служит для него знаком благоугождения Богу...»

Но скорби бывают ниспосылаемы не только за грехи:

«Не думай, что всякая скорбь попускается человекам за грехи их: искушаются и благоугождающие Богу... ВСИ ХОТЯЩИЕ БЛАГОЧЕСТНО ЖИТИ О ХРИСТЕ, ГОНИМИ БУДУТ».

В книге много подчеркнутых мест о молитве:

«Во всяком деле и обстоятельстве неупустительно прибегай молитвою к Богу, чтобы во всем иметь помощь Божию».

«ПОДОБАЕТ ВСЕГДА МОЛИТЬСЯ, НЕ ПРЕДАВАЯСЬ УНЫНИЮ».

Наряду с молитвой, мы видим и великое доверие к Господу:

«Господь в свое время воздаст каждому должное».

И заботу о соблюдении Его заповедей:

«ЛЮБЯЙ МЯ ЗАПОВЕДИ МОЯ СОБЛЮДЕТ, И ВОЗЛЮБЛЕН БУДЕТ ОТЦЕМ МОИМ, И АЗ ВОЗЛЮБЛЮ ЕГО, И ЯВЛЮСЯ ЕМУ САМ». «НЕ ПЕЦЫТЕСЯ О УТРИИ».

«Великое дело подавать милостыню убогим, когда имеются деньги; но ***миловать согрешающего против нас ближнего настолько выше и настолько более способствует к получению прощения, насколько душа, по естеству, превосходнее тела***».

Несмотря на страдания, должна быть радость и бодрость:

«Во всяком времени, месте и деле будем твердо держаться одной цели, чтобы нам, подвергаясь различным обидам от человеков, радоваться, а не скорбеть, – радоваться не просто, не бессмысленно: радоваться на том основании, что обретаем благоприятный случай к получению прощения в наших согрешениях, прощая ближнему. В этом заключается РАЗУМ ИСТИНЫ».

Уныния не должно быть:

Преп. Иоанн Лествичник: «Нет причины для страждущего горячкою к самоубийству: так никому и ни в каком случае, даже до последнего издыхания, не должно отчаиваться».

Затем следуют места о смирении и кротости:

«В том, кто стяжал смирение, не проявляется ни ненависти, ни прекословия; не слышится из него вони непокорности». «Иное превозноситься, иное – не превозноситься и иное – смириться. Находясь в первом устроении, мы судим и осуждаем ближних в течение всего дня; находясь во

втором, – не судим и не осуждаем ни других, ни себя; в третьем, – будучи оправданы перед Богом, осуждаем себя непрестанно». ***«Кротость состоит в том, чтобы, при оскорблениях от ближнего, не чувствовать оскорбления и чисто молиться о нем»***. «Простота всегда соединена со смирением». «А гордость – и начало, и совершенство всех зол». «От забвения грехов образуется гордость: *памятование грехов – причина смирения». «Кротость есть неколеблющееся устроение души, пребывающее одинаковым при поношении и при похвалах». «Блажен тот, кто, укоряемый и унижаемый ежедневно, понудил себя к терпению ради Бога; он примет участие в вечном празднике мучеников* и вступит дерзновенно в общение с Ангелами». «Усердно пей поругание, как воду жизни, от всякаго человека, покушающегося напоить тебя чистительным врачевством, изгоняющим из сердца сладострастие. Если будешь руководствоваться этим правилом, то глубокая чистота воссияет в душе твоей, и свет Божий не оскудеет в сердце твоем».

И опять, какая вера в Промысел Божий:

«Должно веровать, что не случается ничего без Промысла Божия. Где действует Промысел Божий, оттуда истекает всевозможное добро, всевозможная польза для души, потому что все, что ни делает с нами Бог, делает ко благу нашему, делает любя и милуя нас, «и мы должны О ВСЕМ БЛАГОДАРИТЬ благость Его, по наставлению апостола, никогда не предаваясь печали и малодушию по причине случающегося с нами. Все, что ни постигнет нас, будем принимать без смущения, со смиренномудрием и упованием на Бога, веруя, как я сказал, что все, что ни делает с нами *Бог, делает по благости Своей, любя нас и во благо нам, что иначе не может быть нам пользы, как тем способом, которым устраивает Бог».*

«Бог – источник премудрости. Он ведает полезное нам и, сообразно этому ведению, устраивает все, относящееся к нам, даже до мелочей. Богу все возможно; для Него нет ничего невозможного. Зная, что Бог любит и милует создание Свое, что Он – источник премудрости, что Он ведает, каким образом должно устраивать наши обстоятельства,

что нет ничего невозможного для Него, что все служит воле Его, так же, зная, что все, что Он ни делает, делается к нашей пользе, ***мы обязаны принимать все, попускаемое нам, хотя бы то было и скорбное, как от Благодетеля, как от Владыки, с благодарением***. Все совершающееся совершается по праведному суду Божию, – и Бог, бесконечно милостивый, не презрит нас ни в какой скорби нашей, и самомалейшей».

Так готовилась Августейшая Семья к мученической кончине.

Преп. авва Дорофей: «Бог не попускает нам искушений, превышающих нашу силу». «Если кто переносит напасть с терпением и смирением, то она пройдет безвредно для него». **«Терпи, подвизайся и моли Бога»**.

Не легок был духовный подвиг заключенных. В книге подчеркнуто:

«Крепость желающих приобрести добродетели заключается в том, чтобы не малодушествовать, когда падут, чтобы не приходили в отчаяние, но продолжали подвизаться». «ЯКО МНОГИМИ СКОРБЯМИ ПОДОБАЕТ НАМ ВНИТИ В ЦАРСТВИЕ БОЖИЕ».

Нелегко, видимо, было терпеть отношение окружающих:

«Не ищи любви от ближнего. Ищущий любви, если не видит ее, смущается. Лучше ты покажи любовь к ближнему. Поступив так, и сам успокоишься. И приведешь ближнего к любви».

«Понуждай себя ко всему доброму и отсекай свою волю... благодатию Христовою и собственным подвигом придешь в навык отсечения воли и уже будешь отсекать ее без принуждения и скорби, так что все случающееся будет случаться как бы по твоей воле и по твоему желанию».

В подвиге духовном надо избежать греха осуждения:

«Не желай знать пороков и согрешений ближнего твоего и не принимай на него подозрений, внушаемых врагом... За все благодари, стяжи благость и святую любовь... Со всевозможным терпением будем хранить совесть нашу во всех отношениях: к Богу, к ближнему, к вещам...

Ничего нет хуже осуждения, сказали отцы».

«Имеем о чем заботиться. Каждый внимает себе и своему злу. Оправдывать и осуждать человеков принадлежит Единому Богу, Который знает устроение, силу, обстоятельства, дарования, телосложение, способности каждого, и соразмерно этому судит каждого судом, постижимым Единому Богу».

Надо иметь любовь:

«Стяжем любовь, стяжем милостивое сердце к ближнему... чтобы при посредстве его помогать друг другу, как собственным членам». «Чем более сближаемся мы друг с другом, тем более приближаемся мы к Богу...» «Будем трезвиться, братие, и при содействии Божием, усиленно бороться против всепагубной страсти памятозлобия, чтобы избавиться от обладания ею». «Каким средством можно получить исцеление от памятозлобия? Молясь от всего сердца об оскорбившем и говоря: «Боже, помоги брату и мне, молитв ради его». «Доколе имеем время, будем внимать себе и трудиться тщательно». «Не впади в малодушие, но благодари Бога». «**Не питай вражды ни к какому человеку**. Иначе Бог не будет принимать молитвы твоей. Имей мир со всеми и будешь иметь дерзновение в молитве». «Надо, чтобы ты забыл оскорбления и обиды, нанесенные тебе ближним...» «Сын Божий соделался Человеком, чтобы последователи Его уподоблялись Ему смиренномудрием, нестяжанием, уничиженным положением в мире, перенесением обид и поруганий, беспопечительностью о теле, пренебрежением наветами лукавых демонов. Кто, победив страсти, придет в это состояние, тот — Христов, тот — сын Божий и брат Иисуса». «Господь сказал: АМИНЬ, АМИНЬ, ГЛАГОЛЮ ВАМ: АЩЕ НЕ ОБРАТИТЕСЯ И НЕ БУДЕТЕ ЯКО ДЕТИ, НЕ ВНИДЕТЕ В ЦАРСТВО НЕБЕСНОЕ». «В СМИРЕНИИ СУД ЕГО ВЗЯТСЯ». «Тщательно внимай себе и веруй, что укоризны и бесчестия, переносимые ради Господа, составляют великое приобретение для души твоей, служат ей средством спасения. Претерпевай их усердно, не смущайся. Помышляй, что ты достоин пострадать несравненно больше за грехи свои. Говори себе сам: «велико для меня, что удостаиваюсь

понести эти страдания и огорчения ради Господа. Многие скорби и уничижения, которым подвергаюсь, **соделают меня, может быть, в некоторой степени последователем пострадавшего за меня Бога». Каждый раз, как ни вспомнишь об оскорбивших тебя, не поропщи о них: помолись о них искренно, от души, как о благодетелях, исходатайствовавших тебе великие приобретения». «Бог присутствует везде и видит все». «Уповай на Него Единаго».**

Эти последние слова подчеркнуты в книге Императрицы.

Таковы мысли, таковы чувства, которые воспринимали и переживали члены Царской Семьи, находясь в заключении. По ним видно, какой духовной высоты Они достигли. С такими настроениями Они готовились к последнему испытанию, к подвигу мученической кончины. Закончим выписки словами, подчеркнутыми в книге Великой Княжны Татьяны Николаевны:

«Верующие в Господа Иисуса Христа шли на смерть, как на праздник... становясь перед неизбежною смертью, сохраняли то же самое дивное спокойствие духа, которое не оставляло их ни на минуту... Они шли спокойно навстречу смерти потому, что надеялись вступить в иную духовную жизнь, открывающуюся для человека за гробом».

Мы знаем, что все эти мысли, настроения и духовные устремления засвидетельствованы Царской Семьей всею жизнью и мученической кончиной. В испытании и скорби вера Их росла и крепла...

«Претерпевый же до конца спасется»...

«Блажен яже избрал и приял еси, Господи... Память Их в род и род».

Отец Владимир всегда необыкновенно радовался приезду своих духовных чад, которые особенно чтили Царя. Он тут же восклицал: «Как хорошо, что приехала! Где у нас акафист Государю?!» И следом, как из-под земли, один за другим появлялись люди. И в итоге акафист всегда читала маленькая толпа. Молитва отца Владимира немедленно собирала народ. И что за необыкновенное это было чтение. Батюшка распределял по икосу и кондаку отнюдь не одним опытным. (Акафисты постоянно менялись,

так как отец Владимир, без промедления, получал каждое новое издание). Он передавал книгу и полностью не готовым воспринимать славянский текст. С терпением и любовью батюшка неслышно молился, помогая запинающимся. Среди них были и невзрослые дети. Батюшка никого не исключал. Происходило что-то особенное. Все читающие по слогам тут же начинали читать тверже.

Приснопамятны проповеди отца Владимира, посвященные Государю. Сугубо вспоминаю последнюю, прозвучавшую 17 июля 1999 года. Отец Владимир познакомил всех нас с уникальными документами. Привожу несколько отрывков из публикации «Все должны это знать».

Воспоминания рабы Божией Нины: «В детстве я часто болела. И один раз была даже на грани смерти. Это было в 1963 году. Мне – шесть лет. Родители плакали и молились Богу. Я спустилась на пол и почувствовала сильное головокружение от слабости. В это время к нам пришел не знакомый мне человек и стал говорить родителям, чтобы они молились убиенной Царской Семье о моем выздоровлении. Он сказал: «Вашей отроковице помогут только Царственные мученики!» Понимала, что речь идет обо мне. Он еще настойчивее повторил: «Молитесь, она же умирает!» А я в это время стала терять сознание и начала падать. Он подхватил меня на руки и сказал: «Не умирай!» Затем положил меня на кровать и стал уходить. Мама спросила его – жива ли я. Он ответил: «Молитесь Им, Богу все возможно!» Родители опять заплакали и стали просить его остаться и помолиться вместе. Но он твердо сказал: «Не будьте маловерны!» – и ушел.

Как только мама с отцом обратились с молитвой к Царской Семье, я увидела, что к нам входят какие-то люди. Первым зашел мужчина, за ним – женщина и мальчик с девушками. Все они были одеты в блистающие белые длинные одежды, на головах золотые царские венцы, каменьями украшенные. У мужчины в правой руке было квадратное полотно. Он положил его мне на лицо и стал молиться Богу. Затем Он снял покрывало, взял меня за руку и помог встать с кровати. Я почувствовала себя легко.

Мужчина спросил меня: «Ты знаешь, кто Я?» Ответила: «Врач...» Он: «Я не земной, а Небесный врач. Бог меня к тебе послал. А так – ты больше не встала бы. Ты не умрешь, а доживешь до Моего прославления. Я Император Николай, а это Моя святая Семья. Она мученическим путем пришла к Богу. И назвал всех по именам. Я подошла к Царевичу Алексию и стала рассматривать Его венец. Вдруг моя мама закричала: «Девочка горит!» И родители стали искать воду. Спросила: «Мама, кто горит?» Она кричит: «Отойди от огня, сгоришь!» Сказала им: «Здесь только люди, а огня нет». А папа: «На самом деле, очень большое пламя! Огонь ходит по комнате, но ничего не загорается! Что за чудо?!» – «Не волнуйтесь, это врачи, которые пришли меня вылечить».

А когда Они – Царское Семейство – уходили, я спросила у Государя Николая, как это Они пришли к Богу мученическим путем? И еще: «А что, нельзя просто так взять и пойти к Богу?» Царица Александра сказала: «Не надо, не пугай девочку». А Государь грустным голосом произнес: «Все должны это знать! С Нами такое сделали, что ужасно и говорить!.. Они всыпали Наш прах в бокалы... и пили с удовольствием и злорадством, что так Нас уничтожили!.. Не хочу тебя пугать, пройдет время, и все откроется. Когда вырастешь, то говори людям: пусть Наших останков не ищут, их нет!» Я была еще совсем маленькой, дошкольницей. И Сам Государь явился и исцелил меня.

Второй случай явления Царской Семьи был в 1972 году. Я училась в восьмом классе. У нас в Молдавии постоянно появлялись антирелигиозные лекторы, потому что в селах почти все были верующие. Приезжая дама, которая пришла к нам в класс, была удивлена, что все девочки в платках. Она нам объяснила, что Цари – это наши враги, и не надо бояться, потому что их больше нет! «Царей, – говорила дама, – пора свергать, а исполнять надо заветы Ленина, служить делу марксизма-ленинизма». Наши ребята сказали ей: «Если Царей нет, то Их не ругать надо, а Их надо помнить... За убиенных надо молиться!» И вдруг откуда-то сверху сходит Император Николай со всем

Своим Семейством и говорит приезжей даме: «Кто здесь Царей поносит и хулит?!» Она крикнула: «Горю!» И упала. А Государь Николай взял ее за руку: «Встань, не губить пришел, а спасти». Дама поднялась и с ужасом говорит: «Видела большой пожар, и люди – там!» А Царь сказал: «Это ты не пожар видела, а мучения в аду». Она спросила: «Как в аду? Мы же ад разрушили и песню об этом сочинили». А Он: «Вы не ад разрушили, а дела святые: Царя свергли, храмы порушили, святыни попрали!» Дама спросила: «А Ты кто?» Государь Николай ответил: «Я Тот, кого ты хулила, чье имя поносила». Она сказала: «Как это? Ведь Вас нет в живых! Вас всех стерли в порошок!» А Император Николай сказал: «У Бога Мы все живы». И добавил: «Вот видишь, Меня убили, но Я не убиваю... Иди и покайся!» Она прямо вылетела из класса. Государь подошел к нам и всех благословил. А мне сказал: «А ты доживешь до Моего прославления. Запиши все виденное».

В следующем явлении Государь просил передать духовенству, чтобы оно не верило властям. Пусть иерархи церковные скажут: «Мы не станем признавать подложные мощи, оставьте их у себя, а мы оставим святое имя Государя и предсказания о Нем святых угодников!» «Если эти лжемощи захоронят в Моей фамильной гробнице, то гнев Божий падет на это место и город!.. Пусть мощей Наших не ищут. Скажи священству, чтобы писали святые Наши иконы, и была молитва. Через эти иконы буду вымаливать чудесную помощь. *И на иконах пусть Нас не разделяют, изображают Нас вместе – всю Семью. Имею власть помогать многим... Получу власть помочь всему народу, когда буду прославлен и на земле! И если русский народ принесет подлинное покаяние, Россия процветет на малое время!..»*

В книге всемирно известного ученого Владимира Ивановича Даля «Разыскание о убиении евреями христианских младенцев и употреблении крови их» (Санкт-Петербург, 1844) читаем об этом следующее: *«В 1454 году в Вене казнено несколько евреев за то, что убили ребенка, вынули его сердце, сожгли в порошок и пили его в вине»* (стр. 42).

Об этом же пишет и бывший раввин, обратившийся в христианство, монах Неофит в своей работе: «О тайне крови у иудеев в связи с учением Каббалы» (Санкт-Петербург, 1914): *«Иудеи убивают христиан по трем причинам: во-первых, из адской ненависти ко Христу; во-вторых, для разных магических и каббалистических упражнений, ибо они знают, что диаволу приятна человеческая кровь, а в особенности христианская; в-третьих, из религиозных побуждений (гл. 10). Кровавым порошком или пеплом иудеи пользуются еще 9 июля (ст. ст). В этот день они оплакивают разрушение Иерусалима Титом Веспасианом. По этому случаю натирают кровавым пеплом себе виски (...)*

В этот день все иудеи обязаны есть крутые яйца, посыпанные этим пеплом. Этот обычай носит у них название «Сцидо амафрекес». На первый взгляд удивительно, что соль заменяется каким-то пеплом или порошком. Но этот пепел заменяет собой не соль, а свежую христианскую кровь» (гл. 7).

Недалеко от места сожжения убиенных ипатьевских узников следователь Н.А.Соколов обнаружил скорлупу от полусотни куриных яиц. Остается напомнить, что наш Государь Николай Александрович вместе с Семьей и приближенными во исполнение талмудических предписаний был убит 4 июля (ст. ст.), то есть за несколько дней до обряда «Сцидо амафрекес», а потом был сожжен в прах для окончательного завершения каббалистического ритуала – празднования мести гоям.*

Отец Владимир раздавал паломникам молитвы **о восстановлении престола Царского на Руси:**

Господи, Боже наш, со умилением и воздыханием сердечным вопием Ти: остави роду нашему и нам, многогрешным рабом Твоим, грех отступления от православнаго Царя – образа Небеснаго. Милостивно возстави Царский престол на земли Российской, во избавление нас от всякаго прельщения, злаго обстояния и власти антихристовой. Укажи нам, Господи, избраннаго помазанника Твоего, Царю

* Все должны это знать. Крымский Афон. № 6/1998-1/199.

Давиду подобно, мужа благоверна, по сердцу Твоему. Снабди его, Господи, верою пламенеющей, умом глубоким, волею непоколебимой и всякими дары духовными. Защити нас, Господи Милосердный, и помози соблюстися нам в правоверии непозыблимо, во страсе Божии и почтении к Царю и во всех прочих заповедях. От душетленных же страстей сподоби избавитися и невредимо сохранитися нам. Да прославим Бога в Троице воспеваемаго, Отца, и Сына, и Святаго Духа, Ему же Слава во веки веков. Аминь.

О, Пресвятая Госпоже, Владычице моя Богородице, Небесная Царице! Спаси и избави нас, грешных рабов Твоих, от напрасныя клеветы, от всякия беды и напасти и внезапныя смерти. Помилуй нас в дневных часех, и во утренних и вечерних, и во всякое время сохрани нас стояща, седяща соблюди, и на всяком пути ходяща, и в нощных часех спяща снабди, покрый и заступи. Защити нас, Владычице Богородице, от всех враг наших, видимых и невидимых, и от всякаго злаго обстояния. На всяком месте и на всякое время буди нам, Мати Преблагая, необоримая стено и крепкое заступление всегда, ныне и присно и во веки веков. Аминь.

О Всепетая Мати, рождшая всех святых Святейшее Слово, призри ныне на царство Твое земное, на дом Твой и удел Твой, землю нашу, и умоли Господа Вседержителя, да не внидет в суд с нами, но да подаст нам грехов оставление, от ига бесовскаго свобождение и Святой Руси воскресение, да не престанем присно восхваляти Тя, Пречистая.

Господи Иисусе Христе, Сыне Божий! Молитв ради Пречистыя Твоея Матери Приснодевы Марии, святаго Боговенчаннаго Царя Николая, искупителя за грехи народа Российскаго, святителя Николая, Мир Ликийских чудотворца, святых новомучеников Российских, пострадавших за Веру, Царя и Отечество от богоборческой власти, святых великой династии Рюриковичей и Дома Романовых, святаго пророка

царя Давида и всех святых, – помилуй нас, спаси и возроди Православную Русь Святую! Даруй нам Государя Царя Православнаго – Помазанника Твоего. Прости за отступление от Соборной клятвы вернаго служения избраннику Божиему, родоначальнику династии, Царю Михаилу Романову, из рода в род! Прости, что забыли, что кто будет против сего – проклянется Богом в веке сем и будущем. Прости прародительский грех цареубийства и приими покаяние за грехи наши! Аминь.

Молитва о спасении Державы Российския и утолении в ней раздоров и нестроений

Господи Боже, Спасителю наш! К Тебе припадаем сокрушенным сердцем и исповедуем грехи и беззакония наша, ими же раздражихом Твое благоутробие и затворихом щедроты Твоя. Отступихом бо от Тебе, Владыко, и заповедей Твоих не соблюдохом, ниже сотворихом, яко же заповедал еси нам. Сего ради нестроением поразил еси нас и дал еси нас на попрание врагом нашим, и умалихомся паче всех язык, и быхом в притчу и поношение соседом нашим. Боже великий и дивный, каяйся о злобах человеческих, возводяй низверженныя и утверждаяй ниспадающия! Небесную Твою силу с небесе низпосли, уврачуй язвы душ наших и воздвигни нас от одра болезни, яко наполнишася разслабления чресла наша, яко болим неправдою и рождаем беззаконие. Утоли шатания и раздоры в земли нашей, отжени от нас зависти и рвения, убийства и пианства, разжения и соблазны, попали в сердцах наших всяку нечистоту, вражду и злобу, да паки возлюбим друг друга и едино пребудем в Тебе, Господе и Владыце нашем, якоже повелел еси и заповедал еси нам. Помилуй нас, Господи, помилуй нас, яко исполнихомся уничижения и несьмы достойни возвести очеса наша на небо. Помяни милости, яже показал еси отцем нашим, преложи гнев Твой на милосердие и даждь нам

помощь от скорби. Молит Тя Твоя Церковь, представляющи Тебе ходатайство другов Твоих: преподобных и богоносных отец наших Сергия Радонежскаго и Серафима Саровскаго, Петра, Алексия, Ионы, Иова, Филиппа, святителей Московских, священномученика Ермогена, страстотерпца Царя Николая, страстотерпицы Царицы Александры, Царевича Алексия, Великих Княжен Ольги, Татианы, Марии, Анастасии и верных слуг Их, наипаче святителя Тихона, Патриарха Московскаго, исповедника, преподобномученицы Великой Княгини Елисаветы... и всех святых в земли нашей просиявших, изряднее же Пресвятыя Богородицы и Приснодевы Марии, от лет древних покрывавшия и заступавшия страну нашу. Вразуми всех, иже во власти суть, и возглаголи в них благая о Церкви Твоей и о всех людех Твоих. Силою Креста Твоего укрепи воинство наше и избави их от всякаго навета вражия. Воздвигни нам мужей силы и разума, и даждь всем нам Духа премудрости и страха Божия, Духа крепости и благочестия.

Господи, к Тебе прибегаем, научи нас творити волю Твою, яко Ты еси Бог наш, яко у Тебе источник живота, во свете Твоем узрим свет. Пробави милость Твою ведущим Тя во веки веков. Аминь.

Послушница М.: «В игуменском корпусе я несла послушание гостиничной. Было у меня любимое место – храм Марии Магдалины, где в алтаре молился Царь-мученик Николай II. Здесь, как известно, Он прочитал письмо о будущей судьбе России и безутешно плакал. Я поставила в храме старенькую икону Державной Божией Матери и часто молилась перед ней. Иногда служились молебны Государю. Однажды всю ночь тут молился один проезжий священник. И вдруг в храме заблагоухали стены алтаря, и очень сильно. Духовные лица засвидетельствовали этот факт. Пришел отец Владимир и говорит: «Оставь меня здесь на пару ночей». Утром прибежал в дежурную комнату и радуется, как ребенок: «Совсем не мог спать, всю ночь

нюхал стены. Ты представляешь, здесь же слезы Государя. Здесь Он молился, здесь плакал... Он посетил этот храм, это Его благодать!» Как глубоко батюшка отзывался на святыню».

После смерти отца Владимира раба Божия Ольга из Суворова носила блины рабе Божией Клавдии, которая обитает на могилке блаженной Евдокии, недавно канонизированной. Клавдия ухаживает за этой могилой. Она была тяжело болящая, исцелилась у блаженной. Матушка игуменья благословила ей теплую одежду, и она никуда отсюда не уходит: читает Псалтирь днем и ночью. Ольга принесла ей блины и говорит: «Помяните нашего батюшку Владимира». – «Какого Владимира?» – «Иеромонаха». – «Это который в Дивеево похоронен? Особый батюшка, ему Царь покровительствует. Он волю Государеву творит, я это точно знаю. Когда он умер, пришла на могилу, а на его кресте царская иконочка. Говорю: «Батюшка, сейчас я тебе буду читать канон Царственным мученикам, слушай, батюшка», – она с ним, как с живым разговаривает. – «Прочла канон, а отец Владимир в душу вкладывает свое благословение: «Пойдешь сейчас с молитвой по Канавке. У Царского дерева увидишь молитвослов. Возьми его и читай псалмы на восстановление Самодержавия, специальные Царские псалмы. Какие – тебе будет указано». Пошла я по Канавке, у Царской лиственницы на заборе, что вокруг нее, действительно лежит молитвослов 1913 года, дореволюционный.

И свечами заложены псалмы, несколько мест. Взяла его и до сих пор, до прославления Царя, постоянно читала все отмеченное. Ведь сам батюшка благословил мне такое послушание».

Приснопамятны проповеди отца Владимира, посвященные Государю. В одной из них звучал текст:

«Я была совершенно невоцерковленной, в храм могла зайти только по пути с работы поставить свечи и редко подавала записки.

И вот снится мне сон, как будто с семьей мы приехали в отпуск к родителям на Кубань. Я одна находилась во

дворе. Стояла тихая летняя ночь, небо было ясным, звезды излучали мягкий свет. И вдруг начинается жуткое смятение на небе: звезды падают, мелькают страшные молнии, мечутся Ангелы по небу, полное смятение и хаос! Ужас сковал все мои члены, я хочу бежать в дом, чтобы предупредить моих близких о страшных, непонятных явлениях, и не могу от страха сдвинуться с места, и только одна мысль в голове – конец!

Вдруг на фоне этого ужаса на небе появляется наш Император Николай II в военном мундире, сидящий на троне. Сначала Он появился далеко, потом начал приближаться, все увеличиваясь и увеличиваясь, постепенно закрывая собой весь ужас, царящий на небе.

В голове у меня появляется мысль: «А причем здесь наш Царь?»

Проснулась. Сон был настолько ярким, что я долго ходила под впечатлением всего пережитого. Мне казалось, что я пережила все это наяву. Только очень долго мучил еще вопрос: причем здесь Царь и Небо? Как их совместить?

Теперь, когда я много читала о Царственных мучениках, я глубоко верю, что наш Император закрывает Собой нас от окончательной погибели, и Его молитвами Россия еще как-то держится в этом мире зла и ужаса.

Слезно умоляю нашего великого Царя-мученика простить меня за то, что столько лет я верила той лжи о Нем, которую привили мне с детства. И сейчас, глядя на Его благороднейший, осененный благодатию Божией лик, я глубоко верю в Его святость.

11 ноября 1997 г. Шубина Татьяна».*

«Христово все это – жизнь батюшки и смерть»

Рассказывает раб Божий Геннадий П.: «Нас к вере и в Дивеево привел Батюшка Серафим и Дивеевская летопись. На протяжении семи или восьми лет сюда постоянно приезжаем, со всеми батюшками знакомы. Как знакомы? Подходишь – благословляешься. Знаем их, уважаем, но вот

* Чудеса Царственных мучеников (выпуск четвертый, стр. 186).

близкого, особенного, сердечного контакта не было ни с кем. Только с отцом Владимиром.

Первый раз попал к нему на исповедь, просил его святых молитв, чтобы мне от греха отойти: очень меня к вину тянуло. И батюшка меня к иконе подвел, вместе со мной поклоны перед ней делал, хотя толпа народа его дожидалась. Именно не просто: «Иди, поклончики положи!» – а особенное за душу переживание. И очень это меня тронуло.

Несколько раз я у отца Владимира исповедовался. Однажды, по его благословению, поклоны клал у Батюшки Серафима. И он оторвался от толпы, подошел и рядом со мной стал их делать. Может быть, я с недостаточным сокрушением их совершаю... И сразу ощутил помощь. Ну, это уже его тайны духовные. А перед одной исповедью он развернул меня к народу: «Братья и сестры! Вот раб Божий Геннадий хочет отойти от не угодной Богу привычки, нуждается в помощи. Давайте вместе помолимся о нем и поклонимся!» – и весь народ, здесь бывший, три земных поклона сделал.

И Господь эти батюшкины молитвы слышал – посылал Свою помощь. До сих пор трогает душу воспоминание.

Он всегда самый живой был. И где бы ни появлялся – народ притягивало к нему. То там, то здесь: «Христос Воскресе, православные!» В ответ с подъемом: «Воистину Воскресе!» Всем всегда радостно рядом с ним. Если он останавливался с кем-то в храме, расспрашивал, то сразу советовал что-то конкретное, важное для этого человека, как будто давно его знал. То есть не просто благословил – пошел дальше: остановится, поговорит. Иногда я ловил его взгляд, который был необыкновенным. Казалось, он видит невидимое. Что-то таинственное в этом было. Мы не знаем его духовных подвигов. Он ведь бесноватых отчитывал. Порой такой взгляд сосредоточенный: никого нет, а он пристально смотрит – за грань реального.

Мы сблизились с отцом Владимиром. Дал бы Бог, остался он жив, еще теснее была бы наша дружба. Он сокрушался: «Ну, что не заходите?»

К Государю в Дивеевском монастыре, мягко говоря, сложное отношение. А отец Владимир вел себя так, как

будто Царь занимает здесь первое место (так это и есть – Царская Семья в Дивеево сугубо присутствует). Самые серьезные вещи о Нем говорил. Пришел я к отцу Владимиру домой: везде Царские иконы, фотографии. Батюшка произносил на Царские даты особенные проповеди, просто – пламень. Я после одной растаял. Подхожу к нему, он помазывал: «Батюшка, спаси вас Господи! Как вы всех утешили. Замечательная проповедь!» Он меня помазывает и произносит: «А песню вот эту ты написал Царственным мученикам?» – «Да, Преподобный вразумил, в Дивеево появилась. С благословения Батюшки Серафима Царя славим». Тяжелая жизнь: два раза уже стреляли в нас, до сих пор две пешки в доме от ракеты. Говорю: «Батюшка, а новые-то песни наши слышали? Вот сейчас родилась – «Царь Николай». Целый год все молились, даже некоторые с Афона и наши братия, чтобы Царственных мучеников прославляли песни». – «Не слышали. Ну, приходите, приходите к нам, давайте сегодня». Был поражен и сразу сердцем к батюшке расположился.

Пришел. Уйма гостей. Помолились, поговорили. Я гитару принес и спел ему все песни на Царскую тему. Матушка Ирина в этот вечер рассказала: «Иду по Канавке, стоит народ около Царь-дерева и поет вашу песню». Так радостно! У каждого человека талант, и нужно вернуть его Богу. Пел отцу Владимиру вот в этой келии. И теперь говорю: «Я сподобился в этом месте святом, куда пришел Сам Царь Своей мироточащей благоуханной иконой, – отцу Владимиру сподобился петь наши песни!» Это великое счастье. Царь прославил Преподобного Серафима, и теперь Преподобный Его прославляет!

Нам рассказывают: «Приходим к знакомым, говорим, убеждаем до вечера – бесполезно, а песни поставили – и люди начинают вопросы задавать». Один владыка в руки нашу царскую кассету не хотел брать, едва принял. А через какое-то время приходим на службу, отец Владимир: «Удивительно, получили журнал, владыка высокие слова о Царе говорит, всех призывает к покаянию перед Ним. Почитайте статью».

С целым рядом замечательных отцов и старцев мы

знакомы. Редкая вещь – духовная близость. С отцом Владимиром она возникла. Неслучайно сводит Господь. Его отношение к Царю стало для нас решающим. Прежде не всегда поймешь, кто свой, кто чужой. А сейчас с первого взгляда видно: те, кто Царя не славят, категорически не хотят принимать – с теми все понятно.

Однажды отец Владимир спрашивает: «Ну, как вы здесь живете?» – «Батюшка, да ничего, слава Богу! Только такое искушение: кто-то в Дивеево слухи распускает, что Жанна масонка и жидовка – такие напасти».

А он: «И что же вы?» – «Батюшка, мы сокрушаемся». – «Да? А про меня здесь то же самое говорят и даже колдуном называют». Оторопел: «Да, батюшка?» А он: «За это надо Бога благодарить, и вы благодарите – это самое высокое». Видимо, он никому о себе не распространялся, я это в тот момент ощутил. Но ради нашего искушения, чтобы поддержать: «Когда враг поднимает голову, особенно благодарите Бога за все! **Не забывайте благодарить!**» Это звучало отнюдь не цитатой из книги. За словами стояла сила, заставляющая встряхнуться, что-то переосмыслить, стараться измениться. И я понял, мы не знаем, сколько он перенес. Эти слова нам оставил – на все предстоящее и прошедшее. Дай Бог, и все бывшее свое еще раз обозреть. Все уныние и ропот исповедать и как следует, – поблагодарить, и за самое тяжелое.

Чего только в его жизни не было! Колдуном праведника называют те, кто сами этим делом балуются. Незадолго до его болезни ему подбросили черного ритуального петуха – без головы. Перед революцией открытки выпускали: стоит раввин и держит черного петуха с головой ненавистного для них человека – готовится к жертвоприношению. Масоны и сатанисты всех родов занимаются такими делами. Мне матушка рассказала: «Отец Владимир прибежал из церкви, во дворе стоит целлофановая сумка. Он принес ее в дом, на стул поставил. Я: «Что такое?» А он: «Думал, это твой пакет». Она раскрыла, а там черный окровавленный петух – без головы. Недаром он Царя прославлял, бесов изгонял, безнадежных приводил к покаянию. И другие колдовские штуки против батюшки творили. Такая к нему

была ненависть преисподних сил.

Не забуду, как он мне говорил: «Это же счастье, когда на тебя напраслину возводят, гонение воздвигают!» Я, признаться, в первый раз видел, как человек действительно с радостью терпит, со светлым лицом Бога благодарит за такие, казалось бы, страшные вещи. Читать-то об этом читали. Но вот своими глазами дорого увидеть. **Это его завет всем нам на последние времена.**

Большая тайна стоит за внезапной кончиной батюшки. Господь ведь его на подвиг позвал. Сейчас все принимают эти ИНН-ны, а отец Владимир не благословлял. И тогда, когда мы об этом еще ничего толком не знали. Господь его к Себе взял, чтобы еще более успешно продолжать битву. Государь всех Своих людей объединяет.

Первый раз я икону Царя в Туле увидел, она тогда не мироточила. Всю ночь акафист перед ней читал. Еще не было песни «Царь Николай», мы поехали в Рязань, в богадельню к иеромонаху Ювеналию. Отсюда пришли обе чудотворные Царские иконы: та, которая покрывается кровавыми пятнами и – благоухающая. Здесь Царский храм стали строить, когда в Церкви слух прошел: Государя собираются прославить. Начали – и все заглохло. Мы провели благотворительный вечер, чтобы храм быстрее поднялся. После концерта пришли в богадельню, помолились, и батюшка подарил Жанне золотой червонец с Царем, она на себе его носит. У меня подобная святыня, только серебряная, многие годы не снимаю. Тогда же отец Ювеналий подарил мне икону Государя – точную копию чудотворной, о чем я давно мечтал. Иеросхимонах Ефрем со святой Афонской горы, который благословил создание нашего цикла, подарил икону Царя вышитую.

Во время последней встречи отец Владимир подарил нам большие иконы – копии мироточащей. Мы с Жанной поехали в Тулу с раздумьем: «Кому же отдать?». Вечером молился, и Господь вразумил: «Подарить в храмы». И раздали почти всем настоятелям – четырнадцать икон. Один батюшка тут же в киот ее поставил. Через полдня образ замироточил! Даже на стекле киота появилось

благоухающее миро. Сколько радости было у людей! И сегодня от матушки Ирины, как из рук отца Владимира, царскую икону получил.

Сейчас, в земном смысле, батюшки нет с нами, хотя, конечно, он с нами! И даже хочется сказать: естественно, он с нами! Это не после всякой кончины скажешь. В эти дорогие дни годовщины отца Владимира навестить его приехали, молитвенную связь поддерживаем. К отцу Владимиру на могилку приду, свечи зажгу и прошу: «Батюшка, помолись, поучаствуй в наших делах. Не оставляй!» И понимаю, не напрасно, не на воздух говорю. У него ведь вся могила в записках.

Не забуду одну службу. Иногда смотришь с невольным восхищением на то, что Бог тебе дает увидеть. В Преображенском Дивеевском соборе, как только он открылся, была литургия ночная, служил отец Владимир. Началась Херувимская песнь. Храм высоченный, в небо уходят белые колонны, и священник в алтаре с воздетыми руками. Издали он кажется небольшой, стоит – молится на фоне ночного неба. Окна огромные. За ними буря, порывы ветра и – молнии. Я бы такую картину нарисовал, если был бы художником: стоит священник у престола, молнии сверкают, храм сотрясается. А он в глубоком сосредоточении – весь отдан Богу. Знает то, что мы все время забываем: Господь никогда не оставит нас, если мы будем обращены к Нему всем сердцем. Именно об этом просит. Чтобы не камни мы были, чтобы затрепетали пред Богом наши ожившие души. Этот образ отца Владимира с воздетыми руками – и во всем мире гроза, вокруг содрогание – незабываем. Это ведь о нас и – для нас. Мир христианский сегодня обложен врагами. А он стоит, не опуская рук – молится за всех. Верю, так и есть. Эти руки его, воздетые к Богу в грозу – у меня перед глазами. Во вся дни просит о нас и молит – вот как Батюшка Серафим о нас молил. Сейчас и всегда.

Благодарю, что по молитвам батюшки, мы с матушкой Ириной общаемся, делаем общее дело: прославляем Царя. И главное – правильно Его прославлять: нельзя молиться Государю, как простому мученику. Например, кто-то перед

язычниками не отрекся от Христа, его убили – это мученик. У Государя был наивысший подвиг, увенчанный великомученической кончиной – именно искупление греха русского народа. Клятвопреступление – страшный, тяжко смываемый грех. Кто правильно будет молиться Царю, сам будет спасен и другим в этом поможет. Будем поклоняться Ему, как Искупителю грехов народа русского. Говорят, у нас Искупитель один – Христос. Это мы, конечно, знаем. У нашего Государя – Николая II есть Своя Книга. Как Книга Жизни у Господа, в которой запи-саны имена всех, кто спасется, так у Царя – Своя Книга, где записаны Его верноподданные. Все, кто Ему не изменил тогда, не отрекся от Него. И кто сейчас Его правильно славит, чтит и молится. И тех Он никогда не оставит. Это мне сказал серьезный пастырь, который у престола Божия не один десяток лет стоит. Ему было открыто: у нашего Царя есть Своя Книга Жизни, в ней – все те, кто сейчас вымаливают Россию, как отец Владимир – душу за русский народ полагают. И никогда не примут эти ИНН – все верноподданные люди русские, православные. Царь – образ Божий, живая икона Царя Небесного. Исключительное служение даровано Ему Богом на земле. Исключителен – ни с чем не сравним, Его подвиг... Только с Голгофской Жертвой Христа! Недаром во многих явлениях Господь подчеркивает, насколько Государь Ему близок. В явлении дивеевской старице Ксении Государь сидит на вечери по правую руку Бога, как любимый ученик, сугубый исполнитель Его воли. За два месяца до смерти дивеевской старице, схимонахине Маргарите, приснился сон: Царь на вознесенном Престоле, несметные сонмы святых идут Ему поклониться. Мы на этой святой земле, и дивеевские примеры приходят на память. Им же несть числа.

Я чему-то серьезному научился у отца Владимира. Мы это должны знать, православные. Когда враг идет на прямое убийство, это свидетельство его слабости. Он уже исчерпывает все другие свои возможности сломить, победить Христову душу. Люди идут и идут по пути к Богу, идут и идут – неостановимо, ведомы своим военачальником.

Великое дело, когда есть, кому вести. Христово все это: жизнь батюшки и смерть.

Это был год начала наших песен на Царские, то есть духовные темы. В Москве на праздник Рождества Пресвятой Богородицы поисповедовались, причастились. Вечером к нам два атамана пришли. И вдруг около десяти часов – страшный взрыв. Весь дом осветился белой вспышкой. Тут же милиция приехала, даже не вызывали, потому что взрыв был огромный. Кто-то нанял киллера, и он с восьмидесяти метров, с земли (есть противотанковая ракета, которая даже броню прожигает, термитная) – такой ракетой стрельнул в нас. Мы сидели на кухне. Все было высчитано, сбоку наводил. Перед этим атаманы отходили на балкон курить. Когда все собрались на кухне, прогремел взрыв. Но – восемьдесят метров, а эта ракета, говорят, летит, как стрела, не отклоняется. Ею даже в форточку можно попасть. Она должна была через стекло влететь, а попала рядом – в кирпич, и это ее траекторию чуть-чуть изменило. Главный выплеск термита был на улице, там до сих пор веером сожжены все кирпичи. Она пробила одну стену и ушла между залом и кухней, пробив вторую стену. Мы сидели за чашкой чая – в метре над нашими головами прошла. Ну а потом ФСБ и милиция появились и смотрели на нас чуть ли не со слезами на глазах. Они такие мужики, все повидали, их ничем не прошибешь: «Ну, – говорят, – вы в рубашках родились». Так Божия Матерь нас спасла!

Ситуацию с этим покушением (взрывом) попытались замять. Однажды встретили милиционера, который к нам приходил. Он, видимо, недалеко живет, с собакой гулял, немножко был выпивши: «Ну, как у вас дела?» – «Пока живы, а у вас как дела?» И он: «Да это, знаете, не в вас стреляли». Они все это решили похоронить. «Ну, не в нас стреляли, а влетело-то куда?» Все русские, все с крестами, и наш праздник кто-то хотел по-своему отметить. В общем, пока Государь хранит. Кто знает, как дальше будем спасаться. Но Царь – с нами! Кто-то сказал: «Государь – первый враг диавола на земле». Сильно сказано, и это – истина. Особенно это тем понятно, кто сейчас Ему

всем сердцем служит, как отец Владимир служил. И при Царе было опасно, а сейчас тем более. Один Господь хранит. Молитвы святых. И молитвы отца Владимира. Сейчас никакой охраной, никакой сигнализацией не спасешься. Посмотрим, что впереди. Но главное, будем нашего Царя – все вместе – славить правильно!»

Народное покаяние*

«2/15 марта 1917 года преданный и покинутый подданными, разлученный с семьей, ждавшей и молившейся за Него в Царском Селе, плененный Император находился под Псковом, в поезде на станции Дно. Один. Для духовного укрепления читал Библию, карандашом подчеркивая избранное. Эти Государевы пометки сохранились до сих пор и свидетельствуют о твердой вере в Божий Промысел и Его Защиту: ***«Не бойся, ибо Я с тобой»*** (I Быт. 26, 24), ***«Не бойся, Я твой щит»*** (I Быт. 15, 1), ***«Бог твой есть Бог благий и Милосердый, Он не оставит тебя и не погубит тебя»*** (Второзак. 4, 31)...

В начале 20-х годов святейший Патриарх Тихон писал: «Грех, тяготеющий над нами, – сокровенный корень нашей болезни... Грех растлил нашу землю, расслабил духовную и телесную немощь русских людей... Грех помрачил наш народный разум... грех разжег пламень страстей, вражду и злобу... Нераскаянный грех вызвал сатану из бездны...» Богатейшая Русская империя была превращена в пепел и безжизненную пустыню. Клятвопреступление против Помазанника Божьего стоило миллионов жертв, попавших в безжалостный молох гражданской войны, ГУЛАГа, Великой Отечественной войны и поствоенных репрессий, – ровно столько стоило торжество красных флагов и наскоро намалеванных транспарантов, на которых преобладал один лозунг: «Долой самодержавие». Народ, по крайней мере, в столице, повторил ту самую толпу, которая уже однажды прокричала: «Распни, распни Его! Не Его хотим, но Варавву». Так российский народ, сам того не подозревая, накликал на свою голову страшную чуму...

* Русь державная. № 3, 2005

Всем русским необходимо вразумиться призывом святого праведного Иоанна Кронштадтского, сказавшего: «Если не будет покаяния у русских людей – конец мира близок». Нынешнее покаяние перед Царем – как сигнал к собиранию русского народа в единую семью, как возвращение блудного сына к отцу своему.

«За нарушение клятвы верности царскому роду Романовых, а вместе с тем и Богу, данной русским народом в 1613 году, прости нас, Милосердный Господи!.. За предание истинной веры Православия... За отречение от Бога... верующих родителей...» «Малое стадо» просит у Господа Милости Божией, чтобы будущая жизнь сложилась по схеме: грех – пленение – покаяние – освобождение. Но без глубокого покаяния и непрестанной и горячей молитвы возможно и другое развитие событий: грех – пленение – недостаточное покаяние – Божия кара – гибель большинства и спасение «малого стада». Уверуйте, люди! Уверуйте и стойте крепко в своей вере! Только своими молитвами мы сорвем завесу с тайны беззакония, свершившейся 88 лет назад на станции Дно, чтобы нарицательное дно бездны, куда уготован исход всех живущих на земле грешников, перестало быть близкой перспективой. Страшной явью, по Милости Божией, еще возможной оказаться всего лишь страшным сном.

Просыпайтесь, православные! Пока не поздно выполните все обязательства перед Богом, перед Царем, нашим прошлым и будущим, чтобы твердо и мужественно возглавить исход из сегодняшнего вавилонского пленения, а не усугублять его молчаливым согласием с растлителями России. Нам необходимо вымолить у Господа ту благодать, которая после революционных бурь как бы отступила от России, потому до сих пор в стране все загажено, все замутнено. И как это важно осознать нам, чтобы в новом свете увидеть и себя, и русского Царя, Которого однажды потеряла Россия.

Святые Царственные мученики – заступники и покровители земли Русской – простите, благословите, молите Бога о нас!

Несколько близких отцу Владимиру людей видели необыкновенные сны, в которых Государь говорил с ними о необходимости глубокого покаяния России.

Раба Божия Ксения: «Особенно чтимый мною день убиения святой Царской Семьи был, по милости Божией, отмечен серьезными проповедями отца Владимира, как за всенощной, так и после Божественной литургии. И утешало это подлинное почитание любимых святых и здесь в Дивеево, далеко от Москвы. Недавно услышала от батюшки: «Государь Николай II и Его Августейшая Семья – главные святые, при покаянной всенародной молитве к Которым может быть изменена сегодняшняя ситуация».

17 июля 1999 года получила из рук отца Владимира брошюру, поразившую меня своим содержанием. Кроме особенных свидетельств рабы Божией Нины, посвященных Государю, в этом сборнике были тексты о близящемся приходе антихриста: «Шенгенская зона», «Еще раз о числе 666»...

«И он сделает то, что всем – малым и великим, богатым и нищим, свободным и рабам – положено будет начертание на правую руку их или на чело их; и что никому нельзя будет ни покупать, ни продавать, кроме того, кто имеет это начертание, или имя зверя, или число имени его. Здесь мудрость. Кто имеет ум, тот сочти число зверя; ибо это число человеческое. Число его шестьсот шестьдесят шесть» (Откр. 13; 16-18).

Кол Сандерсон, инженер-конструктор в области компьютерных микросхем*: «...Мы проводили эксперименты над одной женщиной, в спинном мозге которой было подшито несколько микросхем с радиосигналами. До этого она была неподвижна, так как все функции ее организма были нарушены. После нашего вмешательства у нее начали двигаться руки и ноги, мышцы стали управляемы. Мы продолжали работать над усовершенствованием микросхем и сумели добиться контроля над поведением женщины...

Постепенно микросхема становилась плоской, готовой

---

* Из выступления в г. Спохан, штат Вашингтон, летом 1993 года

для имплантации, то есть для введения в организм. Нам нужно было создать очень маленькую микросхематическую пластинку, которая помещалась бы в эпидемиологическую иглу...

Миллионы долларов были израсходованы для того, чтобы определить точку тела, куда нужно имплантировать микросхему, состоящую из 250 000 элементов... Нужно было найти такое место на теле человека, где бы температура быстро менялась. Были установлены два таких места: лоб и правая рука человека.

Над проектом работало множество людей, и они не были посвящены в его конечную цель, часто не знали, чем занимаются другие. Я работал над ресурсом батареи, то есть зарядкой и подзарядкой питания микросхемы. В то время я получил от Бога предупреждение и начал исследовать Святое Писание. Я прочел эти строки: *«И он сделал то, что всем — малым и великим, богатым и нищим, свободным и рабам — положено будет начертание на правую руку или на чело их»* (Откр. 13;16).

В процессе работы над проектом просматривалась его цель – пометить всех людей, живущих на планете. Однажды ко мне подошел государственный чиновник и сказал, чтобы информацию о том, что пластинка готова, я держал при себе. В детских учреждениях Америки уже сейчас есть тысячи детей, которым введены эти пластинки.

Я спросил одного доктора из медицинского центра в Бостоне: что произойдет, если пластинка выйдет из строя? Он ответил, что организм моментально отреагирует: появятся гнойные раны. Откровение 16, 2: *«Пошел первый Ангел и вылил чашу свою на землю: и сделались жестокие и отвратительные гнойные раны на людях, имеющих начертание зверя и поклоняющихся образу его»*.

Еще немного о технологиях. Существует 23 спутника, которые могут считывать информацию даже с таких небольших предметов, как почтовая марка, например. Такой спутник способен прочесть всю информацию, заложенную в ваш лайсенс, и это он будет делать каждые 19 минут.

Существуют спутники новой серии ЛИО, контролирующие все с низкой высоты. Они настолько чувствительны, что определяют изменение температуры тела человека с точностью до 0,4 градуса по Цельсию. От них никуда невозможно скрыться.

Сейчас стремятся объединить вашу кредитную карточку и дебет-карту воедино. Вице-президент США считает, что каждый человек страны должен быть охвачен этой системой, иметь при себе **смарт-карту**. Это идет подготовка к введению пластинок под кожу.

Если вам будут представлять новую систему идентификации, не принимайте ее! Уже отпущено 500 миллионов долларов для внедрения подкожной идентификации. Мы не сможем контролировать всех людей, если не идентифицируем их, то есть не пометим их. Уже сегодня есть десятки тысяч людей, которым несколько лет назад ввели подкожную пластину. Скоро это охватит весь мир. Святое Писание говорит о едином правительстве, и что начертанием будут отмечены все люди, **кроме тех, кто не захотят изменить Христу**.

Не случайно ЦРУ имеет программу о христианах, которая создана, чтобы скомпрометировать их через движение Нью-Эйдж. **Истинные христиане будут гонимы**.

Сегодня осуществляется переход к безналичному обществу (наличные деньги будут изъяты из оборота). Европейское Сообщество уже разработало план для этого.

Свое официальное существование это Сообщество начало 1 января 1993 года. В него входят 12 стран Европы. Это будущий центр мирового управления. Мы находимся на пороге того периода, когда людям будет ставиться начертание зверя. И трагедия некоторых христиан будет заключаться в том, что они не увидят, когда начнется власть антихриста. Нам необходимо здраво оценивать обстановку, чтобы не оказаться вовлеченными в систему сатаны. **Пробудитесь!**»

Недавно в своем выступлении на Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви митрополит Одесский и Измаильский Агафангел отметил: «Нам необходимо осудить глобализацию как антихристианское явление, веду-

щее к созданию во всем мире единого царства антихриста, осудить цифровое кодирование людей, как основу глобализации, осудить внедрение биометрических документов и вживление микрочипов в человеческое тело, как покушение на богоданную свободу человеческой личности».

Не скажу, что набор свидетельств о близгрядущем антихристе был для меня совсем новым. Но факты этих документов поистине ошеломляли. Кончила читать к половине третьего ночи. Из души вырвались невольные слова молитвы: «Милостивый Господи, что же это за ужас! Какие сверхчеловеческие силы брошены на то, чтобы уничтожить Россию – Православие, самое имя русских, а мы, христиане, в таком слабом, бездейственном состоянии. На нас идет лавина, а мы как будто дремлем... Нужно же что-то делать... Боже мой, смилуйся над Россией!» В те минуты я с редкой болью ощущала, как мало и слабо мы молимся, бездеятельны, как неглубоко страдаем за Родину, погибающих близких, самое себя.

Сколько я еще не спала – не знаю. Заснула и вижу сон. Не сомневаюсь, что получила эту милость только по святым молитвам отца Владимира. В России война. Меня ведут по быстро темнеющим улицам. Нигде ни единого огня. Глубина улиц дышит опасностью и угрозой. Но не страшно – я под охраной Небесных Сил Бесплотных. Меня ведут в штаб-квартиру военных действий. Входим. Слышу о предстоящей высокой аудиенции – сейчас я предстану перед Государем и Государыней. Не верю сама себе. Неужели сейчас увижу тех, кто безгранично для меня велик и дорог? С сильнейшим волнением: «ведь я недостойна!» – переступаю порог. Склоняюсь в поклоне, касаясь правой рукой пола. Со страхом и трепетом поднимаю голову. На меня приветливо смотрят два светлых знакомых лица – Государь Император Николай II и Государыня Императрица Александра Феодоровна. Поражают необыкновенные доброжелательность и простота. Забытая нами учтивость. И удивительное, раскрепощающее чувство: Они меня давным-давно знают, будто с детства, и так, как могут знать только самые близкие – мать... которой у меня давно нет.

С благоговением смотрю на Государя, Который что-то живо и светло говорит мне. Улыбается. Глаза синие, большие, затенены сокровенной заботой-печалью, так глубоко не внешней... Глаза человека, который знает то, что нам неизвестно, и несет бремя непомерно серьезной ситуации, за которую Он отвечает. Пытаясь передать выражение этих глаз, чувствую явную свою недостаточность, столь большое, невысказываемое впечатление производит то, что их наполняет. Серый военный китель, перетянутый ремнями – весь облик легкий, стройный. Государь без царских регалий, но безусловно, что Он – Главнокомандующий.

Государыня в бледно-сером закрытом платье, с прекрасным и, я бы смела сказать, изможденным лицом. Выражение, которое освящает лики святых после ночи слезной молитвы. Скорбное знание (о грядущих событиях?)... Позже это выражение напомнило мне слова из Ее письма: «Помолимся о забывающих молиться и о всех людях»*. Думая об этом, хочется плакать: «Государыня-матушка, как тяжко молиться о нас, забывающих молиться по-настоящему. Но именно этому Ты учила Своих детей, а теперь всех нас, так как являешься Матерью всей России, как Государь продолжает быть ее Отцом».

Быть может, от переживаемого волнения (и тайного детского восторга) – ничего не запоминаю из сказанного мне в начале. Первая фраза, которую отчетливо помню: «Не могли бы вы поискать среди ваших близких художника, который захотел бы отдать силы служению Царскому делу?» Всеусиленно пытаюсь вспомнить нужное лицо (для этих людей – нужно сделать все! отдать все!) – никого не припоминаю. Склоняю голову перед Их Величествами и горячо обещаю, что этим немедленно займусь**.(см. стр. 466)

Сразу же после первых приветливых фраз и небесного дара доверия, которым меня совершенно незаслуженно

* «Прежде всего научись любить Бога всеми силами души, и Он всегда будет с тобой. Молись Ему от сердца. Помни, что Он все видит и слышит. Он нежно любит Своих детей, но они должны научиться исполнять Его волю». Из письма Государыни старшей дочери. 1905

окружают, – Государь приглашает за стол. Размещаемся на стульях. Государыня сидит на небольшом диване, придвинутом к этому же столу. Остаюсь под впечатлением Ее непрерывной сосредоточенной молитвы. Обстановка кабинета собранная, строгая, вещи старинные, но простые – никакой роскоши.

Несмотря на то, что все мое восприятие необыкновенно обострено и слушаю со всецелым вниманием – проснувшись, многих конкретных слов восстановить не могу. Только понимаю: все, о чем говорил Царь, уже без единой улыбки – было бесконечно важно для Него. И в высшей степени важно для меня: вызывало глубочайший внутренний отклик. (Речь шла о серьезности сегодняшнего положения в стране и о взволновавшей меня теме близящегося антихриста). И последняя фраза, запечатлевшаяся во мне с большой ясностью: «Мы с Государыней просим вас передать вашим друзьям и знакомым: **необходимо позвать людей, которые могли бы посвятить себя служению Богу, Царю и Отечеству в это апостасийное время**». ✓

В тот миг, когда внимала стоящему напротив меня Государю – сознавала всю значимость этих слов. Во всем облике и выражении лиц Государя и Государыни в этот момент было что-то особенное, глубоко содержащее, очень большое.

Была взволнована до глубины души, как будто приобщилась внутренним невысказанным страданиям этих необыкновенных людей. И живу с новым знанием о необходимости для России преданных верноподданных, способных отозваться на призыв Царя.

И сейчас, как тогда, испытываю чувство глубокой вины перед нашими Небесными покровителями. Мы здесь в суете забот о своих, нередко преувеличенных, потребностях,

---

**(стр. 465) Вспомнила в связи с этим явление, в котором Царь просит, чтобы писались иконы и была молитва. «Через эти иконы буду вымаливать чудесную помощь». Это слово Николая II обращено ко всем талантливым людям, которые способны этот зов воспринять. Ведь не одной иконописью можно послужить Царскому делу. Как дороги будут всем пейзажи, навеянные святыней царских мест, исторические полотна. Как прекрасны, например, фотографии, где Государь благословляет иконой несметное коленопреклоненное русское войско.

сытости, покое. **А Они продолжают приносить Себя в жертву за Россию** – в великом напряжении, в безмерном духовном подвиге трудов и молитв о нас, недостойных. И Государь – во главе Священной войны за спасение страны.

Так знакомо это светлое сочетание слов: Бог – Царь – Отечество. Но на самом деле, сколько сейчас тех, кто служит Богу лишь по букве, не желая признать очевидную святость великомученика Государя Николая II и Его Семьи. Сколько, именующих себя патриотами, радетелей за благоденствие Родины – без Бога. Для них портрет Царя вместе с отечественным гербом – не более умелого антуража. Страницы лжепатриотических изданий пестрят рекламой рок-звезд, разврата, магии. Может ли любящий Родину содействовать ее демонизации?! Ее гибели!?

Государь сказал всем нам, еще не потерявшим стыд, совесть и честь, что только в служении триединству – Богу, Царю и Отечеству – путь нашего спасения. Он призвал нас к действию. Мы должны подъять труд, ради приближения дня канонизации наших главных молитвенников, наших первых заступников – перед лицом неуклонно разверзающейся под нами бездны. В одном из последних явлений Он сказал: **«Передай священству... имею власть помогать многим... Получу власть помочь и всему народу, когда буду прославлен и на земле. И тогда Россия процветет на малое время»**.

Во мне и сейчас с особенной силой звучит это слово: то есть речь идет не о внешнем исполнении каких-то обязательств – о священном долге каждой живой русской души (вне зависимости от национальности). О спасительном, высоко духовном содержании любой деятельности, ради жизни России. Государь произносит и сегодня: **«Почему Мне так мало молятся?»***

Отец Владимир говорил, что кроме молитвы необходима реальная деятельность для того, чтобы осуществилось

---

* Многие люди, если заговорить с ними о Царе – светлеют, лица их обретают необычайно теплое выражение; конечно, не отдавая себе отчета, они слышат молитвы Государя о себе. Но на вопрос: «А молитесь ли вы Царю?» отвечают: «Да нет» или: «Читаю акафист в памятные дни». Но этого совершенно недостаточно.

наше покаяние перед Царской Семьей. Каждому голос души подскажет направление труда, на который способен именно он.

Сейчас, как никогда, – все силы преисподней истошно борются за низведение во ад заживо нашей Родины – последнего оплота Православия на земле. От судьбы России, как известно, зависит будущее всего человечества. Помню, в начале церковного пути меня поразила святоотеческая мысль: весь мир созиждется в руке Божией только ради верующих, желающих спасения, и тех, кто способен еще покаяться и войти в лоно Православной Церкви. Никакого иного смысла существования – вселенная не имеет. Значит, первое наше дело: укрепление собственной веры, углубление покаяния, личного и наших ближних, поставленных Богом с нами рядом. ✓

Виктор С. свидетельствовал, что перед лицом Государя он ощутил себя в потоке Его глубокой отцовской Любви. «Мне было открыто, – пишет он, – что этот дар Христовой Любви дан Государю по отношению к каждому из Его подданных». В свете этой всеподлинной, ничем нами не заслуженной, проливаемой с небес на нас, грешных, Любви – мы должны принести Царю сугубое покаяние. Не так, как рассуждают некоторые: нас тогда не было, в чем же каяться? А каяться всем существом.

Отец Владимир неустанно повторял: начнем с того, что наше покаяние поверхностно, неистинно, теплохладно. Мы, как правило, не требуем от себя глубокого изменения своей жизни в соответствии с христианскими заповедями, как будто хорошо нам известными. Есть среди нас даже и такие, кто приходит из храма и включает телевизор (чтобы получить дозу наркотика из преисподней?!) Немалое количество христиан считает допустимым участвовать в телешабашах и только обещает себе расстаться с личным гипнотизером. Они отпускают своих детей на дискотеки и шоу, покупают им «Интернет» и так далее и тому подобное... Позволяют все то, что для христиан было всегда недопустимо, стыдно, грешно. И не считают, что нужно жизнь свою положить на то, чтобы не отпустить своих дорогих катиться по дороге, неуклонно влекущей вниз.

До сих пор мы не все покаялись в бывшей у нас приверженности к душепагубным идеям – вере в марксистско-ленинскую и прочие лжеидеологии. Мы вступали в пионеры, комсомол, партию... а ведь бесы, сохраняющие каждое наше слово, напомнят нам на мытарствах весь наш вольный-невольный атеизм, засвидетельствованный нашими ответами на уроках истории в школе, на лекциях богоборческой философии в институте. То, что мы отмечали победу духа тьмы над собою – празднуя дни 7 ноября, 8 марта, 1 мая. Имеем неперечислимое количество вин перед нашим Государем. Мы читали и верили клевете омерзительных книг о Царской Семье, беспримерных литературных фальсификаций, типа лже-дневников А. Вырубовой, писем Г.Е. Распутина и тому подобного. На нас грех наших непокаявшихся отцов и дедов – они безмолвствовали или соучаствовали, когда предавали Царя – и вслед за Ним всю Святую Русь вели на Голгофу. Мы утратили страх Божий и руководились страхом иудейским всю свою жизнь. Сколько раз мы не защитили Царя, даже любя Его в глубине души, когда при нас Его хулили, злословили, унижали. Мы не хранили верность той России, которую созидал всеми трудами и муками своей святой жизни – Царь. Своими руками мы строили Россию – никогда не существовавшую. Матушка Надежда, последняя монахиня Марфо-Мариинской Обители Милосердия, говорила: «До революции Бог везде был во главе жизни: дома, на улице, на работе...» И в последующей паузе звучало: «а теперь жизнью руководит – дьявол». Мы все сознательно или полуосознанно приложили руку к тому, чтобы вместо нашей Родины возникла эта страшная реальность, в которой мы все погибаем.

Покаяться перед Царем – значит по-настоящему принести покаяние Богу. Истинный Государь есть «образ одушевлен Царя Небесного», по слову Максима Грека. Заносили удар над Царем, но на самом деле еще раз мечтали освободить себя от присутствия на земле Бога. И освободили себя от понятий совести, целомудрия, долга, чести, ответственности за свои грехи и пороки; выпустили на волю неистовство всех поддонных страстей, кровавый культ насилия, жестокости, немыслимых форм зла, предатель-

ства, разврата, ведьмовства, наркомании, всепродажности – осуществили невиданное поругание и уничижение Божественного замысла о вселенной и человеке.

Подписывая смертный приговор главному Богоносцу – Помазаннику Божию, руководившему страну ко спасению, они надеялись уничтожить и весь богоспасаемый народ, каждую душу, еще не погибшую для Бога, сотни миллионов людей, через которых осуществлялся святой замысел о Царствии Небесном для великого народа великой Российской державы.

Покаяться в своем отступлении – значит признать, наконец на деле, наше желание опять руководиться Богом. Возрыдать, исповедуя то, что, отринув имя Святой Руси, – мы пошли поклоняться и служить врагу Божию, ненавидящему Творца и нас всех – Его детей – лютой ненавистью. Как неустанно призывал нас к углублению покаяния перед Государем отец Владимир.

Помню белого, как лунь, согбенного старца – схиархимандрита Серафима (Тяпочкина). Физического голоса, кажется, уже не было – остался шелест, но было внятным каждое слово. Невозможная тишина. Переполненный храм безмолвно плакал. Малословная проповедь. Батюшка говорил о предательстве Господа. Весь последующий смысл проповеди можно вложить в два слова: «Ведь мы же – иуды! Мы все – иуды...» И слезы по впалым щекам – не каплями – потоками, двумя ручьями струились с бороды на амвон. Пережитое в те минуты не поддается описанию... Это и есть – слово о нас – о России. И мы считаем, что не совершили в жизни смертных грехов?!

Как не прекращается распятие Спасителя, так длится убийство, начатое в 1918 году в Ипатьевском доме. Как длится гражданская война – девятый десяток лет... – на нашей земле. Война за то, принадлежать ли стране – Свету Божию или – тьме кромешной.

Отрицает безусловную святость Царской Семьи тот, кто стоит за «общечеловеческие» ценности, интернационализм, всеобщий экуменизм, всемирное правительство... тот, кто всеусиленно приближает день пришествия в этот мир антихриста.

Боже, подай нам силы воспользоваться простертой к нам с Небес помощью и защитой – святым заступлением Царственных страстотерпцев избежать десятого вала преисподних сил, готового поглотить последнее, что от нас осталось.

Одно предстательство великих, давно прославленных Богом, святых способно утолить гнев Божий, иначе он заслуженно прольется на нас – повторив, в худшем варианте, дни всемирного Потопа.

Бог всегда – даже и сейчас – хочет помочь нам. Но – не может, так как мы не очищены подлинным покаянием для принятия этой благодати.

Святые Царственные мученицы, молите Бога и вымолите нас, всепрегрешивших перед вами!

Господи, подай нам Твои силы, молитвенным предстательством святой Царской Семьи, – принести Тебе подлинное, нелицемерное покаяние, способное перевернуть жизнь кающихся. Единственное, что поможет нам канонизировать* любимых святых и воскресить Россию.

P.S. Мы недостаточно углублены в пророческое слово Серафима Роуза: «Сейчас уже позже, чем вы думаете». Услышим же его хотя бы в неоднократно повторенных (в разных явлениях) словах Императора Николая II: «У Меня ведь совсем мало времени осталось». «Времени осталось очень мало».

---

* Сегодня она, кажется, осуществлена. Но та ли это канонизация, которой ждали от нас на Небе?! Русский народ по-прежнему в большинстве своем – не раскаян в грехе цареубийства. Службы в Царские дни – в редких храмах. Даже молебен святым страстотерпцам почти нигде нельзя заказать: не принимают. Что призываем мы сами на свою голову?!

ПИСЬМА, ПРОПОВЕДИ, СТАТЬИ

Дневниковые записи отца Владимира сохранили наброски к проповеди, посвященной Страстям Христовым.

Проповедь на Пассии

Христос умер – Человеком на Кресте. Умер – от нашей ненависти, от ненависти мира. Отец послал Его, чтобы Сын взял на Свои плечи всю ответственность перед Ним за отпадение человека от Творца.

Это значит, дорогие братья и сестры, что когда мы пытаемся заступиться за человека, оказать ему реальную помощь – молитвенную, мы должны быть готовы к тому, чтобы следовать за Христом – до конца, чтобы понести все, что понес ***Он: вплоть до Крестной муки****. А чтобы сие, в меру наших слабых сил, исполнить, мы помолимся, чтобы Господь помог нам стать способными позабыть себя ради другого.*

...Приближается Страстная седмица. И вот, хотя бы в оставшееся время, – не отвлечь бы себя «неотложными» делами. Чтобы ***как бы*** *не заметить центра нашей сегодняшней жизни – Крест. И на Нем – Он. А ведь* ***нельзя отвести глаз****, ибо, если я человек, я не могу не смотреть – не видеть...*

И вот тогда, когда мы, пересилив трусость учеников, убежавших от Него, покаемся в подобном грехе – сокрытия себя: своих глаз, сердца, нервов... Покаемся в том, что и мы, будучи в толпе, окружавшей Крест, делали вид, будто ***не замечаем Его муки, Его крови! Его Смерти...*** *Сей грех есть грех –* ***отделение*** *себя от Бога. Отделения – от человека... Святой Антоний сказал, что мы грех очень редко воспринимаем как смерть (т.е. тем, чем он является на самом деле). Наши грехи, в итоге нашу смерть, – Бог взял*

на Себя, и как часто мы живем, будто этого не произошло. Мы плачем обо всем, только не о том, что умираем в кольце ***отчужденности – от Бога****. От Крещения. От Правоверия!*

И только Любовь-жалость разрывает это кольцо. Заплакать... ***Плач*** *– этот призыв к плачу доносится к нам от святых. Недаром преподобный Иоанн Лествичник в основу нашего спасения положил плач, а Преподобный Серафим –* ***Любовь к ближнему и Жалость-в-плаче об отпавшем от Бога человеке.***

И уж если мы не в силах отвергнуться, забыть себя, чтобы взять свой крест и идти за Ним, то как бы остановимся у обочины дороги, по которой идут любящие Его, как Петр.

Пост Великий как раз и служит для того, чтобы мы, ограничив себя, воздерживаясь от того, что есть – преходящее, необязательное, заставили себя взглянуть на Крест! ***Не отвести глаз.*** *И убедиться, что* ***есть настоящая Любовь.***

И всей жизнью своей поблагодарить Господа за Его язвы гвоздинные – за нас, за наши грехи...

Батюшка никогда не заботился о внешней красоте слов. Его проповеди потрясали, потому что он произносил их – обнаженным сердцем. Он говорил не ради того, чтобы вызвать у нас в воображении какие-то образы. Говорил о том, чем жили его ум, сердце, душа (чтобы они ожили и в нас), о том, чему следовал он сам – отдавая все силы. Это он требовал от себя – следования за Христом – до конца... И умолял Господа дать ему ***«позабыть себя ради другого»***, ибо ***не мог отвести глаз от Распятого***. Бог исполнил все желания батюшки и просьбу «понести все» вслед за Христом – вплоть до страшной муки. Бог дал ему это и ради нас, чтобы мы все-таки устыдились постоянного «сокрытия себя: своих глаз, сердца, нервов». Ибо до сих пор мы делаем вид, будто не замечаем Крови, обагряющей Крест – ведь Он и сегодня – ***в центре*** жизни человечества. В центре жизни России – живым Распятием в селе Державино Оренбургской области. Подобного не было

за два последние тысячелетия – икона источает потоки – человеческой крови, освидетельствованной медициной. Господи, молитвами отца Владимира, дай нам понять главное, что нам хочет сказать Бог, не дай отвести глаз.

Из подборки отца Владимира для проповеди на день святых жен-мироносиц:

«Сегодня перед литургией я задумался о великой Любви жен-мироносиц, превзошедшей даже мужество апостолов» (старец Паисий Святогорец).

Деятельность Марфо-Мариинской Обители была в русле традиций благотворительных заведений, распространенных на Святой Руси. Еще в уставе святого Князя Владимира упоминается о больницах, лекарях, странноприимцах, гостиницах, богадельнях, о слепце, хромце, калеке, вдовицах, питающихся от Церкви Божией. О святом Владимире известно, что он даже велел развозить на телегах брашна с возгласом: «где больний и нищ не могий ходити?» В завещании Владимира Мономаха своим детям: *«Молю вы ся: не забывайте трех дел тех (покаяния, слез, милостыни), всего же паче убогих не забывайте, но елико могуще по силе кормите и придавайте сироте, и вдовицу оправдите сами, а не вдавайте сильным погубити человека».*

Великая Княгиня Елисавета Феодоровна: *«Безнравственно утешать умирающих ложной надеждой на выздоровление, лучше помочь им по-христиански перейти в вечность».* Великая Княгиня Елисавета желала воспитать сестер милосердия, которые были бы способны оказать духовную помощь уходящим в иной мир. Привести их к раскаянию и желанию приобщиться святых Христовых Таин.

«Подобие Божие может быть иногда затемнено, но оно никогда не может быть уничтожено», – говорила Она. *«Ныне трудно найти правду на земле, затопляемой все сильнее греховными волнами; чтобы не разочароваться в жизни, надо правду искать на Небе».*

Митрополит Анастасий: *«Она способна была не только плакать с плачущими, но и радоваться с радующимися, что обыкновенно труднее первого... Она лучше многих инокинь соблюдала великий завет святого Нила Синай-*

ского: «Блажен инок, который всякого человека почитает как бы богом после Бога». Найти хорошее в каждом человеке и «милость к падшим призывать» было всегдашним стремлением Ее сердца».

«Какая глубокая любовь. Нет того горя, нищеты, того зловония душевного и телесного, невероятных страданий, которые остановили бы неземную любовь этих сестер» (диакон С. Иванов).

Великая Княгиня Елисавета: *«...нужно, чтобы дети состоятельных родителей с раннего детства знали и помнили, что есть еще дети и очень бедных родителей, которые не имеют не только комфорта в жизни, но даже нуждаются в необходимом, и что долг каждого человека... помочь этим несчастным, ни в чем не повинным детям».*

«...Идти работать в дома богатые и убогие, в деревни наши темные, бедные и скорбные, где деятельность сестер так нужна, чтобы спасти простую женщину от нахлынувшей на нее мути безверия».

Из письма в годы революции: *«Я испытываю такую глубокую жалость к России и ее детям, которые в настоящее время не знают, что творят. Разве это не больной ребенок, которого мы любим во сто крат больше во время его болезни, чем когда он весел и здоров? Хотелось бы понести его страдания, помочь ему. Святая Россия не может погибнуть. Но Великой России, увы, больше нет. Мы... должны устремить свои мысли к Небесному Царствию... и сказать с покорностью: «Да будет воля Твоя».*

Монахиня Надежда вспоминает день ареста своей духовной матери: *«...И повезли Ее. Сестры бежали за Ней, сколько могли. Кто прямо падал на дороге... Когда я пришла к обедне, то услышала, что диакон читает ектенью и не может, плачет... И повезли Ее в Екатеринбург с каким-то провожатым, и Варвара с Ней. Не разлучились... Потом письма нам прислала, батюшке и каждой сестре. Сто пять записочек было вложено, и каждой по ее характеру. Из Евангелия, из Библии изречения, а кому от Себя. Она всех сестер, всех Своих детей знала...»*

Узнав о случившемся, Патриарх Тихон пытался через различные организации, с которыми считалась новая власть, добиться освобождения Великой Княгини. Но старания его оказались тщетными.

Последние письма преподобномученицы Великой Княгини Елисаветы отец Владимир дарил своим духовным детям.

«Господи, благослови.

Да утешит и укрепит всех вас Воскресение Христово. В 6 часов проехали Ростов, вечером Троице-Сергиеву... Да сохранит нас всех с вами, мои дорогие, преподобный Сергий, святитель Димитрий и святая Евфросиния Полоцкая. Мы очень хорошо едем. Везде снег.

Не могу забыть вчерашний день, все дорогие милые лица. Господи, какое страдание в них, о, как сердце болело. Вы мне стали каждую минуту дороже. Как я вас оставлю, мои деточки, как вас утешить, как укрепить? Помните, мои родные все, что я вам говорила. Всегда будьте не только мои дети, но послушные ученицы. Сплотитесь и будьте, как одна душа – все для Бога, и скажите, как Иоанн Златоуст: «Слава Богу за все!»

Я буду жить надеждой скоро опять быть с вами, и хочется всех найти вас вместе. Читайте вместе послания Апостолов, кроме Евангелия. Старшие сестры, объединяйте сестер ваших. Просите архим. Тихона «цыпляточек» взять под свое крылышко. Устройте его в моей средней комнате. Мою келью – для исповеди, и большая – для приема.

Если нигде не будет опоздания, тогда на пятый день только прибудем. Екатерина вернется скорее к вам, все расскажет, как мы устроились. Нам даны очень милые Ангелы-Хранители. Мало спали, потому что думы, думы ползут. Спасибо за провизию. По дороге достанем еще. Стараюсь читать преподобного Сергия. У меня с собой Библия, будем читать, молиться и надеяться.

Ради Бога, не падайте духом. Божия Матерь знает, отчего Ее Небесный Сын послал нам это испытание в день Ее праздника.

«Господи, верую, помоги моему неверию». Промыслы Божии неисповедимы».

«Господи, благослови.

Дорогие мои детки, слава Богу, что вы причащались: как одна душа, вы все стояли перед Спасителем. Верю, что Спаситель на этой земле был с вами всеми, и на Страшном Суде эта молитва опять станет перед Богом, как милосердие друг ко другу и ко мне.

Не могу выразить, как я до глубины души тронута, обрадована вашими письмами. Все без исключения вы мне написали, что будете стараться жить так, как я часто с вами об этом говорила.

О, как вы теперь будете совершенствоваться в спасении. Я уже вижу начало благое. Только не падайте духом и не ослабевайте в ваших светлых намерениях, и Господь, Который нас временно разлучил, духовно укрепит. Молитесь за меня, грешную, чтобы я была достойна вернуться к моим деткам и усовершенствовалась для вас, чтобы мы все думали, как приготовиться к вечной жизни.

Вы помните, что я боялась, что вы слишком в моей поддержке находите крепость для жизни, и я вам говорила: «Надо побольше прилепиться к Богу. Господь говорит: «Сын Мой, отдай сердце твое Мне, и глаза твои да наблюдают пути Мои». Тогда будь уверен, что все ты отдашь Богу, если отдашь Ему свое сердце, т.е. самого себя.

Теперь мы все переживаем одно и то же, и невольно только у Него находим утешение нести наш общий крест разлуки. Господь нашел, что нам пора нести Его крест. Постараемся быть достойными этой радости. Я думала, что мы будем так слабы, не доросли нести большой крест. «Господь дал, Господь и взял». Как угодно было Богу, так и сделалось. Да будет имя Господне благословенно навеки.

Какой пример дает нам святой Иов своей покорностью и терпением в скорбях. За это Господь потом дал ему радость. Сколько примеров такой скорби у святых отцов во святых обителях, но потом была радость. Приготовимся к радости быть опять вместе. Будем терпеливы и смиренны. Не ропщем и благодарим за все.

*Я читаю сейчас чудную книгу святого Иоанна Тобольского. Вот как он пишет: «Милосердный Бог сохраняет, умудряет и умиротворяет сердечно предавшихся Его святой воле – всякого человека, и теми же словами поддерживает и укрепляет его сердце, – не преступать воли Божией, внушая ему таинственно: ты находишься всегда со Мной, пребываешь в Моем разуме и памяти, безропотно повинуешься Моей воле. Я всегда с тобой, с любовью смотрю на тебя и сохраняю тебя, чтобы ты не лишился Моей благодати, милости и даров благодатных. Все Мое – твое: Мое небо, ангелы, а еще больше Единородный Сын Мой «твой есмь и Сам Я есмь твой и буду твой, как обещал Я верному Аврааму. Я твой щит, награда Моя велика вечно на веки веков» (Бытие). **«Господи мой, ведь Ты мой, истинно мой... Я Тебя слышу и слова Твои сердечно исполнять буду»**. Скажите эти слова каждый день, и вам будет легко-легко на душе.*

«Надеющиеся на Господа обновятся в силе, подымут крылья, как орлы, потекут и не устанут, пойдут и не утомятся» (Исаия). «Господи, верую, помоги моему неверию». «Дети мои, станем любить не словами или языком, а делом и истиной» (Послание).

Благодать Господа нашего Иисуса Христа с вами, и любовь моя со всеми вами во Христе Иисусе. Аминь. Ваша старая богомолица и любящая мать во Христе.

Матушка»

Из записок отца Владимира о самарской блаженной: Схимонахиня Мария: «Спешите сеять!..»

«Истинных блаженных и Христа ради юродивых бывает мало. Истинные блаженные узнаются по не объяснимой на словах чистоте и святости взора, проникающего в сердце человека, по образу их жизни и в особенности по неподражаемой речи, которая у всех одна... блаженные имеют уже на земле духовные очи, ведающие явно духов злобы и Ангелов» (Летопись Серафимо-Дивеевского женского монастыря).

...Блаженная Мария Ивановна в Дивеево. Небольшого роста, бледненькая, сосредоточенная – *в себе для Бога*. Узелок в руках. И девяносто лет.

...Терпеливо ждет под епитрахилью. – «Господь и Бог наш Иисус Христос благодатию и щедротами Своего человеколюбия, да простит тя, рабу Божию Марию...» И сама вымаливает у Бога прощение ищущих у нее помощи и совета, и благословения. Облепленных тиной мирских соблазнов и не наученных определять пользу горького опыта житейских невзгод. Многие любят ее. Другие не то, что не знают даров Божиих блаженной – не хотят знать и боятся обнаружить через встречу с Божиим человеком проблему, которую требуется разрешить с волевою решимостью. Решимостью отказаться от греха. Дело известное. Смотрите по сему поводу Евангелие от Матфея, гл. 8, 28-34: о встрече Господа нашего Иисуса Христа с земляками гергесинских бесноватых.

Иные блаженных побаиваются, вдруг грехи откроет, да еще при свидетелях. Один боголюбивый паломник от блаженной Любушки, ныне покойной: «Душа моя, – говорит, – сосуд, мерзостями до краев наполненный. Чего ж я блаженную донимать стану. Вот к матушке Рахили в Киеве приехал, поклонился, а она, и не глядя на мое недостоинство, при битком набитой народом келье возьми и обличи в давно забытом грехе».

...Мария Ивановна дорогой утомилась, прилегла, а через десять минут поднялась. Келейница объясняет: вот так и отдыхает, голову приклонит на пять-десять минут, встанет, попринимает народ, поговорит, молчит, устанет, снова приляжет, глазки закроет и непонятно: то ли спит, то ли молится?..

Сестры и паломники дивеевской обители скоро разузнали о блаженной, и вот очередь к ней. «Строиться мне в Дивеево, матушка?» – «Отчего ж не строиться. Стройся». «Где сын мой, Мария Ивановна?» – «Поле, поле, в поле голова болит». Понуро отходит пожилая мать: в голове туман, от бабок-шептунов обман, сын наркоман... Мария Ивановна в след матери: «Вернется». «Родить еще ребеночка, Мария Ивановна?» – «Родить-погодить. Этих-то

подымите». «Муж из семьи уходит... Что делать?!» – «Почему уходит? Не уходит». – «Не уйдет?!»...

Глаза блаженной глядят на сирых, убогих, маловеров, болящих, гордецов, льстецов, лукавых, неключимых рабов, ревнивцев, завистников, унылых, скучных, упрямцев, суеверных, подозрительных, мнительных – глядят на всех нас из нездешнего мира, где Ангелы помогают ей в руку Божию вложить руку нашу в напутствие: смотрите, не отпускайте, крепко-крепко держитесь. И несет при том тяжелый – не в подъем остальным – крест юродства, утяжеленный нашим непониманием. Недаром Преподобный Серафим воспрещал подвиг юродства «без особого на то призвания».

Дар прозорливости и утешения у нее по неизреченной воле Господа и любви Его. Люди чувствуют радость велию от благорасположения к ним матушки, радость блаженнейшую.

...Пожелала Мария Ивановна подышать свежим воздухом, вышла в палисадник, на воле оживилась. Велела грести листья под яблонькой. Одобрила: «Теперь сейте». – «Что сеять, матушка?» – «Все сейте».

Побежали к банкам-мешочкам, повысыпали: сеем. Рис, пшено, пшеницу, отыскали овес. Сеять овес? Все сейте. Посеяли. И манку сеять? Молчит Мария Ивановна. Посмотрела посеянное, похвалила. А сеятели тревожно переглядываются: каков смысл в благословении блаженной сеять. К голоду? – тревожатся одни. «Блаженная молитву сеять велит», – успокаивает матушка Евгения. Кому что в этом сеянии. Кому собирать урожай добродетелей, кому выдергивать плевелы грехов.

«Матушка, как выживать в последние времена?» – «Будете есть землельку с песочком и спасетесь».

Во след последний вопрос: «Как спастись, Мария Ивановна?» Невнятный ответ; обернувшись, в ясной артикуляции переводит матушка Евгения: «Из двух добродетелей выбирай наибольшую, из двух зол – наименьшее!»

«Матушка Евгения, – обращаемся к келейнице, – что все-таки значат эти семена?» – «Нужно больше молиться,

семена – это молитовки. Она сама говорила». – «А бывает, благословение блаженной не поддается толкованию?» Матушка Евгения помолчала: «Толкование – дело опасное да и ненужное. Господь Сам откроет, если это полезно»... Повторим: духовное зрение блаженных – особое, проницающее и разрушающее обыденное представление о порядке вещей...

P.S. Мария Ивановна обещание выполнила – в Дивеево еще приезжала – схимонахиней Марией. Постригли ее в Оптиной пустыни! Поздравляем Вас, дорогая матушка, просим молитв за нас, грешных».

Существует публикация отца Владимира, посвященная его первому духовному отцу, архимандриту Иосифу. (После кончины старца батюшка окормлялся у схиархимандрита Власия из Пафнутие-Боровского монастыря и архимандрита Петра из Боголюбского монастыря). Очерк написан отцом Владимиром до рукоположения во священники. Вот несколько кратких отрывков:

«В сторожке гости читают вслух для матушки Антонии: «Все мы любим жизнь, хлопочем о счастливой жизни, а у самих жизнь тлеет в страстях. Отчего? От кого? Оттого, что не там, где надо ищем жизни...» «Многие из нас пребывают на земле мертвыми душами, позабыли, что отвечать придется всем, за то, как жили...», – говорил старец.

...Прости нам, батюшка, наше беспамятство и трусость и равнодушие, попрание праха, рассыпанного по всей русской земле от щедрот диавола и нашего зла, и помолись за Русскую землю, где покоятся останки убиенных от рук безбожников, умученных в лагерях, тюрьмах, ссылках митрополитов, епископов, затворников, стариц, игумений, монашествующих, послушников и послушниц, схимонахов, воинственников, отроков, девиц, младенцев...

На рассвете пригрезилось: смотрят на меня батюшкины глаза, пронзая всю мерзость бытия моего; и плачут над отзвеневшей моей с отцом жизнью... А проснулся вдруг от ощущения чудесного. Непонятно было то, как изменилось пространство. Догадался глянуть в окошко. На востоке, прямо над церковью, небо освещалось розово-сиреневым

огнем. То Ангелы служили у престола Господня.

«В городах приходят на исповедь с бумагой, – говорил отец Иосиф, – читать по ней о своих грехах. Я вам говорю – ложь все это! Я обращаю ваше внимание на мытаря и Моисея. Мытарь стоял в церкви, даже у порога ее, бил себя в грудь и тайно говорил: «Боже, буди милостив мне, грешному!» И Господь услышал его. Моисей вел из Египта народ свой, подозревающий, что он хочет уморить людей. Они хотели даже убить его.

А Моисей шел, скрепя сердце, и молча молился Милосердному Богу.

И мытарь, и Моисей ни слова вслух не говорили, ***а Господь услышал их. Потому что кричали всем сердцем, всем своим внутренним состоянием****: Боже милостивый, прости нас грешных в нашем недостоинстве. Вот и мы так должны кричать ко Господу, вот такое покаяния вам предлагаю, о таком прошу…*

Удаленному от Господа быть очень тяжело. Тем более в наше время. Оно приближает нас к покаянию. Кайтесь, молитесь, просите Господа, дабы Он благословил нас от сего времени и во веки. Аминь».

«Простите меня, батюшка, грешника!» – «Бог простит милостию Своею…» Ощутив крестную крепость благословляющей руки старца, плачу… ***«Жить надо так, чтобы Господь услышал, как ты кричишь и плачешь во грехах своих». Да пусть эти слова не превратятся в очередную цитату – для других.***

«Батюшка, что делать, когда кругом столько всего… перевернутого…» Остро так взглянул, на миг задумался… В сомнении за нашу способность понять «что делать»… «Омоны дерутся, на митингах лай. А что надо о России помолиться – никто нигде не говорит. ***Выйдите из дома. Посмотрите миг на небо. И помолитесь мысленно за Россию нашу. Это моя к вам личная просьба».***

Батюшка читает молитву о России пред раскрытыми Царскими вратами, на коленях, осеняя себя крестным знамением. Россия жива благодаря таким молитвам о примирении с Богом, о сокрушении силы диавола. Тяжело поднимается; думаешь не о возрасте священника, а о

тяжести наших грехов, что разгружаются монахом в ходатайстве пред Богом.

Когда же поймем, что живем в стране, для которой еще святой Иоанн Кронштадтский вымаливал у Отца Небесного: «Да приидет Царствие Твое в России; да будет воля Твоя в России...»

Диакон Троицкого собора с. Дивеево отец Владимир.

Письма отца Владимира в тюрьму:

«Многолюбезный раб Божий Игорь!

Поздравляю Вас с Петровым постом Желаю, чтобы течение его было на пользу нашего спасения. Не унывайте, все совершается не без Промысла. Грешный іерей Владимир».

«Поздравляю Вас с Рождественским постом. Забыл, есть ли в отряде Вашем молитвенная комната или хотя бы уголок. Устроение его и поддержание молитвенного порядка спасительно не только для Вас, но и для всех заключенных и начальства, ибо Господь, видя такое благое намерение и угождение Ему, не оставит Вас без попечения».

«Многолюбезный Игорь!

Поздравляю с Великим Постом. Как бы тяжело ни было, а теперь редко кому легко, прежде всего надо быть послушным Богу и начальству.

Господь видит все, что в нас и вокруг нас, и в самый последний момент нашего долготерпения придет на помощь.

По поводу просьбы Вашей — постараюсь выполнить. Что касается духовного окормления, с этим спешить не нужно. Когда будете свободны, Господь пошлет духовника именно для Вас. Аз, многогрешный, по немощи и обстоятельствам, заочно не могу им быть. Повторяю, Вам в Вашем положении нужно быть послушным Богу и начальству. Остальное доделает Святой Дух, как сказал один подвижник. Сообщите родителям и родственникам о Вашем теперешнем положении.

Храни Вас Господь, Божия Матерь и Преподобный Серафим.

Грешный іер. Владимир».

«Дорогой Игорь!

Ваше письмо получил и рад, что начинаете правильно осмысливать свое теперешнее положение, с которым, по человеческому рассуждению, смириться очень тяжело; можно дойти до ропота на Самого Бога. Слава Богу, уроки из обстоятельств сих очень значительны в жизни общей и, тем паче, духовной. «Ничего не ожидайте от людей, а все попечение свое возложите на Господа», - так советует святитель Феофан Затворник. Сколько и как терпели мученики! Вот и мне дается что-то потерпеть. ***Господь ничего из того, что мы потерпели, не забудет, не оставит, не сбросит со счетов.*** *Все нам даровано, чтобы из этого тоже получилось благо. Терпеть все трудно, да и всем трудно, потому что «многими скорбями подобает нам внити в Царствие Божие». Туда дорога одна - крест произвольный или непроизвольный*. Бог судит душу по тому, что от нее самой зависит, а не по тому, в чем она не властна. «Надо просить у Бога терпения и благодарить Его, ибо все в Его руках» (святитель Феофан).* ***И как только стяжем смирение, так придет великое облегчение страданий, а то и избавление от них.*** *Господи, Боже мой, пощади немощное создание Свое!*

*Все, что от Бога — все ко благу! Сам я, окаянный, прибыть к Вам не могу. Более того, уже второй месяц я не в Дивеево** и когда вернусь — Бог весть. Постараюсь попросить кого-либо прислать Вам календарь. Братья знают о Вашем положении и трудностях и, по возможности, навестят Вас.*

---

* Произвольный крест — это когда сам человек его берет; подставляя плечи под непосильную ношу другого человека, а крест непроизвольный — вытерпеть болезни и скорби, какие каждый из нас в изобилии имеет и благословлен Богом, как христианин, вынести все.

** Батюшка пишет из Москвы за считанные месяцы до смерти.

Милость Божия да будет с Вами.

Ленивый богомолец, иер. Владимир».

«Многолюбезный Игорь!

Ваше письмо получил и рад, что не ослабело мужество Православной веры, о которой нужно свидетельствовать везде, куда бы Промысел не поставил человека.

И только смиренное сознание неслучайности происходящего с нами поможет донести крест.

Да Вы, видимо, и сами прекрасно поняли эту неслучайность. Братья о Вас также молятся, и Преподобный Серафим да не оставит Вас.

С любовью о Христе, гр. іер. Владимир».

На обратной стороне письма ксерокопированный текст молитвы старца Нектария Оптинского:

«Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, грядый судити живых и мертвых, помилуй нас, грешных, прости грехопадения всей нашей жизни, и имиже веси судьбами сокрый нас о̑т лица антихриста в сокровенной пустыне спасения Твоего».

Из писем отца Владимира:

«Дорогая Вера!

Получил Ваши письма и очень рад молитвенной памяти!

В Дании жизнь как бы в несоответствии с представлениями о жизни в России — которая несчастна, больна и страдает. Здесь, у Батюшки Серафима, происходит с людьми чудо. Они становятся такими, какими их батюшка и называет: Радость моя!

Такой радости и желаю Вам. А если почему-то нет ее в душе — вспомните святую Канавку, монастырь, сестричек и Преподобного Батюшку — и душа оживет!

Рождество, Св. Крещение — служились как семейные праздники! И хорошо! ***Чувство сродности с остальными помогает перенести ужасы жизни и уповать на милость к нам Господа!***

Ленивый богомолец иерей Владимир».

«Боголюбивая Вера!

Сергей и Александр — многолюбезные!

Поздравляю с серединой — преполовением Великого поста! Желаю, чтобы молитвы Ваши были в покаянии и умилении!

Дорогая Вера, признателен (и признательны все мы) за добрую память о нас, многогрешных, и рады Вашим работам (далее батюшка благодарит за четки и рисунки).

По поводу вопросов об искушениях. Вы верно заметили, что искушений между православными очень много, стороннему наблюдателю показалось бы странно много (если иметь в виду определяющую идею христианства и Православной веры — «Бог есть Любовь»). И вместе с тем, счастливее православных — в духовном смысле, разумеется, — нет на свете людей! Вы ведь знаете, что в Православии человек свободен: в выборе храма, батюшки, молитвенного правила и т.п. Он волен, в конце концов, даже уйти в другую конфессию. Однако одно из принципиальных отличий от всех иных «вер» — он ***сознательно берет на себя ответственность перед Богом за свою жизнь****, «здесь и теперь», и в Церкви.*

Только в Церкви («кому Церковь не мать, тому Бог не Отец») человек восстанавливает, осознает правду о себе (покаянная исповедь, Причастие, соборная молитва). И только живя в Церкви, он сможет ощутить то, что называется благодатью. В этом смысле, например, Сергей, будучи субъективно доволен и счастлив, на самом деле человек, попавший в трагическое положение пескаря, которому смертельно трудно дышать воздухом свободы, в Православном понимании сего слова. Отсюда и знаменательные слова о «ненужности исповеди», ибо в сем таинстве нужно преодолеть стыд, поломать «рог гордых» и осознать себя — вне Бога — ***ничем****, жалким существом. Тогда как в буддизме, да и в любой другой религии или секте, человеку предлагают набор технических приемов, выполнив которые, он «продвинется».*

Скучно-с, господа. Совсем недавно, 2-3 дня назад, получил письмо от одной р.Б., москвички, которая, слава Богу, смогла уйти из оккультной школы. Призналась: обучили ее медитации, контролю над сознанием и т.п. Знакомили, кстати, и с идеей перевоплощения И вдруг ее поразила мысль, которую она неожиданно сформулировала для себя: а дальше-то что?! Сей вопрос привел ее к Батюшке Серафиму. Ответ получила в Церкви.

Храни вас Господь, Вера, — рад, что Вы препоручили себя Господу! Рад и за Сашу. Иконочки оказались нужны! Еще раз — благодарим Поклон Сергею и Саше!

С Сергеем не спорьте, не уговаривайте его. Если даст себе волю узнать о правде Православной веры, он поразится великой глубине ее откровений. И тогда увидит тщету построений любой философии, которой он пробавляется (см. позднее «раскаяние» Блаватской)

Выздоравливайте, не унывайте, и не переживайте по поводу мути и свар и иной дряни в среде православных — как же враг оставит в покое нас, которые, в меру сил, стараются <u>правильно</u> служить Богу?!»

«Боголюбивый брат Сергий!
Поклон Вам из Дивеева!

Может быть, аз недостойный и не решился бы письменно обратиться к Вам, однако обмолвка Веры (человек она удивительно светлый и глубоко переживающий непонимание в любых формах!) подвигла мое окаянство изложить коротко ответ на ее вопрос о <u>перевоплощении</u> душ.

1. Для человека интеллектуально бескорыстного должно быть ясно, что

а) Богу не нужно наше несовершенство;

б) в Своем творчестве, чудесах и т.п. Господь исповедует принцип <u>икономии</u> и потому

в) Ему незачем создавать некую систему перевоплощений, поскольку и одной жизни ***достаточно****, чтобы душе пройти <u>путь спасения</u>!*

2. Интеллектуально честному христианину

довольно исповеди у простого батюшки, чтобы избавиться от сего бреда (на предмет перевоплощений). Нужно только одно — мужество.

Храни Вас Господь молитвами Преп. Серафима!»

«Дорогая Екатерина!

Пишу Вам в последние дни Петрова Поста и в ожидании нашего праздника — обретения мощей Преподобного Серафима, и в надежде, что сия весточка найдет Вас.

Еще раз перечитал Ваше письмо, где Вы упоминаете о «прекрасных лицах» на празднике святителя Николая, и вспомнил, как Царица Александра Феодоровна заметила в Дневнике Своем: веселые, спокойные, мирные лица людей влияют на других, распространяя свет Приблизительно такой смысл. Будем же следить за тем, что у нас на душе, что мы несем другим людям.

Вот и папу Вашего зовут, так же как и моего. Храни Господь от уныния и ропота р.Б. Николая! И Вы не поддавайтесь унынию! Впрочем, судя по письму — справляетесь с искушениями. ***Бог посылает их, зная, что человек может с ними справиться!***

Благословение Батюшки Серафима с Вами.

Ленивый богомолец иерей Владимир. 24/7 июля 1997»

«Многолюбезная о Христе Евгения!

Ваше письмо получил в канун отдания Пасхи и Вознесения Господа нашего Иисуса Христа — мое окаянство благодарно за молитвенную память о Дивееве.

Порадовался Вашему отношению к сему святому месту и (наверное, догадываясь о Ваших тогдашних состояниях) еще, и еще убедился чрез Ваше признание о переживаниях дивеевских — как много значит Батюшка Серафим для всех-всех православных, будь они даже умницами, как Вы, или ленивы, как я.

Однако, дорогая матушка, как это умудряетесь под крылышком, нет, не под крылышком — под омофором

мудрости и духовного весельства такого батюшки (разумею богомудрие отца С.) — как умудрились печаловаться и пребывать вне радости?! и — неизъяснимой ко всему прочему

Открываю Отечник: «Войдите внутрь себя Человек, тот кто познал себя» (авва Пимен Великий). А каким образом войти внутрь? Цитировать святых Отцов дело хорошее, однако, что же предлагать то, чего прежде сам не постиг на деле!

Пишу Вам ответ к ночи: служу 2 дня в скитском храме. Только что вернулись с отроком: бродили возле пересыхающей речки, где незнакомые и невидимые птицы пролетали близко и в тишине такой, что, наверное, Вы услышали бы шелест крыльев. В пруду плавали не золотые, а простые рыбки и, м.б., лягушки. И теперь, когда пишу Вам, начали петь соловьи.

Для того чтобы слышать их здесь — ничего не нужно. В Москве, чтобы услышать что-нибудь хорошее — надо прежде: ничего не провозглашать, не говорить громко, суетливо, с гневом, перебивая, не делать поспешных выводов, не лукавить. Нужно сделать, следовательно, довольно большое усилие: преодолеть шум пошлости, и блеск беспамятства, и столичную побежку любопытства, чтобы очутиться ***вне****, т.е. там, где остались «грустные памятники Рая».*

Простите Еще раз открываю Отечник: «Сын мой, не умножай слов: многословие удалит от тебя Духа Божия». Не грустите. Вашему батюшке поклон дивеевский. Батюшку тоже здесь любят. Вас помним и любим.

Недостойный и ленивый богомолец иерей Владимир.

А свое состояние определите как возникшее для испытания. Часто Господь и Матерь Божия не спасают от испытаний, т.к. они нужны, чтобы пробудить духовную сторону в людях. Так говорила Пресвятая Богородица крестьянке Евдокии Андриановой в явлении Своей Державной иконы.

13/26 мая 1998. Скит свт. Николая Чудотворца.»

Отец Владимир писал одному человеку, прошедшему увлечение оккультизмом: *«Без сокрушенного сердца Иисусова молитва может превратиться едва ли не в медитацию. Может стать гибельной для христианина, о чем весьма часто повествуют святые отцы.*

«Начало премудрости – страх Господень» (Притч. 9, *10), а его-то и нет в восточных учениях; там присутствует лишь одно своеволие, гордыня и стремление своими средствами перейти те запреты, которые заповедал нам Господь в нашем земном существовании – для нашего же блага.*

*Как пишет святитель Игнатий: «Все виды бесовской прелести возникают из того, что в основании молитвы не положено покаяние, что покаяние не сделалось душою, целью молитвы... Болезнование духа, плач сердца, самоосуждение, памятование смерти, Суда Божия и вечных мук, ощущение присутствия Божия, страх Божий – суть свидетельства правильного молитвенного подвига; отсутствие их – признак уклонения в ложном направлении».**

* Сочинения в 5-ти томах. Т.1. СПб., 1905.

Переход

«Пасха» – в переводе с еврейского – «переход».

Последние дни батюшки были днями больших приобретений, новых духовных постижений для его души и наших убогих душ. Он обладал незаурядным даром слова, но еще более, чем проповедью, обучал, направлял и исправлял безмолвием своих молитв о нас, грешных. То, что мы получили в месяцы, когда он уходил, будем оценивать и, капля за каплей, еще сильнее воспринимать, постигая нарастающей собственной болью – до предсмертных дней, до последнего своего вздоха. Отец Владимир оставил нам живой незабвенный образ достойного расставания с этим миром. Каждый день его жизни – любовь побеждала смерть. И – победила до конца.

«Совсем недавно, – рассказывает матушка Ирина, – я услышала эту историю от духовных детей батюшки Димитрия и Ольги. Незадолго до того, как отцу Владимиру был поставлен диагноз, они привезли из Нижнего Новгорода к батюшке своих знакомых, молодых супругов. Оба неверующие, далекие от Бога и Церкви. Молодой человек едва ли не в последней стадии рака, прошел множественные курсы химиотерапии, от которых полностью облысел. Батюшка уделил этим людям много внимания и сил. Беседовал с ними, посоветовал немедленную генеральную исповедь, Причастие, благословил поездки на источники. Принял его первое покаяние. Они исполнили все им предложенное.

Через считанное время узнаем: раковый больной, которому в больнице подписали смертный приговор – **полностью исцелился**. Врачи в недоумении. Никаких признаков, даже остаточных, страшной болезни. Это было в августе. В сентябре у батюшки диагностировали рак. Когда отца Владимира похоронили, жена исцеленного приехала к Димитрию, который некогда привез их в Дивеево, и расска-

зала ему, что муж, узнав о смерти отца Владимира, поведал ей о сокровенной части своего общения с ним. Он не сомневался, что умрет, был в глубоком отчаянии. Вдруг отец Владимир в конце его явно недостаточной исповеди произнес: «Не бойся. Ты полностью исцелишься. Я возьму твои грехи на себя».

Не отношусь к людям, которые сочтут, что батюшка умер оттого, что взял грехи и вместе с ними болезнь Евгения на себя. Но, безусловно, и эта судьба была частью непомерной ноши добровольно взятых на себя батюшкой человеческих скорбей. Подобные ситуации в его жизни регулярно повторялись. Вспоминаю, как приезжаю к отцу Владимиру, после литургии сижу напротив батюшки за широким и длинным столом, вечно заполненным людьми. Среди общего разговора, когда он, общаясь со всеми, начинает слушать и меня, выпаливаю ему не только о себе. Рассказываю о сложных и трагических ситуациях близких мне людей. Среди них есть и раковые, в которых он активно участвует уже многие годы – и люди, наперекор врачебным представлениям, продолжают жить. Если бы «раковые» ситуации были самыми тяжелыми из всего, во что включаю батюшку одна я... И сколько у него – нас таких?! Батюшка никогда не прерывал течение рассказа о чужом горе, не только внешне, ведь можно легко остановить меня – внутренне. Например, перестать слушать со вниманием, и сразу же не сможешь продолжать. Умножая свои рассказы, раз за разом я вспоминала строку архимандрита Софрония, автора книги о преподобном Силуане: «Старец никогда – ни внешне, ни внутренне – не оттолкнул ни одного обратившегося к нему человека». Отец Владимир слушал не только по видимости, он внимал с великим сочувствием. И самое важное: он немедленно начинал молиться об очередной чужой скорби. С благоговейной благодарностью воспринимая это непростое участие, утешалась, зная, что отдала гору больных ситуаций – в надежные руки. Редкие священники позволяют столь беспощадное к себе отношение.

Из батюшкиных «раковых» памятна ситуация, доверенная мне на Иверском источнике пять лет назад. На

входе в купальню к нам присоединилась незнакомая женщина. Собранно, с явным удовольствием, она окунулась три раза. Ее лицо освещала детская искренняя радость. Поднимаясь по тропинке к дивеевским соборам, мы услышали впечатляющую историю. Валентина родилась в современном городе, в котором не было церкви. Давняя опухоль на щитовидке внезапно «переродилась» в раковую. В больнице в результате активной терапии она получила лекарственную аллергию. Полностью измучив, врачи отпустили ее домой – умирать. Мы боязливо посмотрели на крупную выпуклость, которая синеватым яблоком выделялась на шее рассказчицы. «Врачи сказали: метастазы достигли позвоночника. Поэтому я терпела страшные боли и все меньше была способна двигаться. Услышала о Дивеево, когда перестала добираться до туалета. Если меня вели под руки, при каждом шаге превозмогала страшную боль. Слово о Дивеево произвело на меня необыкновенное впечатление. Сказала своим: «Нужно исполнять волю умирающих – везите меня!» Чудом мы приехали. Вы не поверите, я участвовала в крестном ходе из Дивеева до Сарова. Как мы несли Царицу Небесную «Умиление»!» С этими словами ее глаза необыкновенно просияли.

Потом возвратились домой. И я упала трупом на кровать. Через неделю зову родных: «Как хотите, тащите меня назад!» Трудно поверить, но будто Господь сжалился надо мной. В монастыре попала на исповедь к отцу Владимиру. Привели меня под руки. Он сказал: «Необходима полная исповедь – за всю жизнь, с детства». Как он меня исповедовал! Подсказывал то, что я про себя забыла и не знала, и не понимала. Изрыдалась вся. Всем людям подобного желаю. У меня это было впервые. После генеральной исповеди я стала ходить самостоятельно. Батюшка благословил меня ежедневно окунаться три раза в любом из Серафимовских родников: «Станешь ходить на источники без пропусков – у тебя все будет хорошо». И вот уже месяц, каждый день: во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа, – она благоговейно перекрестилась, – три раза с головой. И у меня, Слава Богу, все хорошо! Боли прошли, хожу,

все делаю – без чужой помощи. Своих домой отослала, им на работу надо. Сняла здесь угол и молюсь, причащаюсь. Все рассказываю батюшке. *Теперь Преподобный Серафим с отцом Владимиром меня вместо родных с двух сторон – под руки поддерживают»*. Ее глаза увлажнились и засинели, как звездочки, на исхудавшем лице. Это было лицо подвижницы, оно дышало мужественной простой надеждой. Глядя на нее, думала, как близко все духовное каждому человеку, как естественна, присуща русской душе настоящая вера. Через считанные дни мы уехали из Дивеева и не знаем продолжения истории. Рассказала батюшке об этой встрече. Отец Владимир оживленно слушал меня, как родственник, радуясь о близком ему человеке: «Да, да, у нее все пошло хорошо. Быть может, если Богу будет угодно, – она исцелится...» Он говорил это внешне легко, с глубоким благоговением сердца. Оно невидимо пребывало в этот момент в поклонении перед своим Создателем. Глубину этого незримого благодарения с утешением воспринимала посторонняя душа.

Такие сверх-ситуации у батюшки были постоянно. Он о них никогда не рассказывал. Помню, как он причащал, соборовал – возвращал к жизни больную лейкозом С. в доме на краю нашей деревни. Температура сорок один градус немедленно упала до нормальной. В ближайший приезд в Москву он, сделав множество звонков, разговаривал и с этой рабой Божией. Молитвенная поддержка не прерывалась: батюшкина отзывчивость никогда не исчерпывалась одноразовой помощью. Его участие во множестве тяжелых ситуаций продолжалось год за годом. Раковые истории сопровождали отца Владимира по жизни. Да, они были не самым худшим из всего неподъемного, что он брал на себя. Исповедуя свою немощь, он сострадал всем своим существом – и стал соработником Преподобного Серафима на необозримой ниве человеческого страдания. Когда Господь говорит: «Жатвы много», – Он обязательно имеет в виду больных, обездоленных, несущих скорби. Как торопился батюшка подставить свое плечо под всякий встречный крест! Как стремился помочь каждому изнемогающему под его ношей!

Раба Божия Зинаида: «Когда отец заболел, я к схимнице Антонии поехала. Она в последнее время говорит: *«Торопитесь: кончается время покаяния, начинается время наказания»*. Рассказала ей про батюшку. Она выпрямилась, перекрестилась с особенной силой: «Избранник Божий! – помолчала. – Умрет!» Все это было предречено на Небесах. Схимонахиня сказала: **«Господь Своих собирает: надо вымаливать Россию – мы на самом краю...»**

Наталья Григорьевна, преподавательница музыки: «Батюшка Владимир – удивительный человек в моей жизни, и – невосполнимая утрата. Пожалуй, у всех такие встречи – единственные. Говорила с ним, чувствуя, что он общается именно со мной. Никакого расстояния, никакой стены, как обычно в беседах с другими людьми. Не было ощущения, что ждут: скорее бы ты замолчала! С ним можно было действительно выговориться. Это редкий дар, это – жертвенность, удел избранных. Жизнь настолько коротка, говорят, в сравнении с вечностью – всего лишь три секунды. И так отдавать свои силы, душу – каждому, как это делал батюшка...

Последняя наша встреча. Думаю, давно я отца Владимира не видела. Бегу из отдела культуры в музыкальную школу и вдруг: маленький такой, почти невесомый человек, медленно-медленно идет по Канавочке. «Батюшка?!» – у меня еще зрение плохое, но я бы и не посмела подойти. Не ожидала, долго в храме дивеевском не была. Он, не он? Смотрю, отец Владимир. Медлю, думаю: «Просто пойду за ним». Был снег, и вот он в валеночках. Сейчас это дерево упало, он очень его любил. Канавка обычно протоптана.

И он медленно-медленно, и от валеночек следы. Помню, подошел к этому дереву, там была стопочка, теперь оно упало, прямо напротив школы дерево. Он его так обнял, наклонился и что-то или просил, или просто... Такой слабенький, смиренный. Потом он постоял, и я стояла. И жалко и неизъяснимо. Надо иметь дар слова, чтобы такое высказать. Чувство такое всеобъемлющее, если сильное

чувство – любовь или страдание – оно молчаливо. Так вот дерево обошел, глаза поднял: «Наталья Григорьевна, здравствуйте». – «Здравствуйте, батюшка». – «Ну, что же Вы не заходите?» Представляете, даже в этом состоянии. «Куда Вы пропали?» Я растерялась, надо бы что-нибудь спросить, и вот мы идем рядом, два человека. Когда-то мы бежали...

Он приехал годом раньше на дивеевскую землю, я позже. И все стремления, силы, все раздал – дотла, себя не щадил. Все быстро и ушло. Если бы хоть себя немножечко приберег – а он всю распахнул душу, с такой отдачей быстро и сгорел. Говорю: «Батюшка, все будет хорошо, посмотрите, какой снег». – «Идемте к нам, Наталья Григорьевна». – «Да нет». – «Идемте, идемте». Не стала перечить, хотя меня трудно зазвать. Мне их всегда жалко. Зашли. Он спрашивает: «А как Вы?» – «Да вот, в музыкальной школе». – «Ну как же Вы в музыкальной школе ночуете, голодная. Матушка, я благословляю, пусть Наталья Григорьевна ходит к нам кушает». Конечно же, я не пришла. Так и напоследок он мне посочувствовал, опять заметил незаметное, что другой не додумает, не поймет. Он всегда деликатно выслушает, внутренне для вразумления помолится и найдет теплое слово, единственное. Нет, это, конечно, не человеческой добротой, это – от Бога. Он всегда меня жалел, любил, радовался встрече. Иногда только глазами встретимся или иконкой перекрестит. Знала, он меня помнит. Словом подбодрит. Но встречались мы редко. Все было на расстоянии, как мама любит. Мама, далеко или близко, – всегда утешает. И не видишь ее, она с тобой. Другие тебя расхищают, а батюшка, и секундами, поддерживал, помогал. Не стало отца Владимира, Арсюши, мамы, – и вот вакуум, одиночество. Даже в храм святителя Николая пришла и заплакала. Холодно. К батюшкам очередь. Исповедь формальная. Не заменить! Незаменимый человек. Золота – его немного и в природе, и в людской породе.

Мы сегодня с матушкой вспоминали философа Мамардашвили: «Мудрые люди сохраняют себя. Многие старцы для молитвы затворяются». А этот... Он для себя ничего не оставил. Это подвиг, высочайшее мужество. Как

любимый батюшкой старец Алексий Мечев говорил после революции: «Сейчас все схимники должны выйти из затворов...» Сегодня народ – в еще больших безысходных скорбях, множество людей без духовного внимания, окормления. А сколько – обученных носителей зла. Он все взял на себя сознательно, знал, что силы свои подорвет. Ученые говорят: «Мысли и слова – все весит». Почему от него и не отходили, чувствовали благодать, Любовь, участие. И люди как бы питались, быть может, не всегда понимая. И злые – намеренно пили его силы. Известно, что колдовали на него, и мы не знаем, в какой степени... Сострадательное сердце бросалось врачевать те и эти ситуации: без числа брал грехи на себя. А восстанавливаться? Он ведь не отдыхал. Мама помогала в доме отца Владимира по хозяйству и говорила ревностно: «Ну, просто не жалеют батюшку, не жалеют, он буквально падает. Двенадцать или час ночи, он еще не спит, а к пяти – в храм». До такой степени он переутомлялся. Но я его понимала, есть предначертанность свыше. Это – призвание. Он умница, знал, на что идет. И конечно, он любил жизнь, и ему нелегко было с нею расставаться. Он очень хотел жить, служить Богу. Как мало таких людей, для которых жить – не жалеть себя. Сколь они нужны. Удивительный человек: как глубокая молитва, как музыка, способная сделать тебя лучше. Это уже сверх. Сверх-любовь. Избранник Божий, батюшка. Такого уровня достичь – только колоссальным трудом. И – жертвой. Как у поэта, говорившего о бессмертии: «Чем больше от сердца отрываешь, тем больше любви достается».

Как памятно: он бежит мимо, голову обхватит, если болит. И всегда знает, что болит: обнимет, постучит или иначе поправит. Мгновенное крепкое объятие. И боль снял, или уныние, или другой мрак. С ним всегда был крепкий контакт, он всегда на тебя настраивался. Говорят, между людьми всегда расстояние, бойтесь, чтобы оно не превратилось в пропасть. И чаще всего именно пропасть. А он расстояние убирал и слышал самое тебя. И помогал душе, изнемогающей и страждущей, духовно ли, телесно. Светлая память отцу Владимиру. Это все сверху предначертано,

задумано. Это – золото вселенной. Сейчас у него задания, размеры которых нам не постигнуть. Помните, у Андерсена: душа могла залететь к любому ребенку, каждому человеку и беседовать, незримо утешать. А с его-то стремительностью, представляете, у него появились такие колоссальные возможности: видеть, помогать – объять необъятное».

Матушка Ирина: «Пожар ли, наводнение – как правило, в наших запущенных душах происходили стихийные бедствия, не меньше. У батюшки же была ежеминутная готовность помочь даже «голыми руками»: ни на миг не задумываясь, он несся спасать, вытаскивать, реанимировать. Единственным главнокомандующим всех внутренних вооруженных сил батюшки была собственная, едва оперившаяся, духовная интуиция священнослужителя.

Вся сложность, грандиозность, а иногда и трагизм были в том, что рядом не было опытного духовника – старца, направляющего свежеиспеченного горячего священника, брошенного Промыслом Божиим в самую гущу духовных битв. «Врачебной практики в анатомическом театре» проходить не пришлось, поэтому в ходе хирургической операции – исповеди всегда препарировалась живая человеческая душа, уникальная и непредсказуемая. Рвущееся на помощь сердце батюшки невозможно было удержать в спокойном трезвении, взвешенном и рассудительном состоянии. На мои нарекания и недовольства по поводу его чересчур позднего возвращения с монастырской исповеди батюшка мне как-то порывисто ответил: «Не могу, чтобы тощ и неутешен кто-либо отошел от меня!»

Это была жизнь на самых высоких скоростях, жизнь на острие ножа. Несколько раз он «подрывался на минах», умело расставленных врагом: три серьезнейших заболевания за короткий промежуток времени, последнее – роковое. Каждый день его священнической судьбы – геройский прорыв и победа, наконец, и смерть геройская – за други своя».

Раба Божия Фотиния: «Просила отца Владимира, чтобы он пришел к нам домой отслужить молебен Царю

Николаю. Мамочкино было желание: «Именно тот священник пусть придет, который у нас в Дивеево больше всех Царя любит». Ждем отца Владимира день за днем напрасно. Матушка Ирина встречается на улице, просит прощения: «Он болеет, не может». И снится мне: батюшка пришел к нам, стоит на пороге и не проходит. Поняла, как хочет батюшка этот молебен отслужить, хотя физически уже не может. Два раза я его так видела во сне. Это уже перед концом».

Духовная дочь отца Владимира, послушница М.: «Много мы все от отца Владимира получили. Помним и прозорливость его, и чудеса. Каждый бережет это как личную святыню. Но вот для меня не меньшее чудо то, что батюшка научил меня искренности. Как это у нас принято: монотонное чтение, и при полном невосприятии текста, и многие другие важные правила – что внутри, дело второстепенное. Но вот святой Иоанн Кронштадтский никогда не читал монотонно. Он, если замечал, что какие-то слова или фразы недостаточно им восприняты, возвращался и вновь их во всеуслышание, с большим чувством, произносил – так всегда читал каноны. Батюшка Иоанн был быстрым и нервным, мог ласкать и обличать, мог возвысить голос на человека. И все это было – Любовью Христовой...

В отце Владимире было что-то от настоящих прежних отцов: жизнь из действительной души, не имеющей ни второго, ни третьего дна, всецелая преданность Христу. И скольким он помог! Потому что такую молитву слышит Бог. Немедленно на нее отвечает. Она, без преувеличения, творит чудеса. Молитва из живого рвущегося сердца, которое постоянно себя очищает, слезами омывает свои грехи – и страдает о Родине, о Царе, о каждом поруганном человеке. Батюшкина душа – кричала и плакала за свой народ. Его проповеди и исповеди воскрешали из мертвых.

Рядом с отцом Владимиром я поняла, что такое быть собой. И что – подлинности нужно от себя требовать. Самое главное, чего он нам желал: блюсти свою душу – в простоте, чистоте, правде, не допускать лжи в отношениях

со своей собственной душой, не иметь одного на лице, а другого в сердце по отношению к ближнему. Глубокая искренность с собой – была заповедана нам батюшкой. Благодаря этому, можно, наконец, стать искренней с Богом. Ведь, как правило, хотя это ужасно, у нас именно с Господом самые поверхностные и внешние отношения.

Рядом с отцом Владимиром мы научились радоваться. И узнали, что радость может быть и должна быть чистой. Большая редкость в наше унылое время – утешение святой радостью. Батюшка был силен освободить пространство окружающей нас тяжелой жизни – от бесов, и ты начинал буквально порхать, радоваться всему, как ребенок. Радоваться – благодарить. Сколько тяжелого, неподъемного в нашей жизни, одни собственные грехи – какой ношей! А сколько унывающих от того, что творится в мире...

Отец Владимир не учил равнодушию к разрастанию всемирного зла, его проповеди об этом ярко свидетельствуют. Но он знал, как хочет Бог простить человека, как легко Ему простить, если покаяние искренно. В самые тяжелые минуты он утешал Надеждой: «Все грехи всего человечества – горсть песка, брошенная в море Милосердия Божия». Он говорил: «Бог хочет нас спасти! Какая радость. Сколько Сил, сколько Ангелов нам помогают. Только бы нам не очень сопротивляться». И повторял слова Апостола: *«Всегда радуйтесь, непрестанно молитесь, за все благодарите. Сия есть воля Божия о Христе Иисусе в вас»*. Один подвижник, ушедший в 30-е годы, говорил: «Мои – значит радостные». Дай Бог, святыми молитвами батюшки, радовать его исполнением его заповедей до конца жизни: не унывать, не расслабляться, бороться с грехами, хранить себя неоскверненными от мира, беречь ближнего. И еще радоваться тому, что мы Христовы, что мы – батюшкины!»

«Когда у нас есть Христос в сердце, то мы всегда довольны бываем: и неудобство для нас – как лучшее удобство, и горькое – как сладкое, и бедность – как богатство, и голод – как сытость, и скорбь – как радость! А когда нет Христа в сердце, тогда человек ничем не доволен, ни в чем не находит счастья: ни в здоровье, ни в удобстве, ни в

чинах и почестях, ни в увеселениях, ни в богатых палатах, ни в богато сервированном столе, ни в богатом одеянии – ни в чем. Ах, как необходим для человека Христос, Жизнодавец и Спас душ наших!..

Наивысшее благо в этой и в будущей жизни – есть Бог, вечно живущий, всесовершенный, всеблаженный. Стяжавший это благо, имеющий оное в душе своей, есть счастливейший человек. Все прочее земное, житейское, признаваемое за благо – есть суета, пустота. То, что около меня или на мне – не составляет меня; даже плоть моя, которою я обложен и из которой я состою... не составляет собственно меня.

Покой сердца моего в горнем и духовном, а не в дольнем и вещественном. Даруй же мне, Господи, присно горняя мудрствовать и совершенно отвергнуть дольняя мудрование...

Я замечаю, как входит и сияет мысленное Солнце – Бог в душе моей: ибо тогда мне бывает легко, и тепло, и светло. И как удаляется из нее и оставляет ее во мраке и страдании...

Человек, страстям подверженный, что тебе нужно? жизнь, говоришь ты. Из-за чего ты хлопочешь? Из-за жизни. Но живешь ли ты Истинною Жизнию? Разум и опыт заставляют сказать, что нет. Итак, что же составляет твою жизнь? Вера, надежда и любовь – разум и опыт говорят мне. Жизнь души нашей – Бог, живая вера в Него и любовь к Нему, любовь к подобным мне людям – они покой и широта моего сердца, без них я мученик греха, раб, невольник страстей; в скорби и тесноте проходит жизнь моя.

Я и здесь упокоеваюсь во Христе и со Христом; как же мне не верить, что после смерти меня ожидает вечное в Нем упокоение после борьбы со врагами земными! Мне и здесь без Христа тяжело, мучительно; как же мне не верить, что тем более будет для меня мучительно без Него там, когда Он окончательно отвергнет меня от Лица Своего! Так здешнее состояние наших душ предызображает будущее. Будущее будет продолжением настоящего состояния внутреннего, только в измененном виде относительно степени его: для праведников оно обратится в полноту

вечной славы, для грешников – в полноту вечных мучений.

Христос – покой, свобода души и Свет неизреченный» (Святой Иоанн Кронштадтский).

Как светло мы праздновали последний день Ангела батюшки в праздник Святого Равноапостольного Князя Владимира 28 июля. Всем он необыкновенно запал в душу. Отец Владимир, конечно, был уже болен, но никто из нас об этом не догадывался. Стол, переполненный людьми, час за часом щедрого, любовного батюшкиного общения. Вдруг отец взял в свои руки Жития Святых. Сосредоточенно, беззвучно молясь Христу, вопрошая Его о своих духовных чадах, с единственно своей глубиной участия – батюшка стал открывать ведомые одному Богу страницы. Он передавал том каждому из присутствующих – указывая пальцем, с какого места он должен читать. Духовные дети батюшки вставали и произносили вслух не известные им кусочки житий. Каждый с потрясением видел в них что-то совершенно единственное и неповторимое, обращенное к глубине его существа. Это были прямые или прикровенные ответы на мучающие кого-то вопросы, наставления в личной важной ситуации и даже – серьезнейшее предсказание на будущее, которое уже сбылось. После праздника все с воодушевлением делились этими подарками от батюшкиного Ангела.

Никогда не забуду, как однажды, лет шесть назад, отец Владимир привел нескольких, не успевших исповедаться, после всенощной домой. Было около одиннадцать вечера. Батюшка отсутствовал целый день. Середина зимы, в нетопленой комнате очень холодно. Кстати, живя годы в бараках без всяких удобств, отец Владимир ни одному из нас никогда не позволил вынести помойное ведро или подругому как-нибудь ему послужить в его трудном быту. Вот и сейчас побежал в пургу к дальнему сараю за дровами. Вернулся, и я поняла, что у сарая крыша – решето: дрова – обледенелые и в снегу. Так как я не могу быстро разжечь печь и самыми лучшими дровами, то с сочувствием представила, какая впереди пытка, и сейчас комнату заполнит дым... Батюшка бегал по комнате, разыскивая

бумагу, спички, и быстро раз за разом пел: *«Ангеле Божий, Хранителю мой святый, живот мой соблюди во страсе Христа Бога, ум мой утверди во истиннем пути и к любви горней уязви душу мою, да тобою направляем получу от Христа Бога велию милость»*. В противоположность моим ожиданиям, дрова горели ярким пламенем не позже чем через две минуты, и никакого дыма!

Нередко вспоминала эту ситуацию, наблюдая, как батюшка, без секунды промедления, брался помогать самым заледенелым душам. И наперекор ожидаемому, добивался того, что душа начинала оживать и, в конечном итоге, – пламенеть. Та решимость, с которой приступал батюшка к самому не подготовленному для духовного восприятия человеку – наводила на мысль, что каждый раз он возлагал надежду не на свои силы, а на скорую Небесную помощь.

Батюшка сугубо молился каждый день Небесным Силам Бесплотным. Обыкновенно мы обращаемся, кроме Ангела Хранителя, разве что к Архангелу Михаилу. Но батюшка советовал серьезно молиться по меньшей мере семи главным Архангелам. И говорил, что в последние времена действия темных сил будут столь ухищренными, что без особенной помощи светлых Небесных Сил – просто не устоять. Мне кажется, Архангел Уриил был сугубым покровителем батюшки. Уриил – значит «свет» или «огонь Божий». Как Ангел огня Божественного, он воспламеняет сердца Любовью к Богу и истребляет в них нечистые привязанности земные. Батюшка не присваивал себе ничего из того замечательного, что делал. Это была жизнь: во Славу Божию.

«Благословляйте Бога, прославляйте Его, признавайте величие Его и исповедуйте пред всеми живущими, что Он сделал для вас... (Ибо) о делах Божиих объявлять похвально. Делайте добро, и зло не постигнет вас...» Отец Владимир «пришел не по своему произволению (и действовал не по собственному хотению), а по воле Бога нашего... *благословляйте Его вовек»* (Тов. 12, 6-7, 18).

Раз за разом ощущая после общения с батюшкой великую помощь душе: мир, утешение и новую готовность не сдаваться при сгибающих обстоятельствах – подходила ко

святым мощам Преподобного Серафима и перечитывала вверху сени над ними строку под изображением Нерукотворного Спаса: ***«Христос вчера и днесь – тойже. И во веки! Аминь».***

Матушка Ирина: «Первые симптомы болезни появились в начале сентября. Мы заставили батюшку поехать на обследование в Нижний Новгород. Он вернулся, и все почувствовали: что-то очень серьезное. От меня он сначала все скрывал. Диагностировали опухоль желудка с подозрением на онкологию. Мы не хотели делать операцию. Одно было важно – понять и исполнить волю Божию. С этой мыслью отслужили дома молебен Государю. Через минуту появился отец Андрей и сказал: «Благословляю вас к отцу Николаю на остров Залит. Всероссийский старец. Как он решит, так и поступайте».

Поехали через Нижний Новгород. В Петербурге нас встретил раб Божий Александр, посадил в свою машину. Едем. «А машина-то, знаете, какая? В ней я вез мироточивую икону Царя-Батюшки из Москвы в Петербург». Батюшка утешенно сказал: «Удивительно, Государь постоянно нам все управляет». Всю дорогу слушали кассету о том, как икона мироточит, благоухает, облетела Россию, сколько чудес явила. Поездка прошла под знаком прославления Царя. Приезжаем в Псков. Вечереет. Перевозчик: «Вам на тот берег?» – «Да». Подплываем к острову, навстречу группа паломников, счастливые после встречи с отцом Николаем: «Желаем вам того же, что мы получили». Саша раздает людям Царские иконы. Перевозчик просит дать и ему. «Если снимешь свои переводные картинки в катере, тогда дам». Протягивает ему икону Царя. Отец Николай вышел не сразу, с молитвою его дождались. Он с любовью похристосовался с отцом Владимиром: «Беги бегом, Бог даст тебе врача, и все будет хорошо». Возвращаемся, как на крыльях. Сели в катер, а перед глазами иконочка Государя, перевозчик ее уже прикрепил. Смотрю в голубые глаза Императора: «Царь-Батюшка, как же все дивно! Бог нам даст необходимое, все будет хорошо».

Духовная дочь отца Владимира раба Божия Светлана:

«Стою в очереди, чтобы подать о здравии в своем московском храме. Невольно глянула в записку стоящей передо мной женщины. Она так же как и моя, начиналась с имени болящего иеромонаха Владимира. С интересом заглянула в поминание других людей, их было человек шесть. И поразилась одинаковому началу. Самое замечательное, что то же самое я обнаружила, посетив другой храм. Какое количество людей молилось о батюшке. Сколько не знавших его и любивших его людей».

Однажды отец Владимир возвращался после богослужения в Дивеево из скита вместе с близкой духовной дочерью. Это было еще до болезни. И вдруг сказал ей очень серьезно и грустно: «Как же мне тяжело». На нее дохнуло неведомой глубиной страдания. Она от всего сердца: «Да, батюшка, я представляю». Он живо повернулся к ней: «Нет, ты не представляешь!» Больше об этом ни слова. Она была поражена: ведь отец Владимир никогда никому не жаловался. Ничем скорбным своим не делился даже с матушкой, которая удивилась, что батюшка кому-то «проронил слово». Он был всегда доволен, благодарен за все, данное Богом. Даже если это было ему уже не по силам. Кто-то, глядя на батюшкины улыбки, думал, что он жил легко.

Духовная дочь отца Владимира Анна из поселка Б.: «С батюшкой мы виделись в последний раз перед его операцией в Нижнем. Было несколько его духовных чад из Москвы, и он так тепло нас принял, хотя был очень слабый. Всех выслушал и каждому что-то сказал... Болезни и скорби, как мы знаем, даются за грехи, особо трудные испытания – за особые грехи. И мы должны всегда помнить, что батюшка все наши тяжкие грехи – взял на себя. Страдал, следуя путем святых, – за своих духовных детей. За всех, кто его знал, – положил душу свою. Об этом нельзя никогда забывать и стараться, хотя бы на волосок, быть получше.

Хотелось при жизни написать о батюшке. Решила попросить благословение: «Отец Владимир, можно я напишу...» Он не дал договорить, полушутя: «Благословляю,

только в стихах». Когда он умер, я впервые написала три стихотворения в его память.

Однажды мы приехали к батюшке. Он говорит: «В Нижнем умер отец Григорий». Он был старенький, 90 лет, мамин духовник. Умер на Пасху. Я разревелась. Мы к нему очень часто ездили, как к родному. Отец Владимир тогда был здоров, полон сил. Он за несколько лет провидел свою смерть и сказал мне: «Вот я умру и по мне так же будешь плакать». А я подумала: ну, батюшка, ты еще молодой, а тот-то старенький. Но скоро отец Владимир заболел и умер. И мы о нем безутешно плакали».

Матушка Ирина: «В Петербурге посетили святые места и вернулись домой. Батюшка готовился к операции. Нас окружали молитвы. Все усердно поминали врача, тоже Владимира. Операцию пришлось отложить. И дивное дело – во время операции у батюшки за окном палаты сидел белый голубь. Увозили батюшку на каталке – он на окошке. Молились в нижегородском кафедральном соборе два часа, возвращаемся – голубок там же. Сколько молитв было за батюшку! Но удалить опухоль не пришлось, потому что все было в метастазах. Врач сказал: как орехи насыпаны.

Батюшку в больнице посетил митрополит Николай. Выразил сочувствие, благодарил за пастырские труды, говорил, что отсутствие отца Владимира большая утрата для Дивеевского монастыря. Обещал личную помощь. Батюшка попросил у него благословение на монашеский постриг. Митрополит отказал с неожиданными словами: «Это не стрижка овец». А я куда-то отошла. Вернулась, а иконы Царя нет подле батюшки. «Куда ты Государя дел?» – «Я подумал, он его не признает, начнет со мной об этом разговаривать, еще разнервничается, ведь уже пожилой человек. Чтобы не было искушения, икону спрятал». – «Ну как же ты мог?» – «Да я сам переживаю, не знаю, как это сделал. Царскую Семью оставил, а Императора снял». Батюшка очень расстроился. От переживаний состояние его ухудшилось. Утешала его: «В каждый миг все попущено Богом. Ведь и апостольское отречение было необходимо, чтобы апостол Петр стал истинным камнем веры, никако-

го и малейшего страха более никогда не испытывал перед гонителями Христа. И ты еще докажешь Царю свою верность и любовь. Еще будешь Его прославлять». Говорила это, видя, как он подавлен, переживает свою слабость. Грех малодушия батюшка глубоко пережил и исповедал.

Когда позже мы приехали к митрополиту просить благословения на молебен перед чудотворной Царской иконой, отец Владимир чистосердечно признался: «Владыка, у меня в палате висела икона Царя. И я, несмотря на то, что почитаю Государя, снял ее ввиду Вашего посещения». Покаялся. У меня бы лично не хватило мужества так искренно владыке все это сказать».

Вспоминают сопровождавшие отца Александра с мироточивой иконой Государя в день приезда в Дивеево: «Специально, чтобы не было скопления народа, так как икону везли, стараясь это не афишировать, отцу Владимиру накануне позвонили, что все отменяется. В шесть утра мы были у дома батюшки. Открыла матушка Ирина, которая пошла сообщить радостную весть отцу Владимиру. Икону положили на аналой в одной из комнат. Необыкновенно истощенный, невесомый батюшка в черном подряснике, казалось, он едва держится на ногах, вошел в комнату. Испытывая глубокое потрясение, он вдруг упал на колени, а потом распластался крестом на полу перед иконой – и в голос разрыдался. Не знаю, сколько минут это длилось. Все переживали невыразимые чувства – нам не доводилось присутствовать при подобной глубине покаяния».

Есть люди, которые говорят, что отец Владимир был обыкновенным человеком, который грешил, как и все другие, и останавливаются именно на грехе малодушия батюшки перед митрополитом. Нет человека без вины, один Бог без греха. Я не знаю, как грешил отец Владимир, так ли, как обыкновенные люди. Но я знаю, что он – **каялся** так, как дано не каждому.

«Таким был батюшка всегда и после пострига, в последние дни, тоже, – вспоминает матушка Ирина. – Окончена литургия. Исчерпанность всех сил: кроме службы, по-прежнему – люди, множество из которых не понимает,

в каком он состоянии. В храм он шел всегда пешком, и как он шел! И во сколько вставал, и как вставал! Несмотря на всю запредельную исчерпанность, он, имея возможность идти сокращенным путем, прямо домой, от ворот монастыря неизменно поворачивал направо – доходил до креста в начале Канавки. Совершал ему поклонение и начинал Богородичное правило. Одолевал половину, и я понимала, что ему очень хочется перейти дорогу, войти в калитку: середина Канавки – холм над святыми мощами Дивеевских сестер – напротив нашего дома. Но после короткой паузы – он шел дальше. Едва передвигает ноги, один Бог знает, чего ему все это стоит. Отдых-молитва у Царского дерева, и – до конца. Дома делится: «Первую половину шел со свинцовыми гирями на ногах. Тело, как на вешалке, болталось... Отдохнул у Царской лиственницы – и открылось второе дыхание».

Вспоминает инокиня Н., духовная дочь отца Владимира: «В Прощеное воскресение, вечером, когда было общее прощание перед началом Великого поста, батюшки не было. Он очень плохо себя чувствовал, и все понимали: повидаться и попрощаться с ним никому из нас не придется. На следующий день вдруг ко мне кто-то сбоку подходит: «Матушка, спаси вас Господи за маслице». Не поняла, кто ко мне обращается. «Какое маслице?» – поворачиваюсь и вижу батюшку с матушкой. Вспомнила, как мечтала получить последнее наставление и попросить прощения, принять благословение на пост и назидание на постовое время. Я пала батюшке в ноги, прося прощения за себя, потом за маму. И он прощения попросил, благословил и прошел к мощам Батюшки Серафима. Не смела его задерживать. Но в душе осталась потребность получить ответы на насущные вопросы. Меня отвлекли, начала с кем-то разговаривать. Вдруг подбегает матушка Ирина: «Вас зовет батюшка». Думаю: «Все-таки он почувствовал, что я чуть не плачу». Действительно, уже едва держалась. Мы все остро ощущали болезнь отца Владимира, отсутствие его советов. Последнее время он со мной почти не разговаривал, только благословлял, тем более каждое слово было бесценным.

Перед постом обыкновенно просила у батюшки благословение, хотя бы несколько первых дней провести без еды. Отец Владимир первую и последнюю недели поста ничего не вкушал, скрывая это. И мне позволял сугубый пост два последние года. И теперь имела то же намерение. Но он сказал: «Нет, матушка, не надо. Поститесь в меру, будьте как все сестры. Как все сестры, так же кушайте и молитесь». Его последнее наставление: «Ничем не выделяйтесь, главное – ваше послушание, оно очень тяжелое. Большего не нужно». Это было его последнее слово.

После принятия пострига отцу Владимиру стало легче. А через несколько дней вдруг говорят: очень плохо. Его тошнит, рвет, батюшку почти унесли из храма. Побежала узнать о его состоянии к ним домой. А накануне писала маленькое письмо в надежде получить подтверждение дальнейшим своим действиям. Задавала вопросы о молитве, потому что у меня были сложности с вычитыванием правила. Пришла, а матушка: «Он не может никого принять!» Но пошла попросить его уделить мне минуточку. Вышла: «На минуточку пройдите». Захожу, батюшка лежит – невыразимо бледный. Попыталась в нескольких словах все выговорить. Он начал мне отвечать очень кратко, что я занялась не тем, чем надо. И надо заниматься действительно молитвой. И молиться – предстоять Живому Богу. Господь сказал, что Он – не Бог – издалека, Он – близ призывающим Его всем сердцем. Нужна не словесная молитва, а именно благоговейная – Самому Христу. И добавил: «Маловажно все эти правила вычитывать, нужно творить Иисусову молитву... и произносить ее, и произносить... все свои годы... пока не придет ее величество смерть». И он в этот момент как-то так улыбнулся, я бы сказала, предсмертно... Поняла, что он говорит и о себе. Мне не хотелось в это верить... я была не готова... в тот момент даже хотела сказать: «Нет, этого не будет!» Но из уважения к состоянию отца Владимира (он лежал в постели) ничего не сказала. Отложила все в тайнике своего сердца и вышла. Само состояние батюшки, весь его облик учили сейчас глубже слов. И во мне шла внутренняя работа, как будто батюшка продолжал со мной говорить (так

бывало, по святым его молитвам, слова имели внутреннее продолжение, открывали недоговоренное, еще непонятое): произносить... износить из самой глубины и нести молитву – приношение Богу – из самой сути, из правды твоего существа. Что мы можем дать Богу? **У нас нет ничего**, все – Он создал, все – Его приношения нам. Лишь одно мы можем отдать (или похоронить в себе, как единственный талант) – сердечное движение смирения, благодарности, покаяния, но только подлинное. «Воздеяние руку моею – жертва вечерняя», – вот что нужно Богу – **наше настоящее**, то, что труднее всего в себе открыть, из себя достать – жить этим. И это дороже любых внешних дел. «На добрые дела свои не надейтесь», – повторял нам батюшка слова лаврского старца, архимандрита Тихона Агрикова, которого очень чтил. Уходила с чувством благоприобретения, понимая, что это завещание батюшки. Может быть – всем нам.

После этой встречи у меня начался приступ неожиданных болей. Страшно горел желудок, тошнило, выворачивало наизнанку. Меня увезли в больницу. И батюшке, совершенно больному, лежащему на одре, передали о моем состоянии. В больнице мне еще ничего не начали делать – произошло немедленное исцеление. Думаю, когда отец Владимир начал обо мне молиться. Знаю, это только его молитвами. Он меня вызвал потом к себе и конкретно обо всем расспросил. Такой батюшка. Ведь это были его последние дни, в такие часы уже перестают принимать, растрачивать силы. Ведь их уже нет – нечего растрачивать. Но он до конца умел забыть себя для других».

Раба Божия Тамара, получившая исцеление святыми молитвами отца Владимира, рассказала: «В последний свой приезд в Дивеево разговорилась на могиле батюшки со старушкой, которая со слезами вспоминала, каким он был в последние месяцы жизни. Исповедовал до конца. Худоба – одни косточки. От лица – одни глаза и улыбка остались. Склонится перед всеми – прощения просит. Однажды не выдержала, пожаловалась на свою спину: боль к земле гнет. Батюшка наклонился, простучал по всему по-

звоночнику. Просто выпрямил меня. Все боли прошли. До смерти не мог перестать народ жалеть».

Послушница Галина: «Отец Владимир всегда будет стоять в глазах. Слезы приступают, как вспомню его последнее благословение. Уже было понятно, что совсем нет сил. И вдруг так глубоко глянул, крестом своим особым, всепроникающим – благословил. Простился».

Матушка Ирина: «Батюшка перед смертью... Это уже когда полностью смиряются, никому не противоречат. Есть силы или нет – ласково соглашаются все исполнить. Бесстрастие... Помню, после службы идем с батюшкой, он едва ноги, как чужие, переставляет. Сколько раз не известные мне люди падали перед ним на колени, прямо на улице: «Прости!» Наверное, было за что».

Инокиня Н: «Однажды в конце литургии я начала неожиданно произносить: «Святый мучениче Крискентие, моли Бога о нас». Имя это слышу впервые. Не понимаю, в чем дело. Почему во мне звучит эта молитва? Никогда ничего в моей жизни не было связано с этим святым. Открыла «Жития», день не совпадал с памятью мученика (был август). Даты: одна в конце марта. И только в день смерти батюшки, имея в руках святцы, прочла в перечне святых – 23 марта, святой мученик Крискент.

Было еще одно предсказание его кончины. В августе вижу сон: подхожу к могилке матушки Александры, к ее большому кресту. А рядом – новый. Крест выделялся своим размером. И на нем – имя батюшки. И слышу: «Да, отец Владимир умер». – «Как умер? Что вы мне говорите? Он – жив!» Повторяют: «Он умер». – «Как он мог умереть, не предупредив...» Проснулась, думаю, что за ерунда! Постаралась все забыть. Через месяц или два узнаю, что батюшка смертельно болен. Это меня глубоко опечалило. Кто-то заранее подготавливал меня к разлуке. Но невозможно было поверить до конца. Пыталась, конечно, отгонять все мысли о неизбежном, но душа все знала. Помню, мучилась:

«К кому же я буду обращаться? Как буду жить без батюшки?» Для меня это был не формальный духовник,

это был – отец, родственник. Даже друг, в самом большом смысле слова. Сейчас это столь редко, практически не бывает. У меня в жизни по-настоящему никогда не было друзей. Чтобы подставили плечо, тем более – подняли тебя из грязи. Таких на земле – единицы, что идут добровольно в непролазную помойку, утопающих вытаскивать. Батюшка был единственный такой человек. Не только на моем пути. Это его умирание ежедневное... Кажется, умирала вместе с ним. В декабре месяце почти не могла двигаться. Была измождена. Позже узнала, что это был самый тяжелый период его жизни. Понимала, все идет к концу. Боялась этим предчувствием с кем-нибудь делиться, многие могли не понять. Батюшка учил сокровенное доверять не всем.

После одного тяжелого искушения с мамой опять к отцу Владимиру: «Батюшка, что же мне делать?» А он так строго: «Вам надо молиться за вашу немощную и страдающую маму». Больше ничего не сказал, никаких вразумлений, ничего. Да, нужна была именно моя молитва, покаянная, с просьбами, поклонами. Пока батюшка болел, у мамы так и не произошло положительного перелома. И только после кончины отца Владимира... Помню, батюшку привезли хоронить – она рыдает. «Мама, что с тобой?» – «Ах, батюшка умер! Какого мы потеряли батюшку!» Думаю: «Отец Владимир лишь своей смертью вразумил тебя, и ты поняла, что потеряла! Была рядом – не хотела осознать». И сейчас мамино состояние значительно лучше, она воцерковляется. И это произошло именно после ухода батюшки. Однажды слышу: «Ты знаешь, он мне приснился!» После сна маме стало ясно, что она перед батюшкой виновата. Взяла ее за руку: «Идем к отцу Владимиру на могилку просить прощения и помощи». Умоляю: «Батюшка, помоги нам!» Пришли, приложились... И за последнее время, едва верю – с мамой все легче, явно лучше. У нее появилось послушание: до этого никак не соглашалась взять в руки летопись. И вдруг со вниманием все прочла. Стала вникать в дела обители, и ей стало интересно жить. До этого она просто от всей нашей жизни отвращалась... Как мы обязаны святым молитвам батюшки.

Не сумею выразить своего ощущения, но для меня отец Владимир воспринимается принявшим схиму. Признаюсь, поминаю его: иеросхимонахом. У меня так более естественно выговаривается. Быть может, потому, что собственно монашеские молитву и любовь к людям батюшка, на мой взгляд, имел давно. А все последнее – было уже причастием великой схимнической скорби и глубине (опять-таки через себя – о всех). Естественно, я просто делюсь своим внутренним ощущением, не более.

Когда отец Владимир служил на свой новый день Ангела, первый и последний, подошел один из его духовных детей с просьбой снять литургию на видео. У нас на любую съемку запрет от митрополита. Никого из старших в храме нет. И я, теряя надежду, предлагаю: «Давайте попробуем позвонить матушке игумении». Не знала, на месте ли она, это было почти безнадежно. Но когда матушка узнала, что хотят запечатлеть отца Владимира, она с радостью дала свое благословение. Так сохранилась часть уникальной службы. Подарок всем нам. Записали и проповедь, к сожалению, не полностью. Бесконечно жаль, что мы не старались сберечь проповеди батюшки. Казалось, он будет рядом всегда. Это было огненное слово воина, сражавшегося за Отечество. Все большое не было для него отвлеченным. Каждая вверенная ему душа – была для него частью святой Руси, за которую он отвечает. Непомерна батюшкина скорбь за Россию. Он был призван Богом, чтобы звать к покаянию, умолять Христа спасти тех, кого еще можно успеть спасти. Сугубый был молитвенник за нас грешных. Был и остается - со всеми нашими святыми».

Матушка Ирина: «Московские врачи, пригласившие отца Владимира на глубокое обследование, пришли к выводу: «Единственное, что вам поможет – сухой голод. Он очистит организм, и метастазы могут уйти». Сухой голод: без воды, смачивания уст, умывания и без единого слова. Общение записками. На шестой день у батюшки появилась сильная слабость. Дивеевская сестра приехала к самарской блаженной: «Матушка Мария, отец Владимир в Москве умирает, помолись, пожалуйста, ты же любишь батюшку».

Схимонахиня сложила крестообразно руки: «Возьму, возьму, возьму». Инокиня поняла, что матушка возьмет отца Владимира на молитву, и успокоилась. А она, предчувствуя собственную кончину, обещала участвовать в его переходе в Царские обители.

В этот период отцу Владимиру было очень плохо. Казалось, его оставили последние силы. Я заходила в келью, звала его по имени – и никаких проявлений жизни в ответ, ресницы не дрогнут. Не знаю, жив или нет. Мне передали: в эти дни в Дивеевском монастыре, где о состоянии батюшки ничего не было известно, отец Андрей во время Божественной литургии, поминая о здравии, внезапно обратился к людям: «Помолимся о тяжко болящем иерее Владимире!» – и первый встал на колени у престола. Огромная толпа народа упала на колени. Многие плакали.

На девятый день голодания батюшка написал мне записку: «Матушка, я не могу без Причастия, **не могу без Причастия, не могу – без Господа!»**. Не просил воды или еды. Пришел отец Анатолий из Андронникова монастыря – прилетел легкий, светлый батюшка. И два с лишним часа отец Владимир ему исповедовался. Я вошла, они обнялись, оба в слезах. Это было потрясением и для моей души. Исповедь на новой глубине батюшка за эти девять дней выстрадал и подготовил.

С 19 на 20 января (20 – батюшкин постриг) матушка отца Анатолия видит сон. Она в больнице, рядом на другой кровати отец Владимир. «Батюшка, я договорилась с врачами: они сделают операцию – мой желудок вам отдадут, а ваш – мне». Он: «Прекрати сейчас же, у тебя дети». – «У меня взрослые, а у вас маленькие». Дверь полуоткрыта, заглядываешь ты, матушка, и детки. Вдруг из правого угла – другое слово сложно подобрать: трубный Ангельский глас: «Схиму отцу!» Это было повторено трижды». Быть может, это голодание и покаяние на фоне смертельной болезни были проверкой на внутреннюю готовность к схиме. Без контактов с внешним миром – никаких звуков, разговоров, полное отсутствие общения. На пятый день отец Владимир передал мне первую маленькую записку. Глубокий затвор. Молитва и чтение. Написал

Андрею, своему духовному чаду, который готовился к священству и монашеству, серьезное письмо, оно говорило о суровости подвига, который батюшка проходил. В письме отец Владимир процитировал слова отца Алексия Мечева: *«Ты хочешь быть священником. Будь, если очень любишь Христа и если чувствуешь, что не можешь жить и не совершать литургию. Служба священника – это литургия и безграничная любовь ко всем. Весь мир – твое семейство должен быть. Если будет такая любовь ко Христу и людям, ничего не бойся и в этом и в будущем мире. Ты победишь врага рода человеческого и спасен будешь. А если нет у тебя желания совершать литургию и не любишь ты людей, как свою семью, остерегайся быть пастырем – большой ответ дашь Богу!»* Очевидно, что эти слова были идеалом собственного священнического служения батюшки.

Отец Владимир очень сильно похудел. За одиннадцать дней он потерял (это при его весе!) – 15 килограмм. Неумело вывели его из голода. Рекомендовали много соков, на третий день салаты. А у батюшки – полная непроходимость. Начались жуткие боли. В Первом медицинском институте знакомый хирург потребовал: «Немедленно на операцию! Гарантирую вам успех, как верующий врач». Но мы отказались. На мое колебание батюшка ответил: «Нет, матушка, Господь мне даст что-то другое». Несмотря на безмерную ослабленность, истерзанность болезнью, ему обещали исцеление, и он отказался. Если бы не обретенная духовная высота, он мог бы склониться перед авторитетом врача. Но нашел силы сказать «нет».

Возвращаемся в Дивеево к празднику Преподобного Серафима. Батюшка в невероятной немощи идет на службу. Незадолго до этого пришел ответ от архимандрита Кирилла из Лавры: «Отец Владимир, получил ваше письмо... считаю необходимым благословить вас на постриг. При условии, что ваша матушка согласна, и при благословении вашего правящего владыки».

Духовная дочь отца Владимира Екатерина: «Не верили себе, видя батюшку на праздник Преподобного Серафима. Какое это было для всех утешение и радость! Среди подарков батюшке был преподнесен очередной том Олега

Платонова «Терновый венец России». Надписью-поздравлением был текст письма Императрицы из заточения, за считанное время перед мученической кончиной святой Царской Семьи. Быть может, он не случайно прозвучал в этот день – за два месяца до смерти отца Владимира.

Государыня Александра Феодоровна
Анне Вырубовой, 20 марта 1918 г., г. Тобольск

«Милая моя, год, что с тобой и Лили простились. Много все пережили, но Господь Своей Милостью не оставит Своих овец погибнуть. Он пришел в мир, чтобы Своих в одно стадо собрать, и Сам Всевышний охраняет их. Душевную связь между ними никто не отнимет, и свои своих всегда узнают. Господь их направит, куда им нужно идти. Промысел Божий недостижим человеческому уму. Да осенит нас Премудрость, да войдет и воцарится в душах наших, и да научимся через нее понимать, хотя говорим на разных языках, но одним Духом. Дух свободен. Господь ему хозяин; душа так полна, так живо трепещет от близости Бога, Который невидимо окружает Своим присутствием. Как будто все святые угодники Божии особенно близки и незримо готовят душу к встрече Спасителя мира. Жених грядет, приготовимся Его встречать; отбросим грязные одежды и мирскую пыль, очистим тело и душу. Подальше от суеты, – все суета в мире. Откроем двери души для принятия Жениха. Попросим помощи у святых угодников, не в силах мы одни вымыть наши одежды. Поторопимся Ему навстречу! Он за нас, грешных, страдает, принесем Ему наши любовь, веру, надежду, души наши. Упадет ниц перед Его пречистым образом, поклонимся Ему и попросим за нас и ***за весь мир прощенья****, за тех, кто забывает молиться,* ***и за всех****. Да услышит и помилует. И да согреем мы Его нашей любовью и доверием. Облекшись в белые ризы, побежим Ему навстречу, радостно откроем наши души. Грядет Он, Царь Славы, поклонимся Его Кресту, и понесем с Ним тяжесть Креста. Не чувствуешь ли Его помощь, поддержки в несении твоего Креста? Невидимо Его рука поддерживает твой крест, на все у Него силы хватит;*

***наши кресты только тень Его Креста**. Он воскреснет скоро, скоро и соберет Своих вокруг Себя, и спасет Родину, ярким солнцем озарит ее. Он щедр и милостив. Как тебе дать почувствовать, чем озарена моя душа? Непонятной, необъяснимой радостью, – объяснить нельзя, только хвалю, благодарю и молюсь. Душа моя и дух – Богу принадлежат. Я чувствую ту радость, которую ты иногда испытывала после Причастия или у святых икон. Как Тебя, Боже, благодарить? Я недостойна такой милости. О Боже, помоги мне не потерять, что Ты даешь! Душа ликует, чувствует приближение Господа: грядет Он. Скоро будем Его славить и петь «Христос Воскресе!»*

Я не «exaltee», дитя мое; солнце озарило мою душу, и хочу с тобой поделиться, не могу молчать! Торжествует Господь, умудряет сердца: увидят все концы «яко с нами Бог». Слышишь ли мой голос? Расстояния ничего не значат – дух свободен и летит к тебе, и вместе полетим к Богу, преклонимся перед Его Престолом...»

Все мы неколеблемо верили в исцеление батюшки. Но теперь, вспоминая этот текст, понимаю, что Господь через него напоминал нам о необходимости готовиться к смерти, батюшкиной и своей. За считанное время до своей кончины отец Владимир сугубо благодарил человека, который подарил ему некогда «Письма Царственных мучеников из заточения». Он еще раз перечитал эту книгу в последние дни своей жизни. Да, батюшка чувствовал помощь Спасителя в несении своего креста. Сороковой день отца Владимира совпал со вторым днем Пасхи. Но всем нам сразу же после смерти отца Владимира хотелось петь: «Христос Воскресе!»

После праздника Преподобного Серафима впервые в жизни увидела, молитвами отца Владимира, Преподобного во сне. Нахожусь в доме отца Владимира. Но только он больше напоминает келью Серафима Саровского в затворе, как на старинных фотографиях. Комнаты из старых бревен, между ними мох. Никаких лишних вещей, немного

икон. Батюшка Серафим непривычно в черном монашеском облачении, в клобуке, медленно и сосредоточенно движется по комнате. Удивительные глубина и покой исходят от него. Глаза полуприкрыты. Совершенно явственно, что он молится об отце Владимире. И, кажется, если откроет глаза – в келью прольется океан Божественного голубого света. Я сижу в уголке, на табуретке, и с замиранием сердца слежу – за живым Батюшкой. Благоговейно понимаю: он здесь, потому что всецело участвует в нашей скорби. Он все знает и гораздо больше, чем мы. Внимаю великому облегчающему спокойствию, исходящему от Преподобного, – неземное всеведение. И думаю: что же мы все так нервничаем, суетимся, никакого подлинного упования на Бога. В эту минуту ясно ощутила великое соучастие Мира Иного в судьбе и страданиях земных. Совершающееся находится в руках Вышнего. Все будет хорошо. Господь не может ошибаться... Тут я вдруг спохватываюсь: единственный раз в жизни рядом Преподобный, как хочется ему исповедаться. И начинаю ярко вспоминать забытые грехи. Слезы подступают к горлу. Вдруг Батюшка подходит ко мне, отзываясь на эти мысли... И вот он присел на табуреточку, а я – у его ног: со слезами исповедую никогда еще мною не осознанные, полностью забытые грехи. Батюшка внимает с великим сочувствием и, я бы смела сказать, – радостью, что кто-то освобождается от тягости греховной. Душа утешалась светом нездешнего Добра, Милости, Понимания... не существует слов, чтобы это передать.

С невыразимым счастьем ощущаю, как Преподобный, накрыв епитрахилью, читает надо мной разрешительную молитву.

Проснулась в слезах, испытывая неземное облегчение. Как никогда прежде, поняла: наш отец Владимир – от Серафима Саровского. Рассказала ему виденное: «Как печально, все забыла, что исповедовала во сне». «И не надо помнить, – улыбнулся отец Владимир. – Ведь Преподобный разрешил вам все эти грехи». Через считанные дни батюшка принял монашеский постриг. И матушка Ирина сказала: «Преподобный Серафим молился о батюшкином монашестве».

Матушка Ирина: «В монастыре всех поражает батюшкина неописуемая худоба. Митрополит, вернувшись с праздника Преподобного, присылает благословение на постриг. Советовалась с духовным отцом: «Батюшка, вы тоже послали отца Владимира на операцию, но она оказалась не нужна». – «Если бы я не разрешил, все бы говорили: врачи хотели помочь, а отец Петр не благословил. Все по Промыслу Божию. Благословляю на постриг, попросите владыку Иерофея». Звоню: «Владыка, Вы рукополагали отца Владимира в дьяконы и священники. Просим Вас совершить его монашеский постриг». – «А отчего же, приеду».

Отец Владимир принял монашество 20 января, в день празднования собора Иоанна Предтечи. Вспомнила, что последняя служба батюшки была на Усекновение главы Иоанна Предтечи, Учителя Покаяния. Батюшка неформально был связан с ним: скольких людей привел к глубокому раскаянию. Его «зрение собственных грехов» было редким. Пришел новый этап покаяния, который призвал к углублению духовной жизни не только самого батюшку, но и многих связанных с ним людей».

Незадолго до смерти отца Владимира посетил один медик, которого поразила степень батюшкиной истощенности и при этом – необыкновенное присутствие духа. Весьма тонко он сделал комплимент отцу Владимиру как человеку, которому не приходится бояться смерти. Батюшка тут же отстранил прилог лести: «Когда умирал преподобный Сисой, он умолял пришедших к нему Ангелов, чтобы они оставили ему время – на покаяние. Присутствующие сказали: «Отец, ты не нуждаешься в покаянии». Он ответил: «Поистине не знаю о себе, положил ли я начало покаянию».

Преподобный Макарий Великий, окончив жизненный путь, беспрепятственно восходил на Небо, ибо он боролся с силами тьмы в этой жизни и выиграл битву. Когда его душа возносилась, нечистые духи, далеко отстоя от нее, кричали: «О, Макарий! Какой славы ты сподобился!» Смиренный старец отвечал: «Нет! И еще боюсь, потому

что не знаю, сделал ли я что доброе». С других мытарств неслось: «Точно! Ты избежал нас, Макарий!» – «Нет, – отвечал он, – и еще нуждаюсь в бегстве». Когда преподобный вступил в Небесные врата, рыдая от злобы и зависти, бесы вопили: «Да, теперь ты спасен!» Он отвечал: «Силою Христа моего ограждаемый, я избежал ваших козней».

Так говорили и чувствовали христиане, которые единым словом при жизни – могли воскрешать мертвых...»

Во время пострига отца Владимира стали еще очевиднее его непомерная истощенность, физическое бессилие. Он опоздал к намеченному часу в храм Рождества Божией Матери, и матушка Ирина боялась, что он не сможет дойти, батюшка еле переставлял ноги. Когда его постригали, казалось, перед нами была одна батюшкина душа – уже только душа. Отец Владимир был столь изнурен, невесом: непонятно, какими силами он держался... Иногда становилось не по себе от мысли, что он может умереть прямо здесь. Но после пострига он уже шутил, вызывая улыбки монашествующих, утешал всех пришедших.

Выйдя из храма, где совершился постриг, поздно вечером отец Владимир очень медленно, без сопровождающих, дошел до Троицкого собора. Записываю дальнейшее со слов дочери батюшки. Она поведала мне эту тайну, благодаря рассказу дежурной инокини. Здесь отец Владимир припал к святым мощам Преподобного Серафима и долго плакал, повторяя одну фразу: **«Батюшка, помоги моему успению»**. Ребенок делился с потрясенным сердцем. Иначе это было невозможно воспринять. Ведь всем казалось, что отец Владимир верит в свое выздоровление. Этой верой держались бесчисленные люди в разных городах и весях, не позволяя себе усомниться: «Бог исцелит его. Он нужен стольким людям! Господи, сотвори это чудо. Нет невозможного для Тебя!» Но, оказывается, отец Владимир и в этом себя не обманывал. Своим облегченным взглядом на диагноз, внешней непринужденностью – он помогал всем нам **вынести** месяцы его болезни. Знал, что ему предстоит умереть, и очень скоро. И готовился к смерти.

Матушка Ирина: «После пострига батюшке становится немного лучше, он начинает ходить. Снова служит в храме литургию. Большой прилив сил на праздник Ксении блаженной, 6 февраля. «Как же удивительно я себя чувствую... Как Милостив Бог...» 7 февраля – день его Ангела, священномученика Владимира Киевского и Галицкого. Отец Александр привозит в Дивеево чудотворную икону Царя. Перед этим звонок из Москвы: «Расписание посещений иконы давно составлено, вряд ли что получится. Если только в понедельник...» – «Но это день Ангела батюшки!» – «Тогда точно получится!» Приезд не обнародовали, частным образом привезли к нам икону. Но скрыть это событие, конечно, не удалось, в дом хлынули толпы народа. Пришли отцы, отслужили молебен. Люди шли нескончаемым потоком. К вечеру он достиг размеров полноводной реки. Сам отец Владимир отслужил перед святыней бесчисленное число молебнов. Каждый получал из его рук акафист и Царскую икону. Происходило настоящее Прославление Государя. В это время была назначена конференция, посвященная канонизации, которую отменили. В Дивеево произошла духовная канонизация, народное Прославление Царя.

Когда святыню увезли, инокиня Е. увидела во сне: «Батюшка Владимир вынимает из коробки и раздает народу огромные жемчужины, каждому по одной. Подбегаю: «Батюшка, и мне». Воистину духовный жемчуг».

По благословению матушки игумении, мироточивый образ Государя вместе с большой иконой Преподобного Серафима монашествующие и миряне обнесли по Канавке, несмотря на то, что отец Александр уже опаздывал на поезд в Москву. Когда икона Царя была внесена в машину и она тронулась, отец Владимир возгласил: «Положим вслед Батюшке Царю три поклончика!» И сам первый упал на колени. За ним стали делать поклоны все люди.

В следующую минуту батюшка повернулся к народу и с огромной духовной силой и волнением стал говорить о Любви Божией. Это был вдохновенный поток благодати. Запомнились слова: «Любовь Господня – как океан, запол-

няет весь мир, все пространство, воздух… Мы все существуем в преизбыточествующей этой Любви. Господь близ. Безмерна Его Милость, Его сострадание к людям. Только – позови! Шепотом произнеси Его имя, сердцем… Он слышит любой шепот… Ждет каждую душу. Ждет нашей ответной Любви. Я Люблю – вас всех!» В ответ многоголосно, с рыданиями, раздалось: «И мы Вас любим, батюшка! И мы тебя, батюшка, – любим!» – «Я никогда не перестану молиться о вас! Я буду просить о вас Господа, где бы я ни был! Там или – там!» – мгновенным жестом руки батюшка показал вниз и потом – в небо. Рыдания перехватили ему горло. И он скрылся за воротами своего дома под неудержимый плач любящих его людей.

«Я смотрю на людей, как на детей Единого Отца, как на члены Господа моего Иисуса Христа, и не имею к ним иного чувства, кроме сильного желания – спасти их души, и особенно души тех, которые мне как отцу доверили себя. Это желание до того объяло мое сердце, что я в ад спущусь за ними, и нет силы на земле, которая бы могла разорвать мое внутреннее с ними единство» (преподобный Агапит Нило-Столобенский).

7 февраля служили литургию в честь праздника иконы Божией Матери «Утоли Моя Печали». Небесному покровителю отца Владимира службу перенесли на следующий день. У всех в памяти останется эта незабвенная служба. Бесплотный, невесомый, батюшка совершал литургию с огромной духовной силой. Как будто был снова полностью здоров. Многие говорили, что не присутствовали на подобном богослужении.

Иеромонах Серафим из Гороховецкого монастыря рассказал: «Наш игумен предложил мне поездку в Дивеево к отцу Владимиру, на его день Ангела – 7 февраля 2000 года. В этот день мы вместе служили. Меня поразило то, как батюшка совершал литургию. И до этого я не встречал такого служения, и после батюшки уже не видел никого, кто бы так проникновенно, молитвенно совершал Божественную литургию. Отец Владимир, допустив незначительную оплошность, тут же с неподдельным смирением начал

извиняться перед отцом Петром. Тот даже оторопел немного: «Что ты, что ты, отец Владимир, ничего страшного, все хорошо». Потом батюшка приступил к проскомидии. Его лицо было глубоко сосредоточенным. Один из сослужащих священников предложил мне: «Иди частички вынимать, помяни своих сродников». – «Хорошо, немножко попозже». Я так и не посмел подойти к жертвеннику, чтобы не нарушить ту благоговейную атмосферу, в которой отец Владимир совершал проскомидию. Это воистину было предстояние Богу. После литургии он служил молебен. Из Москвы в этот день привезли чудотворную икону Государя в дом батюшки. Запомнились последние слова отца Владимира. Он благодарил всех посетивших его в день Ангела и сказал: «Я свидетельствую своей монашеской совестью, что Господь нас – всегда слышит. Самым тихим шепотом – произнеси, и Он – слышит». Он это оставил нам из своего опыта. Говорил то, что чувствовал своей душой. Эта душа жила на нестандартной глубине. После смерти батюшки Владимира начинаешь понимать всю величину его жизненного подвига. Он был прост, безыскусен, постоянно **забывал себя для всех** – за этим скрывалась глубина его невнешнего смирения. Нередко видишь человека, находишься рядом и не осознаешь высоты его духовной жизни. Особенно, если он сам себя не ценит. Когда он уходит, и ты уже не встречаешь в других того, что было в нем, не обретаешь подобного в окружающих тебя людях. И начинаешь понимать, какой высокой ценой оплачена эта жизнь. Мы пользовались ею даром... Великое счастье знать и общаться с подобными людьми».

После богослужения отец Владимир произнес проповедь, которая у многих останется в памяти: «*...дьявол открывает свою личину, власть принадлежит безбожникам.* ***Идет война против Православия****, дьявол не остановится на полпути, он будет идти до конца...* ***Идет последняя битва****. Но Свет победит тьму... И Христос будет судить, во-первых, нас с вами...*

Царствие Божие – оно рядом, только позови. Покайся, не скрывая слезы... Он простил мне, Он простит вас, толь-

ко не будем откладывать покаяния. Вот и сейчас еще можно пойти вот к тому аналою. Там священник примет вашу исповедь...

Желаю вам молитвенного стояния за души православные, за други своя, за землю Русскую... Нам заповедано – прощать личным врагам. Но за веру Православную, за Россию нашу будем биться, стоять твердо и небоязненно. Бороться со злом будем, прежде всего, молитвой, образом жизни. На вопрос, как ближнему помочь – простой ответ: стань сам таким, каким ты хочешь, чтобы стал твой ближний».

Уходила после этой службы, и в душе слезами отзывались слова батюшки, призывающие нас к самому глубокому и подлинному общению, на которое нас вечно не хватает, – общению со своим Создателем: *«...шепни про себя, чтобы никто не слышал, кроме Господа – и Он ответит»*.

Перед концом жизни отец Владимир перечитывал книгу об отце Понтии Рупышеве и сугубо подчеркнул эти строки: *«Забуду ли я Тебя, Всеблагий, Премудрый, Сильный, Святый Господи?! Ты наша милость и крайнее снисхождение. Все человеческое, как бы ни казалось оно великим, прекрасным, чистым, добрым – забудется... Но Твоя Любовь Божественная – никогда. Когда все оставляют, Ты – никогда. Когда все рушится и силы, истощаясь, вот-вот оставят, Ты Один наша крепость и сила и непостижимая Премудрость, вновь воссозидающая разрушенное и укрепляющая расслабленное Тебе Одному ведомыми путями. Когда кругом и в нас бушует буря безумных, скверных страстей, готовая все опрокинуть, извратить, искалечить, Ты Один – наша Святыня, Которой ничто не осквернит. Боже милостивый, Боже Отче, Единый Отче, Боже Святый, буди во мне, благодатию Святого Духа Своего меня освящая, просвещая, питая, утешая, укрепляя, воссозидая; с Тобою я - все для всех, без Тебя я – ничто»*.

Рассказ рабы Божией Ксении: «Одиннадцать лет назад я начала работать в храме. Мы поднимали его после тридцати с лишним лет запустения. В это время мне приснился сон, смысл которого стал мне ясен много лет спустя.

Увидела наш разоренный храм, в котором ведутся восстановительные работы не на гладкой улице – на склоне горы. Отлого от белых церковных стен вдаль уходил светлый весенний пейзаж: тоненькие березы, набухшие почки, едва проглядывают будущие листья. Прозрачный хрустальный день. Стою, любуюсь. Вдруг рядом вижу батюшку, который много лет является моим духовным отцом. И мы начинаем подниматься по каменистой тропе вверх, все выше. Идем рядом. То оступлюсь, то отстану, и углубленный в молитву священник молча протягивает мне руку, на которую опираюсь, выравниваюсь. И мы продолжаем путь. Вдруг дорога пропадает в страшной невылазной грязи. Неожиданно поскользнулась, потеряла равновесие и готова упасть. Там, во сне, испытываю подлинный ужас – сейчас я должна упасть со всего размаха. Моего отца почему-то нет рядом. Мне не на кого опереться! В это мгновение справа появляется неизвестный священник в монашеском одеянии. Запомнила темные развевающиеся волосы, взгляд глубокого сострадания. Он устремляется на помощь, как торопятся взыскать погибающего – всем сердцем. Двумя руками подхватывает стремительно падающую за обе руки. Прочно ставит на ноги. На этом все обрывается. Просыпаюсь потрясенная. Ощущаю неподдельный ужас близкой погибели: должна была упасть и катиться вниз по острым камням, как падают в бездну. Прошло время, повседневные заботы ослабили яркое воспоминание.

Минуло пять лет успешной работы в храме, после чего меня постигло большое несчастье. Духовный отец не понимал отчаянности моего положения. По попущению Божию, он не нашел времени и сил, чтобы вникнуть в происходящее со мной. В этот период я попала в Дивеево и на исповедь к отцу Владимиру, который с огромной затратой духовных сил вынул меня из преисподней ситуации. Имею право сказать, что обязана батюшке – жизнью. Он предупредил готовое свершиться духовное крушение, поставил меня на ноги. С этого времени я благодарно считала отца Владимира своим вторым духовным наставником. С неизменной деликатностью, он постоянно подчеркивал в общении, что у меня есть духовный отец, говорил о его высоких

достоинствах. Старался всегда уйти в тень, чтобы, не дай Бог, ничего не нарушить в моих отношениях с духовником. Меру и степень помощи, которую он мне оказывал все эти годы, до последних дней жизни, в основном без слов, молитвенно, на расстоянии, так как я продолжала жить далеко от Дивеево, – оценить невозможно. Одному Богу известна неоплатность моего долга. Поразительно то, что отца Владимира я увидела во сне, когда он еще не был священником и даже диаконом.

8 февраля – на этот день перенесли службу и празднование дня Ангела батюшки – произошло наше прощание с отцом Владимиром. После трапезы, на которой он ничего не мог есть, батюшка уезжал на последнее обследование в Нижний Новгород. Мы провожали его к машине. Неожиданно батюшка остановился и, обратившись ко мне, произнес с любовью, которая почти нереальна в нашей жизни: «Духовный отец у тебя есть, ты будешь мне – сестрой». В первый раз за многие годы он не обратился ко мне на «вы». Благословил. Развел руки в стороны – в эти мгновения он, фантастически худой, напомнил распятого на кресте, – произнес с огромной духовной силой: «Христос Воскресе!» – обнял недостойную невещественными руками, христосуясь по-монашески – бесплотным склоненьем к одному и другому плечу. Казалось, рядом не плотяное существо, а Святой Дух. Потом он повернулся к другому человеку, худенькому и высокому. Склонил его голову себе на плечо, обнял одной рукой, несколько раз поцеловал голову со словами: «А ты будешь мне сыночком!» Любовь, исходившая от батюшки, была неземной силы, слезы кипели в душе каждого, стоящего рядом. Люди сдерживались изо всех сил, чтобы не разрыдаться. Сердце горело готовностью пойти для батюшки в огонь и воду. Считанное время до смерти – но силы, которые излучала сейчас на присутствующих душа отца Владимира – были непомерными. Это был гигант духа. Сегодня утром этот умирающий служил литургию с отдачей здорового человека. Произнес фундаментальную проповедь. Целый день отдавал себя множеству людей. Мы не знали, что батюшке оставалось жить здесь полтора месяца... Он сел в машину, близкие

готовились к отъезду. Мы стояли поодаль, не отрывая глаз от нашего отца, который расточил беспощадно, без остатка для всех нас свои плоть и кровь, отдал всю душу за друзей и ненавидящих его и потому приобрел ее в новом качестве, на не известной для обычного восприятия глубине. Вдруг он громко позвал меня по имени. Подбежала к открытой дверце машины. Хрупкая фигура отца Владимира в монашеских ризах была еще более невещественной на фоне темно-серых подушек сидения. Карие светлые глаза казались очень большими. Они сияли, источали свет неведомого нам – смирения. Батюшка давно жил силами Иного Мира. «Передай от меня поклон отцу В.», – батюшка назвал имя знакомого мне священника, который болел о нем душой. Последнее благословение, и машина тронулась. Наши души готовы были вырваться и лететь ей вслед. Крестили дорогу, машину, пока за ней можно было следить глазами...»

Раба Божия Ирина, Дивеево: «Разве можно забыть, как батюшка помог моей маме, будучи уже совсем больным. Мы переехали сюда два года назад, сначала родители перебрались в Дивеево, по молитвам батюшки. С большим трудом купили дом – такой, что у мамы сердце начало болеть от всех неполадок-недоделок. Деньги отданы были большие, а столько всего не сделано, и мама переживала, нервничала, она у меня хроник, сердечница. И до того нанервничалась, что у нее пошли приступы сердечные. А приступы – это перед инфарктом. Все это мы проходили, это уже конец. К тому же она осталась одна. Отец уехал в Нижний Новгород: «Ты здесь хотела жить, ты и живи. Мне здесь нечего делать». И мама говорит: «Я уже испугалась, начала всерьез молиться. К кому только не обращалась. Такие приступы: ни повернуться, дышать уже не могу! Отец Владимир был тогда смертельно болен. Стала ему молиться, привыкли, грешные, за все годы – к нему бегать: «Батюшка, родненький, помоги...» И вижу в тонком сне: подходит ко мне отец Владимир в монашеском одеянии. Обнял меня, прижал голову к себе. «Ну, что же ты так накрутила себя?!» Благословил, повернулся и

ушел. Проснулась, не верю себе: все отступило. В сердце какие-то боли на время остались, но этих приступов жутких не стало. И я возблагодарила Господа и батюшку за эту помощь, – рассказывала мне со слезами мама, – иначе не знаю, была бы я жива или нет».

Духовная дочь отца Владимира Надежда П.: «Мне посчастливилось исповедоваться у отца Владимира буквально за месяц до батюшкиной кончины. Он уже был не похож на себя: еле-еле двигался, исчезла легкая летящая походка, когда, казалось, он не касается ногами земли. Очень худенький, бледный... Пришла в храм, мама мне говорит: «Отец Владимир здесь, возьми благословение». Смотрю по сторонам и не вижу его. Думаю: «Мне же на исповедь надо». Был праздник Иоанна Предтечи, служба на втором этаже. Мама: «Он только что мимо проходил, и я сказала, что Надя здесь и хочет исповедаться». А он: «Где же, где она?» И вдруг вижу, батюшка отходит от мощей Преподобного Серафима. И говорит: «Ты одна? Где все ваши?» Благословляет меня. «Пойдем». Думаю: «Господи, помилуй, неужели батюшка, еле-еле идущий, такой слабенький, будет меня исповедовать?» Поднимаемся по железной лестнице наверх, на хоры. Отец Владимир говорит: «Надя, можно я обопрусь на твою руку?» – «Пожалуйста!» Батюшка опирается на мои руки, сложенные словно для благословения. Он опирается, и мы идем. На полпути батюшка оборачивается ко мне и спрашивает: «Надя, тебе не тяжело?» Как вспомню, слезы катятся из глаз: «Батюшка, мне не тяжело, я так бы шла и шла, сколько угодно». Поднялись. Он: «Ты стой, молись. Грехи написала?» – «Да». – «Давай мне», – и ушел в алтарь. Я знаю, что батюшка молится, стояла всю службу, чувствуя его мысли: «Стой, не волнуйся. Я приду». Уже «Святая святым», вот-вот Причастие. Господи, помилуй, сейчас начнут причащать, а я не исповедалась. Началась проповедь, толпа народа. Думаю: «Да батюшка и не пройдет через эту толпу, храмик-то маленький». Смотрю, отец Владимир слабенький такой, ручку вперед протянул – и легко выходит из толпы. Ведь кажется, ветер дунет – и

свалит. Приближается: «Ну, пойдем». Остановились там, где поют сестры, встаю на колени. Рыдания перекрывают все мои чувства. Батюшка внятно читает разрешительную молитву: «Каешься?» – «Каюсь». Батюшка сжимает руками мою голову, чувствую его холодные ручки. От этого еще больнее, так горько. Знаешь, что батюшка уходит, и не хочешь этому верить. Он говорит: «Бог простит. Вставай. Благословение Господне – причащаться». Иду к Причастию. К моей радости, выхожу из храма и снова встречаю батюшку. На сей раз его сопровождают, и он говорит: «А мать Елисавету я должен посетить». Он очень любил покойную бабушку, а она его. «Надо побывать у матушки Елисаветы». – «Ну, батюшка, когда потеплеет, после Пасхи». – «После Пасхи, если доживем...» – «Батюшка, ну доживете ведь!» Он мне ничего не ответил. Потом повторяет: «Должен навестить непременным образом...» – и жмет мне руку. Достает большую просфору: «Это на всех ваших, на всю семью». И Причастие, и встреча, и напутствие батюшкино – во всем этом было что-то не выразимое словами! Батюшка на последних силах и так утешил. Чувство настолько радостное, проникновенное... И держалось так долго, что и сейчас, когда я у его могилы, то же самое переживание: батюшка благословил, батюшка кладет руку на голову, смотрит в глаза. Действительно, приходишь, как к живому. Нельзя миновать эту могилу – она излучает свет».

Матушка Ирина: «8 февраля мы поехали в Нижний Новгород на обследование. Врачи усиленно предлагают операцию: проходимость желудка – 2 мм. Если не желудок вырезать, то ввести трубку, чтобы отец Владимир не умер голодной смертью. Не соглашаемся в очередной раз, хотя сомнение остается. По дороге домой покупаем в антикварном магазине большую медную монету «С нами Бог», отлитую в честь коронации Царской четы. Говорю Государю: «Это Твое благословение. Мы поступили правильно».

Приехали к духовной дочери батюшки Н. В. Звонок из Дивеева: «Рано утром пришел монастырский рабочий Виктор. Ночью ему было видение Преподобного Серафима,

который сказал: «Отец Владимир болен смертельно, но он может исцелиться, если будет соборно отслужен молебен перед мироточивой иконой Царя в Троицком соборе, подле моих мощей». Отец Андрей подал владыке рапорт с просьбой благословить молебен о здравии тяжко болящего иеромонаха Владимира. Написали прошение духовные чада батюшки – 350 подписей. С этим батюшка и я направились к владыке и удостоились часовой беседы, вернее диспута. Выслушали массу аргументов против. Позиция владыки известна, не буду ее повторять. Просили, как могли. Я сказала, что, не говоря о святости жизни самого Царя, это человек, Который прославил Преподобного. Для Дивеева Его святость и значение – непререкаемы, не подлежат сомнению. – «Когда был Царем, тогда и прославил, а потом перестал Им быть, отрекся. Вот прославит Синод, тогда и служите». – «А как же пять книг чудес?» – «Никаких чудес нет». С тем и уехали.

Решаюсь ехать в Лавру на прием к архимандриту Кириллу. Все рассказываю. «Ну что же на рожон-то лезть. Отслужите молебен в Москве у отца Александра Шаргунова». Благословил на 19 марта. Возвращаюсь в Дивеево. Батюшка в тяжелейшем состоянии, никто не советует нам ехать в Москву. Приближается день отъезда. Продолжаю колебаться. В последнюю ночь батюшка видит сон, что он служит акафист Государю. Я заплакала: «Так и будет – ты доедешь. Мне все не разрешают, твердят: куда ты везешь батюшку, он еле ходит, он может в поезде умереть. Но, слава Тебе Господи, все состоится!» 19 марта совпало с празднованием Торжества Православия, Державной и Ченстоховской Божией Матери».

Раба Божия Ольга: «Впервые я услышала об отце Владимире от настоятеля Никольского храма в Пыжах. В своей проповеди он рассказал о чуде, которое произошло с отцом Владимиром после облачения в одежды Преподобного Серафима: батюшка начал снова служить литургию. Отец Александр говорил о простых, исполненных силы, искренних словах личного покаяния, которые отец Владимир произнес на проповеди в Дивеево. Еще не исполнилось

года после кончины моей мамы, которая умерла от подобной тяжелой болезни. В памяти было все очень свежо и больно на сердце, многие из нас – свидетели беспощадности этого недуга. Но ведь Господь может все! Очень хотелось, чтобы отец Владимир, с Божией помощью, победил эту болезнь. Захотелось увидеть батюшку своими глазами.

В субботу, 18 марта, конец первой недели Великого поста, после Причастия меня неожиданно просят поехать, поставить капельницу болящему священнику. После разговора по телефону с матушкой Ириной понимаю, что еду к отцу Владимиру. Начинаю волноваться, и в то же время в душе – радость: ведь я увижу батюшку. Когда вошла в его квартиру и увидела отца Владимира, на душе стало спокойно, появилась уверенность в своих силах. Батюшка благословил, и, удивительно, не было чувства, что передо мной очень тяжело больной человек. Он улыбнулся, и у меня возникло ощущение: не моя помощь нужна ему, а мне необходима его помощь. Только глядя в его глаза, можно было заметить боль, которую он молча переносил. Когда батюшка укладывался в кровать, я поняла, что ему приносит боль любое движение. А он только кротко и просто сказал: «Господи, дай сил, терпения и смирения». И, лежа под капельницей, переживал за меня, что трачу столько времени. А для меня было большим утешением находиться рядом с этим большим человеком, на душе стало спокойно и тепло. У Господа ничего не бывает просто так. И вот Он послал утешение: это был день рождения моей мамы. Маму и дочь батюшки зовут, как и мою маму, – Лидией. И дом, где они остановились в Москве, находился в нескольких шагах от дома, в котором прежде жили мои родители.

20 марта мне посчастливилось увидеть батюшку еще раз. Отец Владимир только приехал из Троице-Сергиевой Лавры после встречи с архимандритом Кириллом. Батюшка был полон сил, глаза его сияли. Непередаваемо ощущение, что он не ходит, а летает. С ним было хорошо, просто и радостно. В этот день мне удалось поговорить с батюшкой. Во время общения у меня появилась уверенность, что он знает обо мне – **все**. Немедленно спросил о

детях, дочери и в конце разговора сказал, что будет молиться за нее. По его святым молитвам, наши нелегкие отношения с дочерью изменились, мы как бы вновь обрели друг друга. Общаться с батюшкой было легко и просто, казалось, что рядом очень близкий, глубоко понимающий меня человек. Говорили мы недолго. А, уходя, когда прощались, я припала к батюшкиной руке после благословения и выразила надежду, что мы еще увидимся. На это он ничего не ответил, а посмотрел долгим, глубоким взглядом уже неземного знания. Это была моя последняя встреча с отцом Владимиром. Но не было и нет никакой безысходности, скорби. Отец Владимир жив, жива его душа, и он молится за нас. Его святыми молитвами, постоянно получаю утешение и помощь. Преподобне отче Владимире, моли Бога о нас, грешных».

Матушка Ирина: «19 марта. Начинается литургия, по храму идут волны аромата: икона мироточит в двенадцать струй. После службы, оберегая еле движущегося батюшку от толпы, его подводят к иконе. Отец Владимир глубоко потрясен: икона залита потоками мира. В слезах, он повернулся к людям, благодарил за святые молитвы. Произнес: «Простите меня», – сделал земной поклон. Множество людей, знающих его и незнакомых, со слезами упали на колени: «И ты нас, батюшка, прости». Не понятно, как батюшка поднялся самостоятельно. И произнес с детской искренней радостью: «Поднялся!» После службы все стремились к нему подойти. Оказывается, он всех помнит, каждому что-то говорит. Сотни людей получили благословение. Днем состоялся Крестный ход с Державной и мироточащей Царской иконой.

Вечером возвращаемся в храм, он полон. Отец Александр сказал: «Мы все собрались отслужить молебен о здравии тяжко болящего отца Владимира, будем просить исполнения воли Божией». Батюшка в облачении, которое весило непосильные килограммы, как и другие служащие, произносил икосы и кондаки. Священники читали по очереди. Люди стояли на коленях, обливаясь слезами: духовные чада, приехавшие со всех концов, и те, кто видели

отца Владимира в первый раз. Давно я так не плакала, уже не о батюшке, о том – что жива Россия. Слезы сами текли. И все плакали вокруг. Люди благодарили Господа за присутствие на таком молебне».

Последние минуты, подаренные батюшкой сотням людей после молебна о его здравии у чудотворной мироточивой иконы Государя. Скольких он благословил, написал бесценную строчку на память.

Раба Божия Валентина П.: «Взяла благословение у отца Владимира – но отойти невозможно. Вдруг, верно Ангел меня надоумил, бросилась к свечному ящику, купила акафист Царю, пусть у меня дома уже есть: «Батюшка, хоть крестик своей рукой поставьте на память». Внимательно посмотрел, спросил имя, про родных и написал: «Р.Б. Валентине со сродниками на молитвенную память. Бог любит тишину». А я так люблю поговорить. Увидела батюшку в первый раз, жалко, что в Дивеево за столько лет не выбралась». Какому количеству душ батюшка сказал самое нужное, добрым намеком стер пыль с забытых грехов, скольких одарил улыбкой, попросил позвать, чтобы лично поблагодарить, вызвал слезы, что-то подсказал.

Раба Божия Марина: «Проходит мимо, благословляет. Остановился и произносит, но первое слово не разобрала, а второе: «...не забывай». Молчу, он все понимает и повторяет более отчетливо. Но смысл слова так, видимо, далеко от меня, что не разбираю опять. Он – третий раз, с особенным участием: «Четочки не забывай!» А я, хоть в храме работаю и в отпуск в монастырь езжу, но сознаться, давненько их в руки не брала...».

После отъезда батюшки моя подруга вошла в дом причта в глубоком волнении: «Ты можешь себе представить, отец Владимир уходит из храма спиной к дверям, лицом к толпе, которая неотрывно следует за ним. Я во втором-третьем ряду, не пробиться – и просунула свою руку сквозь идущих впереди меня. И вдруг батюшка эту мою ладошку так крепко сжал и потянул за собой. Он же немощной –

откуда такая сила? – так крепко повел за собой». – «Да, – говорю ей, – он сделал это неслучайно. Он всегда чувствует тех, кому нужна помощь». Она вдруг зарыдала, упала на колени: «Молитесь за меня, все очень плохо. Я уже полгода не причащаюсь. Никто не знает, как у меня плохо...» – «Вот батюшка тебя и позвал». Она причастилась через несколько дней.

(Вес отца Владимира – 33 килограмма, он едва на ногах). И поток людей до конца, до минуты отъезда. Помню, как в прошлый приезд отец Владимир в шутливой, почти поэтической форме прозрел особенности характера одной из сотрудниц храма и тонко, беззлобно обратил на них ее внимание. Через пять лет умирающий батюшка, вновь увидев Л., стоящую у его машины, сделал попытку низко ей поклониться, с глубоким чувством произнес: «Простите меня, я ведь в прошлый раз Вас обидел...» Почти заплакав, Л. упала на колени: «Нет, нет, это Вы простите меня». И вслед уехавшей машине: «Есть же такие люди: мы перед ними виноваты, но просят прощения – они!»

За три месяца до своей кончины, в декабре, отец Владимир зашел в дом причта.

Просфорница В.: «Открываю дверь. Не верю своим глазам: совсем прозрачный от худобы отец Владимир. Не знала, что он после голода: «Батюшка, – говорю, – благословите». Он меня тут же узнал, благословил и, не теряя ни мгновения: «Как ты?! Сын?!» Будто не было перерыва, никаких пяти лет. И я, словно видела его вчера, всем сердцем: «По-прежнему. Жуть. Сына в Церковь привести не могу...» И уже едва не плачу, все рассказываю. Разве так с каждым поделишься? Ему ведь действительно важно, что с твоей душой происходит. Садимся за стол. Во все входит, дает советы. И вдруг: «Вези сына ко мне в Дивеево!» Снимает с руки четки, дарит: «Молись, и я буду молиться». Благословил. Считанные минуты, а вспоминаю – слезы подступают. Какого великого сердца и духа человек. До последнего дня никому не дал понять, что умирает. И поразительно, молюсь о сыне, не просто верю – знаю, что и отец Владимир о нем молится. Он на ветер слов не бросал».

И самый последний счастливец – мальчик лет шести, которому были отданы последние батюшкины минуты. Стояла поодаль и, едва улавливая слова, ощущала их ценность. Глаза батюшки казались бездонными, они отдавали уже нездешнее знание о Любви и Послушании Богу тому чистому, который мог его воспринять. Никогда не видела у детей такой глубины реакции. Ребенок полностью преобразился: приподнятая головка, пристально внимающие широко раскрытые глаза, внезапно повзрослевшее разумное лицо. На каждое наставление отца Владимира он кивал головой с тем особенным чувством, с каким солдат отвечает любимому полководцу, который посылает его на битву. Батюшку почти внесли в машину.

Водитель храма, неотступно ожидавший отца Владимира после молебна в течение длительного времени, остался без ужина и невольно подумал, как голоден. Батюшка повернулся к нему, улыбнулся незабываемой улыбкой: «Сейчас доедем и всех накормим...» «Глядя на его радость, я вздрогнул от пронзительной мысли: ему-то с нами есть не придется...» – вспоминает М. Тронулась машина. Батюшка сказал матушке Ирине: «Матушка, какой же я счастливый человек». Все провожающие плакали. Никто не знал, что отцу Владимиру остается жить здесь – три дня.

Матушка Ирина: «В понедельник, несмотря на безмерную слабость, едем к отцу Кириллу в Переделкино. Он благословляет отца Владимира почаще причащаться, собороваться и служить. Добавляет: «Раз уж в Москве оказался, полечись немножко». В среду, на 40 мучеников, была ужасная погода, очень низкое давление. Утром рассказал: «Ночью я упал с кровати, хотел выйти и не смог. И на кровать не мог подняться, так всю ночь и пролежал. Звал, звал тебя, а ты в соседней комнате не слышала. Потом Т. М. откликнулась и на кровать меня положила». Слабость у него была непередаваемая, ни рукой, ни ногой не мог пошевелить. «Куда же мы его везем? В какую больницу? Зачем это?» Все во мне восстает против. Батюшка говорит: «Но благословили же. Надо выполнять. Я сейчас расхо-

жусь, ты не волнуйся, я расхожусь». Мы его поднимаем, одеваем, он в полной немощи. Едем в военный госпиталь пограничных войск, 50 км от Москвы. Батюшка в состоянии необыкновенного благодушия. Сажаем в каталочку, а у него ножки волочатся. «Ну, что с ногами?» – говорю я, ожидая, что он сейчас поставит их на ступеньку. «Куда же я их дену? Они так и будут болтаться. Ты уж мне их как-нибудь подоткни», – так весело, весело. «Я же ничего с ними не могу сделать, ни поднять, ни переставить». Одна радость. Всецелая немощь и полная победа над плотью: она не тяготит, не смущает. Она совершенно не нужна.

Размещаемся в двухместной палате. Огромное окно, за ним сосновый бор. Батюшка вспоминает одного за другим духовных чад, со свойственным ему участием углубляется в чужие ситуации. Говорю: «В последние дни, как к тебе не войдешь, скажешь что-нибудь, ты сразу мне рот крестишь». – «Матушка, я же всех терплю. А тебя уж и не могу. Ты прости меня. Как же я вас всех измучил своей болезнью». – «Что ты, мы рядом с тобой спасаемся, ухаживаем за тобой. Нам радость такая». Он удивляется: «Какая у нас палата – генеральская». – «Царская! Это нам Государь устроил». – «Да!» – и запел: *«Царства земнаго лишение, узы и страдания многоразличныя кротко претерпел еси, свидетельствовав о Христе даже до смерти от богоборцев, страстотерпче великий, Боговенчанный Царю Николае, сего ради мученическим венцем на Небесех венча Тя с Царицею и чады и слуги Твоими Христос Бог. Его же моли помиловати страну Российскую и спасти души наша»*. Пропел тропарь до конца.

Ну, думаю, дивны дела Твоя, Господи. Ведь совсем без сил. Источал одну Любовь. Медсестру, которая ставила ему капельницу, расспросил о родных, детях, благодарил за умелую работу. И такой светлый. Полное благодушие. В радости пребывал неизреченной. Сняли капельницу, десять часов вечера: «Дай-ка мне, матушка, четочки». Вынимаю из его подрясника. «Это Иерусалимские. Дай мне те, что отец Кирилл подарил. Дивный старец! Сколько же у него Любви!» Сижу с отцом рядышком, разговариваем. Только теперь понимаю: не было бы этого госпи-

таля, мы бы рядом вот так не сидели, не разговаривали. Дома: приходят, уходят, дела, суета. Эти последние часы – подарок Божий и Государя. Батюшка: «А теперь Псалтирь». Отвечаю: «Я на семнадцатой кафизме остановилась». Прочла Трисвятое по Отче наш. И он дал возглас, тихонько так: **«Яко Твое есть Царство и Сила и Слава, Отца и Сына и Святаго Духа»**. Это были его последние слова. «Аминь».

Открыла Псалтирь. Прочла все кафизмы до конца. Он тихо заснул, и я легла. В пять утра просыпаюсь, слышу необыкновенно тяжелое дыхание. Подхожу: батюшка дышит открытым ртом. «Господи, почему же он так странно дышит у меня? Не помню, чтобы так дышал». И не понимаю, что это предвестие конца. «Может, ему какое-то снотворное дали, чтобы глубже спал? Пусть поспит». Не знала, что когда человек отходит – такое дыхание. «Но у него же все пересохнет, надо Крещенской водички дать». Беру марлечку, смачиваю, капаю Крещенскую воду. И опять прилегла. В семь часов меня разбудила медсестра. Смотрю, батюшка по-прежнему. Думаю, еще полчасика вздремну, день впереди тяжелый. Нет, чтобы встать, молиться: Ангел-хранитель меня поднимал. Проснулась в половине восьмого. Солнце залило всю палату. И он лежит в этом свете. Один глаз приоткрыл и на меня смотрит. Подскочила: «Батюшка, батюшка!» Трогаю его ручки, все теплое. А пульс не прощупывается. Я за медсестрой. – «Да, матушка, все... Успокоился». Неверующий человек, и такая фраза: «Успокоился». Действительно – успение. По своей всегдашней любвеобильности, заботливости о всех – дал мне всю ночь отдыхать. И ушел – солнечным утром.

Знакомые монархисты привезли гроб, обтянутый желто-золотистой тканью: «Матушка, только такой цвет был». – «Ладно, какой есть». Приехали в Боголюбово. Нас уже ждут: отец Петр, все сестры, с кадилом, свечами, хор выстроился. Вносим гроб в собор, тот самый, где в алтаре под куполом проявился образ Царя. Нас встречает икона Государя, копия мироточивой. Гроб батюшки – и Царь на него смотрит. Здесь гроб простоял с вечера и до утра следующего дня под чтение неусыпаемой Псалтири. Всю ночь

мы здесь оставались, читали Евангелие. Я – рядышком, то почитаю, то прикорну. Утром заглянула в батюшкино лицо: такое благостное, аскетическое – монашеское. Звоню в Дивеево, матушка игуменья волнуется: «Что вы так долго? Как мы будем переоблачать батюшку во власяницу? Он уже закостенеет». Тороплюсь к отцу Петру: «Матушка игуменья требует, чтобы мы ехали». – «Не благословляю. Останетесь на ночь. Не волнуйся, не закостенеет. Сам на сёбя все наденет». Так и было. Утром, после полунощницы и литургии, нас проводили с кадилом, монастырским пением – чинно, благолепно. Здесь его любили. Ни одного горестного выражения, у всех светлые лица.

В Дивеево матушка игуменья сообщает мне: «Батюшку сейчас придут переоблачать». Отправляю Арсюшу с красными глазами вместе с иеромонахом Серафимом и отцом Андреем в келью к отцу. Выходит – невероятно счастливый: «Папочка как живой! Отцы полностью облачили, ничего не пришлось разрезать. Сам ручки подставлял». Отец Петр предвидел: «Он сам на себя все наденет». По его слову все произошло. «Мощевик-то сняли?» – спрашиваю у сына (отец Владимир носил на себе футляр с частью святых мощей Преподобного Серафима). – «Да. Отец Андрей сказал: «Снимаем мощи с мощей!» Они были поражены: у папы такой вид – косточки желтенькие, все чистенькое, такой благостный, ты не представляешь». Ребенок полностью успокоенный. Увидел своего мертвого отца и вышел просветленный.

Наталья Григорьевна: «Удивительно, батюшка любил, когда я лепила из глины. Помню, приехала из Нижнего и сделала маленького ангелочка, думаю, еще полеплю деткам на подарки. И с этим одним пошла на улицу. Мимо креста Канавки, дома батюшки. До этого мне уже сказали, что он умер. Говорю: «Да ну, что вы!» – как неверующий Фома. Спросила у вышедшего из калитки батюшкиного дома: «А правда, что отец Владимир умер?» Отвечает: «Да». Я перепугалась, думаю, зайти? Но в эти моменты теряешься: ну что сказать? Вдруг слышу, меня окликнули. Мои знакомые шли по Канавке. Смотрю, в Преображен-

ском горит свет: «Не зайдем ли мы к батюшке?» Тут нас Лидочка догоняет. Обняла меня молча, и я – ее, и Лидочка меня вела на последнюю встречу с батюшкой. Смотрю, корреспонденты что-то фотографируют, суета. И вдруг все исчезает, остается отец Георгий, читающий Евангелие, одна монахиня. И я застыла возле стеночки... «Приходи, Наталья, приходи» – говорил отец Владимир. Все стеснялась, но вот Господь сподобил. Сейчас говори с тобой сколько хочешь: ни толпы людей, ни суеты... И с ним мы здесь побеседовали. Как душа с душою говорит. Было тихо-тихо в храме, священник читал Евангелие. Вечный покой. Как Левитановская картина – огромное небо, погост, кресты, церквушечки – Вечность. И хрупкий, тоненький, всегда стремительный батюшка, который обрел вечный покой, обрел светлые обители. Не было ни капли сомнения. Светло-светло, тихо. Не было страха: а ведь я боюсь покойников. Но не было страха, рядом родной человек. Не было ощущения смерти. Такая высокая тишина. Не могу всего выразить по бедности языка. Но это была очень сильная встреча. Потом опять открылись двери. Я увидела согбенную женщину – его маму, в черной плюшевой шубке, как наши деревенские бабушки, скромная такая. Она подошла и так плакала. Ее отвели, посадили на табуреточку. Она все не могла остановиться плакать.

Подвиги жизни втайне. Все большое – сокровенно. Хранится для Бога. Для Господа вся его жизнь – та, что мы разглядели, та, что не заметили, та – которую он сокрыл ото всех. Люди по духу встретились, они знают втайне – это свой человек. И больше ничего не надо, потому что жизнь коротка. Вот так мы с батюшкой. И думаю: «Как же я тебя оставлю? Придет кто-нибудь из близких, и пойду». Появилась матушка, и я пошла. Удивительно, Лидочка меня ввела в Преображенский, Арсюша вывел – дверь закрыл за мной.

Вообще с этой семьей хорошо всегда было. Мы еще оценим то, что нам в Дивеево такой судьбоносный батюшка достался: переворачивал судьбы, переиначивал жизни. В Евангелии, Христос дал талант, он должен быть приумножен. Отец Владимир это исполнил.

Как у Господа: «Ты хочешь, милый мой, излечиться, спастись?» А он тридцать лет – расслабленный. «Очень хочу, Господи, но не имею человека...» И для скольких отец Владимир стал тем человеком. Для этих расслабленных, вот этих немощных, заброшенных людей, которые никому не нужны. Вечная эта картина: отец Владимир и эти сирые, больные, одержимые, никчемные люди в потоке его Любви. Это же может только – Христос. Для нас это – невозможно. Человек не в силах так Любить. Все это – Силой Христовой. Скольким людям протянул руку помощи, скольких спас и помог улучить Царствие Небесное. Светлая память иеромонаху Владимиру. Батюшка, помолись о мне, грешной. Все слышит! Я вот так на могилочку приду, он все слышит. Это на уровне сердца, конечно. И как слышит. И все то, что не договоришь».

Матушка Ирина: «Гроб поставили в Преображенском соборе. Отец Андрей произнес замечательную проповедь, не мог сдержать слез.

«Братья и сестры! Трудно говорить о человеке, с которым прожил и прослужил почти семь лет – бок о бок и стоял перед Престолом Божиим. С которым делили пищу, делились радостями и печалями. Отцу Владимиру сейчас очень хорошо, и мы волнуемся не за его участь. Волнуемся и плачем о себе, потому что нам жалко себя. Так как с нами не будет больше собрата, который нес крест священнический – безропотно. Не было ни одного случая, чтобы отец Владимир отказал в чем-нибудь хоть кому-то. За все время его служения не было даже и того, чтобы он выразил как-то неудовольствие: всегда довольный, со светлой улыбкой, несмотря на усталость... Что показано нам на его кончине – христианской, мирной? То, как он – **возлюбил**! Как спелый колос, он отпал в житницу Небесного Царя.

Сегодня у меня было такое сильное смятение и жалость, как бы ощущение горя какого-то. И когда мы переоблачали батюшку и я открыл его лицо, коснулся его рук – понял, что печалиться не надо, а лишь благодарить Бога. Господь дал ему очиститься от всех грехов своих, он

это с честью исполнил. Как верный раб – вошел он в радость Господа Своего. И я знаю, что отец Владимир Его верный раб.

В нашей жестокой, эгоистичной жизни, когда мы день и ночь – позволяем себе примерными быть эгоистами, батюшка представлял собой идеальный пример Жертвенной Любви... На его сердце как бы написано это слово – **«Жертва»**. Он жертвовал всем: здоровьем, временем, силами – ради Любви к ближнему – до самого конца... Это великая потеря, потому что редкого молитвенника мы лишаемся здесь, на земле...

Но последнее, что мне хочется сказать – все это должны знать. Я прошу у него прощение за себя и всех, кому враг смог внушить мысли против него. Есть такая пословица: «Конец – делу венец». И мы видим, какой этот конец: монашеский постриг, блаженная кончина христианская. А на него лились такие потоки... Душа его находится сейчас здесь и радуется. Я почувствовал сегодня особенно сильно, как Бог милосерд и любвеобилен, как Господь глубоко сердечно **Любит** нас и прощает. И все боли, все несчастья и скорби, которые обуревали отца Владимира здесь, на земле – сейчас представляются ему не столь великими. Благослови нас, батюшка. Желаем тебе Царства Небесного!»

Матушка Ирина: «Объявили всем: отпевание в Троицком соборе. В десять вечера сообщают: митрополит все переменил. В одиннадцатом часу ночи пошла к владыке. Келейница: «Что сказать?» – «Передайте, пожалуйста, матушка покойного отца Владимира просит ее принять». Возвращается: «Он вас не примет. Что вы хотите?» – «Прошу благословения перенести гроб в Троицкий собор, в нем отслужить литургию и совершить отпевание. Батюшка служил в этом соборе. В Преображенском строительные леса, люди там не поместятся». Последний ответ: «Владыка сказал: «Где стоит, там и будет стоять. Никаких переносов».

Утром в Преображенском соборе владыка Иерофей отпевал батюшку. Стою, искушаюсь. Отец Владимир меня, и мертвый, вразумляет: «Так угодно Государю. Вспомни,

Ему здесь молебен служить не благословили». Успокоилась, думаю: «А престол-то в честь – всех святых. Слава Тебе, Господи! Значит, и Царя, и священномученика Владимира Киевского, Иоанна Предтечи и Серафима Саровского, Николая Чудотворца... всех святых. Благодарю Тебя, Господи! Благословение Божие». После литургии подошла к владыке Иерофею: «Будем обносить гроб вокруг Троицкого собора. Можно в него внести батюшку – попрощаться?» – «Конечно, он же служил там». Вынесли на улицу: солнце как на Пасху, сияет золотом гроб. Подошли к центральным дверям собора, матушка Манефа начала палкой стучать: «Вносите, вносите»». Произошло замешательство. Передали: «Благословения нет». И батюшку пронесли мимо. Тут кто-то заметил: высоко в небесах парит удивительный голубь, трепещет крылышками, будто раку с мощами сопровождает. Люди головы поднимают. Невозможно глаз оторвать. У всех настроение – Пасхальное».

На девятый день дьякон А. рассказал: «Когда митрополит Николай пришел в собор попрощаться с отцом Владимиром, подошел к гробу с правой стороны. Наклонился, а ему в лицо смотрит Государь. Кто-то положил около лика батюшки большую икону Царя. И получилось, митрополит – Государю поклонился. После этого он запретил отпевание в Троицком соборе, чтобы Царя вместе с батюшкой в собор не внесли. Слава Тебе Боже! До последней минуты на земле батюшка служил своему Государю».

Геннадий П.: «Отец Владимир самый живой, самый нужный. Одному Богу известно, почему он ушел. Божий святой Промысел. Говорят: если бы отслужить молебен перед иконой Царя у мощей Преподобного Серафима, отец Владимир мог бы исцелиться. Здесь ведь старцев нет, думаю, отцу Владимиру был предназначен этот путь. Есть запись на видеопленке, предсмертные кадры – они просто до основания потрясают. В глубоком батюшкином самоуничижении виден достигнутый им уровень. Сразу о себе задумываешься: «Господи, – вот он, живой пример истинного покаяния, вразумления...» Вспоминаю слова матушки

Ирины: «Живого не пустили с иконой Царя в дивеевский собор – так он мертвый ее внес». В гробу – икона Царя. Отец Владимир даже усопший – стоял! – проповедовал Государя. «Будь до смерти верен», да? У кого-то верность до смерти, а тут – и после нее! И уже мертвое тело – держало, как свое знамя – лик Царя. Батюшка Серафим! Царица Небесная! Смотрите, вот Он, наш Государь, – в сердце России – в Твоем Дивееве! Ему и надлежит тут давно быть!»

Строки из письма подруги матушки Ирины:

«До последнего момента я верила, что он выздоровеет. Господь так судил. Одни люди тлеют, другие – сгорают, себя не жалеют. Но скольких он поддержал и согрел!.. Отец Владимир быстрее всех прошел свой путь. Он, правда, всегда все делал быстро. Он как бы нам показал, будто сказал: ну, теперь вы не бойтесь: будет страшно или трудно, главное – не оглядываться назад. А ведь как же трудно это – быть «Серафимовым служкой». Это только кажется, что легко. Говори всем: «Радость моя!» и будешь Преподобный Серафим. А ведь нужно себя умертвить. А кто на такое пойдет? А батюшка твой так и сделал. И если «зерно умрет, то даст плод» (и плод обильный)...Может быть, отец Владимир уже встретил нашего Государя-мученика и Батюшку Серафима и убиенного Иосифа Муньоса. Ему там – уже радостно и светло. Я верю, что так, иначе и быть не может! Иначе, в чем смысл нашей-вашей жизни и Любви? Господь Любит нас, посмотри на всю нашу с вами жизнь – как Он нас Любит... Кланяюсь тебе в ноги за все твои страдания. Твоя О.»

Послушница Алевтина, вспоминая об отце Владимире, произнесла: «Это был – народный батюшка». Вслед за всеми печальниками этой земли батюшка пил «горькую чашу русского народа», прижимая ее к сердцу, считая ее даром Христовым – со светлой готовностью и даже радостью. Поэтому не ложно это слово о нем. Он был причастен самому главному знанию: все страдания во Христе –

обращаются в Пасху. И Бог являл через него – Пасху, Пасхальную радость страждущим. Господь снисходил ко всевозможным бедствующим, будучи умолен, упрошен болезнующим батюшкиным сердцем. И совершалось чудо: люди, только что изнемогающие, изнуренные скорбями и болью, трагически ощутившие свой крест невыносимым бременем – приходили в себя, воспаряли духом, исцелялись или чувствовали явное облегчение физических и духовных недугов, обретали силу терпеть и нести ношу дальше. Переосмысливали скорбь, воспринимая ее уже как дар – иго благое. Нередко это больше, чем прямые исцеления. Преображение больных, изнуренных страданием душ – непосильно осуществить словами. Батюшка дарил ощутительное духовное знание: «Ты – не одинок! Господь – рядом!» Благодаря батюшкиным молитвам, ты начинал с потрясением понимать известное лишь теоретически: твою слабую, никчемную молитву слышат – Преподобный Серафим, Царица Небесная, Сам Христос. Батюшка умолял Господа приклонить ухо к нашему убогому лепету.

Известная притча. Человек шел долгим путем вдоль берега безбрежного моря. Он пережил множество опасностей, глад, зной, холод и болезни. И когда изнемог непомерно, упал на колени и стал в отчаянии взывать к Спасителю: «Я не в силах более нести своего креста!» Он плакал. Ему явился Христос и тихо сказал: «Тебе только казалось, что ты один несешь крест – Я всегда помогал тебе – нести его. Посмотри назад», – и Он показал страннику пройденный путь. С удивлением тот увидел, что рядом с его собственными следами шли – другие... «Но, Господи, – с глубоким укором заметил путник, – Ты видишь, местами остается одна цепочка следов. Твои – пропадают. А мои ноги так глубоко вязнут в песке! В самые тяжелые периоды жизни – Ты оставлял меня одного!» Христос поднял на него глаза, с тем выражением, которое никому на земле не удалось передать словами, и произнес: «**Это не твои следы, а – Мои**. Потому что, когда тебе было особенно тяжело, Я брал тебя на руки – и нес, как Свое дитя».

Батюшка учил нас самому дорогому и редко исполнимому: замечать, чутко слышать Любовь Христову, изливаемую лично на нас, отзываться на эту Любовь – благодарностью. Благодарить словами, делами – всей жизнью. Ведь чаще всего мы мертвы на это делание, и наше благодарение далеко не соответствует сделанному для нас Творцом и людьми, ведь сделать что-то доброе для нас человек благословлен Богом. Учил примером своей жизни более, чем словами проповеди. Собственная благодарность отца Владимира Господу в каждый период его крестоношения – была особенной. И достигла своего апогея во время последней болезни.

Бесконечно **благодарим Бога за то, что батюшка был. За то, что он – есть!**

19 марта 2000 года в день Торжества Православия отец Александр произнес после проповеди на молебне перед Царской чудотворной иконой, которая была залита в тот день миром, как никогда: «Мы просим у Господа очень большого. Но Он всегда дает больше, чем мы просим». Мы умоляли об одном: чтобы батюшка жил. Пусть продолжающий нести изнурительную болезнь, в затворе, недоступный, но только – чтобы жил! Мы знаем теперь, что отец Владимир получил от Господа – больше!

На похоронах батюшки в душе звучало: «Смерть, где твое жало?! ад, где твоя победа?! **Христос Воскресе из мертвых, смертию смерть поправ и сущим во гробех живот даровав!**»

Посмертное участие отца Владимира в жизни людей

Сын батюшки Арсений видит отца во сне и думает: «Надо его скорей спросить», – и кричит: «Папа, ты где?» Он отвечает светло и радостно: «Там, где всегда хорошо!»

«Мы так верили, что батюшка исцелится, – рассказывает духовная дочь отца Владимира Надежда. – Моя подруга поехала к батюшке за очередными советами и попала – на похороны. Возвращается, все рассказывает. Это известие в голове не укладывается, ум не в состоянии принять, вместить факт... И я ложусь на постель и плачу, плачу, плачу... со слезами засыпаю, и снится мне батюшка. Раньше никогда не видела его во сне. Как будто мы всей семьей в Дивеево, идем проститься или поклониться ему, как если бы мы шли к мощам Преподобного Серафима Саровского, святителя Тихона Задонского. Выстроилась нескончаемая вереница людей. И все к нему идем. И когда приблизились, моя подруга впереди, мы за ней, батюшка вдруг встал из своего гробика – светлый, улыбающийся, каким мы все его помним. Валечка поражается: «Батюшка, Вы живы?» Он: «Живой-живой», – благословляет, притягивает Валину головку и что-то шепчет на ушко. Следующая я. Батюшка, такой же радостный, благословляет и говорит очень серьезно и тихо, чтобы не слышали другие: «Береги маму!» Маме моей восемьдесят лет, но она, Слава Богу, в здравии и везет непомерный груз, который мы взвалили на нее и не очень-то помогаем. И отец Владимир уже узрел с Неба всю эту не ведомую ему прежде ситуацию, которую и я вполне не осознала, и напомнил мне о моем долге. После батюшкиных слов с полной ясностью поняла, что эти труды маме уже не по силам. Он и Вале сказал очень существенную для ее души вещь.

Проснулась в большой радости, понимаю: батюшка

жив! И, может быть, он теперь еще ближе. Прежде едем в Дивеево в раздумье: «Батюшка там или в отъезде, попадем ли на исповедь? Вдруг он не сможет уделить нам внимание? А теперь едем и знаем: он здесь, рядышком, всегда время найдет. Уже после смерти он постоянно «отвечает» на мои вопросы, просьбы – самый отзывчивый помощник. И при жизни он слышал на расстоянии, просто это расстояние увеличилось. Сколько их, явных подтверждений!

И вера в это – несомненная. Сегодня произошло очередное чудо: дочка ехала сюда, в Дивеево, на машине, я на автобусе. В огромном количестве людей, 1-е августа – день Преподобного Серафима, мы не можем найти друг друга. Хожу-ищу битый час. Уже в сильном унынии, думаю: «Может быть, мне уезжать домой? Вдруг ее здесь и не было? С машиной что-то случилось?» Они отправлялись позже нас. И вспоминаю: «Что же я? К батюшке надо идти». Подхожу к его кресту. Помолилась, отхожу от могилочки, а дочь моя – мне навстречу, счастливая, что мы, наконец, встретились.

Когда, после смерти батюшки, мы в первый раз приехали с подругой в Дивеево, к нашему изумлению, мы оказались здесь в батюшкин день. Подошли к цветочному холмику и впервые узнаем: родился 25 июня. Отец Владимир позвал нас на день рождения.

Здесь, у креста, хотелось помолиться в надежде, что батюшка подскажет нужное, вразумит как прежде. Валя со своей семьей отошли к другим святыням, а я опустилась на колени, уткнулась лицом в травку и стала молиться, чтобы отец наставил и помог: «Батюшка, ты лучше меня знаешь, что мне нужно, попроси у Господа». И вдруг слышу очень отчетливо: «Дай покаяние, дай покаяние...». Мне кажется, это батюшка говорит, настолько все реально, как будто и его голос. Кажется, сейчас по спинке постучит, как делал при жизни, тогда уже точно – он! Но так боюсь всего вышеестественного, каких-нибудь видений, которых, слава Богу, не имела. У меня волосы на голове зашевелились. Поднимаю глаза, вижу Валю с семьей, поворачиваюсь направо: в трех метрах от меня неизвестный мужчина молится возле места упокоения блаженной схимо-

нахини Манефы, которая очень чтила и любила нашего отца, и твердит: «Дай покаяние, дай покаяние...» Полное облегчение: слава Богу, не галлюцинация. Но понимаю: сам батюшка сказал мне через этого человека, что нет для меня ничего важнее, чем принести искреннее, подлинное покаяние Господу.

Одно наставление отца Владимира, касающееся моих детей: *«Материнская молитва имеет величайшую силу. Умоляй Бога о даровании твоему сыну постоянного присутствия страха Божия»*. Все советы батюшки обретают для меня сегодня новый, все больший смысл.

При нашем храме в воскресной школе я веду детский хор: разучиваем песнопения, молитвы к Пасхе, Рождеству... Эти занятия отнимают у меня массу времени, отрывают от семьи, работы, я устаю, начинаю роптать. И вот думаю: «А нужно ли это детям? Вдруг все это «бесполезная суета? Был бы жив батюшка, спросила бы у него». И вижу во сне: мы в каком-то зале, подходит отец Владимир: «Ну, где детки? Собирай, собирай их, нам уже время петь!» Поняла, что, по Божьей милости, получила батюшкино благословение.

Сыну моему семнадцать, девочке шестнадцать лет, возраст очень опасный, много искушений. И дочь начала дружить с мальчиком. Недостаточно сказать, что он неверующий – необыкновенно агрессивно ко всему святому относится. Душа моя, естественно, протестовала против этой «дружбы», я все время переживала. Пока она со мной, еще спокойна, а час-два ее с этим юношей нет – полностью теряю душевный покой. Однажды утром собираюсь в воскресную школу к детям на спевку и говорю ей: «Напиши мне, пожалуйста, письмо, объясни, почему я не разрешаю тебе видеться с этим мальчиком». К моему удивлению, она отдает мне целое послание с уймой безосновательных доводов. Пишет, что она не в силах перестать с ним встречаться, ей нужны друзья: «Объясни, как я могу с ним расстаться, чтобы его не обидеть?» Понимаю, все это пустая болтовня, эти отношения должны рушиться, а не созидаться. Но ее «обстоятельный» ответ окончательно меня расстраивает. Не знаю, что делать, кому молиться. В

полном смятении неожиданно беру батюшкину фотографию и от всего сердца своего материнского, со слезами, начинаю просить: «Батюшка, помоги, ты же знаешь, что это знакомство принесет только беду». К вечеру этого же дня происходит настоящее чудо! Вижу, моя дочь не находит себе места, хотя ни о чем еще не рассказывает. Когда ложимся спать, приходит ко мне посекретничать. Оказывается, этот «друг» за столь короткий промежуток времени, то есть полдня этого же воскресенья, обнажил полностью свою сущность и ее предал, причинив настоящую боль. Все открылось моментально, отношения рассыпались в прах. Благодарю Господа и родного батюшку!

Трудно представить, сумею ли когда-нибудь исполнить, но батюшка учил меня жалеть, Любить – всех. Минутами это как будто происходит, но очень быстро кончается: как будто Господь одарит Своею благодатью, а я не умею ее сохранить. Это бывало в связи с поездками в монастырь, после отцовых исповедей. И сейчас, уже после его кончины, вернулась из Дивеева, как будто с батюшкой повидалась: состояние светлое, радость и мир на душе. Всех люблю, все родные и близкие – русские мои люди: старичок на скамейке, мальчик в песочнице, солдат с девушкой, идут, весело разговаривают, даже пьяненький мужичок – и его жалко. Великая сила – любовь! Кажется, всех готов в душу принять, сочувствовать, сострадать… Но все это быстро покинуло меня уже к вечеру.

А батюшка мог Любить бесчисленных людей, кажется, не истощаясь. За всех кровь свою каждый день проливал. Мы не в силах постигнуть того, как он жил, – этой невероятной отдачи всем и каждому. Никаких человеческих талантов не хватит. До батюшки не могла представить, что можно жить с такой безжалостностью к себе. За краткие годы священства он вынул из души и раздал другим несметные богатства, как будто не одну, а десять жизней расточил. Как святилось в нем имя Господне! Скольких людей он утешил, обогрел, вразумил. Поистине вся жизнь – непрерывающееся Богослужение!

В начале ноября была у батюшки. Помолилась у родной могилки! Наплакалась, все ему рассказала. Подле его

креста стирается грань между настоящей и будущей жизнью. Батюшка – рядом, все, до малейшего вздоха, слышит. А в храме невольно стала искать, к кому на исповедь? Кто же утешит, все поймет, воспримет твою боль, как свою, и наставит на путь истинный. Не к кому головушку приклонить, но я верю, что батюшка возьмет меня за ручку и выведет из всех искушений, трудностей. Господь, его молитвами, сжалится надо мной и детками моими, укрепит и приведет нас ко спасению. Что бы я делала сегодня без его заступничества?! Господи милосердный, молитвами иеромонаха Владимира, – «помилуй грешное создание Свое». Так ведь батюшка молился, да? И учил так молиться нас, поминая имена Божией Матери и любимых святых».

Послушница Серафимо-Дивеевского монастыря Надежда: «Батюшка всегда был очень милостивый. И такой же – остался по смерти. В день его похорон я, расстроенная, с поднявшимся давлением, приняла таблетку, прилегла и забылась. Очнулась: голубь клювом стучит в мое окно. Постучит, помолчит и – снова... Никогда у меня таких явлений не было. Это, по батюшкиной молитве, птица звала меня на похороны. Едва успела. Опоздала бы – никогда себе не простила. И батюшка это знал. Сколько особенного происходило по его милосердным молитвам! Мы только все забываем, не ценим – пока имеем».

Духовная дочь отца Владимира Зинаида, из разговора с матушкой Ириной после похорон батюшки: «Люди рядом с ним расцветали, из самых трудных состояний выходили одним батюшкиным мановением. Сколько батюшка сделал для меня при жизни, а сегодня делает после смерти. Ведь я, матушка, пришла поделиться с тобой радостью, хотя второй день после похорон. Батюшка за несколько дней до конца говорил мне: «Не-ет – это не откладывай. Главное, Зинаида, освятить тебе дом, – я только что приобрела в Дивеево жилье. – Это начало начал. Сейчас я не могу, в Москву уезжаю. Быть может, на «Сорок мучеников», если даст Бог, тебе освящу» (предпоследний день батюшкиной жизни). Мы вернулись – отец Владимир ушел

от нас. И я священника знакомого уговариваю: «Мне нужно выполнить благословение моего отца!» И сегодня – пришел, дом мой преобразил и говорит: «Освятил тебе, молитвами отца Владимира. Совершенно этого не мог, не имел никакой возможности – и не собирался. Но сверх возможного – меня к тебе, буквально, за руку привели».

У свежего холмика отца Владимира услышала рассказ мамы пятилетнего ребенка: «В день похорон отца Владимира, С. плохо вел себя в храме. Несмотря на мой запрет, он рвался причаститься у архиерея, не желая идти к обыкновенному священнику. Возвысила голос, заставила его еще раз исповедаться, расстроилась активным непослушанием: «Я тебя наказываю, остаешься без сладкого на весь день!» Не успел мой баловник серьезно огорчиться, как подошла незнакомая монахиня и протянула С. роскошный кусок торта: «С поминальной трапезы. Вспомните отца Владимира».

Я онемела от столь быстрой отмены моего решения. Никогда в монастыре к нам не подходили, ничем не угощали». Маленький мальчик, прыгавший вокруг нас во время рассказа, заключил: «Батюшка Владимир сделал мне поблажку!»

Недавно пришедшая в Церковь раба Божия рассказала матушке Ирине, как отец Владимир приснился ей на девятый день: «Ну, что, Валентина, постишься?» – «Да нет, батюшка, только разве мяса не ем». – «Надо поститься, обязательно... А исповедуешься, причащаешься?» – «Да нет, батюшка». – «Не откладывай, это самое главное...» и продолжает наставлять, грехи подсказывать, будто живой. Потом: «Ну-ка, сложи руки, как я тебя учил!» Складываю, он поправляет: правую на левую. Осеняет крестом. От этого пронизывающего крестного знамения я просыпаюсь. Ощущаю живое благословение отца Владимира. И сразу захотелось в храм идти, и снова чувство вины, которое давно меня не посещало: «Удивительно, – думаю, – батюшка помнит обо мне и заботится, а виделись мы всего один раз в жизни».

Раба Божия Марина, приехав на сороковой день батюшки, остановилась в монастырской гостинице. Заправ-

ляя после сна постель, услышала, как ее соседка говорит другой: «А мне приснился отец Владимир». Она попросила рассказать.

«В светлой прекрасной комнате вижу батюшку. Он чем-то сосредоточенно занимается – интенсивно, с большой отдачей. Но что – от меня сокрыто. Потом стремительно идет в другую часть комнаты и начинает пламенно молиться. Воздевает руки горе, опускается на колени – и к чему-то прикладывается. Думаю: «К чему это батюшка прикладывается?» Возвращается на прежнее место, с напряжением и усердием продолжает свое дело. Вновь торопится к месту молитвы и опять – поклоны, поклоны. На скрещенные руки голову опустил, так глубоко безмолвно молится. И прикладывается... Вдруг голос моего сына из другой комнаты, он семинарист, мы с ним постоянно к батюшке ездили. Зовет: «Батюшка, помогите, мне нужно перенести тяжесть». Отец Владимир исчезает на зов. И пока его нет, не выдерживаю, иду посмотреть, к чему он так благоговейно прикладывался. Смотрю: а это Камень Преподобного Серафима... Обрели мы себе на Небесах еще одного родного молитвенника».

Батюшка спрашивает во сне рабу Божию Л.: «Вы молитесь обо мне?» Она, не отрываясь от своих дел, и неудобно же сознаться, что не очень-то вспоминает: «Молимся, батюшка, конечно...» – «Молитесь, – серьезно произносит отец Владимир, – тогда и я буду иметь возможность поминать вас с большей для вас пользой...» «Батюшка открыл толстую книгу, – продолжает Л., – и углубился в молчаливое поминание бесчисленных имен. Дай Бог и нам всем попасть в его помянник».

Раба Божия Антонина возвращалась с дочерью после отпевания и похорон отца Владимира. «Мама, а как надо было приложиться к батюшке? К ножкам только?» – «Ну, почему, надо было к ручкам и клобуку – все прикладывались». Она: «Ну, что же ты мне не сказала, а я к одним ножкам, ну, почему!? – едва не плачет. – Батюшка меня так любил, а я с ним даже не простилась: не приложилась к его головке!» Легла спать расстроенная. Утром рассказы-

вает: «Мама, представляешь, мне батюшка приснился. Толпы в храме, отец Владимир торопится, как всегда. Меня увидел: «Света, иди сюда». Я подбежала: благословил и в головку несколько раз поцеловал... Я с ним не попрощалась, а он пришел и с такой любовью меня утешил. Сказал: «За все – благодари».

У инокини Дивеевского монастыря Н. было тяжелое искушение, от которого она изнемогала. И видит во сне отца Владимира в монашеском облачении с длинными-предлинными четками. «Я еще подумала: «Наверное, на триста молитв?» Батюшка идет по Канавке, сосредоточен, слышен звук ударяющихся о землю деревянных бусин. Остановился, пристально посмотрел на меня, произнес с большой силой: «Главное – молитва!» – и пошел». Она поняла, что он участвует в ее ситуации и призывает – не расслабляться, а противостоять искушению серьезным молитвенным усилием.

Инокине А. приснился отец Владимир, всю ее крестами осенил: «Где твой крестик? Что же ты меня не навещала, когда я живой был и болел?» Проснулась расстроенная и думаю: «Действительно, как это я батюшку умирающего не навестила? К здоровому-то без конца бегала за помощью. Нужно этот грех исповедать».

Первого мая (сороковой день батюшки) пожилой послушнице Надежде приснился сон. Она подруга З.Я., у которой дочь вышла замуж за некоего раба Божия. Батюшка благословил этот брак. До этого она собиралась выйти за какого-то певца-гитариста, но батюшка грустно пошутил: «Этого тебе только не хватало, будет песни тебе петь всю жизнь». А этого раба Божия благословил, и както все быстро произошло, они повенчались. Прошли годы, родился ребенок, и у этого человека начались психические сдвиги. Он батюшке без конца свои наваждения рассказывал, все просил: «Помолитесь, я не спасусь...»

И батюшка говорит во сне послушнице Надежде: «Ты знаешь, зачем я тебе явился? Чтобы просить у тебя прощения. А ведь З. тебя осуждает, и другие к ней присоедини-

лись. И теперь они на меня ропщут, что я благословил их дочь на этот брак. А это не я благословил, это Господне благословение: она очень беспечно прожила всю свою предыдущую жизнь, и это ей Господь такой крест дал – терпение болезни своего мужа. Донесет свой крест – спасется». И добавил: **«Там так невыносимо тем, кто на земле осуждает, ропщет – и не кается. Просто невыносимо! ! ! За все благодари Господа! А молитву злых Господь вообще не принимает»**, – очень ясно, отчетливо, в самую душу ей это произнес. «За тебя молятся Вера, Надежда, Любовь и София, мать их». Она проснулась и с радостью думает об этих словах: «А я им каждое утро тропарь читаю, это мои покровители».

И в конце сна отец Владимир добавил: *«Все святые, которым ты молишься, тебя слышат. Всех, кто ко мне обращается за помощью, в каком бы уголке ни был, – всех слышу»*. И последнюю фразу, самую важную, ясно запомнила. Батюшка вдруг грустно так посмотрел и произнес: ***«Идет великая пагуба на всю вселенную»***. Сон одновременно и личный, и предназначенный всем нам. Батюшка приходил в красном пасхальном облачении и на голове красная сияющая митра.

Своей духовной дочери Ольге отец Владимир приснился на Благовещение. «В этот день я причащалась, устала, не вычитала за батюшку никакого правила: ни одной книги не открыла – и легла спать. Ночью снится мне батюшка и говорит: «Принеси Евангелие». Даю. Он открывает: «А дальше где?» И вижу, там две трети белые – пустые страницы. «Что это? – повторяет отец Владимир, – Где полный текст?» Тороплюсь, несу другое. Начинает его перелистывать. «Вы, батюшка, что-то ищете?» – «Да, я ищу заповеди Блаженства». Ольга сказала, что только теперь вполне понимает, что хотел сказать батюшка: «Все Евангелие, как положено, я за сорок дней о его упокоении так и не прочла. А словами о Нагорной проповеди он, по-видимому, напоминал о нашем долге выполнять Заповеди Блаженства, которые у нас нередко на втором плане. Отец Владимир хотел напомнить, как и при жизни повторял,

что они столь же для нас насущны, как: не убий, не укради, не прелюбы сотвори...»

Моя подруга говорит: «В Дивеево при жизни отца Владимира я ездила редко. То и это мешало, и с деньгами трудно. И жизнь моя была этаким болотцем. Но, когда батюшка умер, все резко изменилось. На каждом шагу замечаю помощь отца Владимира. Это никакими словами не передать. И говорю: «Ну, батюшка за меня взялся!». Как у владыки Иоанна в письме к духовной дочери: **«О тебе я помню и молюсь и не считаю тебя далекой»**. Это как будто отец Владимир нам с Небес говорит. Даруй и нам яснее слышать, как близки твоя память о нас и молитвы».

«Это было в Москве в среду Светлой седмицы, – рассказывает раба Божия Виктория. – После литургии мы возвращались домой, и в метро я случайно подвернула ногу, и очень сильно. Не знаю, как пришла на вечернюю службу, должна была петь на клиросе. После всенощной боль стала едва терпимой, я не могла двигаться. Впервые меня отвезли домой на храмовой машине. Было ясно, что это затянется. Мне сказали, что долго не придется петь. И предупредили: особенно сильной боль будет после сна. Приготовилась к самому худшему. И ночью, совершенно неожиданно, вижу во сне отца Владимира. Он в монашеском облачении, подхожу под благословение. Батюшка говорит очень утешительно, с большим участием: «Не огорчайся!» И добавляет: «Старайся, исправляйся», – поняла, что он имел в виду. Проснувшись утром, не поверила себе – **я не чувствовала никакой боли**. Все это тем более удивительно, что с отцом Владимиром я почти не общалась: кратко два раза в Дивеево. И в этой ситуации не только не обращалась к нему за помощью, но и не вспоминала его. А он, оказывается, никого из нас не забыл. Всех видит, все знает о нас. По-прежнему жалеет каждую душу. Простите, батюшка! За все – благодарю».

Раба Божия Елена: «Как утешает батюшка после смерти. Однажды у меня было тяжелое искушение. Потеряла всякий покой и равновесие. И вдруг, разыскивая

нужную мне книгу, неожиданно нахожу давно пропавшее письмо отца Владимира пятилетней давности. Отдаю его на прочтение, надеясь, что оно способно будет поддержать в трудную минуту не одну меня:

«Многолюбезная о Христе Елена!

Сохранит Вас Господь молитвами святых, которых Вы так любите!

А теперь хорошо бы Вам успокоиться и благодарить. Благодарить Господа – для Вас свет: ходите дондеже Свет имате, да тьма Вас не имет А Вы, именно Вы, так любите Свет, веруете во Свет!

«Прими несправедливость с радостью, – напоминал нам Паисий Афонский. – Чем более духовен человек, тем меньше прав он имеет в этой жизни, ибо права праведного хранит Христос в Небесной жизни

Сладкую жизнь чувствует тот – кто принимает горечь с радостью, как лекарственные травы для здоровья своей души и питается только для поддержания своего тела».

Благословение Батюшки Серафима с Вами!

Ленивый богомолец iер. Владимир».

Перечла и почувствовала себя, как и в далекую минуту получения этого письма. Полное облегчение. Меня снова извлекли из тяжелой ситуации».

Отец Владимир приснился духовному сыну Д.: «Вижу отца Владимира в огромной толпе, как при жизни. Он меня немедленно замечает и ласково осеняет крестным знамением со словами: «Мое благословение передай О.» Светло улыбнулся: «Главное, чтобы между вами были – мир и любовь». Д. проснулся, все рассказал жене. Они были очень утешены, как после встречи с живым батюшкой.

Рассказ рабы Божией Надежды (Дивеево): «В страстной Четверг я принесла домой огонь после чтения 12-ти страстных Евангелий, которым затеплила лампаду. Как и большинство православных, была в этот день причастницей. Но вечером напала на меня невыразимая тоска. Перед сном усиленно просила Господа даровать мне, грешной,

встречу с отцом духовным, получить от него удостоверение, подкрепление. Многие видели его после кончины, некоторые даже наяву. Через три дня сороковой день... «Ну, – думаю, – забыл ты нас с дочерью, батюшка, окончательно. Пока сама тебя не увижу, никаким рассказам не поверю». Так больно и горько было: ни весточки, ни единого утешения не послал нам батюшка после смерти. Едва взгляну на фотографию, и – в слезы – канул батюшка в вечность, ушел безвозвратно: «Господи, помоги! Молитвами отца Владимира, пошли успокоение моей душе!»

Ложусь, расстроенная засыпаю. Вижу во сне помещение, которое заполнено болящими, многие на постелях. Один мужчина, по-видимому, расслабленный, произносит: «Когда же начнут помазывать святым маслом из лампадки отца Владимира?» Ему отвечают: «Из какой лампадки? Которая у его мощей?» А он: «Ну, да!» В это время появляется батюшка: «Сейчас я всех вас помажу». Поворачиваюсь к отцу Владимиру, все понимаю: вот он передо мной – вечный, настоящий... «Батюшка, Вы пришли?!» – вскрикиваю я. Отец Владимир торопливо приближается и, улыбаясь так просто, по-домашнему: «Ну, что, увиделась?» – «Батюшка, благословите!» Благословляет. И тут же со всех сторон к нему, один за другим, спешат за благословением. Едва дождалась батюшкиного посещения и из-за этих людей не успею поговорить. Понимаю: отец Владимир пришел на считанные минуты. Батюшка все слышит без слов, поворачивается ко мне: «Пойдем». Радостно от этой чуткости: отец, хотя и умер, но продолжает быть трогательно внимателен к нам, грешным, каким был при жизни.

Мы стремительно идем по длинному коридору, с одной и другой стороны: кельи, кельи. Знаю, сейчас придется расстаться, нужно успеть о главном. Хватаюсь, как ребенок, за его руку: «Батюшка, мы так молились, весь мир молился. Почему не произошло чудо, не были приняты молитвы о Вашем исцелении?» А он: «Чудо то, что они не были приняты! Так было нужно. Позже все узнаете и поймете». Я опять: «Ну, почему, батюшка?» А он вдруг говорит с огромным, неземным чувством благодарности:

«Мне больше всех на земле своими молитвами помог С., как он обо мне молился!» И я понимаю, что сейчас он исчезнет. Все это время держу батюшкину руку. И чувствую, что просто оживаю, он меня напитал силами своими. И все повторяю: «Батюшка, как не хочется, чтобы Вы уходили». И вдруг из меня вырывается: «Как хочется очутиться вместе с Вами в одной обители». С таким дерзновением прошу, чтобы где-то недалеко быть, с ним быть по смерти. Батюшкино лицо принимает серьезное выражение. Он поворачивается ко мне и с чувством, которое означает, «знаешь ли, о чем просишь?», и произносит: «В преподобнической?!» У меня на секунду захватывает дух: вот, где наш батюшка обитает! Отвечаю: «Да, батюшка, только вместе с Вами!» На меньшее не согласна. (Меня это заставило улыбнуться: молодая красивая женщина, всегда изящно одевается, но у батюшки эти слова вызывают самую серьезную реакцию). Он озабоченно подносит руку к лицу, слегка теребит бороду, точно так, как он это делал при жизни, когда размышлял: «Ну, Надежда, это нелегко, это нужно еще поскорбеть. Я и сам не так просто сюда попал». Прошу: «И чтобы дочь, чтобы Аня – вместе». Понимаю, что он все принял к сведению. Это самое главное.

Проснулась, слезы из глаз. Вскакиваю с постели, хотя совсем рано: «Батюшка меня посетил!» В душе ликование, у меня – Пасха! Все переполнено радостью, не умещается внутри. Воздухом Царствия Небесного даровал подышать батюшка, напитал меня Жизнью. Общаясь с ним, не чувствовала неловкости, которая бывала у меня, когда решалась отнимать у него время просьбами, докучанием. Отец Владимир был мирен, мягок, от него веяло удивительным спокойствием. Благодарю Бога и дорогого отца».

Надя рассказала все это с такой радостью, будто сокровенную просьбу передала лично в руки батюшки и теперь может не сомневаться в ее исполнении.

Супруга диакона Дивеевского монастыря Фотиния видит во сне батюшку, который держит за руку своего сына, торопится с ним в монастырь на службу. «Как же так? Ведь его похоронили», – поражаюсь я. «Ты думаешь,

умер? Я – жив», – улыбается отец Владимир. Взял в руку край своего подрясника и шутливо им потряс. «Только вы меня плохо поминаете», – и пошел. Думаю: «Как плохо поминаем, вроде бы Псалтирь читаем...» После этого она обрела ясное чувство, что батюшка душой ни с кем не расстался, мы сами отдаляем себя от него – формальным поминанием. Поминая «кое-как», лишаемся дара воспринять его святые о нас молитвы.

«Попала в какую-то горную местность. На одной возвышающейся горе, в дивном свете вдруг вижу отца Владимира. А вокруг столько голов, полным-полно: все внимают, слушают батюшку. Он в переливающихся ризах, описать эту красоту невозможно, цвета все время меняются. Почему-то думаю: «Нагорная проповедь». Значит, и в иной жизни широкое поприще деятельности для священника. И в Царство Небесное приходят люди, например, впервые покаявшиеся перед смертью, которые духовные познания обретут уже там. Да и все, десятилетиями ходящие в храм, будут совершенствоваться, получать просвещение от Бога – на не ведомых нам сегодня уровнях».

Послушница Галина: «Мне тут одна говорила: «Что ты со своим отцом Владимиром носишься? Знаешь он кто? Колдун!» – «Отойди от меня, – говорю. – Человек умирает, а ты свою ахинею не прекращаешь. Постыдись!» Батюшка умер. Появляется эта клеветница через большой срок. «Наверное, тебя отец Владимир сорок дней в монастырь-то не пускал?» – «Не пускал». – «Не срамись, – говорю, – сколько батюшка людям сделал добра и теперь продолжает: поток чудес на могиле, попроси у него прощения!» – «Уже попросила». – «Когда же это?» – «На могилу к нему ходила». Значит, его молитвами, хотя бы после смерти совесть ожила. Желаю, чтобы все другие, кто на отца клеветал, покаялись, пока Бог не призвал к ответу.

Все удивлялась на батюшку: «Сколько доброты, за что он меня так любит?» Потом, наконец, разглядела: да он так же к каждому относится, с полным вниманием и любовью. Обнимал своим сердцем необъятное...

После очередной заупокойной службы об отце Влади-

мире мне поручили отнести поминальный рис на его могилу. У батюшкиного креста стояла схимонахиня Манефа, которая взяла обет молчальничества; она быстро ушла за отцом Владимиром. Монахиня, пришедшая со мной, удивилась: «Сколько по отцу Владимиру заупокойных служб заказывают. Видно он о нас крепко молится...» – «О-о!» – с интонацией почитания произнесла схимница и развела руки в стороны. «Может быть, он имеет дерзновение о всей земле русской просить?» – глядя на нее, вопросила матушка. Старица закивала головой и еще шире развела руки. «Или он о всем мире молит Господа?!» – изумилась та. «О!» – утвердительно произнесла мать Манефа. Было понятно, что последние слова, наконец, соответствуют ее представлению о сегодняшних трудах отца Владимира».

Раба Божия Нина рассказала сон почитательницы схимонахини Манефы, приехавшей из Ростова-на-Дону. Снится ей светлая старица и говорит: *«Следите за собой – как живете. Предупреждаю: мытарства проходить очень тяжело! Блюдите себя. Я – у Господа. Когда вы у наших могил, обращаетесь ко мне, к отцу Владимиру – мы тут же слышим, к нам Ангелы все возносят. Не расслабляйтесь. Готовьтесь к серьезному спросу!»* Вслед за кончиной матушки мне рассказывали, что видели ее во сне – в прекрасных царских палатах. Кто-то почитал ее блаженной, иные – юродивой. Еще до явных признаков болезни отца Владимира она знала, что он умрет, и внятными знаками предупреждала. Никто не хотел ей верить».

«После смерти отца Владимира, – рассказывает раба Божия Ксения, – день ото дня я стала все яснее понимать, что очень плохо молюсь. И однажды читаю Иисусову молитву практически машинально. Слова произносятся, а мысли, где угодно, скачут сами по себе. Вдруг меня остановил взгляд отца Владимира с фотографии в моем святом углу. И происходит мысленный диалог: «Так молиться нельзя», – твердо вкладывает свои мысли в мою растерявшуюся душу батюшка. «Наверное, это мое окамененное нечувствие», – оправдываюсь я. «Какое может быть нечувствие перед лицом Того, в Чьих руках – твои

жизнь и смерть!» – с ошеломляющей силой воспринимаю от батюшки. (Боже мой, ведь понимаю, это не только о здешнем. Мне сказали о жизни и смерти – вечной!) И после паузы робко начинаю произносить: «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, – в Твоих руках мои жизнь и смерть, – помилуй мя, грешную», – ощущая очень сильную разницу между моим привычным и этим образом молитвы. Поняла, что батюшка посоветовал мне не буквально вписать в Иисусову молитву новые слова – внести в нее это смиряющее душу, дарующее страх Божий осознание. Теоретически это как будто всем известно. Господи, даруй приводить на ум это знание. Пользоваться им – на самом деле».

Рабе Божией девице Ольге, получившей исцеление святыми молитвами отца Владимира, вскоре после его похорон снится сон. Вышла она из дома в огород, а за речкой – в небе, над березами, в монашеском одеянии стоит на прекрасной, в цветах, поляне батюшка. Навстречу ему идет толпа народа, впереди священник, который, обращается к батюшке: «Отче Владимире, помолись о нас!» – «Я о вас всегда молюсь! И вы сами тоже молитесь и просите Господа, чтоб Он простил грехи земли нашей». – «Не забывай нас в своих святых молитвах!» – снова просят его. «Никогда не забуду», – отвечает батюшка. «А я, – продолжает Ольга, – так хочу, чтобы отец Владимир оглянулся, на меня посмотрел. Вот уже нет толпы. И батюшка в полоборота повернул в мою сторону лицо и светло чуть-чуть улыбнулся. Перекрестился. И все исчезло».

Матушка Ирина встретила на улице дивеевского жителя А., который рассказал, что ему неожиданно приснился отец Владимир: «Вы знаете, матушка, и при жизни батюшки в храме я был нечастый гость, а теперь и вовсе распустился. И, представьте, вижу во сне отца Владимира, который так обрадовался мне, бросился навстречу, обнял. А потом как начнет чихвостить: «Ты когда у меня последний раз в храме был?! Когда исповедовался?! Причащался?!» И так меня с любовью пробрал, что я, проснувшись, кубарем с кровати и бегом в храм».

«Ежедневно ощущаем батюшкино участие во всех

своих обстоятельствах, – рассказывают частые гости этих святых мест, духовные дети батюшки С. и В. – Приехали в Дивеево, собрались в воскресенье на раннюю литургию. Навыка ложиться пораньше нет, рано вставать – тем более. Заставили себя погасить свет в двенадцать ночи: по московской привычке, в три ночи лечь – нормально. Сна ни в одном глазу, будильник на пять утра, а тут еще к дому подошла толпа с магнитофоном, и известная всем «музыка» заполнила ночь. Сразу закрыли форточки, ничуть не легче. Уже не знаю, к кому обращаться. Минут пятнадцать молю о помощи близких святых. И вдруг думаю, что же я батюшку не попрошу снять с нас эту головную боль? И так просто стала выговаривать: «Батюшка, пожалуйста, прогони бесов». Имею в виду, конечно, не людей, а тех, кто им помогает. И тут же, на третьей, наверное, просьбе ватага поднялась с лавочки. Звуки какофонии стали ослабевать и растаяли вдалеке. Благодарим отца».

Матушка Марина, супруга священника, служащего под Москвой, болела раком несколько лет. Постоянно ощущала святые молитвы отца Владимира и его серьезную духовную помощь на протяжении всей болезни. Пока еще была в силах, она несколько раз ездила в Дивеево к батюшке. Он молился о ней, возил на святые источники. Когда батюшка ушел из жизни и ей была подарена фотография его портрета, она призналась своей матери: «Гляжу на батюшку, и все мне кажется, что-то очень важное он хочет мне сказать...» В другой раз: «Мама, я поняла. Он зовет меня туда». С этого времени она стала готовиться к смерти. Нелегко, но светло, перешла в иной мир, сопровождаемая среди всех святых молитв и помощью отца Владимира.

Духовный сын отца Владимира Константин: «После смерти отца Владимира его портрет стал естественной частью моего святого угла. Когда ложусь спать – все иконы перед глазами и батюшкин лик. Пока засыпаю, молюсь одним, другим святым и по привычке обращаюсь к батюшке со своими проблемами. Неожиданно замечаю, что произношу, например: «Батюшка, помоги смириться, прогони от меня уныние, уцеломудри», – и так далее. И вдруг

отчетливое, ясное чувство: как будто отец Владимир принимает незримыми руками мою убогую молитву и тут же поднимает ее выше, к образу Нерукотворного Спаса, протягивает мои просьбы – Ему, присоединяясь сам к моей мольбе. И так с каждым прошением. И я понимаю, что батюшка хочет направить мое слабое молитвенное усилие в единственно нужную сторону. Быть может, он советует мне приняться за серьезную молитву?

При этом неожиданном восприятии я вспомнил эпизод из жизни протоиерея Владимира Богданова. Однажды он предложил своему духовному сыну заняться Иисусовой молитвой. В ответ: «Какая там моя молитва». А отец: «Знаешь игру в лапту? Один бросает, а другой – подбивает, чтобы пошла выше. Так и ты: молись, а я буду твою молитву подбрасывать **выше**». Отец Владимир давал мне читать самиздатовскую рукопись об этом московском старце».

Раба Божия инокиня Л.: *«Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Вижу себя внутри белокаменного храма, в середине которого кверху тянется винтовая лестница. Купола у храма нет, и лестница уходит в небо. Я стала подниматься по ней вместе с людьми, которые шли друг за другом. Это были женщины и мужчины разных возрастов. Лица у многих были печальные, головы у всех склоненные. Колонна двигалась медленно. Свободно пошла по лестнице вверх по правой стороне. Не знаю, сколько я поднималась, только помню возникшую мысль: «Как много людей!»И вот, наконец, достигнув верха, вышла на площадку и попала в очень светлый храм. И сразу же увидела, что все люди подходят к отцу Владимиру.*

Он стоял на возвышенности. Его хорошо было видно. Одет во все монашеское. Шелковая мантия красивыми волнами спускалась за спиной. Отец Владимир стоял глубоко сосредоточенный и благословлял очень истово и медленно каждого, кто к нему подходил. И как только благословит – человек отходит такой радостный, и грусти его как не бывало. Очень обрадовалась, увидев батюшку, и тоже решила подойти под благословение. Но это оказалось не так просто. Вот-вот вроде бы около него, а не могу

приблизиться, кто-то не пускает. Билась, билась и думаю: не заслужила. Тут я увидела в правой стороне аналой, и на нем икону: «Ну что же, приложусь и пойду». Приложилась к иконе Божией Матери в золотом окладе. Повернулась уходить, но вдруг вижу, очередь остановилась, около батюшки свободно, а он стоит и ласково смотрит на меня. В буквальном смысле рванулась к нему, наклонившись, коснулась рукой земли и произнесла (мы разговаривали мысленно): «Батюшка, благослови». И когда посмотрела на него, увидела, что его подняло слегка в воздух и отодвинуло от меня в сторону метра на два. Опустивши голову, подумала: «Недостойна».

И вдруг слышу голос батюшки: «Подойди!» Подняла глаза и вижу – отец Владимир улыбается. Подошла уже с трепетом, опять поклонилась и протянула руки под благословение. Он благословил. Поцеловала его руку и не хотела отпускать, а он крепко-крепко пожал мою руку и что-то стал говорить. Стоял, улыбался, от него, особенно от лица, исходил свет, так что я не могла долго смотреть на него, только в сердце чувствовала его любовь и теплоту, ласку. Он обличал меня очень осторожно, очень бережно, щадяще в моих грехах. Мне стало очень стыдно, так стыдно, что захотелось убежать. Помню только его последние слова: «Ослабела в ревности по Богу!..» И тут я заплакала и стала плакать так сильно, что проснулась. Сон приснился на день рождения батюшки Владимира. Мне потом сказали, дату его рождения я до этого не знала.

Когда бы я ни прибегала к помощи отца Владимира, он всегда помогает и слышит. Простите».

Знакомый, которому я рассказала об этом сне инокини, ответил: «Она запомнила только эти слова, потому что отец Владимир адресовал их – всем нам. Сегодня мы, христиане, как никогда, страдаем этим грехом, будто в духовной спячке: заторможенные, унылые, равнодушные, не имеющие сил на то, чтобы разделить чужое горе. Не отзываемся сердцем, жизнью и на события вселенского масштаба, на всемирную ИННизацию, от которой зависит наше спасение или погибель. И не думаем в этом себе сознаваться, тем более – каяться».

Духовная дочь отца Владимира Надежда П.: «Этот сон мне приснился после 40-го дня. Батюшка в храме за вечерним богослужением. На «Хвалите» вышли священники. Справа первым стоит отец Владимир в очень красивом облачении. Но я точно знаю, что батюшки уже нет, только что поминали на 40 день. И мысль: благословиться у батюшки. А как? Сейчас он будет возвращаться в алтарь, и я потихонечку пойду за ним. Так и делаю. Пробираюсь сквозь людей, батюшка все ближе к алтарю. «Отец Владимир, а благословение у Вас взять можно?» Оборачивается: «А как же!» Благословляет меня широким крестом и треплет по голове рукой. Просыпаюсь с ощущением батюшкиной руки на своей голове. И такая радость, прилив сил, как при живом батюшке».

Однажды близкие отцу Владимиру люди пришли к нему на могилку. Поговорили с ним о своих делах, попросили помощи для родных и друзей, обогнули холмик, чтобы приложиться ко кресту, и видят: у его подножия, на земле, лежит деревянный лепесток – часть резьбы красивого батюшкиного креста. Они искали, откуда он мог отпасть. Им казалось, сам отец Владимир обронил для них перышко со своего креста, и приняли его как святыню из его рук. Резной элемент оказался нижней частью свитка над Распятием Христовым, который подчеркивал буквы: «INЦI». К тому же он должен был упасть обязательно на саму могилку – в траву, цветы, где остался бы незамеченным. Но он лежал отдельно, с другой стороны, на песке перед могилой. Приди они позже – его бы подобрали другие. Паломники радостно поделились с матушкой отца Владимира, рассказали о подарке. Батюшка обратил их внимание на слова, которые были центром его собственной жизни и должны являться средоточием жизни вообще. «Иисус Назарей – Царь...» – как будто сам батюшка это важнейшее на земле словосочетание произнес и вложил им в души. Матушка Ирина добавила: «Батюшка благословляет вас на Иисусову молитву». – «Помоги, дорогой батюшка, сделаться исполнителями столь серьезного напутствия».

Раба Божия Анна: «Своего третьего ребенка мы назва-

ли в честь Государя – Николаем. Кормила его грудью. А у меня вечные головные боли от спазмов сосудов. Тут и цитрамон не выпьешь, так как в молоке все станет ядом для младенца. Измучилась страшно: неделя за неделей болит голова. И однажды ночью вдруг вижу во сне отца Владимира. Вы ведь помните, какие легкие и теплые были у батюшки руки? Но здесь он даже не прикоснулся к моей голове, а лишь протянул к ней ладони, так милосердно глядя на меня. Я проснулась – голова совершенно свежая. И ведь батюшку на помощь не звала и даже не вспоминала его. Насколько и с небес он все замечает, как при жизни».

Инокиня Елисавета, духовная дочь отца Владимира из монастыря в Чебоксарах: «Он ведь рядом, все видит и знает, а когда помолишься ему и попросишь о помощи, обязательно ответит. Так было совсем недавно. Разболелся у меня зуб, а была суббота, выходной. Измаявшись, не знала, куда мне деться, куда пойти, чтобы облегчить свое состояние. Тогда я взмолилась отцу Владимиру, просила его найти способ мне помочь. Вдруг, почти сразу же после этого, приходит к сестре, с которой мы живем в одной келье, знакомая медсестра. Бывает она у нас крайне редко, а тут, как сама сказала: «Не знаю, почему мне захотелось прийти к вам в гости». А я-то знаю: батюшка привел. Пожаловалась ей на сильную боль: «Что делать?» Оказалось, что у нее есть знакомый стоматолог и к нему можно обратиться в выходной день. Мы вместе пошли в поликлинику, она зашла со мной в кабинет, все рассказала врачу и стояла рядышком, утешая меня, чтобы я не боялась боли. Как будто забота о людях, так свойственная батюшке, действовала в те минуты через нее, почти не знакомого мне человека. Так отец Владимир протянул мне руку помощи в очередной раз».

«В последний приезд в Дивеево, – рассказывает раба Божия Марина, – нам пришлось искать жилье для московской знакомой, которая приехала сюда впервые. Обошли ряд адресов, но, наверное, люди устали после волны летних паломников, и мы нигде не находили приюта. В последнем доме уже договорились с хозяйкой, но тут рядом

возник ее шатающийся сын, и мы поняли, что здесь нашу Елену не оставим. Было обидно тратить дорогое дивеевское время на бесплодные поиски, и сказала: «Пойдем, попросим помощи у отца Владимира». Дошли до ворот монастыря, уже утомленные, помолились издали. Утром уже посещали дорогую могилу. Поклонились три раза, кратко от сердца попросили батюшку срочно нам помочь. Идем по улице, на ближайшем перекрестке стоят и разговаривают незнакомые люди. Не знаю, почему я обратилась именно к ним. Через минуту за двадцать рублей в сутки нам была предложена пустая двухкомнатная квартира со всеми удобствами, с полной обстановкой, даже в коврах. «Живу в Кременках, – пояснила хозяйка, – здесь наездами. Через считанное время вы бы меня не застали». Отдала нам в руки ключ от всего своего достояния, как близким знакомым: «Живите на здоровье».

Хочу добавить, что так блестяще еще ни разу в жизни никого здесь не устраивала. Благодарим скорого помощника. Вспоминаю, как некогда мы толпами приезжали в Дивеево, и батюшка молниеносно всех пристраивал в разные концы. Теперь ему еще виднее, кого куда поселить, что полезное для каждого сделать».

Послушница И.: «Бедная девушка, как она кричала подле батюшкиной могилы. Враг ее всю корежил, «бегал по лицу». Совсем молоденькая и такая больная. Видно, нечаянно к могиле подошла. Вопит истошно своей подруге. То есть бес, конечно, визжит: «Не ходи, не приближайся сюда. Он нас гоняет!»

Рассказ монахини М.: «Под утро мне приснился наш отец Владимир в полном облачении, совершающий монашеский постриг. Произнес проповедь и начал чин пострижения. Встал на колени у престола в глубокой молитве, очень сосредоточенный. Весь ушел в молитву. Рядом монашеские одежды для постригаемого. Сейчас отец Владимир будет не известного мне человека в них облекать. И как же усиленно он о нем молился на коленях! Так хотела все досмотреть, а мне вторая по келье: «М., вставай! Вставай!» И я проснулась».

Пол-одиннадцатого вечера пошла к знакомым отнести привезенные из Москвы книги: пятый сборник чудес Царственных мучеников и «Подвижники Марфо-Мариинской Обители Милосердия». Для Дивеево это поздно, почти во всех окнах темно, нет и фонарей. Не дошла семи шагов до распахнутой двери чернеющего провалом подъезда, как из него с диким неистовым лаем, гремя трехметровым обрывком железной цепи – на меня кинулась разъяренная собака. Не большая, но и не маленькая. Несколько раз я отпрянула от бешеных бросков, заслоняясь от ощеренной пасти тоненькими своими книгами. Ее зубы громко лязгали в воздухе, не коснувшись меня, хотя книги явно не могли быть защитой. После третьего нападения во мне мелькнула мысль: что же я ее не крещу?! И осенила собаку большим крестом: «Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь». Она шарахнулась к дереву. И полуотвернув морду, приблизив ее к земле, неистово рычала в полутора метрах от меня – дикая ярость клокотала в глотке. Я осознала, что отнюдь не спасена: она готовится к главному прыжку. Тогда я, наконец, почувствовала настоящий страх. И внутренне крикнула: «Отец Владимир, спаси!!!» В следующий миг произошло невероятное. Собака повернулась на 180 градусов, то есть вместо пасти передо мной оказался хвост. Как будто незримая хозяйская рука взяла ее за ошейник и повела через черный двор. Она убежала совершенно спокойно, не оглядываясь, не огрызаясь, как будто полностью забыла, как только что ко мне относилась. Через минуту она беззвучно скрылась в дальнем сарае. Постояв немного, услышала звук тяжелых шагов, спускающихся со второго этажа дома. «Что тут у вас происходит?» – спросила я у плотной женщины, как будто понимая, что все это имеет к ней отношение. «Что-что... собака сорвалась». – «Так она у вас и загрызть кого-нибудь может». – «Ну, только что сорвалась», – недовольно буркнула хозяйка собаки и направилась к своему сараю. «В какое время живем, – подумала я. – Ни одна занавеска не дрогнула в окнах, не скрипнула ни одна дверь. Хозяйка спокойно дождалась, когда шквал лая утих, и только тогда пошла на расследование...» Навестив знакомых,

возвратилась домой. Лишь по дороге осознавая, что моими первыми заступниками были святые Царственные мученики.

Был день священнической хиротонии отца Владимира. Из многочисленных рассказов, помню, меня умилил случай с голубем, который позвал послушницу на похороны батюшки. У меня не было будильника, чтобы не проспать на литургию батюшкиного дня, и вдруг, к моей детской радости, в нужное время меня тоже подняла птица. Она тарабанила клювиком, сидя на перекладине окна. Не поняла природу звука. Открыла глаза и несколько мгновений, замерев, смотрела, как она снова стучит своим клювом. Небольшая птаха. Не успела понять, какая: она вспорхнула. После литургии рассказала об этом служившему священнику, любящему отца Владимира. «Нас всех батюшка постоянно утешает, как своих собственных детишек Лидочку и Арсюшу», – с улыбкой сказал отец А.

Раба Божия Вера: «Я приехала в Москву после успения батюшки, конец августа. На Нижний билетов нет, денег не хватает. Стою у воинской кассы, военного билета не имею и молюсь: «Батюшка, если ты со святыми, помоги, Христа ради». Только что с раздражением мне отказывали. Вдруг появляется билет за 140 рублей, денег хватило. До сих пор удивляюсь, как это получилось».

Духовная дочь отца Владимира Надежда: «Во время поездки в Иерусалим было много встреч с людьми, новых знакомств. Но отец Владимир и там был со мной. Взяла с собой его фотографию. Матушка Ирина дала мне в дорогу батюшкину сумку, легкую, удобную. Я поселилась в домике с Еленой, которая приехала из Астрахани. Теперь она уже послушница Горненского монастыря. Когда она узнала, что я из Дивеева и знаю отца Владимира, и он очень близок мне, она попросила: «Расскажи мне что-нибудь о батюшке». – «А ты разве его знаешь?» – «Я была всего два раза в Дивеево, привозила старую монахиню, и лишь один раз попала к батюшке на исповедь. Больше его не видела. Но он потряс меня на всю жизнь. Это была встреча...» Елена не может больше говорить, плачет.

«Батюшка взял меня за плечи: «Посмотри мне в глаза». Я была в таком страшном состоянии, никто мне не мог помочь, все меня томило, мучило... От батюшки отошла полностью другим человеком». – «Лена, а сумка у меня – батюшкина». Она упала на колени, схватилась за ручки сумки, и потом приходила каждый день: «Дай хоть за ручки этой сумки подержаться. Ведь его руки носили эту сумку». Потом я отправила Лене фотографию отца Владимира, как обещала. Сделала земные поклоны у батюшкиной могилы, по ее просьбе. Совершала их с радостью, потому что почувствовала ее душу, привязанность, благодарность батюшке за ту единственную встречу в жизни, единственную исповедь.

Встретила в Иерусалиме еще одну паломницу, она имеет частную киностудию. Живет в Магадане. Человек интеллигентный, очень религиозный. Была в Дивеево один раз. Я спросила: «Вы не знали отца Владимира?» – «Да! Это такой батюшка! Не забуду, как выходила из храма, мне не удалось исповедаться. Служба заканчивалась, зазвенел колокольчик. Думаю: «Завтра мне на раннюю, исповедоваться не смогла, и утром вряд ли сумею. Предстоят встречи с несколькими людьми, надо о машине договориться». Отец Владимир, одетый в полушубок, выходит из храма. Стою потерянная, машинально беру у него благословение. Он вдруг спрашивает: «Что у вас стряслось?» – «Батюшка, я исповедоваться хотела, не получилось...» Отец Владимир резко снимает полушубок, берет меня за руку: «Пойдемте». Возвращаемся в пустой храм. Достаю свои талмуды, начинаю вслух что-то произносить... Это была невероятная исповедь! Неужели в наши дни такое возможно? Нас же здесь миллионы, трудно на ком-то сосредоточиться в этом море людей. Как можно видеть каждого человека, относиться к нему индивидуально и любить его, не зная, кто он и откуда? Все мои грехи были покрыты в тот час Божественной любовью. Впервые в жизни я ощутила явственное облегчение после исповеди».

«Почти каждый день, – рассказывает раба Божия Ла-

риса, – хожу к батюшке на могилу со всеми своими трудностями, недоумениями. Постоянно ощущаю, что батюшка все обо мне знает, каждое обращение к себе – слышит. Живу с ежедневной помощью. Например, сегодня иду после всенощной, конечно, захожу на батюшкину могилку. Прошу о своих главных делах, умоляю помолиться о всех близких. И вдруг опять заныло то, с чем ходила к нему на исповедь. Кланяюсь могилке, травку рукой трогаю и жалуюсь: «Батюшка, ведь так тяжело, как меня С. не любит, постоянно на меня клевещет...» И немедленно, не давая мне рассиропиться, прерывая готовый хлынуть поток страдательных чувств, батюшка вкладывает в меня свои мысли, как если бы он рядом стоял и меня исповедовал, но еще более решительно, хотя очень мягко, с великой своей добротой: «Слава Тебе, Боже. Воспой хвалу Богу! Слава Тебе, Боже!» Это было то, чего я вовсе не ожидала. Но предложенное батюшкой было столь облегчающим, снимающим всякую тяжесть, что душа моя тут же согласилась и запела вслед за батюшкой: «Слава Тебе, Боже. **Очень хорошо, что плохо относится**. Слава Тебе, Боже – за все!». Так и ушла с могилы с этой песнью».

Матушка Боголюбовского священника, иерея Александра, Надежда в тяжких страданиях умирала от опухоли головного мозга. В этот период ей привезли в подарок фотографию портрета отца Владимира. Она приложила изображение к своему лбу – к своей опухоли. Отняла фотографию и с потрясением увидела, что она начала источать на ее глазах миро. Капли появились и начали стекать со лба батюшки, именно там, где у матушки была опухоль. Все близкие с глубоким умилением ощутили присутствие живого, сочувствующего всем сердцем батюшки. Они не только понимали, что отец Владимир участвует в их ситуации, они слышали святую мольбу с Небес об облегчении страданий больной. Через несколько дней после ее тихой смерти она явилась во сне своей ближайшей подруге, которая безутешно о ней плакала. «Что же ты так плачешь?! Мне очень хорошо. За свои страдания, всеми молитвами, я удостоилась Царствия Небесного». – «А дети? Ведь без

матери осталось трое твоих детей!!!» – в глубоком горе отвечала та. «Пожалуйста, перестань страдать. Неужели ты думаешь, что Всемилостивый Бог забудет моих детей?! **Он позаботится о них!»**

...Это было огненное искушение: поток черной силы был столь активен, что Галина потеряла духовное равновесие. И расстроилась так безудержно, как давно себе не позволяла. В помыслах горя и отвращения ко всему этому сатанизированному миру, в котором приходится существовать, она вдруг произнесла греховнейший помысл: «Как мне все надоело! Жить не хочется!» И весь следующий день это дьявольское внушение ее одолевало.

«Иду после службы мимо могилы отца Владимира, – рассказывает она, – и слышу, батюшка зовет, чтобы подошла. Как магнитом притягивает. Я ему в душе и вслух возражаю: «Знаю, что грешу, и к могиле не пойду». Батюшка меня еще явственнее призывает. Отвернулась от его креста, прохожу мимо и говорю: «Помню-помню, как ты, батюшка, мне на этот помысл однажды разрешительную молитву читал, его запрещал и благословил никогда к себе не подпускать. И раз благословил – дай силы справиться. Видишь, что у меня творится с душой?! Попроси для меня мира и покоя», – это все от горя ему говорю. И каково же мое изумление: я тут же прихожу в себя, успокаиваюсь совершенно и возвращаюсь домой в полном присутствии духа. Перемена была такой разительной, что даже забыла все происшедшее. И только на следующий день дьявольское наваждение и чудо батюшкиного заступления предстали передо мной в полную величину. Прости, дорогой батюшка, за все мои дерзости! Великие ты с нами понес труды и скорби при жизни. И теперь все продолжается: сколько тебе еще от нас предстоит потерпеть?! Прости и помоги до конца. Ни на один день не остави». Все это Галина передала на следующий день близкой душе, глубоко осознав происшедшее. Во время рассказа она обливалась слезами.

Духовная дочь батюшки Л. в Москве на девятый день видит сон: «Прихожу в дом отца Владимира. Во дворе, в

садике, сидит сам батюшка. Забываю все на свете, падаю перед ним на колени и заливаюсь слезами: «Муж опять пьет!» (У этой рабы Божией кроме нецерковного мужа, страдающего тяжелыми запоями, две крошки на руках и многое другое нелегкое). Уткнулась батюшке в подол, как на руках у матери, рыдаю. Он меня по голове погладил и с любовью произнес: «Все будет хорошо». Я верю. Поднимаюсь с колен, иду в батюшкин дом. Матушка Ирина – мне навстречу и приглашает на поминки: «Сегодня девятый день батюшки». – «Как же так, – изумляюсь я, – батюшка – живой! здесь в саду. Мы только что с ним говорили».

«Через какое-то время приезжаю в Москву, – рассказывает матушка Ирина, – спрашиваю у знакомых этой женщины: как ее дела? Отвечают: «Батюшка, как пообещал, так и исполнил. У нее все наладилось». Безотказный отец».

Сон дочери отца Владимира Лидочки: «Я вернулась домой и вдруг вижу из окна своей комнаты: папа в саду! Он обходит с молитвой наш дом. Поднимает голову, видит меня, мы ужасно радуемся: машем друг другу руками. И он кричит: «Лидусик, иди сюда!» – «Нет, папочка, иди ты ко мне!» Папа входит в мою комнату, бросаюсь навстречу, обнимаю его, он такой веселый, бодрый. Я беру его за щечки, прямо передо мной добрые-предобрые глаза, в руках его бородка. «Папочка, ты же совсем здоровый!» – ликую я. Так утешаюсь: совершенно живой. Рядом со мной – живой папа! И он говорит: «Когда собираешься причащаться?» – «Наверное, в воскресенье». – «Ты готовься, завтра, в среду, я тебя исповедаю и причащу. Сегодня – готовься». Когда Лидочка рассказала мне свой сон, мы вместе догадались, к сожалению, по прошествии этого дня, что батюшка хотел, чтобы его девочка причастилась в день Ангела Цесаревича Алексия. 18 октября – праздник святителей Московских и день Ангела Наследника. Батюшка заботится с Небес не только об исповеди, напоминая, как он серьезно исповедовал свою деточку, но и о том, чтобы его дети были под сугубым покровом молитв святой Царской

Семьи. Мы должны помнить и отмечать главные даты Царственных мучеников.

Еще один ее сон: «Папа летит вместе со мной и так стремительно, что дух захватывает, и я говорю: «Почему мы так быстро?!» А он: **«Надо торопиться, чтобы успеть...»**

Одноклассница и подруга Лидочки видит во сне высокую-превысокую прозрачную колокольню, уводящую в Небеса. «Батюшка поднимается по лестнице, а я пытаюсь взойти на первые ступеньки. Он поворачивается ко мне, улыбается и ободряюще следит за моими попытками. Продолжает подниматься. И опять оглядывается, внимательно смотрит: как там я. Лицо доброе, светится, как будто зовет за собой в бесконечную высь...»

Слушая, записывая десятки рассказов о том, как батюшка со Светлых Небес поддерживает, утешает людей, думала, что он снова для нас в одном лице – отец и мать. Всех, бесконечно страдавших, оплакавших его, он немедленно утешил, как мать откликается на крик малого ребенка, и торопится успокоить, улыбнуться ему, чтобы высушить слезы. Так точно и батюшка.

Не надеялась, что отец Владимир приснится мне, уже потому, что не плакала, получив известие об уходе батюшки в иной мир. Сразу купили билеты в Дивеево, чтобы не опоздать на похороны. Уезжали на второй день по успении. Входим в плацкартный вагон: почти пустой, дорожки, чистота, цветы, приветливая проводница. Соседние два места никто так и не занял. Ни одного нецензурного слова. Все это составляло разительный контраст с обрамлением наших обычных поездок в Дивеево. Мы благодарно, без слов, понимали: это батюшкина забота о нас, никчемных, – из лучших, чем эта земля, мест.

Во время отпевания, чин которого так люблю, впервые в жизни не могла воспринять ни единой фразы. Все слова о смерти и тлении казались противоестественными, они были не способны передать происходящее. Чувствовала очень ярко, отчетливо только одно: батюшка жив! Он

здесь – и он совершенно жив... Всепобеждающее полыхающее пасхальное чувство! Все сорок дней оно было особенным. И действительно, отец Владимир ни разу за все это время мне не приснился. И все повторяла: «Понимаю, что недостойна». Хотя, конечно же, я очень хотела увидеть батюшку. Начала разговаривать с ним, молиться ему сразу же после его ухода – получая несомненные и многие свидетельства, что он меня слышит.

Мы распространяли батюшкины фотографии. Многим досталось, кому-то нет. Подруга выпросила у меня последний снимок, чтобы сделать с него копию. Привезла назад, и я понимаю, она очень не хочет с ним расставаться. Нужно дарить, но – жалко. И вдруг слышу внутри себя отчетливое, не совести моей, а именно батюшкино, с укором: «Отдай!» Это обличение было столь явным, только что голоса не прозвучало. Покраснела и протянула фотографию Марине, к великой ее радости. А батюшкин лик мы размножили еще несколько раз.

Впервые увидела батюшку во сне на праздник святых жен-мироносиц, очень дорогой еще и потому, что мы в этот день отмечали диаконскую хиротонию отца Владимира. Вижу себя в Дивеево, ждем батюшку, он задерживается. Понимаем: он у многих других нуждающихся в нем людей. Ждем с терпеливой надеждой. И вот он входит. В черном монашеском облачении. Светлое милующее лицо без улыбки. Говорит, как будто глядя не на меня, а углубляясь во внутреннее, не ведомое нам и открытое ему, – знание. Батюшкино внимание недостаточно назвать сочувствием: это соучастие в несении креста. Все в его облике вызывало благоговение. Его сострадание не имело внешних проявлений, оно было проявившейся сутью отца Владимира. Как говорят: живет своим призванием. Так можно было сказать о батюшке: он жил, дышал Милосердием. Оно проникало в глубины моего существа. Понимала, что это отнюдь не только ко мне, недостойнейшей, – это сама сердцевина батюшкиной души, которую на земле мы только предощущали. Забытым смирением отзывалась душа. Без всякого промедления он стал говорить о моем здоровье. Как будто видя насквозь, указывал на факторы моего

физического неблагополучия. И дал рекомендации по оздоровлению. Весь тонкий, внимающий облик батюшки источал Милосердие, которое никогда не могла бы заслужить. Батюшка благословил меня большим крестом. Чувство неземной благодарности подступило к сердцу. И когда склонилась, чтобы поцеловать благословляющую руку – слезы градом полились на обе батюшкины руки.

Проснулась с переполненной душой. Все читали, что смысл и содержание жизни вечной, всецелой жизни в Боге – Любовь. Но в те минуты узнала об этом по-новому, на не известной ранее глубине. Душа, с редкой силой переживания, произносила слова молитвы: «Господи, прости меня, прости великую грешницу». Наверное, малая частица бездонного батюшкиного сострадания ко «всем и вся» – коснулась и моей убогой души. Не помню, когда я так плакала. «Господи, помилуй всех, Господи, помилуй всех на свете… Ты можешь! Владыко, пожалей, поддержи, пощади всех, кого только можно помиловать». Это был незабываемый пресветлый день. Понимаю, как мало это относится ко мне, жалкой. На следующий день уже утратила все эти дары. Это посещение – было зовом Иного Мира, напоминанием о той жизни, которой мы не живем. Но именно для нее мы созданы – для молитвы и Любви к Богу, и – к любому человеку, ради имени Его святого.

Второй сон увидела также в пасхальные дни – в праздник святителя Николая. Как и в предыдущий раз, проснулась, пора собираться на литургию. Вижу себя в пространстве, наполненном Светом. Передо мной появляется батюшка в бело-золотом облачении. Поздравляет с праздником, благословляет. Ослепительно улыбается. И вдруг начинает жестом, будто вынимает из своей души – своими руками передавать в мои – несказанные подарки. Очень быстро, улыбка все светлей. Он протягивает мне отдельные листочки, письма, фотографии, тонкие и толстые тетради – все это принимаю с невыразимой радостью. Знаю, это все – о нем: батюшка доверяет мне написанные им тексты, письма, дневники, свои фотографии. Кипа бумаг растет, скоро мне не хватит рук. И точно так же, как в первом сне, испытываю прилив неземной благодарности,

слезы подступают к душе. Продолжая принимать эти милостыни, тороплюсь выговорить, пока еще его вижу: «Батюшка, я такое ничтожество. Ничего не могу – одни «благие намерения». Никакого от меня толка. Одна немощь, никчемность. Как тяжело в этом вечном бессилии...» Батюшка улыбается еще ярче и, глядя мне в глаза своими карими живыми глазами, произносит очень утешительно и подкрепляюще: «Ничего, ничего!» И продолжает ободрять, уверяя, что все страдания имеют смысл и обязаны вызывать у меня не скорбь, а благодарность. Остаюсь при ощущении этих слов, хотя ничего не запомнила. И далее мы куда-то с батюшкой торопимся: он впереди, я – за ним, едва поспеваю. Все быстрее. И вот, его уже нет, а я бегу, прижимая руками, сложенными как для Причастия, толстый пакет порученных мне сокровищ. Он завернут в белую бумагу и крестообразно перевязан. Бегу, как бегала только в детстве, не чуя под собой ног – почти лечу, куда-то в неведомо светлое и прекрасное. Все вне и во мне переполнено Светом! Просыпаюсь в состоянии, которое недостаточно назвать радостью. До этого пыталась начать писать воспоминания об отце Владимире. Но очень неуверенно, понимая, что это ответственное дело мне не по силам. После этого события поняла, что батюшка благословляет меня писать о нем.

В Дивеево, на могиле отца Владимира, у меня произошла встреча с его духовной дочерью. После чего мне пришлось заняться работой, которая отнимала у меня много времени и сил. От редакторской правки полуслепых текстов больные глаза стали изнемогать. Все это отодвигало мое главное дело, посвященное батюшке. Как-то ночью глаза окончательно отказывают, голова распухла, завтра рано на службу – день Святого Духа. Думаю: «Зачем я так углубилась в эту работу? Так ли она важна: себя изнуряю, а основное дело простаивает? Ведь меня никто не благословлял». В ответ снится мне батюшка. Стою перед ним, он в лучезарном, праздничном облачении – поднимает, не стремительно, что ему свойственно, а замедленно – правую руку и начинает меня благословлять со светлой сдержанной улыбкой: очень медленно, тщательно, с отчетливым

всепроникающим чувством живого батюшкиного крестного знамения – раз за разом, три раза. Внешне улыбка малая, а внутри – очень большая, на мое недоверие. И понимаю: он подтверждает, что поручил мне это дело, иначе и не решилась бы взяться. Батюшка напомнил, что благословляет меня: заниматься восстановлением здоровья, завершить редактирование рукописи его духовной дочери и писать о нем воспоминания.

Краткий сон. Вижу батюшку в несметном множестве людей, все к нему обращаются за помощью, батюшка отзывается на все просьбы. И перед лицом этой несчетной толпы думаю: «Мне ни за что не пробиться». Но в ответ на эту мысль, батюшка поворачивается ко мне, кивает с приветливым ясным лицом. Три раза отрывается от своих серьезных занятий, давая понять, что он помнит меня и не оставляет обо мне своего попечения.

Наверное, эта благая мысль пришла по молитвам отца Владимира. Вечером мы обсуждали, как нам осуществить помощь матушке Ирине и детям, ведь они теперь без средств к существованию. Утром просыпаюсь, окруженная веянием радости: светлая, дивная волна батюшкиной благодарности заполняет все вокруг. Весь день радовалась, благодарила и чувствовала себя гораздо лучше обычного. Отец Владимир был необыкновенно благодарным человеком.

Эта история произошла через полгода после батюшкиной смерти. После летнего перерыва встретила в храме нашу прихожанку Л., удивляясь ее плохому виду: серое лицо, веки припухли: «Ты не болеешь?» – «Нет, у меня такой ужас дома, так плохо», – слезы навернулись ей на глаза. «Пиши письмо отцу Владимиру, отвезу на могилку, – посоветовала я. – Помнишь, ты обещала сделать ксерокс с письма отца Владимира». Мы вошли в комнату в доме причта, где неожиданно для Л. нас встретил портрет отца Владимира, почти в полный рост. Она вскрикнула с порога: «Батюшка!» – и с рыданиями упала на колени перед портретом, в безмолвных слезах изливая не ведомое мне горе. Молчала пораженная, потому что подобное можно было увидеть при жизни отца Владимира. Батюшка носил

в себе нечто такое, что люди, находящиеся в глубоком горе, подчас бросались к нему за помощью – со слезами, без всяких общепринятых объяснений. Постаралась ее отвлечь: «Думаем о том, как поучаствовать в жизни матушки Ирины и батюшкиных детей», – вместе продолжили тему. «Смотри, – вдруг потрясенно произнесла Л., – батюшка улыбается». К подобным восприятиям я отношусь сдержанно: «Это только для тебя».

Мы встретились через три дня, после литургии на Воздвижение Креста Господня. У Л. было светлое, облегченное лицо. «Ты не можешь себе представить, что произошло, – начала она с радостью. – Никто не знает, у меня ведь страшная беда с девятнадцатилетней дочерью. Год назад она написала последнюю исповедь, которая канула в небытие. Полное отступление от Церкви моего собственного ребенка. И как! с хулой на Бога, на меня саму. Слова о святыне нельзя сказать – встает на дыбы. И день ото дня все хуже. Пришла домой после нашего разговора у портрета – в повышенном настроении. И, не знаю как, начала рассказывать дочери об отце Владимире, о портрете. Не верю себе, слушает с интересом. А на следующее утро: «Мама, ты знаешь, кто мне сегодня приснился?!» – «Кто?» – «Отец Владимир». – «Ты же ни разу в жизни его не видела!» – «Но его фотография, мама, в твоем святом углу!» Уверена, что она и в комнату ко мне не заходит, чтобы взгляд на святые иконы не упал, и от святого угла, если зашла, отворачивается. «И как же он тебе снился?» – «Удивительный прекрасный храм, и батюшка служит. И, представь, в твоем подризнике! Сразу его узнала, который ты сейчас шьешь». (Дошиваю, а он – уже у Господа). «И такой счастливый, – продолжает с радостными глазами моя дочь, – весь светлый. Обернулся, посмотрел на меня – и просто просиял улыбкой». Можешь ли представить, у меня отношения с дочерью на глазах налаживаются. И письмо, наверное, не нужно батюшке писать, он и так все знает. Батюшечка, доведи дело до конца – верни мою девочку в храм и Богу!»

Так дерзновенно включается отец Владимир в не ведомые ему вчера ситуации. Ведь Л. видела его раз в жизни,

издали, на молебне перед Царской иконой за три дня до его кончины, и не решилась подойти под благословение. Знала о батюшке по чужим воспоминаниям.

Н.П., преподавательница православной школы, в которой учится дочь отца Владимира, рассказала, как в рождественском спектакле Лидочке дали роль девочки, на руках которой умирает мама. По сценарию ей нужно было плакать. Спектакль кончился, а девочка не может успокоиться. «И так мне ее жалко, глядя на эти слезы, стало. Вспомнила, что она недавно похоронила отца, обняла ее, поцеловала головку. В эту же ночь мне снится сон. Впервые после смерти вижу отца Владимира. Он окружен огромной толпой людей. И думаю: «Ну, к батюшке не пробиться». И вдруг прекрасный женский голос произносит: «Отец Владимир молится – о всех, всех, всех!»

Рассказ матушки иерея Б. о своем сыне. Отец Владимир не благословил Петю идти в Тихоновский институт. Но он поступил и начал учиться. Вслед за этим он страшно заболел. Батюшка перед смертью, буквально в последний вечер, много времени уделил Петру. Он сокрушался: вот что значит не послушаться благословения! И говорил матушке Ирине: «Видишь, какие у него скорби, как заболел, целый год пробыл в академическом отпуске... Пусть обязательно переводится в семинарию, ему нельзя оставаться в Свято-Тихоновском».

Летом перевод должен был осуществиться, уже была договоренность. Но Пете неожиданно, без предупреждения, уверяя, что будет одно собеседование, устроили в Лавре настоящий экзамен, который он провалил. Сдавали вместе с другом, оба полностью удрученные, тем более что теперь им предстояло идти в армию. В Тихоновском предупредили: назад мы вас не возьмем, имейте в виду, что уходите совсем. И в Троице-Сергиевой Лавре их не приняли. «Убитые», они решили в последний раз приложиться к святым мощам преподобного Сергия. Вошли в храм, стали в очередь. В этот момент перед ними возник неизвестный иеромонах: «Поставьте вещи, приложитесь к преподобному и подойдите ко мне», – показывает на вход

в боковую комнату. Они приложились и вошли в указанную дверь. Он их ждал. Посмотрел на унылые лица: «Ну, что – не поступили?» – «Нет, батюшка, не поступили». Тогда иеромонах поднял сложенные иерейским крестом персты, крепко ударил в лоб Петра, начиная его благословлять, и произнес: «На этом жизнь не кончается! В сентябре все будет хорошо! Идите». Они вернулись в Москву, дома все рассказали маме. «Так этого монаха послал отец Владимир! Абсолютно батюшкины слова, манера говорить и почувствовать, что человек уже на последней грани! Это его благословение – ничье больше!» В такой тяжелый момент, молитвами отца Владимира, Бог послал человека, который, будто сам батюшка, полностью их утешил. В сентябре Петр поступил в закрытую семинарию Сретенского монастыря.

Раба Божия София: «Это было в ноябре 2001 года. Я в сильной скорби прошла по Канавке – молилась за мужа и себя, очень переживала, у меня были тяжелые обстоятельства. И после Канавки пошла к батюшке на могилку, потому что это уже привычно – нести к нему все свои слезы, просить его молитв. Подхожу к могиле и чувствую: сильное благоухание... Стою под необыкновенным впечатлением, у меня такого не было и с иконами. Прикладываюсь ко кресту – и сам крест очень благоухает. Такое утешение – будто облако спустилось на меня. Поняла, что батюшка все слышит, во всех моих скорбях участвует... И тихо так пошла домой... И всю дорогу этот аромат нездешний был со мной. Не хотелось ни о чем говорить... Утешение послал Господь, батюшкиными молитвами. На следующий день – то же, но уже меньше, потом – еще слабее... и перестала слышать. И скорби мои отошли».

Раба Божия Любовь, Московская область: «Со всеми болячками к батюшке ездила многие годы. И вдруг резко ухудшилось состояние ребенка, который был исцелен отцом Владимиром. И я чувствую себя тоже очень плохо. Пару месяцев спустя добрались до Дивеева. И мне говорят: да уж сороковой день прошел по батюшке... Я расплакалась так, что и на исповедь к священнику подошла, а все

не могу успокоиться. Он мне говорит: «Ты что ж так рыдаешь?» – «Приехала к отцу – душу излить, а он умер...» – «Сходи на могилку, приложись к крестику, поговори с ним: он все слышит». И пошла я к батюшкиному кресту. Все-все отцу Владимиру рассказала, и такое чувство, будто ему самому все говорю. Возвращаюсь в храм, полное облегчение на душе. Младшая моя, Вика, десяти лет, говорит: «Бабушка, ты такая сморщенная, страшная уходила, а теперь будто помолодела». И так хорошо я в этот день исповедалась. Уезжала после Причастия, словно у живого отца Владимира побывала в гостях. Всю тяготу и болезнь он с меня снял, как в прежнее время».

Духовная дочь отца Владимира Анна: «Одной рабе Божией приснилось, что матушка Ирина стоит вся в черном, а батюшка – в сияющем золотом облачении. Мы очень долго думали об этом и только потом узнали про батюшкино успение.

Когда отец Владимир умер, мы молились за него по Евангелию. Мне досталась 14 глава от Иоанна, где было написано:

«В доме Отца Моего обителей много».

Накануне батюшкиной болезни, он несколько лет подряд благословлял мне Великим постом, кроме прочих, особо – 17 кафизму. Удивлялась: «Что же он мне ее дает? ведь ее читают по покойникам?» Годы он готовил меня к своей смерти. Все сорок дней я снова читала 17 кафизму по батюшке.

На годовщину успения батюшки подхожу к его могилке, думаю: «Взяла денег 1000 рублей, все израсходовала и на обратную дорогу не осталось». Захожу в храм, неожиданно встречаю знакомого, и он дает мне столько, сколько нужно на билет. Такое происходило только при жизни отца Владимира.

Я подарила батюшке чашечку, он ее очень любил, пил из нее чай. Однажды я приехала в Москву, был строгий Успенский пост, а покушать было негде. Я зашла в Сретенский монастырь, подошла к неизвестной иконе и прочитала: «Святитель Илларион». И говорю: «Святитель

Илларион, мне не хочется пост нарушать, накорми меня, Христа ради», – и вышла из храма. Вдруг меня будто кто-то призывает обратно в храм. Вхожу и замечаю знакомую женщину, которая была на похоронах батюшки. Она привела меня к себе домой, накормила и поила точно из такой чашечки, которую я подарила батюшке. Тогда мы поняли, что это батюшка побеспокоился обо мне.

Когда приезжаешь в Дивеево и заходишь в дом отца Владимира, то кажется, что батюшка где-то в другой комнате, вбежит сейчас сияющий и что-нибудь такое ободряющее скажет. И каждый раз чувствуешь, как его не хватает. Придешь на могилку, выплачешь там все, и только тогда осознаешь, что его уже не увидишь. Мне кажется, что многие люди, знавшие батюшку, ощущают голод по общению с ним и горюют, что его уже нет на земле».

Рассказывает Виктор Геннадиевич, директор Дивеевского дома культуры: «Моя жена из Сергача, но бабушка перед своей смертью благословила ее жить и работать в Дивеево. Она и меня сюда перетащила, хотя назначение было – на Север, в Омскую область. На наших глазах происходило восстановление монастыря. Дом культуры был тогда в трапезной церкви, и все рядом – на наших глазах. Сколько автобусов приезжало: люди возвращали монастырю иконы, везли в дар и свою святыню. Это было что-то не поддающееся описанию. Все старались приложиться и пройти под иконами. Потом стали священники приезжать. И появился отец Владимир: маленький, необыкновенный такой – притягательный. Всегда с улыбкой, с особенным своим словом для каждого в отдельности. Но соприкоснулся я с ним близко, когда у меня случилось несчастье. Жене предстояла операция. Мы решили, что не пойдем на нее, пока она не исповедуется, не причастится. И позвал я отца Владимира. Поехали мы с ним в больницу. Он не только мою жену исповедал, ободрил, он, кажется, с каждым в палате поговорил с такой сердечностью незабываемой.

А потом он умер. И я со своими трудностями в послеоперационный период жены, совсем в храм перестал ходить. И совсем того не ожидая, вдруг вижу во сне отца Владимира. Похристосовались с ним. И он: «Что же ты

совсем в храме не бываешь, не причащаешься... Не вижу тебя, не вижу». И с таким любящим взором – стал мне укоризненно грозить пальцем. И так – долго, пока меня не проняло. Я был полностью потрясен, утром – рассказываю жене. И, главное, если бы я был из близких батюшки. Ну, понимаю, духовные чада, те, кто к нему ездили, исповедовались годами – окружение у него было огромное. А я-то – кто? И вот меня батюшка вспомнил. О скольких людях он, оказывается, теперь душой болеет. Ну, как после этого в храм не пойти?!»

Матушка Ирина: «Мои знакомые застали у батюшки запоминающуюся картину. Из Белоруссии эта больная. Спокойно приложилась ко всем крестам за алтарем Троицкого собора. А рядом с батюшкиной могилой у нее начался приступ одержимости».

После смерти батюшки узнала, что он нередко своих духовных детей благословлял в Годеново – на поклонение Животворящему Кресту. Все получили большую помощь. Животворящий Крест Господень, находящийся в храме святителя Иоанна Златоуста в селе Годеново, был явлен 29 мая (11 июня) 1423 года на Сахотском болоте, неподалеку от города Ростова Великого. Спаситель на Крестном Древе и святитель Николай со святым Евангелием в руках явились местным пастухам «в свете неизреченном, на воздусе, аки живы». И был голос от Креста: «Будет на сем месте благодать Божия и дом Божий. И кто с верою придет помолиться, многие будут исцеления и чудеса». И с тех пор вот уже скоро 600 лет здесь совершаются чудесные явления помощи Божией.

«Здравствуйте, матушка Ирина. Была в ярославских, владимирских землях, в Годеново С нами ездила болящая Татиана. При приближении к Толгскому монастырю в ней началось усиление борьбы: двое ее вели с большим усилием.

Чтобы помочь ей, я дала ей в руку землю с могилы отца Владимира (с содроганием, вдруг она потеряет). К святым мощам Игнатия Брянчанинова - с диким кри-

ком Потом, когда успокоилась, она сказала: «Если бы не батюшкина земля, они бы меня не подвели к мощам, он - шестерых раскидает, когда меня подводят к святыне». В отношении Арсения добавила: «Папочка отмаливает и забирает. Всем бы такого папочку. А тебя (мне) отец Владимир не оставит». Разжала руку, она была вся синяя от дикого напряжения - не выпустить землю. И опять мы с ней вместе в поездке, и с нами - батюшка. Благодарная за все, недост. Нина. 31.01.01».

«Христос посреди нас, дорогая матушка Ирина!

Как дивно все получилось! Сегодня утром отправила Вам письмо, а после обеда получила Ваше отправление с журналом «Русский паломник». Несказанно обрадовалась этому подарку к Пасхе! Спаси Вас Господи! 23 марта, мы здесь у нас тоже поминали батюшку. У меня он давно записан в моем алтарном синодике, где за него на каждой Божественной Литургии вынимается частичка.

В книге о батюшке есть упоминание о Годеново, где находится Животворящий Крест Господень. Говорится о том, что отец Владимир отправлял к нему своих духовных чад. И когда Вы прислали мне фотографии батюшки и молитвочки, в том числе молитву Животворящему Кресту из акафиста, который мы ежедневно читали на подворье, меня как стрелой пронзило. Благодаря этому Кресту мы и познакомились. В период с осени 1999 года по осень 2001 года я была приписана к Переславльскому Никольскому монастырю, а с августа 2000 г. по сентябрь 2001 г. несла послушание на подворье этого монастыря в Годеново у Животворящего Креста. На подворье к нам приезжал один паломник, через которого я и узнала об отце Владимире. Он показывал мне фотографии батюшки и Арсения, рассказывал о них. Помню, меня тогда очень тронула эта история об отце с сыном. Все это происходило в тот момент (октябрь 2001 г.), когда у меня, как говорится, почва из-под

ног уходила. Это был тяжелейший период, когда мне пришлось оставить Переславльский монастырь, где я похоронила в июле 2000 г. свою маму. Кстати, быть может, не случайно, что именно 23 марта - в день смерти батюшки, моей мамочке делали сложнейшую операцию по ампутации ноги, и почти через четыре месяца она скончалась. Ведь недаром говорится: «Господь дает крест и тут же дает не только силу нести его, но и утешение». Я оставляла место упокоения своей незабвенной, горячо любимой мамочки, о чем так скорбела, а в утешение мне Господь послал такого батюшку. Да не одного, а двух сразу: отца Владимира, как молитвенника и предстателя перед Престолом Божиим в Царстве Небесном, а второго - здесь, на земле, ходатая и покровителя. О действительном значении отца Владимира для меня я поняла, прочитав «Пасхальную память». Оглянувшись назад, прокрутив как кинопленку этот отрезок пути, осознала, что ничего просто так в жизни не бывает. Любое, даже самое малое соприкосновение с кем-то - глубоко промыслительно. Казалось бы, открыл человек свой семейный фотоальбом, а там оказались фотографии совершенно не знакомого мне священника, и мне зачем-то рассказали о нем. Оказывается, вовсе не случайно, а затем, чтоб смог он вскоре стать молитвенным предстателем и помощником. Как только я стала обращаться к отцу Владимиру за помощью, тут же немедленно приходило его вспоможение. Да так ощутимо!

Вот маленький эпизод его сиюминутной помощи. Осенью прошлого года мне необходимо было съездить в Москву. Меня взял с собой из монастыря человек, который мог бы и не брать, но, по молитвам батюшки, я уехала. По дороге несколько раз с машиной случались неполадки. Я постоянно призывала на помощь святителя Николая и отца Владимира. А когда произошла критическая ситуация с гаишником (а они люди несговорчивые!), то я горячо просила только отца Владимира,

чтобы человек не пострадал из-за меня, у него должны были отобрать водительские права с лишением вождения на год. Я сижу в машине и усиленно взываю к батюшке: «Батюшка дорогой, помоги! Из-за меня человек пострадает, умилостиви ты этого гаишника». И происходит маловероятное, водитель садится в машину в большом недоумении - как это его отпустили, и восклицает: «Это чудо! Такого не бывает!» Я говорю: «По молитвам отца Владимира - все бывает». Рассказываю ему о батюшке, что был на нашей земле такой служитель Божий, который при жизни всем помогал, и по смерти - никого не оставляет. На следующий день этому водителю нежданно подарили книгу об отце Владимире. Так еще один человек соприкоснулся с батюшкиной любовью, и батюшка, услышав отзыв его души, милостиво посетил его. Я так за него рада.

Мне очень хочется съездить в Дивеево, поклониться батюшке, помолиться на святой могилке о его бесценной душе. В Дивеево я была несколько раз, но очень давно. Первый - в 1991 году, когда мощи Преподобного Серафима уже были перенесены - это еще до моего ухода в монастырь, а потом - в 1993 и 1994 гг., уже, будучи инокиней и монахиней. Сейчас там все изменилось, полный расцвет и преизобилует благодать. Во всем благолепие и красота. И там уже почивают мощи не только Преподобного Серафима, но и святых подвижниц преподобных Александры, Марфы, Елены, а теперь еще и покоится дорогой наш батюшка отец Владимир.

С глубоким поклоном святой Дивеевской земле. Поклонитесь от меня земно дорогой святой могиле отца Владимира.

Недостойная монахиня Михаила».

Раба Божия А. побывала впервые в Дивеево четыре года назад. Вернулась глубоко огорченная. Оказывается, при кратком общении с отцом Владимиром, он, благословляя ее крестом, как ей показалось, резко ударил ее по лбу. Обида не забывалась, не проходила. Каково же было мое

удивление, когда, вскоре после смерти батюшки, мы с ней заговорили о нем совершенно в иной тональности: «Отец Владимир – святой! – кротко произнесла моя знакомая. – Своим благословением он, верно, беса из меня изгонял». Поняла, что батюшка не забывает в своих молитвах и этого человека, которого видел однажды. Да, дорого понять, что бесы бывают не только в одержимых, но и подле каждого из нас, особенно когда мы откладываем покаяние.

Раба Божия Любовь: «Помню, отец Владимир объясняет мне, какой жуткий грех я совершила, когда травила своих нерожденных детей, а я – не могу выйти из своего ожесточенного состояния, так и ушла, зажатая в тиски. Но через несколько лет (уже ушел из жизни батюшка) я купила книгу Ганса Христиана Андерсена в подарок племянникам. И к своему потрясению, прочла историю Анне Лисбет. Советую каждой, подобной мне, грешнице эти страницы открыть. Когда я это читала, все Бог во мне перевернул. Наверное, я прозрела, молитвами отца Владимира. Анне Лисбет продала за гроши собственного, не нужного ей ребенка жене землекопа. После самой страдальческой жизни он погиб в утлой лодчонке во время шторма. Но его душа, которую принял Господь в Свое Царство – вымаливала душу распутной матери. И когда она, после смерти сына, невзначай навестила жену землекопа, он, которого она никогда не вспоминала – приснился ей. Она увидела «как вдруг в дверях появился прелестный мальчик... и сказал ей: «Теперь конец миру! Держись за меня крепче – все-таки ты мне мать! У тебя есть на Небесах Ангел-заступник! Держись за меня!»

И он схватил ее; в ту же минуту раздался такой шум и гром, как будто мир лопнул по всем швам. Ангел взвился на воздух и так крепко держал ее за рукав сорочки, что она почувствовала, как отделяется от земли. Но вдруг на ногах ее повисла какая-то тяжесть, что-то тяжелое навалилось на спину. За нее цеплялись сотни женщин и кричали: «Если ты спасешься, так и мы тоже! Цепляйтесь за нее, цепляйтесь!» И они крепко повисли на ней. Тяжесть была слишком велика, рукав затрещал и разорвался, Анне

Лисбет полетела вниз. От ужаса она проснулась, и чуть было не упала со стула».

Встреча с умершим изменила всю ее жизнь. Сын позвал ее на подвиг, который она подняла за свой грех… Читая, я облила слезами каждую страницу. И вдруг с ужасом поняла: моя вина – гораздо страшнее. Анне все же дала жизнь своему ребенку. Хотя и выбросила его потом, как выбрасывают на помойку ненужную вещь. А я своих детей – убила. Поняла, почувствовала всем нутром, что должна что-то делать, как-то искупать свои грехи. Что я за них тяжко отвечу. Я должна заботиться о чужих детях, творить милостыню за моих несчастных. Молиться о них… Вдруг отчетливо вспомнила полностью забытые слова отца Владимира во время той исповеди: «Человек создан Богом – для Рая. Убившая своего ребенка, оставила его без Святого Крещения – и обрекла его – аду. Ты должна вымаливать души своих детей – до последнего дня». Только теперь я что-то поняла и молюсь о своих детях – каждый день».

Рассказ инокини Л.: «Решаюсь рассказать обо всем этом в качестве еще одной исповеди перед отцом Владимиром. Когда-то у меня с батюшкой были добрые духовные отношения. Прислушивалась к его словам. Меня подкупала его простота, такое ценное качество, особенно редкое сегодня. А потом стали распространяться какие-то сплетни. Начала смущаться неординарностью батюшкиного поведения и отошла от него. Виделись мы редко. Даже о том, что он тяжело болен, узнала очень поздно. Слышу, он необыкновенно изменился – его трудно узнать.

Однажды иду по Канавке, и он, буквально на расстоянии двух метров, передо мной. Не могу поверить: неужели он? Такой изможденный, невесомый? Наверное, он! И хочу поклониться. Потом думаю: вдруг это кто-то другой?! Приезжий… И только потом, когда прохожие ему поклонились, поняла – это он, именно отец Владимир. Я пришла в ужас. От человека осталось, наверное, одно его доброе сердце. И потом узнаю, что он уже перенес операцию, что ему, по-видимому, осталось немного жить. Не сделала по-

пыток подойти – прощения попросить. Потом отец Владимир уходит на Небо, и меня с каждым днем, дальше-больше, начинает терзать совесть: почему же не подошла, не попросила прощения?.. Хотя бы взяла благословение, какую-то минуту уделила внимания, участия. Хоть у него много было тогда тепла и внимания. Но не могла успокоиться, совесть обличала: потому что я должна была это сделать – именно я.

В это время у меня был ряд искушений. И вспомнила рассказ матушки Ирины об особенных отношениях отца Владимира с Государем. Он его хранил, как Ангел-хранитель, стоило ему только возопить Государю всем сердцем. И вдруг, глядя на фотографию отца Владимира у моей кровати, его словами обратилась к Царю. И проблема была решена. Начала Государя благодарить, а отцу Владимиру: «Ну, представляешь, батюшка, какие чудеса, какая помощь!» Хотя, скорее всего, молитвы отца Владимира здесь сыграли главную роль.

И вслед за этим событием мне снится сон. И такой впечатляющий, яркий: чудесный храм, переполненный народом. После службы из алтаря выходит отец Владимир. Таким я никогда бы не могла его представить. Ко мне приближается просветленный, легкий, во Славе Божией человек. Облачение настолько ослепительно золотое, что просто излучает сияние. И вышито золотом. Батюшка спокойно идет. Подхожу к нему и начинаю объясняться и извиняться. Причем при жизни мы были, конечно, на «Вы». Но здесь это полностью невозможно. И говорю: «Когда ты еще на земле был, я так хотела подойти и не могла. Хотела попросить за все, за все – прощения, но смущалась и думала: зачем беспокоить? Ведь ему так плохо, так ему больно... Прости меня! Сейчас, хоть с таким опозданием прошу... Батюшка, ты меня простил?!» И насколько он в жизни был стремительный, эмоциональный человек, настолько он здесь – другой. Как Небожитель отличался от земнородного отца Владимира, просто удивительно. Глаза те же, руки те же, а другой человек: спокойный, глубоко спокойный. Фразы для меня повторял два раза: «Простил? Ну, конечно же простил, естественно – простил.

Разве ты сомневалась? Разве сомневалась? Я всех простил и всех Люблю». Это был поток неземного Добра, Блага... Я на колени упала, закрыла глаза, заплакала. Помню, почувствовала, что он меня перекрестил. И все. Краткий, замечательный сон: мы попрощались.

Если бы проснулась с другим чувством, можно было бы поспокойнее к этому сну отнестись. Но такую благодать можно получить только после Причастия, глубокой исповеди. Быть может, еще после других Таинств. Целый день прожила в такой радости, что никогда не забуду. Это не передать общепринятыми словами. Весь день я летала и ощущала эту свободу Небесного прощения. Перестала меня глодать совесть. И в душе одно: все хорошо – он простил!».

Рассказ матушки Ирины: «Эта семья переехала в Дивеево несколько лет назад из Ставрополья: взрослый сын с родителями. И через некоторое время тяжело, психически заболела мать. Начались «голоса» и другие симптомы болезни. Батюшка был еще жив. Он участвовал в этой тяжелой ситуации, помогал сопротивляться недугу, ходил причащать, соборовал, благословлял возить Н. на святые источники. Позже ее пришлось определить в стационар под Нижним Новгородом, в Ляхово. Отлежала полтора месяца, вышла с улучшением. Прошло полтора года. За это время ушел из жизни батюшка.

В начале июля встречаю И.: «Матушка, опять у меня плохо с матерью, снова у нее «голоса». Нужно класть в больницу». Через несколько дней прибегает: «Совсем меня мама никуда не отпускает, все просит: «Не уходи, не уходи!» – а мне на работу. Что делать, не знаю, попробую отпроситься с ночного дежурства, нельзя ее оставлять».

Наступил вечер, я с детьми пошла на Канавку. У меня, кроме Лиды, был на попечении мальчик Володя. Заперла дом, ворота и пошли. Уже стемнело. Перед этим пришлось долго по телефону разговаривать, отвечать на звонки. Лида говорит: «Что же мы так поздно?» Вышли, проходим проезжую часть Канавки, вдруг рядом с нами останавливаются «Жигули». Из машины взволнованный

Владимир: «Матушка, какое несчастье! Убежала из дома мать И. На трех машинах прочесываем Дивеево: не можем ее найти. Ночь надвигается, такая беда...» – «Господи, помоги Вам! Давайте и мы помолимся». Идем дальше по Канавке, подошли к воротам монастыря, зашли на могилку. Спели с Лидочкой литию, попросили батюшку о помощи этой несчастной: «Батюшка, помоги скорее ее найти, ведь как родные страдают...» Выходим из ворот монастыря, стоит И. На нем нет лица, весь взбудоражен: «Вот, ушла, ушла, что теперь делать, не знаю. Как быть...» Говорю: «Пойди, помолись батюшке! Приложись ко кресту, попроси помощи!» А сами дошли до конца Канавки, возвращаемся домой.

У нас, кстати, ворота непросто открываются, часто детей пересаживаем, чтобы засов отодвинули изнутри. Посторонний не справится. И в этот раз пришлось входить во двор с помощью Володи. Отпираем единственным ключом дом. Дети с порога: «А мы хотим перекусить!» Тороплю их: «Уже без пяти двенадцать, сколько можно! Давайте скорее, всем пора спать». Они быстро что-то прожевали, пошли умываться. Убираю в трапезной, вдруг бежит моя Лидочка, бросается ко мне: вся белая, с холодными руками и ногами, заикается: «Мам, мам, там, там, в комнате, в моей комнате, там тетя – мокрая, в трусах и лифчике...» По мне прошла дрожь: «Как это может быть? Это что – привидение?» Вслед за ребенком меня охватил панический ужас. Выбегаю во двор и к баньке, тарабаню дяде Жене, который у нас ремонтом занимается. Он мирно почивает. Бужу его: «Дядя Женя! Мы боимся. У нас что-то невероятное. Идите, ради Бога, посмотрите, что там мой ребенок увидел, у нас в доме какая-то женщина. Час назад уходили на Канавку, заперли пустой дом». Он заглянул в Лидину комнату, причем комната самая дальняя, знакомые путаются, попробуй ее найди: «Ну, да, баба мокрая, в том виде, как Лида сказала». И я понимаю: «Значит, так и есть». Набираю номер соседки И., прошу ему передать, что его мать обнаружена в нашем доме, ее нужно немедленно забрать. Через пятнадцать минут отец с сыном приезжают на машине. Говорю: «Давайте глянем в окно: ваша ли

это мама?» Заглядывают: «Наша!».

Потом Лида рассказала подробности. Она идет из ванной комнаты, напевая, приоткрывает свою дверь, а мокрая Н. на коленях перед портретом отца Владимира, который у нас на столике, кланяется ему и плачет. Оглянулась и посмотрела с полуулыбкой на Лиду, которая ринулась бежать.

Когда Н. увезли, я вошла в комнату дочери, потом в пятиметровую сына. На его столе, рядом с портретом отца, я обнаружила чужой ковшик, полный мутной прудовой воды, и ряска зеленая плавает.

Когда И. опрашивал народ, пытаясь обрести следы своей матери, ему сказали: «Похожая женщина в тапочках и халате, с ковшиком в руках, торопилась к реке». Эти «голоса», по-видимому, увлекали ее к воде, чтобы утопить.

Оставшись одни, мы обследовали все наши окна: как всегда, все закрыто изнутри – со вне проникнуть в дом невозможно. И адреса нашего Н. не знала и никогда до этого в нашем доме не была. Кто-то мне сказал: «Вот какая бесовщина, как враг может через стены проходить!» Ответила: «Враг хочет одного – погубить душу. А здесь – налицо спасение человека. Полпервого ночи она была уже дома, и муж, и сын успокоились».

Такое чудо помощи болящему человеку! Это все сотворил Господь, по молитвам батюшки. Поставили ее в нашем доме, потому что отцу Владимиру известно, что я знаю все координаты и помогу вернуть ее родным. Этот ковшик, полный до краев тинной водой, и здоровый человек, если идти пешком темной ночью, расплескает, хотя бы отчасти. Даже этот момент – сверхъестественный. Мы возвращались в дом с темными окнами. Если бы они были освещены, как это не заметить? Сказали бы: «Что это ты, Лида, оставила свет!» Но мы вошли спокойно. И через десять минут она заглянула в свою комнату, которая была уже освещена. Благодарим Господа, она с честью это непростое испытание выдержала.

Все произошло в течение часа. Информация поступила к нам около одиннадцати вечера от Владимира. Полдвенадцатого мы молились на батюшкиной могилке. Без двад-

цати говорила И.: «Иди, приложись ко кресту, помолись батюшке за маму». Без пяти двенадцать мы были дома. Полдвенадцатого ее видели около аптеки, за которой – поворот вниз, к реке... И этот ковшик – нигде ни капли не пролито, ни на полу, ни на столе: Ангел поставил, чтобы всех удостоверить. Наш батюшка уже занимается спасением утопающих».

Матушка Ирина: «Не так давно у нас появилась раба Божия И. из Чернигова и стала близкой духовной дочерью батюшки. После кончины отца Владимира она приехала в Дивеево и рассказала: «Когда я узнала, что батюшка умер, плакала, не могла остановиться, казалось, сердце разорвется, такая боль. В этот день прочла за упокоение отца все Евангелие. Сижу в комнате, и вдруг батюшка предстает передо мной. Моложе, чем при жизни, в красном пасхальном, или мученическом, облачении, волосы немного распущены. Смотрит на меня с улыбкой: «Ну, что ты плачешь?!» В руках держит два свитка пергаментных, как будто из прежнего времени – старинный пергамент, светло-коричневый. «Вот – моя пропускная», – показывает один из свитков совершенно чистый с одной и другой стороны. И я понимаю, что он все прошел, минуя мытарства. Затем показывает другой: «Это – твой». Смотрю, он отнюдь не похож на батюшкин. И отец Владимир произносит: «Будешь подвизаться – придешь в мои обители». Сейчас она готовится принять монашество».

«Если бы было кому молиться – Любовью»

Рассказывает раба Божия Марина: «Приехала я к отцу Владимиру после смерти мужа, – Была полностью измучена. Страшные бессонницы, а если засыпаю – мучают кошмары. Мне еще в Москве посоветовали к отцу Владимиру в Дивеево съездить, описали его... И я батюшку прямо во дворе монастыря встретила. Кинулась к нему, как к родному: «Батюшка, муж ушел на тот свет – неподготовленный, нераскаянный. Всем существом чувствую, как ему плохо. Я знаю, слышу – он в аду. Самой мне невыносимо стало жить...» Назвала ему имя мужа, задыхаясь от

слез. Батюшка на несколько мгновений как будто ушел из здешнего мира, и потом глянул на меня такими бездонными глазами. Он уже знал о моей ситуации больше, чем способна была понять ее я. Это были невыразимые глаза – я никогда не видела столько боли в глазах одного человека. Казалось, он уже приобщился загробному страданию – минуту назад чужого для него человека. Он начал говорить мне, волнуясь: «Нет ничего невозможного у Бога. Только не отчаивайся. Можно вымолить. Наверное, любого можно бы вымолить, если бы было, кому молиться – Любовью. Обязательно кричи на помощь преподобного Паисия Великого (вымаливает у Господа ушедших без покаяния), нашему Преподобному Серафиму молись – он многократно в ад сходил – чтобы вырвать из лап демонов – души. Ко всем великим святым можно обращаться: и к Антонию, и Макарию Великому... Но, во-первых, к Архангелу Михаилу. Он имеет дерзновение просить Бога – за грешников, томящихся в аду. И в свои святые праздники – трижды погружает свое белоснежное крыло в геенну и выносит множество душ, за которых молятся и плачут на земле, подают в храмы на проскомидию, творят милостыню. Бог все принимает, что от сердца...»

В этот же день в своей келье отец Владимир молился со мной и еще одной несчастной, похоронившей дочь, – в результате какой-то трагедии. Здесь я получила молитвенный заряд надолго. Утешая нас, батюшка рассказал, как одна мать взяла благословение вымаливать самоубийцу-сына. И все перестало для нее существовать. Ее жизнь превратилась в затвор. Тридцать лет она, ощущая гееннские пытки своего ребенка, не ослабевала в молитве. Когда она ушла в иной мир, никто не знал, чем увенчался ее подвиг. Но когда умирал ее младший сын – на смертном одре ему было даровано побывать в Раю. И там он имел счастье увидеть свою мать, молящуюся уже больше о нем, и вымоленного ею – брата. Он пребывал в Царствии Небесном, но был лишен нескольких видов блаженств, которые были доступны другим. Младший сын успел перед смертью вернуться на землю и поведать детям о своем утешении.

«Рассказывали мне и о другой женщине, – делился

батюшка. – За год она похоронила четверых: мать, отца, мужа и последнего – единственного сына. Когда уходила мать, ей подсказали знакомые верующие – молиться святой блаженной Матроне (еще не прославленной), чтобы у мамы не было болей: она все говорила себе – я не переживу, если мама на моих глазах будет мучаться, кричать... И Бог сотворил для нее чудо – молитвами Матронушки – ее мать ушла без страшных раковых болей. Но, похоронив вслед за всеми любимого сына, – она впала в отчаяние. И говорила потом: «Как я в психушку не попала?! Не знаю, как я не сошла с ума!.. Нашлись добрые христиане – просто взяли меня к себе, кормили, поили, открыли мне глаза на веру, научили молиться». И с тех пор она молилась. Да как! Пошла бесплатно работать в храм. Полночи готовит на кухне к утренней трапезе. Уходит в свою каморку, ей сторож: «Правило Серафима Саровского – и в постель. Три часа ночи. Ведь в шесть вставать!» «Ты что? – пугалась она, – я еще ни одной кафизмы сегодня прочесть не успела. Нет, никогда не пропускаю. Одну не читаю за четверых. Я обрекалась – за каждого – по одной!» И читала все четыре кафизмы и на всякой «Славе» причитала своими словами, своими молитвами. «Архангеле Михаиле, великий, всесильный Воеводо Небесных Сил – все возможно тебе! Заступись, упроси Христа помиловать их... Избавь моего сына – от вечной геенны, от вечной муки, от вечного тартара, от неусыпаемого червя, от вечного огня...» Она не знала, каким видом страданий мучается ее сын, но она слышала его страдания. Бывало, купит какие-то фрукты: «Это – одному священнику, это – другому, это – отцу диакону, чтобы поминали моих усопших». Ей говорят: «Сама-то съешь хоть бананчик». А она: «Ты что? Мои там мучаются день и ночь, а я буду здесь наслаждаться?» Так до своего последнего дня вся ее жизнь была посвящена подвигу молитвы и милостыни за своих усопших. Все лишние вещи она раздала. С такой радостью каждую тряпочку дарила: «ради Христа, не забывайте моих...» И всех близких и дальних умоляла поминать своих усопших. И в храме работала – за спасение их душ. Это была не молитва – а пламя любви. Есть еще на свете настоящие христиане».

Так отец Владимир меня утешил в тот вечер. Хоть немного полегчало, и спать начала. И главное, ужас этот, кошмары с меня спали. Подала имя мужа в девять храмов и монастырей. Раздала все его вещи, потом и часть своих – у каждого лишнего полно. И молиться впервые в жизни серьезно стала. Восемь лет, как все это случилось, думаю, еще не заслужила, чтобы Архангел Михаил освободил моих близких от мук. Но твердо верю, что когда-нибудь это будет. Ушел из жизни отец Владимир, а я так у него и не спросила, где можно прочитать про чудо Архангела Михаила. И, молитвами батюшки, мне недавно Бог послал этот текст. Совсем не знакомый священник, без всякого моего вопроса, несколько молитвенных листочков на православном вечере мне подарил. И среди них – этот, который я столько лет мечтала иметь.

Чудо Архангела Михаила √
Одна из тайн нашего спасения

Проповедь, произнесенная достойно чтимым Тимофеем, Патриархом Александрийским, к празднику Чуда Архистратига Михаила 6/19 сентября, возвещающего великую Милость, дарованную от Бога человекам.

«Мир Божий да снизойдет на вас, братья. Расскажу я вам, что случилось со мною, Тимофеем, рабом Иисуса Христа. Однажды я отправился ко Святому Животворящему Кресту и Гробу Господню и ко всем святым местам, по которым проходил Господь наш Иисус Христос. Зашел я и в дом святого Прохора, любимого ученика евангелиста Иоанна Богослова. Здесь я нашел книгу, писанную Прохором. В этой чудной книге я прочитал следующее великое утешение Иоанна Богослова.

«Однажды я шел в сопровождении Ангела Божия, который открывал мне небесные тайны о людях. И вот я услышал шум, подобный шуму многих вод, падающих с большой высоты. Когда мы с Ангелом подошли ближе, то я увидел огромное озеро и ужасную казнь нераскаявшихся грешников. Я спросил моего проводника, и он объяснил мне, что это за лютая бездна. Я увидел огненное пламя,

исходящее из нее с облаком смрадного дыма над ним. Пламя бурлило и с шумом поднималось на 300 метров в высоту. Мерзкие черви, величиной с гадюку, ползали по телам грешников в этом озере-бездне. О, Иоанне, друже Божий, мучение, которое мы видели сейчас, страшнее всех казней. Озеро это может вместить в себя – весь мир. Глубина его бесконечна: черви-змеи, которые грызут тела грешников, заставляют их погружаться в глубину озера в продолжение 300 дней, потом столь же долго они заставляют их подниматься вверх. Иоанн горько заплакал о гибели человеческих душ. «Не плачь, Иоанне, друже Божий, не плачь, скоро ты увидишь великую радость – великое благоволение к Архистратигу Божию Михаилу у Господа».

В это время я увидел в чудной красоте самого Архистратига Михаила, который в прекрасной ладье из Херувимов и Серафимов в сопровождении множества Ангелов, святых, пророков и мучеников, приближался к огненному озеру. Все они были облечены красотой неописанною. Скоро Ангелы приблизились к грешникам, преданным на казнь. Тотчас же огонь погас, бездна перестала дымиться, омерзительные животные исчезли. Когда все утихло, Архангел Михаил погрузил свое правое крыло в озеро – вывел множество человеческих душ и перенес их на берег. Потом опустил то же правое крыло во второй раз – и вывел из озера еще больше душ, чем в первый раз. Тогда Херувимы и Серафимы простерлись ниц перед ним и стали просить его погрузить крыло – в третий раз. Архистратиг Михаил устремил свой благой молящий взор ко Господу, вознес молитвы о спасении страдающих за свои грехи. Потом снова погрузил в озеро свое крыло и вывел бесконечное множество – новых душ. Тогда Ангелы и святые, с великой радостью приняв эти души, омыли их водою благодати, умастили их благоуханием радости и поставили перед лицем Божиим. И тот час из завесы Господней изшел глас, который сказал: «Предстательством Архангела Михаила и Матери Моей, Пресвятой Девы, и всех Моих Ангелов и избранных, исполнявших на земле волю Отца Моего, введи эти души в Рай блаженства, вечности и покоя. Аминь». При этом страшном и святом деянии святой

Иоанн подивился состраданию Михаила Архангела.

Ангел сказал: «Знай, Иоанне, друже Божий, что чудо, которое ты видел, повторяется ежегодно 6/19 сентября, в честь празднования чуда Архангела Михаила, ибо Всевидящий Бог назначил его вождем небесного воинства за великую победу, которую он одержал над силами сатаны. Когда иудеи безжалостно пригвоздили Спасителя ко Кресту, Михаил Архангел был в такой скорби, что небо и земля поблекли, не умея перенести ее. Когда Господь наш Иисус Христос восстал из гроба, именно Михаил Архангел отвалил камень и принес благую весть женам-мироносицам. Он удержал сатану в геенне и отнял все, что у него было. Бог даровал Архангелу Михаилу великую силу и власть спасать тех, кто пребывает в муках. Господь наименовал ему чины небесных сил бесплотных и позволяет ему ежегодно 6/19 сентября в сопровождении Ангелов и святых приближаться к душам, осужденным на мучения. Архангел Михаил помогает спастись тем, кто совершил милостыни во имя его, а также во имя мучеников и святых. Архистратиг Михаил предстательствует за них, ибо святые претерпели скорбь и страдание во имя Господне. Он навсегда освобождает от казни тех, за кого приносятся жертвы и молитвы. Архангел Михаил не перестает творить Божию Милость каждый год 6/19 сентября, что будет продолжаться до скончания времен. В этот знаменательный день он падает, преклонив колени перед завесой Божией, повергается ниц и молится о душах, находящихся в страшных муках ада до тех пор, пока Бог не благоволит помиловать тех людей, о которых особенно усердно молятся на земле, подавая за них щедрую милостыню. Молится он и о всех живущих на земле. 6/19 сентября все Ангелы собираются вокруг Архангела Михаила у завесы Божией.

По благословению Божию, Архангел Михаил подходит, облеченный в одежды благости и милосердия и возвещает всем, что Бог еще раз умилосердился над миром. Ты видел теперь, Иоанн, что не будет забыт у Бога, каждый, кто совершит дело милосердия во имя Архангела Михаила, либо кто потрудится переписать книгу сию, где находится это описание, и будет читать ее другим. Или кто

поставит свечу или зажжет светильник, лампаду или воскурит ладан, или сделает честное какое-нибудь приношение во имя Архангела Михаила. Он не забудет благотворившего и наградит благочестиво. Если кто окажет милосердие бедным по своим средствам, а по смерти из-за греховной жизни будет ввержен в ад, Господь не забудет его добро и, предстательством Архангела Михаила, спасет его. Если кто-либо пожелает записать эти слова, то написанное надо хранить дома с благоговением. Ни пуля, ни змей, никакая вражия сила не сможет навредить этому человеку или его дому; ни червь, ни саранча, никакая пресмыкающая сила не сможет принести вред саду или огороду его. Список этот послужит ему оружием и щитом ограждения во всех бедах. Ибо сила сих слов велика и чудесна. Да хранит вас Господь и Архангел Михаил». Вот что рассказал мне святой Ангел Божий.

Потом он отвел меня на гору Элеонскую, а затем оставил меня, взлетев на Небо. Я много удивился и прославил Бога и Архангела Михаила». Этот рассказ найден мною в доме Прохора, ученика Иоанна Богослова. Услышав это откровение евангелиста Иоанна Богослова, мы не должны пренебрегать им, не переставая преуспевать в молитве, бдении и милостыне во имя Христа. Творить милостыню и во имя Архистратига Михаила, дабы избежать вечных мучений нашим усопшим и нам и обрести Милосердие у Бога. Аминь».

Молитва Михаилу Архистратигу, грозному Воеводе*

О Господи Боже, Великий Царю Безначальный!
Пошли, Господи, Архангела Твоего Михаила на помощь рабу Твоему (рабам Твоим – имена), изъяти мя от враг моих видимых и невидимых!
О, Господень Михаиле Архангеле! демонов сокрушителю, запрети всем врагам, борющимся со мною, сотвори их, яко овцы и сокруши их, яко прах пред лицем ветра.

---

* Сия молитва написана на паперти храма святого Архистратига Божия Михаила в Чудовом монастыре, в Кремле 11.08.1906г. (Список приведенных святых – расширен. Всякий может его еще увеличить).

О Господень Великий Архангеле Михаиле! Шестокрылатых первый княже, Воеводо Небесных Сил – Херувим и Серафим! О, Господень угодный Михаиле Архангеле! Хранителю неизреченный, буди ми великий помощник во всех обидах, в скорбях, в печалях, в пустынях, на распутиях, на реках и на морях – тихое пристанище.

Избави мя, Великий Михаиле Архангеле, от всякия прелести лукавыя диавольския, егда услышишь мя, грешнаго раба своего (имя), молящагося тебе и призывающаго имя твое святое: ускори на помощь мне и услыши молитву мою.

О, Великий Архангеле Михаиле! Победи вся противящиеся мне силою Честнаго и Животворящаго Креста Господня, молитвами Пресвятыя Богородицы, святых наших Ангелов-Хранителей, Небесных покровителей и всех святых Небесных Сил Бесплотных; святых Апостолов и Евангелистов, святителя Николая Чудотворца, святых пророков Божиих – Исаии и Илии, святаго Андрея юродиваго, Преподобных Серафима Саровскаго и Сергия Радонежскаго; святых великомучеников: Георгия Победоносца, Никиты и Евстафия, Целителя Пантелеимона; великомучениц Екатерины и Варвары; святых Царственных мучеников, преподобномученицы Великия Княгини Елисаветы, святителя Тихона со всеми новомучениками и исповедниками Российскими; преподобных отец Киево-Печерских, Почаевских, Радонежских, Оптинских, Дивеевских, Афонских; Антония великаго, Павла Фивейскаго, Макария, Паисия, Онуфрия – великих; вселенских учителей и святителей: Василия Великаго, Григория Богослова, Иоанна Златоустаго, святителей Московских Петра, Алексия, Ионы, Филиппа и Ермогена, святых мученик и мучениц, и всех святых всех времен. Аминь.

О, Великий Архангеле Михаиле, помози мне, грешному рабу твоему (имя), избави мя от труса, потопа, от огня и меча, от напрасныя смерти и всякаго

зла; и от всякаго льстиваго, и от бури наносимыя, и от лукаваго избави мя, Великий Архангеле Господень, всегда, ныне и присно и во веки веков. Аминь.

Аще который человек прочитает сию молитву – того дня не прикоснется к нему ни диавол, ни зол человек, лестию не обольстится сердце его. Аще ли преставится от жития сего, – то и ад душу его не примет. *

Молись под праздники Архангела Михаила: 19.09 («Чудо в Хонех») и 21.11 – Михайлов день. Молись в 12 часов ночи, ибо Архангел Михаил в свои праздники ночью находится на берегу долины преисподней и опускает правое крыло в геенну огненную, которая в это время гаснет. Молись вечером и в ночь праздников, и он услышит молитву просящего. Называй своих усопших по именам: родных, знакомых и близких – и проси, чтобы он вывел их из ада.

Тайна нашего спасения может совершаться по молитвам Архангела Михаила.

Раба Божия Е.: «В период тяжелого постигшего меня испытания доехала, наконец, до любимого Дивеева, постояла у дорогой могилки и пошла домой к отцу Владимиру. Ввиду тяжести моей ситуации, матушка пустила меня в келью батюшки. Опустившись на колени, долго изливала отцу свою скорбь. И говорила: «Один ты у меня, батюшка, остался заступник. Один ты мой отец и молитвенник...» И вдруг, подобно тому, как если бы молния ударила, пронзила мысль: «А отец Михаил?!» Испытала настоящее потрясение. Батюшка напоминал о моем покойном старце, который был дарован мне в лета моей юности. «Значит, батюшка Михаил не забыл меня, за меня молится. Отцу-то Владимиру теперь все известно. Они знают там друг друга! Хотя при жизни отца Владимира ему о своем старце не рассказывала».

Чтобы мне не усомниться в подлинности духовного извещения, в следующую минуту в келью к отцу вошла Ли-

* Из сборника: Небесных воинств Архистратизи. Свято-Успенская Почаевская Лавра, 2001

дочка и протянула мне в подарок несколько пасхальных, празднично оформленных закладок. На первой же из них, к своему изумлению, прочла текст молитвы, который множество лет не могла возобновить. Единственный в моей жизни молившийся ею – был мой почивший старец: *«Крест – оружие на диавола дал еси нам. Трепещет бо и трясется, не терпя взирати на силу Его... Яко мертвые восставляет и смерть упразднил. Сего ради покланяемся Воскресению Твоему и восстанию».* (Рассказывая позже об этом своей близкой подруге, узнала от нее, что ее знакомая схимница – именно этой молитвой отражала тяжкие бесовские страхования)

Раба Божия Татьяна из Краснодара: «Батюшка при жизни исцелил меня физически и духовно. Однажды, в конце марта, число не запомнила, вижу сон. Обхожу Троицкий собор, везде пасмурно, и дождик накрапывает. А у могилок – светло. Подхожу к блаженным. Поклонилась Пелагеюшке, встала с колен, а напротив ее креста – новый большой крест, и за ним яркое солнце восходит.* Ничего не поняла. А проснулась с чувством: что-то случилось. Только через два месяца добралась до Дивеева. После литургии – к могилам. Приложилась к матушке Пелагее, и что-то меня потянуло. Оглянулась, а напротив, через ряд – новый крест. Бросилась к нему, обняла – и плачу-плачу. Опомнилась: «Господи, – думаю, – чей же крест?» Смотрю: «Владимир!» Обмерла, но читаю: «Иеромонах. Слава Богу, не он!» А тут люди подошли, и узнала о смерти батюшки... Как солнце светлое, взошел батюшка к Господу.

Через день в шесть утра уезжала, пришла на рассвете, приникла ко кресту. А он – весь мокрый от росы, будто в небесных отцовых слезах. Плакал он о нас при жизни. И теперь не без слез пощады нам у Бога просит. И тут поняла, что увезу на память. В целлофановый пакетик взяла

---

* Слушая это, вспоминаешь не только слова Евангелия о том, что в ином мире «праведники возсияют, как солнце», но и Преподобного Серафима, сиявшего, как светило, при известном общении с Мотовиловым. И посмертные слова Иосафа Белгородского: «Как светлое солнце, взошел я к Господу».

земельку. Новый платок достала, и с молитвой – обтерла весь крест. А дома у меня сын-хроник. И случился у него приступ болей. Ночь, помочь нечем. И дала ему этот платок: «Приложи и молись!» И сколько уж он его на животе держал, не помню, минут 15 или больше. Потом говорит: «Боль не прекращалась. Уже хотел платок отложить, а мне мысль: «Не отнимай, сейчас поможет». И так несколько раз, хочу отнять: «Подожди, еще потерпи». Так все и прошло». Прежде без лекарств ничем приступ не снимался. На днях средняя внучка у отца Владимира выпросила, чтобы зуб прошел. Мой платок стал нарасхват. И даже не могу назад забрать – не отдают. Главное, батюшка, чтоб внуки в церковь ходили. Господи, не оставь, пожалей нас всех до конца, молитвами моего отца духовного». Услышав этот рассказ, матушка Ирина сказала: «По вере вашей да будет вам».

Матушка Ирина уезжала из Москвы перед днем Ангела отца Владимира (7 февраля 2002 года). Ей передали цветы для батюшки. Была оттепель, перемежающаяся морозами. И я подумала: «Такие нежные тюльпаны украсят могилу на один день», – с жалостью представляя их на заснеженном холмике. Это было за четыре дня до батюшкиной даты. Каково же было мое удивление, когда 7 февраля увидела эти цветы, будто их только поставили. Пробыла в Дивеево две недели. Несколько раз ночью был мороз, и я думала о судьбе цветов, стоящих у креста в металлической вазе. Но все они: розы, гвоздики и тюльпаны – противореча всем физическим законам, оставались попрежнему свежими. Только в день отъезда на розах появились тоненькие каемочки увядания. Матушка Ирина сказала мне: «С какой любовью подарены эти цветы...»

Духовная дочь отца Владимира Ксения: «После ухода батюшки в лучший мир, как и другие, испытывала чувство, если можно так выразиться, – недостаточности, ибо ни у кого не могла исповедоваться с тою глубиной. Однажды стою у могилы и жалуюсь батюшке. Вдруг подходит женщина, которая явно не видит меня, настолько она погружена в себя. Припав лбом к кресту батюшки, она начи-

нает шептать ему с тяжкими вздохами что-то из души. Замерев, я понимаю, что она пришла сюда каяться. «Батюшка, как тебя благодарить?! Это ты ведь подсказываешь мне, что я должна делать».

На следующий день была в келье отца Владимира. На коленках, уткнувшись лбом в пол, я перечисляла батюшке свои бесчисленные грехи. Остановилась, чтобы перевести дух, и вдруг батюшка, будто это небесная телеграмма-молния – вкладывает в меня: «А вот это?!» – напоминая мне позабытый грех тридцатилетней давности. Я была ошеломлена. Тем более, что об этом периоде жизни я отцу Владимиру никогда не упоминала. И ситуация, о которой напомнил мне батюшка, безусловно, имела отношение к аду. «Батюшке теперь известно все наше прошлое и – будущее, – со страхом подумала я. – Сегодня он заглядывает и в саму преисподнюю, желая оказать помощь своим духовным детям».

Духовная дочь отца Владимира Валентина из Липецка: «Кто-то говорит: его нет... Но мы чувствуем иначе. Батюшка продолжает творить добро, по-прежнему помогает, наставляет духовно. Через него Бог, как и при жизни, осуществляет прославление Царя-мученика Николая II. В нашем городе был совершен Крестный ход по случаю возвращения Страстной иконы Божией Матери, покровительницы Липецка. Перед этим мы, день за днем, ждали из Дивеева обещанные батюшкой иконы Государя. Их должна была передать матушка Ирина. Это было после смерти батюшки, но для нас – из рук нашего отца. И, такое совпадение, эти иконы привезли именно в день Крестного хода. Хотя много раз в Дивеево ездили, могли бы давно привезти. Но Господь, по молитвам отца Владимира, так управил, что они появились у нас именно в этот важный день. И были нарасхват. Иконочек было много – люди разбирали их с радостью. Сотни людей прошли по центру Липецка Крестным ходом – с иконами Царя-мученика. Мы ощущали важность происходящего для нас и всего города. Шли, ощущая, что Царь прославлен. Он давно в великой Славе на Небесах! Рядом с батюшкой мы глубоко постиг-

ли, чем является Государь для России и русских. Сколько отец Владимир сделал для канонизации Царя на протяжении своей жизни! Скольких людей вернул своему Государю. Во всех событиях, происшедших в нашем городе, сердце ощущало участие живого батюшки.

У меня есть православная сестра, которая давно тяжело и безнадежно болеет. Будучи духовным чадом отца Владимира, я, возвращаясь из Дивеева, часто рассказывала ей о нем. Год за годом она очень хотела увидеть батюшку, надеялась получить его благословение, зная, что он имеет дар сердечной молитвы и многим помогает. Когда О. узнала о тяжелой болезни отца Владимира, она очень ему сострадала, просила Бога о его исцелении. Все сорок дней она скорбела и молилась о нем всем сердцем.

Наконец, по милости Божией, приехала к батюшке на могилку. Перед отъездом мы его вспоминали. Рассказала ей, что и теперь наш батюшка участвует в жизни людей, является, поддерживает, наставляет. Он по-прежнему служит – только на Небесах. Я просила ее передать отцу Владимиру поклоны, наши личные просьбы. Посоветовала ей общаться с ним, как с живым.

По приезде в Дивеево, утром, она обошла Канавку, приблизилась к батюшкиной могилке: «При жизни я так хотела взять Ваше благословение, но у меня ничего не получилось. Благословите меня сейчас!» И стала передавать ему наши поклоны, просьбы... И вдруг, не зная как, стала говорить о себе, просить слезно, искренно, живыми словами, испытывая прилив яркой веры, которая возникла у нее когда-то при первых рассказах о батюшке, с которой О. уже готова была расстаться. Она плакала: «Батюшка, я так жаждала сюда приехать, ощущала душой, что ты можешь что-то для меня сделать. Я верю, что ты и сейчас можешь умолить обо мне Бога, помоги, помоги мне, исцели меня от этой страшной болезни...» Почти сразу после этих слов она почувствовала слабость, видимо, началось очищение. Она обессилела, успела приложиться к батюшкиному кресту и упала на могилу. Люди, видевшие все это издали, позже рассказали ей, что у нее начался приступ одержимости. Не знает, сколько времени прошло, но вдруг услыша-

ла очень четко батюшкин голос – молодой, звонкий, ясный! Он произносил Евангельскую фразу: «Иди с миром. По вере твоей да будет тебе». После этих слов силы вернулись к ней, она встала в радости и благодарении Богу. О. поделилась с подошедшими тем, что с нею здесь только что произошло; они были свидетелями приступа ее болезни. И потом этот голос, такой четкий и звонкий. Она никогда не слышала батюшку и не могла знать, что у него действительно был светлый молодой голос.

Каждый из нас ощущает, что отец Владимир только внешне ушел из жизни, он – с нами, мы чувствуем его незримое присутствие, его скорую помощь по нашим бедным молитвам к нему. Батюшка продолжает участвовать не только в ситуациях своих духовных детей, но и в жизни монастыря и многих приезжавших сюда, в том числе никогда здесь не бывших и не знавших его лично – людей.

Господь сподобил меня познакомиться со многими духовными чадами отца Владимира – и теми, кто общался с ним один-два раза, в разных городах: Рязани, Липецке, Боголюбово. Они узнали батюшку в разное время, кто-то видел, слышал его минуты, часы, но каждый ощущает: это останется – навсегда! Никто не в силах его забыть. Это был человек, посланный Богом, встреча с которым могла перевернуть жизнь. Изменить твое направление – на противоположное. Считанные минуты разговора, исповеди, несколько прозвучавших слов, – могли вернуть из ада! Явить сущность твоего греха, о подлинных размерах которого ты не подозревал и с этим мог умереть. Если у тебя не было слез – батюшка плакал вместо тебя. Или он за секунды вымаливал тебе такую помощь у Господа, что ты начинал обливаться слезами: видел себя – на самом деле. Как никогда еще тебе не дано было себя увидеть.

Великой милостью Божией был этот человек на земле. И остается!»

Посещая могилу отца Владимира в осенний приезд, в ноябре, мы были свидетелями ежедневного, в течение шести-семи дней, присутствия подле нее глубоко больного юноши, примерно двадцати лет. В потрепанной, выцвет-

шей, некогда голубой джинсовой одежде, с видавшей виды сумкой через плечо. В первый раз увидела несчастного, когда он носился по пространству между святыми могилами за алтарем Троицкого собора и яростно отмахивался обеими руками от чего-то ужасного, видимого для него и не зримого для всех остальных. Время от времени он приникал ко кресту схиигумена Феодора или отца Владимира. На другой день было резкое похолодание. Продрогший, с посиневшими губами и красным хлюпающим носом, по-видимому, уже который час, больной стоял, вцепившись руками в край перекладины креста отца Владимира. Когда к могиле подходила очередная группа людей, он уступал место. Здесь всегда кладут поклоны, нередко плачут и минутами не отрывают лба от креста, а то и непроизвольно приникают к нему. Одна моя знакомая посетовала: «Смотри – крест качается, столько он уже принял на себя новых скорбей».

Если юноше предлагали деньги, он отшатывался от протянутой руки. Как только пришедшие уходили, он неизменно возвращался к месту своего предстояния. На службах его не было, видимо, враг не пускал в храм. В первые дни, как только он вынужден был уступать свое место у батюшкиной могилы паломникам и духовным чадам отца Владимира, несчастному становилось явно хуже. Он начинал выкрикивать что-то нечленораздельное и, как на ринге, дубасил кулаками воздух перед собой. Припав ко кресту, он успокаивался и мог, замерев, стоять так без всякого движения – часами. Мы заставали его в разное время днем, проходя мимо по Канавке – вечером. Через несколько дней этой неотступности встретила его на улице, слава Тебе Боже! – ему явно лучше. На кресте отца Владимира можно было прочесть текст молитвы об отце духовном. Там, например, есть слова: «Господи, Ты соединил нас на земле, не разлучи нас и в Небесном Твоем Царствии...» Однажды застала юношу за переписыванием этой молитвы в свой блокнот. Новое, осмысленное выражение лица. После этого стала встречать его на службах в храме. Он вел себя, ничем не выделяясь, как и все люди.

Раба Божия Надежда: «Идем по Канавке и слышим за воротами монастыря дикие вопли. Они становятся столь пронзительными, что не выдерживаю и говорю дочери: «Пойди – глянь, это не на могиле отца Владимира очередной приступ беснования?» Дочь возвращается: «Да, это у батюшки – трое больных».

Пожилая инокиня Д. рассказала матушке Ирине в первый день Пасхи 2001 года: «Недавно занемогла, было мне очень плохо. Отца Владимира не вспоминала, к нему не обращалась. И вдруг вижу его во сне. Говорит мне с большим участием: «Приходи ко мне на могилу. Попроси о помощи. И я буду иметь возможность поддержать, помочь тебе серьезнее». Мне вспомнились при этом слова Батюшки Серафима: *«Когда меня не станет, ходите ко мне на гробик, как к живому, и все расскажите. И услышу вас... Как с живым со мной говорите. И всегда я для вас жив буду!»* И ходим, и просим, исполняя смиренный закон духовной жизни: «Просите, и дастся вам».

Сегодня встретила у Креста в начале Канавки группу паломников из Москвы, которую сопровождала раба Божия Татьяна. Годы возит сюда экскурсии от «Радонежа», давно знает отца Владимира. Мы здороваемся, и она радостно сообщает: «У Натальи какое событие, крестилась дочь, и вместе с мужем! Вы помните Наташу, у которой дочь в Канаде? Все ездила к отцу Владимиру со своими скорбями. Казалось, изменить эту ситуацию, что пробить скалу, совершенно невозможно. Батюшка ушел – и крестились! Наташа не верит своему счастью».

Ухожу, думая о том, что отец Владимир продолжает доделывать работу, которую начал при жизни. Явно, что его сегодняшняя деятельность еще более плодотворна, чем земная. В полной мере она известна одному Господу.

Одно из последних свидетельств, все их невозможно поместить. Мне позвонил знакомый священник из подмосковного прихода и рассказал, что у его прихожанки пропала юная дочь, оказавшаяся в руках негодяев. Мать в огромном горе молилась среди всех святых и отцу Владимиру, о котором знала с чужих слов. Когда дочь вер-

нулась, она неожиданно для матери подошла к ее святому углу и долго всматривалась в фотографию отца Владимира, которого видела впервые. О батюшке ни от кого не была наслышана. И вдруг произнесла: «Мама, как давно я не была на исповеди...» – «И сегодня она у меня исповедовалась», – закончил протоиерей Борис, глубоко чтивший отца Владимира еще при жизни.

Рассказ Светланы: «У меня в жизни была единственная встреча с отцом Владимиром и всего пять минут. И что-то очень серьезное мне батюшка попытался вложить в самую душу. Но я как будто не поняла. И, что называется, пропустила мимо. Но вот на мой стол легла книга об отце Владимире. И в эту же ночь вижу страшный сон: я утопаю в бескрайнем море, меня захлестывают и покрывают волны – я тону, погибаю... А кто-то один за другим называет мои собственные, памятные и забытые грехи. Отчаянно борюсь со стихией: «Господи, помилуй», – кричу, не помня себя. Никогда так не молилась: помилуй!!! Я проснулась с диким сердцебиением и – заплакала: отец Владимир, ты меня после смерти своей достал. Умолил обо мне Господа. Это же, верно, Ангел-Хранитель мои грехи называл – они там всё знают. И плачу – не могу остановиться. Утром встала и пошла в церковь на исповедь».

Этот рассказ напомнил мне о другой исповеди. «Отца Владимира, к великому моему сожалению, при жизни не знала, – делилась раба Божия Нина. – А стала «Пасхальную память» читать и среди ночи прямо завопила к батюшке: «Гляжу, как тебе, отец Владимир, каялись, и вижу, что я полностью не раскаянная – бесчувственная, окаянная грешница. Помоги мне. Ты стольким помог. Помоги же и мне, Бога ради. Пошли мне, Иисусе Христе, молитвами отца Владимира, – силы на покаяние», – своими словами что-то такое рвусь Господу сказать и плачу. И вдруг хватаю школьную тетрадь и начинаю писать. И к утру целую тетрадь грехов написала. Бегу к священнику своей церкви. Все рассказываю и начинаю ему вслух лист за листом читать. И вдруг на второй странице батюшка с потрясением мне говорит: «А ведь это и мой грех. И этот, и вот тот». И

начинает вместе со мной у аналоя всем сердцем взволнованно каяться. Я была потрясена. И думаю, какая сила небесных молитв отца Владимира – вот и вторую душу ты, батюшка, настиг... Исповеди такой у меня в жизни никогда не было. И теперь, когда иду в храм, обязательно прошу отца Владимира напомнить мне мои грехи – их ведь тьма-тьмущая! И до сих пор продолжают вспоминаться. Не оставляет батюшка своей помощью тех, кто его полюбил».

«На православной ярмарке, – вспоминала Евгения, – у меня поднялось давление, закружилась голова, и я присела на нечаянный стул. После напряженного рабочего дня не успела ничего поесть, а время уже к пяти... Сижу и прошу отца Владимира, чтобы мне стало легче (в это время читала книгу о нем). Вдруг рядом со мной остановилась незнакомая женщина. И я машинально говорю: «Какая длинная очередь, вы не знаете, что там за еду продают?» «Сейчас узнаю», – с готовностью предложила раба Божия. И через несколько минут принесла мне рыбную котлету с гарниром. «Воды там никакой нет?» – поинтересовалась я, чувствуя себя уже легче. Она узнала стоимость маленькой минералки и опять отошла, чтобы мне ее купить. Я отхлебнула водички и подняла на нежданную сестру во Христе благодарный взгляд. «Посидите, посидите еще немножко», – заботливо сказала она. «Боже мой, – тут от родных такой заботы не увидишь», – подумала я, ощущая, что слезы приступают к горлу. В следующую минуту, подбодренная не столько едой, сколько этим святым Милосердием совершенно чужого человека, я встала и сказала ей с горячим чувством: «Я сейчас вас поведу, тут недалеко книга продается. Вы будете рады...» И, как родную, взяв за руку, я повлекла ее через ряды к месту, где на днях купила книгу об отце Владимире. Она послушно торопилась за мной. «Вот, – сказала я, снимая книгу с прилавка и протягивая ее Галине. – Это батюшка, о котором вам обязательно нужно узнать... Не второе, пиратское издание, а именно третье – дополненное...» Ни о чем не расспрашивая, она расплатилась за книгу и взяла ее в руки. И вдруг: «Что это?! Что это?!» Моя новая знакомая с потрясением

протянула мне том – по портрету батюшки медленно текла струйка мира. Несколько стоящих вокруг христиан благоговейно приложились. «Да, это такой батюшка», – произнесла еще одна покупательница. Провожая взглядом мою милую помощницу, которая бережно уносила в руках книгу, боясь положить ее в сумку, я думала: «Отец Владимир, это ведь ты сделал ей такой подарок – за ее доброту... Ты и прислал мне ее – разыскал среди этого многолюдья светлую душу и послал мне на помощь...»

Стоя у прилавка, на котором продавалась «Пасхальная память», одна женщина раздумывала вслух: «Быть может, и хорошая книга, но теперь им нет числа. Все не перекупишь». – «Возьмите ее – не пожалеете, – неожиданно вступила в разговор другая женщина, – я вот седьмой экземпляр в подарок покупаю. Знаете, тридцать лет я не могла мужа с мертвой точки сдвинуть. Как слово о Боге и Церкви – так скандал. А после этой книги – он у меня – сам в храм пошел!»

«Это мой батюшка»

Познакомилась я с Людмилой на могиле отца Владимира. Она о батюшке ничего не знала и с радостью увезла в свой родной город пачку книг «Пасхальная память». Звонит через считанные дни: «Разрешите к вам за книгами в Москву приехать?» Посетили меня и забрали с собой еще десять пачек. Рассказала нам Людмила, что книга у одной рабы Божией, ее купившей – замироточила с благоуханием (подобные рассказы слышу который раз). Но самый памятный случай произошел с Ниной. Она была в очень тяжелом душевном состоянии. Дома было большое горе, она осталась вдовой с четырьмя детьми. Шел месяц за месяцем, она находилась на грани отчаяния. «Когда я раскрыла в храме пачку с книгами об отце Владимире, – рассказывала Людмила, – вижу: спешит ко мне Нина, которая до того о батюшке ничего не слыхала. Слезы текут у нее по лицу, схватила книгу, прижала ее к груди: «Это мой батюшка, это мой родной батюшка!..»

Во все времена отец Владимир был очень близок тем,

кому особенно больно и трудно. И значит, он просто всем сердцем помолился о настрадавшейся душе, и она – откликнулась своей глубиной. Нина читала книгу со слезами до рассвета. А когда забылась, наконец, сном, ей приснился отец Владимир.

«И как же он меня утешил, – вспоминала потом она. – Хоть нас хвалить не полагается, но в минуты тяжкого уныния, наверное, можно, потому что батюшка показал мне какие-то маловажные и забытые мои добрые дела. И сказал слова, которые навсегда останутся в моей памяти: «Вот ты однажды в храм принесла ситцевый платочек, простое полотенце, но так как ты сделала это от всего сердца – Господь радостно принял твои скромные приношения. Так и знай, Богу не то нужно, чтобы дар был роскошным, а только чтобы отдавали мы его с Любовью. («Не записывай своих добрых дел, ибо, если запишешь их, они быстро поблекнут; если же забудешь о них, они будут вписаны в Вечность. Не записывай злых дел соседа своего, ибо, если запишешь их, половина тяжести этих злых дел ляжет на тебя; если же забудешь о них, Бог и твои злые дела предаст забвению» (Святитель Николай Сербский)). Многие великие подвиги, – это отец Владимир произнес с большой горечью, – и даже возведение храмов – обратятся для Бога в прах. Ничто для Господа, если мы надрываемся и даже жертвуем своим здоровьем – ради своей славы. Но самая ничтожная жертва, если она принесена от чистого сердца, с добротой и Любовью, и жаждой Богу послужить – становится для Него – драгоценностью. Цена ее умножается от меры потраченного на твой подарок – сердца. Отданное с благоговением – с благоговением принимается. Принесенное с тщеславием – обратится в черную труху. Все это, радость моя, относится и к молитве», – добавил батюшка.

Отец Владимир и при жизни говорил нам: «Хорошо заниматься восстановлением храма. Но плохо, если мы, делая это, не оставляем сил – на восстановление храма своей души».

«Мы построили Богу храм, – говорят непостоянные, –

и выплатили свой долг. Отныне мы должники только самим себе. Отдали мы Богу Богово, и теперь будем отдавать себе свое.

Несчастные, зачем Богу храм, если он вам не нужен? Зачем храм ваш Тому, Которому вовсе не тесно в песчинке и не слишком просторно в звездной Вселенной? Разве могут бездомные построить дом Учителю всех строителей?

Господь полон Милости и снисходит в каменные храмы ваши встретиться с душами вашими.

Но, несчастные, что будет с храмами вашими, если душа ваша не увидит примера и не последует ему? Что, если купола храмов ваших будут всегда выше душ ваших? Что, если пространство храмов ваших будет всегда шире узости душ ваших? Что будет с храмами вашими?

Если свечи в каменных храмах ваших будут всегда яснее мыслей ума вашего? Если смирна и ливан будут всегда благоуханнее аромата сердца вашего? Что будет с храмами вашими?

Если алтари ваши будут всегда святее всех святынь душ ваших? Если благолепие храмов ваших будет всегда больше благолепия душ ваших? Если звуки молитв в храмах ваших будут находить больше отзвука в стенах каменных, чем в душах ваших? Что будет с храмами вашими?

Они станут мертвыми памятниками душ мертвых. А когда они будут таковы, – когда перестанут быть примером для строительства души и станут гордыней, – воистину, и камня на камне от них не останется. А вы, несчастные, будете блуждать, как тени тех, которые строили» (Святитель Николай Сербский).

«Отец Владимир открыл мне сокровенную жизнь моих детей, – вспоминала с ярким чувством благодарности Нина, – и наставил меня в отношении одного из сыновей: «Он у тебя не самый бойкий и удачливый. Порой хочет сделать лучше, а у него получается хуже. Не кричи на него. Вообще перестань его ругать. Уверяю тебя, ты гораздо большего достигнешь в его воспитании – добрым словом, старайся им достучаться до сердца и до разума. Никто лучше Любви не воспитает».

Я не могу передать всего, что сказал мне батюшка. Были наставления, обращенные лично к моей тяжелой ситуации, которые меня просто вернули к жизни. А в конце отец Владимир приоткрыл мне внутреннюю жизнь священников нашего храма. И промолвил: «Ты понимаешь, что я показываю тебе это не для того, чтобы кого-то осудить. А просто хочу посоветовать: не ходи на исповедь к этому священнику». И подсказал, к какому батюшке обращаться мне за духовной помощью. Проснулась я – а у меня на душе такое облегчение, вся моя тоска, как тяжелая туча, ушла прочь. Встала, как будто заново меня на свет выпустили: такое ликование, одна радость. Вот что значит пожалел, помолился обо мне родной батюшка. И хоть я его никогда прежде не знала – теперь он для меня самый близкий и дорогой человек. Молюсь ему десять раз на дню, и каждый день получаю поддержку».

Подобные слова приходится слышать постоянно – и от самых разных людей.

Сколько жгучих слез приняла батюшкина могилка, сколько благодарных и просительных поклонов, сколько горячих признаний в тяжелых грехах! Сколько просьб защитить от печати антихриста. Не однажды я слышала, как, обнимая и целуя могильный крест, с великим чувством шепчут: «Батюшка, дай остаться верным Христу – до смерти!.. Помоги не принять номер. Дай силы отказаться от нового паспорта». Однажды на моих глазах могильный холмик окружила группа паломников. У всех были особенные лица, сияющие радостью, признательные глаза: «Здравствуй, батюшка, привезли тебе поклоны с Владимирской земли!» Люди целовали могилку, зажигали свечи, клали записки, брали землю. Они накапали маслица из батюшкиной лампадки в общий пузырек с маслом, чтобы дома – поделить на всех. Слезы светились во многих глазах. Спросила, знали ли они отца Владимира при жизни? «Нет, только по книге. Но батюшка так вошел в нашу жизнь, так снисходит к нашим нуждам, что стал для нас – самым родным на свете». Люди брали щепотки земли, кто в целлофановый пакет, кто в белый платочек.

Вдруг откуда ни возьмись, появилась нахмуренная, в серой кофте и черной юбке, почти послушница, и стала кричать на паломников: «Куда землю тащите?! Скоро холм снесете (могиле это явно не грозило!), не благословляется землю брать. (Ложь! Во все века с могил праведников люди брали землю на молитвенную память, лечились ею, и, как известно, нередко исцелялись). Куда свечи тыкаете?! – Не унималась грозная проповедница «христианского благочестия». – Они цветы повредят. Все равно свечи повытаскиваю».

Среди притихших застеснявшихся паломников стояла одна девочка, лет семи, которая тихо, но внятно произнесла: «Про тетю нужно «Да воскреснет Бог» читать». «Да, – подумала я, – темные силы не оставляют отца Владимира своим пристальным вниманием и за гробом».

Истерично вырвав десятки свечей из могилки, женщина сгребла в пакет записки, – благоговейно и нередко со слезами привезенные сюда со всех концов земли, и победоносно удалилась. Отпрянувшие паломники снова прихлынули к дорогой землице: «Прости ее, батюшка, прости нас...» – слышались взволнованные вздохи. И снова земные поклоны, и полные благодарности слова: вслух, безмолвно, еле уловимым шепотом – наполнили тишину теплого летнего вечера. «Как благодарить Бога, что можно к тебе приехать?!» – произнес кто-то с невыразимой любовью.

Раба Божия В.: «Семь лет назад отец Владимир меня из увлечений оккультизмом вытаскивал. Благодаря ему бросила занятия экстрасенсорикой. И пока он был жив, все наладилось. И старые друзья отстали. Но ушел батюшка из жизни, и снова началась прежняя чехарда. Вновь встречаю давних знакомых. И все такие ласковые, в глаза смотрят, в гости зазывают: «Ну, если уж ты у нас серьезная христианка, – приходи в наш благотворительный центр. Мы по средам бесплатно народ принимаем. Послужишь страждущему человечеству, как бессеребреница. Ты же у нас с редкими способностями...» И вдруг в какую-то минуту под этим льстивым гипнозом, как за туманами – поблекли слова отца Владимира: «Заигрывать с бесами по-

шла! Ох, как они тебе отплатят. Нет ни одного, который бы еще здесь на земле сполна не получил за эти игры. Ведь они сначала лаской заманят, а потом бичом будут в ад – заживо гнать! Опомнись, пока не поздно...» И всю свою горькую науку я забыла и вернулась к своему «целительству», как возвращается «пес на свою блевотину».

Но, Слава Тебе Боже! Не забыл меня отец, и за гробом – не бросил. Поехала моя подруга в Дивеево, звала с собой: «К матушке отца Владимира зайдем, родной могилке поклонимся...» – «Что-то я вся в делах, – говорю, – ну, никакого просвета. В другой раз – вместе съездим». А в душе ощущаю: вовсе я туда ехать не хочу! И представляете, привезла подруга от матушки Ирины статью еще об одной любительнице «красивой» жизни. Прочитала – и у меня в глазах потемнело. Поняла я, что лично для меня через свою матушку – прислал отец Владимир эту статью.

И с новой силой вдруг вспомнила плачевный результат моих занятий экстрасенсорикой: как мои «пациенты», те, кто за приличные деньги вчера так блестяще пошли на поправку, друг за другом стали гибнуть. Один внезапно попал под машину, другая, которой я опухоль за несколько тысяч долларов «рассосала», вдруг снова пришла: свежая опухоль, уже в другом месте, за несколько дней сформировалась, и за месяц моя «исцеленная» – «сыграла в ящик». Родственники этих людей меня чуть на куски тогда не растерзали... А какие демонические нападения на меня саму начались...

Вдруг ощутила, будто рядом со мной вновь стоит родной батюшка отец Владимир, за горькими словами которого всегда была такая любовь, которую больше ни в ком не встречала: «Слава Богу, что наказывается человек за черные дела еще на этом свете – сполна! Никакая это не экстрасенсорика, биоэнергетика – это черная магия! – ведьмовством занимаешься!!! Убегать из этой помойки надо, не чуя ног... Любые отношения с бесами – заслуженно – страшно карает Господь. Потому что Бог создавал человека – для общения с Собой!»

Вот и эта несчастная Надежда, нет, счастливая, потому что Бог дал ей очистить свои грехи – страданием. Она

свой жуткий грех сначала вменила ни во что – но Бог ее историю оставил всем нам – для вразумления. Быть может, не столь впечатляющая, но и у других есть в жизни своя черная страница «заигрывания с бесами». Дай, Боже, успеть загладить ее нам слезным покаянием. По Милости Божией, я уехала к двоюродной сестре в другой город. И начала всю жизни сначала. Нашла подходящую работу, соответствующую моему образованию. Каждый месяц исповедуюсь и причащаюсь. Приобрела видеокассету «Надежда» с записью этой истории, она еще более поразительная, чем приведенный рассказ. Показываю ее своим новым знакомым.

Надежда

«Семь лет назад мне пришлось освящать квартиру Надежды Аркадьевны (Дудовой), – рассказал отец Вячеслав. – Была она женщиной веселой, общительной, работала хореографом в ДК «Юбилейный». Религиозностью не отличалась, может, раз в год заходила в церковь – свечу поставить, да и то, бывало, в брюках и без косынки. Вскоре она вышла замуж за финна, работавшего в Тольятти по контракту, взяла его фамилию. А еще через пару лет уехала с ним в Финляндию, взяв с собой младшую дочь Ксению. А старшая, Нина, осталась в Тольятти.

Надежда писала мне письма, а когда изредка приезжала к Нине, то обязательно заходила в гости. Потом вдруг я узнаю, что она очень серьезно больна. Она сама написала мне об этом. Это было полтора года назад. В письме она прощалась со мной и моей семьей. Писала, что больше не увидимся, так как врачи приговорили ее к смерти: у нее обнаружили тяжелую стадию саркомы. В ответном письме я, как мог, пастырски ее утешил и выразил надежду, что, может, и увидимся еще.

И действительно, через полгода, то есть прошлым летом, она приехала сюда такая деятельная, активная. И буквально все отметили разительные перемены, происшедшие в ней: как будто человек заново родился, постиг смысл и цель жизни. Она стала очень набожной, духовной. Все службы церковные посещала. Спрашиваю: «Как

болезнь?» Отвечает: «Батюшка, я уж и вставать не могла, муж меня на инвалидной коляске возил. Вызвали православного священника, который исповедовал, причастил. Как-то сразу полегчало, я смогла встать, ходить и без промедления поехала в Россию, по святым местам». Она много паломничала по монастырям, изредка возвращаясь домой в Финляндию. Минувшей зимой она заезжала ко мне и поведала, что старец Оптиной пустыми благословил записать на видеопленку рассказ об удивительных событиях, произошедших с ней».

На видеоэкране я увидел женщину лет сорока пяти в платке, скрывающем ее страшную болезнь, которая рассказывала спокойно, рассудительно, а иногда и с юмором: «Каждый год мы с мужем ездили в теплые страны: на Канары, во Флориду... А однажды купили путевки в круиз по Карибскому морю – «Сейснейшн-карнавал». Представьте огромный шикарный 14-палубный теплоход с 2800 пассажирами со всего мира. С бесплатным питанием в ресторане и обслуживанием – все это входило в стоимость путевки. Мексика, Ямайка... И вот однажды пристаем к острову, поражающему воображение своей суровостью, под названием Гранд Кауман. Полное отсутствие растительности – ни кустика, ни травинки. Поговаривают, будто там и птица не пролетает. Так и называют этот остров – дьявольское место. Ну да я тогда в эти суеверия не верила, насмехалась. Народ, высыпавший с теплохода на берег, как-то притих и вполголоса что-то там судачил о жутких поверьях, связанных с этим местом, не решаясь подойти близко к каменному изваянию – идолу. У меня же в тот день было прекрасное настроение. Я со смехом подошла к чудищу, потягивая через трубочку пепси-колу, игриво обняла за плечи и склонила к нему голову. Так и сфотографировалась, а напоследок полила идола пепси. Другие пассажиры смотрели на меня пребывая в состоянии шока.

По возвращении из круиза домой, в одну из первых ночей, мне вдруг почудился голос: «Встань и отрежь его от себя... Но не порежь себя, но не порежь себя». Я в каком-то сомнамбулическом состоянии нашла это фото и ножни-

цами по контуру стала отрезать от себя изображение идола, но немного не рассчитала и случайно обрезала себе вот это место – верхнюю часть челюсти. Затем сожгла и фото с идолом, и негатив. И через некоторое время после этого случая у меня выявляют саркому – рак кости челюсти – как раз по тому месту, где обрезано на фотографии...» – Надежда Аркадьевна снимает платок и показывает зияющую чернотой полосу на левой стороне лица, от челюсти и до виска.

Просмотрев видеозапись, я проведал родных Надежды Аркадьевны. Ее семнадцатилетняя дочь Ксения рассказала: «Маме было сделано 13 операций, множество сеансов химиотерапии, заменена кость челюсти на донорскую кость, но болезнь – прогрессировала. На голове вздулся свищ, через который выходил гной. Пошли метастазы в легкие. Главный врач больницы предупредил моего отчима, что мама долго не проживет. Помню, он однажды говорит: «Ксюша, нам надо приготовиться. Мама может и два месяца не прожить». Мама с тех пор живет уже второй год! Когда она вернулась домой из своей первой поездки по монастырям, отчим позвонил в больницу дежурным врачам и попросил принять ее для очередного обследования. А врачи ответили: «Извините, у нас такой пациентки нет». Потом, по его настоянию, они все же посмотрели в компьютер и несказанно удивились: «Это дело уже сдано в архив, так как мы посчитали ее давно умершей. Рак челюсти – с такой болезнью люди долго не живут». Узнав об этом, главврач был тоже изумлен. А когда отчим привез маму в больницу, одна из медсестер ее узнала и от неожиданности расплакалась. Ведь всех пациентов, которые некогда лежали с ней в одной палате, давно похоронили...

А вообще я считаю настоящим чудом, что мама в ее состоянии, с катетерами на теле, отстаивает шестичасовые монастырские службы, выполняет любую работу, куда ее поставят в монастыре, постится и при этом продолжает сохранять бодрость духа.

Недавно врачи вновь дали маме (в который раз) срок жизни две недели, – заключает Ксюша. – Я здесь уже около месяца. На днях мы узнали, что мама опять выехала в

Россию, по монастырям».

Надежда Аркадьевна почила о Господе через месяц после этой встречи.

Царствие Небесное, дорогая Надежда. Моли Бога о нас, грешных».

Андрей Полынский

После третьей годовщины батюшки услышала на его могиле от послушника Валерия, который трудится на одном из Дивеевских скитов, памятный рассказ. Здесь он познакомился с женщиной, которая всю прошедшую зиму ходила ко кресту отца Владимира, не чая выздоровления от тяжелой онкологической болезни. Ангел-хранитель подсказал ей собирать снег с дорогой могилки. Дома она пила талую воду и с земными поклонами молила батюшку о помощи. Крестясь, со слезами покаяния умоляла Господа, святыми молитвами отца Владимира, если на то есть великое благоволение Господне, – исцелить ее. Теперь она полностью здорова.

На **Введение во храм Пресвятыя Богородицы** в 2004 году в Преображенском соборе после литургии ко мне подвели мать с дочерью в изящной серой дубленке, отороченной белым мехом. Двадцатилетняя пригожая девочка с грустным лицом очень страшно кашляла. Внутри нее все клокотало и хлюпало. Паломники приехали сегодня на рассвете из Московской области, живут под Серпуховым. Они поделились своим горем. Дочь положили в больницу, как казалось, с тяжелой формой бронхита. Позже устанавливали пневмонию, и вскоре окончательно растерялись, ставя и опровергая разнообразные диагнозы. И вдруг, забывшись среди кашля кратковременным сном, девочка увидела во сне неизвестного священника. Нужно добавить, что об отце Владимире она ничего не знала и не слышала. Бывает, кто-нибудь словом обмолвится – и уже запомнишь. Не было и этого. Она увидела во сне отца Владимира, который с великим участием над ней склонился: «Ну, что, Наташа, болеешь?» Она не помнит столь глубокого милосердия в отношении к себе незнакомых людей. «И диагноз тебе все никак не поставят?!» – «Да, батюш-

ка», – ответила страдалица. «Приезжай, Наташа, ко мне в Дивеево», – с большой добротой сказал священник. «Перекрестил меня, надел свой головной убор и исчез», – рассказывала девочка, не знающая слово «клобук». На следующий день диагноз был поставлен: лимфогранулемотоз – тяжелая онкология лимфосистемы.

Наташа рассказала маме поразивший ее сон, и они долгое время пытались понять, что за святой им явился. Расспрашивали знакомых – никто ничего не мог им подсказать. Наташу перевели в онкологическое отделение. И здесь она увидела книгу со знакомым лицом в руках у соседки по палате. Она кинулась к ней: «Вот этот самый батюшка мне явился!» – и рассказала ей свой сон. Теперь она знала, к кому ей ехать в Дивеево.

Интересно, что я до этого непривычно долго, едва ли не три месяца, не была в Дивееве. Эта поездка оставалась у меня до конца под вопросом и много, вероятно, не состоялась бы вообще. Она осуществилась с явной помощью отца Владимира. Значит, просто ему было необходимо, чтобы мы с Наташей встретились. Весь тираж третьего издания «Пасхальной памяти» давно кончился, но, как будто предчувствуя особенные ситуации, я оставила для НЗ несколько книг. Одна из них досталась благодарной Наташе. Рассказала ей, что в случаях тяжелых болезней, отец Владимир советовал безотлагательную генеральную исповедь – за всю жизнь. И не только для болеющей, но и для всех ее родных, начиная с родителей. Мы систематически сталкиваемся с болезнями детей – за грехи отца и матери. Мои гости с горечью признались, что многие годы не могут склонить к покаянию пьющего отца. Еще батюшка обязательно советовал, не откладывая, в любое время года – окунаться в источник. Его молитвами, больные люди нередко погружались, будто в парную воду – в любой мороз.

Не знаю, что ждет впереди Наташу, но, безусловно, батюшка ее не оставит. Он уже взял ее за руку и поведет по кремнистому пути болезни, по непростому пути подлинного обретения Бога.

Самое поразительное, что я услышала продолжение

этой истории по дороге из Дивеево в Арзамас, возвращаясь с пятой годовщины батюшки. Мы ехали вместе с моей знакомой, которую я давно не видела. Наши места в автобусе оказались рядом. «Думаю, что батюшка совершает море поразительных вещей», – сказала она. И начала мне рассказывать про Наташу. Оказалось, что она дала своей подруге «Пасхальную память», когда та ложилась в онкологическое отделение. Эту книгу и увидела Наташа... «И представь себе, девочка полностью исцелилась. Последние анализы совсем хорошие». Мы крестились, радовались и благодарили Господа.

Думаю, сколько подобных историй остались никому не известны.

«Ну что, болеешь?»

«Чудным образом произошло мое знакомство с отцом Владимиром, – рассказывает раба Божия Ольга. – Сначала я неожиданно для себя приобрела книгу «Пасхальная память». По дороге домой в автобусе с жадностью читала отдельные фрагменты, предвкушая, как дома буду, не спеша, с наслаждением, читать. Дома книгу я положила под подушку, так как очень часто приходится браться за нее ночью. Но в этот вечер я так устала, что, одолела всего лишь страничку и крепко уснула. На следующий день проснулась совершенно больной, с высокой температурой, ломотой во всем теле. Ни я, ни моя семья не могли понять, что со мной случилось – накануне я была абсолютно здоровой.

Смирилась со своей болезнью, выпила аспирин (температура была 38,8 градусов), поудобнее расположилась и стала внимательно читать книгу. Но, видно, слабость меня одолела, и я уснула. Вижу сон. И сейчас очень хорошо его помню. Все было как наяву. Звонит телефон. Я снимаю трубку, и вдруг совершенно не знакомый мне мужской голос спрашивает:

– Ну что, болеешь?

– Болею.

– А что с тобой?

– Да я сама рада была бы знать.

– А хочешь, скажу?

– Конечно, хочу.

– Помнишь, в школе – ты лечила руками?!

(И вдруг во сне я вспомнила то, чему наяву не придавала значения. Это было лет 5-7 назад, когда многие увлекались биополем. Меня оно, честно признаюсь, мало интересовало. Так вот, тогда некоторые коллеги по работе заметили, что, если на перемене постоят рядом со мной, то может, например, пройти – головная боль. Потом то один, то другой специально стали просить меня, чтобы я поводила руками над их головой. Я, тогда еще мало воцерковленная, со смехом, не придавая этому серьезного значения, водила руками. Но потом прекратила, мотивируя тем, что после этой процедуры я себя начинаю плохо чувствовать. Кстати, помню, коллеги посочувствовали и, Слава Богу, отстали.)

Во сне я все это неожиданно вспомнила, и отвечаю этому мужчине, у которого голос был очень приятный, ясный, четкий, звонкий, который проникал в самую глубину:

– Помню.

– Так ты больше этого не делай!

– Хорошо, спасибо.

Я проснулась. Удивительно, у меня в ушах продолжал звучать этот голос. И самое поразительное – такое напоминание!

Снова взялась за книгу, открыла ее и первое, что мне попалось (представляете, я глазам своим не поверила), на случайно открывшейся странице было написано: «Голос у батюшки был ясный, четкий, звонкий...» «Ну и ну», – подумала я ошарашено, несколько раз перечитав эту фразу и сопоставляя ее с тем голосом, который слышала во сне и который до сих пор, что называется, стоял в ушах. Я начала от всего сердца просить у Бога прощения за мой полуосознанный грех – занятие экстрасенсорикой – и пообещала, что, как только поднимусь, исповедаю его священнику в Церкви.

Неожиданно вечером этого же дня мне позвонила Валентина, у которой я купила книгу. Что-то она спросила о ближайших паломнических поездках, а я ей откровенно

призналась, что заболела, не знаю, что со мной и вообще, чем лечиться и когда теперь буду здорова. Она спросила, читала ли я книгу. «А как же, – ответила я, – не расстаюсь с ней, даже на ночь под подушку положила. Да еще такой сон необычный увидела!» Тогда она засмеялась и сказала: «Ну, это тебя отец Владимир очищает. Я, когда читала эту книгу, не успевала слезы вытирать: они сами собой текли. А у тебя, видишь, по-другому...»

На следующий день проснулась раньше всех, померила температуру – нормальная, ноги не болят, тело не ломит. Я была бодрой и жизнерадостной. Такое ощущение, словно и не болела. Грехи свои я безотлагательно исповедала в храме, куда хожу. Заодно нашлось и еще, что вспомнить. Теперь всегда перед исповедью я старательно прошу отца Владимира помочь мне глубже покаяться. И всегда ощущаю его поддержку. Благодарю, дорогой батюшка, за то, что приходишь на помощь людям, которые тебя никогда не видели и ничего о тебе никогда не знали. Вечная тебе память. Великой тебе помощи от Бога, чтобы тебя хватало на многих и многих людей. Столько нас, нуждающихся в помощи настоящих священников!»

В качестве исключения, в одну поездку в Дивеево я была с легкой сумкой и решила поехать на автобусе, который отходил от вокзала в Арзамасе через час после прибытия поезда. Но две мои попутчицы еще в поезде усердно просили меня присоединиться к ним, вместе взять машину. Дорога была покрыта наледью, крупными хлопьями падал мокрый снег. Каково же было мое потрясение, когда на следующий день, будучи в гостях у знакомого батюшки, я узнала, что автобус, на котором я не поехала, попал в аварию. Он скатился в овраг на обочине дороги, были и пострадавшие. Так в очередной раз отец Владимир напомнил мне, как он заботится о своих духовных детях.

Раба Божия Светлана, возвращаясь с работы, сошла с электрички в ближнем Подмосковье, и, пройдя несколько десятков метров, вдруг получила из-за угла удар по голове. В следующую секунду ее сумку выхватил из рук неизвестный ей человек и побежал. Она бросилась вслед за

ним с криком: «Негодяй, отдай немедленно. У меня там документы!» И даже сумела догнать его, но получила только новые удары. Преступник удвоил скорость. Женщина кричала: «Люди, остановите! Держите вора!» Если кто-то и попадался на пустынной улице, то все лишь шарахались в сторону. Тем временем, злоумышленник присоединился к другому незнакомцу, и они оба скрылись. Из отделения милиции она позвонила своим близким, сообщила, что три тысячи долга, которые собиралась им завтра отдать – похищены... Ее друзья, глубоко почитающие отца Владимира, всей душой молились батюшке. Умоляли его, чтобы, во-первых, были возвращены документы.

И случилось настоящее чудо. На следующее утро, как только рассвело, пострадавшая со своей подругой пошла на ближайшую помойку и увидела, что в отбросах уже копается какой-то пенсионер. Не надеясь ровным счетом ни на что, она вглядывалась во всякие бумажки, разбросанные целлофановые пакеты. И вдруг, к своему потрясению, увидела листочек из своей работы, которую она начала писать по заказу одного журнала, и которую ей тоже было очень жалко утратить. Тут же она наткнулась на свою полуразорванную сумку и на вывернутый наизнанку кошелек, в котором и было-то до пропажи – десять рублей. Через считанное время, не веря своим глазам, она подняла тот самый пакет из-под молока, в который засунула чужие деньги, их она должна была сегодня отдать. Вместе с ними, в том же пакете, – она увидела свои бумаги, наброски статьи. И все было на месте: деньги, все до рубля. Рядом она подобрала свой паспорт и пенсионное удостоверение.

По дороге из Дивеево в Арзамас попутчица рассказала мне, как в прошлом году на Крещение Господне в сильный мороз встретила на Серафимовском источнике в Цыгановке двух духовных детей отца Владимира. Ее поразило, как солидные мужчины, истово осеняя себя крестным знамением перед каждым погружением, раз за разом окунались в ледяную воду. Один из них окунулся на ее глазах – 12 раз подряд. Разговорившись с ним после Крещенского купания, она выразила свое восхищение и услышала в ответ:

«Вы знаете, у меня был инфаркт, и отец Владимир исцелил меня и проторил мне дорогу на источник. В первый раз отвез меня сюда сам. Он ведь, помните, единовременно мог – сорок раз окунуться. Вот, его молитвами, с тех пор постоянно из Москвы сюда езжу, чтобы подкрепить здоровье».

«Вдохновленная этим рассказом, с тех пор и я регулярно езжу в Дивеево, прошу у отца Владимира святых молитв о моем слабоватом здоровье. Вот и подругу к тому же приучила», – добавила попутчица. Обе были в теплых шубах и валенках. Я с уважением окинула их взором, живо представляя, что такое – окунаться в Дивеевские источники – зимой.

Духовная дочь отца Владимира Мария: «Однажды я нежданно-негаданно поссорилась со своей близкой подругой. Да как! Она на меня и смотреть не хочет, разговаривает сквозь зубы, всякое общение пресекает через пару минут. И все это – день за днем и месяц за месяцем. Я уж своим любимым святым молилась: напомните мне, говорю, может, я чем перед ней согрешила? Или не понимаю своей вины?! Ну, ничего серьезного припомнить не могу! Настоящая вражеская напасть – зависть бесовская к истинно христианским отношениям. Диавол, без преувеличения, – ненавидит Богом дарованную дружбу. И вот взмолилась отцу Владимиру: батюшка, войди, пожалуйста, в эту ситуацию. Ведь ясно, что это – демону невтерпеж на нас смотреть. Разжигает его наша христианская верность друг другу. Помоги, родимый батюшка! Я уж не знаю, что делать: и с одной стороны к ней подойду, и с другой – полное отчуждение и недоброжелательство, чего никогда в жизни не было! Помолилась так несколько раз. Однажды иду неподалеку от ее дома, и так меня потянуло зайти в гости. И будто сам батюшка с радостью мне говорит: «Иди, иди!» И я так заторопилась, даже полностью забыла, как она ко мне только что относилась: бегу просто к самому родному человеку. Стучу в дверь. Она открывает и бросается ко мне навстречу с таким светлым лицом, которого давно уже не помню. Мы обнялись, прижались друг к другу и сразу

стали рассказывать наперебой добрые новости – как будто и не было никогда никакой ссоры».

Можно было бы написать о ежедневной помощи отца Владимира сотням христиан – вторую книгу. Поражает его стремительное участие в житейских затруднениях людей, еще вчера его не знавших. От десятков благодарных слышу: «Батюшка всей моей семье помогает – от мала до велика». Один Бог знает, сколько людей отец Владимир исцелил, наставил на путь истинный, извлек из отчаянных ситуаций – уже после своей смерти. Невозможно описать и малой части замечательных случаев батюшкиного Милосердия, которые множатся день ото дня. Главное, узнав отца Владимира, – невозможно не полюбить его. А вслед за этим у каждого возникнут свои собственные – единственные отношения с Небом, святыми молитвами дорогого отца. Желаю этого каждому из дорогих читателей всем сердцем.

Батюшка прожил очень короткую – чрезвычайно яркую и насыщенную жизнь. И продолжает жить в Царствии Небесном – еще более поразительной, еще более жертвенной жизнью. Из всех батюшкиных чудес самыми любимыми для Бога, я думаю, являются те, когда люди, прочитав книгу – нередко в первый раз – всерьез задумались о себе, а кто-то просто испугался – увидел себя тем, кем все мы на самом деле трагически являемся – глубоко закоренелыми – нераскаянными грешниками. Заскорузлыми в своей нераскаянности. Причем, большинство из нас – прилежно ходит в Церковь и считает себя приличными людьми и достойными христианами. По Милости Божией, встретив отца Владимира, я на всю жизнь рассталась с этим приятным заблуждением на свой счет.

И сейчас, перечитывая строки святителя Николая (Велимировича), которого всегда так чтил отец Владимир, я вновь пронзительно вспоминаю батюшку. Его видение, его чувствование греховности как величайшей трагедии человека. Его редкое – абсолютно живое знание, что каждый наш грех – это нашими руками нанесенная Богу рана, от которой мы, часто этого вовсе не понимая, – будем с это-

го дня страдать, как от раны собственной. Да, она и есть – наша собственная. И с этим невозможно жить! Сколько бы от этой боли ни скрываться, сколько бы ни прятаться от нее: изощренными развлечениями, потоком пустой болтовни, винопитием, разрывающей душу музыкой, а то и чем похуже – никуда от этой загнивающей болезни не уйти.

Каждый грех — стрела против Бога

Бог — последняя мишень для всех грехов.
Когда лжешь — лжешь Богу;
когда крадешь — крадешь у Бога;
когда имеешь ненависть к кому-то — имеешь ненависть к Богу;
когда клянешься, честно или лживо — клянешься Богу;
когда прелюбодействуешь — нечистотой бросаешь в Бога;
когда не чтишь родителей — не чтишь Бога;
когда завидуешь — завидуешь Богу;
когда скупишься в подаянии бедняку — скупишься в воздаянии Богу;
когда замышляешь зло — замышляешь против Бога;
когда изрекаешь зло — изрекаешь зло против Бога;
когда творишь зло — творишь зло против Бога;
когда отрицаешь добро — отрицаешь Бога;
когда отрицаешь любовь — отрицаешь Бога.
Каждый грех — покушение на Бога.
Все стрелы, которые направляешь ты на жизнь людей
или на свою собственную жизнь, попадают в Бога.

Как стрела лука проходит сквозь туман и вонзается в дерево, так все твои стрелы проходят сквозь все тела, сквозь все души, через всю Вселенную, как сквозь туман, и вонзаются в Древо Жизни, в Бога.

Стрела остается в Боге, а рана — в твоем сердце. И пока стрела из Бога не вынута, рана в твоем сердце не может зажить.

Тот, кто может вынуть стрелу из Бога, может и рану в сердце залечить. Но кто это может? Вот, ты не можешь даже представить, что способен сам это сделать, ибо стрела

уже улетела; она уже для тебя вне поля досягаемости, и ты не можешь ни найти ее, ни вынуть. Она запала глубоко в бездну Сущности Божией. Никакие внешние усилия не могут ни вынуть стрелу из раны, ни рану исцелить. (Святитель Николай Сербский)

Ибо сквозь новые раны, которые мы наносим Богу, а на самом деле – себе, еще отчетливее на нас дышит – смерть. Не легкая, временная смерть: «А что, быть может, просто усну – и не проснусь! – мечтают многие. – А потом закопают, и ничего чувствовать не буду». Но нет! Не простенькая временная смерть, а смерть – вечная! Вечное, неизбывное страдание. Его предчувствовал для нас с вами батюшка – и страдал заранее – вместо нас. Потому и ушел так безвременно, так рано! Он желал нам понять, что добровольное страдание в покаянии – способно освободить нас от бездны скорби – за гробом.

И есть лишь одно спасение. Скорей вырывать себя из развлечений и бежать, и падать на колени перед Господом. И каяться перед священником. И плакать о своих грехах. Пока еще есть время.

Отец Владимир всю свою жизнь положил на то, чтобы привести людей, способных его услышать, к нелицемерному, подлинному покаянию. И если батюшка задел вас за живое, если вздрогнула, задумалась, заволновалась – заболела ваша душа, значит, своей сокровенной глубиной она услышала – голос батюшки. Его зов к покаянию.

Батюшка был необыкновенно связан с любимыми святыми. Ведь не случайно – каждый свой приезд в Москву он служил панихиды на всех известных кладбищах – у иеросхимонаха Сампсона, протоиерея Валентина Амфитеатрова, у старцев Алексия Мечева и Зосимы-Захарии*, почти все они, как ни странно, до сих пор не прославлены. (Если бы он приехал в Тбилиси, немедленно поспешил бы к святой могиле – схиархимандрита Виталия, которого бесконечно почитал. Если бы он попал в Грецию – сразу бы «полетел» – к преподобному Паисию Афонскому,

---

* Старец Захария. Житие: подвиги и чудеса. Паломник. Москва, 2000

книги которого не сходили с батюшкиного стола. Уверена, что к этим старцам он припадал ежедневно в своей келейной молитве).

Он торопился к святым, как к близким родственникам. Помню, на моих глазах, у батюшки невольно вырвалось (обычно это происходило в безмолвии): «Преподобне отче Алексие (к Алексию Мечеву) – помоги ей. Ты видишь, ей очень нужно помочь...» И если бы вы знали, с каким порывом души, каким состраданием, живой болью о чужом горе – молился теперь уже не прославленному праведнику батюшка. Все мы рядом с ним постоянно получали помощь, облегчение, утешение. Сколько известных одному Богу – тайных исцелений, душевных и телесных, произошло и происходит сегодня по святым молитвам отца Владимира.

Батюшка ехал к дорогим могилам, понимая, что нуждается в помощи. (А вот мы, к сожалению, как будто этого не понимаем. И посещаем непрославленных угодников Божиих очень редко). Отец Владимир знал, что невозможно спасти душу без великого заступления святых людей, которые уже завершили целожизненный подвиг по стяжанию Духа Святого. Батюшка благословлял всех нас время от времени возвращаться к беседе Преподобного Серафима Саровского с Мотовиловым о главной цели христианской жизни. Как почитал этот текст отец Владимир. Все, что касалось наставлений Батюшки, он знал сердцем наизусть. Это был настоящий послушник Преподобного. Он учился у святых, ежечасно прибегал к их помощи. Постоянно делился с нами их советами.

Отвечая на какой-нибудь вопрос, батюшка нередко приводил слова непрославленных и малоизвестных угодников Божиих. Одна знакомая отца Владимира жаловалась ему на страсть к многоядению. И с болью спрашивала: «Как научиться есть меньше?» Батюшка ответил ей: «Матушка Сепфора, когда к ней обращались с подобным вопросом, отвечала: «Сокровище мое, возьми за привычку есть, тщательно разжевывая каждый кусочек. Тогда насытишься быстрее, и еды тебе понадобится гораздо меньше».

Батюшка многим советовал ежедневно читать 26 и 90 псалмы. Позже я радостно прочла об этом у схиархиманд-

рита Виталия в его молитвенном правиле путешествующим. Особенно важно исполнять его перед трудной дорогой и в нелегкой ситуации. «Утром, выходя из дома, прочитай 26, 50 и 90 псалмы, а между ними, в начале и в конце – по одной молитве «Богородице Дево, радуйся». После этого, – уверял старец, – если рядом разорвется снаряд или пуля, или случится пожар – никакая беда тебя не коснется».*

Отец Владимир говорил: «Старец Феодосий Кавказский давал своим духовным чадам тот же совет, что и Преподобный Серафим, который обещал: «Земелькой с Канавки во время голода сыты будете». Преподобный Феодосий как-то дал одной монахине землю и благословил на любом месте сделать этой земелькой крест, потом зачерпнуть ее в обе пригоршни: «Вкуси и сыта будешь». Так батюшка благословлял свое духовное чадо, и через нее всех христиан, поступать в грядущие времена, когда будет голод. Подобным образом в каждом уголке России православным людям будут помогать местно чтимые святые. Это будет снедь верных.

Одна дивеевская паломница рассказывала отцу Владимиру, как много она читает – целую духовную библиотеку приобрела. «А много ли исполняем – из того, что читаем? – вопросил батюшка. – Прочла несколько святых мыслей и как со светильником иди с ними по своей жизни – освещать темные места: вот здесь и здесь я, Господи, не исполнила наставления Твоих святых... Запавшие в душу места можно подчеркивать, чтобы к ним раз за разом возвращаться. Ведь наставления святых – рентген нашей жизни – читаешь и ужасаешься, и плачешь... По слову московского старца протоиерея Владимира Богданова, нам стоит себя постоянно проверять, не подобно ли наше чтение воде – стекающей по водосточным трубам?!»

Отец Владимир читал книги не так, как многие читают – он внимал святым глубиной своего существа – всегда чувствовал себя начинающим. Он учился у святых – денно

* О жизни схиархимандрита Виталия. Новоспасский монастырь. Москва, 2004

и нощно. И когда сам стал творить чудеса, буквально не замечал этого, все относя к Вышней Помощи. И когда его просто припирали к стенке: «Батюшка, это же вы меня исцелили». – «Нет, это Батюшка Серафим!» – не колеблясь, отвечал отец Владимир и тут же бежал поддержать следующую страждущую душу. Он не приписывал себе ничего. В этом была его подлинность – настоящая преемственность святости. Все угодившие Богу вменяли себя ни во что. Они топтали свое тщеславие в тот же миг, как оно возникало. Они сражались с гордостью, в ее грубых и тонких проявлениях, – беспощадно. Только рядом с отцом Владимиром я узнала всерьез, что самые любимые грехи – надо ненавидеть смертельной ненавистью. Что есть в действительности люди, которые исповедуют своею жизнью: «от всех грешников – первый есмь аз». Святыми молитвами батюшки, Бог открыл мне бездонную и страшную глубину грехов и грехолюбие моей души. Я на самом деле узнала – не умственно, не поверхностно: «Ну, кто же это о себе не знает? – все мы грешные», – и, исполнив этими словами акт фарисейского смирения, с удовольствием бежим грешить дальше. Нет, батюшка открывал нам глаза на себя так, что мы были потрясены до всех своих оснований. Нигде, ни на каких других исповедях – я не обливалась такими слезами. Нигде никогда я не ужасалась сама себе – столь глубоко. Как страшна формальность, с которой обыкновенно происходит наша исповедь. Священник слушает тебя, кажется, машинально. Сама заученные слова повторяешь почти без смысла, без всякого чувства – без боли. Разве это покаяние?! Это горе одно. Горе нам, нераскаянным, хладным, бесчувственным... лишь по названию – христианам. Ведь это имя означает, что мы – Христовы, то есть ученики Господа. Сколь высокое звание! «Исповедуюсь, а в душе ничего не шелохнется», – признаются многие христиане.

Мне рассказывали о недавнем видении рабы Божией С., которая пережила клиническую смерть в 2003 году и побывала в аду. Глубоко поразили ее слова: «Каждую минуту в преисподнюю падает великое множество новых душ. Видела там известных мне людей – верующих, воцер-

ковленных и много священников...» Пресвятая Богородица, которая сопровождала рабу Божию, открыла ей, что верным в последние времена будет особая поддержка от Господа – у них ослабеет чувство голода – с помощью Божией, они вынесут все трудное. Там, в аду, она видела страшную картину, как бесы вырывают карточку из рук людей – и ставят печать. Лишнее подтверждение, что смарт-карту (карту москвича) мы не должны брать. Старцы Почаевской Лавры благословили распространять этот рассказ. Да, великое, величайшее горе – нераскаянность нас, русских. Отсутствие истинного покаяния перед Царем – русского народа. При таком положении вещей – можно ли надеяться на приход обещанного на Последние Времена – Царя?! Как об этом скорбел отец Владимир! Как обливался слезами, называя на общих исповедях наши смертные грехи перед Государем. Только глубиной собственного покаяния – можно вызвать глубокое ответное покаяние души, желающей очищения. А у нас-то, прости, Господи, как: «Батюшка, я вот после страшной жизни только обратилась. Всю ночь писала, уж простите – целая тетрадь получилась...» «Нет, – отвечает священник. – Читать мне, конечно, некогда... Каешься? Ну, иди, причащайся...» – и читает разрешительную молитву. «Батюшка, но я обязана все это вслух назвать, я уже жить не могу с этими грехами», – раздается вопль из настрадавшейся души. «Ну, ничего... – в другой раз придешь...» Но в следующий раз все повторяется сначала. И человек вновь идет причащаться – без исповеди. И так ведь некоторые люди годами, десятилетиями ходят в Церковь, без генеральной исповеди, с тяжелейшими, ни разу не названными грехами, которые не дадут душе пройти мытарства. «Несчастная наша Россия, – с великой болью говорил отец Владимир. – Ведь мучаемся за грехи наши. За трагическое и постыдное бесчувствие своих собственных преступлений...» Как же радовался батюшка, когда люди хотели каяться. Ведь он и при толпе исповедников по полтора часа исповедовал. А дома – и по три с половиной. Исплакавшись на такой исповеди, когда Бог, молитвами отца, давал назвать все, вспомнить то, что навеки забыла, произнести то, что думала, никогда

не выговорю... Изрыдавшись, уходила с этой исповеди – чувствуя в себе – Пасху! Ты становился новым, новорожденным, воскресшим для духовной жизни, человеком. Ты понимал смысл и назначение Православия – спасать душу. Батюшкиными молитвами, Бог открывал тебе, что ты – погибаешь, что ты ни в чем так не нуждаешься, как нуждаешься в спасении. Вся твоя привычная спячка вздрагивала и соскакивала с тебя. Ты бежал в Церковь на исповедь, как к матери родимой, с которой ты сто лет не виделся. Рядом с батюшкой я соприкоснулась с живой праведностью, поняла, что такое старчество.

Когда-то выписала запавшие в душу слова о наших подвижниках: «Это невероятно благодатное сочетание Любви, нежности и ласки со строгостью великой, потому что они говорят с человеком на том уровне, на котором он может вместить и понять. И всегда поднимают этого человека. И ни один человек не уходит из кельи старца – неутешенным». Отец Владимир был одним из преемников русских угодников Божиих последних десятилетий. Он жил в постоянном напряжении, в непрерывной молитве, в неустанном подвиге общения со святыми и Богом. Нам это часто было непонятно. Многие видели только, какой он легкий, светлый, веселый – что рядом с ним всем хорошо. А батюшка горел, полыхал, отдавал за каждого душу, торопился к человеку – как бросаются спасать соскальзывающих в пропасть. Вечная тебе память, любимый отец! Вечная благодарность от сердец, зажженных твоею любовью. Мы вспоминаем себя, до встречи с тобой, – потухшими, тусклыми, умирающими, если не мертвыми душами. Благодарим, что через тебя Бог повеял на нас еще на земле – дыханием Своего Небесного Царствия. И мы воочию увидели, что живем полностью не так, неправильно... И что на самом деле очень больно и горько, и стыдно так жить. Глядя на батюшку, мы вспоминали небесных жителей, которые всегда казались нам запредельно недосягаемыми, непостижимыми. Во все глаза глядя на отца Владимира, мы понимали, как высоко призвание человека. И что именно к святости призваны все мы. Нам дали жизнь для того, чтобы мы стали – святыми. Это главный замысел

Божий о людях. Другого смысла у жизни – нет! И если исчезнут люди, жаждущие быть верными Богу, во всем, до конца – существование земли потеряет всякий смысл. И наступит конец Света. «Боже, даруй, чтоб люди – желали спастись! Прости, спаси и помилуй всех, кого еще можно помиловать! Приведи к покаянию, пожалей, снизойди к немощи. Пощади и прости всех, кого еще можно хоть как-нибудь простить!.. Боже, Милостив буди нам, грешным!» – так молился отец Владимир, видевший себя первым грешником. Но именно это видение является признаком высокого духовного уровня, по слову отцов: тот, кто находится близ источника света (Бога), тому отчетливо видна каждая пылинка на светлой, омытой слезами покаяния, одежде его души. И наоборот, тому, кто далеко от света (Бога), – его грехи скрывает мрак, в котором он обитает. Как стремился батюшка рассеять сумрак нашего бесчувствия, как правило, мы все были в него погружены.

По слову преподобного Силуана Афонского, святые живут Любовью Христовой, которая есть Божественная Сила, созидающая и содержащая мир, и потому – велико значение их молитв. Святой Варсонофий, например, свидетельствовал, что в его время молитва трех мужей удерживала мир от катастрофы. Ради не ведомых миру праведников изменяется течение исторических и даже космических событий, и потому каждый святой – есть явление, значение которого выходит за пределы земной истории в мир Вечности. Святые – соль земли. Они – смысл ее бытия. Они – тот плод, ради которого она хранится. А когда земля перестанет рождать тех, кто покаянием может достичь святости, тогда отнимется от нее сила, удерживающая мир от катастрофы. В III тысячелетии – Православная Церковь является единственной твердыней, сдерживающей окончательное воцарение зла. Мир потому еще и существует, что живо Святое Православие и на земле живут праведники.

Бог не хочет ничьей погибели. Он хочет, чтобы спаслись – все мы. Спаслись – значит обрели обещанное Небесное счастье – *не видел того глаз, не слышало ухо, и не приходило то на сердце человеку, что приготовил Бог*

любящим Его (1 Кор. 2, 9). Но кто же не желает себе счастья?

Господи, помилуй!

Начинающая ходить в храм женщина говорила отцу Владимиру: «И сколько раз во время литургии – одно и то же повторяют: «Господи, помилуй». Батюшка ответил: «Вы ведь знаете главную христианскую молитву? Молитву Иисусову?» Женщина произнесла без всякого воодушевления: «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешную!» – «И представьте, есть люди, которые так молятся годы, десятилетия, всю жизнь». – «Да. Но как им не надоест? Это же приедается... Я этого не понимаю». – «А надоедает ли вам желать любимым вашим детям и себе самой – счастья?!» – спросил отец Владимир. «Причем тут это?» – «Сейчас я вам объясню. Во время литургии христиане постоянно обращаются к Богу с этим главным прошением – о помиловании. Просить у Бога Милости – значит, искать Его Царствия, которое Христос обещал подарить ищущим Его. Откуда же видно, что Милость Божия означает Его Царство? Из того, что Христос, говоря о награде милостивым, обещает, что они – помилованы будут, а в другом месте – что получат Царствие. И значит одно и то же: принять от Него Милость или наследовать Царствие. *«Блажени*, – говорит Он, – *милостивии, яко тии помиловани будут»*; а в другом месте: *рече Царь сущим одесную Его* (разумеются милостивые): *«приидите, благословении Отца Моего, наследуйте уготованное вам Царствие от сложения мира»*. Так возможно ли устать умолять Господа, чтобы любимые наши получили от Него самое великое счастье, которое мыслимо и немыслимо представить?!» Если вспомнить, что для отца Владимира любимыми были – все на свете люди, то эту фразу можно понять еще глубже.

«Нет нам дороги унывать!»

Однажды к отцу Владимиру пришел его духовный сын в состоянии тяжкого уныния. И начал жаловаться батюшке: «Не знаю, как спасаться в этом мире. На каждом шагу такое ополчение бесов, искушения, нападения...» Батюшка выслушал его до конца, а потом обнял и сказал: «Нет нам

дороги унывать!..» Потом он кратко пересказал житие Святителя Кипрского Нифонта: «Святой происходил из богатой и знатной семьи. В юности поддался разгулу страстей, но потом глубоко покаялся. Суровой жизнью укротил свои страсти и сподобился высоких дарований от Господа. Например, он видел бесов и их козни. Однажды святитель увидел беса, который в тоскливом настроении с трудом двигался к его городу (город Констанций, на Кипре). «Как ты смел прийти сюда?» – вопросил святой. Бес стал грозить святому Нифонту сокрушить его и всю его паству, но святитель ответил: «Немощной и жалкий! Ты сам сокрушен, и меня ли хочешь сокрушить! Я видел, как один подвижник боролся с вами, и тридцать ваших бесов изнемогли в борьбе с ним: кто же не посмеется над вашей немощью?!» – «Не удивляйся этому, – сказал демон. – Если бы я имел прежнюю силу, мне бы ничего не стоило уничтожить тебя. Но с тех пор, как **Иисус был распят**, я действительно немощен. Я знаю, что ты много можешь, но не делай мне зла: я уйду из твоего города и больше не стану подходить к нему!»

«Вот от какой сокрушительной силы – искупил нас Христос Господь! – отец Владимир повернулся к своему повеселевшему гостю. – Помнишь, Преподобный Серафим говорил, что самый маленький бес, если бы ему Бог позволил, мог бы одним коготком – перевернуть всю нашу планету? Вот какая великая сила – Крест Христов! Распятие Христово! Господь давно одолел всю нечисть! Есть у нас непобедимое оружие – на супостата. И сами примеры превращения великих грешников в святых подвижников – сколь ярко говорят нам о силе воплотившегося Христа. Господь только ждет от нас нелицемерного покаяния, глубокой решимости – принадлежать Ему Одному.

Читаю тебе из того же жития: «Когда в покаянии Нифонт пришел к Церкви, то явился ему «Светлый Муж», Спаситель, и сказал, объяв блаженного Своей Благодатью: «Хорошо ты сделал, что пришел сюда, скорбящее чадо Мое! **Много Я печалился и тужил о тебе. Как горело Мое сердце ожиданием, когда ты обратишься ко Мне**: вечером ли, утром ли (то есть раньше или позже). Как

радуюсь Я, как теперь веселюсь, видя, что ты обратился ко Мне всем сердцем!» Но те же самые чувства у Господа к каждому из нас!

В житии говорится, – добавил батюшка, – что Нифонт, рассказывая об этом своему ученику, – сильно плакал... И по сей день Господь ждет! Невероятно ждет Господь – каждую душу. Любит нас той Любовью, которая никому из нас не может присниться. И если мы побеждаемы врагом, дело только в нас самих. Так обратимся же к Господу всем сердцем – и Он нас непременно помилует. Никакие грехи наши, самые тяжкие, не должны служить нам поводом для уныния. Нет преступления, которое было бы сильнее искреннего покаяния. Господь радостно испепеляет любой грех – лишь бы нам не отложить покаяния.

«Святой Нифонт видел, как совершался суд на мытарствах. Одну душу задержали бесы за то, что она оскверняла себя грехами не только естественными, но и противоестественными, кроме того, осуждала ближних – и умерла без покаяния.

Ангелы спросили о ней у Ангела-Хранителя: «Правда, – отвечал он, – много грешила эта душа, но, когда заболела, начала плакать и исповедовать грехи свои Богу. И если простил ее Бог, то Он знает, почему: Он имеет власть. Слава Его праведному Суду!» Душу пропустили.

Видел он другую душу – корыстолюбивую, злопамятную и произведшую разбой. И ее хотели задержать. Но Ангелы сказали, что она исповедала грехи свои, плакала и подавала милостыню: за это простил и ее Бог.

«Если уж эта душа достойна Милости Божией, то возьмите и соберите грешников со всего мира! Для чего же нам зря трудиться?» – завопили бесы.

Ангелы ответили бесам чрезвычайно важными словами: **«Все грешники, исповедующие грехи свои со смирением и слезами, получат прощение по Милости Божией. А кто умирает без покаяния – тех судит Бог!»**

Не правда ли, знал Батюшка Серафим, что говорил, когда утешал нас: «Нет нам дороги унывать?!»

Глядя на то, как радовался отец Владимир всем и каждому человеку, я с потрясением понимала: человек создан

для радостного общения, а не для жизни в одиночку. Из батюшки сияла – радость Любви к людям.

Позже я встретила мысли об этом у глубоко чтимого отцом Владимиром святителя Иустина Поповича: *«Радуйтесь всегда в Господе; и еще говорю: радуйтесь* (Флп. 4,4) – Господь Иисус Христос, Богочеловек – единственная истинная и непреходящая радость рода человеческого в этом мире. А в Нем и Им каждый человек становится другому человеку – первой после Христа – истинной и непреходящей радостью. (Одна из мыслей при чтении Евангелия): человек есть радость человеку – Богочеловеком».

Дар Любви

Главное устремление жизни отца Владимира, как и целожизненный труд каждого праведника – есть служение той Любви, которую Господь принес нам на землю с Неба. Служение батюшки было незабываемым, потому что он отдавал себя Богу и всем нам – без остатка, потому что жил из сердцевины своей души. Батюшку отличала особенная Любовь – ко Христу. (Не имея ее – он, конечно, не сумел бы так любить людей.) Но он всегда помнил слова Спасителя: *Если любите Меня, соблюдите Мои заповеди* (Ин. 14, 15). Своей жизнью этот священник совершал самое редкое и нужное – он изменял наш путь, поворачивал его на 180 градусов – заменяя нашу любовь к самим себе – на Любовь к Господу. Вот поэтому мы узнавали рядом с батюшкой, что такое счастье. Рядом с ним мы открывали для себя – главное сокровище, смысл и цель бытия – мы открывали для себя – Бога. Не надмирного и недосягаемого, а близкого и Любящего, Которому есть до нас дело – в высшей степени. А ведь сколько несчастных от уверенности, что они никому на свете не нужны: их никто не любит и им некого любить. Но это бесовский вымысел. Ложь, всеваемая врагом рода человеческого в хрупкие души.

Вспоминаю случай из жизни святого Иоанна Кронштадтского. Однажды он сел в сквере на лавочку подле ушедшей в свои мысли девушки: «Что с Вами случилось?» – с ласковой настойчивостью и любовью спросил пастырь,

хотя внешне она ничем не обращала на себя внимания. Через минуту девушка безутешно плакала, поверяя не известному ей человеку свою душевную муку: «Я – самое никчемное существо, я – лишняя, никому не нужная, мне пора уйти из этой жизни...» Прижав к груди рыдающую девочку, отец Иоанн, как родной отец, нежно гладил ее по голове: «Наш Милосердный Господь, создавая Вселенную – не сотворил ничего случайного и ненужного. Каждый человек бесконечно дорог, важен и нужен Ему...» Долго они говорили. Девушка призналась священнику, что, сидя на этой лавочке, обдумывала, каким способом прервать свою жизнь. В эти минуты пастырь добрый воскресил для новой жизни еще одну душу. Целое Небо Ангелов радовалось о ней в ту минуту, и Сам Господь – утешался.

Как напоминает мне этот эпизод – духовные черты отца Владимира, его пронзительную чуткость к затаенной человеческой скорби. Редки на земле люди, которые способны столь дорожить любым другим человеком, как это умел батюшка. Благодаря ему я узнала, что Бог, даруя жизнь людям, для каждой души предопределил важное место. Как художник в драгоценной мозаике своего шедевра не мыслит изъять ни одного камешка, чтобы не потускнело, не утратило целостности и гармонии все произведение – так и для Бога – нет ни одной ничтожной, маловажной души. И лишь все вместе, *собранные воедино* – они вполне способны выразить гениальный замысел творения. Поэтому нужно любить каждую душу – до конца. Будем биться – за каждую душу – до конца. Это было и есть – кредо батюшки.

Духовное влияние отца Владимира – было необыкновенно глубоко. Вслед за отцом мы робко, но со всею доступной нам искренностью, перестав считать себя одинокими и несчастными, начинали обращаться к Живому Богу. Старались серьезнее каяться, стремились хоть чем-то, пусть малым, но на каждом шагу угодить, послужить Христу, Которому мы столь небезразличны, Который дарит нам минуты общения с человеком, о встрече с которым мы не мечтали. И Господь, молитвами батюшки – начинал утешать нас Своею Любовью.

Из записей отца Владимира:

«Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй нас, грешных.

Господь наш Иисус Христос – второе Лицо Пресвятой Троицы. Мы называем Его – Сыном Божиим. Но теперь, воплотившись, вочеловечившись, Он стал еще и Сыном Человеческим. Благоговейно задумаемся над этой тайной, которую приоткрывают нам святые отцы.

«Будучи безмерно выше всякой твари, которая пред Ним есть прах, земля и пепел, даже больше – ничто, Он (Господь) совершенно снизошел к ней чрез Своего возлюбленного Сына Иисуса Христа, вочеловечившегося и ставшего таким образом одною личностью с этим прахом. Ужасное дело. Так непостижима глубина Божественного смирения» (Прот. Понтий Рупышев).

«В мире существует только одно единственное явление абсолютной красоты – Христос. Все, что Православно, излучает таинственный и благой свет Образа Христова», – писал Ф.М. Достоевский.

«Почему Богочеловек – основная Истина Православия? Потому, что Он решил все вопросы, мучающие и терзающие человеческий дух: вопрос жизни и смерти, вопрос добра и зла, вопрос земли и Неба, вопрос истины и лжи, вопрос любви и ненависти, вопрос правды и неправды. Одним словом, вопрос человека и – Бога» (Святитель Иустин Попович).

Называя Себя Сыном Человеческим, Господь говорит нам о том, как невероятно призвание человека. Сколь оно высоко! (Как страшно, что мы совсем об этом не думаем: какими нас создал Бог? какими Он жаждет нас видеть – и какие мы есть на самом деле...) Ведь Христос, как это ни поразительно, во всем том, что свойственно людям (кроме греха, который не есть в природе человека, а искажение ее) – явился как подобный нам в великом Своем снисхождении. Господь дарует нам нравственный образец и идеал – Человека. И это единственный идеал – достойный этого имени. Единственный образец – для подражания. Красота и совершенство этого идеала – неодолимо влечет к Нему всех. Он пришел к нам, чтобы мы открыли,

на первый взгляд, невозможную вещь: все то, что делает Христос (мы не говорим, конечно, о том, что Он совершает, как Бог), должен стремиться сделать – всякий человек. То есть жить в безусловном и постоянном доброделании, добромыслии, доброчувствии, чистой совести – полностью предав себя в волю Отца Всевышнего, – призван каждый из нас. Господь пришел, чтобы открыть нам смысл нашей жизни. От Него мы узнали о своем Небесном призвании. Он открыл нам, что «Бог сотворил человека для Бессмертия и Вечной Жизни. Он сошел в человеческий мир и как Богочеловек Своим Божественным Евангелием преподал человеку все святые средства, с помощью которых человек может стяжать эту Вечную Жизнь. Эти святые средства суть Святые Таинства и святые добродетели. Святые Таинства: **Крещение, Миропомазание, Покаяние, Причащение, Брак, Священство, Елеосвящение**. Святые добродетели: **Вера, Любовь, Надежда, Молитва, Пост, Милосердие, Кротость, Смирение, Терпение, Прощение, Покаяние»** (Святитель Иустин Попович). Но как же осуществить нам наше высокое призвание? Нам, ежедневно погибающим во грехах?!

«Грех, прежде всего явление духовное, метафизическое. Корни греха в мистической глубине духовной природы человека. Сущность греха – не в нарушении этической нормы, а в отступлении от Вечной Божественной Жизни, для которой сотворен человек и к которой он естественно, т.е. по природе своей, призван.

Совершается грех, прежде всего, в таинственной глубине человеческого духа, но последствия его поражают всего человека. Грех совершенный – отразится на душевном и физическом состоянии человека; он отразится на внешности его; он отразится на судьбе самого творящего грех; он выйдет неизбежно за пределы его индивидуальной жизни и отяготит злом жизнь всего человечества, а, следовательно, отразится на судьбе всего мира.

Не только грех праотца Адама имел последствия космического значения, но и всякий грех, явный ли, тайный ли, каждого из нас – отражается на судьбах всего мира...» (Архим. Софроний. «Старец Силуан»)

Христос стал Человеком, взял на Себя все боли, тяготы и неисчислимые грехи человечества. И все страшные последствия – всех грехов. И вслед за этим – совершил еще одно чудо: Он открыл наглухо затворенные до сих пор для нас врата покаяния. Покаяние – главное условие нашего спасения. Покаяние – начало и конец нашей жизни. *«Христос вочеловечился, призвав к покаянию разбойники и блудницы,* – молится преподобный Андрей Критский. – *Душа, покайся, уже отверзлась дверь Царствия, и предвосхищают его – фарисеи и мытари, и прелюбодеи – кающиеся»* (Великий Покаянный Канон. Понедельник 1-й седмицы Великого Поста). Все, что Сам Господь совершил, то и со всеми сынами человеческими, с помощью Божией, с помощью покаяния, – может совершиться: победа над грехом и диаволом, Воскресение, – Вознесение на Небо, в Царство Пресвятой Троицы.

Господь назвал Себя Сыном Человеческим. То есть, Он всему миру принадлежит. *Во Христе ни варвар, ни скиф, ни эллин, ни иудей, а все равны* (Кол. 3,11). *Все, в Него крестившиеся и в Него облекшиеся – одинаково Ему дороги* (Гал. 3, 27). Он – Спаситель не только для настоящих и прошедших поколений, но и для будущих, – для всех мест и народов.

Сын Человеческий не только Сын Пресвятой Девы, а родной и близкий (ибо духовное родство во Святом Духе неизмеримо важнее и теснее телесного), «Свой» – всем, кто примет Его. *Кто Моя Мать? Кто Мои братья? Слушающие Слово Отца Моего Небесного и исполняющие его* (Мф. 12, 48-50). *Се, стою у двери и стучу: если кто услышит голос Мой и отворит дверь, войду к нему и буду вечерять с ним, и он со Мною* (Откр. 3, 20).

Господь хочет сказать нам: «Я – **ваш**, люди! **вам** принадлежу, ради **вас** пришел на землю. Пришел, чтобы освободить вас от вечной погибели, от заслуженных вашими грехами – вечных мук». (Трагическое наше заблуждение: мы не хотим воспринять, что такое грех на самом деле! – не хотим понять, сколь серьезного и неизбежного наказания заслуживаем мы за наши нераскаянные грехи!) «Я по сей день, – говорит Христос, – за **вас** предстою, за **вас**

ходатайствую пред Отцом Небесным, Отцом Моим и Отцом вашим. Делаю все возможное и невозможное, чтобы спасти вас». Спаситель защищает нас даже от праведного гнева Отца. «Со времени вочеловечения Он как бы даже больше – защищает людей. Он всеми силами старается – обелить нас перед Правдой Божией... Сын Человеческий – как удивительно это Имя нам!» (Митр. Вениамин Федченков)

Господь наш – **перенес все скорби, какие мучат человечество**. И нужду – вечно не имея, где преклонить голову; и бедность – в яслях родился... голод и хлад претерпевал. Сколько Он **терпел от людей** – их ненависть и угрозу смерти от руки Ирода, бегство в Египет... И всю жизнь: зависть и злобу – в ответ на святое служение всем и каждому – до последних Своих страданий. Он перенес **искушения от диавола** – с сорокадневного поста в пустыне до – предательства Иуды. Сколько терпел Он скорбей от сострадания к людям по Любви к ним, – бесчисленных больных и бесноватых исцелил! Он плакал над умершим Лазарем, воскрешая его... И молился до изнеможения, до кровавого пота в Гефсимании. Какие сверхчеловеческие страдания перенес Он от злобы распинателей, разжигаемых врагом Божиим – диаволом?! Какие болезни, телесные и нравственные, – биение, истязания...

Мы в действительности полностью не представляем перенесенных Им страданий. На одном клейме древней иконы изображено бичевание Иисуса трехвостными плетьми с железными крючьями на концах... Туринская плащаница оставила нам образ страстей Христовых. На теле Господа на самом деле – не было живого места. Не было места – без раны и кровоподтека. Из Своего великого благородства Господь так кротко и скромно говорит об этом в Евангелии... Представляем ли мы себе, что такое получить лютую ненависть – за святую Любовь?.. думаем ли о непомерных пытках Господа на Кресте – хотя бы в дни Великого поста?.. сопереживаем ли Спасителю всем сердцем хотя бы в часы Страстной седмицы?!

Христос молился за спасение распинателей в миг наивысших страданий. Перенес оставленность Богом, чего еще совсем не знали люди, а переживут в последние

времена... По неизреченному Милосердию Своему, Он, бессмертный, – принял и саму – телесную смерть... Все это таит бездонное для всей Вселенной и всех нас – содержание, которое мы не в силах постигнуть. Но что-то понимаем даже мы: какую неисповедимую благодарность мы должны ощущать ко Христу. И как наша душа с Ним связана.

У каждого из нас есть встреча с человеком, который сделал для нас что-то особенное в жизни. Представьте, что кто-то заступился за вас в минуту гнева начальства за совершенную вами растрату, которую вам нечем покрыть! И неожиданно появляется человек, который этот долг оплачивает, берет вашу вину на себя, освобождает вас от тюрьмы, вашу семью – от лишения крова и куска хлеба насущного. Неужели был бы на свете день и час, в который вы забыли бы – своего благодетеля? Перестали любить и благодарить его?!! Но Господь сделал для каждого из нас – неизмеримо больше. Он оплатил за нас не какую-то материальную недостачу, а сто тысяч талантов нашего долга – Творцу миров – количество грехов и долгов, которые мы ни постигнуть, ни счесть в помине не можем. Они известны одному Богу. И оплатил Христос наши с вами долги не какой-то тленной горой сокровищ – а Своей собственной Жизнью и – Смертью! И спас нас не от земной тюрьмы, хотя и она чрезмерно тяжела для нас, а от тюрьмы вечной – от муки геенской. Какой же Любовью мы должны отвечать Спасителю... Какой страшной неблагодарностью мы все недугуем!

И еще одно, дай Бог, нам понять: в самые безысходные минуты жизни – мы не одиноки, все это перед нами уже проходил Любящий нас Господь. Он проторил дорогу – облегчил любые предстоящие нам скорби, самые невероятные. И саму – нашу смерть.

И поныне Он говорит нам: «Я и сегодня с вами страдаю, ибо вы – Мои, а Я – ваш. По состраданию – пришел на землю, оставил Небо; по состраданию взял на Себя преступления ваши, чтобы по грехам вашим не идти вам в вечную преисподнюю на страшные муки; по состраданию – претерпел пытки за вас, и буду продолжать умолять Отца – Своею Жертвою».

Невероятна связь Христа с каждым человеком, **она такая тесная**, какой не бывает в мире между самыми любящими братьями, между сыном и матерью. От невозможности выразить эту близость, святые говорят: *Боже, Царю мой, Ты ближе мне, чем дыхание мое, и живешь во мне глубже, чем мысли мои* (святитель Николай Сербский).

Эта святая связь столь глубока и таинственна, что мы будем постигать ее всю жизнь – до своего смертного часа. И – за ним. ***Истинно говорю вам: так как вы сделали это одному из сих братьев Моих меньших*** (накормили, напоили, приютили, одели, посетили любого человека в больнице и темнице) – ***то сделали Мне*** (Мф. 25, 40). То есть, сколь бы ни мала была наша лепта любви – другому человеку (пусть это будет кусок хлеба, кружка воды) – Господь ее принимает как Милость, оказанную – лично Ему. Так бесценна для Него – любая душа человеческая. Так Он любит, так любуется на каждую милостивую душу. Как же радостно должно быть нам всем – делать добро.

Христос в каждом, кто уверовал в Него – **родится**, а потом постепенно *возрастает*, пока не воцарится вполне. Сам Господь перед страданиями говорил Никодиму о необходимости второй раз родиться духовно (Ин. 3). Апостол Павел добавляет: ***Кто в Христа крестился, тот в Него облекся*** (Гал. 3, 27). И напоминает нам: Страдаю за вас ***доколе не изобразится в вас Христос*** (Гал. 4, 19). Но не только духовные отцы скорбят о нас. Сам Господь страдает – доколе не изобразится в нас!

Преподобная Мария Египетская в пустыне говорила с преподобным Зосимой фразами из Священного Писания, никогда не учившись, и объясняла, что Сам Господь ее всему научил. И такое тесное единение – есть действие Святого Духа... Он сочетает христиан – с Христом-Богочеловеком и постепенно, и постоянно возобновляет Его образ в людях. Как подновляют, реставрируют иконы. Самый заблудившийся человек – просто потемневшая обветшавшая икона, которая ждет тех, кто поможет ее восстановить. Икона, которую Сам Господь так жаждет – воссоздать.

Все человечество пытается духовно родиться во Христе и болеет муками рождения. И как мучительно это бы-

вает. Всякий кающийся грешник (каждый из нас) в борьбе с ветхим своим человеком – мучается, обретая в себе то, что хочет видеть в нас Господь. А мучаемся мы по причине своей тесноты для Добра, Благородства, тесноты для – Бога. *Узок путь, вводящий в Жизнь Вечную...*

Поэтому в праздник Рождества Христова можно отмечать еще одно торжество – праздновать духовное рождение Христа в людях или духовное рождение от Христа нового Адама. Святые называют день Рождества Христова – днем рождения человечества.

И если весь мир человеческих душ – столь дорог Христу, то мы все, конечно же – свои друг другу. А во Христе – не только уже телесно (по происхождению от первых людей), а и духовно – по Благодати, мы отныне – близкие и родные Самому Богу!

Но в повседневной своей жизни мы часто чувствуем, как бесконечно далеки мы от Господа нашего. Дело в том, что нам нужна не только вера, но и подвиги за нее. Мы должны поддерживать в себе постоянный настрой на покаяние. Покаяние – не только как единичное событие после падения – а как внутренний и непрерывный подвиг всей жизни. Только покаяние полностью сближает и сродняет нас с Господом. Ибо одно единственное разделяет нас с Ним – наши грехи (Ис. 59, 2). Сегодня мне одна душенька сказала: «Я исповедалась, и какое облегчение, просветление – всю жизнь вижу иначе!» Только покаяние дает нам истинную углубленную жизнь в Господе, радость общения с Ним. Покаяние разрушает монолитную стену грехов наших. Кто-то говорит: я не чувствую, что Бог меня слышит, не ощущаю, что моя молитва пробивается к Господу. Но всем понятна сложность общения – через стену. Разрушим стену грехов наших – и узнаем бездонную Радость общения с Богом.

Будем же спасаться по-настоящему: в корне, в уме, в сердцевине. Бог сделал для нас – все, отдал нам – все. Неужели же мы не отдадим Ему на сожжение, на вечное истребление – наши грехи?! Наши грехи – главное, что Он просит Ему принести, чтобы освободить нас от врагов наших. Чтобы навсегда спасти нас!

«Христос родился как Богочеловек, чтобы нас Своим Святым Евангелием возвести на Небо и научить нас, людей – на земле жить Небом и Богом, небесной Истиной и Правдой. Они запечатлены навсегда в досточудной и незаменимой Личности Богочеловека Христа, воистину Единого Истинного Бога и Единого Истинного Человека во всем мире, видимом и невидимом, где только движется человеческая мысль, где только живет человеческое чувство и где только стоит на страже человеческая совесть» (Святитель Иустин Попович)».

Думаю о том, что сделал и продолжает делать сегодня отец Владимир для людей. Он бросает спасательный круг своей молитвы в житейское море, обуревающее нас, утопающих. Мы унываем и отчаиваемся, не понимая, что свою свирепость эти волны получают от силы наших неисповеданных, неоплаканных грехов.

При жизни батюшки делилась с ним самым сокровенным. Многие святые каждый день молились: «Господи, удостой меня причастия в мой смертный час». В Летописи Батюшки Серафима на всю жизнь в душу запало, как Преподобный утешал рабу Божию. Просил не сокрушаться, что близкий ей человек ушел в иной мир без причастия: *«Не думай, радость моя, что из этого одного погибнет его душа. Один Бог может судить, кого чем наградить или наказать. Бывает иногда и так: здесь на земле (человек) приобщается, а у Господа остается неприобщенным. Другой хочет причаститься, но почему-нибудь не исполнится его желание, совершенно от него независимо.* (Главное, всем сердцем каяться, всей душой желать приобщиться Господу). *Такой невидимым образом сподобляется причастия через Ангела Божия».**

Рассказывала отцу Владимиру, что, прикладываясь к святым вещам Преподобного Серафима, его железному кресту-веригам, части камня, на котором он молился, – обмирая сердцем, с трепетом всегда прошу: «Батюшка, не оставь меня до последнего издыхания, даруй зрение грехов моих, прими – сам – мое предсмертное покаяние, если не

* Летопись Серфимо-Дивеевского монастыря. Паломник. Москва, 2005, стр. 302

будет рядом священника, чтобы его принять... Защити мою душу от бесов в последние мои минуты – и – за ними...» И спрашивала, имею ли право, так дерзновенно просить?! И отец Владимир с вниманием сердечным отвечал: «Очень хорошо так молиться! Каждого любимого святого мы можем просить о самом главном... Можем просить обо всем, – что угодно Богу».

Несколько месяцев назад, в 2004 году, услышала рассказ о том, как отец Владимир совсем недавно принимал покаяние человека в тяжелой болезни, уже не чаявшего остаться в живых. Батюшка пришел к одру умирающего, прочитал над ним после слезной его исповеди – разрешительную молитву. «Каждого любимого святого можно просить о помощи даже в смертный час. Можно просить обо всем, что угодно Богу».

Ожидание встречи

«Отец Владимир глубоко почитал при жизни святого праведного Алексия Мечева (†22 июня 1923 г.), называя его «оригиналом своего пастырского служения». Те, кто хорошо знали отца Владимира и читали житие отца Алексия, замечали, как были похожи и близки по духу эти два незабвенных молитвенника к Богу. В воспоминаниях об отце Алексие, священномученик Сергий, сын батюшки, призывает его духовных чад не разбредаться кто куда, а оставаться вместе, поддерживать друг друга и продолжать начатое отцом Алексием дело: **служение Любви**. Ведь девиз у отца Алексия и отца Владимира был один: «Жить – Любви служить». Перечитывая эти воспоминания, мы, кажется, снова слышим голос любимого и почитаемого нами отца Владимира. И пока еще не хватает сил, слишком все свежо и больно, написать собственные воспоминания о приснопамятном батюшке, хочется поклониться ему словами этих воспоминаний.

«В богослужении заключается сила, объединяющая нас и помогающая жить духовной жизнью. И батюшка постоянно говорил нам: «Ходите в Церковь, не оставляйте Церкви». Батюшка нес огромный крест, не только свой личный, но крест, складывающийся из бесчисленных

крестов его духовных детей. При жизни батюшки мы относились к нему – ***безжалостно****. Мы нагружали и нагружали его своими грехами, и этот крест был ему особенно тяжел. Многие думали: «Вот батюшка устает от того, что есть много людей, которые хотят говорить с ним». Но батюшке было тяжело от груза наших грехов, которым мы безжалостно нагружали его. Можно взять из обычной мирской жизни такое сравнение: мы видим лошадь, и вот ее нагружают и нагружают, и хочется сказать: «Зачем? Довольно, нельзя так!»* ***Неужели же батюшкин крест останется для нас бесплодным?*** *Мы должны построить нашу новую жизнь на покаянии и исправлении наших грехов.*

...Никогда мы не переживали таких дней, как дни, связанные с моментом смерти дорогого нам батюшки. Наше сознание все время занято только одной мыслью о том, кого схоронили. Батюшка реально жил в наших душах, чтобы смерть его могла быть концом его жизни в нас. Мы плачем, мы опустили его тело в могилу, потеря для нас невосполнима, но печаль по батюшке нас не убивает – великая и сокровенная тайна единения продолжает свое существование, а следовательно, батюшка продолжает в нас жить. И пока мы батюшкины, до тех пор нет конца его жизни в нас.

Любовь и ревность о Боге не знают безысходных положений: они способны оживить даже камень, а вера в бессмертие души сбрасывает могильную плиту как с самого покойника, так и с наших сердец. Кто теряет такого человека, у того возникает искреннейшее желание собрать и сохранить все то, что только может напомнить нам его: жизнеописание, портреты, любимые молитвы...

Образ батюшки, утрачивая свою материальность, становится душою нашей жизни, принципом нашего поведения, духовным источником радости и утешения, спасающим нас от уныния.

Эта вторая посмертная жизнь батюшки в его бестелесном состоянии является гимном в честь первой его жизни. В батюшке отразилась небесная правда, красота, добро и Любовь. К тому же теперь, когда дух его более не отягощается плотию, он получает силу потушить возможное в

прошлом разъединяющее соперничество и неудовольствие между членами его духовной семьи и завязать взаимную горячую дружбу. ***Ведь любить тех, кого любил батюшка, означает Любовь к самому батюшке.*** *Теперь он больше, чем при жизни, стал нашим общим посредником между Богом и нами.*

Пожелаем, чтобы мы, батюшкины дети, собрались около него и с успокаивающей нашу трепетную душу радостью услышали бы дерзновенный голос самого батюшки, обращенный ко Христу: «Вот я, а вот мои дети!» Да будет! Аминь.

Трогателен и проникновенен был батюшка, прост и любвеобилен. Память о нем и сердечная привязанность к нему стали непрестанными и верными спутниками в нашей жизни.

Батюшка смертью своей утверждает нашу веру на Небе. Слава Богу, что в наши дни усталости и измученности Господь продолжает посылать к нам на землю Своих Ангелов во плоти, озаренных целителей душ.

Своим духом батюшка поспешил к Горнему Иерусалиму, чтоб и там встретить нас на тяжелых и страшных путях загробных мытарств и так же любовно, жалостливо и с лаской пойти с нами – расплачиваясь своими молитвами за наши грехи».

Батюшка, отец Владимир, вечная тебе память, родной!

Духовный сын отца Владимира Феодор,
послушник Зосимовой пустыни».

АРСЕНИЙ

Мы носим в себе малый пламень, общий с вечным Божественным пламенем. Ибо «создал Господь Бог человека из праха земного и вдунул в лице его дыхание жизни, и стал человек душею живою». И хотя телом мы ползаем по земле с насекомыми, этим пламенем мы связаны с Небом и Вечностью.

Святитель Николай Сербский

Воспоминания матушки Ирины: «С раннего возраста сына удивлялась тяге Арсения к службе и игре во все «иконное». Когда я пошла учиться в Лавру, ездила полгода на курсы, изучала устав церковный, историю Церкви, приходилось отсутствовать целый день: рано утром уезжала, вечером поздно возвращалась. Дети часто оставались одни в закрытом доме. Мы жили в Подмосковье, у нас было полдомика. Возвращаюсь вечером, подхожу к дому и думаю: «Чем занимаются мои дети?» Иду к окошку. И вижу: двухлетняя Лидочка облачена в мою шерстяную черную кофту до пола, Арсюша поставил ее повыше. На нем так же – типа мантии, другая черная кофта. Лида держит в руках самодельное кадило, и Арсюша говорит: «Отец Леонид, благослови». Чаще он был иереем, а она дьяконом. Службы были бесконечными и доставляли массу удовольствий. То они кукол крестили, то отпевали, одна треба переходила в другую. Сохранилась «мантия», сшитая Арсением из кусков черной материи – с крестом на спине. Наверное, прочел, как прежние монахи сами шили себе одежду. Принес мне ножницы: «Сделай мне, пожалуйста, крест».

Я вырезала крест из красного бархата, и он его старательно пришил.

Однажды отправила его в деревню к бабушке Лиде, и она, когда я к ним приехала: «Да что ж вы сделали с ребенком? Все дети на улице бегают, а у этого бесконечные служ-

бы! Как с утра «бу-бу-бу» зарядит, и без конца он служит: кадит, читает, бубнит, книжки листает...» Это буквально с пяти-шести лет. Между детьми четыре года разницы. Как только Лида начала ходить, она уже была посвящена в такие высоты... Столь высокого ранга удостоилась, как «дьякон». И почему-то называлась «отец Леонид». И были у них постоянные службы, службы, хотя отец Владимир еще не был батюшкой, и мы просто ходили в храм.

В Рижском монастыре Арсений очень стойко выдерживал все службы монастырские длинные, там и спал на коврике. Недавно вспоминала знакомая монахиня: «Не забуду, как вы к нам приезжали, и Арсений стоял-стоял, потом уже от недостатка сил глазки слипались, и он прикорнет где-то у иконочки, потом коврик принесут, и он поспит маленечко...» Так что к монастырским службам был привычен лет с четырех-пяти.

Помню, приехала по благословению духовного отца петь на освящение храма Николая Чудотворца. Его восстанавливали духовные чада батюшки. Не было регента, и отец Петр благословил меня провести службу... Я была в растерянности: никогда не регентовала, чисто теоретические у меня знания, а тут практика... Очень волновалась, все время ходили в храм смотреть, насколько дело подвигается к освящению. Сын был со мной, и первый, кто начал там ектеньи произносить, был Арсений. Он пошел в алтарь, еще не освященный, и оттуда раздалось: «Миром Господу помолимся...» Все говорили: «Вот наш первый батюшка!» Шестилетний «батюшка» все ектеньи знал наизусть: «о свышнем мире...», «о спасении душ наших...», «о благорастворении воздухов...» и так далее, все это он шпарил с самым серьезным видом.*

Потом начался период нашего пребывания на дивеевской земле и реставрация храма в Череватово. И Арсюша, конечно с папой, принимал самое активное во всем участие. В восстановлении алтаря – тоже. Помню, будущий

* Монахиня В. рассказала, как была вместе с семьей отца Владимира в полуразрушенном храме в окрестностях Дивеева: «Арсений немедленно начал «служить». Такой маленький мальчик, казалось, он мог воспроизвести всю всенощную. Матушка Ирина: «Он знал наизусть и литургию, но это «служение» мы ему запретили».

отец Владимир рисовал, как все это будет: очертания иконостаса, расположение дверей... Потом все выпиливали, резали резьбу, и Арсюша помогал.

Недавно мне Лидочка рассказала эпизод из своего раннего детства: «Мы жили в Череватово, Арсюша учился в первом или втором классе, а меня ты, уходя по делам, оставляла у одной бабушки. Арсюша пришел из школы, забрал меня домой, и мы тебя ждали, выглядывали в окно. Долго играли, покушали, что ты нам оставила. Все позже и позже становится. Уже к полуночи, а тебя нет. И вдруг Арсюша начал так рыдать. Он больше не мог сдерживаться. Он плакал, кричал: «Что-то случилось. С мамой что-то случилось! Где мама?» – плакал невозможно. А я маленькая, смотрю на него и вслед за ним – в слезы. Сама плачу вовсю: «Арсюша, не плачь!» А он места себе не находит. Потом вскрикивает: «Лида, где у нас акафисты?» Папины книжки мы все повытаскивали, нашли гору акафистов. Арсюша мне: «Ищи спички, свечку!» Зажгли ее в папином молитвенном углу, у аналоя. Обложились акафистами и – подряд читать. Он: «Давай сначала Господу, потом Матери Божией, Батюшке Серафиму...» И так молились». Я пришла, застала их за этим занятием. Совсем маленьким Арсюша уже обрел опыт: в любых напастях единственное лекарство – молитва.

Среди бумаг Арсения нашла маленькую тетрадочку восьми-девятилетнего сына, 5x5 см, которая разрисована цветами и деревьями. Текст и рисунки – разноцветными фломастерами. На обложке надпись **«Стихи и размышления»**. На внутренней стороне обложки: *«Все здесь написанное посвящается р.Б. Елене* (моя знакомая, которая очень любила Арсюшу) *от грешнаго и недостойнаго Арсения»*.

На пятнадцатой странице: **«Размышления о животных**. *И попугайчики, и волчата, и медвежата, и даже грызуны мышки – все для меня одинаковы, и всех я люблю одинаково. Потому что они все вместе – добрые, беззащитные существа. Например, попугайчика обидит кошечка, а ее обидит собачка, всех кто-то обижает. Поэтому мы ведь цари над животными и должны защищать их. Я вот, например, не могу пройти, не погладив собачку или кошечку. Я*

не позволю кому-нибудь обижать своих пернатых или пушистых друзей. У меня слезы навертываются на глаза при виде этого. И всег-да у меня в мыслях, что и я создан царем над животными. Я напишу тебе, что я очень люблю животный мир!

Размышления о природе. *Моя любимая природа. Леса, поля, луга, – все, что меня окружает, даже незнакомые – все это мне кажется родным. Мое достоинство в том, чтобы охранять природу. Если вглядеться в нее, то увидишь множество красивых, непередаваемых оттенков, красок, в которых содержится хоть маленькая, но все равно горячая капелька любви. Любви к цветку, солнышку, всему, что нас окружает. В следующий твой приезд я покажу тебе любимую мною вазочку с засушенными цветами. А может, даже и подарю ее тебе.*

О дереве береза. *Какое прекрасное дерево береза! Да и звучит это слово удивительно. Ведь это дерево украшает нашу землю. Недаром на Руси ее очень любили. А я это дерево прозвал «голубым глазом земли». Не раз мне снились удивительные сны про березу. Прошу всех, кто будет читать эту запись, при первой же возможности помочь этому дереву! Если вдруг вы увидите мальчиков, которые режут березу, пытаясь добыть себе сока, или из березы течет сок, то забинтуйте ее, чем можете. Или тряпочкой, или, по крайней мере, платочком. Так усердно прошу вас, потому что очень люблю это деревце!*

Пчелки. *В этой записи я хочу сказать о трудолюбии этих насекомых. Эти замечательные насекомые очень полезны для нас. Если бы не было пчелок, то мы бы не ели мед. Если хорошо знать жизнь пчел, то можно понять, как устают они за весь день. Ведь они в летние дни трудятся с утра до вечера. Пчелки вырабатывают из вощины мед, а из воска делают так называемые амбарчики, в которых хранят для нас свой мед. Но некоторые злые люди разоряют их сооружения. Как жалко этих старательных пчелок! Жалко, потому что они строят, а у них все-все разоряют. Они столько хорошего делают человеку!*

Много чего можно узнать о жизни пчелок. Плохого редко когда узнаешь, а хорошего очень-очень много! А я

хочу написать, что пчелки – это самые умные и трудолюбивые насекомые на нашей земле! Их можно назвать и животными от слова «жизнь», но мы называем их по-городскому: насекомыми. Всегда охраняйте жизнь пчел». Весь текст снабжен твердыми знаками.

Из Арсюшиных тетрадей чуть более позднего возраста:

В деревне летом.

Какое блаженство быть летом в нашей деревне у бабушки! Сколько зелени, фруктов и овощей! Идешь, бывало, по саду и боишься ступить – какое-нибудь растеньице сломать. Плывут облака. Беспечные пташки летают под небом. На лугу, завидев человека, мычат телята. Где-то далеко раздается шум приближающейся телеги...

На Ш моя фамилия,
На А меня зовут,
На Л сестричка милая,
На Ф мой лучший друг.

Зима

Зима, снежки, салазки,
Глубокие сугробы.
Лежу, читаю сказки,
Смотрю я на дорогу.
Снежинки кружатся играя,
И ветер, громко завывая,
Трясет деревья...
А снег тихонько падает на землю...

Русь

(воспоминания о древней Руси)

Как на нашей Руси славной
Православный люд кишит.
Вот и Князь наш, самый главный,
В Церковь Божию спешит.
Колокольный звон чудесный
Всех зовет на день воскресный!

Родной природы дикий лес

Родной природы дикий лес,
Люблю его шуршанье,
Его красоты до небес,

Очей очарованье!
Люблю вороны крик пустой,
И шорох каждого зверька,
И вижу часто над собой
Синичку или королька.
И все прекрасно в этом лесе –
Зимой и летом он чудесен.

(Арсюшка).

Наталья Григорьевна, учительница музыки детей отца Владимира: «Первое знакомство с этой семьей – встреча с Арсюшенькой. Благодаря ему, мне захотелось познакомиться с матушкой Ириной и батюшкой Владимиром. Давно это было, восемь лет назад. Я только приехала в Большое Череватово, устроилась в музыкальную череватовскую школу и проводила первые уроки. Привезла свое фортепиано. Детям играла, если верно помню, кусочек седьмого вальса Шопена, часть полонеза Огинского, вот такую музыку. Они слушали со вниманием. И говорю: «Детки, а теперь поделимся друг с другом: какие образы, какие мысли на вас навевает эта музыка?» Все глазки на меня смотрят и молчат. «Ну что, деточки, никто ничего не скажет?» И мальчик один, я ему: «Ну, скажи». Такой вот худенький, глаза живые, яркие горят. У кого-то из бардов есть: «на лице живут глаза». Бывает, заходишь в класс: «Ну нет, нет тут живых глаз». А иногда только одна пара глаз. Но это очень редко, поверьте мне как учителю. Казалось бы, детству должна быть свойственна радость бытия, но сейчас это тоже нечасто. Даже от детей нет ощущения жизни. Вот у этого мальчика оно было. Я обратила на него внимание: «Ну, скажи». Тогда меня поразило его тонкое, поэтическое восприятие музыки. Он говорил: «За окном сильный ветер гнет ветви, летят листья и одна птица. Она сопротивляется, борется с ветром...» Живая картина: он дома в тепле, а за окном ветер, непогода, и эта одинокая птица. Как будто вся природа восстает против крохотного создания. Но она слабыми крылышками пытается прорваться к свету. Семилетний мальчик сидит за партой. Ему грустно, печально, он участвует в боли другой души. Неужели она может быть понятна, близка ему? Сопереживание. Это

вообще ему было свойственно – всеучастие. Музыкален был необыкновенно. Так он сразу запомнился. «Кто это? Вроде бы не местный, что же это за ребенок?» – «Да, вот приехали, Володя, журналист, и Ирина, скрипачка, консерваторию закончила». Думаю: «Скрипачка!» Как музыкант, я, конечно, заинтересовалась. Тогда было очень сложно прижиться. Мы только приехали с мамой, всем новые, чужие. Быть может, в профессиональном смысле какой-то диалог? Мы познакомились. Изредка гуляли вместе с матушкой Ириной и детьми. Арсений был необыкновенно восприимчив, тонко, чутко чувствовал природу. Всегда открытый, непосредственный.

Удивительно, он изучал греческий язык. Мама моя все хотела в Иерусалим – в паломничество, помолиться. Арсюша: «Наталья Григорьевна, давайте я вам записку на греческом напишу». Вся наша обыденная жизнь и – греческий язык. Его всегда отличало стремление к знаниям. Любил русскую историю, старину, все дореволюционное. Рубашки-косоворотки, узорные пояски – народное творчество, рукоделье, самобытную русскую речь.* Литературу, книги по истории Отечества. И в то же время он был не то, что какой-то засушенный. Живой, как бьющий родничок – весь в движении. Бывают детки осторожные. Он весь – открытость, стремительность. Всегда думала: это непростой мальчик».

Матушка Ирина: «Недавно кровельщик, который крыл храмовую кровлю в Череватово, рассказал. Они с напарником сидели наверху купола, крыша была полностью вскрыта... «Вдруг, – говорит, – изумлению нашему нет предела: снизу появляется – как уж он туда проник! – головка шестилетнего Арсения, который идет по краю купола. Мы просто онемели, вцепились в свои железки и

* Матушка Ирина: «Среди рукописей Арсения нашла текст с надписью: «Тетрадь подлинно русских слов». Каждое слово – с современным аналогом, помечено двумя-тремя буквами: редко употребляемое, простонародное, местное, устаревшее, разговорное. У него были лингвистические способности. Кто-то прочил его на филологический факультет. Всегда внимательно прислушивался, когда я разговаривала с интересными людьми. Восхищался образностью русской речи. Наследственная (от отца) чуткость к слову. Мог бы выучить несколько языков».

оцепенели: идет к нам по самому краешку, балансируя. «О, Боже, мы сейчас костей не соберем!» Он спокойненько доходит до нас, мы его хватаем в охапку: «Да ты что! Да ты знаешь, что ты мог упасть?!!» И потом мы с огромными предосторожностями в течение часа его спускали». Памятный случай... Он пробалансировал на такой огромной высотище, как-то туда пробрался... Бесстрашный был мальчишка. И Бог его хранил».

Духовный сын отца Владимира Николай: «Однажды Арсюша, ему было лет десять, подбегает ко мне: «Там мальчик потерял два рубля и страшно плачет. Никак не может найти. Я не знаю, как ему помочь. Господи, что бы придумать?! Он ищет и так плачет...» – «Лучше всего взять два рубля, незаметно положить куда-нибудь в траву. Сделать вид, что ищешь вместе с ним и как будто – найти: «Смотри скорей, вот твои деньги!» Лицо Арсюши загорелось благодарным восторгом. Принимая у меня два рубля, он говорил: «Как это замечательно. Мы так все и сделаем!» Операция удалась блестяще. Не знаю, кто больше был рад: хозяин обретенной пропажи или Арсений».

Рассказ раба Божьего Леонида: «Однажды я приехал в Дивеево к Новому году. Зашли мы к отцу Владимиру. Думал я о своих проблемах и планах, и из-за всяческих забот имел самый серьезный вид. А тут вдруг батюшка вынимает откуда-то наряд Деда Мороза и начинает его ко мне прикидывать: «Давай-ка, мы с тобой сделаем одно дело...» Без большого удовольствия я догадался, что мне придется все это надевать. И хотя в детстве Новый год всегда рождал фантазии, в настоящее время я был далек от веселья. А тут батюшка со своими идеями массовика-затейника. Все это казалось столь несовместимым с духовной жизнью. Одновременно появилась мысль: «Может быть, вспомнить, как все это должно быть по-настоящему, как это было в детстве?!» И я почти с охотой начал одеваться. Батюшка нарядил меня, вручил мешок с подарками, дал в руки посох, которым стала обычная палка соответствующего размера. Я человек долговязый и, представив себя со стороны, улыбнулся своему представительному виду. Батюшка сказал:

«Ну, пошли». А шли мы очень долго. Он пояснял, что я должен сделать, что говорить детям. Между делом ободрял меня шутками: «Ну, вот: Дед Мороз – со Снегурочкой!» – явно намекая на себя. Мела метель. Мы шли так долго, что я уже начал входить в роль. Особенно когда, вслед за батюшкой (он был великолепным суфлером), – я поздравлял всех встречающихся на пути. Я никогда так долго не ходил по Дивееву. Оказывается, мы шли в соседнюю деревню. «Вот эта изба! – заулыбался батюшка. – Ты зайдешь, отдашь подарки детям и что-нибудь от себя добавишь. Я подожду тебя здесь». Признаться, я очень переживал. Одно дело, когда мы с батюшкой кричали: «С Новым годом!» – всем встречным. Все очень радовались и провожали нас заинтересованными взглядами. Поежился, думаю: «Тут-то хорошо с батюшкой, а как там одному...» Отец Владимир застучал в окошечко. Кто-то выглянул: «Ну, теперь иди сам». Батюшка остался на улице, причем очень легко одетый. Я зашел. Меня встретила молодая хозяйка с несколькими детьми. Я пою вообще тенором, но тут постарался изобразить старческий низкий голос. Молитвами батюшки, все прошло удачно. Маленькие встретили меня с радостью, те, что постарше – с подозрением. Вытащил я из праздничного мешка подарки, вручил детям. И в конце так вошел в роль, что когда мне предложили чаю, ответил, что меня ждет еще много-много детей, и вообще Деду Морозу горячего чаю – не полагается. Что-то такое я сморозил и с радостью побежал к родной «Снегурочке». Возвращались мы довольные и веселые, особенно я – с чувством исполненного долга. (Но только теперь, годы спустя, я понял, что все это батюшка сделал для меня, так трудно идущего на общение с людьми и с ним самим). Я ощутил доверие взявшего меня в разведку старшего боевого товарища.

Когда мы подошли к батюшкиному дому и вошли в сени, он сказал: «Теперь очередь Лидусика и Арсюши. Ты подойди со стороны сада к их окнам, правда, там много – сугробов... и постучи в окошко, они обязательно выглянут – и ты им кинешь в форточку подарки». (Детям было, кажется, шесть и девять лет). Постучал я, к стеклам прильнули две головки с яркими глазами, распахнули мне

форточку, и я вопросил важным голосом: «Здесь живут Арсюша и Лидочка?» Они с радостью общения с настоящим Дедом Морозом закричали мне: «Здесь, здесь!!!» После короткого диалога я подал пестрые мешочки на конце своего посоха одному и другому в руки. И перепрыгивая через сугробы, с развевающимися фалдами, стремительно убежал. Батюшка встретил меня в дверях очень довольный. И весело рассказал о восхищении детей и как Арсюша выпалил: «Вот это да! Словно на крыльях улетел!» Это было для меня самым большим утешением.

Такая неутомимость была у батюшки, что и летом, и в зимнюю пургу – он размораживал, он оттапливал наши души.

Вспоминаю любовь Арсюши к Рождеству и сербским святым, перечитывая святителя Николая Сербского:

Малышу, который просил рассказать рождественскую сказку

Расскажу я тебе сказку, которую услышал от православных арабов из села Бетджала, близ Вифлеема. В давние, давние времена, задолго до рождества Христова, жил в Вифлееме человек, по имени Иессей, сын Овида, внук Вооза и Руфи. Было у Иессея восемь сыновей; самого младшего сына звали Давид. Был он пастухом, пас вифлеемских овец. Священное Писание говорит, что был он отроком стройным, светловолосым и красивым. Был этот молодой красивый пастух удивительно сильным и храбрым: если лев или медведь похищали овцу из его стада, он легко настигал зверя, вырывал ее из кровожадной пасти и убивал похитителя. Итак, был наш Давид воистину добрым и верным пастырем белоснежного своего стада. И отца своего почитал, как велит Господь.

Часто ночевал он в поле, на широкой земной постели, укрытый златотканым покрывалом звездного неба. Но то, что расскажу тебе, произошло не в поле под звездами, а в одной каменной вифлеемской пещере.

Выдался однажды очень жаркий день (такие дни не редкость в этой восточной стране). Овцы Давида улеглись в тени маслин. Солнце жгло немилосердно, и овцы стонали

от жажды. Мучился от жажды и Давид. Вошел он в одну пещеру, чтобы укрыться от зноя и отдохнуть. В этих пещерах прохладно летом и тепло зимой. Войдя в пещеру, молодой пастух сел на камень, но дремота одолела его, и он прилег и заснул. Только сон был недолгим: сквозь сон Давид почувствовал на теле что-то холодное, вздрогнул и проснулся. Открыв глаза, он увидел, что мерзкая змея свернувшись на его груди, обвилась вокруг рук! Вот подняла она над лицом его свою плоскую голову и злобно, не мигая, смотрела на отрока горящими, как уголь, глазами. Давид содрогнулся от ужаса. Положение его было отчаянным, спасения, казалось, не было. Стоит ему шевельнуться — змея вопьется в него и прольет ему в кровь свой яд. О, насколько легче было ему бороться с рычащим львом или ревущим медведем, чем с этим ползучим и цепким гадом!

Что делать? И тут Давид вспомнил своего неизменного помощника в бедах, своего Господа, и возопил всем сердцем, полным боли и слез: «Не оставь меня, Господи Боже мой, не отступи от меня! Поспеши на помощь мне, Избавитель мой в стольких бедах!». Лишь произнес он эти слова, как необыкновенный свет засветился в углу пещеры. Свет имел форму круга, высотой в человеческий рост. Посреди этого сияющего круга Давид увидел прекрасную Отроковицу с ласковым и серьезным лицом. Отроковица села, голова Ее чуть склонилась к Младенцу, Которого Она держала на руках: такого Прекрасного Младенца сын Иессея еще никогда не видел. Вдруг Ребенок выпрямился в объятиях Матери и зорко посмотрел на змею очами, подобными двум молниям. И перстом указал ей на выход из пещеры, словно повелевая исчезнуть. Вскочил Давид и пал ниц пред Отроковицей и сияющим Младенцем. Он хотел поблагодарить Их за нежданное спасение, но только было отверз уста, глянул и — никого не увидел. После этого вся пещера наполнилась каким-то чудным благоуханием, напоминающим аромат самого дорогого ладана или смирны.

До последнего дня своей жизни Давид не мог забыть это чудесное явление. Вознесенный Господом от пастушества на царский трон, он всегда помнил об этом чуде. Уже будучи царем, он написал две богодухновенные песни —

одну Прекраснейшему из сыновей человеческих, а другую — Царице в позлащенных ризах. И, играя на арфе, пел эти песни в высокой башне своего Иерусалимского замка.

А ты, малыш, угадай поскорее: что это за пещера? Что означает ужасная змея? Кто эта Отроковица? Кто Младенец? Я подскажу тебе радостным приветствием: Христос родился!»

Матушка Ирина: «Когда мы переехали в Дивеево, наверное, класса с пятого, Арсений начал ездить в Гороховец. Там мальчики стали послушничать, и он ежедневно писал мне дневник: «Мама, ты, конечно, не можешь видеть, как тут подвизаюсь, а я тебе тоже не могу писать каждый день, поэтому буду вести дневник». И тщательно записывал каждое событие своей жизни, все, что он делал.

Отрывки из дневника Арсения

Весна. Мои воспоминания о поездке в Свято-Гороховецкий монастырь.

30.03.97. Воскресенье. Мамулик! Спешу сообщить тебе радостную вещь! В монастыре, оказывается, тоже поют знаменным!

Сегодня я, с Божией помощью, причастился. Все очень хорошо! Сплю в Фединой и Вовиной келье, звоню на колокольне, слежу за подсвечником. Это пока мои первые послушания. Сегодня собирались пойти с Вовой на скит, через реку, не знаю, как Бог даст. А еще я познакомился с послушником Колей, который собирается ехать в Иерусалим. Никак не могу прочесть за тебя 19-ю кафизму, прямо искушение какое-то! Ведь ложусь поздно, а тут еще часы перевели! После вечерни сразу в храм на правило, вроде недолго, а там глянешь на часы, уже 10-й час, куда там молиться! Но пяточисленные без изменения читаю! Хоть ты там умри, но прочту!!! Встаю рано, полседьмого, до полунощницы нужно еще успеть зажечь лампады, да ко всем иконам приложиться. Первый день пока благополучен, не знаю, как дальше будет. Все, что ты сказала, я выполняю, ем сухарики, пью водичку, переодеваюсь, покупаю свечки, читаю книжечки, молюсь, смотрю на

фотографию, где ты с папой!

Правда, деньги у меня быстро кончились, купил всего 3 свечки за 1.500, еще оставалось 500 руб., но когда я выходил из храма, там сидел нищий, и я отдал то, что у меня было. Так и нужно делать. «Блажени миротворцы, яко тии сынови Божии нарекутся». А я хочу быть сыном Божиим, поэтому я и подал.

31.03.97. Понедельник. Мамочка! Сегодня Господь Бог наш проявил Свое милосердие ко мне грешному! Дело в том, что отец Илия поставил меня на клирос, и я читал там кафизмы! А вдобавок я подружился с инок. Пантелеимоном. Он такой хороший!

Звонила Наталья Владимировна, думаю, она уже тебе все рассказала. По телефону она меня спросила, не голодный ли я? Ответил, что нет, но на самом деле все мои запасы, которые ты мне оставляла — кончились, осталась только одна головка чеснока, и тот скоро съем. Не знаю чего делать. Может, из трапезной сушку стащить?..

А вообще мне тут очень нравится! Тут такие красоты, а на скиту! – просто благодать!!! Бог даст, еще приедем. Я с удовольствием, а ты?!

*01.04.97. **Вторник**. Мамулечка! Сегодня у меня первое послушание на улице! Правда очень грязное, но ничего, Господь потом это вменит.*

**Мама, прости меня, пожалуйста. Когда я катался с горки, точнее спускался с нее, там было место, где растаял снег, я упал и проехал курткой по этому месту, а там торчали ветки (сухая трава), и я зацепился за них и порвал куртку, а потом матушка Нина зашила мне дырки.*

*(*Трагическое событие).*

+Твое благословение я исполнил! Подал записки о упокоении! (о здравии только в субботу). Так приятно слышать, как поминают наших родных!

(+Радостные события).

В этот же день я подумал и ужаснулся, сколько грехов мы творим в день, а главное, Господь же дает время на покаяние, а я даже и не задумывался об этом!.. Как страшно! Ведь всего один грех добавить на весы – как ты

уже в аду!!! Поэтому мне надо обязательно помнить об этом. Ибо наступит время, когда... по звуку труб Ангелов, тела умерших воскреснут на Суд. Земля и море будут отдавать своих мертвецов... и... от Престола Божьего с шумом великим потечет река огненная, все сжигающая, и сольется на западе в огненное озеро, куда будут ввержены грешники и сатана с аггелами своими. И там будет мука вечная... Да будем всегда держать в уме эти фразы».

У Арсения, несмотря на его невероятный темперамент, было большое тяготение к переписыванию святых текстов. Очень любил свяоотеческие книги, высказывания пустынников и другие духовные изречения. Одна его толстая общая тетрадь подписана: «Первый том». Он начал и второй, где семьдесят пять цитат. А в первом – около семисот. Каждая выписка под номером, имя святого отца. Он очень ценил это занятие. Я ему говорила: «Ты у меня Нестор Летописец, что ли, будешь? Просто писец у нас в доме завелся. И не надоедает тебе переписывать?!»

Из записей Арсения

Преподобный Антоний Великий: *«Бог благ и бесстрастен и неизменен... Когда мы бываем добры, то вступаем в общение с Богом – по сходству с Ним, а когда становимся злыми, то отделяемся от Бога – по несходству с Ним. Живя добродетельно – мы бываем Божиими, а, делаясь злыми – становимся отверженными от Него; а сие не то значит, чтобы Он гнев имел на нас, но то, что грехи наши не попускают Богу воссиять в нас, с демонами же мучителями – соединяют. Если потом молитвами и благотворениями снискиваем мы разрешение во грехах, то это не то значит, что Бога мы ублажили и Его переменили, но что посредством таких действий и обращения нашего к Богу,* ***уврачевав сущее в нас зло****, опять соделываемся мы способными вкушать Божию благость»* (Добротолюбие, т. 1, наставление 150).

Н.И. Пирогов (врач): *«Смело и несмотря ни на какие преследования, всякий христианин должен утверждать,*

что никому из смертных невозможно было додуматься и еще менее дойти до той высоты и чистоты нравственного чувства и жизни, которые содержатся в учении Христа. Нельзя не почувствовать, что они – не от мира сего. Веруем, что основной идеал учения Христа по своей недосягаемости остается вечным и вечно будет влиять на души, ищущие мира через внутреннюю связь с Божеством. Мы ни минуты не можем сомневаться в том, что этому учению суждено быть неугасимым маяком на извилистом пути нашего прогресса».

Эти бедные селенья,
Эта скудная природа –
Край родной долготерпенья,
Край ты русского народа!

Не поймет и не заметит
Гордый взор иноплеменный,
Что сквозит и тайно светит
В наготе твоей смиренной.

Удрученный ношей крестной,
Всю тебя, земля родная,
В рабском виде Царь Небесный
Исходил, благословляя.

Ф.И. Тютчев

Вся келья у него была в маленьких бумажках с цитатами, и он любил во время молитвенного правила периодически смотреть на эти изречения. Например: *«Смех на молитве – признак помрачения ума»*. Ведь его мог одолевать иногда и смех, и ему сразу нужно было вспомнить, признаком чего он является. Перечитывал и вразумлялся.

А с пятого класса началось увлечение греческим. Не помню, что было началом... По-моему, ему подарили кассеты с греческим богослужением. И он стал слушать и быстро выучил все «кириэ элейсон», все ектеньи, повторял их прямо в унисон службе. Потом пошли книги. Ему подарили служебник, параллельный: на русском и греческом. Затем учебник по грамматике, потом древнегреческий. После нашей поездки в Иерусалим, он твердо решил, что будет учить новогреческий: хочет общаться. Был у него

период пристального внимания к Сербии, когда началась война. Папа наш очень молился за сербов. Как-то оттуда приехал знакомый, Арсюша: «А мне бы иконы сербских святых!» Тут же подарили ему царя Лазаря, еще одного святого... Большие такие иконы, он поместил их в свою келью, хотя там, кажется, места уже не было.

И привезли ему сербский разговорник.

Недавно нашла у него блокнотик с надписью: «Мой грешненький блокнотик, в котором я записывал слова из некоей части моей жизни». Это были попытки приучить себя к малословию. Неделя по дням: понедельник, вторник... Все свои слова он скрупулезно фиксировал. В первый день произнес девятнадцать слов с припиской «Справился!». Потому что хотел, чтобы у него было не больше двадцати слов в день. Там фразы типа: «хочу кушать», «мамулик», «ой», «не надо», «пойду спать», все под номерами. Во вторник он сказал побольше. И до субботы все тщательно записывал. Самое большое число, помоему, шестьдесят слов.

Арсению было лет 10, это период после перенесенного батюшкой дифтерита. Мы поехали в Киево-Печерскую Лавру, где Арсюша остался под огромным впечатлением от пещер. Он говорил: «Зачем вообще выходить наверх, мама? Зачем выходить наверх? Тут же все есть, тут алтарчик, где можно служить. Там наверху так плохо, вот бы здесь прямо и жить». Его посетили такие духовные переживания, что ему не хотелось возвращаться на поверхность, была жажда в этой святыне остаться. Его умилили эти маленькие алтари, пещерные церкви, все такое миниатюрное, кельи преподобных, которые не намного больше, чем раки с их святыми мощами. Силу этой благодати он почувствовал, и столь она была притягательна для его сердца. Пещеры произвели на него самое сильное впечатление. (Один послушник, узнав об этом после смерти Арсения, сказал: «Сколь серьезные молитвы были излиты за эту душу! Как отец, бывший по существу монахом, хотел, чтобы монахом стал его сын»).

После этой памятной поездки мы были в Лавре преподобного Сергия и в Переделкино, где каялись архимандри-

ту Кириллу. Арсюша ликовал: «Мама, какой же батюшка Кирилл! Как он меня исповедовал! Я ему все открыл. Что никому не мог! Все сказал батюшке, все!» Оказывается, дети подговорили его курить. Он тайком покупал сигареты и боялся нам сознаться. А перед старцем так душенька открылась, что он весь сиял, крылышки выросли. Был самый счастливый: «Какой батюшка!» И еще «Богозданные печоры», эти пещеры... Вернулся обновленный. После этого он пережил большой молитвенный подъем. Писал в письмах: *«...еще пыла не потерял, еще хочется мне молиться, еще держусь...»* – отчитывался после монастыря. Это 1995 год, Арсению 10 лет. Он приходил из школы, бросал портфель: «Сколько читать! Еще мне сколько читать: и Псалтирь, и Акафист Божией Матери, Батюшке Серафиму и Николаю Чудотворцу, столько дел...» И начинал молиться.

Он молился. Однажды сказал: «Мамочка, а Матерь Божия помогла мне выучить Ее акафист наизусть». Сохранилась его записная книжечка этих времен, и в ней: *«...но пяточисленные, мама, я неопустительно. Хоть умру, но пяточисленные я буду читать, потому что, ты же знаешь, какие обетования нам дает Господь на прочтение этих молитв»*. В своем дневнике он говорит о Страшном Суде. Страх Божий его содержал».

Диакон Алексий: «Несколько лет назад (Арсению 11-12 лет) мы с другом, оба алтарники московского храма, приехали к отцу Владимиру в Дивеево. Он оставил нас ночевать в своей келье. Не помню, чем провинился сын, только батюшка был внешне строг к нему. И послал Арсюшу в святой угол, в качестве наказания и вразумления сделать, кажется, тридцать земных поклонов с Иисусовой молитвой. Чтобы ему было более стыдно, он должен был совершать их при нас, посторонних людях. На следующий день разговаривали с провожающим нас Арсением. Меня поразило, что в нем не было никакой обиды и ропота, что так естественно для детей. С простотой и серьезностью он обвинил себя за бывшее и, прощаясь с нами, произнес: «Прошу вас, помолитесь обо мне».

Матушка Ирина: «Мы посетили перед батюшкиной болезнью Оптину Пустынь. Побывали и в Клыково, где под-

визалась схимонахиня Сепфора в последние годы своей жизни. Она всех нас одарила духовно. Книг о ней мы не читали, они появились позднее.

Незадолго до этого приехала из Самары в Дивеево мама одной инокини, обе духовные чада батюшки, часто его посещавшие. После исповеди делится: «А мы только что из Оптиной, с похорон матушки Сепфоры, высокой духовной жизни старица. Вот фотография». Я буквально вцепилась взглядом в ее лицо и ничтоже сумняшеся: «А вы можете мне подарить?» – из самой души. Мало ли о каких умерших матушках при мне упоминают. А тут: «Подарите мне, пожалуйста». Получаю портрет, не прячу его в альбом, а сразу несу в Арсюшин уголок и прикрепляю. «Великая матушка, надо нам ее поминать, только что умерла. Дивная старица», – как будто что-нибудь о ней знаю. И начали ей молиться.

А через год нас Господь приводит в Оптину и там: «Не хотите ли поехать в Клыково, к матушке Сепфоре на могилку?» – «Конечно!» Незнакомый иеромонах, отложив множество своих дел, ведет нас в келью схимницы и рассказывает о всей ее жизни. Так милостиво нас приняла матушка.

У нее в келье лежала палочка особая, она ею постукивала, кого слабее, кого покрепче – бесов выгоняла из людей. Иеромонах пояснил: «Матушка Сепфора говорила: «Кто по моей палочке пройдет, тот монахом будет». Тут один толстяк прошел, ее поломал. Осталась одна половинка». Показал нам ее и куда-то отлучился. Арсюша оглянулся, его нет, быстро положил палочку на пол и прошел по ней. Говорит: «Все, я прошел, теперь матушка Сепфора поможет мне стать монахом!» Арсюша иногда очень быстро реагировал. Напоминал мне этим батюшку, такая же черта – стремительность реакций в духовные моменты».

Как-то Арсюша, желая поддержать друга, рассказал ему: «Когда на меня было жестокое нападение, папа открыл мне страницу книги о матушке Сепфоре и прочел: *«Однажды ночью, когда матушка молилась, вдруг кто-то сильно постучал в окно. Потом раздался громкий крик и угрозы, сопровождаемые бранными словами. Но матушка продолжала молиться, не обращая на происходящее никакого внимания. Рядом, в соседней комнате, спала келейни-*

ца. Она проснулась от ужасных криков и испуганная пришла в келию старицы. «Молись, радость моя, молись, – спокойным голосом сказала ей матушка, – они скоро уйдут, это все, на что они способны. Господь не попустит более. Молись, деточка, молись».

Из писем отца Владимира детям

«Многолюбезной дочке Лидии!

Милая дочка Лидушенька, хорошо, что мама в последнюю минуту перед отъездом положила мне в сумку фотографии, где вы все. А в альбоме на первой же странице ты и Арсюша в Москве у монастырской стены, возле работы дяди Пети.

Я смотрю на вас, и так хочется, чтобы вы и во взрослой жизни могли сохранить радость детских лет.

Что-то дает Бог много раз, а что-то один раз. Никогда не приходит дважды юность, только один раз дается детство со всеми его возможностями. Тебе, дорогая моя дочка, во всех обстоятельствах жизни нужно сохранить в чистоте святой свою душу, чтобы, когда братику твоему будет трудно бороться с искушениями, тогда перед его взором возникло видение божественной чистоты и святости его сестры, и он с отвращением и негодованием убежит от грязи и порока. А сияние твоей доброй и чистой души будет подобно ангельским крылышкам, защищающим душу твоего родненького братика. Знаю, что сердечко твое любящее и доброе, как и у нашей дорогой мамулечки; она ведь тоже в чистоте своей души не дает соблазнам и искушениям завладеть нами.

Папа.»

Сочинение девятилетнего Арсения:

«Как я живу.

Я с детства подражаю во всем Императору Николаю II. У меня есть книга про Него. Как Он рос, как учился... Он никогда не ел конфеты, не поделившись с братом. Старал-

ся дорожить каждой минутой. И на «Отче наш» в церкви всегда становился на колени. Я хотел бы быть таким же, как Он.

Я привык всегда вставать в гимназию в определенное время. Встаю, заправляю постель и читаю утренние молитвы. Потом умываюсь по пояс прохладной водой и сажусь завтракать. Позавтракав, я надеваю форму, и перед тем, как уйти из дома, проверяю ранец. В гимназии я внимательно выслушиваю каждое словечко учителя, чтобы не ошибиться в письме или задаче. Я стараюсь учиться на одни пятерки. После 2 урока мы идем в столовую. Прежде чем сесть за стол, и в гимназии и дома, я всегда тщательно мою руки с мылом. После еды убираю за собой посуду и опять мою руки. В гимназии у нас уроки длятся до часу, потом мы расходимся. Дома я обедаю и ложусь отдыхать. Сплю один час. Потом делаю домашние уроки. В свободное время я могу кататься на велосипеде, читать книги, играть. Потом я молюсь или помогаю маме.

Я привык со всеми здороваться и всех называть на «Вы».

Ответ отца Владимира:

«Дорогому сыночку Арсению!

Милый сынок, дни уединения, подобные теперешним моим, располагают к осмыслению прожитого. Вдруг, именно здесь в деревне обнаружил, что мои детки, и ты, и Лида (в особенности ты) быстро, неимоверно быстро взрослеют. И я пережил удивительный восторг от понимания того, что ты развиваешься в правильном направлении: глубоко чувствуешь историю Отечества, с любовью относишься к предкам и учишься правильно, православно жить у них. Прочитал в тетрадях твой рассказ о стремлении быть похожим в повседневной жизни на Императора Николая Александровича.

Для тебя нашлась небольшая книжица «Наставления и советы святых отцов», которые ты так любишь, и я оттуда выписал о посте: «Пост Господу приятен такой, который соединен с любовью к ближнему». Не за-

бывай, пожалуйста, что мы, православные, призваны Своим Господом хранить веру в чистоте, с тем, чтобы передать ее другим неповрежденной.

Арсюша, дорогой мой мальчик и брат! Помни, что ты в отсутствии папы единственный мужчина в доме, и обязан охранять и оберегать покой и тишину и быть первым помощником мамочки и Лидочки, так на тебя надеюсь.

Твой папа, ленивый богомолец, iер. Владимир.»

«Боголюбивый и любимый нами сынок!

Тебе исполнилось двенадцать лет - апостольское число, значимое в жизни каждого человека. И потому хочется предостеречь тебя, мой дорогой, от ошибок, которые совершает человек молодой и еще неискушенный. Будь мудрым, учись жалеть маму, сестрицу, бабушку, товарищей; ***особенно не открывай себя и своего, дабы не отщеславиться****. «Вся слава дщери Царевы внутрь».*

Не трать впустую время в школе и дома, а прежде всего в церкви. Не скоро сближайся с товарищами. Не льсти учителям, старшим и тем, кто сильнее тебя. Впечатления о ком или о чем-либо проверь.

Господь одарил тебя желанием молитвы, благодари же Господа также молитвой. Используй время для внутренней молитвы. Рассеиваешься - сокрушайся перед Господом в своем бессилии. Помни, что ***Господь дает молитву молящемуся****. Ты любишь трудиться в молитве, поэтому тебе легко и отрадно пребывать в церкви. Не даром, без молитвы человек устает больше, чем при самом сильном напряжении в борьбе с ленью и рассеянностью.*

Не поддавайся духу времени. Изучи его так, чтобы избегать его влияния*. «Убойся лицемерства, прежде всего, в себе самом, потом - в других» (свят. Тихон Задонский). Люди немощны и самолюбивы, посему надо щадить их.*

Заметишь неправильность или ошибку у учителя,

не говори о ней другим. Если это важно, спроси об этой теме наедине как учащийся, а не спорщик. Если учитель обидится, не спрашивай более никогда, а спроси у папы, мамы или поищи ответ в книгах. Будь откровенен и искренен с самыми близкими тебе людьми: отцом, мамой, сестрой, другом. ***Не осуждай никого никогда.*** *Это заповедал Сам Бог.*

Я тебя и Лидочку очень люблю и сильно молюсь за всех вас, родненькие мои. Ты уже взрослый человек и теперь учись рассуждению во всяком деле и словах.

Подаркам радуйся, однако,

Благословение Батюшки Серафима со всеми нами.»

Письмо отца Владимира дочери из больницы в Нижнем Новгороде – после раковой операции:

«Дорогая Лидочка!

Письмо твое коротенькое, поэтому прочитал его десять раз подряд, чтобы удлинить его. Из чего ты должна понять, как мы - я и мама, соскучились по тебе, по бабушке, по Дивееву!

Дорога твоя до школы увеличилась, поэтому, милая дочка, читай Иисусову молитву, так твой путь будет легким и Богу угодным! И не только до школы, а и на пути спасения нашего!

- Как ты учишься? - Хорошо!

- А постелька твоя заправлена? - ?!

- А с бабушкой и тетей Таней ласкова и послушлива? - Конечно!

Вот такой разговор мысленный я воспроизвел сейчас. Помолись, чтобы поскорее свидеться нам. И, надеюсь, что в конце недели мы, наконец, увидимся.

Целую!»

Матушка Ирина: «Что касается дружбы с Филиппом, Арсений считал: «Он поддерживает меня духовно, а я его – физически». (Мальчик жил в Рязани, прежде чем переехал в Дивеево). И у них была переписка... Сначала приветствие, а потом: «Как ты рассматриваешь такое-то изре-

чение из Ветхого Завета?» Или: «Как ты относишься вот к этому посланию апостола Петра?» или к постановлению, скажем, Пятого Вселенского Собора? Оказывается они ночью, тайком, уходили молиться. В три часа ночи. Однажды я их застукала. И Арсюша: «Мам, ну это наши тайные подвиги! Не волнуйся. Ничего с нами не будет!» И вот они до пяти часов молятся, потом приходят. У них было место на дереве, столпническое, и второе – пещерное, под храмом Рождества Богородицы. Там была разрушена часть фундамента, и получалось, что под храм можно залезть, пещерка такая. Они посмотрят – никого нет. И туда – нырк... Арсений говорил: «Мама, ты знаешь, здесь вся земля такая святая, Богородица даже цветочки не разрешила выбрасывать с этой земли. А я тут под храмом молюсь, как ты думаешь, Она ведь меня, наверное, знает?» И Она вот даже благословила гробик его поставить на втором этаже Своего храма – в храме Рождества Христова, что удивительно... Такие замыслы были юношеские.

А еще одна келья была рядом с Царь-деревом. Прежде здесь стоял сарайчик, в нем – склад досок, и он в него проникал, свечечку ставил. Иду по Канавке, смотрю – огонек мелькает, значит, там Арсюша. И он: «Знаешь, мам, я вот всех вижу, а меня никто!» И я радовалась: «Арсюша, ведь тебе это на всю жизнь, тут, рядом с Царь-деревом, у Цесаревича! Ни у кого из детей нет здесь кельи, а ты сделал свой домик и молишься! Это же – дар Божий! Неизвестно, сколько простоит этот сарайчик!» И его действительно вскоре снесли, года два-три назад. До тринадцати лет он в нем тайно молился. Милость Божья, рядом с Царской лиственницей, посаженной сестрами монастыря в день рождения Цесаревича, он устроил себе келью... Наследник это все видел, знал... Он и призвал его.

Перед папиной смертью мы Арсения уговаривали остаться в Москве. Но он поехал в Дивеево. Быть может, по чувству долга, контрольные нужно было написать за четверть. Он оказался оторванным ото всех. 23 марта, минуя нас, ему по телефону бездумно сообщили, что папа умер... У него выпала из рук трубка, падая, он ударился головой

о косяк, потерял сознание и было сотрясение, потому что у него весь день болела голова, была рвота. Позже рассказал: «Когда я очнулся, трубка висит, короткие гудки...» Он поднялся, пошел в келью, достал все письма отца, и у него была истерика, он кричал: «Я не могу! Не могу! Не могу!..» Сама еще и теперь не в состоянии читать эти письма. А он достал их, чтобы папу приблизить к себе, и это было ему смертельно больно... И он рыдал и кричал, а потом пошел на Канавку. Так и без папы, и без мамы он оказался совершенно один в Дивеево. Произошел огромнейший перелом... Все, и учителя, говорят, что после этого они видели другого Арсения...

Когда мы привезли гроб с телом батюшки, он вышел нам навстречу, смотрел огромными глазами, полными ужаса. И я: «Арсюша, иди немедленно облачать папочку. Вместе с батюшками». Так произошла его первая встреча с мертвым отцом. Лидуша уже видела, теперь я позвала сына вместе со священством к батюшке. Остальные были не допущены.

Арсений вышел из кельи совершенно другим: «Папочка – как живой! У него ручки гнутся, ничего не закостенело!» Он знал, все волнуются, что невозможно будет одежды надеть, много времени прошло после смерти. «Мама, он, как афонский святой: одни косточки, как святые мощи. Все усохшее, чистенькое, и даже ручки будто сам подавал, ничего не надо было разрезать».

И у Арсения было то же самое. Тело, руки, все было мягкое. Не пришлось резать одежду.

Весь ужас с него спал. Отец дал ему почувствовать примирение, благодать христианской кончины. Это нарушает обыденный подход – мирским разумом этого не понять. И благодарность Богу ублажила его, помогла ему в тот час примириться со смертью... Он стал на какое-то время спокойным.

Недавно разговаривала с духовным сыном отца Владимира А., который осознал: такого, как батюшка, больше нет. Редкого человека он может впустить в свою душу, но батюшке абсолютно доверял, мог ему все раскрыть... И та-

ким единственным, постигающим тайники конкретной души, отец Владимир был для каждого человека. Он не стриг под общую гребенку никого.

Например, моего знакомого С. благословил проползти на коленях вокруг храма. Е.И. негодовал: «Как это можно, вообще! Какое право ему дано заставлять человека ползти на коленях!..» Но дело в том, что у С. экзальтированная натура. Он малоцерковный и в то же время очень эмоциональный, повышенной чувствительности человек, и к нему нужен был необычный подход, чтобы все в нем перевернулось... Малоэффективны общепринятые мерки к тому, кто не знает, что такое исповедь, словесное покаяние. И батюшка очень мудро предложил ему особенный вид покаяния за грехи. И С. запомнил этот день, эти минуты его полностью изменили. Было положено начало благое. По отношению к другому отец Владимир не допускал ничего подобного. Он очень тонко видел, разграничивал, различал, что способно помочь каждой отдельной личности.

И если батюшка для нас всех был человеком столь уникальным, неповторимым и невосполнимым, то какой потерей его смерть была для его сына? И кто мог вообще заменить сыну отца? Никто! Духовника нет, дядя – далеко, дедушка умер. Нет родственника – мужчины, который в такой важный период, в пятнадцать лет, мог дать стержень и направить развитие Арсения... Я тоже в тяжелых рамках: очень много людей, очень много... И все повторял: «Мама, ты так редко с нами разговариваешь, так мало со мной бываешь!» Сейчас все время чувствую свою вину, это были заслуженные и постоянные укоры... И наступил период, когда он стал уходить от меня... Духовно. Готовила себя к этому, взросление – неминуемо: «Что ты хочешь? Твой Арсюшечка, любимый сыночек, становится взрослым». И он готовил себя стать нашим защитником, как ему все говорили: «Ты теперь должен маму беречь!» Начались занятия спортом: «Лида, я хочу быть сильным, чтобы тебя защищать! Вот посмотри, какие у меня мускулы!» Мужание, накопление телесной силы, этим он стал увлекаться. Молитва перестала занимать главное место в его жизни,

стало проблемой исполнение правила. Но он по-прежнему алтарничал по праздникам и воскресеньям. Очень серьезно относился к моим отъездам в Москву. «Ну что, как там у тебя? Все получилось?» – «Да нет, что-то неудачно».– «А-а, ну конечно, я кафизму только обещал тебе...» В другой раз: «Все что задумала, просто замечательно!» – «Так я же две кафизмы прочел за тебя!» – «Арсюша, не сомневаюсь, если ты молишься, у меня все нормально». И он знал, помнил: нужно молиться, и у мамы все будет хорошо... И он старался. После последнего отъезда: «Да я же за тебя и «о путешествующих» прочел, и кафизму прочел».

Он очень верил в силу креста. И крест был сорван с него. Веревочка цела, а крест сорван и лежал в траве на месте его смерти. Его же лошадь тащила. Ну как может быть сорван крест? Я понимаю, если бы вниз головой... Но как в горизонтальном положении? Крест лежал рядом с ним, мертвым. Ботинки нашли на поле в разных местах. Крест лежал там, где он окончательно затих. Упал. Не в процессе его полетов... Непонятно. Волей Божией, крестик свой драгоценный мальчик мой мне передал. Монашеский. Он недавно подобрал его на грядке, где картошку копали: «Мам, я нашел старинный крестик! Ты мне никак не купишь старинный, я буду носить этот!» Именно монастырский крестик – с изображением Голгофы, орудий пыток Христа. Неизвестно, какой смертью умер носивший его.

А до этого у сына был огромный крест, который совершенно истончился от ношения. Медный крест стал тоненьким. И в середине начал переламываться. Всю жизнь он с ним не расставался. И на море зажмет его, чтобы не бился, и бежит купаться. Они с папой купили его в каком-то антикварном магазине. Старый крест. Очень серьезно относился к крестному знамению. Став взрослее, он, конечно, не допускал, чтобы кто-нибудь его святыню видел. И отец Владимир носил подобный, позеленевший, медный, который ему все майки пачкал. У них была фамильная любовь ко всяческой старине. Арсюша полезет на чердак, достанет истрепанное «Русское слово». Осталась фотография: довольный, весь перемазанный в пыли, только что с

чердака – с восторгом держит «Русское слово». – «Зачем тебе эта рухлядь, эти газеты?» – «Мам, ну это же – старинное, ты что! Это – дореволюционное!» И батюшка тоже дорожил всем, что хранилось у нас наверху, журналами... И ружье у Арсения было старинное, штык ему подарили. Он собирал коллекцию медалей Царской России.

В одном стиле человек жил и умер: Господь не дал ему изменить своей любви. Он читал Шмелева и страдал: «Ну, мама, я не хочу сейчас жить! Я хочу жить в той Руси! Ну почему она уже никогда не вернется?! Когда был Царь! Та Русь уже никогда не восстановится!» – вопль из глубины души, ему было лет одиннадцать. «Я не хочу сейчас жить, когда уже нет той веры, нет прежней Руси, нет лошадей, нет всего настоящего уклада, быта». Это после Шмелева, который так передает вкус, аромат того времени. И духовный аромат.

Год или два назад мы были у мамы в Крыму, и он читал Фенимора Купера, Майн Рида, одну книжку за другой. Запоем. Возвращаемся в Дивеево, и он впился в очередной том. А я читаю Шмелева и дохожу до места, где юные автор с женой прибыли на Валаам, входят в храм полутемный. Вечер, монах читает Псалтирь. И обращается к нему: давай-ка, почитай! Удивительно все описано, этот валаамский вечер, призывающая тишина храма. Невыразимая благодать: мерцание лампад, эта русская старина, тихий голос... И думаю: какая же красота, какое это чудо! И захотелось, чтобы Арсений прочитал: «Отвлекись, пожалуйста, я тебя умоляю, только кусочек прочти из Шмелева, оторвись от своего Фенимора Купера! Ты всегда раньше читал только такие книги, святых отцов, а сейчас поглощаешь эти романы! Пожалуйста!» И он берет книгу, читает, читает... Думала, скажет: «Ну здорово, мам! Замечательно!» – и уткнется снова в свой том. А он онемел, сидит... И потом: «Мам! Ну ты что? Думаешь, это серьезно? Что Фенимор Купер – это серьезно? Я же никогда не изменю, мам! Не изменю никогда Господу! Я же, как хотел монахом, я и стану! Эти книги – так просто, ты же тоже это читала...» Удивительно! Так раскрыть свою душу! Это два года назад. Вновь Шмелев его коснулся! В ответ – та же нота... В десять лет он читал его в первый раз

и всей душой отозвался: «Эта Россия никогда не вернется!» И в тринадцать опять приоткрывается: «Я никогда не изменю бывшему!» И Господь все эти слова собрал...

Арсюша очень верил в силу Креста: «Мама! Со мной ничего не может случиться, потому что со мной мой крестик, я его везде освящал». Он прикладывал его ко святым мощам, всем святыням, где бы мы ни были. Помню поездку в Петербург и Кронштадт. Узнаем адрес квартиры, где жил батюшка Иоанн, балкончик, с которого он проповеди произносил. Пришли и с ясностью понимаем: вот оно – это место. Арсюша сразу начал карабкаться вверх по водосточному желобу. Достиг второго этажа, приложился очень благоговейно к балкончику, поцеловал эту конструкцию и спустился совершенно счастливый. С нами был В.Л., который сказал: «Я толстый, не долезу, и поэтому приложусь к тебе!» Настолько он благоговел: это – святыня, нужно добраться, приложиться...

Мог горевать: «Курицу не перекрестил, вот она и умерла. Все надо крестить!» Однажды, закрывая лошадь, кричит: «Мам, гляди, как я делаю!» Запер конюшню, перекрестил огромным крестом: «Все, Гусар! Спать!» Потом к курятнику, там крест. На двери его кельи надпись: «Кто аз есмь?» Когда был поменьше, он стучался ко мне в комнату со словами: «Я стою у двери и стучу!» Часто повторял поразившие его места из Евангелия. Нередко произносил: «Червь аз есмь». Много читал Псалтирь и постоянно ее цитировал. У него запечатлевались куски. Многие псалмы знал наизусть. Двадцать шестой, девяностый, пятидесятый, конечно. Приходил домой: «О! Столько читать, столько нужно успеть». Зажигал свечку и начинал молиться. Акафист Божией Матери знал наизусть. Сложнейший акафист, Благовещенский. И Преподобному, эта книжечка затерта до дыр.

Остался в наследство его блокнотик, где переписаны главные молитвы: «на двадцать четыре часа», «на освящение всякой вещи», молитвы задержания... Такой вот прожиточный минимум, джентльменский набор православного. У Лидочки сохранилась тетрадочка – «Пяточисленные молитвы» с надписью брата: ***«Сии молитвы нужно читать,***

***чтобы не умереть без покаяния**. Сии молитвы предназначены Лидочке Шикиной»*, — текст, написанный невзрослым Арсюшиным почерком. Много лет он читал его наизусть».

Впервые я увидела Арсюшу, провожая отца Владимира, матушку Ирину и их сына с Казанского вокзала в Дивеево. Не помню слов батюшки и что сказал после раздумья Арсений показавшийся мне шестилетним (хотя ему восемь). Но удивило углубленное внимание, с которым батюшка склонился к сыну, как будто его ответ мог быть по-настоящему существен. Осталось ощущение редкой серьезности отношений между отцом и сыном. Поняла, что для отца Владимира этот ребенок был личностью.

Какое-то время спустя двое маленьких детей в Москве у меня в гостях. Они показались мне младше, хрупкие, с яркими глазами, лет четырех и восьми. (Арсению уже 10 лет.) Придумывая, чем их развлечь, предложила пушистого медведя. Поразила ответная реакция мальчика. Очень вежливо возвращая игрушку и внутренне удивляясь моему непониманию: «Простите, пожалуйста, только мне это совсем неинтересно. Будьте добры, достаньте с верхней полки ту толстую книгу с Государем Николаем II на обложке». После этого не менее часа — он как будто отсутствовал, настолько был погружен в рассматривание бесчисленных фотографий. И в последующие годы для него не было дороже подарка, чем святые лики Царской Семьи, Великой Княгини Елисаветы. Для дорогих изображений был заведен особый альбом, не современный, а какой-то потертый, старого издания. Помню, Арсюша его перелистывает, показывает, что-то поясняет и весь светится. Особенное впечатление на него производили Государь и Цесаревич. Однажды, желая меня развеселить, дети поделились: приехавшая в гости из далекой периферии знакомая укорила Арсения: «Ай-яй-яй, как нехорошо, что же ты, детка, свою фотографию в святой уголок повесил!» Вспоминая эпизод, дети дружно смеялись: «Что вы, это же портрет Цесаревича Алексия!» В то время Арсюша ходил в казацкой темно-синей куртке с двумя рядами блестящих пуговиц, совсем как на памятной фотографии Наследника,

и занимался «организацией казаков».

У Арсения был абсолютный слух. Любили петь втроем: мама и он с сестрой – стихиры служб, тропари, «Святую ночь» Шуберта. Поражала гармоничность исполнения, осмысленность текста, тонкое звучание, будто не три, а один голос: все в унисон.

Пели тропари: **Цесаревичу Алексию (Глас 1)**:

Благословенное чадо лозы добродетельныя,/ с младенчества страданиями на Крест возшедый,/ душу яко чистое Небо имевый/ и сердце – пламень к Богу горящий,/ святый благоверный Царевиче Алексие,/ с родителями мужески пострадавый/ во искупление греха народа российскаго,/ ныне же Небесною трапезою наслаждаешися/ вьшу Богу вопия,/ Господи, помилуй землю русскую.

...Царю-Мученнику, Святой мученице Царице Александре, Святым мученицам Великим Княжнам Ольге, Татиане, Марии и Анастасии.

Всем бы русским людям и детям это петь. По сей день в доме отца Владимира звучит кант:

Легенда о Царе-мученике

Есть легенда у нас, что наш Царь и сейчас
В нищем виде Россию проходит...
Он котомку несет, к покаянью зовет,
К сердцу каждого двери находит.

Кто на царственный зов с сердца сдвинет засов,
Проливает слезу покаянья, –
Царь слезу ту берет и в котомку кладет,
Лучше нет для Него подаянья.

Знай, народ дорогой, что с последней слезой,
Как наполнится эта котомка,
На Руси будет Царь, и мы будем как встарь,
Бога славить свободно и громко.

Плачь, народ на Руси! И прощенья проси
За иудино страшное дело:
Там, где дремлет Урал, Царской кровью подвал
Обагрило кровавое тело!

И за это народ вместо мнимых «свобод»
В тяжком рабстве безмерно страдает,
А в выси голубой Венценосец святой
О прощенье Творца умоляет.

Слушала и вспоминала «Видение матроса Силаева» из второй книги «Чудес Царственных мучеников»: слезы Цесаревича, поднимающего ко Господу чашу со Своей мученической кровью – в молитве о русских детях. Есть еще на земле те, за кого имеет смысл молиться.

У Арсюши была необыкновенная келья. По его просьбе, родители отгородили ему метров пять от десятиметровой комнаты дощатой перегородкой. Одно окошко, детская кровать, полка с книгами, столик, на котором святыни и книги, коврик для земных поклонов. У дверей текст, на котором написано совсем детским почерком:

Молитвы при надевании монашеской одежды

Положить три поклона с молитвой:

Боже, очисти мя грешнаго и помилуй мя.

(Затем со страхом Божиим возлагай на себя одежду).

Подрясник: *Все упование мое на Тя возлагаю, Мати Божия, сохрани мя под кровом Твоим.*

Ремень: *Препоясуя чресла своя силою Истины во умерщвление тела и обновление духа, во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа. Аминь...*

Четки: *Сподоби мя Имя Твое святое, Христе мой, всегда иметь в мыслях, в сердце и во устнах моих, присно глаголя: «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешнаго»...*

На столике маленький походный молитвослов. На первой странице Арсюшина надпись: *«Тело христианина должно быть престолом Бога, Которого он должен святить в своем сердце (Да святится Имя Твое...)»*

Записка отца сыну: *«Тем не смущайся, что к тебе подступали и подступают, и будут подступать разные помыслы. Ты их только отражай своим несогласием, и по мере отражения, они, с помощью Божией, совершенно исчезнут... Главное в борьбе с помыслами –* ***несогласие с ними***

и всецелая преданность Божественной воле» (митр. Иоанн Санкт-Петербургский и Ладожский).

«Когда авва Агафон видел совершающего грех, и помысл побуждал его к осуждению, он говорил самому себе: «Агафон, **не делай сам того же***», – и помысл его успокаивался. Так будем с тобой поступать всегда, и Господь избавит нас от вечного осуждения».*

На листке, вложенном в Евангелие: *«Если бы не привычка видеть оживление природы весной – оно показалось бы нам невероятным чудом. Гляжу на обнаженные ветви, и они таинственно говорят мне: «Мы оживем, покроемся листьями, заблагоухаем, украсимся цветами и плодами». Неужели же не оживут сухие кости человеческие во время весны святой? Богу все возможно, для Него нет чудес. Дела Божии, на которые постоянно и уже равнодушно смотрим, – дела дивные, чудные, великие, непостижимые»* (свят. Игнатий Брянчанинов).

Все четыре стены Арсюшиной кельи в иконах сверху донизу. Есть редкие изображения, которые и у монахов не встретишь. У изголовья постели Распятие старинного письма, правее – необыкновенной красоты большой Ангел-хранитель, слева – глубокое лицо Цесаревича, незадолго до мученической кончины. Рядом лампа: «Как мне хорошо, мама, – говорил Арсений, – я здесь всех перецелую – щелк лампу и спать». Много греческих бумажных икон. Горящие лампадки в основном святом углу и перед Серафимом Саровским. Образ подписан: «Старец Серафим» – прижизненный портрет, источающий ощутительную духовную силу, уникальная реликвия. Преподобный здесь всегда ошеломляюще живой. Но все, и бумажные наивные изображения, – никогда не оставляли впечатления картинок. Они жили здесь самой серьезной жизнью, что бывает только тогда, когда перед иконами усердно молятся. Благодаря Арсению, я познакомилась с некоторыми сербскими святыми. Когда, начиная писать о батюшке, помянула о мироточении около сорока икон за полтора года до его смерти, не уточнила: несосчитанные бумажные иконы, в основном греческие, мироточили в этой маленькой келье.

Как-то маме было необходимо срочно сменить сыну свитер, и я оказалась случайным свидетелем того, что на груди десятилетнего хрупкого ребенка – большое медное распятие XVII века. Он тщательно его хранил и не допускал ситуацию, в которой оно могло быть замечено посторонними. Мы встретились глазами. Краткий миг был очень содержателен. Мальчик смотрел на меня пронзительно испытующе: понимаю ли я что-нибудь в серьезной жизни? Ощутила, что для Арсения это сокровенное крестоношение имело недетский смысл. За ним стояло по-настоящему большое, и я ответила на этот взгляд молчаливым глубоким почтением.

Вообще, он как будто жил прошлым, что не свойственно для столь юной души. Порой его можно было застать в минуты общения со сверстниками на какой-нибудь фразе, которую он тут же обрывал, лишь только появлялся непосвященный. Однажды зашла в комнату и услышала: «...ответил князь Шаховской». Ощутив чужую заинтересованность, он отвел в сторону глаза. Поняла, что это не сказка, не игра, а что-то действительно серьезное для него. Разговор был немедленно переведен на обыденную тему.

Однажды застала Арсения в сокровенную минуту. Уже после смерти отца нечаянно увидела сквозь полуоткрытую дверь, как он стоит перед Государем в своей келье. (Цветной календарный портрет: Царь во весь рост со всеми регалиями на белом кителе, – под стеклом, в красивой раме темного дерева). Стоит молча, необыкновенно повзрослевший, почти юноша, с такой глубиной восприятия, столь искренней, невнешней преданностью, – наверное, так можно было предстоять Самому Императору. Происходило живое, обжигающее душу общение. Это была молитва, которой внимали! Я была поражена. Он вздрогнул, заметив постороннее присутствие, отвернулся от образа и заговорил со мной о пустяках, уже с обыкновенным лицом. Причем мне этот портрет не нравился, я находила в нем художественные недостатки. Подумала: какая-нибудь искренняя душа так вот молится перед дешевой иконой, и та может замироточить. Бог способен совершить для любящего Его – чудо, даже если образ недостаточно художестве-

нен. И еще одну важную вещь для себя приоткрыла: все глубинные труды и подвиги отца Владимира – были втайне. Он дорожил внутренней жизнью и сумел привить это своему сыну. Отец учил мальчика скрывать от внешних глаз то, что имеет ценность перед Богом. Никогда не видела, чтобы Арсений делал что-то напоказ, тем более, если это касалось вещей духовных. Уходила, понимая: вот юный верноподданный своего Царя.

В последний год своей жизни Арсений получил в день рождения среди прочих подарков это стихотворение:

Цесаревичу Алексию

Священный символ русского ребенка,
который нетерпим, невыносим
для всех бесовских преисподних крил,
который жжет хрустальной Чистотой,
улыбкою – не блудной, а святой...
Как нечестивым святость выносить?!
им надо растерзать ее – убить!

Священный символ русскости былой.
Отзывчивостью, сердца простотой
Христу принадлежавшая душой,
Русь неподкупная, спасеньем ты была
для мира падшего продажности и зла.
И аду невозможно рядом жить...
И надо ко Кресту нас пригвоздить –
и – умертвить!

Какой бы милостивый умный Государь
у нас был с вами – Православный Царь,
с святою целью – к Раю Русь вести.
Мы на коленях пред Тобой: прости!
Раскаянье – народу испроси,
молитвами всей Царственной Семьи.
Без покаянья –
Русь не воскресить.

Ему было всего одиннадцать лет, когда они с мамой уезжали из Москвы, мы прощались у ворот храма. Арсюшина последняя фраза после обычных, с улыбками, вдруг очень серьезная: «Когда я стану монахом, я буду очень за

вас молиться». Мало ли что говорят дети, как правило, и не запомнишь. Но этот миг, неожиданную недетскую глубину глаз – как будто сама душа на меня посмотрела и значительное сейчас произошло, словно он обет произнес – не сумею забыть никогда. Он не предварил своих слов замечанием, которое было бы естественным: «Когда я вырасту...» Всей душой ему отвечала: «Пожалуйста, молись обо мне уже сейчас».

Дорого было видеть, как дети у родителей и родители у детей просили прощения с земными поклонами, отнюдь не только в вечер Прощеного воскресения.

Однажды пришла и застала Арсения в необыкновенном душевном подъеме. Еще не был болен батюшка. С пылающими глазами он рассказал мне, что несколько дней назад у них в гостях была блаженная матушка Мария из Самары. Мне показали фотографии юродствовавшей старицы. Грузная, лишенная какой бы то ни было внешней приятности, пожилая женщина в инвалидной коляске. Расцветший Арсюша с упоением вспоминал: «Она попросила почитать Псалтирь». Он с радостью выполнил ряд просьб, возил ее на коляске... С удивлением подумала: мальчик полностью не настроен на внешнюю человеческую привлекательность. Имеет не просто психологическую чуткость, но внутренний твердый духовный ориентир. Немногие из моих верующих московских знакомых были бы способны глубоко воспринять тайную схимонахиню. Месяц назад посмотрела фильм об этой большой подвижнице, тщательно скрывавшей свой духовный подвиг. В этом году о ней вышла книга († 14.01.2000 г.)* Позже узнала, что в этот свой приезд она сказала Арсению, что он будет монахом.

Смерть отца была для сына великой утратой. Посмела бы сказать – надломом. Нередко и более зрелые люди не в силах понести такие потери на должной высоте. Он знал, конечно, что папа в Царстве Небесном. Батюшка многократно ему снился. Однажды, он преподал Арсению наставление о духовном лице, которое причинило семье много горя. **«Не осуждай его – молись за него»**,– было

* Блаженная схимонахиня Мария. Самарское отд. Литфонда России, 2001

сказано отроку в нелегкий час. Но нужно иметь серьезный духовный опыт, чтобы испытание смертью не ослабило, а укрепило великую духовную связь, которая соединяла сына с отцом. И, конечно, этого опыта у Арсюши еще не могло быть. Нередко он повторял маме с глубоким горем: «У всех людей – отцы. Ну почему он ушел? **Но это же только во время войны дети остаются без отца!»**

С великим сочувствием я видела, что после ухода батюшки в его жизни стали происходить резкие и тяжелые перемены. Думала, сколько бесов, которым досадил здесь отец Владимир, спасая грешных и одержимых, мстят сегодня Арсюше, лишенному в лице отца нерушимой охранительной стены. Он стал очень нервным, раздражительным. Все чаще заставала его ссорящимся с мамой и сестрой. С большой внутренней горечью слышала резкие слова и даже дерзости, грубости. Понимала: он так ведет себя, потому что ему трудно, он не справляется с собой. А реальной действенной помощи – нет. Некому заменить отца. В это обостренно тяжелое время некому просто по-мужски подать руку: «Держись! Это духовный искус. Господь обязательно поможет. Не сдавайся!» Мальчик, с его тонкой организацией, был напряжен, как натянутая струна. Могла только сочувствовать ему: «Арсюша, ты знаешь, Царские дети подписывали свои письма к Государю словами: «собственная дочь...» Желаю, чтобы ты был настоящий «собственный сын» своего отца». И он понимал, что я имею в виду. Ибо неординарным было мужество, с которым отец Владимир совершал битву за свою и вверенные ему души.

Но нетипичной была и восприимчивость Арсения. Повышенным было его восприятие благодати. Трагическим – переживание демонических нападений, воздействий сил зла. Какой обостренной чувствительностью к свету Божию нужно обладать, чтобы говорить после посещения пещер Киево-Печерской Лавры: *«Вот бы отсюда и не выходить, мама... Наверху так плохо!..»* (Как правило, толпы взрослых и детей с облегчением покидали пещеры, где одни лампады у святых мощей освещали подземные низкие своды, все с радостью выходили на поверхность – к свету этого мира). Период после потери отца был для Арсения вре-

менем непомерных битв, тяжелых срывов. Но Один Бог знает, когда душа наиболее приобретает, побеждая или терпя поражения. Не зря обещано: «Любящему Бога все споспешествует во благо».

Иногда происходившие здесь «трагедии» могли иметь невинную основу, что стало понятнее после смерти Арсюши. Например, мама была необыкновенно расстроена одним ярким непослушанием. На последнюю в своей жизни Пасху сын пошел не как все – в наглаженной белоснежной рубашке, а в черной. Мама гневно разыскивала его в переполненном ночном храме, требовала покаяния, он от нее убегал. Огорчилась неуправляемостью и «нелепым» поведением Арсюши до слез. Но теперь понятно, что душа знала о предстоящей ему кончине. И в такой форме неведомое знание себя проявило. Инокиня Л. поняла это еще глубже: «Арсений встретил Пасху уже по-монашески. Только монахи в Светлое Христово Воскресение – не меняют своих одежд».

Однажды Арсюша вошел к маме взволнованный: «Какое совпадение. Мы тут говорим: «смарт-карта». Сегодня я обратил внимание: по-сербски, «смарт» – «смерть». Получается – смерть-карта». Впечатляющее совпадение.

Матушка Ирина: «За несколько месяцев до смерти подошел ко мне: – Мам, хорошие стихи люди пишут, – и прочел:

Мироточит множество икон,
Плачет Богородица: «Я с вами,
Не ходите к зверю на поклон,
Русским не бывать его рабами!»

– Это раба Божия Алла, а это – Николай:

...По волнам смут невиданных плывем,
По воле зол неслыханных предательств,
Так, будто душу в поднаем сдаем
антихристу, ему поем акафист.

– Спаси, Господи, этих людей, – сказал Арсений. – Это написала Ксения. И как хорошо называется:

Умираю, но не сдаюсь

Тем, кто руки омыли с Пилатом,
Отпустили Варавву домой,

И склонились над идолом-златом
Горделивой своей головой:

– Убирайтесь, пока не погнали
Вас мечами от наших ворот.
Ведь не раз ваше грязное знамя
Русь Святая бросала на лед.

А над ним поднимались хоругви.
Шла на помощь Небесная Русь!
И над полюшком слышалось: Други!
Умираю, но не сдаюсь!

Вспоминаю одним зимним вечером страшное волнение матушки: пропал Арсений, три-четыре часа подряд нет дома. На дворе темнота, холод. Ушел налегке с велосипедом. Когда он появился, на него немедленно обрушился шквал обвинений. Он начал что-то говорить, и я испуганно ждала, что сейчас польется поток грубости. Но он объясняет, что был на дальнем источнике Архистратига Божия Михаила, подставляет маме под руку для удостоверения свою мокрую после купания голову. И вдруг (все это стоит в глазах) – падает перед ней на колени и с глубоким покаянием, касаясь лбом пола: «Мама, прости меня! Ты волновалась!» Когда он поднял голову, лицо его было кротким, как у Ангела. Не представляла, что подобные движения души возможны у этого, уже заметно возмужавшего, мальчика, который на людях вел себя подчеркнуто независимо, а среди сверстников, быстрый, ловкий, удачливый – душа мальчишеского общества. Казалось, он уже ничем от них не отличается, может дать сдачи словом и делом – в общем, такой, как все. Происходящее было столь сильным духовным проявлением, что присутствующим хотелось заплакать.

В этот вечер узнала от матушки, что Арсений практически каждый день окунается в каком-нибудь дивеевском или окрестном источнике. Сын настолько приучил себя к холоду, что ходил зимой в ветровке: «Мама, какие мы все изнеженные. Надо всем готовиться к последним временам». Глядя на стремительно летящий за ночным окном снег, на миг с ужасом представила купание в такой мороз и с большим уважением подумала: это не простая закалка, это заповеданные ему отцом формы – борьбы с бесами, с

греховной человеческой сущностью.

Вспомнилось, как прежде, при случавшихся ссорах, тяжелых внутренних искушениях – Арсений самостоятельно вставал на истовую молитву, земные поклоны. И втайне ото всех рассказывал маме о приходящей Небесной помощи. Возможно, теперь, когда благодать отступила, нужны были активные попытки ее взыскания. Как никогда требовались – защита и помощь.

Нас всех заставил глубоко расстроиться случай, происшедший за несколько месяцев до конца. Арсений вернулся с лошадью, не имея, как говорится, на себе лица. «Ну, мама, теперь мне известно, что такое «бешеный галоп». Ты знаешь, что было? Предательница Пулька залаяла на Гусара, и лошадь сорвалась, как сумасшедшая. Несется вокруг Канавки, люди шарахаются во все стороны. Одна старушка, прости, прости, Господи, ведро в один сугроб, сама – в другой. Несколько раз думал: мне конец. Вцепился в гриву, сползаю то в одну, то в другую стороны. И только кричу: «Тпру...» И слышу над собой – папину молитву. Сам молиться нисколько не мог... Мама, тебе не сознавались, мы с папой в деревне брали напрокат лошадь. Но с папой было не страшно скакать и бешеным галопом. Он всегда управлял лошадью. Мог ее замедлить и остановить в любую минуту». После этого случая было решено купить сбрую. И до времени подобное не повторялось.

Наступала «пора пылкой юности», и происходили действительные срывы. После одного из них мы с матушкой пришли ко кресту отца Владимира. Она опустилась на колени в изголовье могилы и просила, приникнув к ней головой: «Ты видишь, что он творит. Ты мне его дал, ты его и управь! Я с ним не справляюсь!» Да, батюшка все знал и молитвы эти слышал.

В Рождественские дни последней в жизни Арсения зимы в дом принесли видеозапись об Афоне. Большинство изображений, по понятным причинам, было статичным, и лента нисколько не напоминала яркие, подвижные фильмы, например, об Иерусалиме. На чей-то взгляд, она могла показаться скучной, но никогда, ни до того, ни после, я не видела Арсения в таком восторге. Он кинулся к маме,

обнимал и целовал ее в неописуемом детском ликовании: «Мама! Афон! Афон! «Ставро-Никита – Крест побеждает!» – он переводил все греческие наименования, делал пояснения к каждому новому кадру. Глаза сияли, брызгали светом... Это было то, чем он жил, как будто его душа там обитала. *Где сокровище ваше, там и сердце ваше будет* (Лк. 12, 34). За несколько дней до смерти Арсения в келье отца Владимира замироточила икона Царицы Небесной – Игумении Афонской Горы. Сорок первый день мальчика выпал на день памяти всех Афонских святых.

Предстоя кончине Арсения, я думаю о том, как велико в очах Божиих намерение человека. Отец Владимир повторял слова последней монахини Марфо-Мариинской обители милосердия матушки Надежды: *«Главное, сохранить чистоту намерения. Все равно ничего не сможешь сделать так, как хотел. Враг всеусиленно будет мешать. На это есть покаяние. Но хоть что-то надо принести Господу –* ***непорочным****. Бог будет судить нас по нашим намерениям.* ***Главное – блюди чистоту намерения»****.*

В сороковой день Арсения раба Божия Татьяна (они с мужем – университетские друзья отца Владимира) рассказала: «Уезжали из Дивеева с годовщины батюшки, мальчик нас провожал. Заговорили об одном, другом: «Арсюша, а кем же ты хочешь стать?» Он помолчал и, сменив только что звучавшую веселую интонацию на серьезную, ответил: «Думаю, я, как папа, буду монахом». Признаться, и не догадывалась о таком его настрое. Для нас это было неожиданностью. Мы тут в Москве, в суете». Эти слова прозвучали 23 марта, до кончины Арсения оставалось полтора месяца.

Наталья Григорьевна: «Мне сообщили о смерти Арсюши, и сразу подумала: «Боже мой, как его матушка любит». Просто по-человечески кажется: сколько бы он мог при его темпераменте сделать, изучить. Да, это лишние размышления... Его особенностью было то, что он спешил. Старался объять необъятное. Попробовать там и там. Постоянный поиск. И в то же время, мне кажется, он знал какие-то тайны. Был сопричастным тайне. Всей жизни 15 лет. Я боюсь смерти, но знаю – это же будет. Неизбежно.

Но не знаю, как. Просто прошу: «Господи, даруй, чтоб достойно, собой никого не нагрузить, не возроптать, а чтобы – смиренно». Этого же просишь. Близкие люди, мы все там встретимся. В это верит душа.

Простите вольное размышление: вот я кем-то так дорожу – не могу без него жить. Мне кажется, родной отец и Господь очень хотели этой встречи. Арсюша, быть может, выполнил какое-то предназначение. Не то, чтобы он заслужил Вечность или что-то большое понял. Мы не знаем всех тайн. Для чего мы призваны на эту землю. Быть может, готов понять и уже там – понял. А так как по немощи нам все равно болезненно расставаться... Кто-то поболеет или так уходит. Мне кажется, все это – предначертано.

Помню часы в Преображенском соборе под чтение Евангелия на второй день после смерти отца Владимира. И Арсений... Арсений упал возле гроба навзничь, распластавшись, так вот он горевал. С матушкой Ириной глазами встретились, поклонились, какие тут слова.

И когда мальчик от нас ушел, я на следующий день примчалась в Дивеево. Но матушку вокруг обступили, постояла и уехала: «Матушка, я тебя люблю, сочувствую», – что тут? Любовь и горе – вне советов, тут молитва... Помню, как он горевал... Арсюшенька – от батюшки».

Матушка Ирина: «После смерти Арсения говорила с Филиппом: «Ты же ближайший друг. Неужели у тебя не было никакого предчувствия?» А он: «В ту самую ночь, перед его смертью, вижу во сне: Вы стоите, матушка, у могилы отца Владимира, а рядом – могила Арсения. Понимаю: это его могила. Так смутился этим сном. Утром пришел в школу, а Арсения не было на первых двух уроках. Сразу начал думать, не случилось ли чего-нибудь, но он появился, и я успокоился. А вечером это произошло...»

После Пасхи мы встретились с рясофорной послушницей В., медсестрой, в районе богадельни. И она: «Матушка, я во сне видела отца Владимира, да так необыкновенно. Наверное, он предупреждал, что мой брат умрет. Смотрю, батюшка копает землю лопатой. А за его спиной отрок, лет пятнадцати, лица не вижу. Подхожу: «Батюшка, вы что копаете?» Он поворачивается ко мне через плечо:

«Да, вот ему – могилу», – кивает в сторону мальчика. Это, наверное, мне предсказано, брат у меня сильно болен. Он крестился лет пятнадцать назад. Наверное, это его духовный возраст». А я подумала: «Батюшка же мой»! И сразу сердце защемило. И отроку моему пятнадцать лет. Но это ведь не ко мне относится. И отстранила беспокойство.

И Арсений видел сон. Отец говорил ему: «Ложись рядом со мной, с моей могилкой». Утром он пришел: «Мне папа приснился. И из могилы мне говорит: «Ну, хочешь, ложись рядом со мной». Этот сон меня очень пронзил. Я почувствовала нечто, как будто отец под защиту его хочет взять. Батюшка знал его очень большую ранимость, уязвимость духовную, потому что Арсюша перенес в своем возрасте очень много внутренних испытаний, немало нелегкого и даже страшного. Всего не расскажешь.

Когда он баловался, я говорила: «Вот будешь за меня молиться – стоять у гроба, как стоят дети и вспоминают, что они обижали мать. Будет стыдно тебе за неуважение ко мне, почувствуешь, наконец, свою вину». А он: «Нет, не буду за тебя молиться! Не представляю, что тебя не будет. Я не смогу жить, если тебя не будет. Ты первая будешь за меня молиться». Часто он это повторял, чуть ли не каждый день в последнее время. Говорила: «Мечтаю, что ты вырастешь, будешь в алтаре меня поминать». – «Нет, нет! Я уйду гораздо раньше тебя». И такая уверенность, невероятная уверенность. Одному своему приятелю сказал: «Наша дружба, жаль – ненадолго». Все чаще это у него вырывалось: «Я ведь скоро умру...» Недоумевала, не принимала всерьез. Только в последнее время эта интонация у него с такой силой проявилась.

Мы прочли книгу о убиенном архимандрите Петре. Младенцем он умирал в больнице, должны были делать операцию на кишечнике. И мама его, совершенно неверующая, впервые в жизни упала на колени, здесь в больничной палате: «Господи, Ты его исцели! Он будет служить Тебе, он всегда будет служить Тебе, только Ты его исцели». И утром в тапочках и халате забрала месячного сына и убежала от операции. Решила, как будет, так и будет. Он выздоровел. Школьником начал ходить в храм. И ко-

гда после выпускного вечера сказал: «Мама, ты знаешь, меня учительница спросила, куда я собираюсь поступать, ответил, что пойду в семинарию», – негодованию и возмущению ее не было конца, уснула в слезах. Ночью открывается балкон, появляется Спаситель и произносит:

«Смотри и помни!» И она видит палату, себя, стоящую на коленях, крошечного своего младенца – и вспоминает все.

Когда я с месячным Арсюшей угодила в больницу, он у меня тоже умирал и от подобного кишечного заболевания. Дизентерия не подтвердилась, у него был кровяной понос, он истощался и умирал, и я просила: «Господи, я Тебя умоляю, он будет монахом, я его отдам в монахи, он будет Тебе служить, и он пойдет в монастырь». Дала такие обеты. Когда мы прочли это житие, я поразилась: «Арсюша, я за тебя подобные обеты Богу дала и так же о них забыла». А он: «Да ну, мам». Вспомнила этот факт из собственной жизни, когда прочла об архимандрите Петре.

Арсений был особенный ребенок. Когда я его пеленала, он поднимал головку, вглядывался во что-то невидимое и незабываемо улыбался. Он видел Ангелов, не сомневаюсь в этом. Однажды сказал: «Я помню, помню, что видел Ангелочков». Очень смеялась: «Как ты можешь помнить, тебе был месяц?» Но он уверял меня, что прекрасно помнит, и даже то, как он улыбался. Может быть, он это помнил о себе в более позднем возрасте.

Помню, однажды я задумалась о том, что будет в 2000 году. Какая дата ошеломляющая, значимая. Что-то обязательно должно произойти, быть может даже конец света... Думаю, Арсюше будет пятнадцать лет, ну и достаточно. Сама ему возраст определила. На пятнадцать лет Господь дал мне ребенка, который хотел быть монахом. В наше время и монахом страшно стать... Господь решил забрать его в монахи туда, то есть мое желание и обет были исполнены. Мать отца Петра пообещала столь важное Богу и забыла об этом. Без всякого ее вмешательства сын сам пошел по намеченному Богом пути. По материнскому благословению, которое она дала младенцу и тут же запамятовала о нем. Господь все доделал за нее.

А тут ребенок рос, у нас с ним было единодушие с его трех лет. Привезли трехлетнего в монастырь, он стал рисовать матушку Иоанну. Сказал, что она похожа на королеву, и нарисовал ее в монашеском облачении с короной на голове. Мальчик жил в одном русле все свои годы. После батюшкиной кончины – резкие нападения врага, бесы толпой на него кинулись. Потому что глава семьи спасся, и нужно было всю злобу выместить на наследнике и продолжателе его дела.

Женщина, которая живет на Канавке, рассказала, что ее Тиме, он чуть постарше Арсения, приснился сон: «Пришел отец Владимир и поселился на Канавке с сыном. Мы так и чувствуем, что душой они здесь, с нами». Арсюша с другом, бывало, в снежки играли. Тима пришел однажды весь засыпанный снегом, и мама: «Что такое?» – «Это Арсюша». – «Он же меньше тебя». – «Ты знаешь, мама, он всех нас побеждает». Периодически слышала: Арсюша хулиган, драчун, бесшабашный. Но я никому этого не передавала и не придавала этому значения. Сколько бы мне на него не наговаривали, думаю: «Отца похоронил, трудно ему. Я-то знаю, он пойдет по стопам отца Владимира, поедет на Афон, будет подвизаться, быть может, станет старцем». Такие у меня были мысли».

Когда сказала сыну: «Пойдешь в семинарию учиться», – он ответил: «Ты хочешь, чтобы я веру потерял? Я буду простым монахом. Не надо мне никакой семинарии – есть яркие примеры. Там я все потеряю».

Всегда чувствовала, и это было большим утешением для меня, что Арсений имеет стержень и знает, чем и как защищаться в моменты тяжелых искушений. Ему было одиннадцать лет, мы временно жили в Подмосковье. Лидочка пошла в первый класс, Арсений был в пятом. Часто отлучалась в Москву по делам. Дети после школы оставались одни. У нас шел ремонт. Раб Божий Сергей, молодой человек, прихожанин Андронникова монастыря, помогал нам в строительстве и иногда за детьми присматривал. Однажды возвращаюсь домой, Сергей сидит подавленный. «Матушка, я побил Арсения. Он приставал, вывел меня из терпения, и я его побил. Подрались всерьез, пришлось его

по-взрослому поколотить. Я такую вину чувствую». – «А что он?» – «Знаете, он меня удивил. После этого жуткого столкновения ушел в свой угол за ширму, зажег свечу и начал подряд читать кафизмы, одну за другой с поклонами». Открыл Псалтирь после такого стресса – тебя избили. Никуда не скрылся, не обиделся. Он понял, что силы зла восстали на них. Не побежал к электричке ждать маму, чтобы ей пожаловаться, не пошел плакать. Понял, случилось серьезное – двое православных подрались. Где искать защиту? Сережа воцерковленный, не первый год ходит в храм, и сел унывать. А ребенок открыл Псалтирь и начал срочно читать. Человек понимает, где искать лекарство, берется за самое действенное. Сын не пропадет, он знает, как лечиться. Это меня очень порадовало. А нападки врага были постоянными. Он мне говорил: «Я чувствую в себе две половины, меня раздирают на части – я в свою сторону, а они – в свою. Я хочу быть хорошим, очень хочу быть хорошим, но мне тяжело, мама». Бедные наши дети! Думаю о том, какая сегодня идет битва за каждую душу. При папе ему было, конечно, гораздо легче. И стало почти непосильно без него.

За три или четыре дня до смерти Арсений готовился к экзаменам по фортепиано. Мы занимались несколько часов, и он переутомился. Упал на кушетку рядом с инструментом. Сижу на стуле и прошу: «Вставай, еще это надо повторить. Давай-ка поднимайся». Протягиваю ему руку, он якобы старается до моих пальцев дотянуться, не меняя положения, кряхтит – такая игра. Наконец приподнимается, хватается за мои пальцы, начинает тянуть к себе. Отрываю его, он садится и произносит: «Вот так ты меня будешь из ада вытягивать, вымаливать». – «Что за чушь!» Посмотрел на меня каким-то неожиданным взором из глубины, духовным взглядом. Только что мы занимались, ни о чем серьезном не вспоминали. Так он на самом деле переживал в сердце грехи, свои духовные срывы, падения. И страдал. Осознавал их серьезность».

Иеромонах Серафим из Гороховецкого монастыря: «Арсений часто приезжал в Гороховец. Вспоминаю один разговор, свидетелем которого я оказался. С нашим игуме-

ном отцом Петром мы были в Дивеево и потом вместе с Арсением возвращались в монастырь. Это 2000 год, после дня Ангела батюшки Владимира. Арсений ехал со своим другом Филиппом. Они сидели на заднем сидении и решали, как им лучше подвижничать, как успешнее себя побеждать. Филипп говорит: «Ведь как сурово прежние подвижники жили, умерщвляли свою плоть. И нам нужно им подражать. А как это лучше делать?» Далее они рассуждали, что не годится насыпать на свою постель мелких стекол и на них спать, так как стекла будут колоться и оставаться в теле, от этого могут происходить разные болезни. «Это не пойдет». Филипп: «А вот если на свою постель положить доску, и в нее вбить гвозди?» – «А вдруг гвозди ржавые окажутся, и получится заражение крови. Это тоже не пойдет». – «Ну, ладно, на чем же остановимся?» Арсений: «А если вместо гвоздей положить колючки какого-нибудь растения, типа крыжовника, или других сорняков колючих?» – «Да, это самое лучшее». Таким образом, они нашли разрешение своей проблемы.

Когда приехали в монастырь, их поселили вместе. Братия, желая подшутить, сказали Арсению, что видели, что его друг курит на улице. Он с такой наивностью принял все это к сердцу, и когда Филипп вернулся с прогулки, тот ему не открыл. Филипп произносил Иисусову молитву, стучался-стучался. Арсений выходит к нему: «Я тебя не пущу: ты куришь, я не могу открыть тебе дверь, пока ты не бросишь курить». Братия признались Арсению, что пошутили. Только после этого он успокоился, извинился и пустил друга в келью.

Памятный случай. В один из приездов в монастырь Арсений подошел к отцу Петру и спросил, где ему разместиться на ночлег. Отец игумен: «Иди в будку к собаке, там и ночуй». Сказал ради шутки, и об этом все забыли. Поздно вечером матушка Ирина заволновалась: нигде нет сына. Начали искать по кельям. Прибегают: «У вас не было Арсения?» – «Не было». – «Куда же он делся?». В другую гостиницу – тоже нет. «Что-то непонятное. Давайте искать вместе». Проходили случайно мимо собачьей конуры и, ко всеобщему удивлению, заметили, что из нее ноги торчат.

Арсений, ничтоже сумняшеся, залез в будку к собаке и думал там переночевать. Ему объяснили, что отец Петр пошутил, он не хотел размещать его в собачьих условиях. Арсений с такой простотой воспринял распоряжение настоятеля, не возмутился, но собирался провести в холодной конуре всю оставшуюся ночь, преподав образец смирения всем гороховецким монахам, которые запомнили этот уникальный случай послушания.

Арсений, конечно, читал, как будущий Арсений Великий в первый раз пришел к авве Иоанну Колову и тот, испытывая его, бросил в угол трапезной кусок хлеба. Вся братия сидела за столом. Преподобный Арсений подумал: «Раз господин поступает так, значит, Бог напоминает мне, что я – ниже собаки и должен вести себя соответственно». Он стал на четвереньки, пошел, как пес, взял хлеб и начал есть. Повернувшись к братии, преподобный Иоанн произнес: «Это будущий великий подвижник».

В характере Арсения была невозмутимость. Ему говорили то, перед чем не всякий мог бы смириться, но он спокойно все принимал, никогда не возражал, что не могло не удивлять, тем более при его горячем характере. Конечно, это молитвы отца Владимира. Но и собственная мудрость: начитанности для этого недостаточно, нужно еще что-то.

В этот день я отслужил Божественную литургию на Родительскую Димитровскую субботу. Пришел в келью немного отдохнуть, прилег и заснул. Да, хотел добавить несколько слов. Я испытывал хорошую зависть к Арсению: счастливый человек – за столь короткое время, пятнадцать лет, достиг Небесного Царствия, избежав переживаний, нестроений житейских. Явилась у меня мысль: хорошо бы и мне поскорее закончить эту временную жизнь...

И вижу во сне, что служу в нашем монастырском храме Иоанна Лествичника. Алтарничает Арсений. Закончилась литургия, Царские Врата затворены, и я начал разоблачаться. Арсений тоже чем-то занят, кажется, чистит кадило. Снимаю с себя священническое облачение, затем подрясник и остаюсь – в мирском платье. Вдруг Арсений отворяет Царские врата и выходит через диаконские двери в храм. «Зачем он это делает? Служба-то закончилась».

Иду к алтарю и слышу, женский голос произносит: «Арсений, зачем же ты Царские врата открываешь? Разве не видишь, что батюшка еще не одет?» С этими словами я проснулся и понял, что Арсений, получив дерзновение, наверное, молится за меня. А я еще не готов: не имею брачного одеяния, остаюсь до сих пор – «не одет».

Второй сон: Арсений появился в монастырском храме, где идет соборование. Удивляюсь: «Откуда он здесь? Пойду посмотрю, куда он пошел, батюшки справятся». Вышел из храма. Арсений идет вместе с монастырской братией. Мы очутились на поляне, а потом на огромном лугу, кругом цветы, трава сочная, зеленая. Уселись кружком, и начался разговор. Кто-то из братии спрашивает: «Ну, Арсений, расскажи, как все было-то?» Он отвечает: «Вел я лошадь, вдруг она пошла галопом... я сильно расшибся и тут увидел: спускаются несколько Ангелов. Три Ангела обняли меня и понесли к Господу». После этого он еще что-то говорил, но я забыл. Эти только слова и запомнились».

Матушка Ирина: «Захожу как-то в келью к сыну: «Какая у тебя хорошая молитва Ангелу-хранителю». А он: «Да ты мне сама ее принесла и не помнишь. Я давно ее выучил. Сейчас тебе откреплю». Снял текст, приклеенный скотчем: «Читай ее. Всем нужно знать ее наизусть».

> «Хранителю Ангеле мой благий, в страшный час смерти неотступен буди ми, прогоняя мрачные демоны, имущие устрашити притрепетную мою душу. Защити мя от тех ловления, егда имам преходити воздушныя мытарства, да храним тобою, святый мой Ангеле, безбедно достигну Рая ми вожделенного, идеже лица святых и горних сил непрестанно восхваляют всечестное и великолепое имя в Троице славимаго Бога, Отца и Сына и Святаго Духа. Емуже подобает честь и поклонение во веки веков. Аминь».

И еще раз имела возможность убедиться, как он почитает Ангела-хранителя. Мы были с батюшкой в больнице, дети оставались с моей мамой в Дивеево. И она мне рассказывает, что однажды чуть инфаркт не получила. Батюшка был при смерти, и враг уже поднимал на сына го-

лову. Арсений пришел в третьем часу ночи, весь избитый, грязный, весь трясущийся и плачущий и сказал, что его чужие ребята куда-то увезли. Когда я его спрашивала: «Арсений, ты хоть молился при такой ситуации ужасной, Николая Чудотворца призывал?» – «Да я все больше, мама, Ангела-хранителя». Еще раз поняла, что он глубоко чтит своего Ангела. Любил все молитвы, обращенные к нему. В холщовой сумочке, расшитой крестами, подарок прежних времен, он хранил десяток главных своих акафистов и книжечку о вреде сквернословия. Все это брал с собой, когда ходил молиться по ночам в пещерную келью. Среди них был дорогой ему акафист Ангелу-хранителю.

Отец Серафим рассказал свой сон, говорящий о заступлении Ангелов. Думаю, что милость Божия была связана и с Арсюшиной любовью к Ангелам, и с его молитвенными воздыханиями к Ангелу-хранителю. Потому что каждый, кто старался молиться всем сердцем, знает, как отзывчивы на молитву Ангелы и святые. *(Записала матушкин рассказ на пленку. Молитва Ангелу-хранителю оказалась едва слышной. Не зная, что делать, начала читать принадлежащий Арсюше акафист Ангелу-хранителю – подарок матушки после смерти сына. Дошла до молитвы и узнала, что текст, которым пользовался Арсений, является окончанием молитвы из акафиста. Как скоропослушливы Ангелы за молитвы Арсюши! – авт.)*. Люди нередко обращаются ко Христу, думая, что Бог все равно не слышит, и не верят, что Он хочет их услышать. Но эти мысли – всевает бес. Это ему важно, чтобы мы были в ложном устроении и молитва наша лишилась плода. Потому что: «по вере вашей, да будет вам». И жизнь Арсения подтверждает, как внимателен Бог к человеку – сокровенному человеку.

Этот сон меня очень утешил. Пришла староста и рассказывает: «Мой внук целый год с ним за партой сидел. И с тех пор, как Арсюша умер, постоянно твердил: «Бабушка! Вот бы узнать, куда он попал! Увидеть, где он сейчас. Как он там?» Ребенок нецерковный, но заглянул в календарь на Арсения Великого: «О, сегодня у Арсения день Ангела!» (У него небесный покровитель Арсений Сербский). И утром

просыпается и кричит: «Бабушка, ты представляешь, какой мне сон приснился? Часа в три ночи проснулся и снова заснул. И вдруг вижу: простор – все вокруг такое блестящее, ярко-белое, как от снега – такая белизна. И вдруг женщина! Думал, мамка... Спрашиваю: «Мам, что ты тут делаешь?» И вижу, что это – не она. У Нее такой плащ до полу, голубой длинный, и Она вся в лучах, я не могу на Нее смотреть, сияние такое пошло! И Она поворачивается ко мне и говорит: «Андрей! Ты хотел видеть Арсения? Ну, смотри». И Она сразу растаяла, а я вижу Арсюшку в черном подряснике, такой радостный, такой радостный, но на расстоянии, и я не могу к нему приблизиться. И мы начинаем разговаривать! И он мне что-то важное объясняет. И представляешь, бабушка! – я плакал, у меня вся подушка в слезах – и не могу вспомнить ничего! Он мне такое важное говорил, я так плакал, и я ничего не запомнил!»

Помню, мы были в Иерусалиме и пошли с Арсюшей вечером погулять. Лиду спать уложили. Город очень красивый, море рядом плещется. Говорю: «Боже мой, в Иордан мы окунались и на Голгофе причащались. Какая же милость Божия! Почему же папочка наш никогда нигде не был, не сподобился, ни в Иерусалим, никуда. Мы так хотели, чтобы он побывал на Святой Земле». Вдруг сын меня осекает: «Мама, ну что ты говоришь, у него там – Небесный Иерусалим! В тысячу раз прекраснее!» Твердо меня остановил. Ребенок, и такая вера: главная реальность – Вечная Жизнь.

Часто ему говорили: «Ну что, Арсений, когда вырастешь, будешь батюшкой, иереем». – «Нет, да хорошим бы простым монахом стать. Это слишком серьезно. Быть священником – это очень серьезно».

Из писем Арсения

письмо первое

«8.02.99

I. Здравствуй, дорогой мой во Христе брат Филипп! От души благодарю за твои письма и подарки.

II. Прости меня грешного, что я забыл прочесть молитву о Страстях перед Св. Причастием. Дело в том, что я ее не знал. Ты мне говорил ее, а я не запомнил. Даст Бог, я ее запомню и выучу наизусть.

В храме ко мне иногда подходят чаще всего блудные (телесно); сами то они, может, и не блудят, а вот мысли у них такие. Спаси тебя Господи за совет на эту тему. Зело рад за то, что тебя благословили на стихарь. Если Господь сподобит тебя приехать в Дивеево, то вместе послужим.

Ответ про руку я не совсем понял. Или мне просто притворяться, как будто я ее (руку) не замечаю. Или мне вообще не реагировать на это?

Не переживай, что не занимаешься греческим. У меня тоже так бывает.

Напиши, как ты «юродствовал» при мне. Твоим новым способом пользуюсь - получается.

Свой блокнот я еще не решил на что. (Скорее всего, буду записывать туда или молитвы, или душеполезные случаи из своей жизни). Сначала я сомневался, к какой из этих двух тем подойдет мой блокнот, а потом подумал, что ведь на нем нарисованы всякие зверюшки, значит, для молитвы он не подойдет.

Хорошо, что ответил на Петино письмо. Когда будешь ему писать, то, если сможешь, напиши ему про беседу с душой, т. е. объясни ему, как ее проводить. (Он интересовался этим.)

Твои диаграммы жизни мне очень понравились. Хочу написать тебе диаграмму своей жизни (правда, только наполовину, т.к. все еще впереди.) Вот она:

Если будет все идти по воле Божией, то я напишу продолжение моей жизни; конечно, это все мои предположения. Пути Господни неисповедимы...

постриг в иночество	*постриг в монашество*
постриг в мал. схиму	*постриг в вел. схиму*
смерть	

На этом заканчивается вся моя земная жизнь. Начинается загробная.

Воскресение	*Страшный Суд*	*а дальше уже как Господь*
или вечное мучение в аду	*или*	*вечное наслаждение в Раю*

Здесь по улице ругаются все подряд, от мала до велика. Я, конечно, попробую назвать какого-нибудь заядлого матерщинника казаком, сказав ему: «Если не будешь ругаться матом - ты казак», - но вряд ли это поможет. Те, которые не ругаются, они и без этого слова («казак») хорошие люди, но есть и такие, которые то ругаются, то перестают. Вот таких я и буду называть казаками, может, даже и сделаю для этого необходимые вещи. (Ружье, штаны с лампасами и т.д.)

III. Ну, теперь напишу о себе и своей жизни. Недавно вернулся из Гороховецкого монастыря. Пробыл там 10 дней и остался очень доволен. Собираюсь ехать туда еще в 20-х числах февраля. Помолись.

Проявил недавно свою фотопленку. Получилось много смешных и хороших фотографий. Очень хорошо ты вышел на том снимке, где ты стоишь в косоворотке. Вначале хотел тебе их прислать, но потом подумал, что письмо будет тяжелое и может не дойти. Лучше будет передать его с кем-нибудь. Жалко только, что

твоя мама не застала меня, а то бы я передал тебе небольшой подарочек и фотографии.

Появилось у нас новое животное по имени Пулька. Это собака породы спаниель. Очень умная и добрая. Приезжай, погладишь.

Ну, вроде все.

IV. Прости меня грешного за все мои прегрешения и ошибки в письме. Ангела тебе Хранителя! Да хранит тебя Бог!

С нетерпением жду твоего ответа и молитв за меня грешного.

С любовию о Господе грешный раб Божий, твой друг и брат, убогий Арсений.

P.S. Помолись за меня, чтобы я благополучно сдал предметы.

Христосъ посреди насъ.»

письмо второе

«Здравствуй, дорогой о Господе брат Филипп. Ты уехал из Дивеево, и сразу стало как-то скучно. Как ты доехал? После твоего отъезда я в келье (дальней) был только один раз.

Когда мы убирали постель, нашли твою святыньку - «книжечку» с 90 псалмом «Живый в помощи» и молитвой «Всемилостивая», завернутое в платочек. Думаю, что надежнее будет отдать тебе это через твоего папу, т.к. на почту я не надеюсь.

Духовная «подзарядка» у меня еще осталась. Помолись, чтобы она у меня не исчезла. Хотел тебя попросить, чтобы ты написал, как мне быть, когда протягивают руку (в храме) поздороваться? В скиту ты мне про это говорил, но я, грешный, уже забыл. И еще одна просьба. Напиши про то, как мне быть, когда со мной начинают здороваться всякие блудные девочки? (блудные не телесно, а духовно).

В своей келье (дома) у меня некоторые изменения, а именно: положил на свой молитвенный столик стекло,

чтобы воск со свечки капал не на стол, а на стекло; на это стекло поставил тарелку, смазал ее маслом, и теперь, если воск упадет на нее, то он не прилипнет к ней, а наоборот, будет легко отдираться.

Не знаю, за что мне Батюшка Серафим посылает такие чудеса. Вчера (14 ноября в субботу) я сподобился сам, своими грешными руками держать Батюшки Серафимины вещи (т.е. башмачки, мешочек и часть нательной рубашки). Это было просто чудо! Все прикладывались, а я был в каком-то небесном восторге! Мне кажется, что Батюшка Серафим благословил меня сподобиться прикоснуться к его св. вещам за то, что мы чаще всего стояли у него там, и еще за то, что я повесил у себя в келье перед его иконой лампадку. (Теперь у меня две лампадки.)

Подал записку о тебе, о Петре и о себе.

Ну, все. Все, что вспомнил, то и написал, а что забыл, то значит Богу так угодно. Прости меня грешного за все злодеяния, которые я тебе причинил. Не буду их перечислять. И, если сможешь, сугубо помолись обо мне.

Храни тебя Господь и Матерь Божия.

С любовию о Господе, грешный, убогий друг, отр. Арсений.

P.S. Очень помогает для того, чтобы не рассеивался ум. Стал читать каждый день Пяточисленные молитвы и акафист М.Б. Про Пяточисленные, я думаю, ты знаешь, а про акафист вот что сказано: кто будет читать его каждый день, того Матушка Богородица защитит на Страшном Суде.

P.S. Писать по-гречески молитвы не буду, т.к. письмо может быть очень тяжелое и не дойдет.»

письмо третье

«Филиппъ, еще хотелъ тебя попросить помолиться о томъ, чтобы я на летнихъ каникулахъ, хотя б на недельку, попалъ в монастырь. Очень соскучился по мона-

стырской жизни. На весеннихъ каникулахъ не смогъ туда приехать (в Гороховецъ), теперь только на летнихъ.

Тяжело учиться в школе. Кругомъ матъ, издевки и всеобщая суета. Хочется по-настоящему отдохнуть отъ этого, да негде. Если сможешь, помолись

Прости еще разъ за все, меня грешного.

Съ любовью о Господе, всегрешнейший отр. Арсений.

13.05.98 г.»

письмо четвертое

«Здравствуй, дорогой во Христе брат Филипп! Прости меня, грешного!

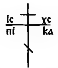
Пишу наскоро, т.к. нет времени. Очень прошу тебя, чтобы ты приехал в Дивеево!

Ради Христа, пожалуйста! Очень прошу тебя об этом по двум причинам: первая - очень хочу с тобой повидаться, вторая - ее я не могу объяснить в письме. Есть еще, конечно, причины; хотел позаниматься греческим языком, сходить в келью, искупаться в источнике и т. д. Но самое главное - мне нужна духовная поддержка, и немедленно, а ты как раз и можешь меня духовно поддержать. Я совсем пропаду в этом греховном мире, если никто не будет меня возставлять с пагубного пути. И поэтому Господь терпит еще мои прегрешения, но я чувствую, что уже Всевышний начинает на меня гневаться, т.к. я уже (пока) немного приболел. (Помолись.) Поэтому-то и прошу, чтобы ты приехал с твоим папой на этой или на следующей неделе к нам в Дивеево. Я буду очень огорчен, если ты не захочешь приехать.

Еще раз, прости за все.

С любовию и надеждой на исполнение моей, так сказать, грубой просьбы.

Гр. убогий отр. Арсений.»



«Здравствуй, дорогой во Христе, друг мой и брат! Прости, что так долго не писал тебе. Очень жалею, что со дня твоего отъезда так и не получил твоего письма. Зато твой папа передал мне от тебя мои вещи (пакет, книжку [греческую], маленький пакетик из-под ладана, две кассеты).

Давно хотел спросить тебя об одной вещи. Можно ли креститься зимой в варежке или перчатке, проходя мимо храма, идя по Канавке, прикладываясь, точнее крестясь перед иконой (которая на Канавке) и т.д.? У меня пока все слава Богу. Потихоньку молюсь, читаю духовные книги, учусь. Недавно прошел по Канавке за тебя и за свою маму. За тебя, чтобы ты скорей переехал в Дивеево, а за маму, — чтобы она быстрей выздоровела. (Она заболела гриппом). Кстати, если сможешь, помолись за нее. Одну половину Канавки прошел пешком, а другую на коленях. Только никому не говори про это.

Приехал недели три назад мой друг Петя. (Про которого мы говорили в келье, и даже написали с тобой его и свои имена - Петр, Филипп и Арсений). Я сначала был очень рад, а потом начались у нас с ним ссоры. Помолись за нас грешных. На Николая Чудотворца собираюсь поехать в монастырь (в Гороховец). Не знаю, как Бог даст.

Спешу сообщить тебе радостную вещь - у нас теперь появился щегол. Он очень красиво поет, любит семечки (сырые), репейник, морковку, яблоко и капусту. А кролика мы отдали на зиму в хорошие руки - просто мама не выдержала. Он очень много один раз «надудолил» на пол.

Ходил в храм помогать убираться. На этот раз меня благословили чистить оградку у раки Батюшки Серафима (в старом соборе). Слава Богу, осталось еще прежнее желание молиться, и поэтому молюсь по-прежнему ночью. Снега у нас теперь в два раза стало больше, чем тогда, когда ты был. Птички стали все еще больше хотеть есть, и я вместе с папой сделал кормушку.

Хочу тебе напомнить, что, когда ты был со мной вместе на скиту (в Канерге), я просил тебя писать в своих письмах какие-нибудь поучения. Не забудь про это.

Филипп! Очень прошу исполнить мою грешную просьбу - прислать мне твою фотографию. Если, конечно, сможешь, если же нет, то не надо. В храме меня постоянно искушают девчонки - тоже не могу с этим справиться.

Хочется поскорей свидеться с тобой. Впрочем, на все воля Божия. Прости меня грешного за то, что я так издевался над тобой - бес попутал. Помолись за меня грешного. Жду твоих писем.

Храни тебя Господь и Матерь Божия.

С любовию о Господе, грешный р.Б. отр. Арсений.

P.S. Я прочел, что Преп. Серафим Саровский советовал стоять на службе с закрытыми глазами и открывать их только, если будет нападать уныние или сон.

P.S. Помолись, очень тебя прошу, чтобы я благополучно сдал русский язык.

Напиши, как доехал и как занимался дома греческим. Еще хотел тебя попросить разъяснить мне, как ты «юродствуешь» в школе. Т.е. как ты там прикидываешься глупым, переносишь побои от товарищей и т.д.

P.S. Если будешь писать письмо Петру, пиши аккуратнее.

Еще раз, прости. С Богом!»

(Далее следует текст молитвы «Царю Небесный» на греческом языке).

письмо шестое

«Здравствуй, Филипп! Очень благодарен тебе за письмо. Но я огорчился на счет твоего помысла, что можно «служить» литургию, как утренние молитвы. Пожалуйста, умоляю тебя, не делай этого - мне один батюшка сказал, что это кощунство. (Я, конечно, не говорил ему про тебя.) Поэтому прошу тебя, перестань этим заниматься. Прости меня грешного.

В следующем письме напишу тебе об этом подробнее.

Твой друг, убогий отр. Арсений.»

письмо седьмое

«Дорогой братъ во Христе Филиппъ! Все очень скучаемъ после твоего отъезда, но также и молимся, дабы вы еще приехали къ Батюшке Серафиму въ Дивеево. Очень прошу тебя помолиться ко Господу Богу за меня. У меня чего-то разболелся глазъ, причемъ очень сильно, ну значитъ так Господу угодно. Прости меня за все, чемъ я обиделъ тебя, когда ты былъ у насъ. Я по-прежнему стою около подсвечника у Сергия Радонежского или у башмачковъ Батюшки Серафима. Молюсь за тебя.

Вспоминаю наши съ тобой разговорные знаки: ¬ - искушение, < - ставить свечку, |,| - через одну и т.д. Помню, какъ мы писали про ереси, которые были на 7-ми Вселенскихъ Соборахъ, про то, какъ мы пробовали молчать и переписывались по бумажке и про другое.

В следующем письме посоветуй, где можно мне тоже основать столпцы. (Исключая ближнюю келью).

Ну, теперь немножко о себе. Во-первых, я недавно стал изучать сербский язык. Вскоре после того, как я сказал об этом моим знакомым, которые через несколько дней должны были отправиться в Сербию, они переслали мне кучу чудесных книжек на сербском языке, сербские четки, несколько журналов и церковный кален-

дарь на этот год, да еще сербско-русский словарь из 54000 слов. Вообще Господь Бог полностью одарил меня Своими щедротами. Если хочешь, будем изучать вместе. Могу написать тебе, если захочешь, сербский алфавит. Сейчас пока напишу тебе «Отче наш» по-сербски, а потом могу и алфавит. (Далее – текст «Отче наш» на сербском языке).

Это транскрипция. Я не стал тебе писать по-сербски, потому что ты все равно кое-где не смог бы прочесть, а вот когда научишься читать, я тебе буду писать прямо по-сербски. Он ведь простой язык, и к тому же очень сходный с русским.

На первой седмице после Пасхи ездил в Гороховецкий монастырь. Немножко отдохнул от мирской суеты.

Ну, вот и все. Жду твоего письма. Приезжай.

С любовию о Господе, твой убогий Арсений».

Недавно матушка Ирина нашла рабочие записи Арсения. «Тетрадь по сербскому языку:

Сто слов о любви (за фразой на сербском языке следует перевод Арсения)

Тело не може ни лубити ни мрзети. Тело не может ни любить, ни ненавидеть. ...Не может тело влюбиться в тело. ...Способность любить принадлежит душе. ...Когда душа влюбится в тело, то нет любви, но стремление, похоть. ...Когда душа влюбится в душу, не через Бога, то это есть – дикость или сожаление. ...Когда же душа полюбит душу через Бога, не обращая внимания на внешность тела (красоту, неприглядность), то это есть (настоящая) любовь. ...Это есть правильная любовь, дочь моя.»

Вспоминает матушка Людмила, ее сын Ваня, друг Арсения, стал свидетелем его кончины: «Иван пришел домой и в таком состоянии, что не может ничего рассказать, только поняла, что-то страшное стряслось: «Что случилось? Арсений в больницу попал?» Начала быстро собираться. Он говорит: «Умер Арсений». И начал рассказывать. Каждый

день после школы они ходили на поле пасти Гусара. Ваня на велосипеде, Арсений на лошади. Доезжали до моста и соревновались: Иван по асфальту объезжал поле, а Арсений – по пашне, кто быстрее, у магазина они встречались.

И в этот раз также поехали. Лошадь сразу же за монастырем понесла, пошла галопом, и Арсений не удержал поводья, со всего размаху лицом, грудью и животом ударился о березу. Ваня затормозил и даже глаза закрыл: «Ой, как сильно он ударился!» Арсений всегда был крепышом, очень терпеливым к боли, а тут не выдержал: «Вот это да, вот это удар!» – и начал растирать голову, грудь, живот. Уже тогда у него, конечно, было сотрясение, наверное, сильно кружилась голова. Лошадь побежала дальше, и он ее догнал. Ваня ехал на велосипеде следом.

У моста решили ее напоить. Арсений спустился к речке, стал поить коня. А тут проезжала машина – с диким шумом, рокотом. Конь вырос в скиту, на приволье, там машин нет. Обычно молодые лошади боятся резких звуков. Конь вздрогнул и побежал. Побежал сначала легко. Арсюша намотал повод на руку и сдерживал его. Ваня на дороге остался. Когда лошадь понесла, тут уже не до спора было, кто быстрее успеет. Ваня встал на дороге столбом, так и стоял, смотрел вслед. Лошадь все ускоряет и ускоряет бег, Арсений бежит за ней стремглав, а потом, как скакун – гигантскими шагами. Вдруг он запнулся. Собака Пулька, увидев, что Арсений упал, начала лаять, чтобы лошадь остановилась. Но она еще быстрее пошла, в галоп перешла. Арсений двумя руками пытался сдержать повод, но у него ничего не получалось. Лошадь начала его мотать и долго волокла по полю. Ваня пытался догнать Арсения на велосипеде, но по кочкам не смог ехать быстро. Он бросил велосипед и побежал бегом. Слышит, Арсений кричит: «Гусар, Гусар, стой! Гусар, Гусар, стой!» Ваня тоже закричал: «Стой! Тпру! Стой! Тпру!» Но лошадь начала заворачивать в кусты, куда они обычно ездили. Сын говорит: «Во мне все сжалось, и я ему кричу мысленно: «Да брось ты поводья, брось ты поводья! Что ты ее держишь?» А сам

ничего сказать не может – внутри все кричит, а выговорить не может. Видит, что лошадь мотает Арсения из стороны в сторону, приподнимает на полметра от земли, как мешок, бьет о землю. Конь скрылся за кустами.

Когда Ваня добежал, то увидел Арсюшу лежащим на земле лицом вниз. Гусар стоял рядом. Арсений уже не был связан с ней поводом, он, видимо, отвязался в полете, когда лошадь его перекидывала. Вся одежда, особенно куртка и рубашка, были изодраны и в крови. Ботинки слетели. Был сорван крестик. Ребята потом ходили искать и нашли его. На теле отпечатались следы ударов копыт – на груди, плечах. Была выбита ключица. С одной стороны мякоть большого пальца, на который был намотан повод – содрана до кости. Когда Иван подошел, Арсений был еще жив. Он лежал на животе. Ваня позвал: «Арсений, Арсений!» Но он не мог ответить, только простонал с тяжким хрипом. Было понятно, что внутри у него все отбито. Ваня осторожно перевернул его. Заметил, что он смотрит в сторону, и помахал рукой перед лицом: видит или нет. У Арсения была разорвана губа, все лицо в крови. Левая сторона лица разбита: лошадь ударила копытом, и остался след. Ваня побежал искать телефон, но в магазине он не работал. Бегом обратно: «Арсений! Арсений!» В ответ опять хрип. Арсений был еще жив, слышал его.

Рядом было поле отца Анатолия. На поле были люди и в первую очередь начали ругать Ивана: «Ты что же не усмотрел, убил друга-то!» Ване сказали: «Уже позвонили, оставайся на дороге и жди «скорую». Но он вернулся. «Скорая» приехала через десять минут. За минуту до прихода врачей Арсений на руках друга издал последний вздох».

У всех присутствующих останутся в памяти эти похороны. Духовная дочь отца Владимира Марина Д. уехала в Дивеево сразу же, как только было получено сообщение по телефону о смерти Арсения. Позже делилась: «На следующее утро мое внимание привлекла большая толпа мальчиков и девочек, которые во весь опор бежали по улице. Оказывается, они спешили к Арсюше. Целый день народ не убывал в храме Рождества Христова. Матушка

Ирина провела здесь, рядом с сыном, последнюю ночь».

Все лицо Арсения было в синяках и запекшейся крови от ссадин и ударов, его прикрывал черный креп. Было невыразимое щемящее впечатление от этой сокровенности лица, как будто покров скрывал не ведомую никому тайну этой недолгой жизни. Одновременно, что-то высокое и торжественное касалось души. Хотелось стоять как можно ближе к гробу, который был так светел, прекрасен, так притягателен. С раннего утра в день отпевания храм был переполнен. Многим пришлось стоять на улице. Благодатная литургия, монастырское отпевание – без сокращений, множество детей, подростков, юношества, десятки из которых переступили порог церкви в первый раз. Арсюша лежал в лазоревом, своем любимом, богородичном стихаре, в котором он последнее время прислуживал в храме, посвященном Царственным страстотерпцам и новомученикам Российским под Дивеево.

Тело мальчика утопало в цветах: тюльпаны, белые, розовые, лиловые, желтые; всех тонов розы: светлые, красные, пурпуровые; сиреневая и белая нежная сирень. Огромные букеты роз всех цветов на полу в вазонах подле гроба. Бесчисленные свечи отражали свое пламя в золотой резьбе подсвечников, иконы, казалось, жили сейчас особенной жизнью. Благоухание ладана, разноцветные ризы священников, взволнованные, особенные лица детей. Это был праздник! Многие плакали, но это был праздник: полуземное-полунебесное торжество. Да и что может быть большим праздником, чем возвращение на любимую родину – в дом Отца Всевышнего и собственного родного отца? И во мне звучали необыкновенные, столь редкие для сегодняшнего мира слова этого ребенка: *«Мама, я не хочу сейчас жить! Я хочу жить в той Руси! Она уже никогда не вернется. Когда был Царь! Та Русь уже никогда не восстановится!.. Я же никогда не изменю, мам! Никогда не изменю Господу! Я же, как хотел монахом, я и стану!.. Я никогда не изменю бывшему»*. Так для Бога дорого изначальное намерение каждой души, даже если под натиском врага она не в силах была его до конца исполнить. Но на это есть покаяние. Молитвы, страдание и жертвы.

Жертвы, живущих на земле и – на Небесах.

Никогда не слышала на отпевании такого слаженного глубокого пения. Пели, облаченные в черные подрясники, юные друзья Арсения, приехавшие из Гороховецкого монастыря, на три-четыре года его постарше. Братский хор...

Опыт жизни напоминал, что дети боятся покойников, но они льнули ко гробу. Как только от него отходил дьякон после очередной ектеньи и каждения, ребята вновь брались руками за края гроба, клали на тело Арсюши свои ручки. Как только кончилось отпевание, толпа подростков плотно обступила гроб, море детских рук легло на небесный стихарь. Дети гладили сияющую голубизну атласной ткани, гладили израненные руки друга, необыкновенно мягкие и, казалось, теплые. Страшно зияла темная открытая рана на правой руке у большого пальца: многократно намотанный на руку, как струна натянутый повод перерезал ее до кости. В кровоподтеках и ссадинах, Арсюшины руки сжимали крест. Слезы непроизвольно хлынули из глаз: «Он вам ответит, – думала я, с лаской глядя на этих детей, ощущая, как каждый из них – дорог Богу, как будто Арсюша и через меня обнимал их всех новой, уже Небесной Любовью. – Он вам ответит на вашу любовь – протянет вам руку из Вышнего Царствия, поможет каждому из вас в безысходную минуту». «Посмотри, – стоявший рядом мужчина наклонился к своему сыну, – у Арсюши лицо закрыто, как у монаха».

Десяткам людей хотелось нести гроб, или хотя бы прикасаться к нему. Многочисленные машины заполонили пространство возле храма. Думала, поедут только они, а людские толпы разойдутся по домам – отдыхать после столь длительного богослужения. Но все было иначе. Машинам всех марок пришлось тихо ехать, приноравливаясь к скорости пешеходов: все несметное количество народа двинулось к далекому кладбищу за окраину Дивеева. (Матушка игуменья просила митрополита Николая дать разрешение похоронить Арсения рядом с отцом. На просьбу последовал отказ). Длинное пространство дороги покрыла бесконечная процессия из детей и взрослых. Десятки машин из Москвы. Московские чада приехали с подростками

и малышами. Удивляла отвага матерей, окруженных несколькими детьми, от мала до велика. Одна «Газель» привезла семью священника с восемью детьми. Все они знали и любили Арсюшу. Быстрый, легкий, отзывчивый – он запечатлелся в памяти и самых младших, бывших здесь наездами. Многие настояли, чтобы их взяли во что бы то ни стало. Я думала: значит, и самая юная душа способна понимать важность прощальной встречи.

Неодолимая сила светло и властно собрала здесь это множество народа. Улавливала в толпе обрывки разговоров: «Какая-то необыкновенная смерть, «старинная» – от лошади. Только в прежнее время случались подобные смерти». Кто-то добавил: «Древних христиан, помните, умерщвляли: привязывали к лошади и пускали ее в галоп... У Трифона мученика подобная кончина».

Окна домов, мимо которых ехали и проходили, были заполнены людьми всех возрастов. На подоконниках в рубашонках стояли едва ставшие на ноги малыши, трех, двух лет и ниже. Поражала глубина серьезности, отпечатленная на лицах самых маленьких. Многих младенцев несли на руках. Кого-то везли в колясках. Признаться, я не видела ничего подобного. Размеры процессии были столь нестандартны, что вызвали волнение милиции. Несколько милицейских машин обеспокоенно появились на обочинах дороги, шоссе им никто не уступил. Убедившись в непоправимости ситуации, милиция скрылась.

Дивной красоты резной крест раскрыл свою сень над Арсюшиной могилой! Его готовили для священника, которому он не понадобился. Матушка Ирина рассказала, что сын видел этот крест после окончания работы над ним. Ничего не было в жизни Арсения дороже символа креста, и он склонился и приложился к нему в мастерской духовного сына отца Владимира Д., который его резал, – за несколько месяцев до своей кончины.

Невыразимые минуты, когда дорогой гроб (вот уж воистину клад, и поэтому – кладбище) медленно опускают в свежевырытую могилу, и первые комья земли мерно ударяются о его крышку: три горсти – «Во имя Отца и Сына и Святаго Духа» или совершая этой землею – там, в глу-

бине – знамение креста. Люди просят стоящих ближе подать им землю с глиняной насыпи. Так медленно все совершается, столько людей, склоняясь над этой судьбой, – заглядывают за черту собственной жизни, жизни своих детей... Последняя лития у Арсюшиного холма из цветов. Никто не расходится, людям трудно оторваться от этого места, хотя после отпевания прошло уже более трех часов, и все на ногах с раннего утра. Мы с подругой поворачиваемся друг ко другу и говорим в унисон слова одной и той же мысли: «Отец Владимир с Арсением смотрят сейчас на нас, радуются тому, что все мы здесь – и мы слышим их радость эту Небесную». Как светло на душе. Как она утешается – слышит любимых, слышит, как молится приблизившееся Небо, как Оно касается каждой присутствующей здесь детской и взрослой души и вслушивается в ее отзыв.

Обширная монастырская трапезная была переполнена пришедшими помянуть Арсюшу. Разнообразие блюд, сладости, фрукты. После стольких часов без отдыха не очень хотелось есть, и все это казалось продолжением духовного торжества: «Христианская трапеза – продолжение Божественной литургии».

Матушка Ирина: «Сон в первую ночь после смерти Арсения приснился инокине Т: «Множество людей в храме Рождества Христова. Все столпились у гроба. Вдруг Арсюша начинает шевелиться, открывает глаза, садится в гробике и такой радостный, радость его просто заливает (она даже мне передалась) и говорит: «Как я счастлив, что меня в подряснике положили! Как папу облачали, как папу», – и гладит свой подрясник и стихарь. «А я, – говорит инокиня, – озираюсь: где же матушка? Матушка Ирина где? Нужно, чтобы она слышала». Но ее нет. Арсений опять укладывается в гроб, складывает руки, смотрит на нас и произносит: «Ну, ничего, вы же ей расскажете».

Сегодня получила письмо от Ани из Твери. Она пишет: *«Вы меня не знаете. Прошу простить мое дерзновенное вторжение к Вам. Знаю Вашу печаль. Скорблю вместе с Вами. Пишу, так как не могу не сказать. Перед смертью сына отец Владимир снился мне. Он весь светил-*

ся. В день кончины Арсения, о которой я, конечно, не знала, батюшка приснился и был глубоко сосредоточенный и грустный. И на мою просьбу: «Останьтесь с нами», - ответил: «Нет. Я теперь домой». Вы понимаете, матушка Ирина, он не оставит Вас, он пошлет вам с Небес помощь, поддержку и Небесное благословение.

Отец Владимир - мой духовный отец. Он извещает меня о всем необходимом и отвечает на мои вопросы. И сейчас эта связь усилилась, наверное, потому, что я заказала по Арсению и отцу Владимиру сорокоусты. Отец Артемий (Владимиров) написал в ответ на мое письмо: «Отца Владимира никто вам не заменит. Он смотрит на вас с Неба и участвует в вашей жизни». Отец Артемий благословил меня остаться духовным чадом отца Владимира. Все, что происходит, так страшно и так дивно. И плод Вашей семьи велик. Два праведника в вечности, покинувшие землю. И сердце Ваше вмещает совершенно противоречивые чувства... Происходит переплетение границ миров, вечного и дольнего. Пережить все это можно, благодаря одной Божьей помощи. Внутренняя гармония, умиротворение достигаются лишь духовной жизнью. Вот, дорогая матушка Ирина, никак не утешаю. Просто не могла умолчать. Бог не оставит Вас. «Никогда не унывайте, даже если весь ад восстал бы на вас и весь мир кипел на вас злобою, веруйте - близ Господь» (слова преп. Варсонофия Оптинского). Да укрепит, дорогая матушка, Вас Господь с Лидочкой.

Земля - приют несовершенства:
Повсюду зрак неполноты.
Душе, взыскующей блаженства,
Опасны здешние сады.

Будьте хранимы святыми молитвами Вашего батюшки. Р. Б. Анна».

Второй сон видела женщина, которая живет недалеко от нас.

В храм она почти не ходит. Рассказала своей воцерковленной сестре: «Представляешь, сегодня вижу сон такой странный. Этот мальчик, наш сосед погибший, лежит в гробу в храме. И я думаю: «Господи, помилуй, зачем его в длинной одежде положили, как девочку, в голубом красивом платье?» Сестра ей поясняет: «Это такая церковная одежда». И все недоумеваю: «Что это такого взрослого мальчишку положили в длинном платье?» А мне голос сверху произносит: «Эту одежду ему приготовил его отец».

За несколько дней до смерти Арсения пятнадцатилетней Д. снится сон. Накануне мальчик подарил ей фотографию папы, и она поставила ее в шкаф. Во сне замечает, что рядом с нею появилась фотография Арсения. Она спрашивает: «Папа, ты принес второй портрет?» – «Это не я». – «Мама, ты это сделала?» – «Нет». Кто же поставил сюда фотографию Арсения? Ну, я не понимаю, зачем рядом: отец Владимир ведь умер, а Арсений живой».

Он приснился ей сразу после смерти и сказал: «Я всех видел, кто у меня был на отпевании. Что вы так плакали? Я ведь только два дня был мертвый, а потом – уже воскрес. У нас тут все живые». «Говорит и такой радостный, – добавила Д. – Выразить нельзя, какая от него радость».

Девочка начала впервые в жизни читать молитвы об усопшем. И ей снится: хриплый голос ужасный ей говорит: «Хватит молиться за него. Все равно он мой будет». А я отвечаю: «Нет. Он в Раю!» – «Ты что, сомневаешься, что я его убил?» Говорю: «Да, не сомневаюсь, что его бесы убили, но он все равно у Господа». – «Если б Бог был всемогущий, Он бы его спас!» И вот так препирался. Всю ночь препирался со мной. И я четко понимаю, что это бес – хриплый отвратительный голос с левой стороны. Как будто нечто мерзкое – поодаль от меня. Папа мне сказал: «Вот ты первый раз в жизни стала читать Псалтирь об Арсении, и тебе такое искушение. Твоя молитва сердечная – противна бесам». Девочка больше всех переживает. С ней полный переворот. Была совсем нецерковная, а теперь все изменилось. И сразу же ей бес начал угрожать: вот как ненавист-

на им молитва от сердца. Сейчас вся семья исповедуется, причащается. Девочка стала читать духовные книги.

В другом сне она спрашивает: «Арсюша, ты хоть скажи, где ты?» – «Сейчас не могу. Вот 40 дней пройдет, тогда я тебе скажу». Удивительная связь.

Другая девочка: «Столько много Арсений мне во сне сказал, но я ничего не запомнила, и только последняя фраза: «Если бы вы могли представить, насколько здесь лучше, чем у вас. Как же тут хорошо!»

Арсений приснился сестре: «Такой Арсюша светлый, чистенький – костюм беленький, рубашка белоснежная, говорит: «Передай мальчишкам (по именам всех друзей назвал), скажи им непременно, чтобы они помылись в бане. Обязательно – чтоб в бане помылись. Я уже вымылся».

Регент Гороховецкого монастыря отец Савва ездит на инвалидной коляске, он без ног. Арсений, когда пел у них, всегда после службы сопровождал его колясочку, любил его возить, ухаживал за ним, глубоким инвалидом. И отец Савва его любил, они разучивали вместе песнопения разных монастырей, всевозможные напевы: Киевский, Валаамский, Почаевский, знаменный. Отец Савва ему говорил: «Арсюша, у тебя такие дары, тебе надо учиться. А потом к нам в монастырь придешь». Он очень мальчиком дорожил, смерть его переживал. На отпевании не был. И именно его Арсюша утешил. Снится регенту, что мальчик идет на клирос к ним петь. Отец Савва: «Арсений, ты же умер?!» А он – так радостно: «Да я просто ушибся, я петь пришел». И поет с ними.

Близкий знакомый семьи, иеромонах В.: «Приехал Арсения отпевать, а сам такой измученный. Смотрю, отцы бодро служат, а я едва стою, жуткая слабость. Кто бы знал, что я еле-еле на ногах стою, так плохо себя чувствую. И внутренне помолился: «Арсюша, ты видишь меня насквозь, тебе теперь все открыто. Ну почему я так болею, все время будто на последнем издыхании?» – так мысленно с ним разговариваю. И вдруг ответная мысль: «Слишком много подвигов на себя взял».

В одном сне про брата Лида присутствует при Арсюши-

ной молитве. Он поет «Богородицу» нескольким монахиням. Начинает необыкновенно красивым высоким тембром. Голос непередаваемой красоты, берет очень высокие ноты. Валаамский напев с поворотами мелодии, Лидочка уловила и греческие оттенки. Поет очень долго, но невозможно наслушаться, она даже оглядывается – не подпевает ли ему кто-нибудь. «Вот это да, никогда так не умел», – не верит сама себе. В этом же сне они бегут, взявшись за руки, уже далеко от стен прекрасного монастыря, в котором они только что были. И вдруг какие-то торговые ряды, лавки. И Лида начинает их рассматривать. Арсюша: «Ну что ты все на тряпки смотришь?» Бежим дальше. Вдруг он приостанавливается и говорит: «Я тебя очень прошу: только не будь ты шмоточницей, шмоточницей не будь». – «А ты оставайся всегда таким веселым, каким был». Просыпается и говорит маме: «Чувствую теплую руку Арсюши в своей руке». Лида добавила: «Это он всем нам, девчонкам, сказал. Может быть, и кому-то из взрослых».

Еще один сон Д.: «Отец Владимир с Арсением подходят к матушке Ирине, маме, папе и ко мне, говорят: «Пойдемте с нами». Но вы все остаетесь. Только Арсений: «Ну, мы с ней вместе пойдем», – берет меня за руку, и мы направляемся к реке. На берегу лодка, необходимо переплыть на другой берег. Но добираться к лодке невероятно тяжело. Очень страшно и больно идти. Жуткие змеи, колючки, угли горящие – и все впивается. Нестерпимо, не знаешь, куда ступить. Страшно болят ноги: «Невозможно пройти, я дальше не могу!» Он пошел один. Потом вернулся, взял меня за руку, и снова пошли вместе. И как только вступили в лодку, сразу все закончилось. Боль прошла, как и не было. Переплыли на другую сторону. А там неописуемая красота: звери и пальмы, настоящие павлины. И даже львы!» (Волею случая, присутствовала при этом рассказе. На худеньком красивом лице девочки при последних словах изобразился сияющий детский восторг). Опять вижу отца Владимира, и он: «Видите, дети уже прошли. И вам всем то же предстоит». Батюшка в удивительно светлых одеждах.

В монашеском, но весь сияющий».

На сороковой день Д. видит Арсения: «Стоит в белой одежде. Весь светится: «Вот я и пришел. Я же тебе обещал, что на сороковой день все тебе скажу. Я спасся. И если будут тебя смущать, говорить, что я погиб – не верь никому. Всякое обо мне услышишь. Будут тебя искушать. Все равно не верь. (И вспомнила, как меня бес уже искушал). И вы ведь за меня как молились. И сколько людей молилось. Я – в Царстве Небесном». Говорю: «Слушай, тут один мальчик рассказал, ему обо мне приснилось, будто бы меня лошадь понесла и тоже убила». А он на меня посмотрел пристально: «Исправляйся! Исправляйся!»

На сороковой день Арсения пришли помянуть толпы подростков и взрослых. К вечеру мы зашли в его келью, человек восемь, в основном ребята. Все говорили вполголоса. Смеркалось. Тихо сияли две лампады. Было то редкое состояние, когда люди смотрят на иконы, понимая, что святые смотрят на них. Вдруг один мальчик, лет десяти, снял с полочки небольшой образ Спасителя. «Смотрите!» – и протянул его матушке Ирине. Все головы склонились над маленькой бумажной иконой Нерукотворного Спаса – сверху донизу покрытой потоками, росой мироточения. «Раньше этого не было», – сказала матушка. Все безмолвно несколько минут внимали тому, что хочет нам сказать хозяин этой кельи. Когда она опустела, я поднесла репродукцию Спаса со старинного образа – к окну Арсения, последнему сумеречному свету. Темнело на глазах. Осторожно приложилась к краю святыни, машинально заглянула на ее обратную сторону. И прочла: «Молитва Оптинских Старцев о неприятии печати антихриста» (молитва, которую постоянно распространял отец Владимир последние годы своей жизни).

«Господи Иисусе Христе Сыне Божий, сохрани нас от обольщения близ грядущего богомерзкого антихриста и избави от всех козней его и укрой нас и вся православные христианы от коварных сетей его в сокровенной пустыне Твоего спасения и не дай нам, Господи, убояться страха диавольского паче страха Божия и не отступить от Тебя и от Святой Церкви Твоей. Но даждь, Господи, лучше пострадать и умереть за имя

Твое Святое и веру православную, но не отречься от Тебя и не принять печати проклятого антихриста и не поклониться ему. Даждь нам, Господи, день и ночь плач и слезы о грехах наших и пощади нас, Господи, в день Страшного Суда Твоего. Аминь».

Как хочу такую икону, подумала я. И на следующий день получила ее в подарок от матушки, стоящей у подсвечника Божией Матери «Умиление» в Троицком соборе. Прохожу мимо и слышу: «Что-то хочу тебе дать», – и приняла из ее рук Нерукотворного Спаса с такой же молитвой. Спасибо, Арсюша.

Как быстро летит предсказанное апостолом Иоанном последнее время. Уже минуло полгода Арсению. Все стремительнее, вскачь, сменяют друг друга события. Люди торопятся, не прикладывая труда заметить, вглядеться друг в друга. Яркий мальчик, с живыми глазами, стремительный, веселый, остроумный, не дававший спуска драчунам – любимец мальчишеского общества... Недавно приехавшие в Дивеево телевизионщики разговаривали с друзьями умершего: «Какие противоречивые свидетельства об Арсении: кто-то называет его хулиганом». Ответ заставил их задуматься: «Да разве в наше время можно быть – самим собой?! Естественно, он скрывался», – произнес Ваня, бывший свидетелем смерти Арсения. Кто-то добавил: «Каждый понимает другого в меру своей испорченности».

Думаю об этом неординарном ребенке, склоняюсь перед подвигом невзрослой жизни. Нам оставлены на память Арсюшины детские фразы: *«Сильный ветер гнет деревья, летят листья и – одна птица. Она сопротивляется, борется с ветром...»*

Кажется, все восстает против нее, но где-то впереди Свет. К Нему нужно прорваться... Эта недлинная жизнь вместила все: духовные взлеты и поражения. Узнала периоды, когда Небо слышит, чудесно помогает – и Богооставленность. Нелегким путем получила духовное прозрение: осознание своей падшести, неисцельности греховных ран собственными силами. Дал бы Бог каждому из нас так бороться с собой, как боролся этот мальчик, так противосто-

ять страшному душетленному ветру русской Апостасии. Сегодня это уже вихрь, напрягающий силы, чтобы смести в преисподнюю несосчитанное число новых душ. И завтра это будет смерч, готовый погубить и избранных. Душа Арсения знала Свет, и поэтому Бог дал ей, молитвами отца Владимира, – приобщиться Ему, обрести вечность. Не смею рассуждать о том, какая часть мученической кончины Арсения была расплатой за его юношеские срывы. Кто подобное миновал?! Уверена, что эти страдания были даны для того, чтобы получить ему дерзновение в молитве. Знакомый батюшки, протоиерей Борис заметил: «Все это труды, все это – продолжение жизни отца Владимира».

Наталья Григорьевна: «И для нас, взрослых, и для детей Арсюша явился вразумлением. Уроком, примером, светлой памятью. Эта смерть потрясла. И детей. Ведь многие подростки задумались, и, может быть, через эту жертву кто-то обретет Бога. Посмотрите, отец пожертвовал собой – для всех нас. Дальше ниточка – Арсюша. Скольких это потрясло, и, может быть, многие дети одумаются. Опомнятся, начнут молиться, причащаться. От этого легче, потому что это не какое-то растительное существование. Это – возвращение домой.

Нередко независимое поведение было его защитой. Тонкие души, чтобы отвлечь внимание от себя – могут быть иногда даже дерзкими. Они повышенно реагируют на этот мир, погрязший во зле. Им не надо почестей. В толпе они будут вести себя заурядно, в душе совершенно другое. Ибо сказано: «Не мечите бисер... Не упоминайте имя Божие всуе». Все настоящее – прячется. И в природе самоцветы под спудом. Он жил в этом мире. Он не поминал имя Божие напрасно. Как порой старцы, оказавшись в селении, в отсутствие другой еды ели мясо, а, вернувшись в келью, усугубляли пост. Он чувствовал, где и как себя вести. Понимал время и обстановку – где, что уместно сказать. Как у апостола Павла: «С эллинами я был эллином, с язычниками – язычником...»

«В нашей хаотической современности один идол все неодолимее навязывает себя, как единственного бога, все

безжалостнее мучит своих поклонников. Это божество – дух времени. Перед ним день и ночь бьют поклоны измученные люди и приносят ему в жертву свою совесть, свои души, свои жизни и свои сердца... В нем человечество обоготворило все болезни свои, все грехи свои, все пороки и преступления свои».* Благодарим Бога за еще одну спасенную Им душу в этом «людоедском мире нынешних дней», где погибают от наркомании, пьянства, растления жертвы духовной дезориентации – бесчисленные, в том числе и юные, души, бесконечно драгоценные Богу.

Склоняюсь на снежный холмик Арсюшиной могилы, прикладываюсь к маленьким иконам на кресте: Господь, несущий на Голгофу Свой Крест, Цесаревич Алексий, Дивеевский монастырь, Царская Семья. «Какое редкое изображение Христа, изнемогающего под ношей Креста». – «Да, это любимый Арсюшин образ, – ответила матушка Ирина, – он с раннего возраста клал его на аналой, когда молился».

Зашла в Арсюшину келью в момент, когда Лидочка рассказывала духовным чадам отца Владимира, послушникам Зосимовой пустыни, о последней весточке от Арсения. Он приснился Д. и сказал: «Пожалуйста, отдай листик, с каплями моей крови, что ты сорвала рядом с местом моей смерти, маме. Он должен быть у нас дома». «И Д. принесла нам этот листик, – добавила Лидочка, – о котором никто, кроме нее, не знал. И мы его храним, потому что мученическая кровь – это святыня».

Матушка Ирина: «Однажды Арсюша подошел ко мне: «Послушай, как русская игумения пишет». *Раскрыл православную газету «Ковчег»: «Вспомним, как крестил святой Князь Владимир русский народ: вначале сам уверовал, оставил разгульную жизнь и своих бесчисленных наложниц, целый гарем, – стал ревнителем духовно-нравственной жизни по заповедям Божиим, а потом всему русскому народу объявил: «Кто не со мной, тот мне не друг». Ему тогда было 25 лет, и какое чудо произошло! Старцы,*

* Преподобный Иустин (Попович). Прогресс в мельнице смерти. О духе времени, 2001

убеленные сединами, оставив свое идолобесие, пошли обмываться от грехов в струях Днепра. Весь народ ликовал вместе с Ангелами! Возвеличил русский народ Бога!!!

И Бог, полюбив его, возвеличил перед всеми другими народами...

Как хочется хорошо это вспомнить! И не называться «арестантами» в своей стране, Православном Отечестве, на земле, которую наши предки завещали нам, обагрив ее своею мученическою кровью, освятив ее своими святыми мощами, обустроив и украсив ее храмами. Хочется молиться, думать, верить и за это умирать. Чтобы на сердце написалось: МЫ – В РОССИИ, и МЫ – РУССКИЕ. Оживить это в самых ярких, действительных красках – кем мы были?! Народом, который в своей вере, в своей преданности Богу, в своей любви к Его Пренепорочной Матери, в своем восхищении и следовании за святыми стоял – впереди всех народов: НАРОД – БОГОНОСЕЦ! Мы отступили от Бога, но Он от нас не отступил... И мы хотим вернуться к своему предназначению!

Вот за что теперь предстоит борьба. За национальное Русское ПРАВОСЛАВНОЕ – самосознание! Человек – это образ и подобие Божие, и создан свободным. Бог дал эту свободу из ЛЮБВИ к нам, чтобы мы любили Его, будучи свободными, а не принужденно. Это смысл человеческой жизни. ДУХОВНЫЙ СМЫСЛ. Так думает русский человек, и всякий православный. ПРАВОСЛАВНЫЙ это одинаково – РУССКИЙ. Поэтому даже люди иных национальностей, принявшие Православную веру, говорят о себе: «Я русский»: значит, свободный, свободно исповедающий свою веру, свою любовь к Творцу. Лишиться этой свободы и веры ради чего-то другого, ради временных благ, почестей или каких-то душевных удовольствий ПРАВОСЛАВНЫЙ человек никогда не согласится. Да и обман все это, то есть слова о благах. Просто этими обещаниями сатана хочет обмануть привязанных к земному людей, чтобы окончательно пленить их и потом мучить вечно».

По-новому ложатся на сердце дорогие строки Ивана Шмелева, столь любимые Арсением:

«Я не собираюсь учить любви к Родине... Думаю о том, как приблизить Родину и сделать ее своей и светлой.

Что значит – **найти Родину**? *Прежде всего: душу ее почувствовать... Не землю только, не символ, не флаг, не строй... Что же* р о д н о е *в ней? Все, что заставляет трепетать сердце, что переплеснулось в душу, как через один взгляд неожиданный – вдруг перельется из родных глаз бездонное, неназываемое... без чего –* н е л ь з я. *Ей шепчут в ночи признания. Ее в снах видят. Она смотрится в душу* р о д н ы м *небом, солнцем и непогодами. Она говорит нам родной речью – душою слов, своими далями и путями... Вяжет с собою могилами... Вливается в сердце образами Великих, раскидывается в летописях и храмах, в куполах... Чуется вся в свершенном, зовет-увлекает далями. В путеводных огнях-маяках* в и д и т с я н а м Д у х - в о д и т е л ь – Б о г е е!

...Есть многие души российские, которые знают сердцем. Они Бога в душе несут, душу России хранят в себе. Они за нее боролись безотчетно, отдавали себя в порыве. Они правду России чают. Из них первые – горячая молодежь наша... Они вернут России ее имя-душу!.. Они знают и чутко верят, что нужно Величайшее положить в основу – Слово Животворящее, Слово Бога. **Будить и поднимать души, звать к подвигу.**

«Да отвержется себе и возьмет крест свой и по Мне грядет!»

Грядем, Господи! Мы берем Крест, и мы понесем Его! И жизнь освятим Крестом! Души свои отдадим на Крест! Умеющие слушать, да прислушаются к душе России! Она им скажет пути свои, пути Божие, пути прямые... Душу свою выковать для этих путей надо!..»

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

«И человеческое добро, и человеческое зло на земле суть введение и приготовление для человека к вечной жизни либо в царстве вечного Божиего добра – в Раю, либо в царстве вечного диавольского зла в аду.

***Рай не что иное, как осуществленное Евангелие, пережитое-прочувствованное Евангелие. Более того, Рай – это прочувствованный человеком Господь Иисус Христос в полноте Его Богочеловеческой личности.** А Христос живет в человеке посредством Своих Богочеловеческих добродетелей. Они постепенно проникают в душу и неотступно выталкивают из нее грех, зло, смерть и диавола, а власть передают добру, Любви, истине, бессмертию и Богу».**

Отец Владимир учил нас, что нет иного пути к Богу, кроме пути Покаяния.

Дивеево – покровом святых молитв Божией Матери, велией мольбой Преподобного Серафима, всех известных и непрославленных святых этой Небесной земли – Четвертого удела Пренепорочной Матери – стало тем местом, где устоявшаяся за век атеизма трясина русской жизни всколыхнулась, задвигалась, и люди, не веря себе, опамятовались, пробуждаясь к жизни в Боге. Одним из тех, через кого здесь наши святые творили чудеса – был отец Владимир. Бесконечно любящий святых, он стал их прилежным учеником и подражателем. Недаром в народе отца Владимира именовали «служкой Серафимовым».

Батюшка был, как говорится, «не для всех». Для людей поверхностных, ищущих в Церкви, в лучшем случае, облегчения своих бытовых ситуаций – батюшка остался «за запертыми дверями», хотя многим помог и в обыденных нуждах.

---

* Преподобный Иустин (Попович). О рае русской души. Лучи Софии. Минск, 2001

Отец Владимир щедро дарил себя без остатка и тем, кто, хотя бы подспудно, ощущал, что далек от начала пути к горнему, и тем, кто уже ступил на тропу, ведущую в Жизнь Вечную. Игумения Арсения*, будучи послушницей и разговаривая со своей духовной матерью, схимонахиней Ардалионой, о пути спасения, часто спрашивала ее: «Где я?» – *«Матушка всегда отвечала, что меня нет нигде, потому что во мне еще нет ничего, что служит залогом спасения, нет даже сознания погибели, которое заставляет искать истинного спасения»*. Смею думать, что отец Владимир отличался именно этой особенностью: видением грехов своих – в той мере, когда человек приближается к прояснению понятий «вечной смерти» и «вечной жизни». Именно поэтому он бросался на помощь нуждающимся так, как торопятся спасать утопающих.

Вспоминая своего духовного отца, старца Иосифа, отец Владимир приводит его (и свои) слова: *«Жить надо так, чтобы Господь услышал, как ты кричишь и плачешь во грехах своих»*. Заблуждаются те, кто думают, что для такой степени покаяния нужно совершить особенные падения. Святоотеческая мысль освещает нам этот вопрос: созерцание в себе страстей и грехов подобно «гадам, им же несть числа» открывается в сердце по мере самоотвержения и смирения; за ними приходит осознание не просто своей греховности (прокаженной приверженности ко греху), но полной своей неспособности к исправлению, то есть бездонной духовной немощи и нищеты. Затем восчувствование ее в себе, сокрушение и страх. Нужно, чтобы открылись духовные очи, чтобы зрение своей греховности стало не принужденным, а естественным состоянием души. При этом становится естественным и непреложным постоянный вопль о помиловании (своем и чужом). Эта-то степень познания себя рождает не известное, не понятное миру страдание о другом, как о себе самом (плач о душе

---

* Жизнеописание игумении Арсении – настоятельницы Усть-Медведицкого Преображенского монастыря области Войска Донского. Письма к П.А Брянчанинову и другим лицам. Издательство Свято-Троицкой Сергиевой Лавры. Москва, 1988, стр. 144, 145

чужой, как о бесконечно родной, или своей собственной). Это великий дар благодати Божией. Потому что видеть себя таким, каков ты есть на самом деле, можно только вдвоем с Богом. Но так близко Он приближается только к душе смирившейся не воображательно, а действительно. Редкий сошел в собственный ад. Так как человек чаще всего не хочет ни осознать, ни углубить восприятие степени своей падшести, которая одна смиряет на самом деле. Но лишь постигший и оплакавший себя имеет силы взять другого за руку и вместе с ним спускаться в его преисподнюю. И падать ниц перед Богом и кричать о чужом помиловании, доколе не услышит.

Один раб Божий заметил, что отец Владимир был человеком, который «сбивал цену» на самого себя. Он был столь прост, безыскусен, столь доступен, первым просил прощения, подставлял плечи под чужое, самое тяжелое, немедленно включался в те ситуации, от которых другие отшатывались. В общем, вел себя, как человек, не имеющий о себе не только высокого, но вообще никакого мнения. Что слишком неординарно. Правда, мы все читали, что должно считать себя худшим и низшим всех – «рабом неключимым» (все слышали об этом на проповеди), но нечасто можно увидеть людей, которые реально себя так ощущают.

Были и остаются те, кто воспринимали батюшку поверхностно: «Вот, де мол, такой простец: пошутит – и отскочит хандра, попросишь помолиться – и ощутительно легче». Люди, которые так и не узнали, рядом с кем они прошли. Батюшка прятал от праздно любопытных свое подлинное лицо. Может быть, и не всем, считающим себя приближенными, – оно открывалось. Перебивая сонм солнечных воспоминаний, на фоне лучезарных батюшкиных улыбок – передо мной незабываемое, истинное лицо батюшки. Исполненное той глубины, на которой мы не бывали. Той красоты и кротости молящегося плачущего сердца, которое подражает Состраданию Самого Христа. И в последнем грешнике Господь, при первом намеке на покаяние, с болью неизреченною видит «впавшего в разбойники». Молитвами подобных людей, способных воспринять

этот уровень милосердия, Бог продолжает терпеть и щадить Россию. Все печальники земли нашей, исходящие слезами по ночам перед Распятием и Царской иконой – неизъяснимо похожи на тот портрет святости, который непроявленно носит в себе (печатью дара Духа Святаго) каждый. И потому, заметив этот неземной отблеск на лице другого, душа тянется к нему в неосознанной жажде подражания, чтобы выявить подобное – в своей глубине. Этот свет открывается во всей непередаваемой, щемящей красоте в ликах праведников и подвижников всех веков.

Дивеевский схимник И. свидетельствовал (не ведая о батюшкиной кончине в Москве), что отец Владимир преставился, и он видел, как его душу встретил сонм мучеников. «Батюшка принят на Небесах, как священномученик». Явно, что он заслужил этот дар не только страданиями своей предсмертной болезни. Все, получившие мученический венец – были подготовлены к нему неведомыми миру внутренними скорбями (во-первых, дарованными Богом, потом – самопроизвольными, принятыми на себя добровольно, ношами с чужих плеч).

Меня поражала любовь батюшки к Государю. Кроме многих глубоких ее причин, это, безусловно, было поклонение величайшему крестоношению Царя, соединившему в себе несметное число крестов русского народа. Подняв на свои плечи это непомерное бремя, Государь следовал по стопам своего Спасителя до конца. Любовь батюшки к людям явно, и чаще – незримо, была принесением себя в жертву. Духовные дети одного известного мне старца-архимандрита, когда он заболевает, с сокрушением произносят: «Болеет за наши грехи». Все, знавшие отца Владимира, понимали, что он готов был принять любую тяготу другой души – на себя. И когда он заболел, мы ощутили: за наши падения!

Святые отцы говорят, что увидеть свои грехи на самом деле – посильно редкому. Отец Владимир был из тех, кому было открыто это зрение. Своим восприятием он помогал людям *разглядеть себя воочию, ужаснуться* – ***покаяться***. Многие были свидетелями того, как батюшка посредине исповеди возвышал голос: «А теперь покаемся

перед нашим Государем». Падал на колени и начинал перечислять смертельные наши вины перед Царем – по длинному списку. Обливался слезами сам. Навзрыд плакали люди... «Нам очень нужны такие священники», – общее мнение. Но как нам их недостает...

«Проповедь всемирного покаяния», обещанная Батюшкой Серафимом при конце времен, осуществляется им и через верных учеников своих, по сей день – через отца Владимира. *«И на сие великое чудо (проповеди) соберутся в Дивеево люди со всех концов земли. И там, проповедуя всемирное покаяние, я открою четверо мощей... Но тогда уж и настанет конец всему», – Преподобный говорил, что на весь мир просветится свет «сего дива истории, сего Четвертого жребия вселенского Божией Матери, нового света Афонской женской Дивеевской Горы: сего места спасения всего мира во времена антихриста»*. «Во дни той великой скорби, о коей сказано, что не спаслась бы никакая плоть, если бы, избранных ради, не сократились оные дни, в те дни остатку верных предстоит испытать на себе нечто подобное тому, что было испытано некогда Самим Господом, когда Он, на Кресте вися, будучи совершенным Богом и совершенным человеком, почувствовал Себя Своим Божеством настолько оставленным, что возопил к Нему: «Боже мой! Боже мой! Для чего Ты Меня оставил?» Подобное же оставление человечества благодатью Божией должны испытать на себе и последние христиане, но только лишь на самое краткое время, по миновании которого не умедлит вслед явиться Господь во всей Славе Своей и все Святые Ангелы с Ним. И тогда свершится во всей полноте все от века предопределенное в Предвечном Совете»**.*

В России были известны многие пророки, предвидевшие приход революции как результат неверия, обмирщения и чисто внешнего исполнения обрядов, лишенного горячей и самопожертвованной веры, которую требует

---

* Преподобный Серафим Саровский. О грядущих судьбах России и Великая Дивеевская тайна. Московский литератор. 21.09.1990

** Беседы Преподобного Серафима о цели христианской жизни. Братство блаженного Германа. Сан-Франциско, 1968, стр.82

Православие. Наблюдая отсутствие истинной веры у многих людей, епископ Феофан Затворник воскликнул: *«Через сто лет что останется от нашего Православия?»*

О будущем России пророчествовали старцы Иоанн Кронштадтский, Анатолий Оптинский, Алексий Зосимовский, Варнава Гефсиманский, Аристоклий Московский и другие.

В 1930 году архиепископ Феофан Полтавский суммировал пророчества: *«Вы меня спрашиваете о ближайшем будущем и о последних временах. Я не говорю об этом от себя, но то, что мне было открыто Старцами. Приход антихриста приближается и уже очень близок. Время, разделяющее нас от его пришествия, можно измерить, самое большее, десятилетиями. Но перед его приходом Россия должна возродиться, хотя и на короткий срок. И Царь там будет, избранный самим Господом. И будет он человеком горячей веры, глубокого ума и железной воли. Это то, что о нем было нам открыто. И мы будем ждать исполнения этого откровения. Судя по многим знамениям, оно приближается; разве что из-за грехов наших Господь отменит его и изменит Свое обещанное. Согласно свидетельству Слова Божия, и это может случиться тоже»**.

«Все будущее зависит от нас: если мы возродимся к истинной православной жизни – Святая Русь будет восстановлена. Если нет – Господь может изъять Свои обещания».

Жизнь отца Владимира – *призыв народа русского к истинному покаянию перед Царем и Богом, которое так и не осуществилось* в той мере, которой от нас ждет Господь. Как не произошло и должного прославления Царя. Именно поэтому страшное бедствие неотвратимо надвигается на нас. Жизнь отца Владимира – луч Божьего Света, который очищал, просвещал, дарил душе Пасху. Но сквозь этот сияющий поток, ежедневные: «Христос Воскресе!» (которые были не словесной формулой, а самой Пасхальной жизнью) – прикровенно присутствовало служение батюшки Страстям Господа. И сегодня – Распятие Бога – длится: *«кровь льется – потоком, потоком, потоком...»* – так ощущал очень близкий по духу отцу

* Православный мир. 1969 г., 5, стр.184.

Владимиру и высоко им чтимый архимандрит Тихон Агриков, великий старец нашего времени († 15.11.2000)*. Пасха всех священнических лет отца Владимира была реальностью, потому что неложным было его предстояние Кресту Живого Христа, завершившееся собственным мученичеством. И если мы хотим приобщиться Пасхе вечной, мы должны знать, что иной цены за ее обретение – нет (и для нас тоже – не будет).

Так любить каждого человека, как это было даровано отцу Владимиру, в том числе больного, прокаженного от грехов, одержимого, можно только из великого плача сердца перед страшными, смертными страданиями за нас – Господа. Стремление облегчить, принять на себя боль другого – это жажда соучастия (в меру слабых человеческих сил) в Его крестных муках. Это – жажда мученичества за Христа, которая, по определению святых отцов, есть большее, чего может достигнуть человеческая душа на земле. Но на самом деле, как нелегко человеку претерпевать страдания, даже обычные наши болезни. Но не будем забывать, что хотя Христос и *распят в немощи, но жив силою Божиею; и мы также, хотя немощны в Нем, но будем живы с Ним силою Божиею* (2 Кор. 13, 4). Недаром отец Владимир говорил: *«Христиане последних времен должны прийти в духовное устроение первых христианских мучеников»*.

«Все наши предчувствия окончательной победы добра – это обетования Божии, записанные в сердцах наших. Сколь бы ни ослаблялись и ни блекли письмена эти, вследствие наших грехов, их можно ясно воспринять:

Правда победит неправду.
Жизнь восторжествует над смертью.
Радость поглотит печаль.
Свет разгонит тьму.

---

* Подобное восприятие есть достояние святости и сугубо было присуще русским святым всех времен. И сегодня подтверждено кровавым мироточением нескольких икон Спасителя (наиболее известное – в с. Державино, с 1999 г. – т.е. с начала активного присвоения ИНН в России). Кроме этого, кровоточат: образ Божией Матери «Умягчение злых сердец»; иконы Царственных мучеников, Казанской Божией Матери, блаженной Ксении, святой праведной Матроны в Клину и другие.

Любовь создаст свое Царство,
в котором для ненависти и злобы не будет места...
Христос Воскрес – это значит: воистину существует Бог.
Христос Воскрес – это значит: воистину существует
мир Небесный, мир реальный и бессмертный.
Христос Воскрес – это значит: Жизнь сильнее смерти.
Христос Воскрес – это значит: зло слабее Добра.
Христос Воскрес – это значит:
все Благие упования человечества оправданы.
Христос Воскрес – это значит:
все проблемы жизни положительно разрешены.
Все проблемы жизни разрешены,
главные и мучительные загадки разгаданы,
цепи тьмы и скорби разорваны, ибо – Христос Воскрес!»

(Святитель Николай Сербский)

Для меня отец Владимир – святой последних времен, который не бросит, не оставит в голод и холод, в болезни и пытке; в худшую, самую непосильную минуту – поддержит и защитит просящего его святой помощи. Будем подражать, в меру своих ничтожных сил, примеру жизни батюшки, исполняя его завет: *«Проси у Господа Любви к Нему и ко всем людям»*. Ибо просящему будет дано и стучащему – отворят. Священномучениче Владимире Дивеевский, моли Бога о нас! Да не погибнем. Как ты сказал нам: «Одного Бога бойтесь. Другого не страшитесь. Бог верных Своих подкрепит: и в воде не утонем, и в огне не сгорим».

Блаженной памяти старец Паисий Святогорец сказал: «Духовный человек – весь сплошная боль,– ему больно за то, что происходит, ему больно за людей. Но за эту боль ему воздастся Божественным Утешением. Он чувствует боль, но чувствует в себе и Божественное Утешение, потому что Бог из Рая бросает в его душу благословения, и человек радуется от Божественной Любви. Вот что такое Радость, духовная Радость – невыразимая и заливающая сердце...»

Христос Воскресе, батюшка! И слышим в ответ:
«ВОИСТИНУ ВОСКРЕСЕ ХРИСТОС!!!»

От духовных детей
пятой годовщине иеромонаха Владимира

Содержание:

ООО «Издательская группа «Фавор XXI»
Подписано в печать 25.08.2005. Формат 60x90 / 16.
Печать офсетная. Тираж 6000 экз. Заказ 7848.
Адрес: 121357, г. Москва, ул. Ватутина, д. 18
Тел.: +7(095)445-26-59
Отпечатано в ОАО "Тверской полиграфический комбинат"
170024, г. Тверь, пр-т Ленина, 5
Тел.: +7(0822) 44-42-15; 44-43-60
Факс: +7(0822)44-98-42

Могила иеромонаха Владимира в Дивеево